

Администрация муниципального образования город Краснодар
Кубанский государственный университет
Кубанский государственный технологический университет
Краснодарская краевая общественная организация
«Центр народов Кубани»

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы X Международной
научно-практической конференции

В рамках реализации подпрограммы «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика терроризма и экстремизма» муниципальной программы муниципального образования город Краснодар «Развитие гражданского общества»

Краснодар, 5 декабря 2024 года

Краснодар
2024

УДК 323.1
ББК 66.094
Э 913

Редакционная коллегия:

Т.А. Хагуров, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева,
А.С. Евтушенко, Н.Е. Хагурова

Э 913 Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы X Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – 548 с. – 500 экз.

ISBN 9785605316015

В настоящий сборник материалов международной научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений» вошли статьи, посвященные проблемам межэтнических, социальных, политических и демографических отношений в полиэтничном обществе, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. Рассматривается практический опыт регулирования этих процессов в регионах России и зарубежных странах.

Адресуется социологам, политологам, историкам, этнологам, а также всем интересующимся вопросами межнациональных и межкультурных отношений в современном мире.

УДК 323.1
ББК 66.094

ISBN 9785605316015

© 2024 ФГБОУ ВО «КубГУ»
© 2024 ФГБОУ ВО «КубГТУ»

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Межнациональные отношения и опыт их регулирования в России и за рубежом	8
<i>Кумпан В.А.</i> Этнополитические и этноконфессиональные конфликты: теория и практики подготовки специалистов по урегулированию	8
<i>Николаева Л.В.</i> Межнациональные отношения и опыт их урегулирования в Республике Беларусь	14
<i>Семенова О.В.</i> Историческая культура народов Северного Кавказа и ее роль в формировании российской нации	21
<i>Карева А.В.</i> Роль традиций, традиционных ценностей в эволюции отечественной государственности, формировании российского народа	25
<i>Евстратов А.Г.</i> Русская община Нагорного Карабаха в свете армяно-азербайджанского конфликта и концепции русского мира	35
<i>Пушкин И.А.</i> Структуры, реализующие политику этнокультурного разнообразия в Республике Беларусь	48
<i>Самаркина И.В.</i> Образ будущего молодежи новых территорий: личные траектории в контексте представлений о будущем своей страны	56
<i>Якуш Н.М.</i> Идейные основы и законодательное регулирование межнациональных отношений в Республике Беларусь	62
<i>Савва Е.В.</i> Патриотизм и его динамика как объекты научного исследования	69
<i>Мажаренко С.В.</i> Особенности гражданско-патриотического воспитания дошкольников в поликультурной среде	76
Раздел II. Проблемы этнической идентичности: теория и практика	83
<i>Баранов А.В.</i> Изменения этнической идентичности в российском Крыму по итогам переписей населения и анкетных опросов	83
<i>Дабаков В.В.</i> Роль национальных объединений в сохранении этнокультурной идентичности (на примере удинской общины юга России)	91
<i>Медведев М.М., Сергеев А.А.</i> Националистическая идеология как угроза казачьей идентичности	97
<i>Жаде З.А., Гвашева Б.З.</i> Северокавказский макрорегион в конфигурации пространственно-территориальных идентичностей	105

<i>Донюшкин К.Д.</i> К вопросу о формировании общеевропейской идентичности в современной Европе	112
<i>Камара И.</i> Роль стажировки в формировании профессиональной идентичности студентов-социологов в Мали	119
<i>Супряга С.В., Котова А.В.</i> Формирование региональной идентичности подрастающего поколения в ходе краеведческой работы (проект «расскажу тебе о Курске: на пути к тысячелетию»)	133
<i>Шакер Я.</i> Этапы формирования адыгской идентичности	142
<i>Юрченко И.В., Юрченко В.М.</i> Общероссийская идентичность и ресоциализация новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ	147
<i>Шевченко М.Е.</i> Гражданская идентичность молодежи в новых регионах России: состояние и барьеры формирования	152
Раздел III. Национальная политика: исторический опыт и современные тенденции	159
<i>Казак О.Г.</i> Анализ требований активистов западнополесского этнополитического движения в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.)	159
<i>Марней Л.П., Носов Б.В.</i> Инонациональное господство и проблема целостности национального хозяйства (исторический аспект). На примере России и Польши в первой трети XIX в.	166
<i>Красовицкая Т.Ю.</i> Северокавказские элиты в дискурсе памяти раннесталинского политического федерализма. 1917 – нач. 1930-х гг.	174
<i>Коледа И.В.</i> Национальная политика в БССР в 1920-е годы: коренизация	183
<i>Николаев Ю.Б.</i> Мотивационные аспекты действий сторон в русско-украинском этническом конфликте	188
<i>Очирова Н.Г.</i> Советская культурная политика в 1920–1930-е гг. и ее влияние на развитие культуры национальных регионов (на примере Калмыкии)	196
<i>Степанов М.А.</i> Армянский национальный район в составе Майкопского округа (1925-1930): первые шаги по развитию национальной автономии	202
<i>Ткачева Т.О., Чепелева Л.М.</i> Стратегия обеспечения прав национальных меньшинств в современной государственной политике КНР	207
<i>Месропян Г.Н.</i> Национальная политика в Синьцзяне (1884–1934 гг.)	213

<i>Селимова А.Н.</i> Женский вопрос в контексте национальных движений: опыт Чьяпаса.....	220
Раздел IV. Этнокультурные процессы: история и современность	229
<i>Матвеев О.В.</i> Формирование и этнический состав населения Ленинградского района Краснодарского края в конце XVIII – первой половине XX вв.....	229
<i>Ивашева С.А.</i> Традиции и инновации праздничной культуры вишерских коми	240
<i>Перенижко О.А.</i> Зарождение побратимских связей между Краснодаром и Феррарой: свидетельство документа	244
<i>Переславцева Л.И.</i> Этнокультурная коммуникация в библиотечном пространстве.....	255
<i>Аветисян В.Г.</i> Греко-православная община в Киликии XIII – середины XIV вв.	259
<i>Тер Даниэл (Вартан Григорьевич) Кукуян</i> Армянская апостольская церковь (ААЦ) – центр объединения и духовного преобразования армянской диаспоры Краснодара.....	264
<i>Крючек П.С.</i> Проблема этногенеза как важнейшая составляющая формирования исторической культуры белорусов.....	273
<i>Селицкий А.И.</i> История строительства Екатеринодарской римско-католической церкви.....	280
<i>Семенчик Н.Е.</i> Белорусские организации о государственном самоопределении весной 1917 года.....	294
<i>Намруева Л.В.</i> Характер этнокультурных потребностей населения (на примере Калмыкии 2020-х годов).....	301
<i>Басте Д.Г.</i> Практики гастрономического брендинга (на примере Республики Адыгея).....	307
<i>Скорик А.П. Федина И.М.</i> Лабинский отдел Кубанской области: формирование, основные поселения, особенности состава населения.....	314
<i>Панчухина А.С.</i> Образовательная миграция в город Краснодар: проблемы и перспективы.....	322
<i>Ракачев Д.Н.</i> Административные и гражданские структуры в процессе развития малых сельских территорий (на материале социологического исследования сельских территорий регионов юга России).....	331
<i>Яковлева И.П., Послыхалин М.В.</i> Отношение русской молодежи Кубани к традиционным танцам народов Северного Кавказа.....	341

Раздел V. Демографические и миграционные процессы.....	347
<i>Жиромская В.Б.</i> Людские потери в Великой Отечественной войне: дискуссионные вопросы.....	347
<i>Араловец Н.А.</i> Семейный состав мужского населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.).....	359
<i>Сафин И.Р.</i> К вопросу о медицинской культуре населения в XIX веке.....	367
<i>Хуако М.А.</i> Демографические процессы в Республике Адыгея в контексте старения населения.....	375
<i>Гуиндо А.</i> Условности международной медицинской помощи в Мали. Анализ деятельности ассоциации Франко-Африканской группы педиатрической онкологии (АФАГПО) в лечении детских раков.....	383
<i>Филина Ю.С.</i> Акушерско-гинекологический институт в Петрограде: трансформация учреждения в первые годы советской власти.....	393
<i>Найденова Л.П.</i> К вопросу о демографическом поведении провинциального дворянства XVIII в.....	403
<i>Мятникова И.В.</i> Социально-демографический профиль женского сельского предпринимательства.....	411
<i>Павлова Н.А.</i> Репродуктивные установки женщин Республики Беларусь фертильного возраста в зависимости от социального статуса.....	415
<i>Петров В.Н.</i> Миграционные и социально-демографические процессы на Кубани в 90-е годы XX – начале XXI вв.....	419
<i>Евстифеев Р.В., Петросян Д.И., Соколова М.В.</i> Факторы социокультурной адаптации мигрантов – граждан Таджикистана и Узбекистана к условиям жизни и труда во Владимирской области (на основе результатов социологического исследования)	425
<i>Барсегян А.А.</i> Интеграция vs репатриация: опыт армянских беженцев из Нагорного Карабаха в г. Краснодаре.....	432
<i>Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.</i> Армянская диаспора Краснодарского края: черты социально-демографического портрета.....	441
Раздел VI. Проблемы безопасности в фокусе внимания традиционных и современных сообществ.....	449
<i>Сергеев В.Н.</i> Социальные механизмы восприятия риска катастроф: теория и практика.....	449
<i>Тарасова М.В.</i> Конфликтологический анализ этнополитических угроз и рисков региональной стабильности в Республике Крым	457

<i>Юсна М.М.</i> Лингвистические вызовы коллективному символическому капиталу национальной общности	465
<i>Телегина Е.Г., Кармова М.А.</i> Криминологическое осмысление миграционной преступности, как фактора дестабилизации российского общества	473
<i>Струкова А.Ю., Степаненко С.Г.</i> Научные подходы и практические решения в противодействии ксенофобии и экстремизму в современном обществе	482
<i>Матвеев Д.Е., Беловолов В.А., Беловолова С.П.</i> Педагогические детерминанты диалогического взаимодействия субъектов образовательного процесса военного вуза: научный дискурс	487
Раздел VII. Нации и государства в условиях геополитических вызовов	493
<i>Давлатова Е.В.</i> Пессимистические сценарии будущего в условиях глобальной неопределенности	493
<i>Рябинин Е.В.</i> Основные характеристики нового мирового порядка: геополитический прогноз	500
<i>Вартаньян Э.Г.</i> Формирование курдского национализма (конец XIX – первая треть XX в.)	509
<i>Косов А.П.</i> Палестино-израильский конфликт в повестке российско-американских отношений (1991–2024 гг.)	517
<i>Тыкин А.А., Тужба Э.Н.</i> Регионализация в условиях современной глобализации	525
<i>Щербаков В.Ю.</i> «Союз Сары Вагенкнехт»: партия нового типа?	532
<i>Юрченко И.В., Юрченко В.М.</i> Анализ этнополитической ситуации на субрегиональном уровне в контексте современной трансформации мировой системы и новых политических вызовов	536
Сведения об авторах	541

РАЗДЕЛ I. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ И ОПЫТ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
КОНФЛИКТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ

ETHNOPOLITICAL AND ETHNO-CONFESSIONAL CONFLICTS:
THEORY AND PRACTICE OF TRAINING SPECIALISTS FOR
SETTLEMENT

В.А. Кумпан

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

V.A. Kumpan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы подготовки специалистов в системе высшего и дополнительного образования для подготовки к урегулированию межконфессиональных и межнациональных конфликтов. Проанализированы практический опыт различных моделей подготовки специалистов, в рамках которых использовались традиционные и интерактивные формы обучения. На материалах практической реализации обучения специалистов в системе высшего и дополнительного образования рассмотрены цели, задачи, формы и методы подготовки специалистов, которые ориентированы и работают в сфере требующей профилактики и урегулирования социальных конфликтов поликонфессионального и полиэтничного населения. Сделан вывод о том, что подготовка специалистов в сфере этно-конфессиональных отношений представляет собой сложную проблему, имеющую множество аспектов, которые необходимо рассматривать и оценивать комплексно. Безопасность каждого человека в сложном полиэтничном и многоконфессиональном регионе – часть безопасности страны и мира в целом. Для решения сложившихся задач необходимо наряду с ситуативными решениями и рассмотреть сложившуюся систему подготовки специалистов и работать над повышением предсказуемости и надежности системы.

Abstract. The problems of training specialists in the system of higher and additional education to prepare for the settlement of interfaith and interethnic conflicts are considered. The practical experience of various models of training specialists, in which traditional and interactive forms of education were used, is analyzed. Based on the materials of the practical implementation of training specialists in the system of higher and additional education, the goals, objectives, forms and methods of training specialists who are oriented and work in the field requiring the prevention and settlement of social conflicts of the multi-confessional and multi-ethnic population are considered. It is concluded that the training of specialists in the field of ethno-confessional relations is a complex problem with many

aspects that need to be considered and evaluated comprehensively. The security of every person in a complex multiethnic and multi-confessional region is part of the security of the country and the world as a whole. To solve the existing problems, it is necessary, along with situational solutions, to consider the existing system of training specialists and work to increase the predictability and reliability of the system.

Ключевые слова: этничность, конфессиональная принадлежность, методы обучения, этноконфессиональная политика, профессиональные компетенции, Soft skills, Hard skills.

Keywords: ethnicity, religious affiliation, teaching methods, ethno-confessional policy, professional competencies, Soft skills, Hard skills.

Население Краснодарского края как части Кавказа и России формировались на протяжении веков в сложных исторических условиях. В последние десятилетия мы наблюдаем удвоение численности населения и основным является миграционный прирост. Состав населения является многонациональным и много конфессиональным, при численном доминировании русских среди этносов и православных христиан среди конфессий. Каждый из указанных факторов может восприниматься и использоваться в межличностном общении как стабилизирующий либо как дестабилизирующий ситуацию, ведущий к конструктивным отношениям и конфликтогенный.

Использование каждого из особенностей региона для стабилизации и гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений требует от специалистов, работающих в данной сфере определенных профессиональных компетенций, которые можно выразить через систему знаний, умений, навыков, можно через Soft skills и Hard skills. Мы будем использовать обе модели. Необходимо знать особенности населения региона (Hard skills) и уметь, владеть навыками (Soft skills) личностных взаимоотношений, ориентированных на мирные взаимоотношения. Возможно ли исключить какой-либо из компонентов? В краткосрочном периоде, да, в долгосрочной перспективе можно спрогнозировать последствия.

Теоретической основой для подготовки различных форм обучения специалистов стала научно-исследовательская работа в рамках подготовки диссертации, работы по грантам российских органов власти, отраженные в ряде научно-исследовательских статей и монографии, апробированные на конференциях [1].

Практической основой для написания данной статьи стала подготовка историков, педагогов и международных работников на факультете истории, социологии и международных отношений с 2002 года в рамках дисциплин «Национализм в Европе», «Право наций на самоопределение», «Гармонизация межнациональных отношений». В

системе дополнительного образования в КубГУ в 2008-2010 году был подготовлен ряд пособий и программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки по межконфессиональным отношениям [2]. С 2011 г., практически ежегодно проводилось обучение специалистов муниципальных органов и региональных власти в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, противодействия идеологии экстремизма и терроризма. Отдельная интересная форма дополнительного образования – научно-практические конференции и форумы, в рамках которых реализовывались различные модели обучения [3].

Необходимость знания исторического прошлого развития Кубани в прошлом – является важной характеристикой специалиста в сфере межконфессиональных и межнациональных отношений. Понимание исторических процессов позволяет выстраивать диалог с представителями различных национальностей как проживающих на территории региона веками, так диаспор, переехавших в недалеком прошлом с учетом исторических условия адаптации, длительного сотрудничества и ориентации на сложившуюся модель взаимоотношений. Различия в менталитете, стереотипах поведения и построении взаимоотношений, в данном случае должны строиться исключительно на позитивных примерах, позитивной повестке развития ситуации. Системное понимание стратегии развития межнациональных отношений предполагает четкое знание не только фактов, а также и умение проследить причинно-следственные связи, ориентируясь на гармонизацию межнациональных отношений. Формат обучения в данном случае – лекции и работа с научными и публицистическим материалами для выявления фактографии и интерпретаций, для подготовки кратких выступлений участников образовательного процесса по итогам индивидуального изучения, либо работы в группах.

В качестве интерактивной модели обучения мы широко используем формат кейсов. Вначале приводится описание ситуации в печатном виде, устном, в виде видеофрагмента, либо в виде демонстрации ролевой ситуации. Затем участники обучения предлагают свои варианты разрешения данной ситуации, выстраивания ее с возможными конфликтными последствиями, с обязательной ориентацией на конструктивное развитие ситуации.

Работа с кейсами стала основой обучения на Форуме по вопросам реализации государственной национальной политики и государственных конфессиональных отношений в Краснодарском крае[4]. Во взаимодействии с департаментом внутренней политики администрации

Краснодарского края были подготовлены и реализованы различные формы работы в обучении заместителей глав и специалистов по межконфессиональным и межнациональным отношениям. Работа на уровне знаний была организована в формате выступлений и закреплена в формате «Этноквиза», участники, работая командой давали ответы на содержательные вопросы. Отработка умений и навыков проводилась с использованием кейса по наиболее острой ситуации межэтнического конфликта в Челябинской области, фактически, была предложена практическая стратегия учитывающая непосредственный опыт Кубани. Серия стратегических кейсов по реальным ситуациям в муниципальных образованиях Краснодарского края позволила участникам «сверить часы» и обобщить сложившуюся модель действий органов власти в случаях бытовых конфликтов, по недопущению их перехода в межнациональную / межконфессиональную форму и тем более предотвращение перехода конфликтной ситуации в длительное противостояние. Специально отработывались ситуационные кейсы взаимодействия с представителями различных национальных и конфессиональных групп по предотвращению появления повода к конфликту. Теоретической основой в данном случае стали методы разрешения конфликтных ситуаций в психологии (психологическое айкидо, НЛП, транзактный анализ), этно-профайлинг.

Личные ситуации автора статьи в процессе обучения неоднократно использовались в образовательном процессе как кейс, иллюстрирующий теоретические положения и позволяющий разработать систему мер в аналогичных ситуациях. Конфликтные модели поведения в научном контексте, на конференциях, круглых столах и попытки использования межэтнических противоречий были широко распространены в 1990-е, начале 2000 гг. В качестве примеров можно привести конференции, посвященные завершению Кавказской войны[5], когда в научном сообществе необходимо было отстаивать позицию ориентации на мир и согласие в кавказском регионе, для чего в исторических исследованиях делать акцент на конструктивные отношения между народами. Затем конфликтогенная риторика переходит скорее в сферу публичных выступлений на телевидении, в рамках аналитических программ и здесь, так же необходимо последовательное обоснование исключения указания на религиозную и национальную принадлежность участников конфликтов из описания бытовых ситуаций[6]. В противном случае механизмы идентификации обеих сторон могут привести к массовым действиям и затяжным конфликтам, которые как показывает мировая практика могут длиться столетиями.

Отдельная интерактивная форма организации обучения – игра. В образовательном процессе использовались ролевые игры на основе реальных ситуаций, где каждый из участников выполнял роль определённого участника конфликта. Интересной является модель переговорного поединка, где участники, работая в сменяемых тройках отстаивают различные позиции в борьбе за ресурсы. На основе социально-психологической игры Г. Хорна «Эмоции» автором проводились игры «Из Египта в Землю Обетованную», «Путь из варяг в греки», которые позволяют выработать навыки эмоционального интеллекта, Soft skills, необходимые во взаимоотношениях с представителями различных народов и культур [7].

«Большие социально-психологические игры» по деятельности современных международных организаций (ООН, ШОС, СНГ) и международных исторических процессов (Венский конгресс, Берлинский конгресс, Вестфальский конгресс, организация варшавского договора (ОВД), Версальско-вашингтонская система международных отношений) позволили создать уникальное пространство игры и обеспечить участникам возможность сформировать и развить как Soft skills и Hard skills. Игры проводились онлайн и офлайн, интересной формой завершения игры для участников стала такая форма как Дипломатический бал – очно и Дипломатический пир – онлайн. Описание этих форм перенесем в следующие публикации, а сейчас можно посмотреть материалы этих игр [8].

Отдельный формат многодневного игры-тренинга путешествие «От викингов к империи», где в игровой форме участники участвовали в модели создании российской государственности, что позволило им не только развить свои профессиональные компетенции, но и изнутри почувствовать себя участником исторических процессов [9].

Остановимся на конкретных образовательных технологиях, которые позволяют затронуть не только интеллектуальную, а и эмоциональную сферу обучающихся. Для определения характеристик каждой конкретной аудитории и подстройки, для дальнейшего ведения используются методы коучинга, использования открытых и закрытых вопросов (для ответов на первые достаточно попросить поднять руку, данный метод использовался для определения какими социальными сетями и мессенджерами пользуются слушатели. При работе с необходимостью обратной связи ее организации можно обратиться к методам фасилитации – при регистрации на мероприятие необходимо зарегистрироваться и обязательно предложить проблемный вопрос, которые дополняются вопросами на флипчартах, естественно, устными

вопросами. Запуск эмоциональных механизмов восприятия, в данном случае возможен с использованием метафорических ассоциативных карт, особенно разработанных самим студентами. В основу этих карт были положены афоризмы великих исторических деятелей, на основе которых с использованием искусственного интеллекта были сделаны сами изображения. В начале каждого занятия студенты получают карту, фотографируют ее и пишут мини-эссе связывая тематику лекции с изображением, или фразой.

В условиях изменчивой международной реальности преподавателю необходимо включать слушателя в научный поиск, основанный на твердой платформе методологии и принципах верифицируемого знания. Теории развития международных отношений, концепция И.К. Кондратьева, позволяют нам на основе традиционной модели развития Вестфальской системы международных отношений предложить прогностическую модель развития международных отношений и попросить слушателей предположить перспективы развития ее в будущем.

Комплексной формой можно считать организацию и проведение различных дидактических игр в рамках образовательного процесса, на лекциях, а также моделирование международных исторических процессов и международных организаций. Организация моделей международных организаций были проведены модели ООН, ШОС, БРИКС, СНГ была организована на базе социальной сети VK. Моделирование международных исторических процессов включало модели берлинского конгресса, Версальско-вашигтонских конференций, ежегодные модели Венского конгресса [10].

Таким образом, мы видим многоуровневую систему подготовки специалистов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, которая включает в себя подготовку студентов, в вузе, с формированием профессиональных компетенций на практическом материале, с использованием метафорических форм, дополнительное образование действующих специалистов, которые в интерактивной форме развивают свои Soft skills и Hard skills.

Библиографический список

1. Кумпан В.А. Список публикаций автора.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=361012&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (дата обращения 04.11.2024).

2. См. например: Кумпан В.А., Кумпан Е.Н. Конфессиональная история народов Северного Кавказа: программа повышения квалификации. Краснодар, 2010, Религиозная и национальная политика в России: национальная политика на Северо-

Западном Кавказе во второй половине XIX - начале XX в. (учебная монография). Краснодар, 2007 и др.

3. Единство российской нации – гарантия национальной безопасности России/редакторы В.А. Кумпан, С.А. Мозговой. Краснодар, 2023. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65857496> (дата обращения 04.11.2024), Многонациональный российский народ-гордость России/ редакторы В.А. Кумпан, С.А. Мозговой. Краснодар, Краснодар 10–11 июня 2024 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67964938> (дата обращения 04.11.2024).

4. Форум по вопросам реализации государственной национальной политики и государственных конфессиональных отношений в Краснодарском крае. https://vk.com/wall144903532_2442 (дата обращения 04.11.2024)

5. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции: 16-18 мая 1994. Краснодар, 1994 г., Кумпан В.А. Миграционная политика царской администрации в отношении адыгов Северо-Западного Кавказа (1864-1917 гг.) // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.), Майкоп, 2006.

6. Каркас идеи. Спортсекции – кузня идеологии https://vk.com/wall144903532_2191 (дата обращения 04.11.2024)

7. «Исход из Египта в Благословенную землю» психологический тренинг командобразования. https://vk.com/wall144903532_1561 (дата обращения 04.11.2024).

8. Кубанская модель международной организации. <https://vk.com/kubun>. (дата обращения 04.11.2024), Кубанская историческая модель дипломатии. <https://vk.com/kubanmodel>. (дата обращения 04.11.2024)

9. Модели <https://sciencewin.ru/course/index.php?categoryid=18> (дата обращения 04.11.2024).

10. Кумпан В.А., Смирнов М.Г. Теория и практика использования системно-деятельностного подхода в преподавании международных отношений (Краснодар-Челябинск) // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы IX Международной научно-практ. конференции. Краснодар, 2023.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОПЫТ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

INTERETHNIC RELATIONS AND EXPERIENCE OF THEIR REGULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Л.В. Николаева

*Учреждение образования «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники», г. Минск, Беларусь*

L.V. Mikalayeva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

Аннотация: В статье рассматриваются особенности межнациональных

отношений в Республике Беларусь и опыт их урегулирования. Отмечается, что исторические условия развития Беларуси содействовали появлению на белорусских землях национальных меньшинств. В наше время Республика Беларусь является преобладающе моноэтническим государством, т. к. в структуре ее населения абсолютное большинство составляют представители одной нации – белорусы. Государственные органы Республики Беларусь проводят последовательную политику обеспечения оптимальных условий для сохранения и развития языков, культур и религиозных особенностей национальных меньшинств.

Abstract: The article examines the features of interethnic relations in the Republic of Belarus and the experience of their regulation. It is noted that the historical conditions of the development of Belarus contributed to the emergence of national minorities on Belarusian lands. Nowadays, the Republic of Belarus is a predominantly monoethnic state, since the absolute majority of its population is made up of representatives of one nation – Belarusians. The state bodies of the Republic of Belarus pursue a consistent policy of ensuring optimal conditions for the preservation and development of languages, cultures and religious characteristics of national minorities.

Ключевые слова: национальные меньшинства, национальная политика, Республика Беларусь, межнациональные отношения, урегулирование.

Keywords: national minorities, national policy, Republic of Belarus, interethnic relations, settlement.

В течение веков на территории Беларуси, наряду с белорусами, проживали и другие народы. Часть из них – русские, украинцы, поляки, литовцы, латыши – в значительной степени являются автохтонами на белорусских землях. Вторая часть этносов – татары, евреи, цыгане и другие – пришли на белорусские территории в разные исторические периоды. Таким образом, особенности исторического развития Беларуси содействовали появлению на ее территории национальных меньшинств, которые внесли значительный вклад в исторические, экономические, политические, культурные процессы на белорусских землях и оказали влияние на этнические процессы.

Наличие в структуре населения многочисленных национальных меньшинств делает национальную политику одним из важных направлений государственной политики Республики Беларусь. Национальная политика направлена в т. ч. на регулирование взаимоотношений между проживающими в стране этническими группами населения. В целом этнополитика – многоаспектна. Естественным образом касаясь национальных интересов белорусского государства, она затрагивает статус и права национальных меньшинств, миграционные процессы, демографическую ситуацию, взаимоотношения государства с белорусской диаспорой за рубежом. Исследователями отмечается, что взаимодействие этнических общностей внутри государства может осуществляться в разных формах. Это может быть:

консолидация (процесс слияния близких, родственных по языку, культуре народов в единую этническую общность), ассимиляция (представители одного этноса усваивают язык и культуру другого и утрачивают прежнюю этническую принадлежность), адаптация (приспособление людей к жизни в новой этнической среде или приспособление этой среды к ним), аккультурация (взаимопроникновение культур) [2, с. 76–77].

Согласно результатам переписи населения Беларуси, проведенной в 2019 г., этническим большинством и титульной нацией в стране являются белорусы, которые составили 84,9% жителей республики. За период с 1999 г. до 2019 г. доля белорусского населения увеличилась на 3,7 % (с 81,2% до 84,9%). Остальные 15,1% населения являются представителями более 130 этносов.

Взаимоотношения между различными этническими группами в Республике Беларусь строятся на основе принципа равноправия. В стране отсутствуют межнациональная напряженность и конфликты. Это является результатом национальной политики, которая проводится государственными органами, объясняется менталитетом населения, историческими традициями и связями. Национальная политика в Беларуси базируется на принципе согражданства. В соответствии с ним, государство проводит сбалансированную политику, стремится создать условия для мирного сосуществования и развития всех этнических общностей. Координацию национальной политики с 1997 г. по 2006 г. осуществлял Государственный комитет по делам религий и национальностей Республики Беларусь. С 2006 г. появилась должность Уполномоченного по правам религий и национальностей и его аппарат – республиканский орган государственного управления, координирующий деятельность органов государственного управления республики и осуществляющий государственную политику в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в стране [10].

Законодательной основой национальной политики в Республике Беларусь являются Конституция Республики Беларусь [3] и Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», принятый 11 ноября 1992 г. (в редакции от 5 января 2004 г. и 7 мая 2007 г.) [6].

В Конституции Республики Беларусь зафиксирован принцип равенства в отношениях между государством и национальными группами. Каждый имеет право сохранять свою национальную принадлежность, пользоваться родным языком. Создание и деятельность политических партий и общественных объединений, ведущих

пропаганду национальной, религиозной и расовой вражды, запрещается (статьи 5, 12, 14, 16, 22, 50, 52, 53) [3].

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются люди, постоянно проживающие на территории Беларуси и имеющие гражданство Республики Беларусь, которые по своему происхождению, языку, культуре или традициям отличаются от основного населения республики (статья 1). Принадлежность к национальному меньшинству является вопросом индивидуального выбора, и это не влечет за собой каких бы то ни было неблагоприятных последствий (статья 2) [6]. Государство гарантирует гражданам Республики Беларусь, относящим себя к национальным меньшинствам, равные политические, экономические и социальные права и свободы, осуществляемые в установленном законодательством Республики Беларусь порядке. В частности, право на получение помощи со стороны государства в деле развития национальной культуры и образования; право пользования родным языком, право выбора языка общения; право на учреждение средств массовой информации, издательскую деятельность на родном языке; право на установление культурных связей с соотечественниками за пределами Республики Беларусь; право исповедования любой религии или не исповедования никакой, участия в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов на родном языке; право на сохранение своего историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культуры, в том числе профессионального и самодеятельного искусства; право на создание общественных объединений и вступление в действующие общественные объединения; право свободно избирать и быть избранными в государственные органы; право равного доступа к любым должностям в государственных органах Республики Беларусь (статья 6) [6]. Таким образом, в соответствии с данным Законом, национальные меньшинства имеют возможность развивать свою самобытность, культуру, традиции.

В соответствии с законодательством, в республике созданы и действуют общественные организации, представляющие граждан разных национальностей. На 1 января 2024 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано 140 национально-культурных общественных объединений и их организационных структур. В их числе присутствуют общественные объединения, имеющие статус международных, республиканских и региональных. Основными задачами, зафиксированными в их Уставах, является культурно-просветительская и

благотворительная деятельность. Национально-культурные общественные объединения активно участвуют в мероприятиях, посвященных государственным праздникам Беларуси, других событиях республиканского и местного значения, вносят значительный вклад в духовную жизнь белорусского общества [4].

Начиная с 1996 г., в Беларуси раз в два года проводится Республиканский фестиваль национальных культур (г. Гродно). С 2015 г. в Минске стали проходить праздники национальных культур в Верхнем городе. В программе фестиваля и праздников национальных культур присутствовали концерты, дегустации блюд национальной кухни и выставки. Здесь были представлены такие страны, как Россия, Украина, Китай, Польша, Великобритания, Эстония, Грузия, Армения, Корея, Индия и др.

При Уполномоченном по делам религий и национальностей с 2006 г. действует Консультативный межэтнический совет. В его состав входят представители 20 национальных общностей [4]. Совет осуществляет подготовку предложений по совершенствованию взаимодействия общественных объединений граждан, которые относят себя к национальным меньшинствам [9, с. 238]. Задачами деятельности Совета являются содействие сохранению и укреплению межнационального согласия в Республике Беларусь; интегрирование граждан разных национальностей в белорусское общество; формирование в обществе осознания и признания того, что все национальные общности являются неотъемлемой частью народа Республики Беларусь; популяризация ценности этнокультурного разнообразия белорусского общества и многовековой традиции мирного совместного проживания в стране разных национальных групп. Совет содействует формированию в обществе негативного отношения к проявлению нетерпимости и дискриминации по национальным признакам [8].

Особое значение в жизни каждого общества и государства имеет языковой вопрос. Как и в большинстве республик, входивших ранее в состав СССР, он обострился в Беларуси в начале 1990 гг., когда 26 января 1990 г. был принят Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь». В соответствии с ним, статус государственного был закреплен только за белорусским языком. При этом закон заявлял о необходимости создания условий для развития всех национальных языков, которыми пользовалось население Беларуси. 14 мая 1995 г. был проведен республиканский референдум, одним из вопросов для обсуждения на котором был вопрос о государственных языках. По его итогам более 83 % граждан, участвовавших в голосовании, высказались

за придание русскому языку статуса государственного, наравне с белорусским. В результате были внесены изменения и дополнения в Конституцию и Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь». В настоящее время данный законодательный акт направлен на урегулирование отношений в области развития и употребления белорусского, русского и других языков, которыми пользуется население республики в государственной, социально-экономической и культурной жизни, охрану конституционных прав граждан в этой сфере, воспитание уважительного отношения к национальному достоинству человека, его культуре и языку, дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества народов (статья 1) [7]. Статья 17 Конституции Республики Беларусь и статья 2 Закона «О языках в Республике Беларусь» зафиксировали государственный статус белорусского и русского языков. Граждане получили право пользоваться их национальным языком и выбирать язык общения. Привилегии либо ограничения прав личности по языковым признакам были признаны недопустимыми [3, 7].

Таким образом, белорусские земли извечно являлись полиэтническим регионом, что объясняется особенностями исторического развития белорусских территорий. В наше время Республика Беларусь является преимущественно моноэтническим государством, э. зн. государством, в структуре населения которого преобладает одна нация – белорусы. На территории Беларуси также проживают представители свыше 130 национальностей. Государственные органы Республики Беларусь проводят последовательную политику обеспечения оптимальных условий для сохранения и развития языков, культур, религиозных особенностей национальных меньшинств. Во много этому содействует Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» [6]. Он создал условия для свободного развития культуры и сохранения традиций национальных меньшинств, а также для защиты их прав и законных интересов. Согласно пункту 2 статьи 39 Кодекса Республики Беларусь о культуре, «граждане, которые проживают в Республике Беларусь и являются представителями национальных общностей или выходцами из другой культурной среды, имеют право сохранять и развивать свою национальную культуру, воспитывать детей в национальных культурных традициях, пользоваться родным языком, устанавливать культурные связи с представителями соответствующих национальных общностей, которые проживают в зарубежных странах, если это не противоречит актам законодательства» [11]. Кодекс Республики Беларусь об образовании предоставляет национальным

общностям право и возможности для изучения родного языка, развития национальной культуры и традиций. В целом Конституция и законодательство Республики Беларусь признают существование национальных меньшинств как составной части народа Беларуси [1, с. 154, 157]. А сам белорусский народ выработал свою особую культуру взаимоотношений с проживающими в его среде национальными меньшинствами, основанную на принципах доброжелательности, согласия и взаимного уважения.

Библиографический список

1. Белорусский путь развития (вопросы и ответы) : справочник / М. Г. Жилинский [и др.]; под общ. ред. М. Г. Жилинского. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2017. 184 с.

2. Государственная политика и управление : учебное пособие. Минск : РИВШ, 2013. 180 с.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : С изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. Минск : Национальный центр правовой информации, 2023. 80 с.

4. Межнациональные отношения // Президент Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/society/mezhnacionalnye-otnosheniya> (дата обращения : 26.11.2024).

5. Национальный состав населения Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальный интернет-сайт. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/df5/df5842f32b1b8a711043f8f54856f5c8.pdf>. (дата обращения : 07.02.2024).

6. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь, 11 ноября 1992 г., № 1926-XII (в редакции Законов Республики Беларусь от 05.01.2004 № 261-3, от 07.05.2007 № 212-3) // Информационно-поисковая система Эталон ONLINE. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19201926>. (дата обращения : 26.11.2024).

7. О языках в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь, 26.01.1990, № 3094-XI : в редакции Законов Республики Беларусь от 13.07.1998 № 187-3, 22.12.2005 № 76-3, 10.05.2007 № 225-3 // Информационно-поисковая система Эталон ONLINE. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19003094> (дата обращения : 26.11.2024).

8. Положение о Консультативном межэтническом совете при Уполномоченном по делам религий и национальностей : Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 15.07.2006 № 891 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600891> (дата обращения : 26.11.2024).

9. Сугако, Н. А. Основные аспекты этноконфессиональной политики в Республике Беларусь // Миссия Церкви в переломные моменты истории: к 75-летию Великой Победы : материалы XXVI Международных Кирилло-Мефодиевских чтений / Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета. Минск : Христианский образовательный центр, 2021 С. 236–240.

10. Уполномоченный по делам религий и национальностей // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-сайт. URL: <https://president.gov.by/ru/statebodies/upolnomochennyy-po-delam-religiy-i-nacionalnostey> (дата обращения : 26.11.2024).

11. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 (в ред. Закона Республики Беларусь от 21.07.2022 № 201-3) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Нк1600413> (дата обращения : 26.11.2024).

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ¹

HISTORICAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN NATION

О.В. Семенова

*ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону, Россия*

O.V. Semenova

*Federal State Budgetary Institution "Federal Research Center Southern Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences", Rostov-on-Don, Russia*

Аннотация. В статье автор выделяет основные аспекты исторической культуры, способствующие формированию российской нации. Отмечены факторы исторической культуры народов Северного Кавказа. Сделан вывод, что историческая культура народов Северного Кавказа играет важную роль в формировании российской нации, привнося уникальные элементы в общее культурное пространство страны. Этническое разнообразие, традиции, фольклор и религия этих народов обогащают российское общество, укрепляют патриотизм и способствуют развитию диалога и взаимопонимания между разными народами.

Abstract. In the article, the author highlights the main aspects of historical culture that contribute to the formation of the Russian nation. The factors of the historical culture of the peoples of the North Caucasus are noted. It is concluded that the historical culture of the peoples of the North Caucasus plays an important role in the formation of the Russian nation, bringing unique elements to the common cultural space of the country. The ethnic

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного научного центра Российской академии наук в 2024 году по теме «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)», номер государственной регистрации: 122020100347-2.

diversity, traditions, folklore and religion of these peoples enrich Russian society, strengthen patriotism and promote dialogue and mutual understanding between different peoples.

Ключевые слова: историческая культура, формирование российской нации, Северный Кавказ, многообразие культур, исторический опыт взаимодействия.

Keywords: historical culture, formation of the Russian nation, the North Caucasus, diversity of cultures, historical experience of interaction.

Историческая культура представляет собой совокупность знаний, ценностей, норм поведения, традиций и достижений, накопленных человечеством за всю историю своего существования. Она включает в себя различные аспекты жизни общества, такие как искусство, наука, религия, политика, экономика и многое другое. Историческая культура является важным элементом идентичности народов и государств, она формирует их мировоззрение и определяет их поведение в настоящем и будущем.

Необходимо отметить, что в качестве рабочего и наиболее всеобъемлющего определения автор считает определение, сформулированное в коллективной работе В.Н. Ракачева, Я.В. Ракачевой и В.Н. Сергеева – «это совокупность разнообразных, сложившихся в определенных социально-исторических условиях способов сохранения, воспроизводства и отношения к историческому прошлому на уровне индивидов, групп или общества в целом» [3, с. 133].

Научная актуальность исторической культуры заключается в том, что она позволяет нам лучше понять наше прошлое, а значит, и настоящее. Изучая исторические события, мы можем выявить закономерности развития общества, понять причины возникновения тех или иных явлений и процессов. Это помогает нам прогнозировать будущее и принимать правильные решения в различных сферах жизни.

Исследованность исторической культуры также имеет большое значение. Благодаря научным исследованиям мы получаем возможность глубже понять нашу культуру, ее истоки и развитие. Это способствует сохранению культурного наследия и передаче его будущим поколениям. Кроме того, изучение исторической культуры может способствовать развитию межкультурного диалога и взаимопонимания между народами.

Таким образом, историческая культура играет важную роль в формировании нашего мировоззрения и определении наших действий в настоящем. Ее научная актуальность и исследованность позволяют нам лучше понимать наше прошлое и настоящее, а также строить прогнозы на будущее.

Историческая культура играет ключевую роль в формировании любой нации, включая российскую. Она формирует коллективную

память народа, определяет его идентичность и ценности, а также служит основой для национального самосознания. Рассмотрим несколько аспектов этой роли:

1. Коллективная память. Историческая память – это совокупность знаний о прошлом, которая передается от поколения к поколению через различные формы культуры: литературу, искусство, музыку, традиции и обычаи. В России эта память включает в себя события, такие как Крещение Руси, правление Ивана Грозного, Петровские реформы, Великая Отечественная война и многие другие. Эти события формируют представление о том, кто мы есть, откуда пришли и куда движемся.

2. Формирование национальной идентичности. Исторические знания помогают людям осознать свою принадлежность к определенной общности – народу, государству, культуре. Для россиян важно понимание того, что они являются частью большого исторического процесса, который начался еще в Киевской Руси и продолжается до наших дней. Это создает чувство единства и гордости за достижения предков.

3. Ценности и идеалы. История учит нас ценностям, таким как патриотизм, героизм, трудолюбие, верность традициям. Примеры великих деятелей прошлого, таких как Александр Невский, Петр I, Екатерина II, служат образцами для подражания. Они показывают, какие качества важны для успешного развития страны и общества.

4. Культурные коды. Историческое наследие проявляется в различных культурных кодах, которые становятся неотъемлемой частью жизни людей. Например, празднование Дня Победы 9 мая является важным культурным событием, которое объединяет миллионы людей по всей стране. Также можно упомянуть православные праздники, народные гуляния, традиционные обряды и многое другое.

5. Образование и воспитание. Исторический материал активно используется в системе образования и воспитания. Школьники изучают историю своей страны, знакомятся с ключевыми событиями и личностями. Это помогает им лучше понять свое место в мире и развить чувство ответственности перед будущим.

Таким образом, историческая культура оказывает огромное влияние на формирование российской нации. Она помогает сохранить преемственность поколений, воспитывает патриотизм и уважение к традициям, способствует развитию национального самосознания. Без этого фундамента невозможно представить полноценное развитие государства и общества.

Северный Кавказ – регион с богатой и разнообразной культурой,

которая формировалась под влиянием множества факторов, включая географию, климат, исторические события и взаимодействие различных этносов. В регионе Северного Кавказа на рубеже XX-XXI веков проживали 17,8 млн. человек [4, с. 21]. Культуры народов этого региона уникальны и играют значительную роль в формировании российской нации, дополняя общую картину многогранного культурного наследия России.

К основным аспектам исторической культуры народов Северного Кавказа можно отнести:

1. Этническое разнообразие. Северный Кавказ населен множеством народов, каждый из которых обладает своими уникальными традициями, языком, фольклором и религиозными убеждениями. Среди наиболее известных народов региона можно назвать чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, черкесов, дагестанцев и многих других. Такое многообразие делает Северокавказскую культуру особенно интересной и сложной.

2. Языковое многообразие. В регионе распространены десятки языков, принадлежащих к разным языковым семьям, включая нахско-дагестанские языки, абхазо-адыгейские, картвельскую группу и индоевропейские языки. Это богатство языкового наследия подчеркивает уникальность каждой группы и их вклад в общую российскую культуру.

3. Традиции и обычаи. Традиционная культура народов Северного Кавказа богата обрядами, праздниками и ритуалами, которые передаются из поколения в поколение. Важнейшие среди них – уважение к старшим, гостеприимство, честь и достоинство. Эти ценности остаются актуальными и сегодня, формируя основу нравственного воспитания молодежи.

4. Фольклор и эпос. Фольклор народов Северного Кавказа богат легендами, сказаниями, песнями и танцами. Одним из самых известных произведений является нартский эпос, который объединяет мифологию и историю многих народов региона. Нартский эпос рассказывает о героях, их подвигах и приключениях, отражая мировоззрение и ценностные ориентиры кавказских народов.

5. Искусство и ремесла. Народная музыка, танцы, поэзия и прикладное искусство играют важную роль в культуре народов Северного Кавказа.

6. Религия. Религиозные верования народов Северного Кавказа включают ислам, христианство и традиционные языческие культы. Ислам является доминирующей религией в регионе, но православное

христианство также имеет глубокие корни, особенно среди осетин. Религии оказывают значительное влияние на повседневную жизнь людей, определяя их моральные принципы и поведение.

Многонациональный характер кавказского региона обуславливает ряд специфических моментов в проявлениях цивилизационного сознания народов Северного Кавказа. Его сложное многоуровневое строение допускает неконфликтное совмещение различных идентичностей как этнического, так и гражданского характера. Эта сложная структура потенциально способна обеспечить стабильность в регионе, поскольку ослабляет архаизирующее давление этнонационализма на общественную жизнь и не позволяет радикальным формам этнонациональной мобилизации обрести устойчивый массовый характер. Материалы социологических исследований показывают, что многие «конфликтогенные» вопросы являются таковыми лишь в официальной риторике и средствах массовой информации. Например, можно согласиться с Ю.В. Арутюняном относительно преувеличения значения национального фактора, роли экстремистских течений ислама в жизни народов Северного Кавказа [1, с. 71-72].

Рассмотрев ряд аспектов, являющихся основой исторической культуры и исторической памяти, можно утверждать, что историческая культура народов Северного Кавказа играет очень важную роль в формировании Российской нации. Вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи в XVIII-XIX вв. привело к взаимодействию различных этнических групп, что обогатило российскую культуру и сформировало предпосылки к формированию многонациональной идентичности.

Многообразие культур народов Северного Кавказа подчеркивает идею мультикультурного общества, где разные народы могут сосуществовать мирно и гармонично. Это способствует формированию представления о России как о многонациональном государстве, где уважают и ценят различия, но при этом сохраняют общие цели и ценности. Россия всегда была многонациональным государством, и культура народов Северного Кавказа внесла значительный вклад в формирование этого культурного многообразия. Проживание разных народов бок о бок способствовало обмену идеями, традициями и обычаями, что укрепляло межэтнические связи и создавало единую национальную идентичность.

При этом специфика менталитета народов Северного Кавказа по-прежнему основывается на установках традиционного общества, прежде всего – устойчивости родственных и социальных сетей, потребности в

авторитете и уважении старших, определенном фатализме, ориентации на общественное мнение, зависимости от мнения родственного клана и окружающих.

Благодаря этому у большинства представителей народов Северного Кавказа отсутствуют яркие выражения ценностного диссонанса. Поскольку они идентифицируют себя как представителя общества, сильного своими традициями, они понимают и воспринимают регулятивные особенности собственной жизни, необходимые для сохранения традиционных паттернов поведения [5, с. 278].

Исторический опыт взаимодействия народов Северного Кавказа с другими регионами России, участие в совместных военных кампаниях и борьба за независимость способствуют укреплению патриотического сознания. Многие представители народов Северного Кавказа служили в российской армии и участвовали в различных войнах, защищая интересы страны. Героические страницы истории, такие как оборона Кавказа во время Великой Отечественной войны, становятся общим достоянием всех россиян. Этот военный опыт способствовал укреплению чувства патриотизма и солидарности между разными этносами.

Культурные достижения народов Северного Кавказа вносят значительный вклад в общее культурное наследие России. Литература, музыка, искусство и ремесла этих народов находят признание и популярность далеко за пределами региона, обогащая российскую культуру новыми формами и стилями. Представители народов Северного Кавказа внесли значительный вклад в развитие науки, образования и культуры России. Многие ученые, писатели, художники и музыканты имеют корни на Кавказе и продолжают вносить свой вклад в российское общество.

Регион Северный Кавказ играет важную роль в экономике России, обеспечивая страну природными ресурсами, сельскохозяйственной продукцией и промышленными товарами. Экономические связи способствуют интеграции регионов и укреплению национальной экономики.

Обмен опытом и знаниями между различными культурами способствует укреплению межэтнических связей и взаимопонимания. Это важно для поддержания диалога и взаимопонимания, стабильности и гармонии в обществе, предотвращения конфликтов и укрепления гражданского согласия. Характерно, что в идентификационном комплексе жителей региона наличествует отнесение себя к более широкой общности. В случае с Северным Кавказом это, очевидно, всё российское общество [2, с. 78].

Таким образом, можно сделать вывод, что историческая культура народов Северного Кавказа играет важную роль в формировании российской нации, привнося уникальные элементы в общее культурное пространство страны. Этническое разнообразие, традиции, фольклор и религия этих народов обогащают российское общество, укрепляют патриотизм и способствуют развитию диалога и взаимопонимания между разными народами.

Северный Кавказ – регион с богатой историей и культурным разнообразием, где веками сосуществовали многочисленные народы, каждый со своими традициями, языком, религией и образом жизни. Культура этих народов оказала значительное влияние на формирование российской нации, особенно в контексте многонационального государства, каким является Россия.

Культура народов Северного Кавказа – неотъемлемая часть общей российской культуры. Ее влияние проявляется в самых разных аспектах жизни общества, от искусства до политики. Многообразие традиций, языков и религиозных убеждений способствует обогащению российской нации и укрепляет ее многонациональную идентичность.

Формирование Российской нации – сложный многоуровневый процесс, опирающийся на множество факторов. «Историческая культура – это не вневременное явление, она вписана в конкретный исторический контекст, динамична и изменяется в зависимости от запросов и условий конкретного общества и при этом сохраняет связь с предшествующими формами и способами воспроизводства прошлого» [3, с. 126]. Российская нация формировалась на основе сложного взаимодействия различных этнических групп, религий и исторических событий. Эта многослойная структура создает уникальное культурное пространство, которое продолжает развиваться и адаптироваться к современным условиям, сохраняя при этом свои корни и традиции.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. – М., 2003. С. 69-81.
2. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. – Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2006. 152 с.
3. Маликова Н.Р. Этносоциологическое исследование трансформации постсоветских наций // СОЦИС. – 2004. – № 5. С. 18-29.
4. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Сергеев В.Н. Историческая культура: к вопросу теоретического осмысления феномена в зарубежной и отечественной науке // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. №2. С. 124-142.
5. Семенова О.В. Кавказская идентичность как основа современных социокультурных процессов на Северном Кавказе// материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13-15 ноября 2019 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С.275-280.

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ, ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА

THE ROLE OF TRADITIONS, TRADITIONAL VALUES IN THE EVOLUTION OF THE DOMESTIC STATE, FORMATION OF THE RUSSIAN PEOPLE

А.В. Карева

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Россия*

A.V. Kareva

*Ryazan State University named after S.A. Yesenina; Law Institute,
Ryazan, Russia*

Аннотация. В статье раскрывается роль традиций и традиционных ценностей в становлении и развитии отечественной государственности. Анализируется процесс формирования территории Руси, России, который предполагал постоянное расширение, освоение новых земель, способных покориться мужественному и решительному народу, который изначально формировался как полиэтничный. Рассматриваются факторы, определившие складывание традиций нашего государства, среди которых выделяются территориальный, природно-климатический, геополитический, внешнеполитический, что обусловило традиции коллективизма, соборности, державности, служения Отечеству, патриотизма. Сохранение традиций способно обеспечить безопасность, стабильность современного Российского государства и общества, содействуя укреплению его суверенитета.

Abstract. The article reveals the role of traditions and traditional values in the formation and development of national statehood. The process of formation of the territory of Rus', Russia, is analyzed, which assumed constant expansion, the development of new lands capable of submitting to a courageous and determined people, which was initially formed as a multi-ethnic one. The factors that determined the formation of the traditions of our state are considered, among which territorial, natural-climatic, geopolitical, foreign policy stand out, which led to the traditions of collectivism, conciliarity, sovereignty, service to the Fatherland, and patriotism. The preservation of traditions can ensure the security and stability of the modern Russian state and society, helping to strengthen its sovereignty.

Ключевые слова: Русь, Россия, Российское государство, Российская цивилизация, отечественная государственность, суверенитет, российское общество, российский народ, этническое многообразие, традиции, традиционные ценности, вызовы, угрозы.

Keywords: Rus', Russia, Russian state, Russian civilization, domestic statehood, sovereignty, Russian society, Russian people, ethnic diversity, traditions, traditional values, challenges, threats.

В настоящее время, отличающееся обострением международных отношений, появлением новых геополитических вызовов, принятием

новых пакетов санкций против России, вопросы сохранения и приумножения традиционных ценностей приобретают особую актуальность [3]. Современное российское общество с большим уважением относиться к традициям и традиционным ценностям, которые разрабатывались и поддерживались в процессе всей отечественной истории, более 1000 лет, несмотря на все изменения, смену ориентиров.

Изначально Россия формировалась как культурно-политическая общность, включающая разные этносы. И на всех этапах развития традиционные духовно-нравственные ценности выступали в качестве прочной скрепы отечественной государственности, став крепким и надежным основанием Российского государства. Игнорирование их вело к возрастанию бездуховности, к гражданской апатии, к разрушению основополагающих принципов, что отрицательно сказывалось на государстве, обществе и личности [8, с. 159-160].

Отечественная государственность складывалась постепенно на протяжении более чем тысячелетия, переживая при этом грандиозные трансформации, испытывая невероятные тяготы и бедствия. Исторически Россия – это страна с очень подвижными, многократно меняющимися границами, которые преобразались в течении длительного процесса формирования территории нашей страны на разных этапах развития. Примечательно, что в нашей стране естественные географические границы отсутствовали, что позитивно влияло на процесс освоения, расширения территории России. А покоряли новые земли для своей страны отважные и смелые люди, которые обеспечивали пространство для жизни. При этом новые территории, богатые полезными ископаемыми, требовали трудоемкого и длительного освоения, которое было невозможно без участия людей, без их вовлечения в этот масштабный процесс.

Формирование территории России проходило несколько исторических этапов:

- Зарождение и оформления территориального ядра государства, которое включало правление князя Рюрика до Ивана III, когда сложилось Русское централизованное государство. Именно Иван III и его последователи были нацелены на объединение разьединенных частей Руси и становление государственного суверенитета. Трагические уроки прошлого, связанные с феодальной раздробленностью и господством монголо-татарского ига были прочно усвоены русскими монархами. Они начали создавать государство, которое бы обладало полным суверенитетом и могло обеспечить защиту от враждебных государств. Все это указывало на складывание будущей империи [7, с. 9].

- Территориальная экспансия, которая выступает в качестве главного этапа. Она была направлена на восток, в связи с необходимостью добычи пушнины, которая высоко ценилась в Европе. Данный этап продолжался со вступления на престол Ивана IV до правления Александра III, отличаясь переплетением разнообразных процессов: исторических, геополитических, экономических, социокультурных, этнорелигиозных. В результате была образована крупнейшая сверхдержава, сложно устроенная и крайне противоречивая.

Важно отметить, что расширение территории было вызвано жесткой необходимостью обеспечения безопасности страны, для которой внешнеполитический фактор был всегда определяющим.

В процессе освоения Сибири шло становление сельского хозяйства, ремесла. Происходило формирование самого человека, его характера, которому покорялись все новые и новые земли на востоке. Мотивы продвижения были самыми разными: пылливость и авантюризм путешественников-первопроходцев, жажда приключений, ссылка на каторгу, гонения на религиозной почве, отшельничество, желание найти лучшую долю.

Гигантские просторы страны нуждались в развитии инфраструктуры, России требовались железнодорожные магистрали, которые стали возводиться во второй половине XIX - начале XX в. для освоения Сибири и Дальнего Востока.

- Территориальная стабилизация, начальный этап которой пришелся на правление Николая II.

Образовавшийся в 1922 г. СССР в целом повторял конфигурацию территориально оформившейся к началу XX в. Российской империи, что стало возможным несмотря на Гражданскую войну. Тем не менее из состава страны вышли территории Польши и Финляндии.

Дальнейшие территориальные изменения были связаны с периодом Второй мировой войны и Великой Отечественной войны.

- Территориальная деструкция, связанная с трагическим развалом СССР в 1991 г.

Современная Россия сохранила государственную территорию в пределах бывшей РСФСР, граница которой не раз менялась. Последними важными изменениями состава государственной территории РФ стало включение в состав государства в марте 2014 г. Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также в 2022 новых субъектов России – ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Российская Федерация в настоящее время является исторической и духовной наследницей тысячелетнего историко-политического опыта

всех предшествующих государств, существовавших на территории нашей страны: Русской земли, Российского государства, Российского царства, Российской империи, СССР, которые в целом создают неповторимый облик Российской цивилизации, прочно стоящей на основах традиционности и преемственности поколений.

Прежде чем перейти к рассмотрению традиций нашей государственности, необходимо проанализировать те факторы, которые и обусловили их наличие, повлияли на ее особенности.

Существенное и постоянное значение для отечественной государственности имел территориальный, пространственный фактор, что влияло как позитивно, так и негативно. Наша страна изначально располагала огромной территорией, что предоставляло колоссальные возможности, но, одновременно, создавало серьезные проблемы. Грандиозные просторы требовали коллективных усилий, обширного освоения, действенного управления, обеспечения безопасности и защиты границ.

Наше государство создавалось как континентальное, то есть исторический центр страны находился в удалении от морей, а, следовательно, и от мировых торговых путей. Именно поэтому наша страна так упорно боролась за выход к морям, что и произошло в XVIII в. Другой трудноразрешимой проблемой была низкая плотность населения. А это, в свою очередь, затрудняло процесс управления территорией страны и исполнения на ней единых законов. Но главное - способствовало экстенсивному развитию хозяйства, то есть за счет освоения новых территорий.

С другой стороны, бескрайние просторы привлекали людей, недовольных своим положением, решать свои проблемы в далеких краях. Убегая на свободные территории: на Русский Север, к казакам на Дон или в Запорожскую Сечь, в Сибирь.

Другой проблемой стало избыточность населения в отдельных регионах страны. Основная часть населения (крестьяне) в дореволюционной России продолжала жить в Европейской части страны, где в центральных губерниях естественный прирост населения в сельской местности составил более 10 млн человек. Свободной земли в Европейской части России уже практически не оставалось, что привело к аграрному перенаселению, что спровоцировало в начале XX в. социально-политические противоречия.

Огромным преимуществом было то, что расширение территории приводило к приращению природных ресурсов, прежде всего, просторов Севера и Сибири.

Другими важными факторами были природно-климатический и географический, которые серьезно влияли на организацию уклада жизни и основ хозяйствования, способствовали утверждению земледелия, сельского хозяйства. А крестьяне, соответственно, составляли большинство населения страны. При этом отечественное земледелие всегда было рискованным и очень трудоемким занятием, что предопределило большую роль коллектива - крестьянской общины, существование которой регулировали сформированные веками незыблемые традиции и обычаи, основанные на нравственных принципах. Общинная жизнь характеризовалась коллективизмом, солидарностью, что выражалось в сообществах людей, объединенных общими устремлениями, задачами и трудовой деятельностью [2, с. 26]. Общинность и коллективизм русского крестьянства помогали сохранять приверженность старине, обеспечивать преемственность в развитии. Все это способствовало утверждению общины в качестве ведущей силы, способной не только сберечь, но и приумножить, укрепить традиционные ценности [5, с. 112].

Следующий фактор геополитический, который определил особое положение России, находившейся на границах двух цивилизаций - Востока и Запада и испытывавшей воздействие с той и другой стороны. Россия, в свою очередь, влияла на эти цивилизации.

Кроме того, для нашей страны была характерна открытость границ, что создавало постоянную военную опасность на протяжении всех этапов истории, что существенно повлияло на эволюцию российского общества, народа, государства.

Изначально важнейшим фактором было этническое многообразие. При этом в нашей стране сохранялась этническая идентичность и традиции населявших территорию народов. Российская цивилизация сразу же создавалась как тесный союз нескольких народов при ведущей роли славян, русских на всех этапах развития отечественной государственности. Именно русский народ принимал главное участие в государственном строительстве, создании экономической мощи и культурного богатства страны. При этом русские, не пользуясь никакими привилегиями, были главным человеческим ресурсом для решения многочисленных государственных задач. Особые черты национального характера притягивали к русскому народу представителей других этносов, что способствовало не только сотрудничеству между всеми народами, но и формированию самобытной российской цивилизации. Этническое многообразие определило существование в нашей стране различных религиозных конфессий.

Государство, обладая цивилизационно-формирующим характером, создает, формирует и хранит цивилизацию. Основу России как государства-цивилизации на протяжении всей истории составляют русский народ, русский язык и русская культура. Государство объединяет и скрепляет многонациональный народ, который хранит уникальный опыт, переданный предками. Исследование России как государства-цивилизации позволяет удостовериться в том, что Древняя Русь, Российское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация – это все различные государственные воплощения единой российской цивилизации, которая на всех этапах своего развития постоянно сталкивалась с разнообразными вызовами. Именно вызов, требующий адекватного ответа, приводит к рождению цивилизации. По утверждению А. Тойнби, наша цивилизация сформировалась в результате непрекращающегося внешнего давления [6], которое сочеталось с необходимостью решения социально-экономических и политических проблем. В этих труднейших условиях народ, для которого свобода Родины ценилась больше, нежели свобода человека, старался отыскать собственные пути их преодоления, что содействовало становлению особенностей отечественной государственности.

Важная особенность России - это объединяющая и направляющая роль государства в российской цивилизации, что было связано с наличием колоссальной территории, непрерывной внешней угрозой, неразвитостью экономических связей между регионами страны, усиливающимися социальными противоречиями. Это способствовало складыванию своеобразных взаимоотношений между государством и обществом, которые воплотились в патернализме, когда население полностью рассчитывало и рассчитывает на государство, его помощь, защиту и поддержку. Кроме того, наше общество традиционно воспринимает власть как феномен единоначалия, что находит выражение в персонализации власти, установлении ее главного носителя.

Между тем ведущая роль государства совмещалась с традициями народовластия, что воплощалось в разных формах и проявлялось в деятельности вече, Земских соборах, земских и губных изб, земствах и т.д. Первоначально традиции народовластия складывались в Древнерусском государстве и, прежде всего, ассоциировались с вечевыми собраниями. Вече представляло собой опорную конструкцию государственного устройства Древней Руси, которая смогла сложиться вследствие демократизма древних славян и особенностей общественно-политической ситуации того времени [4, с. 48].

Примечательно, что ценности древнерусской демократии охватывали всех граждан, в отличие от Западной Европы и Древнего Рима, где они распространялись лишь на отдельные слои общества (феодалов, рабовладельцев) [1, с. 13].

Важной особенностью России, определяющей ее цивилизационный статус, является полиэтничный и многоконфессиональный характер страны.

Для характеристики России как государства-цивилизации важны традиционные духовно-нравственные ценности, к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и т.д. Некоторые из них закреплены в Конституции Российской Федерации в 2020 г. Все это убедительно подтверждает, что российское общество на протяжении всей истории оставалось традиционным.

В настоящее время современный мир испытывает период системных трансформаций, которые представляют комплекс опасных вызовов для любой цивилизации, включая Россию. Решать проблемы, препятствующие устойчивому развитию России, можно только отстаивая свою независимость, суверенитет, идентичность. Равноценный ответ России на все угрожающие вызовы предполагает опору на ее традиционные духовно-нравственные ценности. При этом необходимо, чтобы сама личность воспринимала себя частью общества и гражданином своего государства. Важно, чтобы человек по внутреннему убеждению, осознанно выстраивал отношения с другими согражданами, обществом и государством [9, с. 13].

Таким образом, сбережение и приумножение традиций, традиционных ценностей является условием обеспечения национальной безопасности, стабильности и благополучия государства и общества, способствуя защите и укреплению суверенитета России.

Библиографический список

1. Горюнов П.В., Горюнова В.И. Демократия Древней Руси и основные формы ее проявления в современном мире // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 13-20.

2. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23-40.

3. Ибрагимов И.Д. Механизмы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в условиях современных вызовов // «КиберЛенинка» : науч. электрон. б-ка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-sohraneniya-i-ukrepleniya-traditsionnyh-rossiyskih-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov?ysclid=lt1swbll38383750554> (дата обращения 02.11.2024).

4. Пузанов В.В. У истоков восточнославянской государственности // История России: Народ и власть / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Лексикон, 2001. С. 5-48.
5. Сорокин В.В., Васильев А.А. Традиционные черты правосознания Российского общества // Вестник алтайской науки. 2014. № 1. С. 111-115.
6. Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации // MyBook. URL: <https://mybook.ru/author/semyuel-hantington/vyzovy-i-otvety-kak-gibnut-civilizacii/read/> (дата обращения 02.11.2024).
7. Черных В.В. Государственный суверенитет в истории России: цель и значение // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2023. Т. 43. С. 7-18.
8. Щенникова К.Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. 2017. №1. С. 159-164.
9. Юзиханова Э.Г., Смелова С.В. Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управление. 2022. № 12. С. 11-15.

РУССКАЯ ОБЩИНА НАГОРНОГО КАРАБАХА В СВЕТЕ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА И КОНЦЕПЦИИ РУССКОГО МИРА

RUSSIAN COMMUNITY OF NAGORNO-KARABAKH IN THE LIGHT OF THE ARMENIAN-AZERBAIJANI CONFLICT AND THE CONCEPTS OF THE RUSSIAN WORLD

А.Г. Евстратов

Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения

A.G. Evstratov

Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan, Armenia

Аннотация. В данном исследовании проанализирована деятельность русской общины на территории непризнанной республики Арцах (Нагорный Карабах). Целью публикации стало рассмотрение максимально возможного спектра аспектов жизни и работы общины на стыке разных наук и научных дисциплин. Учитывая драматизм нагорно-карабахского конфликта для мирного населения непризнанной республики и региона Южного Кавказа в целом, а также неурегулированность карабахского вопроса, несмотря даже на ликвидацию указанного непризнанного государства, актуальность данной работы представляется очевидной. Исследование выполнено на стыке нескольких дисциплин и использует широкую методологию, опираясь в качестве источников на материалы СМИ и статистические данные и привлекая имеющуюся литературу по заявленной тематике.

Рассмотрение проблем появления русской общины в Нагорном Карабахе и ее существования в период независимости непризнанной республики Арцах дало возможность определить логику развития данного сообщества, его связь с армянским окружением и Россией и показать его деятельность в контексте концепции русского мира. По итогам исследования автором делается вывод о логической

обусловленности возникновения и существования русской общины в зоне многолетнего конфликта, а также о перспективности ее наличия и работы как для расширения границ русского мира, так и для безопасности региона вплоть до полного демонтажа арцахской государственности.

Abstract. This study analyzes the activities of the Russian community in the territory of the unrecognized Republic of Artsakh (Nagorno-Karabakh). The purpose of the publication was to consider the widest possible range of aspects of the life and work of the community at the intersection of different sciences and scientific disciplines. Given the dramatic nature of the Nagorno-Karabakh conflict for the civilian population of the unrecognized republic and the South Caucasus region as a whole, as well as the unresolved nature of the Karabakh issue, despite the liquidation of the said unrecognized state, the relevance of this work seems obvious. The study was carried out at the intersection of several disciplines and uses a broad methodology, relying on media materials and statistical data as sources and attracting existing literature on the stated topic.

Consideration of the problems of the emergence of the Russian community in Nagorno-Karabakh and its existence during the period of independence of the unrecognized Republic of Artsakh made it possible to determine the logic of the development of this community, its connection with the Armenian environment and Russia and to show its activities in the context of the concept of the Russian world. Based on the results of the study, the author concludes that the emergence and existence of the Russian community in the zone of long-term conflict is logically determined, as well as the prospects of its presence and work both for expanding the borders of the Russian world and for the security of the region, up to the complete dismantling of the Artsakh statehood. **Keywords:** Russian community, Russian world, Artsakh, Armenia, Nagorno Karabakh, Stepanakert

Ключевые слова: русская община, русские, русский мир, Арцах, Армения, Нагорный Карабах, Степанакерт

Keywords: Russian community, Russians, Russian world, Artsakh, Armenia, Nagorno-Karabakh, Stepanakert

Введение. Нагорно-Карабахский конфликт – один из самых драматичных эпизодов новейшей истории постсоветского пространства. Выгляда как локальный, он де-факто никогда не был таковым, оказывая огромное влияние на весь регион Южного Кавказа и шире – Евразийское пространство, и привлекая к себе не только внимание, но и политические, экономические и военные усилия целого ряда мировых региональных и мировых держав – России, Турции, Ирана, Соединенных Штатов, ЕС и даже таких отдаленных государств, как Пакистан и КНР. Несмотря на декларируемую победившим в 44-дневной войне Азербайджаном завершенность противостояния, оно продолжает развиваться в политическом и медийном формате, затрагивая самые разные сферы жизни региона. Мирный договор между Арменией и Азербайджаном все еще не подписан, территориальные претензии стран друг к другу не удовлетворены, а экспансионистские устремления Баку и стоящий за ним Анкары к Армении приобретают новое содержание – в

том числе и территориальное. В этом смысле актуальность проблематики данного исследования не просто очевидна и обоснована, но и по мере развития событий, региональных и внерегиональных процессов, стремительно усиливается. Вместе с тем, наша работа представляет собой, по сути, первое академическое исследование такой неоднозначной и сложной проблемы как существование в Нагорном Карабахе русской общины в ее связи с концепцией Русского мира, что однозначно свидетельствует о ее научной новизне. Исследуя вопрос, мы ставили перед собой цель рассмотрения существования и деятельности в разных аспектах русского меньшинства непризнанной республики Арцах, для чего реализовали следующие задачи:

- прояснение проблематики идентичности русской общины НКР;
- определение роли русского языка в республике Арцах;
- выяснение отношения русской общины Нагорного Карабаха к политике России и ее руководству;
- анализ отношения русской общины Арцаха к армяно-азербайджанскому конфликту
- прояснение демографической составляющей русской общины НКР;
- определение перспектив развития русской общины Арцаха в связи развитием нагорно-карабахского конфликта и концепцией Русского мира

Методы и материалы. Исследований русской общины Нагорного Карабаха, оформившейся организационно относительно недавно – лишь в 1999 году, ранее в научной среде не предпринималось. Опосредованно о русских в Карабахе упоминается в некоторых общих исследованиях – к примеру, в монографии И.Я. Семенова «Русские в истории Армении» [20], а также в труде «Правовое положение русского населения в странах Закавказья» Ю.Ю. Кузнецовой [8]. Нельзя не упомянуть и труды Степана Миграновича Степатьянца, посвященные русским и Русской православной церкви в Армении. Однако непосредственно русская община Нагорного Карабаха предметом научных исследований до сих пор не была. Такое положение можно воспринимать как серьезный научный пробел, учитывая актуальность вопроса, усиливающуюся остротой армяно-азербайджанского конфликта, а также реализацией российских национальных интересов в противостоянии с Западом на всем постсоветском пространстве. В данном контексте вопросы, связанные с продвижением идей русского мира, традиционных, общих для народов Евразии ценностей, напрямую увязаны с положением русских в странах Ближнего и дальнего зарубежья, и являются частью

актуальной геополитики. Это положение в некотором смысле исправляет данная работа, выполненная на стыке различных научных дисциплин – истории, политологии, социологии и культурологии, в целях наиболее полного освещения проблем русского населения республики Арцах. Исследование на стыке нескольких дисциплин предопределяет разнообразие его методов – и в настоящей работе использовался их комплекс – прежде всего, описательного, исторического, методов актуализации и наблюдения, аналитического и, эпизодически, ряда других. Значительную часть источниковой базы данного исследования составили публикации в средствах массовой информации, что предопределило частое обращение к методу контент-анализа.

Анализ. Русские в Нагорном Карабахе появились достаточно давно. Есть некоторые отрывочные сведения об их проникновении в регион с XVIII столетия – об этом можно судить по датировке отдельных могил на территории непризнанной республики [15]. Косвенно это подтверждается и наличием информации о торговле между восточноармянскими землями и Русью-Россией даже на более ранних исторических этапах и попадании в Армению русских людей – в основном торговцев и паломников. К примеру, записи о «Земле Армейской» оставил еще в конце XV в. иеродиакон Зосима [19; с. 45], а автором одной из фресок столицы армянского средневекового царства Багратидов, датированной XIII в., по признанию ряда ведущих ученых, является русский живописец [20; с. 14]. В 1623-1624 гг. Восточную Армению достоверно посетил купец Федор Котов, описавший Ереван и Эчмиадзин [Там же; 15]. Позже, в 50-е гг. XVII в., в армянских землях побывал русский церковный и общественный деятель, а также писатель Арсений Суханов, описавший Армению в своем сочинении «Проскацитарии» [23; с. 42-52.]. Несмотря на то, что упомянутые источники практически ничего не говорят непосредственно о Нагорном Карабахе, сопоставляя эпистолярные и археологические данные, можно сделать предположение о возможном эпизодическом проникновении русских на данную территорию и раньше упомянутого столетия. Есть некоторые сведения о появлении русских миссионеров в Карабахе в период активных дипломатических сношений арцахских меликов с Петром I, однако говорить о конкретике в данном контексте также сложно.

Вместе с тем, постоянное присутствие русского элемента на карабахской земле началось не ранее XIX столетия, когда, в ходе русско-персидской войны 1804-1813 гг., регион, находившийся тогда в составе вассального по отношению к каджарской Персии Карабахского ханства,

перешел под юрисдикцию Российской империи. В этот период в Карабахе стали появляться первые казачьи поселения и военные форпосты. В частности, русский гарнизон уже с 1804 г. находился в г. Шуши.

Первое же относительно крупное и постоянное русское поселение в Карабахе было основано уже после второй русско-персидской войны (1826-1828 гг.) – им стало Карягино, в 1959 г. переименованное в Физули [4]. В этот период в регионе присутствовали в основном российские военные, однако информация на могильных плитах кладбищ в Шуши, Физули, Гадруте и других населенных пунктах говорит и о проживании там представителей мирных профессий - врачей, учителей, пекарей, слесарей [2]. В Нагорном Карабахе порой оставались жить и вышедшие в отставку солдаты и офицеры, возвращавшиеся обратно к мирной жизни. Отметим, что в то время, вплоть до «милютинской» военной реформы 1874 г. срок службы по рекрутскому набору для солдат составлял 25 лет – за столь долгий временной отрезок связи таких рекрутов с родными местами могли прерваться, зато налаживались новые связи, контакты и знакомства – близ мест службы.

В XIX столетии в Карабахе появились и русские православные храмы – первоначально это были часовни, построенные при казачьих форпостах, однако позже в ряде городов края возникли достаточно крупные церкви. К примеру, в 1868 г. в Степанакерте (тогда – селение Ханкенди, где располагался русский гарнизон) в присутствии императора Александра II была освящена и торжественно открыта церковь Преображения Господня [1]. Русские же, наряду с армянами, приняли активнейшее участие в строительстве и развитии города Шуши – до резни 1920 года крупнейшего регионального экономического и культурного центра [3], где русская церковь Иоанна Предтечи была построена еще в 1847 году. Еще одна русская православная церковь – Преображения Господня, появилась в 1894 году в Мартуни [24].

Надо отметить и присутствие с первой половины XIX в. на территории Нагорного Карабаха русских сектантов. Так, согласно Актам, собранным Кавказской Археографической комиссией, первое поселение духоборов на территории края возникло в 1830 г. [2].

В советские годы все русские православные храмы на территории Нагорного Карабаха были разрушены, либо оказались заброшены и пришли в итоге в запустение. При этом количество русского населения в крае, оформленном в Нагорно-Карабахскую автономную область в составе Азербайджанской ССР, в то время оставалась примерно одинаковой. Если, согласно переписи 1897 г., в Нагорном Карабахе

проживало 1,5 тыс. русских [21; с. 43], то в 1959 г. их стало 1,8 тыс., а в 1970 – 1,3 тыс. [Там же; с. 50], а в 1989 г. – 1922 человека [7]. Распад Советского Союза, война, статус Арцаха как непризнанной республики и экономические проблемы вызвали уменьшение его русского населения в несколько раз. Так, перепись 2005 г. сообщала о 171 человеке русской национальности на ее территории [12].

Русская община Нагорного Карабаха была зарегистрирована в 1999 году, таким образом, организационно оформив русское национальное меньшинство непризнанной республики. Со временем, как деятельность общины, с 2002 по 2021 гг. возглавляемой Галиной Михайловной Сомовой, так и улучшавшиеся вплоть до войны 2020 г. социально-экономические условия привели к некоторому росту числа русских на территории Арцаха. В 2015 году, согласно результатам переписи в Нагорном Карабахе их насчитывалось уже 238 человек [13].

В предвоенные два десятилетия существования общины ей была проделана серьезная работа по укреплению позиций русского языка и русской культуре на территории Арцаха. В тот же период было решено принимать в Русскую общину не только, собственно, русских, а также детей смешанных с русскими браков, но и других славян – в частности, украинцев и белорусов[3].

Война 2020 г. не только не уменьшила количества членов Русской общины, но и значительно его увеличила. Так, в интервью от 2021 г. Галина Сомова сообщила о 1,5 тысячи таковых [11]. Более того, в следующем, 2022-м, году, новый председатель общины, Александр Бордов, заявлял о том, что общее число славян, вместе с полукровками, причисляющими себя к русским, превышает 4 тысяч человек [3]. В конце 2022 года секретарь Собрания российских соотечественников НКР Андрей Сергеев, в свою очередь, сообщил о «5000 российских соотечественников», проживающих на территории непризнанной республики [14].

Все эти данные вызывают перманентную критику со стороны азербайджанских СМИ, указывающих на неестественность столь стремительного роста количества русских и причисляющих себя к русским на территории пострадавшего от войны 2020 г. Арцаха и сомневающих в самом наличии хоть какого-то числа русских в пределах последнего [24] [22].

В этой связи есть смысл остановиться на вопросе идентичности Русской общины Нагорного Карабаха и некоторых специфических факторах ее послевоенного роста. Как уже было отмечено, членами объединения изначально могли быть представители не только русского,

но и других восточнославянских народов. Более того, в общину однозначно принимались и принимаются полукровки, идентифицирующие себя в качестве русских. Серьезным фактором идентичности для членов общины стала принадлежность к Русской православной церкви – к примеру, Галина Сомова упоминала об армянах – прихожанах РПЦ, крещенных либо в России, либо прямо на территории Арцаха представителем Отдела церковных связей Московского патриархата отцом Александром [11]. Ко времени окончания существования республики Арцах примерно половина общины являлась прихожанами РПЦ, в то время, как вторая половина относилась к Армянской апостольской церкви [6]. Более того, по словам последнего главы общины Александра Бордова, в нее входили и представители неславянских народов – греки, молдаване, осетины и татары, а также 7-8 еврейских семей, проживающих в Арцахе в четвертом-пятом поколении [9]. Что касается непосредственно русского сегмента общины, то в основном это были жены армян, переселившиеся в Нагорный Карабах вместе со своими мужьями. Среди таковых – и бывшая глава общины Галина Сомова [11]. Упомянутый же Бордов происходит от смешанного брака русского отца и армянской матери [3]. Примечательно, что оба руководителя общины – беженцы из Азербайджана, которые были вынуждены покинуть территорию еще советской республики после армянских и русских погромов конца 80-х гг. прошлого столетия. Таким образом, можно сделать вывод о том, что членство в Русской общине Нагорного Карабаха стало вопросом не только происхождения, но и самоидентификации, которая проявлялась разными путями и по разным причинам – религиозным, лингвистическим, ценностным.

Важное значение в популярности Русской общины и идей русского мира, как таковых, на территории Арцаха, имело наличие на ее территории российских миротворцев, оказывавших общине и населению непризнанной республики в целом значительную помощь в самом широком спектре вопросов. Так, благодаря деятельности священника миротворческого контингента отца Бориса Гришина стали проводиться регулярные православные богослужения, появилась православная воскресная школа, организовывались религиозные и национальные празднования (например, торжества в честь Дня России) [4]. При участии же российских миротворцев в Арцахе проходили Бессмертный полк, Дни русской поэзии и другие благотворительные, культурно-просветительские и религиозные мероприятия [3].

На территории базирования Российского миротворческого

контингента находилась и единственная действовавшая православная церковь – возведенный 10 ноября 2021 года храм Рождества Христова [6]. В феврале 2022 года расположение РМК посетил викарий патриарха Московского и Всея Руси Кирилла епископ Савватий Бронницкий, что также стало важным событием в развитии православия на карабахской земле и ее русской общины. Идея возведения православного храма витала на территории непризнанной республики и ранее – в 2010 году, на месте его предполагаемой постройки даже был заложен и освящен крест, однако тогда дальше этого дело не продвинулось.

Кроме того, само присутствие российских солдат-миротворцев в Арцахе внушало членам Русской общины, по признанию обоих ее руководителей, надежду на мир и скорое разрешение карабахского конфликта.

Важным событием, в некотором смысле закрепляющим идентичность членов Русской общины Нагорного Карабаха явилась их официальная регистрация и выдача членских удостоверений, организованные занявшим свой пост в 2021 году новым главой организации Александром Бордовым. По сути речь шла о переписи русского и идентифицировавшего себя с Россией населения Нагорно-Карабахской республики – первой в ее истории. Учтены были и проживающие в Арцахе граждане России. Указанные удостоверения в народе получили название «Бордовы паспорта» [5].

Надо отметить, что сам Александр Бордов – член Союза писателей Армении, достаточно известный в стране литератор и общественный деятель, лично инициировал целый ряд проектов, связанный с укреплением русского языка, русской идентичности и «мягкой силы» России в Нагорном Карабахе. Именно он является автором проекта «Русский мир Нагорного Карабаха», в рамках которого в республике появилось «Русскоязычное общество», которое проводит бесплатное обучение желающих русскому языку, издание научной и художественной литературы. Еще одна инициатива Александра Бордова – издательский проект «Русская книга» специализирующийся на русской классике, публицистике, исторической литературе – как русской, так и армянской, как проверенной временем, так и современной [3]. С полной уверенностью можно сказать, что с приходом нового лидера деятельность общины получила новый импульс и серьезный стимул для своего развития.

Немаловажный фактор для последнего имело и присвоение в 2021 году русскому языку на территории республики Арцах статуса официального [2]. Учитывая тот факт, что Нагорный Карабах и без того

был более русскоязычным, чем большая часть регионов Армении, а также наличие на его территории 1900 российских миротворцев, это решение арцахского Национального собрания выглядит понятным и обусловленным. Кроме того, повышение статуса русского языка, очевидно, упрощает связи республики и ее русской общины, в частности, с Россией на самых различных уровнях.

Несмотря на увеличение количества членов в послевоенные 2020-2022 гг., и значительный рост влияния и медийности, Русская община Карабаха, наряду с остальным населением непризнанной республики, исключительно тяжело перенесла войну 2020 года, причем, ее члены, наряду с армянским населением республики вынужденно выехали в Армению и в сентябре 2023 г. К примеру, Галина Сомова заявляла о крайне тяжелых условиях жизни и даже гибели некоторых, в том числе и пожилых, людей. Она же отмечала невозможность доступа к оставшимся в зоне контроля ВС Азербайджана русским кладбищам Шуши, Гадрута и других районов Арцаха [11]. Более того, в дни войны Сомова направила открытое письмо, в котором заявила о целенаправленных ударах по гражданской инфраструктуре республики и назвала Азербайджан логовом террористов, на имя президента РФ Владимира Путина. В данном послании глава русской общины просила российского лидера остановить войну и воспрепятствовать азербайджанскому и турецкому президентам – Алиеву и Эрдогану, совершить геноцид христианского населения Арцаха [10]. Александр Бордов, в свою очередь, отмечал факты азербайджанских спекуляций вокруг уничтожения армянского и русского культурного наследия. Так, глава русской общины Нагорного Карабаха называет азербайджанский тезис о, якобы, уничтожении русских православных храмов властями республики Арцах «махровым пропагандистским элементом антиармянской политики» и отмечает, что все русские храмы региона были заброшены, либо разрушены еще в советские времена. При этом Бордов подчеркивает отсутствие связей его организации с русским населением Азербайджана именно из-за агрессивной политики официального Баку и развиваемого азербайджанскими СМИ дискурса об отсутствии в Нагорном Карабахе русского населения [3]. Глава русской общины отмечает наличие 120 тысяч русских в Азербайджане, наличие там русских школ и развитие русской культуры и русского языка, однако неуклонно критикует агрессивную политику азербайджанского государства по отношению к Нагорному Карабаху. Эта критика усилилась с перекрытием азербайджанскими войсками Лачинского коридора, приведшем к фактической блокаде 120-тысячного населения

непризнанной республики.

Вместе с тем Бордов, активно работавший над возрождением православия на карабахской земле, не считает армяно-азербайджанский конфликт религиозным. По его мнению, несмотря на поддержку Азербайджана рядом мусульманских стран, в исламском мире имеется и альтернативная позиция, представленная Ираном и рядом арабских государств. Также в одном из интервью лидер русской общины напомнил о том, что именно мусульмане часто принимали и укрывали армян от турецкого Геноцида, относились и продолжают относиться с уважением к армянскому народу. Более того, в рядах российского миротворческого контингента, по сути, защищающего армянское население Арцаха, также были и мусульмане [2].

Вплоть до падения непризнанной республики, Русская община Арцаха работала по самому широкому кругу вопросов – это и содействие получению социальных выплат беженцам из занятых азербайджанскими войсками районов, которые смогли получить не только состоящие в общине граждане республики, но и обладатели российских паспортов, постоянно проживающие на ее территории [3] (в три послевоенных месяца такая ежемесячная выплата составляла 150 \$ на человека нетрудоспособного возраста [9]), и культурно-просветительские проекты, реализованные, как собственными силами, так и в сотрудничестве с российскими общественными организациями. К числу последних следует отнести новогодние детские праздники, организованные совместно с фондом развития и поддержки русско-армянских гуманитарных инициатив «Наследие и прогресс» в канун 2022 года [Там же], а также «Летнюю школу Русской общины Нагорного Карабаха», выставку детского творчества «Культура и просвещение», а также передачу более 17 тысяч экземпляров русскоязычной литературы степанакертской школе №3 имени А.С. Грибоедова, при участии российской общественной организации «Диалог» [16].

Каждое воскресенье в 8:40 утра из Степанакерта отходил автобус, доставлявший верующих в храм Рождества Христова на территории расположения миротворческого контингента в селе Иванян. Курсами русского языка были охвачены все остававшиеся под контролем армянской стороны райцентры Арцаха – Степанакерт, Мартакерт, Мартуни и Аскеран. Последний проект реализовывался при поддержке уже местных властей – Министерства образования, культуры и спорта.

Русская община Нагорного Карабаха была достаточно активна и в медийном поле. Ее лидеры давали частые интервью в СМИ, часть которых включена в источниковую базу нашего исследования. Кроме

того, община имеет паблик в Фейсбуке (запрещенная на территории РФ соцсеть) [17] и телеграм-канал [18], где вплоть до настоящего времени делится с аудиторией объявлениями, культурной и религиозной информацией, а также новостями Арцаха, Армении и России.

До ликвидации республики Арцах в планах общины и ее руководства значились – постройка русского православного храма вне территории расположения РМК и постоянно доступного для всех желающих, а также реконструкция «Дома русской культуры» в здании бывшего кинотеатра «Россия» [2]. Это - долгосрочные инициативы, реализация которых замедлялась военно-политическими событиями, происходившими вокруг республики Арцах.

Результаты. Рассмотрение реалий Русской общины Нагорного Карабаха позволяет сделать заключение о том, что с самого начала причастность к ней являлась вопросом не происхождения и «крови», а самоидентификации, которая, в свою очередь, может иметь место не только у русских, но и у представителей других славянских и неславянских народов, либо полукровок и даже непосредственно армян, по самым разным причинам. В числе таковых – русский язык в качестве основного языка общения, православное вероисповедание, либо приобщенность к России как к цивилизации и ценностям Русского мира. Именно реализация последних до последнего времени являлась лейтмотивом деятельности Русской общины Нагорного Карабаха, что реализовалась в инициативах по возрождению православия, культурно-просветительских проектах, связанных с русским языком и русской классической литературой, а также укреплению связей с Российским государством, его миротворческим контингентом и общественными организациями. Община демонстрировала лояльность курсу, проводимому Россией и ее президентом, как во внешней, так и во внутренней политике, но, одновременно, представляя русское меньшинство республики Арцаха, солидаризировалось с ее политическими векторами. Выступая в целом за мирное урегулирование армяно-азербайджанского конфликта, Русская община НКР отмечала агрессивность азербайджанской политики в регионе, неоднократно заявляла о фактах военных преступлений со стороны ВС Азербайджана и предупреждала о возможном геноциде христианского населения Арцаха.

Послевоенное резкое увеличение количества членов Русской общины объясняется, как непосредственной вовлеченностью России через ее миротворцев в военно-политические процессы региона, так и форсированием работы организации в последние годы и надеждами

значительного числа населения Арцаха на защиту и реализацию своих прав через РФ. При этом само возникновение общины обусловлено постоянным проживанием в Нагорном Карабахе русских и славян в целом, как минимум, с XIX столетия и наличием у них своей культурной преемственности, восходящей к коллективной исторической памяти, религиозным и историческим артефактам и др.

Учитывая указанную положительную динамику количественного роста и все более увеличивающиеся масштабы деятельности Русской общины Нагорного Карабаха на фоне ряда лояльных РФ и русскоязычному сегменту населения самой республики мер руководства Арцаха, ранее можно было предполагать скорое превращение общины в серьезную общественную и, возможно, политическую реалию непризнанного государства. Учитывая сравнительную молодость данной организации по сравнению с ее западными конкурентами – действующими, как на территории Армении, так и в Арцахе НКО, была очевидна жизнеспособность самой общины и ее идей и целей, а также перспективность ее деятельности для распространения мягкой силы России и реализации идей и ценностей Русского мира, как непосредственно в Нагорном Карабахе, так и (под влиянием данного успешного примера) – в регионе в целом. Однако азербайджанская агрессия и ликвидация республики Арцах и, как следствие, всех ее структур, организаций и общин, а также исход сотысячного населения не только уничтожили армянскую государственность региона, поставили крайне сложные вопросы о сохранении армянских историко-культурных памятников, но и перечеркнула все возможности интеграции русского населения и развитие идей и ценностей русского мира данной территории.

Библиографический список

1. Азербайджан стал логовом террористов, и это угроза не только Карабаху, но и России, уверены представители русской общины Карабаха – URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20201012/Umolayaem-ostanovit-strashnuyu-voynu-russkaya-obshchina-v-Karabakhe-obratilas-k-Putinu-24872870.html> (Дата обращения: 14.07.2023).
2. Александр Бордов: Одной из основных целей Русской общины Нагорного Карабаха является налаживание связей с общинами русской диаспоры – URL: https://dialogorg.ru/analytics/intervyu/aleksandr_bordov-_odnoy_iz_osnovnykh_tseley_russkoy_obshchiny_nagornogo_karabakha_yavlyaetsya_nalazhivanie_svyazey_s_obshchinami_russkoy_diaspory_- (Дата обращения: 20.07.2023).
3. Бегларян А. Александр Бордов: Карабахские славяне надеются на мир и добрососедские отношения со всеми народами региона – URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2022-01/7545.html> (Дата обращения 20.07.2023).
4. Бегларян А. Единство братских народов в русской общине Нагорного

Карабах – URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2021-07/7351.html> (Дата обращения 27.07.2023).

5. «Бордовы паспорта» - Русская община Карабах усиливает свое влияние – URL: <https://radar.am/ru/news/social-2490541112/> (Дата обращения 20.07.2023).

6. Возрождение православия в Нагорном Карабахе. Русская община – URL: <https://nashaarmenia.info/2022/06/04/%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D0%BD%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BC-%D0%BA/> (Дата обращения: 20.07.2023)

7. Всесоюзная перепись населения 1979 г. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=71 (Дата обращения 19.07.2023).

8. Кузнецова Ю.Ю. Правовое положение русского населения в странах Закавказья // Постсоветский материк, №3 (11), 2016. С. 53-61.

9. Новый год с карабахским акцентом: как армяне и славяне елку зажгли - URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211230/novyy-god-s-karabakhskim-aktsentom-ili-kak-armyane-i-slavyane-elochku-zazhgli-37056125.html> (Дата обращения: 20.07.2023).

10. Обращение руководителя русской общины Нагорно-Карабахской республики президенту России Владимиру Путину – URL: <https://russia-armenia.info/node/70984> (Дата обращения : 21.07.2023).

11. Перевозкина М. Глава русской общины Карабах описала жизнь после войны – URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/01/26/glava-russkoj-obshhiny-karabakha-opolisala-zhizn-posle-voyny.html> (Дата обращения 18.07.2023)

12. Результаты переписи населения НКР 2005 года по национальности, полу и родному языку // национальная статистическая служба Арцахской республики: URL: <http://census.stat-nkr.am/nkr/5-1.pdf> (Дата обращения 22.07.2023).

13. Результаты переписи населения НКР 2015 по национальности, полу и родному языку // Национальная статистическая служба Арцахской республики – URL: https://web.archive.org/web/20191230042511/http://stat-nkr.am/files/publications/2016/Mardahamar_2015_rus/MAS_2/5_2-1_189_190.pdf (Дата обращения 22.07.2023).

14. Русская община Нагорного Карабах: более 5000 российских соотечественников, проживающих в НКР, сегодня также подвергаются тяжелейшему испытанию – URL: <https://russia-armenia.info/node/88116> (Дата обращения 20.07.2023).

15. Русская община Карабах: война, ее последствия, наследие, возвращение – URL: https://newsarmenia.am/news/nagorno_karabakh/russkaya-obshchina-karabakha-voyna-i-ee-posledstviya-nasledie-vozvrashchenie/ (Дата обращения 16.07.2023).

16. Русская община Карабах: по-отечески заботливое отношение к самым маленьким карабахцам со стороны Организации «Диалог» - бесценно для нас – URL: <https://lurer.com/?p=485816&l=ru> (Дата обращения: 21.07.2023).

17. Русская община НКР – URL: <https://www.facebook.com/ruscomnk> (Дата обращения 22.07.2023).

18. Русская община НКР – URL: <https://t.me/RussiancomNKR> (Дата обращения: 22.07.2023).

19. Сахаров И. Путешествия русских людей в чужие земли. СПб, изд. 2-е, ч.Н, 1837. 123 с.

20. Семенов И.Я. Русские в истории Армении. – Ереван: Лусабац, 2009. 298 с.
21. Суджян С. Демографическая ситуация в Нагорно-Карабахской республике // 21 век, №1 (13), 2010. С. 42-58.
22. Таривердиева Л. Армяне потеряли все шансы на Лачинской дороге – Кто они, нерусские русские Карабаха? – URL: <https://news.day.az/politics/1499508.html> (Дата обращения: 20.07.2023).
23. Хачатрян Р. Г. Русская историческая мысль XVIII века и русская ориентация армянского освободительного движения // Из истории вековой дружбы. Изд. АН Арм.ССР, 1983. 300 с.
24. Что такое «русская община т.н. «Нагорного Карабаха»? – URL: <https://faktyoxla.az/ru/news/view/2223/chto-takoe-quot-russkaya-obshchina-t-n-quot-nagornogo-karabaha-quot> (Дата обращения 20.07.2023).

СТРУКТУРЫ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ ПОЛИТИКУ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹

STRUCTURES IMPLEMENTING THE POLICY OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

И.А. Пушкин

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, г. Могилёв, Республика Беларусь

I.A. Pushkin

Belarusian State University of Food and Chemical Technology, Mogilev, Belarus

Аннотация. В статье раскрыты процессы формирования и функционирования государственных структур Республики Беларусь, реализующих политику этнокультурного разнообразия. Их деятельность на республиканском и региональном уровнях направлена на последовательное проведение в жизнь политики, направленной на свободное развитие культур, языков, традиций всех национальных общностей, полного равенства, уважения и учета прав и интересов их представителей.

Abstract. The article reveals the processes of formation and functioning of state structures of the Republic of Belarus implementing the policy of ethnocultural. Their activities at the republican and regional levels are aimed at the consistent implementation of policies aimed at the free development of cultures, languages, traditions of all national

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации НИР «Кадры промышленности Беларуси как фактор трансформации политической системы и экономических моделей (1945–2019)» (номер госрегистрации 20212419, науч. рук. – к.и.н., доцент И. А. Пушкин) Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (научный руководитель – академик НАН Беларуси, д.и.н., профессор А. А. Коваленя).

communities, complete equality, respect and consideration of the rights and interests of their representatives.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, Республика Беларусь, национальные меньшинства

Keywords: national policy, interethnic relations, Republic of Belarus, national minorities

На территории Беларуси мирно сосуществуют представители 156 национальностей. Согласно переписи населения 2019 года 84,9% жителей страны – белорусы, 15,1% населения представляют другие национальности, из них: 7,5% – русские, 3,1% – поляки, 1,7% – украинцы. По 0,1% от общей численности населения страны составляет доля евреев, армян, татар, рома, азербайджанцев, литовцев, туркмен. По состоянию на 1 января 2024 года в стране зарегистрированы более 140 организаций граждан, относящих себя к национальным меньшинствам, которые объединяют представителей 25 национальностей. За пределами Республики Беларусь проживает более 3,5 миллионов белорусских соотечественников, выходцев из Беларуси и их потомков, создано и действует свыше 220 общественных объединений белорусов в странах бывшего СССР, Европы, Америки, Австралии, Аргентины, Великобритании и т.д.

В Республике Беларусь государственная политика в сфере межнациональных отношений и защиты прав лиц, относящихся к национальным меньшинствам, основывается на положениях Конституции, Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, международных договорах по правам человека и человеческому измерению, Законе «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» и ряде других законодательных актов [2; 6; 9; 11]. В стране сформированы и функционируют государственные структуры, реализующие политику этнокультурного разнообразия.

1 июня 1990 г. в Верховном Совете БССР были созданы постоянные комиссии, в том числе Комиссия по национальной политике и межнациональных отношениях. С февраля 1993 г. она стала называться Комиссией по национальной политике и вопросам СНГ. 16 января 1996 г. была создана Комиссия по правам человека, национальным вопросам, СМИ, связям с общественными объединениями и религиозными организациями. В настоящее время профильной структурой в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь является Постоянная комиссия Палаты представителей по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации. В Совете Республики межнациональные отношения входят в круг вопросов Постоянной комиссии по образованию, науке, культуре и

социальному развитию [12, с. 108–109; 8, с. 189–190].

Специальных государственных органов в системе высшей исполнительной власти, которые занимались бы проблемами национальных меньшинств, в Беларуси до середины 1990-х гг. не существовало, не было и механизмов сотрудничества властных структур и национальных объединений. Развитием образования на родном языке занималось Министерство образования. Поддержку и финансирование культурных инициатив национальных меньшинств осуществляло Министерство культуры: участвовало в подготовке национальных фестивалей, конкурсов, выставок, помогало содержанию художественных коллективов и т.п. [3, л. 11, 22; 4, л. 30; 13, с. 33–37].

В январе 1997 г. Указом Президента Республики Беларусь Совет по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь был превращен в Государственный комитет по делам религий и национальностей (Госкомитет).

17 апреля 1997 г. было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь, которым было утверждено Положение о Госкомитете. Он становился республиканским органом государственного управления и подчинялся Правительству Республики Беларусь. В ноябре 2001 г. он был преобразован в Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь [14, с. 41–44].

15 июля 2006 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь Комитет по делам религий и национальностей был реорганизован. В структуре Правительства Беларуси появился аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей. Уполномоченный назначается на должность Президентом по предложению Совета Министров и подчиняется Правительству.

При высшем органе исполнительной власти, отвечающем за национальную политику, создавался консультативный орган по этническим вопросам, включающий представителей национально-культурных обществ.

Впервые консультационная и представительная структура национальных меньшинств – Координационный совет по делам национальных меньшинств при Совете Министров Республики Беларусь – был создан в январе 1995 г. В его состав вошли представители министерств и других органов центрального управления и руководители национально-культурных общественных объединений. Председателем Совета являлся заместитель премьер-министра Республики Беларусь. Совет должен был содействовать сохранению и развитию культур

национальных меньшинств, его решения носили рекомендательный характер.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь под от 2.12.1997 г. «О Координационном Совете по делам национальных меньшинств Беларуси» было решено создать при Госкомитете Совет по делам национальных меньшинств. Для координации деятельности республиканских органов государственного управления по оказанию помощи объединениям национальных меньшинств Беларуси, выработки рекомендаций по практическому воплощению государственной национальной политики. Совет также должен был рассматривать вопросы взаимодействия с белорусским зарубежьем. В его состав вошли представители министерств, органов управления, национально-культурных объединений [14, с. 46; 5, с. 50–51].

Новый Консультативный межэтнический совет при Уполномоченном по делам религий и национальностей (далее – Совет) был создан в 2004 г. и переутверждён в соответствии с Положением 2006 г. об Уполномоченном па делам религий и национальностей. Его отличие от ранее существовавшего Координационного Совета в том, что в него входят только представители национальных обществ, но не органов государственной власти. В 2012 г. в состав Совета входили 25 членов – представителей зарегистрированных национально-культурных общественных объединений и их союзов. Нынешний состав утверждён приказом Уполномоченного по делам религий и национальностей 27.05.2022 г. (с изменениями от 27.10.2023). В его составе 19 членов – представители национально-культурных общественных объединений и их союзов. В том числе общественное объединение «Ромская диаспора», общественное объединение «Союз поляков на Беларуси», общественное объединение «Минское городское армянское культурно-просветительское общество «Айастан», Международное общественное объединение «Конгресс азербайджанских общин», Международное общественное объединение «Палестинская община», Белорусское общественное объединение украинцев «Ватра», Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин и другие.

Среди прочего, по предложению Уполномоченного, Совет распределял государственные финансовые средства, направленные на поддержку проектов с участием национальных меньшинств. Каждый из претендентов на получение финансовой поддержки обосновывал перед своими коллегами необходимость её получения, причём соотносил её с потребностями других национальных меньшинств.

На региональном и местном уровне в Брестском, Витебском,

Гродненском областных исполнительных комитетах, а также в Минском горисполкоме, в структуре Главных управлений идеологической работы и по делам молодежи созданы отделы по координации идеологической работы, по делам религий и национальностей. Их задачи в основном аналогичные кругу задач, которые решаются Уполномоченным, за исключением участия в разработке законодательства и международного сотрудничества. В областях и городах созданы Координационные советы общественных и национальных объединений, политических партий и профсоюзных организаций. Проведением культурных мероприятий для национальных меньшинств, комплектованием библиотечных фондов на языках разных этносов среди прочего занимались управления (отделы) культуры соответствующих исполкомов.

Приоритет в деятельности государственных органов получали проекты, программы и мероприятия, которые носили межкультурный характер, имели интернациональную направленность. Наиболее удачным направлением деятельности органов государственного управления Беларуси стало проведение фестивалей национальных культур, которые значительно активизировали культурно-просветительскую деятельность национальных объединений, широко популяризировали их творческие достижения.

Наиболее масштабным мероприятием стал Республиканский фестиваль национальных культур. Его готовят и проводят Министерство культуры, аппарат Уполномоченного, Гродненский облисполком, Гродненский горисполком (региональные и областные туры – соответствующие облисполкомы и управления культуры). Номинацию и отбор участников (профессиональных и любительских фольклорных групп) организуют представители государственных учреждений культуры и назначенные ими экспертные комиссии в четыре тура (районные, областные, республиканский, заключительный). Проводится раз в два года. Положение и состав организационного комитета по его подготовке и проведению утверждается соответствующим Постановлением Совета Министров Беларуси. В состав оргкомитета во главе с заместителем Премьер-министра (председателем организационного комитета) входят представители республиканских, региональных и местных учреждений государственного управления и общественных объединений.

В I фестивале (1996 г.) приняли участие более чем 600 представителей общественных объединений 11 национальных меньшинств. С каждым годом увеличивалось количество национальных общностей, представленных на фестивале и участников фестиваля. XIV

Республиканский фестиваль национальных культур прошел 7-9 июня 2024 года в г. Гродно. Свою традиционную культуру продемонстрировали 33 национальности.

Помимо специальных органов, возникших после середины 1990-х годов, большую роль играют отраслевые министерства. Образованием на языке национальных меньшинств занималось Министерство образования Республики Беларусь. Оно контролирует создание и учебно-методическое обеспечение образовательных учреждений, классов и групп, где преподаются языки меньшинств.

Поддержку и финансирование культурных инициатив национальных меньшинств осуществляло Министерство культуры Республики Беларусь: организационно и финансово поддерживало организацию фестивалей песни, выделяло средства на проведение конкурсов, выставок, содержание художественных коллективов объединений национальных меньшинств, целенаправленно занималось обеспечением условий для развития художественного творчества представителей национальных меньшинств [3, л. 11, 22].

Большой объём работы возлагается на Республиканский центр национальных культур, который был создан приказом Министра культуры 22.12.1994 г. Центр оказывает информационную, методическую, консультативную помощь по вопросам культуры национальным общностям и белорусам зарубежья. Организует работу коллективов художественного творчества, кружков и других клубных формирований с участием представителей национальных общностей. Проводит культурные мероприятия, направленные на публичный показ (публичное исполнение) результатов творческой деятельности коллективов художественного творчества, кружков и других клубных формирований с участием представителей национальных общностей; культурно-зрелищные и другие культурные мероприятия с участием коллективов художественного творчества, отдельных исполнителей и авторов.

Создан Консультативный совет Республиканского центра национальных культур, который является его общественным консультационным органом. В состав Совета входят представители зарегистрированных национальных культурно-просветительских объединений. В качестве консультантов к деятельности Республиканского центра национальных культур присоединяются ведущие деятели искусств республики.

Работа органов государственной власти в области этнокультурной политики в основном проводится в рамках долгосрочных программ.

Первая «Программа развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2006–2010 гг.» была разработана аппаратом Уполномоченного и утверждена 30 ноября 2006 г. Советом Министров Республики Беларусь [10, с. 19–22]. Действующая Программа на 2021–2025 годы является уже четвертой и способствует сохранению и развитию национальных культур и языков национальных общностей в Республике Беларусь; содействует развитию сотрудничества государства с соотечественниками в решении задач социально-экономического развития страны, расширения связей с зарубежными странами [1].

Соответственно облисполкомами и Минским горисполкомом разрабатываются и действуют региональные программы. Они, как правило, рассчитаны на два года. Непосредственно на местах планы мероприятий по выполнению республиканской и областных программ развития данных сфер реализовывали гор- и райисполкомы.

Заместитель Министра иностранных дел Республики Беларусь Ю. Амбразевич в качестве главы делегации 15 августа 2024 г. представил Комитету ООН по ликвидации расовой дискриминации очередные доклады Беларуси о выполнении положений Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [1; 7]. Где прозвучало, что в целях реализации конституционных положений в 2023 году принят Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества», которым предусмотрено взаимодействие государственных органов (организаций) и гражданского общества на принципе равенства прав граждан и запрещения дискриминации. При этом одной из основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества декларируется «укрепление единой общности «белорусский народ», воспитание уважения ко всем национальностям, религиям и культурам» [1].

Как отметил Ю. Амбразевич: «Осуществление мер на государственном уровне позволяет не допускать внутри страны религиозных конфликтов и межэтнических столкновений, а также содействует созданию благоприятных условия для обеспечения прав граждан на свободу совести и вероисповедания, деятельности религиозных организаций и национальных объединений. Сохранять стабильные межконфессиональные отношения и развивать конструктивный межкультурный диалог в стране удастся благодаря сильной власти в стране и особому вниманию со стороны Президента Республики Беларусь к поддержанию единства в обществе» [1].

Государственные структуры, реализующие политику

этнокультурного разнообразия в Республике Беларусь, последовательно проводят в жизнь политику, направленную на свободное развитие культур, языков, традиций всех национальных общностей, полного равенства, уважения и учета прав и интересов их представителей. Все этнокультурные объединения на равноправной основе получают постоянную поддержку от государства – финансовую, правовую, организационную, методическую. Основные усилия и средства государственные органы уделяют периодическим или разовым мероприятиям (конкурсам, фестивалям, изданиям), которые призваны показывать присутствие меньшинств и их культур в публичном пространстве Беларуси. В республике пресекаются любые проявления расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости.

Библиографический список

1. Выступление заместителя Министра иностранных дел Беларуси Ю. Амбразевича на 113-й сессии Комитета по ликвидации расовой дискриминации (15.08.2024 г., Женева) [Электронный ресурс] // МИД Беларуси. URL: <https://mfa.gov.by/press/smi/db84d299b03ad19c.html> (дата обращения: 28.10.24)
2. Давлатова Е. В. Национальная политика и ее реализация в Республике Беларусь // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы IX Международной научно-практической конференции. Краснодар: Издательство ОК ПРЕСС, 2023. С. 108–115.
3. Документы о национальных меньшинствах, сотрудничестве Министерства с национальными культурными объединениями национальных меньшинств, 1993 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 974. Оп. 4. Д. 33.
4. Информация о творческой деятельности национальных культурно-просветительских объединениях в Республике Беларусь, 2004 г. // НАРБ. – Фонд 974. Оп. 4. Д. 474.
5. Макрушич Е. Н. Этнокультурная политика в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1995–1998 гг.) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. 2008. № 1. С. 49–55.
6. Макрушич Е. Н. Этнокультурная политика в Республике Беларусь в начале XXI века // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. 2009. № 2. С. 20–27.
7. О визите заместителя Министра иностранных дел Беларуси Ю. Амбразевича в Женеву [Электронный ресурс] // МИД Беларуси. URL : https://mfa.gov.by/press/news_mfa/dfc51f12698b1be8.html (дата обращения: 28.10.24)
8. Осипов А. Этнокультурная политика в Беларуси: сопоставление с международным контекстом // Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире / Европейский центр по вопросам меньшинств; сост., авт. предисл. А. Оипов, А. Василевич. Минск: Медисонт, 2012. С. 171–198.
9. Политика управления этнокультурным разнообразием в Беларуси,

Молдове и Украине: между советским наследием и европейскими стандартами / Н. Беспамятных, А. Василевич, А. Осипов, Ф. Прина, И. Пушкин. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 300 с.

10. Рыбаков М. Л. О межнациональных отношениях и государственной политике в Республике Беларусь // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им Я. Купалы; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.). Гродно: ГрГУ, 2010. С. 19–22.

11. Нацыянальны сегмент грамадзянскай супольнасці Рэспублікі Беларусь : манаграфія / І. А. Пушкін [і інш.]. Магілёў : МДУХ, 2015. 336 с.

12. Пушкін І. А. Дзейнасць Вярхоўнага Савета БССР–Рэспублікі Беларусь па заканадаўчаму забеспячэнню міжнацыянальных адносін (1990–1996 гг.) // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им Я.Купалы; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.). Гродно: ГрГУ, 2012. С. 105–109.

13. Пушкін І. А. Дзейнасць інстытутаў дзяржаўнай улады па рэгуляванні міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991–2010 гг.) // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. 2013. № 9. С. 32–39.

14. Пушкін І. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.): манаграфія. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. 206 с.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО МОЛОДЕЖИ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ЛИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ СВОЕЙ СТРАНЫ¹

THE IMAGE OF THE FUTURE OF THE YOUTH OF THE NEW TERRITORIES: PERSONAL TRAJECTORIES IN THE CONTEXT OF IDEAS ABOUT THE FUTURE OF THEIR COUNTRY

И.В. Самаркина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

I.V. Samarkina

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования представлений о будущем молодежи новых регионов Российской Федерации. Концептуальная модель исследования построена на методологических посылках

---

¹ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013

феноменологии, интегрирует идеи деятельностного, социокультурного, политико-психологического, конструктивистского подходов. Описаны и систематизированы представления о будущем России, ее внутривнутриполитической ситуации и роли на международной арене, результаты соотнесены с социальной и гражданской идентичностью опрошенных. Показано, что представления о будущем являются частью субъективного пространства политики и оказывают влияние на формирование гражданской идентичности молодежи.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of ideas about the future of young people in new regions of the Russian Federation. The conceptual model of the study is based on the methodological premises of phenomenology, integrates the ideas of activity, socio-cultural, political-psychological, constructivist approaches. The ideas about the future of Russia, its domestic political situation and role in the international arena are described and systematized, the results are correlated with the social and civic identity of the respondents. It is shown that ideas about the future are part of the subjective space of politics and have an impact on the formation of the civic identity of young people.

Ключевые слова: образ будущего, молодежь, новые территории РФ, гражданская идентичность, субъективное пространство политики

Keywords: the image of the future, youth, new territories of the Russian Federation, civil identity, subjective space of politics

Постановка проблемы. Представления о прошлом и будущем являются важной частью жизненного мира человека, социальных групп и макросообществ, своего рода цепочкой, которая составляет ценностно-смысловую ткань, соединяющую социум вертикально-темпорально (разные поколения между собой) и горизонтально-темпорально (представителей одного поколения). Общим представлениям о прошлом, исторической памяти и политики по ее сохранению и формированию традиционно и политики, и ученые уделяют большое внимание, чего нельзя сказать о представлениях о будущем. Вместе с тем, разделяемый образ будущего для сообщества выступает важным фактором консолидации, а содержание представлений о будущем, горизонт планирования будущего – не только маркерами субъективной стабильности общества, но и инструментами ее формирования и укрепления.

Разделяемый образ будущего – один из ключевых элементов успешной социальной консолидации – в условиях динамичных социально-политических трансформаций размывается, а горизонт личностного и социального планирования критически сокращается. Эти процессы становятся препятствием на пути интеграции и консолидации общества в условиях экзистенциально-ценностного противостояния.

Исследования образа будущего как части субъективного пространства политики в период динамических подвижек политической картины мира и системы социально-политических ценностей, в том

числе ценностных оснований идентичности, дают возможность не только глубже понять механизмы функционирования и трансформации микроуровня политики, но и создавать инструменты, социальные технологии, помогающие сделать этот процесс оптимальным.

Образ будущего является важным компонентом индивидуального и общественного сознания, влияющим на положительное отношение к социуму, государству, его институтам. Мысли, эмоции, поведенческие траектории относительно будущего формируют социально-психологический климат в стране, воздействуют на гражданскую и политическую активность, эмиграционные устремления, особенно это касается самой динамичной части общества – молодежи. Очевидно, что государство в целом и отдельные органы власти посредством целенаправленного конструирования образа будущего, связанного с родной страной, могут повлиять на формирование чувства государственной гражданской принадлежности, консолидировать общество и молодежь вокруг значимых ценностей и перспектив. Особенно актуальна эта задача в условиях глобального военно-информационного противостояния, включающего в себя и борьбу за значимые смыслы и образы будущего, а также расширения общественно-политического и географического пространства российского государства, когда возникает необходимость интеграции в общество новых граждан и адаптации сообщества к происходящим изменениям.

Несмотря на то, что представления о будущем в фокусе социально-гуманитарного знания существуют на протяжении всей истории науки, в предметное поле политической науки они пришли не так давно. Следует отметить внимание российских социологических исследовательских центров к тематике будущего граждан России в последние пять лет: ФОМ исследовал соотношение личной жизненной траектории и будущего страны [5], провел компаративный срез представлений о будущем [1], ВЦИОМ показал динамику изменения горизонта планирования будущего россиянами в последние годы [2, 6], акцентировал внимание на изменениях представлений о будущем граждан России в контексте политических событий [3, 4].

Методология и методы. Концептуальная модель исследования была построена на принципах феноменологического подхода (Э. Гуссерль, А. Шюц), который позволил рассмотреть субъективное пространство политики и место образа будущего в нем как результат восприятия жизненного мира, детерминированного особенностями социально-политических субъектов – участников политического процесса. Аналитический инструментарий концептуальной модели

также интегрировал идеи деятельностного подхода (Х. Арендт), социокультурного подхода (И.С. Семенов), социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукмана), политико-психологического подхода (Е.Б. Шестопа).

В авторской интерпретации образ будущего выступает компонентом субъективного пространства политики как совокупности символических, идеологических и культурных образований, обуславливающих содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений, включающий константные (структура, уровни, траектории, статус/субъектность носителя представлений о будущем) и переменные параметры (содержание структуры, приоритетность уровней, приоритетность траекторий, уровень субъектности носителя представлений о будущем), содержание которых обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов. Для верификации концептуальной модели исследования была создана методика сбора и анализа эмпирических данных, включающая фокус-групповые интервью (10 фокус-групповых интервью с молодежью новых субъектов РФ), онлайн-анкетирование (500 человек, молодежь новых субъектов РФ).

Обсуждение результатов. В докладе представлены предварительные результаты исследования представлений о будущем государства (России) и соотносимость личной жизненной траектории с траекторией развития страны.

Представление о будущем своей страны. Будущее России в среднесрочной перспективе (8-10 лет) молодежь новых территорий видит относительно позитивно: 52% опрошенных считает, что ситуация в России существенно улучшится, Россия станет сильным и процветающим государством; 25% опрошенных считает, что ситуация в России существенно улучшится; 15% - затрудняются ответить и чуть более 7% - описывают разные варианты пессимистических сценариев.

Представления о будущем страны на международной арене также находятся в спектре позитивно-оптимистических сценариев. Топ три ответов о месте России в будущем на международной арене составили: Россия будет мировым экономическим лидером – 23%; Россия будет суверенной мировой державой 22% и Россия – гарант сохранения традиционных ценностей и исторического, культурного наследия российского общества – 21,7% (респондент мог выбрать до 3х вариантов

ответов). 15% опрошенных считают, что Россия будет гарантом сохранения стабильности и мирового порядка; 8% опрошенных видят Россию в будущем в качестве лидера международных организаций и блоков; 6% - участника международных конфликтов; 4% - видят Россию сторонником политики изоляции на международной арене.

В будущем, по мнению респондентов, России предстоит ответить на ряд вызовов, которые сформировались под влиянием современных геополитических трансформаций. В первую очередь, главным вызовом государству молодежь новых регионов считает угрозу информационной безопасности (мошенничество, кибертерроризм, утечку информации, нежелательный контент и т.п. (24,5% опрошенных), на втором месте, по мнению респондентов, стоит угроза ядерных, радиационных и технологических катастроф (18%) и на третьем месте среди вызовов России, по мнению молодежи новых регионов – расширение НАТО на восток и концентрация группировки альянса у границ России (14,3%).

Опрошенные считают, что ключевой точкой соприкосновения жизненных траекторий молодежи и государства является политика, поскольку государство создает условия для того, чтобы люди могли планировать свою жизнь и добиваться поставленных целей: 45% опрошенных считают, что государство скорее создает такие условия и 34% - однозначно создает.

Вместе с тем, предварительные результаты исследования показывают, что молодежь считает нынешнюю ситуацию достаточно противоречивой для планирования будущего: только 43% считают, что сегодня ситуация для планирования будущего благоприятная; 19% считают, что ситуация неблагоприятная и почти 38% затруднились ответить.

Персональные траектории будущего. Данные проведенного массового опроса, а также фокус-групп говорят о том, что образ будущего находится в актуальном жизненном пространстве для молодежи. Большинство респондентов во всех анализируемых группах молодежи отметили, что задумываются о будущем каждый день (в среднем 54,4 %), горизонт планирования будущего составил 3-5 лет для 32,1 % респондентов, 1-2 года для 19,1 %, либо до 1 года для 19,1 % опрошенной молодежи, 17,7 % опрошенных планируют свою жизнь в интервале 5-10 лет. Полученные результаты говорят о том, что для значительной части молодежи в течение последних лет горизонт планирования поступательно расширяется.

Анализ результатов показал доминирование личных, а не общественных траекторий будущего. Это проявляется как в целях и

мотивах планирования будущего, так и в приоритетных сферах его проекции. Топ 3 ответа на вопрос: «Для чего лично Вы планируете свое будущее?» составили: выстраивание траектории личной жизни (73,5%), траектории профессионального развития (60%) и для внутреннего удовлетворения и сохранения эмоциональной стабильности (48,4%). Приоритетными сферами проекции будущего для всех категорий опрошенных стали: карьера (76,7%), семья (75,8%), самореализация (56,3%), а не участие в общественно-политической жизни (9,8%).

Представления о будущем являются важной частью субъективного пространства политики, а связующим звеном этих феноменов выступает гражданская идентичность, поскольку личная жизненная траектория соотносится с траекторией развития макросообщества, его географическими границами и политическим пространством. Наше исследование фиксирует преобладание гражданской идентичности в иерархии идентичностей молодежи. Отвечая на вопрос о том, с кем в первую очередь молодежь чувствует общность, на первое место большинство опрошенных (29,5%) поставили – к гражданам России; на втором месте – жители конкретного региона (15,9%) и на третьем месте – люди своего поколения (13,6%) и жители города/ села/станицы (12,3%).

В иерархии гражданских идентичностей доминирует российская идентичность – 69,5% считают своей страной Россию (российская идентичность); 9,9% опрошенных считают своей страной Донбасс (донбасская идентичность); 7,9% считают своей страной и Россию, и Украину (гибридная идентичность); 2,6% считают своей страной Украину (украинская идентичность) и столько же никакую страну не считают своей (эскапистская идентичность).

Заключение. Образ будущего как часть субъективного пространства политики имеет четыре уровня проекции в жизненном пространстве: личностная (мое будущее); групповая (будущее моего поколения, например будущее современной молодежи); проекция на уровне макросообщества (будущее моей страны); глобальная (будущее мира, человечества). Наше исследование показало доминирование личностной проекции в представлениях о будущем исследуемой группы респондентов. Вместе с тем, молодежь новых территорий будущее своей страны определяет как значимый контекст личного будущего. Исследования представлений о будущем современной российской молодежи дают понимание эффективных технологий формирования гражданской идентичности молодежи.

Библиографический список

1. Будущее: два опроса с разницей в 20 лет. ФОМ, 30.12.2019,

<https://fom.ru/Budushchee/14325> (дата обращения 25.05.2024).

2. Горизонт планирования: мониторинг. ВЦИОМ, 13.11.2023. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorizont-planirovaniya-monitoring> (дата обращения 25.05.2024).

3. Образ будущего: оценки россиян. ВЦИОМ, 29.02.2024. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan> (дата обращения 25.05.2024).

4. Послание Президента – 2024: оценки. ВЦИОМ, 02.03.2024. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poslanie-prezidenta-2024-ocenki> (дата обращения 25.05.2024).

5. Россия через 20 лет и личные планы на будущее. ФОМ, 20.08.2019. <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14241> (дата обращения 25.05.2024).

6. Страна оптимистов. ВЦИОМ, 07.08.2023. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-optimistov> (дата обращения 25.05.2024).

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

IDEAL FOUNDATIONS AND LEGISLATIVE REGULATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Н.М. Якуш

*Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь*

N.M. Yakush

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются культурные основы, идеологические принципы, конституционно-правовые механизмы регулирования межнациональных отношений. Проводится анализ процессов сохранения и укрепления национального согласия, общегражданской интеграции и межконфессионального мира в Республике Беларусь. Рассмотрены базовые положения Конституции РБ и законодательство сферы этнических и конфессиональных отношений, которые ориентированы на культурное взаимодействие и национальную солидарность. Проанализированы стратегия и основные направления проводимой политики по регулированию национальных отношений. Сделан вывод о положительном опыте Республики Беларусь в деле интегрирования национальных меньшинств в общегражданскую общность.

Abstract. The article examines the cultural foundations, ideological principles, constitutional and legal mechanisms for regulating interethnic relations. The analysis of the processes of preserving and strengthening national harmony, civil integration and interfaith peace in the Republic of Belarus is carried out. The basic provisions of the Constitution of

the Republic of Belarus and the legislation in the sphere of ethnic and religious relations, which are focused on cultural interaction and national solidarity, are considered. The strategy and main directions of the policy on regulating national relations are analyzed. A conclusion is made about the positive experience of the Republic of Belarus in integrating national minorities into the general civil community.

Ключевые слова: гражданская общность, национальные меньшинства, интеграция, взаимодействие, равенство, право, конфессия, объединения, законодательство, национальная общность.

Keywords: civil community, national minorities, integration, interaction, equality, law, confession, associations, legislation, national community.

Перед национальными государствами и культурными общностями в современном мире стоит непростая проблема выработки гибких стратегий дальнейших трансформаций. Эти стратегии должны, с одной стороны, признавать неизбежную тенденцию вовлечения в процесс глобализации, а с другой - быть направленными на обеспечение конкурентоспособности общества, сохранения культурно-национальной специфики и национального менталитета. Каждая страна вовлечена в общецивилизационное движение, но реализует собственную модель модернизации с учетом социальной истории и интересов нации.

Белорусы формировались как гражданская общность. Беларусь принадлежит к типу стран с высокой этнической однородностью. Более 80 % населения относят себя к белорусам, но при этом в Республике проживают представители более 130 национальностей. Большинство из представителей национальных меньшинств переселилось на территорию Беларуси в XX веке, в основном после окончания Великой Отечественной войны. В то же время, поляки, евреи, литовцы, русские, цыгане уже многие столетия проживают на землях Беларуси и наравне с белорусами являются «коренными» этносами.

Исторически белорусская общность развивалась на стыке культурных взаимодействий с другими более мощными культурами, в частности западноевропейской, польской и российской, была ориентирована на синтез разнообразных влияний. В силу этого, важнейшими чертами национального характера белорусов выступают толерантность, открытость, склонность к диалогу, стремление к установлению взаимопонимания. Для этнической истории характерны практика мирного сосуществования и межэтнического взаимодействия между конфессиональными и языковыми группами, издавна проживающими на белорусских землях, отсутствие острых конфликтов и столкновений между ними. Однако это не дает полной гарантии для сохранения бесконфликтной ситуации в условиях расширения миграционных процессов и обострения группового этнического

сознания как реакции на культурную унификацию глобального характера. Этнокультурная динамика при определенных условиях провоцирует неконтролируемые и непредсказуемые процессы, отражающие иррациональные мотивы групповой психологии, которые могут обострить межнациональные и межэтнические противоречия. Осознание и понимание данного факта определяют целенаправленную деятельность государственных структур по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими группами белорусского общества.

Механизмы возникновения и разрешения этнических конфликтов довольно сложны и коренятся в самой сущности межнациональных отношений. Национальная политика суверенной Беларуси была изначально направлена на сохранение и упрочение стабильности и гражданского мира в обществе. Последовательно и системно поддерживается общегражданская, государственная национально-единая идентификация различного по этническому происхождению и конфессиональной принадлежности населения, которая опирается на политическое гражданство, территориальное расселение, государственную принадлежность и определяется понятиями «нация Беларуси», «народ Беларуси», «белорусский народ». 25 апреля 2024 г. делегаты VII Всебелорусского народного собрания утвердили Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь. В ней подчеркивается, что совершенствование государственной политики в области межнациональных и межконфессиональных отношений будет заключаться в обеспечении условий для укрепления единой общности "белорусский народ", воспитании уважения к другим национальностям, религиям и культурам, пресечении любых попыток разжигания национальной и религиозной розни [4, с. 33].

Принципиальные основы государственной политики в сфере межнациональных отношений и защиты прав лиц, относящихся к национальным меньшинствам, определены основным законом страны. Конституция Республики Беларусь ориентирована на фундаментальные ценности, являющиеся лучшими достижениями мировой политической мысли и практики: правовая связь в государстве, свобода выражения интересов, демократическая система институтов. При этом в качестве идеологических приоритетов выступают принципы социальной справедливости и национальной солидарности. Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, ущемляющими интересы других. Каждый имеет право на

свободу объединений, сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности. Оскорбление национального достоинства преследуется по закону. Каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения, воспитания и обучения. В Республике Беларусь основными языками обучения являются русский и белорусский государственные языки. В то же время в учреждениях образования могут создаваться группы, классы, в которых обучение осуществляется на языке национального меньшинства [3, с. 12,15].

В качестве регуляторов межэтнических отношений также выступают базовые положения международных договоров по правам человека и человеческому измерению, к которым присоединилась наша страна, Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» и отдельные статьи еще более чем 20 различных законов. Законодательством Республики Беларусь предусматривается равенство лиц, принадлежащих к национальным общностям, без их разделения по принципу давности проживания. Права представителей белорусского, русского, украинского, польского, татарского и иных народов, проживающих на территории Беларуси, на протяжении нескольких столетий, не отличаются от прав мигрантов последних лет.

Для реализации стратегии и выработки основных направлений национальной политики создан республиканский орган, координирующий деятельность органов государственного правления республики и осуществляющий государственную политику в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений - Уполномоченный по делам религий и национальностей и его аппарат. При этом органе действует Консультативный межэтнический Совет по делам национальных меньшинств, в состав которого входят руководители 20 национальных общностей. Кроме того, Законом Республики Беларусь «О белорусах зарубежья» на Уполномоченного возложен ряд задач по взаимодействию с соотечественниками за рубежом. При Министерстве культуры страны действует Республиканский центр национальных культур.

В Беларуси зарегистрировано 140 национально-культурных общественных объединений и их организационных структур представителей 25 национальностей, имеющие статус международных, республиканских и региональных. Основные уставные задачи – это образовательно-просветительская, культурно-творческая, информационная, благотворительная и другая деятельность [1, с. 3]. Поддержка проектов и уставной деятельности национально-культурных

общественных объединений со стороны государства выполняется в рамках Программы развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2021-2025 годы (в том числе соответствующие региональные программы). В своем большинстве национально-культурные объединения издают газеты, бюллетени, журналы, создают творческие коллективы, открывают воскресные школы по изучению языка и культуры своей исторической Родины. В национальных школах выходного дня изучаются армянский, азербайджанский, грузинский, греческий, корейский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, татарский, украинский, польский, еврейский языки. Начиная с 1996 г., в Гродно раз в два года проводятся республиканские фестивали национальных культур.

Национально-культурные общественные объединения активно участвуют в мероприятиях, посвященных государственным праздникам Беларуси, других событиях республиканского и местного значения и вносят значительный вклад в духовную жизнь белорусского общества. К примеру, следует выделить их участие в период 2019 – 2023 гг. в подготовке выставки «СМИ в Беларуси»; переиздании альбома «Беларусь шматнацыянальная»; в мероприятиях «Неделя леса»; переписи населения 2019; подготовке новогодней благотворительной акции «Наши дети»; в Днях национальных культур в г. Минске; в совместных с белорусами зарубежья мероприятиях, посвященных 75-летию Победы в Великой Отечественной войне в Беларуси и за рубежом; взаимодействию с государственными органами в вопросах интеграции иностранцев, имеющих намерение на переезд на постоянное место жительства в Республику Беларусь; обсуждении проекта Конституции Республики Беларусь: основные изменения и дополнения.

Заметную роль в поддержании стабильности и межэтнического мира в белорусском обществе играет конфессиональный фактор. Республика Беларусь – многоконфессиональное государство: зарегистрировано 25 конфессий и религиозных направлений. Общая численность религиозных организаций в настоящее время достигла 3592, включая 173 религиозные организации общеконфессионального значения (религиозные объединения, монастыри, миссии, братства, сестричества, духовные учебные заведения) и 3419 религиозных общин. Ведущее место в религиозной жизни страны занимает Белорусская православная церковь (БПЦ), которая объединяет 1737 православных приходов, 15 епархий, 6 духовных учебных заведений, 36 монастырей,

15 братств, 9 сестричеств, 1 миссию [5, с. 156].

Беларусь – это светское государство, придерживающееся международных стандартов в вопросах обеспечения свободы совести, но оно не остается безучастным к деятельности религиозных организаций на своей территории. Идеология государства конституционно ориентирована на недопущение разжигания межрелигиозной розни, политизации религии и церкви, предполагает использование потенциала всех конфессий для укрепления нравственно-этических ценностей.

Религиозная деятельность в РБ осуществляется в соответствии с Конституцией (ст. 4, 16, 31) и Законом «О свободе совести и религиозных организациях» (2002 г.). Закон упорядочивает деятельность религиозных организаций, начиная от регистрации, дифференциации статуса согласно организационным и уставным формам, до приостановления и ликвидации в случае нарушения законодательства. Конституция содержит запрет на деятельность религиозных организаций, направленную против суверенитета РБ, ее конституционного строя и гражданского согласия, либо сопряженную с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствующую исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносящую вред их здоровью и нравственности. Однако главное в законодательстве – обеспечение и гарантирование права граждан на свободу совести и вероисповедания, равенство, защиту прав и интересов, независимо от отношения к религии и религиозной принадлежности, на свободу объединения в религиозные организации [2, с.5].

Конфессиональная политика государства направлена на поддержание и укрепление в обществе межконфессионального и религиозного мира. Беларусь – единственная европейская страна, в которой два главных христианских праздника (Рождество и Пасха) официально отмечаются и по григорианскому, и по юлианскому календарям. Кроме того, в государственном календаре присутствуют и чтимые населением праздники дохристианского происхождения – Дзяды и Радуница, которые также органично включены в религиозную христианскую культуру. Важным направлением конфессиональной политики РБ стало активное взаимодействие с исторически традиционными конфессиями, с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных ценностей белорусского народа. Религиозные организации вправе участвовать в общественной жизни, использовать государственные СМИ. Государство может заключать соглашения о сотрудничестве с церковью в сферах, представляющих взаимный интерес.

Республика Беларусь имеет уникальный для всех стран СНГ опыт своего рода социального партнерства с религиозными организациями. В 2003 году было подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью. В соглашении признается, что Православная церковь является «одним из важнейших социальных институтов», и взаимодействие с БПЦ выступает «важным фактором общественной стабильности, гражданского единства и межконфессионального мира на белорусской земле». Особое место отведено сотрудничеству в области образования, культуры, благотворительности, семьи и семейных ценностей. Соглашение позволило Белорусской Православной Церкви подписать программы сотрудничества с рядом государственных учреждений. Например, сотрудничество с Министерством информации открыло возможности для взаимодействия Церкви и СМИ. Министерство культуры работает с Церковью в области сохранения объектов культурного и религиозного наследия. Сотрудничество с Министерством труда и социальной защиты позволяет, помимо прочего, иметь священникам доступ в учреждения министерства, в том числе, в Дома престарелых. Можно сказать, что в Беларуси создан приемлемый законодательный механизм, который позволяет находить точки соприкосновения БПЦ и государственных организаций по самым различным вопросам и направлениям, и обеспечивает участие церкви там, где наиболее востребован ее опыт и авторитет.

Этническое самосознание предполагает идентификацию индивида с историческим прошлым данной группы, акцентирует идею «корней» и культурных истоков, что таит угрозу социальной дезинтеграции. Именно поэтому делегаты Всебелорусского народного собрания определили попытки религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды на территории Республики Беларусь как угрозы национальной безопасности. Накопленный в государстве опыт интегрирования граждан разных национальностей в единую общность, установления высокой культуры межнациональных отношений содержит идеологические, правовые, организационные механизмы успешного сохранения социальной стабильности, а поэтому требует внимательного изучения и анализа.

Библиографический список

1. Закон Республики Беларусь от 11.11.1992 № 1926-XII "О национальных меньшинствах в Республике Беларусь" // НРПА РБ. - 2004, № 2/350.
2. Закон Республики Беларусь от 17.12.1992 №137-3 «О свободе совести и религиозных организациях» // НРПА РБ. - 2002, № 123, 2/886.

3. Конституция Республики Беларусь. С изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024.- 109, [2] с.

4. Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024.- 128 с.

5. Статистический ежегодник 2023: стат. сборник. – Минск: Нац. стат. комитет, 2023 – 322 с.: табл.

ПАТРИОТИЗМ И ЕГО ДИНАМИКА КАК ОБЪЕКТЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PATRIOTISM AND ITS DYNAMICS AS OBJECTS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Е.В. Савва

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

E.V. Savva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Автор выявляет особенности концепта патриотизма и его динамики в качестве объектов научного исследования. Для патриотизма характерна низкая определенность содержания. Люди, которые относят себя к патриотам, действуют в совершенно противоположных парадигмах, от протестной до охранительной. Концепт патриотизма имеет высокую политическую чувствительность. Содержание патриотизма воспринимается по-разному в зависимости от используемого научного метода. Особенности динамики патриотизма как объекта научного исследования имеют два основных аспекта. Первый объединяет трудности, связанные с изменением содержания патриотизма в процессе социально-политического развития. Второй аспект характеризует изменения отношения людей к патриотизму в течение относительно небольших периодов времени.

Abstract. The author identifies the features of the concept of patriotism and its dynamics as objects of scientific research. Patriotism is characterized by low certainty of content. People who consider themselves patriots act in completely opposite paradigms, from protest to protective. The concept of patriotism has high political sensitivity. The content of patriotism is perceived differently depending on the scientific method used. The features of the dynamics of patriotism as an object of scientific research have two main aspects. The first combines the difficulties associated with changing the content of patriotism in the process of socio-political development. The second aspect characterizes changes in people's attitudes to patriotism over relatively short periods of time.

Ключевые слова: Патриотизм; динамика патриотизма; объект научного исследования; политическая чувствительность; качественные методы исследования; количественные методы исследования.

Keywords: Patriotism; dynamics of patriotism; object of scientific research; political sensitivity; qualitative research methods; quantitative research methods.

Актуальность патриотизма как объекта научного изучения в современной России возрастает. Ранее проведенные автором исследования динамики патриотизма позволяют сделать вывод о том, что главной причиной этого роста является усиление напряженности международных отношений [6]. Патриотизм в таких условиях выполняет роль объединяющего социально-политического фактора. Реальные внешние угрозы или представления об их существовании запускают в таких политических сообществах, как нации, поиск внутренних защитных механизмов. Усиливается потребность людей в присоединении к другим, и естественной основой такого присоединения становится широко понимаемый патриотизм.

Патриотизм принимает участие в формировании установок людей относительно таких объектов коммуникации, как отдельные органы власти и государство в целом; сограждане; другие страны. Сформированы патриотическим дискурсом установки определяют действия людей и социальных групп в широком интервале конфликт – сотрудничество. При этом патриотизм может одновременно стимулировать сотрудничество в сообществе внутри государственных границ и провоцировать враждебность за этими границами. Тенденция усиления роли патриотизма характерна не только для России. Ее глобальность объясняет повышение внимания исследователей мировых научных центров к различным аспектам этого феномена [7].

Однако, высокая актуальность патриотизма не делает автоматически этот феномен строго определенным. Характеристики патриотизма, по поводу которых в современной науке сформирован относительный консенсус, сводятся к следующему. Как правило, патриотизм понимается как эмоция и ценность одновременно. В качестве эмоции патриотизм характеризуется принадлежностью к большой социально-политической общности. Наиболее часто термин «патриотизм» применяется к таким общностям, как страна или регион. В данном случае регионы могут существенно различаться масштабом. Они могут объединять несколько государств (примером такого региона является Европа) или быть частью одного государства (например, Кубань в РФ). Важным атрибутом патриотизма является его системообразующий характер. Патриотизм выступает ценностью для определенного сообщества. К таким сообществам можно отнести граждан государства или жителей региона. По мнению автора, на этом под характеристиками патриотизма, по поводу которых сложился научный консенсус, можно подвести черту. Очевидно, что содержание понятия патриотизма остается неопределенным: чувство причастности к

государству во многом определяется тем, какое это государство. . Первым аспектом сложности патриотизма как объекта научного исследования является низкая определенность содержания данного концепта.

Патриотизм выполняет регулятивную социальную функцию, поскольку он определяет ряд базовых установок людей. Однако, разные люди в одной и той же ситуации воспринимают патриотизм по-разному и действуют по-разному. Это не только проблема структуры социального действия и ее ценностных детерминант. Безусловно, одни и те же ценностные установки, детерминируемые нормами поведения конкретного общества, могут проявляться в совершенно различных формах [2]. По мнению автора, различия направленности действий патриотически ориентированных людей определяются также разным пониманием патриотизма в границах одного сообщества и одного исторического периода. Л.В. Рожкова и О.В. Сальникова показали на результатах эмпирического исследования 2021 года в Пензенской области, что большая часть молодых людей, относящих себя к патриотам, не поддерживает протестные акции и считает, что такую активность нужно пресекать (50 %). В то же время, в данной группе молодежи значительно больше, чем в целом по молодежной выборке, людей, которые одобряют акции протеста и готовы присоединиться к ним в будущем (27,59 % против 8,87 %) [5, 143]. Таким образом, молодые патриоты в регионах России более активны политически, чем молодые люди в целом. При этом уровень охранительной активности значительно выше, чем протестной. Но все же активность молодежи имеет различную направленность, в том числе явно противоположную. Как лояльность власти, так и протест выступают проявлениями патриотизма.

Выше было указано на то, что патриотизм является ценностью. Данные характеристики определяют такую особенность этого концепта в качестве объекта исследования, как политическая чувствительность. Выступая ресурсом власти или оппозиции, а часто – их обеих, патриотизм попадает под защиту политических субъектов от того, что последние воспринимают как разрушительную критику. При этом критика может быть направлена только на конкретные проявления принятой в данном обществе модели патриотизма или же подчеркивать внутренние противоречия этой модели. Это не уменьшает шансов исследователей патриотизма оказаться жертвой политической чувствительности объекта их изучения.

Однако на этом перечень аспектов сложности патриотизма не

заканчивается. Восприятие патриотизма может быть разным в зависимости от того, методами какой науки осуществляется его исследование. М.А. Абрамов иллюстрирует эту проблему следующим образом: рассмотрение патриотизма в русле религиозной философии предполагает конкретное содержание данного концепта, и оно значительно отличается от патриотизма в рамках, например, социоконструктивистского подхода. Позиционирование объекта сохраняется, то есть в обоих случаях ставится вопрос о сущности патриотизма. Но, помимо названия, различные прикладные аспекты патриотизма в зависимости от применяемого научного подхода мало что объединяет. В первом случае изучается богоданность власти, роль народов в истории, мессианская роль конкретного народа, а во втором – предпосылки формирования конструктивно ориентированного мировоззрения. По этой причине М.А. Абрамов предлагает, во избежание концептуальной неопределенности, уточнять как первоначальную модель патриотизма, так и совокупности применяемых теоретических подходов [1, 13].

Исследование динамики патриотизма, по мнению автора, позволяет не только диагностировать и оценить изменения важных социальных характеристик, но также является основанием для прогноза доминирующих социально-политических трендов. Автор рассматривает патриотизм в качестве системообразующего элемента сложной системы мировоззрения человека. Содержание патриотизма определяет многие аспекты социальной практики людей. Актуальность, в том числе прикладная, динамики патриотизма как объекта изучения, ставит вопрос об особенностях этого объекта.

Понятие динамики патриотизма является очень широким. В этой динамике можно выделить два основных аспекта. Первый – изменение содержания понятия патриотизма в различные исторические периоды. Характер таких изменений можно определить понятием исторической стабильности. Автор понимает под исторической стабильностью неизменность содержания какого-либо феномена людьми в различные исторические периоды. Содержание феномена далеко не всегда фиксируется официально, оно определяется главным образом восприятием феномена общественным мнением и изменяется тоже в общественном мнении.

Вторичный анализ результатов ранее проведенных исследований показывает, что для патриотизма характерна очень низкая историческая стабильность. Подобная характеристика означает, что на протяжении различных исторических периодов сохранялось лишь слово –

определение, но его содержание существенно изменяется. Выводы исследования В. Ливцова и А. Пожидаева ярко иллюстрируют низкую историческую стабильность патриотизма. В период Великой французской революции и войны за независимость британских колоний слова «патриот» и «революционер» были синонимами [3]. В настоящее время они не являются синонимами. Современное понимание патриотизма, в том числе его кросс-культурный аспект, заслуживает большего внимания. Мы знаем о содержании патриотизма далеко не все, что нужно. При этом нет никаких подтверждений того, что изменения восприятия идеи патриотизма общественным мнением больше не происходят. Первый аспект динамики патриотизма можно назвать историческим, он работает на больших отрезках времени. Инструментом фиксации данной динамики является главным образом изучение мемуарной литературы.

Второй аспект этой динамики – изменение относительной доли членов сообщества, которые относят себя к патриотам в течение достаточно короткого времени, то есть при жизни одного поколения. Второй аспект можно назвать социальным, он проявляется среди людей одной исторической эпохи и характеризует отношение представителей больших социальных групп к патриотизму в небольших временных интервалах, измеряемых годами. Инструментом фиксации такой динамики являются социологические исследования.

Оба аспекта динамики патриотизма актуальны как в научном, так и в практическом плане. Учет исторического аспекта предполагает обязательное уточнение содержания понятия патриотизма в обществе в период исследования. Восприятие патриотизма далеко не универсально и очень изменчиво. Восприятие патриотизма в качестве константы и использование исторических аналогий приведет к серьезным ошибкам в прогнозе активностей людей на основании отнесения этими людьми себя к патриотам. Для того, чтобы избежать ошибок по исторической аналогии, необходимо до начала исследования феноменов «патриотического спектра» понять, чем они являются для общественного сознания в конкретных социально-политических условиях.

Актуальность второго аспекта динамики патриотизма определяется высоким объяснительным и прогнозным потенциалом правильной оценки патриотизма. Экстраполяция с использованием динамики патриотизма позволяет прогнозировать политические предпочтения граждан, в том числе в электоральной сфере. Как было сказано выше, патриотизм выступает ценностным ядром картины мира человека. Он активно воздействует на сложную систему предпочтений

людей. В силу этого его уровень и направленность изменений содержания патриотизма позволяют реконструировать данную систему предпочтений как в настоящее время, так и в будущем.

Исследования различных аспектов современного российского патриотизма, проведенные автором, позволили предложить оптимальные методы исследования патриотизма и его динамики. Для изучения содержания патриотизма адекватными являются качественные методы. Исследователи могут делать выводы о содержании данного понятия на основе анализа различных видов текстов: научных, публицистических, художественных и мемуарных. Объект исследования – тексты, что определяет возможность использования методов, которые обычно применяются для исследования текстов. Практика подтверждает эффективность такого метода, как композиционно-содержательный анализ текста. Данный метод характеризуется относительной простотой, но в то же время он достаточен для достижения наших целей. Изучение содержания патриотизма в период зарождения данного концепта требует работы с историческими источниками и исключает исследование научной литературы тех эпох, поскольку патриотизм еще не был объектом научного анализа.

Для оценки динамики уровня патриотизма целесообразно использовать количественные методы. Качественные методы адекватны лишь при исследовании динамики в историческом аспекте. Однако, в этом случае, анализ динамики патриотизма возможен лишь на примере очень больших исторических периодов. Динамика патриотизма в современной РФ предполагает использование такого количественного метода, как вторичный сравнительный анализ простых процентных распределений. В России массовые репрезентативные опросы общественного мнения на тему патриотизма регулярно проводятся около двадцати лет. Такой относительно длительный период обеспечивает возможности вторичного анализа, то есть для изучения процентных распределений ранее проведенных исследований.

При изучении динамики патриотизма объектом вторичного анализа являются результаты панельных опросов общественного мнения Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). Собранная ФОМ информация позволяет исследовать изменения общественного мнения, в том числе представлений о патриотизме, на большом отрезке времени [4]. Двадцатилетний период накопления результатов опросов автор рассматривает в качестве достаточного. Такая протяженность наблюдений дает возможность сравнительного анализа среднегодовых значений простых процентных распределений: двадцатилетний период

разбивается на несколько (в зависимости от целей исследования) меньших по длительности примерно одинаковых интервала, после этого исследователь сравнивает и интерпретирует средние показатели каждого из них. Количество периодов для сравнения определяется целями исследования. Автор изучал динамику патриотизма по данной методике с использованием результатов ФОМ, для чего разделил период с 2006 по 2023 гг. на три примерно равных отрезка времени: с 2006 по 2012, с 2012 по 2018, с 2018 по 2023. Показателем динамики автор выбрала среднегодовое увеличение доли россиян, которые называли себя патриотами. В течение первого периода такое возрастание составило 1,17 %, второго – 2,17 %, третьего – 1,4 %. Во втором периоде увеличение исследуемого показателя значительно превышает первый и третий. Этот существенный рост и последующее снижение можно далее интерпретировать, что выходит за рамки нашего исследования.

В результате изучения патриотизма и его динамики в качестве объектов научного анализа автор пришел к нескольким выводам. Как собственно патриотизм, так и его динамика имеют ряд особенностей. Патриотизм как объект научного исследования характеризуется низкой определенностью содержания. Разные люди по-разному понимают, что такое патриотизм. Как результат, люди, которые относят себя к патриотам, действуют в совершенно противоположных парадигмах, от протестной до охранительной. Концепт патриотизма имеет высокую политическую чувствительность. Он может служить ресурсом как власти, так и оппозиции, а достаточно часто – их обеих, и в результате собственная трактовка патриотизма попадает под защиту этих политических субъектов, в том числе под защиту от нежелательных научных трактовок. Наконец, содержание патриотизма может восприниматься по-разному в зависимости от того, методами какой науки ведется его изучение.

Особенности динамики патриотизма как объекта научного исследования имеют два основных аспекта. Первый объединяет трудности, связанные с изменением содержания патриотизма в процессе социально-политического развития на длительных исторических интервалах. Для патриотизма характерна очень низкая историческая стабильность. Восприятие патриотизма со временем может существенно изменяться. Показательным примером является восприятие патриота как революционера в период Великой французской революции и войны за освобождение британских колоний в Северной Америке.

Второй аспект особенностей динамики патриотизма характеризует изменения отношения людей к патриотизму в относительно небольших

временных интервалах, которые измеряются годами. В настоящее время подобную динамику фиксируют результаты массовых репрезентативных опросов общественного мнения.

Научный анализ разных аспектов динамики патриотизма требует применения различных методов. Для первого аспекта оптимальны качественные методы анализа текстов, для второго – количественные методы, в том числе сравнительный анализ процентных распределений за разные периоды времени.

Библиографический список

1. Абрамов М.А. Методологические основания исследования патриотизма// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 13-15.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм; переводчик А. Н. Ильинский; под редакцией В. А. Базарова. М., Издательство Юрайт. 2019.
3. Ливцов В., Пожидаев А. Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему//Свободная мысль. 2016. № 6 (1660). С. 151 – 162.
4. Патриотизм и патриоты. Должен ли каждый быть патриотом? 9 июня 2023//Фонд Общественное мнение. <https://fom.ru/TSenosti/14882>
5. Рожкова Л. В., Сальникова О. В. Патриотизм в структуре политического и протестного потенциала современной молодежи // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 138–147.
6. Савва Е.В. Динамика представлений россиян о патриотизме// Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9. С. 60–64.
7. Brooks David The Necessity of Patriotism (Even in Times Like These). March 30, 2023//The New York Times. <https://www.nytimes.com/2023/03/30/opinion/patriotism-america-gen-z.html>

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА

FEATURES OF CIVIL AND PATRIOTIC EDUCATION OF PRESCHOOLERS IN THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT OF THE REGION

С.В. Мажаренко

*Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия*

S.V. Mazharenko

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

Аннотация: В статье акцентируется внимание на актуальности вопроса гражданско-патриотического воспитания детей в условиях поликультурной среды

региона, рассматриваются основные особенности данного процесса применительно к организации воспитательно-образовательной работы с детьми дошкольного возраста; устанавливается семантическая связь понятий «патриотизм» и «гражданственность» с национальной спецификой, сделан вывод о том, что процесс гражданско-патриотического воспитания в поликультурном обществе безальтернативно включает этнокультурный компонент, предусматривающий приобщение к богатству национальных традиций и культур многонационального российского народа.

Abstract: the article focuses on the relevance of the issue of civil-patriotic education of children in the multicultural environment of the region, examines the main features of this process in relation to the organization of educational work with preschool children; establishes a semantic connection between the concepts of "patriotism" and "citizenship" with national specifics, concludes that the process of civil-patriotic education in a multicultural society has no alternative but to include an ethnocultural component, providing for familiarization with the wealth of national traditions and cultures of the multinational Russian people.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, поликультурная среда, национальная культура, национально-гражданская идентичность, дошкольники, педагогический процесс, продуктивные технологии.

Keywords: patriotism, citizenship, multicultural environment, national culture, national and civic identity, preschoolers, pedagogical process, productive technologies.

Решение задач гражданско-патриотического воспитания становится ключевым ориентиром новых образовательных стратегий. Современная повестка национальных регламентов требует создания единого «цементирующего начала» и адекватной формулы укрепления российской государственности с повышением роли институтов социализации в воспитании достойных граждан нашего общества. Гражданско-патриотическая социализация личности происходит в поликультурной среде в контексте всего богатства национальных традиций и культур многонационального российского народа.

Объективно обусловленный переход к национально ориентированному образованию имеет целью «воспитание гражданина России, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененного в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [2]. Это накладывает особую меру ответственности на педагогов, которые должны учитывать фактор многонациональности нашего государства в проектировании актуальных моделей воспитательной деятельности. Игнорирование этого вопроса представляет, с одной стороны, угрозу национальной безопасности России, создавая условия для острых противоречий и конфликтов на национальной почве, а с другой – препятствует полноценной самореализации личности в поликультурной среде жизнедеятельности.

Россия всегда была колыбелью многих народов, объединенных

сознанием своего территориального единства и разделяемых ценностей, вследствие чего этнический фактор был и продолжает оставаться неотъемлемой составляющей взаимоотношений людей независимо от рода их жизнедеятельности. Более того, усиление миграционных потоков провоцирует неуклонный рост культурного разнообразия российских регионов, происходит усиление свободного и беспрепятственного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам. Следовательно, в процесс гражданско-патриотической социализации личности неизбежно включены субъекты, которые являются представителями различных этнических и религиозных групп, и этот факт нельзя упускать из внимания педагогам и другим воспитывающим взрослым. Каждый народ является носителем базовых национальных ценностей, привносит своеобразие в общую культуру российского общества.

Детерминируемое поликультурной природой российского общества толкование патриотизма и гражданственности всегда предполагало национальный контекст и имело соответствующую интерпретацию данных терминов. Так, в семантическом поле понятия «патриотизм» довольно четко обозначена национальная составляющая, где наряду с нравственным компонентом, характеризующим чувство преданности и любви к родине, зачастую включаются следующие трактовки:

- особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям;
- гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять ее культурные особенности и идентификацию себя с другими членами народа;
- чувство любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям, быту, проявлениям великодушия и толерантности в отношении других народов. И т.д. [1, с. 19].

Как отмечает Харламов И.Ф., истинный патриотизм не имеет ничего общего с замыканием человека в узких национальных интересах, гуманистичен по своей природе и включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным обычаям и традициям, к их самостоятельности и независимости и неразрывно связан с культурой межнациональных отношений [3, с. 350]. По определению Мусиной Е.В., особенность патриотизма в поликультурном социуме состоит в том, что его носители признают равное право всех других народов на свободное развитие, национально-культурную самобытность, традиционный для них образ жизни, присущие им ценности, нормы, традиции [1, с. 25].

В свою очередь, гражданственность в российском варианте отличается от западной концепции «плавильного котла», индифферентной к многообразию культур и предполагающей обезличенное слияние всех народов в одну нацию. В российском формате действует концепция

своеобразного «оркестра» народов с признанием равноправности, незаменимости, уникальности и самоценности каждого этноса, провозглашением культурного разнообразия и богатства традиций. При этом имеется некий связующий элемент, объединяющее начало – российская идентичность. Специфика российской идентичности заключается в ее национальном характере и базируется на сочетании государственного компонента с чувством принадлежности к единой нации, ее истории и культуре, спаянных всеми народами, населяющими нашу страну.

Исходя из данных рассуждений, можно утверждать, что гражданско-патриотическое воспитание, безусловно, включает этнокультурный компонент и «ориентировано на формирование личности, утверждающей и развивающей гармоничные отношения с представителями различных этнических групп на основе взаимной открытости, интереса, терпимости и социальной поддержки» [1, с. 38]. Подобные отношения не являются врожденной программой действий и формируются в процессе целенаправленного воспитания личности под влиянием различных агентов социализации.

Формирование эффективной модели гражданско-патриотического воспитания с поправкой на поликультурный характер среды социализации личности является первостепенной задачей образования на всех его уровнях. Возрастные закономерности развития дошкольника выводят данный возраст в ранг особенно благоприятных периодов для введения его в поликультурную реальность. Это период активного приобщения ребенка к социальной действительности через вхождение в пространство человеческих отношений, присвоение обширного социокультурного опыта.

Учитывая объективные реалии, ребенок с самого рождения находится в поликультурной среде, включающей процессы межкультурной коммуникации представителей различных этнических культур. Встреча с разнообразием культур – факт его бытия, который накладывает отпечаток на процессы социализации и культурной идентификации личности. В данной ситуации основная задача педагогов – максимально использовать бесценный потенциал этнокультурного окружения для воспитания личности гражданина и патриота, принимающего этнокультурное разнообразие, готового к межкультурному диалогу, впитавшего ценности многонационального российского народа.

Процесс гражданско-патриотического воспитания, включающий формирование национально-гражданской идентичности, нацелен на успешное решение интегративной задачи: воспитание ребенка как представителя собственного этноса (народа) и как субъекта многонационального государства, закладывание основ этнической и гражданской самоидентификации. В основе воспитания гражданско-патриотических чувств лежит ознакомление дошкольников с историей,

традициями страны и края, культурой родного и других народов, проживающих в России. Данная работа осуществляется посредством ознакомления ребенка с окружающей социокультурной действительностью, включение его в систему отношений, ценностей, нравственных норм, духовных и культурных традиций. Образовательный процесс строится исходя из того, что каждый ребенок должен не только осознавать себя носителем культурных традиций своего этноса, но и испытывать интерес, симпатию к культуре и представителям других этнических групп.

Введение объективной, достоверной, свободной от стереотипов информации об этническом и культурном разнообразии в целостный педагогический процесс меняет представления детей о собственной и других этнических группах. Это становится базовой основой для закладывания основ этнической и гражданской идентичности, вносит вклад в формирование общей культуры личности через приобщение к лучшим образцам традиционных социокультурных и духовно-нравственных ценностей. В данном случае совершенно не имеет значение количественный показатель, предполагающий увеличение численности рассматриваемых культур, важно показать их объективное разнообразие и взаимосвязь на основе нахождения общего и различного в культурных особенностях.

В процессе образовательной работы дети не только постигают факт существования разных народов, но и знакомятся со всем культурным разнообразием, которое проявляется в национальных символах, традициях, обычаях, предметах быта, фольклоре, этических нормах, особенностях коммуникации, основных хозяйственных занятиях людей и традиционных ремеслах. Примерное содержание тематики по ознакомлению детей с этнокультурным разнообразием страны и региона проживания может выглядеть так:

- 1) внешность, национальный костюм;
- 2) предметы быта, жилища;
- 3) традиционные ремёсла, декоративно-прикладное искусство;
- 4) народные игры и развлечения;
- 5) музыкальное искусство (певческое, танцевальное искусство, музыкальные инструменты);
- 6) традиции и обычаи;
- 7) народные и национальные праздники;
- 8) народный фольклор.

Каждая тема (раздел) рассчитана на реализацию во всех возрастных группах и предусматривает необходимый (адекватный) уровень сложности этнокультурного материала. В реализации обозначенной тематики необходимо исходить из понимания того, что чем младше дети, тем ближе и понятнее им должно быть предлагаемое культурное содержание, которое соответствует непосредственному, личному опыту ребенка. По мере

взросления ребенка, расширения его опыта и познавательного интереса, развития умения представлять объекты и явления, не находящиеся в непосредственном окружении, предлагаемая информация усложняется.

Отсюда, траектория включения детей в этнокультурную реальность имеет определенную закономерность на основе принципа «от близкого» и определяется движением ребенка от освоения культуры своего народа к восприятию культуры ближайшего этнического окружения, а затем –приобщением к ценностям культур других народов страны. Это позволяет последовательно и постепенно, на необходимом уровне трудности, включать ребенка в освоение этнокультурного материала.

Данный подход соотносится с основным программным документом, регламентирующим воспитательно-образовательный процесс в дошкольных организациях. Так, в федеральной программе дошкольного образования задача ознакомления детей с инокультурным содержанием формулируется со старшего дошкольного возраста: воспитывать патриотические и интернациональные чувства, уважительное отношение к Родине, к представителям разных национальностей, интерес к их культуре и обычаям [2]. В младшем и среднем возрасте дети погружаются в собственную культурную традицию, знакомятся с русской культурой в рамках обогащения представлений о семье, малой родине.

Процесс приобщения детей к культуре своего и других народов должен быть органично вплетен в общую логику воспитания человека, знающего и уважающего историю, культуру, традиции своей семьи, малой и большой Родины. Принципиально важно, что процесс усвоения тех или иных знаний вызывает определенные эмоции, чувства, которые трансформируются в эмоциональное отношение, приобретающее форму взглядов и убеждений личности. Ознакомление с культурой своего и других народов опосредуется формированием позитивного отношения к воспринимаемым культурным ценностям, явлениям, объектам, что обуславливает создание положительного эмоционального образа как своей, так и иных культур.

Содержание воспитательно-образовательной работы с детьми необходимо осуществлять на деятельностной основе, что предполагает использование активных методов проблемного, исследовательского характера. Исходя из этого, педагоги в ходе работы с детьми должны опираться на технологии продуктивного обучения, которые ориентированы на преодоление отчуждения ребенка от содержания обучения и делают его лично значимым для самого ребенка. В контексте решения задач гражданско-патриотического воспитания дошкольников педагоги могут применять следующие продуктивные технологии: мини-музей, лента времени, моделирование, ИКТ-технологии, проектная деятельность, квест-игра, лепбук, технология «ТРИЗ», макетирование, виммельбухи, кейс-технология, технология мастерских и другие.

Сочетание познавательного, эмоционального и деятельностно-практического аспектов проводимой работы позволит обеспечить достижение планируемых результатов освоения образовательной программы по данному направлению в рамках поставленных задач.

Таким образом, организация работы по гражданско-патриотическому воспитанию дошкольников ориентирована на закладывание основ личности с позитивной этнической идентичностью, открытой к пониманию и принятию иных культурно-ценностных оснований, ориентированной на успешную коммуникацию и взаимодействие в поликультурной среде. Это будет формировать благоприятный прогноз личностного развития ребенка и способствовать его успешной адаптации и самореализации в поликультурной среде региона.

Библиографический список

1. Мусина, В.Е. Патриотическое воспитание школьников : учебно-методическое пособие / В.Е. Мусина. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 156 с.
2. Приказ Министерства просвещения РФ от 25 ноября 2022 г. № 1028 "Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования" URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405942493/?ysclid=lfzmswwfga25661487> (дата обращения: 03.11.2024).
3. Харламов И.Ф. Педагогика. – М.: Гардарики, 1999. – 520 с., С.350.

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ КРЫМУ ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ И АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ¹

CHANGES IN ETHNIC IDENTITY IN THE RUSSIAN CRIMEA, BASED ON THE RESULTS OF POPULATION CENSUSES AND QUESTIONNAIRES

А.В. Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Раскрыты изменения этнической идентичности в Крыму (2014–2024 гг.). Автор аргументирует вывод об укреплении русской этнической идентичности при ослаблении украинской и стабильности крымскотатарской. Изменения стали итогом самоорганизации этнических общностей, актуализации их маркеров идентификации, политики идентичности. Доминирует неконфликтное восприятие межэтнических отношений. Консолидация российской гражданской идентичности совершается в Крыму вокруг ценностей и символов русской идентичности.

Abstract. The changes of ethnic identity in Crimea (2014-2024) are revealed. The author argues for the conclusion about the strengthening of Russian ethnic identity with the weakening of Ukrainian and the stability of Crimean Tatar. The changes were the result of the self-organization of ethnic communities, the actualization of their identification markers, and identity politics. The non-conflict perception of interethnic relations dominates. Consolidation of Russian civic identity is taking place in Crimea around the values and symbols of Russian identity

Ключевые слова: этническая идентичность, Крым, изменения, социологические исследования, переписи населения.

Keywords: ethnic identity, Crimea, changes, sociological research, population censuses.

---

¹ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013

Воссоединение Крыма с Россией означает не только интеграцию политических институтов и норм законодательства, но и укрепление российской идентичности, обеспечение межэтнического и межконфессионального согласия. Данные задачи достижимы при целенаправленной, обеспеченной ресурсами и научно обоснованной политике идентичности. Крымский опыт воссоединения актуален для Донбасса и Новороссии, важен и в теоретическом аспекте – как пример «регенерации» социокультурного и политического единства исторической России.

Среди исследований темы отметим публикации, которые основаны на самостоятельных эмпирических исследованиях и раскрывают этапы изменений идентичностей в Крыму. В том числе, это статья Р.А. Старченко [17], монография Н.В. Киселёвой, А.В. Мальгина, В.П. Петрова и А.А. Форманчука [21], доклад В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко и В.В. Степанова [6], статья В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина [12], монографии И.В. Юрченко, А.В. Баранова, М.В. Донцовой и Н.Н. Юрченко [9], Е.В. Бродовской, А.А. Ирхина, А.М. Канаха, Д.Н. Карзубова, Л.П. Нелиной и О.В. Ярмак [11]. Представляют интерес работы крымской школы политической географии, раскрывающие территориальные аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений [3; 1].

Цель статьи – раскрыть изменения этнических идентичностей в региональном сообществе за время воссоединения Крыма с Россией по материалам анкетных опросов и переписей населения (2014–2024 гг.).

Теоретическая основа – конструктивизм, дающий возможность разграничить концепты «гражданская нация» и «этнические группы (народы)». Этнические группы трактуются как сообщества людей, конструируемые на основе культурных отличительных признаков (языка, дискурса, символов, исторических мифов и памяти, обычаев). Таксономия этнических групп и границы между ними, выраженные в ориентациях и установках самосознания, подвижны и могут быть изменены путём информационных кампаний, вследствие повседневных социальных практик.

Эмпирическую базу составляют опубликованные результаты опросов face to face, проведённых в Республике Крым и г. Севастополе (Кубанским государственным университетом в 2017–2019 и 2024 гг., Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского в 2019 г., Крымским филиалом ФНИСЦ РАН в 2022–2023 гг.). Итоги опросов сопоставляются с результатами переписей населения 2001, 2014 и 2020 гг. Учтено картографирование этнодемографических и

этнополитических процессов.

Крым – один из наиболее полиэтничных регионов России. В Крыму сложилось многосоставное общество. Уникальность Крыма – и в своеобразии этнической структуры его местных сообществ (от русских Севастополя и Керчи до сельских районов с весомой долей крымских татар – Белогорского, Симферопольского, Бахчисарайского). Воссоединение Крыма с Россией характеризуется постепенной межэтнической интеграцией и снижением уровня конфликтогенности в регионе.

По переписи 2001 г., русские составляли 60,2% населения Автономной Республики Крым и г. Севастополя, украинцы – 23,9%, крымские татары – 10,2% [19]. Перепись сопровождалась частыми обоснованными заявлениями русских общественных объединений о принудительной украинизации. Этнические идентичности крымчан имеют высокую степень совместимости с конфессиональностью. Опрос, проведенный Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова в феврале – марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), доказал, что свыше 85% русских и украинцев назвали себя православными, а практически все крымские татары – мусульманами. Но русский язык являлся общепринятым средством общения и им владеют представители всех народов на полуострове [16, с. 27–39].

Отметим весомые изменения этнических идентичностей в условиях воссоединения Крыма с Россией. В октябре 2014 г. состоялась региональная перепись населения Республики Крым и г. Севастополя. По сведениям Росстата, на полуострове постоянно проживали 2284,8 тыс. чел., из них 96,2% указали свою этничность. Русские составляли 67,9% населения Республики Крым и г. Севастополя, указавших этничность, украинцы – 15,7%, крымские татары – 10,6%. Ещё 2,05% назвали себя татарами, что на порядок превышало уровень 2001 г. (0,57%). Очевидно, многие назвавшие себя татарами относятся к крымским татарам. Не указали этничность 87,2 тыс. жителей Крыма (3,8%) – в 8 раз больше, чем в 2001 г. Этот уровень близок удельному весу жителей, не ставших гражданами РФ – 2,5% [15].

Многие украинцы и белорусы в Крыму сделали выбор в пользу признания себя русскими. Этим, как и слабыми этническими дистанциями между славянскими народами, можно объяснить значительное снижение удельного веса украинцев, так как значительного выезда из Крыма не было. Выбор в пользу русской идентичности вызван также русскоязычием многих народов. При переписи 2014 г. назвали русский язык родным 84% жителей Крыма – больше, чем в 2001 г.

(79,1%). Считали русский язык родным 79,7% украинцев в Крыму и 5,6% крымских татар [2]. По переписи 2014 г., «сравнительно низкий уровень владения языком, соответствующим национальности, у крымчаков (2,6%), караимов (4,9%), греков (25,5%) и немцев (22,8%). Сравнительно высокие показатели владения языком, соответствующим национальности, среди русских (99,9%), армян (45,6%), украинцев (44,6%), татар (39,9%) и болгар (по 39,5%). Среди крымских татар 38,7% населения указали владение крымскотатарским языком и 13,5% – татарским» [7, с. 119].

Перепись населения осенью 2020 г. дала численность постоянных жителей Крыма 1934,6 тыс. чел. в республике и 547,8 тыс. чел. в г. Севастополе – итого 2482,4 тыс. чел. Из них указали этничность 91,9% в республике и 83,1% в городе. Русское население (по самооценке) составляет 72,9% в республике и 90,1% в Севастополе, а в целом на полуострове – 76,4%. Украинское население, соответственно, – 8,2 и 5,6%, а на всём полуострове – 7,7%. Крымские татары (к ним добавлены назвавшие себя «татарами» для сопоставимости с данными 2014 г.) – 15,7% в республике и 1,2% в городе, 12,7% на полуострове [4]. Важны закономерности: русское население Крыма имеет самый высокий процент горожан, а крымскотатарское – самый малый; украинское население Крыма – наиболее пожилое, а крымскотатарское – наиболее молодое; в силу повышенной рождаемости удельный вес крымских татар возрос за 2014–2020 гг. в сельских районах степной и предгорной зон Крыма. Индекс этнической мозаичности почти во всех муниципальных образованиях снижается (индекс этнической мозаичности Б.М. Эккеля по переписи 2014 г. составлял в Республике Крым 0,508, а в Севастополе – 0,388). Самые полиэтничные в Крыму – Джанкойский, Первомайский, Красноперекопский сельские районы, г. Судак, а самые моноэтничные – г. Севастополь, Керчь и Феодосия [20, с. 34].

Причинами весомых изменений этнического состава населения Крыма следует признать добровольную смену идентичности, значительный миграционный приток из основной, «материковой» части России после 2015 г., объяснимый масштабными экономическими проектами на полуострове.

Проверим статистические сведения по опубликованным данным анкетных опросов. При исследовании, проведённом Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель – июнь 2016 г., выборка 1101 чел.), респонденты, в первую очередь, считали себя «гражданами России» (43,1%) и «жителями Крыма» (35,3%), «жителями планеты» (9,4%), «жителями своего города, района» (8,4%). Гражданами

Украины признавали себя 1,1%. В сравнении этнических групп считали себя, в первую очередь, гражданами России 52% русских, 28% украинцев и 8% крымских татар. Воспринимали себя, прежде всего, как жителей Крыма, 30% русских, 42% украинцев и 65% татар. Различия этнических групп в восприятии украинской и локальной идентичностей несущественны. Удельный вес считающих себя в первую очередь гражданами России, в городах Крыма был 47%, а в сельской местности – 38%. Региональной идентичности привержены в большей мере сельские жители (46%), а не горожане (28%) [14, с. 11–15].

Близкие пропорции дал опрос, организованный специалистами Института этнологии и антропологии РАН в г. Симферополе и Симферопольском районе (2016 г., полиэтничная выборка 600 чел. старше 18 лет). В целом по выборке гражданская идентичность признавалась первостепенной 47% опрошенных, региональная – 39%, а этническая – 20%. Этнические русские по самооценке чаще других народов считали гражданскую идентичность приоритетной (54% ответов), среди опрошенных украинцев таких было 44%, а среди крымских татар – 10%. Удельный вес признающих приоритетность гражданской идентичности нарастает среди горожан, лиц среднего и пожилого возраста в сравнении с молодёжью. Конкурирующей идентичностью в отношении гражданской выступала, прежде всего, региональная (в подвыборках крымских татар – 50% и, в меньшей степени, украинцев – 38%) [13, с. 6–8].

Анкетный опрос крымских татар, проведённый ВЦИОМ и Институтом социологии РАН в октябре 2015 г. (выборка – 1200 чел.) дал результаты: называли себя, прежде всего, народом (81%), жителями Крыма (58%), мусульманами (51%). Среди них 16% назвали себя в первую очередь россиянами, в т.ч. из числа поддержавших воссоединение Крыма с Россией – 36%. В территориальном аспекте риски сепаратизма и региональной обособленности сосредоточены в крупных городах и северных степных районах, прилегающих к Перекопскому перешейку [8, с. 60, 62, 64, 65].

Крымчане при социологических опросах подтверждают верность сделанному в 2014 г. выбору. При лонгитюдных опросах ВЦИОМ в марте 2020, 2021 и 2022 гг. 93% респондентов в Республике Крым и г. Севастополе одобрили воссоединение [13; 8].

Соотношение российской гражданской идентичности с этничностью в Крыму остаётся различным в основных этнических группах. Так, опрос студентов 17–25 лет, проведённый крымскими и московскими специалистами под руководством Е.В. Бродовской в 2017–

2019 г., (выборка 3200 чел., погрешность не более 3%), показал: считают себя в первую очередь гражданами России 48,3%, жителями Крыма – 40,3%, жителями своего города или села – 20,0%, приверженцами религии – 10,6%, людьми своей национальности – 9,7%. Российская идентичность вышла на первое место у 54% опрошенных русских, 37% крымских татар и 27% украинцев [11, с. 27, 30]. Другой опрос, проведённый по заданию Института этнологии и антропологии РАН О.В. Кульбачевской среди крымчан всех возрастов старше 18 лет, дал более высокий уровень российской идентичности – 67%, а 20% опрошенных выразили двойную (российскую и региональную одновременно) идентичность [10, с. 113–114]. Эти распределения подтвердились и при нашем пилотажном опросе студентов Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в октябре 2024 г.

Следует учитывать наличие факторов, негативно либо противоречиво влияющих на развитие межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Среди них – «облечение» регионального сообщества информационными потоками, генерированными геополитическими противниками (странами Запада, Украиной), усилившееся с началом СВО; асимметрия сетей политической коммуникации и источников знаний в разных этнических, социально-стратификационных и территориальных группах населения. Так, анкетный опрос М.В. Гаспаряна, проведённый осенью 2019 г. среди студентов и работающей молодёжи г. Симферополя и Ялты (выборка 280 чел. 18–30 лет) позволяет установить неравномерную удовлетворённость респондентов функционированием государственной власти. Так, удовлетворённость русских политико-организационной функцией власти составляла 34,8%, украинцев – 28,6%, а крымских татар – 26,7%. Удовлетворённость обеспечением безопасности, соответственно, – 44,4%, 14,3% и 23,5% [5, с. 10].

В отчёте доктора социологических наук, профессора В.А. Чигрина о результатах пилотажного исследования, проведённого Крымским филиалом ФНИСЦ РАН совместно с Министерством внутренней политики и информации Республики Крым (весна 2022 г., выборка 289 чел. старше 18 лет в г. Симферополе и Красноперекопске), отмечается неравномерный уровень доверия общественным и политическим институтам: наибольший – Президенту России (58,1%), Вооружённым Силам (51,3%) и Главе Республики Крым (41,5%), невысокий – телевидению (29,1%), конфессиям (26,8%), местному самоуправлению (26,0%), Государственному Совету РК (24,5%) и политическим партиям (15,85%). Потенциальная возможность участия в акциях протеста по

разным основаниям колеблется от 14,0 до 24,9% респондентов (уровень не вырос с 2018 и 2019 гг.) [18, с. 3–6].

Таким образом, региональное сообщество Крыма – сложносоставное с отчётливым внутренним выделением русского, украинского и крымскотатарского сообществ как самых многочисленных и определяющих «повестку дня». Но этнические, лингвистические и религиозные размежевания отчасти взаимно налагаются, что сдерживает их конфликт. Русская этническая идентичность большинства крымчан интегрирована в российскую гражданскую идентичность. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Сложилась сложносоставная региональная идентичность крымчан. Соотносят себя с ней и русские, и значительная часть украинцев, белорусов, армян, греков, представителей других народов. В современном Крыму русское этническое самосознание является не только основой региональной идентичности, но и смысловым «ядром» укрепления российской идентичности. Итак, русская этническая идентичность укрепляется, тогда как украинская ослабевает и крымскотатарская – устойчива. Данные изменения стали не только итогом самоорганизации этнических общностей, актуализации их символов гордости и маркеров идентификации (языка, конфессии, исторической памяти и др.), но и результатом целенаправленной политики идентичности. В общественном мнении доминирует неконфликтное восприятие межэтнических отношений на полуострове. Консолидация российской гражданской идентичности совершается в Крыму вокруг ценностей и символов русской идентичности.

Необходима научно обоснованная стратегия интеграции Крыма и России на основе укрепления национально-государственной идентичности, диалога этнических и конфессиональных сообществ. Ресурсы её прочности – практики активности этнических и конфессиональных групп Крыма, создание механизмов согласования и представительства групповых интересов, информационная, символическая, историческая и образовательная политика.

Библиографический список

1. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швеца, Д.А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021.
2. В Крыму живут представители 175 национальностей – предварительные итоги переписи. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/20417> (дата обращения: 11.10.2024).
3. Воронин И.Н., Сикач К.Ю., Сазонова Г.В., Швеца А.Б. Картографирование трансформационных процессов в этнодемографическом пространстве Крыма //

ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Т. 27, № 4. С. 273–291.

4. Всероссийская перепись населения 2020 года. Республика Крым. Итоги. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: www.82rosstat.gov.ru/folder/179764 (дата обращения: 11.10.2024).

5. Гаспарян М.В. Факторы легитимации политической власти (на примере молодёжи Крыма) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2019. Т. 5(71), № 4. С. 3–17.

6. Зорин В.Ю., Старченко Р.А., Степанов В.В. Гражданская идентичность и межэтнические отношения в Крыму. Полевая этностатистика. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016.

7. Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А.Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 119.

8. Качество жизни в Крыму – 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-zhizni-v-krymu-2021> (дата обращения: 30.09.2024).

9. Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов / И.В. Юрченко, А.В. Баранов, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2019.

10. Кульбачевская О.В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 114–115.

11. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития / Бродовская Е.В., Ирхин А.А., Канах А.М., Карзубов Д.Н., Нелина Л.П., Ярмук О.В. Севастополь: Севастопольский гос. ун-т, 2019.

12. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

13. Опрос показал, как крымчане оценивают присоединение к России. URL: <https://ria.ru/20200318/1568774660.html> (дата обращения: 30.09.2024).

14. Проект «Открытое мнение – Крым – 2016»: Краткий аналитический отчёт по итогам исследования. М.: Открытое мнение, 2016.

15. Росстат: большинство крымчан считают себя русскими. URL: <http://ria.ru/society/20150319/1053370183.html#14267873405313> (дата обращения: 11.10.2024).

16. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4–5 (122–123). С. 27–39.

17. Старченко Р.А. Особенности речевого поведения и региональная идентичность населения Крыма // Вестник Российского университета дружбы народов. Всеобщая история. 2014. № 1. С. 100–113.

18. Чигрин В.А. Краткий вариант отчёта об опросе 2022 г. Рукопись. Личный архив А.В. Баранова.

19. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 20.02.2022).

20. Швец А.Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом

баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2019. Т. 5(15). Вып. 4. С. 29–46.

21. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселёва, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь: Салта, 2015.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УДИНСКОЙ ОБЩИНЫ ЮГА РОССИИ)

THE ROLE OF NATIONAL ASSOCIATIONS IN PRESERVING ETHNOCULTURAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF THE UDI COMMUNITY IN THE SOUTH OF RUSSIA)

В.В. Дабаков

*Институт социологии и регионоведения Южного федерального
университета, г. Ростов-на-Дону, Россия*

V.V. Dabakov

*Institute of sociology and Regional Studies Southern Federal University, Rostov-
on-Don, Russia*

Аннотация. Настоящая статья посвящена удинской общине Юга России и удинским общественным объединениям, действующим в Ростовской области и Краснодарском крае. На примере удинской общины автор исследует деятельность национальных объединений, дает оценку их роли в деле сохранения этнокультурного самосознания в условиях полиэтнического бытия, а также в формировании межнационального согласия в многонациональном российском обществе. В статье также анализируется уровень взаимодействия национальных объединений с органами власти по вопросам регулирования межнациональных отношений и реализации приоритетных задач национальной политики государства. Кроме того, автор попытался определить некоторые проблемы, с которыми сталкиваются национальные объединения в ходе осуществления своей деятельности в соответствии с их уставными целями и задачами.

Abstract. The present article is devoted to the Udi community of the South of Russia and the Udi public associations operating in the Rostov Oblast and Krasnodar Krai. Using the Udi community as an example, the author examines the activities of national associations, assesses their role in preserving ethnocultural self-awareness in the context of multiethnic existence, as well as in the formation of interethnic harmony in the multinational Russian society. The article also analyzes the level of interaction between national associations and government bodies on issues of regulating interethnic relations and implementing priority tasks of the state national policy. In addition, the author tries to identify some of the problems that national associations face in the course of their activities in accordance with their statutory goals and objectives.

Ключевые слова: Удины, этнос, общественные объединения, национальная политика, межнациональные отношения.

Keywords: Udis, ethnos, public associations, national policy, interethnic relations.

Институты гражданского общества в нашей стране начали активно развиваться после объявления Перестройки в СССР и далее уже в постсоветской России. Одними из главных элементов гражданского общества в современном мире являются общественные объединения, которые относятся к одному из видов некоммерческих организаций, или, как еще принято их называть в мире, – неправительственные организации. К общественным объединениям относятся и различные объединения национальных диаспор и общин, которые в последние годы приобрели массовый характер в России. Не стал исключением и Юг России – регион с высокой плотностью населения и с неоднородным национальным составом.

Среди южных регионов особенно можно выделить Ростовскую область и Краснодарский край, пользующиеся наибольшим интересом у мигрантов. Причин тому несколько – это высокие экономические показатели этих регионов, географическая близость к странам Южного Кавказа и Средней Азии, а также давнее существование традиционных для региона диаспор. Следует еще отметить, что после начала боевых действий на Украине в 2022 году основной поток беженцев пришелся именно на Ростовскую область.

Правовую основу деятельности национальных объединений в Российской Федерации составляют Федеральные законы от 19.05.1995 №82-ФЗ «Об общественных объединениях», от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях», от 17.06.1996 №74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Особенно стоит отметить последний из вышеперечисленных, в котором законодатель конкретизировал и выделил специальный вид общественного объединения для национальных меньшинств в форме национально-культурной автономии с широкими правами и возможностями. Следует отметить, что в России сложилась практика, когда национальные объединения имеют двунаправленный характер деятельности. Другими словами, они создаются по двум основным причинам: во-первых, конечно же, с целью сохранения собственной культуры, языка и национальной самобытности; а во-вторых, это дает им возможность устанавливать контакты с органами власти и социальными институтами для выработки единых подходов по вопросам сохранения этнополитической стабильности, а также для получения возможности участия в принятии тех или иных решений в сфере национальной политики.

Как уже отмечалось выше, сегодня в России действуют различные объединения этнической направленности. Что же представляют собой эти организации? Какие функции выполняют они для сохранения и развития этнокультурного самосознания? Могут ли и должны ли они влиять на этнополитическую ситуацию в стране? Являются ли они положительным элементом гражданского общества, выполняя роль проводника между государством и различными группами в обществе? На каких принципах должны базироваться отношения органов государственной власти с объединениями национальных диаспор и общин? Все эти вопросы достаточно актуальны сегодня.

Как в других регионах страны в целом, так и на Юге России система взаимоотношений государственных органов и институтов гражданского общества в сфере регулирования межнациональных отношений в последние годы выстраивается довольно успешно. Главным ориентиром в выработке этих отношений и принятии различных правовых актов служит Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года [6]. На региональном уровне существует серьезная нормативно-правовая база в сфере национальной политики и взаимодействия с диаспорами и их общественными объединениями. Например, в 2019 году утверждена государственная программа Ростовской области «Региональная политика», в нее входит отдельная подпрограмма «Укрепление единства российской нации и гармонизация межэтнических отношений в Ростовской области» со сроком реализации 2019–2030 годы. Отдельно Постановлением Правительства Ростовской области от 18.04.2022 № 319 утвержден план мероприятий на 2022–2025 годы по реализации в Ростовской области Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [5].

Аналогичные правовые акты приняты и в Краснодарском крае: это План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах в Краснодарском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Подпрограмма «Гармонизация межнациональных отношений и развитие культур в Краснодарском крае» [1].

В настоящее время в этих двух регионах активно действуют различные организации национальных диаспор и общин. [2, с. 154]. Часть из них зарегистрированы в качестве самостоятельных юридических лиц, некоторые действуют как филиалы, часть же действуют вовсе без регистрации, что не противоречит Федеральному закону «Об общественных объединениях». Большинство из них входят в

Консультационные (Координационные) советы на региональном и местном уровнях, заседания которых созываются регулярно. Участие в заседаниях принимают как представители всех национальных объединений, так представители других общественных организаций и СМИ. Тематика встреч имеет самый разнообразный характер и касается не только межнациональных отношений, но обсуждаются и другие важные вопросы. Это указывает на вовлеченность национальных объединений в общественно-политическую жизнь регионов, что является показателем здорового формирующегося гражданского общества.

Отдельно остановимся на удинской общине. Удины являются одним из древнейших народов Кавказа и донесли до наших дней свой язык, культуру, обычаи и традиции [4, с. 82]. В древности удины были многочисленным народом и занимали современную территорию Азербайджанской Республики. Однако сегодня в мире насчитывается всего чуть более 11 тысяч удин, и единственным местом их компактного проживания является поселок Нидж Габалинского района Азербайджанской Республики.

В настоящее время в России проживает более 6000 удин. Основная часть российских удин живет на Юге России, прежде всего, в двух регионах – в Ростовской области и Краснодарском крае. В 2024 году активисты Автономной некоммерческой организации «Центр сохранения и развития культуры удинов «УдиМедиа», совместно с удинскими общественными объединениями, провели всеобщий опрос (перепись) удинского населения. По этим данным наибольшее количество удин в России проживает в Ростовской области – около 2800 человек. Из них в городах Шахты – 800 человек, Ростов-на-Дону – 450 человек, Таганрог – 500 человек. Остальные удины живут в Азовском, Матвей-Курганинском, Неклиновском, Мясниковском и Сальском районах области.

В конце 2011 года удины города Шахты зарегистрировали Региональную общественную организацию содействия в сохранении удинского языка, культуры, традиций «Община удин Ростовской области». Основной целью организации является создание условий для объединения всех удин для сохранения этнокультурной самобытности, родного языка, культуры и развитие связей с сородичами из других регионов России, а также с исторической родиной – Азербайджаном.

Кроме этого, представители Общины удин вместе с другими национальными объединениями активно участвуют в мероприятиях по укреплению межнациональных отношений в городе и

заблаговременному предотвращению возможных конфликтных ситуаций. Надо сказать, что в Шахтах проживает одна из самых больших удинских общин России. Первые семьи удин здесь появились в 80-х годах прошлого столетия. После распада Советского Союза и общего ухудшения социально-экономической ситуации многие удины в поисках лучшей жизни стали приезжать в Россию, в том числе в город Шахты [3, с 56.]. Можно констатировать, что город Шахты, а также Ростовская область в целом, оказались одними из главных пунктов прибытия удин. Этому способствовало несколько причин: во-первых, здесь уже проживали семьи удин, хоть и в небольшом количестве, однако они стали оплотом для новых переселенцев; во-вторых, близость к исторической Родине и привычный южный климат, который стал одним из решающих факторов в выборе места прибытия; в-третьих, высокие социально-экономические возможности региона и довольно терпимое отношение местного населения к приезжим. Удины, как носители русского языка и культуры, без особых проблем быстро адаптировались на новом месте.

Согласно сведениям проведенного опроса (переписи), в Краснодарском крае проживает около 2000 удин, из них более 1000 человек в самом краевом центре. Кроме того, удины живут в Куцеском, Динском, Ленинградском, Тбилисском районах (в двух последних живут в основном выходцы из бывшего Варташена, ныне город Огуз в Азербайджане). Также удины живут в городах Анапа, Новороссийск, Крымск, Белореченск, Тимашевск, Армавир и других.

Как и удины Ростовской области, в том же 2011 году удины Краснодара зарегистрировали Краснодарскую краевую общественную организацию «Культурный центр удин». Данная организация также занимается сохранением этнокультурной самобытности удин и взаимодействует со всеми органами государственной власти на местном и региональном уровне. В этом же году в Краснодаре был проведен первый съезд представителей удинских общин, в котором приняли участие делегаты из Москвы, Таганрога, Шахт, а также приехали делегаты из Азербайджана, в частности, руководитель Албано-Удинской Христианской Общины и руководитель Удинского культурного центра «Орайин». На съезде были приняты важные решения, в том числе, о проведении «Дня удинской культуры» ежегодно 20 июля. Как видим, общественные объединения являются полноценными субъектами гражданского общества.

Возвращаясь к деятельности общественных объединений национальных диаспор и общин в целом, следует также обозначить

существующие проблемы и выявить подходы к их решению. Сегодня, в первую очередь, национальные объединения сталкиваются с трудностями формирования собственного бюджета. Если на федеральном и региональном уровне закладываются расходы на поддержку такого рода объединений, то на муниципальном уровне практически отсутствует бюджет. Таким образом, национальные объединения небольших городов и районов попадают в неравное положение с объединениями, действующими в региональных центрах. При этом зачастую межэтнические конфликты возникают и развиваются именно в небольших муниципальных образованиях.

Еще одна проблема, с которой нередко сталкиваются национальные объединения, – это трудности в выборе собственных управленческих кадров. Безусловно, формирование управленческих органов общественных объединений – это прерогатива членов самой организации. Однако, на наш взгляд, органы местной власти должны способствовать и помогать в вопросах формирования кадрового состава общественных объединений национальных диаспор и общин, чтобы во главе их стали настоящие лидеры, способные своим реальным авторитетом наладить контакт между государством и обществом, частью которого они сами являются.

В заключение хочется сказать, что деятельность национальных объединений играет положительную роль в деле формирования благополучной этнополитической картины в регионе и стране в целом. Думается, государство и дальше должно уделять повышенное внимание межнациональным отношениям, оказывать всяческую помощь диаспоральным структурам, в том числе оказывать финансовую помощь, поддерживать совместные культурные мероприятия, по возможности выделять помещения для национальных диаспор и общин, что мы видим на примере Центра национальных культур в Краснодаре, Дома национальностей в Москве и Санкт-Петербурге, Дома Дружбы в Волгограде и т.п. Каждый гражданин, независимо от его национальности и вероисповедания, должен чувствовать свою ответственность перед обществом, воспитываться именно как гражданин своей страны, считающий Россию своим домом, а себя – частью этого дома.

Библиографический список

1. Администрация Краснодарского края [Электронный ресурс] URL:<http://www.adm.krai.krasnodar.ru> (дата обращения 31.10.2024).
2. Бедрик А.В., Панфилова Ю.С., Чикарова Г.И. Диаспоры Юга России как объекты социологического исследования: к постановке проблемы // Гуманитарий Юга России. 2023. № 6. С. 147-157.

3. Дабаков В.В. Удины Юга России: политические и этнические аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (37). С. 55-58.

4. Данакари Р. А. Удины как этническая группа: факторы развития и межнациональные отношения в Российской Федерации // Научный вестник ВАГС, – Серия «Политология и социология». 2011. № 1/5. С. 81-90.

5. Официальный портал Правительства Ростовской области [Электронный ресурс] URL:<http://www.donland.ru> (дата обращения 31.10.2024).

6. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. №1666 [Электронный ресурс] URL:<http://www.kremlin.ru> (дата обращения 31.10.2024).

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК УГРОЗА КАЗАЧЬЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

NATIONALIST IDEOLOGY AS A THREAT TO COSSACK IDENTITY

М.М. Медведев, А.А. Сергеев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

М.М. Medvedev, A.A. Sergeev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: Статья посвящена анализу исторических проектов казачьего национализма. Используются теоретические основы пограничных исследований и этносоциологии для построения схемы казачьего этноцентра. Заключается, что «большой» национализм со временем способен преобразоваться в «малый», что оказывает деструктивное влияние на коллективную идентичность казачества. Предлагается способ конструктивной организации казачьей идентичности на примере Православия.

Abstract: The article is devoted to the analysis of historical projects of Cossack nationalism. Theoretical basis of border studies and ethnosociology are used to construct a scheme of the Cossacks ethnocentrum. It is concluded that great nationalism will eventually be able to transform into a little nationalism, which have destructive effect on the collective identity of the Cossacks. A method of constructive organization of Cossack identity is proposed on the example of Orthodox Christianity.

Ключевые слова: казачество, национализм, пограничные исследования, идентичность.

Keywords: Cossacks, nationalism, border studies, identity.

Казачье мировоззрение порой может удивить своей самобытностью, которое отражено в некоторых экстраординарных традициях. Серьезные и мощные метаморфозы происходят в период привлечения казачества к военному государственному служению, эпоху его трансформации из вольного этноса в служилое сословие. Именно в этот период, по мнению

историков, складываются классические казачьи традиции и менталитет: поддержка российской государственности, крепкие семьи, религиозность и самоотверженность [7]. Однако в XIX веке казачья идентичность обнаружила новое социальное явление – национализм. Несомненно, все «казачьи» националистические проекты оказались провальными и деструктивно повлияли как на внешний имидж казаков, так и на их самосознание. Становится очевидным, что основывать казачью идентичность на идеологии национализма – идея неприемлемая и несущая вред этно-социальным основам казачества. Исследования по данной проблеме проводили ряд историков: А.В. Венков, Ю.Д. Гражданов, Е.И. Дулимов, А.И. Козлов, Б.С. Корниенко, С.А. Кислицын, С.М. Маркедонов, Н.А. Мининков, О.В. Ратушняк, В.Н. Сергеев, А. П. Трут, Р. Г. Тикиджьян, А. Л. Худобородов, К. Н. Хохульников и другие.

Идеология казачьего национализма находила своё выражение в истории нескольких проектов, стремящихся к национально-государственному строительству. Под националистической идеологией (национализмом) в исследовании мы будем понимать выделенную исследователем современных идеологий М. Реджаем систему идей и мировоззрений, направленную на трактовку нации как высшей ценности и формы общности, установление фиктивной генеалогии социальной ассоциации для консолидации общества вокруг политических, экономических и других интересов (в целом автор выделяет национализм, марксизм и демократию с различными разнотечениями и ответвлениями в качестве основных идеологий) [22, с. 23]. Учёными выделяется 4 проекта казачьего национализма: дореволюционный казакофилизм некоторых представителей интеллигенции, национализм времён существования ВВД как государства, эмигрантская идея «Казаккии» и её нацистская интерпретация [9]. Наиболее полное исследование казачьего национализма на Дону представлено в фундаментальной монографии Б. С. Корниенко [11]. Вопросы самоидентичности казачества России изучали М. А. Рыблова, О. В. Рвачева, С. В. Хоружая, А. Р. Салчинкина, М. В. Мелихов, Е. А. Михайлова [14; 16; 18; 20].

Сегодня идейной основой для казачьего национализма некоторые исследователи считают публицистические труды казакофилов начала 20 века: А. Г. Попов, Е. П. Савельев, А. П. Сахаров, Вс. А. Голубинцев, М. В. Пудавов – авторы трудов по истории казачества, в которых изложены основы мифов о необыкновенной древности происхождения донского казачества, его автохтонности на Юге России и нерусских

этнических корнях [9, с. 100]. Несмотря на наличие критических точек зрения историков, такие концепции в своих основах заложили базу для идеологии казачьего национализма.

Подобные истории пользовались популярностью, особенно потому, что некоторые действия российских чиновников и властей могли восприниматься казаками как угроза для их самобытности. Донская казачья интеллигенция считала, что после ликвидации казачьего сословия казачество может существовать дальше в качестве нации – «национальности» [9, с. 101]. Настроения того времени хорошо иллюстрируют воспоминания священника из станицы Островской Петра Маргаритоева: «При помощи Истории Войска Донского, написанной и поднесённой графу Платову донцом, Донских учебных заведений директором, Алексеем Поповым, многие донцы помешались на мысли, что они ни мало не-сродни России, что они особый, далеко высший, народ от русского, и что происхождением своим они обязаны Амазонкам и Скифосарматам» [12].

Ранний казакофилизм был верен идеалам славянизма и характеризовался положительным отношением к постулируемым идейным основаниям власти Российской Империи. Главный редактор «Донских областных ведомостей» Г. П. Янов, получивший в дальнейшем известность как председатель «Круга спасения Дона», при написании нового проекта донских националистов больше апеллировал к сословно-региональному патриотизму в рамках русского национализма и отводил казачеству статус военного сословия Российского государства, как указывал Б.С. Корниенко [10]. Мышление в рамках русского национализма входило в конфликт с проблемой «иногородних» и подпитывалось сближением с черносотенцами и позднее принятием антисемитских взглядов. Но после ряда политических неудач стратегия националистического образования кардинально изменилась, что прослеживается в дальнейших исторических примерах. В целом основными характерными чертами националистических настроений того времени являлись русский национализм, антилиберализм, антисоциализм, славизм, демократизм, антисепаратизм, неприязнь к «иногородним». Часто в контексте дореволюционного национализма упоминаются следующие деятели: А.Г. Попов, Е.П. Савельев, А. П. Сахаров, Вс. А. Голубинцев, М. В. Пудавов, Х. И. Попов, Г. П. Янов и др.

Во время революции проблема националистических идеологий обострилась. В казачьей среде уже были некоторые противоречия, связанные с идеями независимости казачьего народа и идеями единения

с Россией [6]. С образованием Всевеликого войска Донского и Кубанской народной республики легенды о древности казачества приобрели значение государственной идеологии и преподавались в учебных заведениях. Проект государственной идеологии ВВД включал в себя образ «врагов казачества»: рабочих, иногородних крестьян, «инородцев», иноверцев, даже казачьих депутатов как «предателей» казачества. При этом ВВД противопоставляло себя как деникинцам, так и большевикам. Развивались характерные идеи национализма, сепаратизма, исключительности, антибольшевизма, вольности, самостийности, формировался образ «Вандеи» [15]. Наиболее значимыми деятелями того времени считаются П. Н. Краснов, Ф. Д. Крюков и др.

Теоретическое оформление казачьего национализма произошло на страницах двух журналов, вокруг которых образовалось два крупнейших националистических объединения – «Вольное Казачество» и «Казачий Вестник: Вольно-Казачье Движение». История националистического мифотворчества продолжилась уже в эмиграции и обрела свою форму в идее государства «Казаккии». Казакия строилась по принципу «анти-России»: идеология казачьего национализма, основанная на мифических постулатах о прошлых заслугах легендарных казачьих предков, темы вольности, европоцентризма и неприязни к России поддерживались из-за рубежа. Мыслилось два мира: первый – это диктаторская и тираничная «Московия», а второй – это Казакия, вольная республика, идеал демократии и «рыцарского духа», часть Европы [2; 13]. Наиболее тиражируемыми стали идеи республиканизма, сепаратизма, антисоветизма, федерализма, русофобии, антилиберализма, антисемитизма, европеизма и вольности. Среди сторонников подобных настроений часто упоминаются И.Ф. Быкадоров; Т.М. Стариков; И.А. Билый; М.Ф. Фролов; И.И. Колесов; И.П. Вифлянцеv; В.Г. Глазков; Ис. Быкадоров; и др.

Во время Великой Отечественной войны и периода коллаборационизма к националистическим идеям казачийцев подвелась нацистская идеологическая база, институционально поддерживаемая Главным управлением казачьих войск Имперского министерства оккупированных восточных территорий нацистской Германии, «Казачьим станом» и «Казачьим Национально-Освободительным Движением». Нацистская теория настаивала на германском происхождении казаков, одновременно признавая право казаков на создание своего государства. Казаки считались потомками «готов», «косогов», помесью нордической и динарской рас, арийцами. В ход шли

мифы о древнейшей истории казаков, фиктивная генеалогия и «арийский миф» [8]. Характерными чертами также стали: антисоветизм, русофобия, сепаратизм, коллаборационизм. Наиболее известными представителями различных организаций и движений данного проявления националистической идеологии являются П.Н. Краснов, Н.А. Гимпель, И.Н. Кононов, С.Н. Краснов, С.И. Гусев и др.

На данных исторических примерах можно увидеть, как русский (большой) национализм при определённой дестабилизации перешёл в казачий (малый) национализм, который затем оброс откровенно антигуманистическими деструктивными идеологическими построениями. В данном случае идеология национализма как социальное явление проявляется в радикальной политической и бытовой демонизации «чужого», накладывании протivotипа на соседние народы и отторжении всего Другого. С такой точки зрения напряжение по отношению к «чужому» (в форме этноцентризма) свойственны любому обществу – как этносу, так и другим социальным группам. Однако в основе самосознания казака стоит желание экспансии, расширения, освоения нового, «чужого» и присвоения себе неизведанного пространства. Это отражает радикальную патриархальность и тягу к гегемонии, однако для казаков это желание приобретает статус онтологической потребности в борьбе, о чём говорят современные исследования казачьей идентичности [17]. Так же это стремление выражалось в различных ритуалах «додельвания» и «очеловечивания», многочисленных обрядах и на повседневном уровне сохраняется в форме обрядов гостеприимства. Безусловно, шкала «чужести» и «свойства» крайне сложна и многоступенчата, но в исследовании мы пока ограничимся лишь двумя этими полюсами [1].

Отсюда можно говорить о «казачьем фронтире» [4]. В своём классическом определении фронтир – это граница между цивилизацией и дикостью, «окультуренным» и «неокультуренным». Российский аспект этого явления имел основы включающего действия. В этом плане решающее влияние на формирование казачьей идентичности оказал именно характер пограничья. В современных «пограничных» исследованиях (border studies) отмечается, что «фронтир», являясь противоположностью «затвердевшим границам» (при которых «граница» начинает восприниматься как точка максимального накала конфликта, за пределами которых радикализуется всё Другое как «Вражеское»), является моделью, которая включает в себя вероятность сосуществования различных индивидуальных и коллективных субъектов [19]. Фронтирное казачье «Пограничье» становится особым

расширяющимся пространством, в котором допускается существование «Я/Мы» («своего») и «чужого».

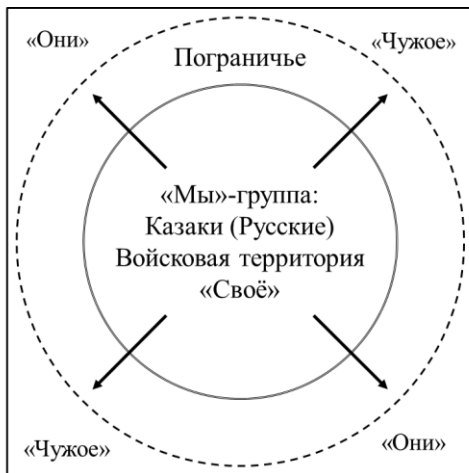

Рисунок 1 – Базовая схема традиционного казачьего этноцентра

Становится возможным изобразить примерную схему казачьего этноцентра XVI-XIX вв. в ключевых этносоциологических категориях (рис. 1) [6, с. 95]. «Мы»-группа – центр, состоящий из многих локусов, таких как войсковое пространство, повседневное, храмовое и пр. Здесь стоит сказать, что казачество здесь воспринимается как малая этническая группа (МЭГ) с бинарной (русский/казак) идентичностью; Пограничье берёт на себя роль транзитной зоны – чего-то неизведанного, пугающего, но открытого к исследованию, присвоению и обустройству; «Они» и «чужаки» («чужаки» как представители чужого социального пространства, т. е. мы не вкладываем в это понятие смысл, который придал ему Г. Зиммель в своих работах) – потенциальные враги, радикально отличные от общества и угрожающие его целостности; векторы показывают направление экспансии, расширения центра в сторону «чужого» через пограничье, его освоения и расширения «своего».

Националистические установки вносят радикальные изменения в эту схему (рис. 2). Националистическая идеология разворачивает вектор направления экспансии и расширения извне внутрь общества. Параноидальная заикленность на «чужом» заставляет игнорировать возможности его принятия и освоения, что приводит к «затвердеванию

границ» консервации самосознания, порождая «политику, обращённую в прошлое» [9, с. 106]. Поскольку желание экспансии и присвоения не утихает, его вектор поворачивается вовнутрь – сублимация потребности борьбы и усвоения приводит к расслоению «Мы»-группы, разобщению социума. Можно предположить, что это является проявлением радикальной маскулинности и милитаризма, которые выявились в исследовании И.А. Пузанкова [17]. Во всяком случае при принятии идей национализма неизбежно начинает страдать сама казачья идентичность, раскалывается коллективное самосознание и общество.

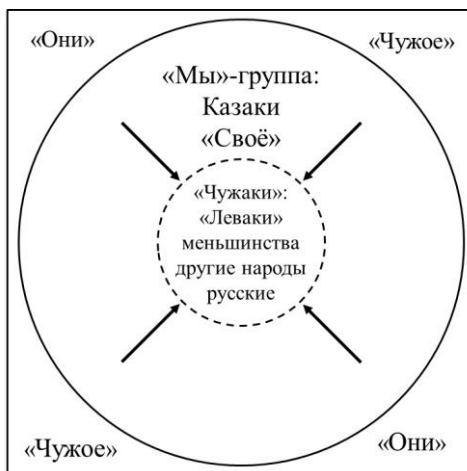

Рисунок 2 – Националистические сдвиги в структуре казачьего этноцентра

Точно описаны эти механизмы исследователями О.В. Рвачевой и М.А. Рыбловой, отметившими, как в условиях Дикого Поля складывалась принимающая идентичность казачества, когда «чужие» нередко становились поставщиками неофитов (беглецов и крестьян, будущих «своих»). При этом радикально отличается конструкция XIX в., согласно которой ««Чужие» были найдены по соседству, а сама разделительная черта из внешней превратилась во внутреннюю. «Чужими» стали так называемые иногородние – выходцы из южно-российских и украинских земель, поселившиеся на донских землях, но не вошедшие в казачье сословие (хохлы, мужики, русаки)» [18, с. 23]. Подобные девиации исследователь Д.Н. Гречишко связывает с растущим капиталистическим развитием того времени, которое повлекло

социальное расслоение казачества, морально-этические конфликты внутри традиционного общества, накал которых привёл к нигилизму, прежде всего в правовой и др. сферах [3].

Таким образом, влияние националистической идеологии на самосознание и структуры этнической общности проявляется в том, что трансформируются практики дифференциации свой-чужой, которые теперь не столько защищают общность от экзогенных угроз, сколько эндогенно (интернально) разрушают саму общность. Вышеперечисленные примеры иллюстрируют, каким образом вектор общественной экспансии, обусловленный сублимацией патриархальных и диайретических основ коллективного сознания, изменяет своё направление в сторону расщепления собственной социальной группы [5].

Библиографический список

1. Бондарь Н.И. Оппозиции свой – чужой, конфликт – мир в традиционной культуре народов Юга России // *Древо жизни: очерки традиционной культуры. Этнография, антропология, семиотика*. Краснодар : Традиция, 2019. С. 154–183.
2. Быкадоров Ис. Неизбежное столкновение // *Вольное Казачество*. 1930. № 61–62. С. 9.
3. Гречишко Д.Н. Девиантное поведение кубанского казачества во второй половине XIX – начале XX века и способы его преодоления: авт. дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2011. 26 с.
4. Дорн В.П. К истории формирования концепции казачьего фронта // *Наука и современность*. 2016. №47. С. 47–51.
5. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию Москва : Академический проект, 2010. 564 с.
6. Дугин А.Г. Этносоциология. Москва: Академический Проект, 2011. с. 634.
7. Ерохин И.Ю. «Казачий национализм» и государственная идея: мифы и реальность // *Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований*. 2013. №7. С. 28–33.
8. Журавлёв Е.И. Политика нацистов по развитию коллаборационизма и попытка её реализации на юге России в годы Великой Отечественной Войны (1941–1943 гг.) // *Научная мысль Кавказа*. 2012. №1. С. 1–17.
9. Кислицын С.А., Кучинский С.В. Несостоявшиеся проекты идеологии казачьего национализма в первой половине XX века // *ИСОМ*. 2021. №2. С. 99–111.
10. Корниенко Б.С. Казачий национализм на Дону: «группа Холмского» (начало XX века) // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. 2010. №5. С. 65–68.
11. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2013. 232 с.
12. Маргаритов П. «Голос с Дона» // *«Православное обозрение»*, том 10. 1863. С. 358–359.
13. Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») //

История казачества XV–XXI вв.: [сайт]. 2001. URL: http://www.cossackdom.com/articles/m/markedonov_otistorii.htm

14. Мелихов М.В. Образ казака в произведениях смутного времени и повестях азовского цикла: вымысел и реальность // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3. С. 87–104.

15. Мининков Н.А., Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. №3 (181). С. 111–114.

16. Михайлова Е.А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 130–144.

17. Пузанков И.А. «У казака вся жизнь – война, в казачьем сердце страха нет!», или как сегодня становятся казаками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 4. С. 41–61.

18. Рыблова М.А. Способы и образы самоидентификации донских казаков // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 19–28.

19. Троицкий С.А. В поисках тотального порядка: затвердевание границ и стабильная идентичность // Журнал Фронтальных Исследований. 2021. №1 (21). С. 196–224.

20. Хоружая С.В. Архетипические основы образа героя–казака в годы Кавказской войны // Человек. Культура. Образование. 2016. № 10. С. 87–104.

21. Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. Москва: Яуза-Каталог, 2019. 1064 с.

22. Rejai M. Political Ideologies: A Comparative Approach: A Comparative Approach. New York : Routledge, 1995. 241 p.

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ МАКРОРЕГИОН В КОНФИГУРАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹

NORTH CAUCASUS MACROREGION IN THE CONFIGURATION OF SPATIAL-TERRITORIAL IDENTITIES

З.А. Жаде, Б.З. Гвашева

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Z.A. Zhade, B.Z. Gvasheva

Adygea State University, Maykop, Russia

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

Аннотация: В последние годы в российских идентитарных исследованиях особое значение приобретает анализ пространственных проекций идентичности, к которым авторы относят макрорегиональный уровень. В условиях многократного административного «перекраивания» территориальных границ Северного Кавказа и наличия потенциала межэтнической солидарности у народов макрорегиона актуализируется необходимость целенаправленного формирования северокавказской общности и конструирования макрорегиональной идентичности. В статье рассматриваются традиционные и инновационные практики укрепления макрорегиональной северокавказской идентичности в контексте государственной политики идентичности. Делается вывод о том, что одним из факторов консолидации общества на основе единых ценностей и поддержки позитивного пространственного развития Северного Кавказа является дальнейшее конструирование макрорегиональной идентичности.

Abstract: In recent years, the analysis of spatial projections of identity, to which the authors attribute the macro-regional level, has acquired particular importance in Russian identity studies. In the context of repeated administrative "re-cutting" of the territorial borders of the North Caucasus and the presence of the potential for interethnic solidarity among the peoples of the macro-region, the need for a targeted formation of the North Caucasian community and the construction of a macro-regional identity is becoming more urgent. The article examines traditional and innovative practices for strengthening the macro-regional North Caucasian identity in the context of state identity policy. It is concluded that one of the factors in the consolidation of society based on common values and support for the positive spatial development of the North Caucasus is the further construction of a macro-regional identity.

Ключевые слова: идентичность, идентитарные исследования, пространственно-территориальная идентификация, макрорегиональная идентичность, Северный Кавказ, макрорегион, традиционные и инновационные практики.

Keywords: identity, identitarian studies, spatial-territorial identification, macro-regional identity, North Caucasus, macro-region, traditional and innovative practices.

В условиях резкого ускорения пространственных изменений в идентитарном дискурсе постулируется «борьба за идентичность, которая во многом определяет развитие как отдельных государств, так и макрорегионов и всего международного сообщества. В изучении трансграничных политических и экономических пространств и перспектив их институционализации в рамках интеграционных объединений заметное внимание уделяется фактору идентичности, но его объяснительный потенциал пока мало освоен» [5, с. 435]. Более того, ставится вопрос о так называемом «пространственном повороте» применительно к изучению идентичности. В этой связи частью пространственных проекций идентичности и новых контуров исследовательского поля постепенно становятся дискуссии о специфических содержательных маркерах макрорегиональной идентичности.

Сегодня значение макрорегиональной идентичности в системе нематериальных ресурсов развития территорий актуализируется, во-первых, ввиду очевидного возрастания роли макрорегионов и в «ответственном» развитии страны, и в укреплении национальной безопасности, и в новейших геополитических раскладах. Во-вторых, в силу того, что важность изучения практик конструирования макрорегиональной идентичности обусловлена осознанием идентичности в качестве нематериального ресурса развития. О.В. Гаман-Голутвина справедливо отмечает, что «и на глобальном, и на национальном уровне остро стоит вопрос о формировании позитивной идентичности развития, и в этом контексте актуально обращение к идентичности как нематериальному ресурсу развития» [1, с. 180].

Мы исходим из отождествления концептов пространственности и территориальности и, соответственно, приравниваем «территориальную идентичность» к «пространственной идентичности» и вслед за специалистами в области идентитарных исследований считаем, что пространственно-территориальная идентификация включает локальный, региональный и макрорегиональный уровни.

Прежде всего, следует обозначить, что на выявлении сущности данного уровня идентичности сказываются различные подходы к пониманию макрорегиона. В документах стратегического планирования макрорегион определяется как «часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования» [4].

На наш взгляд, «макрорегион не является формальной конструкцией, обязательно и исключительно созданной институциональным образом, то есть основанной на соглашении между соседними регионами. Макрорегион – это, прежде всего, полиэтническая социальная конструкция, созданная в результате переплетения практик субъектов всех видов и всех уровней» [3, с. 82].

Исходя из такого определения, обратимся к анализу макрорегионального уровня пространственно-территориальной идентичности, концептуализированного в основном представителями пермской школы идентичности.

Ввиду многогранности и сложности концепта макрорегиональной идентичности, обуславливаемого различными контекстами, исследование данного феномена, бесспорно, является одним из

очевидных полюсов роста в идентитарных исследованиях.

Основываясь на конструктивистском подходе, под макрорегиональной идентичностью мы понимаем «конструируемый уровень пространственно-территориальной идентификации, занимающий срединное место между региональной и национальной идентичностями, встроенный в идентификационную матрицу, характеризующийся пониманием причастности к макрорегиону, обусловленной географическими, природно-климатическими параметрами и историко-культурной однородностью, которые способствуют межрегиональной интеграции» [2, с. 83].

В силу своей природы макрорегиональная идентичность носит не устойчивый, а динамичный характер, поскольку он подвержен модификациям в соответствии с трансформациями административно-территориального устройства страны.

Исследование разных видов идентичности и идентификационных процессов на Северном Кавказе – одна из самых актуализированных тем в современной научной повестке. Этот интерес объективно обусловлен тем, что концентрация этнического разнообразия на сравнительно небольшом пространстве, отчетливая религиозная окрашенность, связанный с этим особенный социокультурный ландшафт макрорегиона актуализируют естественный личностный и социальный запрос на идентификацию. В условиях такого концентрированного разнообразия естественным становится вопрос границ – этнических, религиозных, символических, ценностных и иных. Одновременно встает вопрос о социальном и политическом управлении этим многообразием, что, в первую очередь, должно быть ориентировано на целенаправленное формирование позитивной макрорегиональной идентичности.

Исторический опыт подтверждает, что административные решения, касающиеся совершенствования форм государственного устройства, явились важной составной частью преобразований, способствовавших пространственно-территориальной самоидентификации северокавказских народов.

Абстрагируясь от политических коннотаций и не вдаваясь в суть разночтений, касающихся образования федеральных округов, обозначим традиционную в кавказоведении позицию, согласно которой территория Северного Кавказа включает семь республик: Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Северную Осетию-Аланию, Чечню; два края: Краснодарский и Ставропольский; одну область – Ростовскую, входящие в ЮФО и СКФО. Вне зависимости от трансформаций административно-территориального

устройства, «воображаемые границы» макрорегиона задаются традиционным пониманием Северного Кавказа. По своим географическим и природно-климатическим параметрам, а также и историко-культурным характеристикам, данные субъекты РФ вполне могут считаться частью северокавказского макрорегиона.

Северный Кавказ административно разделен на два федеральных округа: Северо-Кавказский и Южный, что создает барьеры для конструирования северокавказской макрорегиональной идентичности. После создания системы федеральных округов появились разночтения, касающиеся сущности территориальной окружной (южно-российской и северокавказской) идентичности. В новейшем дискурсе наряду с термином «Северный Кавказ», а в ряде случаев и в качестве синонима, используется термин «Юг России». Вне зависимости от трансформаций административно-территориального устройства, «воображаемые границы» макрорегиона задаются традиционным пониманием Северного Кавказа.

Макрорегиональная идентичность служит основой для объединения и координации интересов, позиций и действий различных этнических групп Северного Кавказа, способствуя развитию взаимовыгодного сотрудничества между регионами.

Макрорегиональная идентичность динамична, т.к. меняется в соответствии с административно-территориальными реформами и изменением идентификационных маркеров. Идентичность – это не только про отличие, но и про объединение, и северокавказская идентичность – яркий тому пример.

Анализируя основания макрорегиональной северокавказской идентичности, выделим способы интерпретации дефиниции «северокавказцы»:

- региональная (северокавказцы – те, кто родился и живет на Северном Кавказе);
- культурно-историческая (северокавказцы – коренные, местные жители Северного Кавказа);
- психологическая (северокавказцы – особые по менталитету, складу здоровья, характера и ума люди);
- этническая (северокавказцы – смесь множества этносов, среди которых русские, татары и др.).

Абстрагируясь от сугубо политических пространственных решений, подчеркнем, что субъекты РФ, входящие в состав северокавказского макрорегиона, на современном этапе должны выбирать похожие стратегии позиционирования своего макрорегиона с учетом

географической, природно-климатической, этнокультурной и других составляющих.

К акторам формирования макрорегионального дискурса следует отнести, во-первых, северокавказские политические элиты, использующие коннотации северокавказского макрорегиона в официальных выступлениях; во-вторых, общественно-политические движения и национально-культурные объединения (Ассамблея горских народов Кавказа, Конфедерация горских народов Кавказа, Российский конгресс народов Кавказа); в-третьих, религиозные организации (Координационный центр мусульман Северного Кавказа); в-четвертых, социальные медиа и СМИ (Кавказский узел, Вестник Кавказа, Это Кавказ); в-пятых, кавказские диаспоры (Федерация кавказских ассоциаций в Турции).

На сегодняшний день в исследовательском дискурсе, помимо большого числа локальных, региональных и национальных практик по управлению/работе с идентичностью, артикулированы и такие практики, как символическая политика, политика памяти, политика брендинга и языковая политика. Несмотря на многообразные традиционные практики по конструированию макрорегиональной идентичности, осуществляемые органами государственной власти и институтами гражданского общества, вопрос результативности данного направления политики идентичности остается открытым.

Инновационные практики позитивного укрепления макрорегионального уровня территориальной идентификации следует рассматривать, с одной стороны, как один из шагов по укреплению российской национальной идентичности, с другой стороны, как значимый фактор влияния на консолидационные процессы на макрорегиональном и национальном уровнях.

Макрорегиональная идентичность попадает в область интересов регионального управления (когда речь идет о выстраивании взаимоотношений с соседями, а также в условиях конкуренции за туристов и инвесторов с другими субнациональными образованиями) и в область общегосударственных задач (когда государство ставит задачу по укреплению национальной идентичности, поиску общих принципов позитивного взаимодействия между регионами через выстраивание различных общих конструкторов).

Это задача по выстраиванию нададминистративных «воображаемых» пространств, а также сплочению общества еще на одном уровне – макрорегиональном, на котором может конструироваться или конструируется ментальный символический

образ, обусловленный историческими, этнокультурными, природно-географическими, хозяйственными связями и особенностями.

С учетом всего спектра современных проблем, стоящих перед российским государством, в качестве одной из первоочередных стоит задача учета специфики северокавказского макрорегиона, выработки особого подхода к социально-экономическим и политико-правовым преобразованиям, перспективам развития Северного Кавказа как составной части Российской Федерации.

За последние два года в этом направлении Правительством РФ проведен ряд мероприятий, к числу которых следует отнести: первую Кавказскую инвестиционную выставку «Покори вершины Кавказа», пленарную сессию «Пространство будущего: Северо-Кавказский макрорегион» на международной выставке-форуме «Россия», первый Кавказский инвестиционный форум «Большой Кавказ – от моря до моря».

Макрорегиональная идентичность является действенной основой для объединения и сплочения интересов, позиций и действий всех этносов Северного Кавказа с целью упрочения взаимовыгодного межрегионального сотрудничества. основополагающим фактором консолидации общества на основе единых ценностей и поддержки позитивного пространственного развития Северного Кавказа является дальнейшее конструирование макрорегиональной идентичности. Для воплощения данного идентификационного проекта требуется целенаправленное позиционирование политико-управленческой элиты и институтов гражданского общества в укреплении макрорегиональной северокавказской идентичности.

Конструирование макрорегиональной идентичности – это своеобразный промежуточный этап формирования национально-гражданской идентичности, ее конкретизация, и одновременно, ресурс ее «прочности» в нынешней сложной геополитической ситуации. Данное обстоятельство особенно актуально для Северного Кавказа.

В настоящее время важность конструирования макрорегиональной северокавказской идентичности декларируется во многих программах, проектах, научных и популярных публикациях, посвященных идентитарной проблематике. Ряд проведенных исследований, экспертные оценки и массовые опросы свидетельствуют о частичной сформированности северокавказской идентичности. При этом нет четкого понимания тех маркеров, которые актуализируют эту идентичность и позволяют ей вписываться в структуру многоуровневой идентичности. Фундаментальных исследований позитивных практик

укрепления идентичностей, направленных на национальную консолидацию российского общества, крайне мало, в связи с чем целесообразно выявить инновационные практики позитивного укрепления макрорегиональной северокавказской идентичности.

Поиск ответов на этот вопрос диктует необходимость переосмысления сложившихся в отечественном официальном и научном дискурсе традиционных представлений об особости северокавказской макрорегиональной идентичности, интегрированной в идентификационную матрицу жителей Северного Кавказа.

Библиографический список

1. Гаман-Голутвина О.В. Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 177-191.
2. Жаде З.А. Макрорегиональная идентичность в системе нематериальных ресурсов развития территорий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 252-258.
3. Жаде З.А. Макрорегиональная идентичность как уровень территориальной идентификации // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26-29 сентября 2024 г.). М.: Институт Наследия, 2024. С. 81-82.
4. Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 23.01.2017. № 4. Ст. 637.
5. Семенов И.С. Перспективы идентитарных исследований и российские приоритеты // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Ответственный редактор член-корреспондент РАН И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 431-438.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

FORMATION OF PAN-EUROPEAN IDENTITY IN MODERN EUROPE

К.Д. Донюшкин

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия*

K.D. Donyushkin

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

Аннотация. В статье рассматривается процесс того, как в современной Европе формируется общеевропейская идентичность, его проблематичность и этапы становления, а также анализируются факторы и механизмы становления европейской

идентичности в контексте развития интеграционных процессов в ЕС. Рассматривается политическая дискуссия вокруг проблем формирования самосознания европейцев, оценивается роль институтов Евросоюза, в частности, института европейского гражданства, в формировании самосознания европейцев. Сделан вывод о том, формирование общей европейской идентичности рассматривается как стратегия предотвращения конфликтов, а также то, что идея паневропеизма стояла у истоков идеи европейской интеграции, при этом, европейская идентичность не подразумевает отказ от национальной идентичности.

Abstract. The article considers the process of how pan-European identity is formed in modern Europe, its problematic nature and stages of formation, as well as analyzes the factors and mechanisms of formation of European identity in the context of the development of integration processes in the EU. The political discussion around the problems of formation of European identity is considered, the role of EU institutions, in particular, the institution of European citizenship, in the formation of European identity is assessed. It is concluded that the formation of a common European identity is considered as a strategy of conflict prevention, and that the idea of pan-Europeanism was at the origin of the idea of European integration, at the same time, European identity does not imply the rejection of national identity.

Ключевые слова: Европейский союз; европейская идентичность; европеизация; идентичность; паневропеизм; европейская интеграция

Keywords: European Union; European identity; Europeanization; European identity; Pan-Europeanism; European integration

Концепции формирования европейской идентичности в наше время весьма многочисленны. Они раскрывают исторические, политические и культурные аспекты этого процесса.

Вопрос о европейской идентичности постоянно появляется в дебатах о европейской интеграции. Предполагается, что определение такой идентичности придаст легитимность проекту единой Европы с жизнеспособным «демосом», или народом, который чувствует, что принимает общее европейское гражданство. При этом чаще всего ставятся следующие вопросы. Какого рода идентичность уже формируется в публичных европейских сферах? Как эта идентичность соотносится с другими идентичностями, национальной или иной? И самое главное, какую идентичность может позволить себе Европа? С ростом влияния законодательства ЕС на каждый аспект национальной экономической жизни оно становилось угрозой для конкретных национальных институциональных механизмов. В первую очередь, это касалось фискальной и монетарной политики, социальной сферы и даже внешней политики. Стало ясно, что ЕС больше нельзя рассматривать только как инструмент действий национальных правительств. Напротив, он превратился в орган управления, нуждающийся в легитимации.

Понятия европейской идентичности многообразны и охватывают

широкий спектр критериев – от исторических и политических до культурных. Как и другие, так называемые «пластичные слова», слово «идентичность» охватывает такое разнообразие вещей, что бессмысленно спрашивать, что оно означает на самом деле. Если европейская интеграция или европейская идентичность это ответ, то, что же тогда вопрос? Является ли европейская история чем-то большим, чем агломерация национальных историй, и говорим ли мы о индивидуальной или коллективной идентичности? Европейская идентичность основана на политике различий, где становление европейцем – это процесс, основанный на видении и стремлении к чему-то другому. Эти дебаты об идентичности ведутся в основном или почти полностью в интеллектуальных кругах. Немного известно о факторах, определяющих чувство европейской идентичности у граждан. Известно лишь, что страны различаются по ожиданиям своих граждан в отношении реализации европейского проекта.

С другой стороны, несомненно, что понятие коллективной идентичности относится к культурной памяти и символическим представлениям. Они являются продуктом текущей заинтересованности в общем историческом опыте. Это так, потому что ни географически, ни политически Европа не представляет собой четко определенную область или пространство. Исторически Европа имеет несколько корней, которые формируют то, что можно назвать идентичностью политической и культурной истории «Европы», благодаря их специфическому историческому развитию и влиянию. Наиболее важными корнями являются Афины, Рим и, в очень специфическом и часто даже неявном виде, Иерусалим. Таким образом, то, что называется Европой сегодня, было сформировано двумя силами – постоянная репрезентация этих корней в культурной памяти и непрерывное конструирование различий по отношению к соответствующему «другому».

С самого начала европейская идентичность прошла через множество фаз, полных взлетов и падений. То, что этот процесс происходил одновременно с колебаниями интеграционного курса и благодаря им, делает ее конструктом, возникающим и развивающимся в рамках европейского объединения.

Опираясь на три присущие ей черты: конструируемый характер, эволюцию параллельно интеграции и прагматическую концепцию европейских элит, европейская идентичность формировалась на основе четырех основных мотивов. В разные периоды эти мотивы имели разную степень влияния и включали в себя поиск единой международной

позиции для ЕС, решение давней проблемы дефицита демократии, противостояние всплеску евроскептицизма и развитию евросклероза, а также преодоление культурного воздействия расширения на Восток.

На этом фоне исторический и политический обзор европейской идентичности позволяет предположить, что нерешительность европейских элит в вопросе интеграции пронизывала курс европейской идентичности в 1970-е гг. Это отразилось на ее колебаниях между культурным европеизмом, обозначенным в докладе Тиндеманса (1976), и общеевропейской кейнсианской макроэкономической моделью, обозначенной в докладе Макдугалла (1977). Когда неоллиберализм заявил о своем триумфе в 1980-х гг., европейская идентичность была перестроена для продвижения программ глобализации в европейском контексте. Перейдя к культурологическому дискурсу, Европейская Комиссия с середины 1980-х гг. начала проводить политику форсированного развития европейской культурной идентичности, в рамках которой было введено множество символов в качестве основных составляющих элементов европейской идентичности [2, 720 с.]. Поскольку эта политика оказалась неэффективной, в Маастрихтском договоре (1992) была обозначена т.н. гражданская парадигма, в которой основное внимание уделялось правовому/конституционному измерению европейского гражданства. Но, и это не принесло серьезных результатов [3, с. 80–96].

Если рассматривать формирование европейской идентичности как концепцию, то – это результат двух взаимосвязанных процессов. Нисходящего, когда Европа через институты своего Союза вмешивается в повседневную жизнь граждан, влияя на местные ценности своим единым проектом. И восходящего, когда граждане участвуют в создании дизайна Единой Европы, перенося свои ценности и адаптируя их к единому проекту. Как уже было сказано, перспектива «сверху вниз» определила инструменты, с помощью которых Европейский союз может повысить осведомленность граждан о своем проекте через косвенные формы политического влияния, такие как символы, средства массовой информации и их пропаганда. Интенсивность этого процесса отражает уровень образования, наличие сильного чувства национальной или региональной идентичности (националистические чувства), наличие политической идеологии. Все это влияет на отношение людей к процессу развития европейской идентичности, а значит, и на их восприятие ценностей ЕС. Процессы «сверху вниз» и «снизу вверх» являются частью единого кругового процесса формирования идентичности, который через итерации, обратную связь и кумулятивные

самоподкрепляющиеся элементы приводит к формированию европейской идентичности, которую могут разделять множество европейских граждан, укрепляя и создавая со временем признанную систему общеевропейских ценностей [1. с. 36–45].

Отдельно, стоит выделить, "Политику сплочения", которую можно добавить к возможным инструментам, которые могут играть важную роль в процессе формирования общеевропейской идентичности [5, pp. 4–40.]. Учитывая её природу политику сплочения можно фактически интерпретировать как дополнительную форму политического влияния на граждан. Ряд характеристик делает их возможным каналом трансляции европейских ценностей, и как следствие, продвижению идеи паневропеизма и общеевропейской идентичности, а именно:

1. Их европейский характер. Будучи нормативными инструментами европейских институтов, они являются прямым выражением политических идей, проектов и методов, которые формулируются в Брюсселе; поэтому они представляют собой конкретный знак гражданской европейской идентичности, выдвигаемой европейской политической элитой, которая влияет на повседневную жизнь граждан, если расходуется соответствующим образом;

2. Их масштабность. Поскольку политика сплочения составляет большую долю бюджета ЕС и охватывает множество аспектов (инфраструктура, промышленность, культура и т. д.), её влияние на местное развитие может быть заметно для граждан;

3. Солидарный характер. Солидарное обоснование политики направлено на укрепление общего чувства общности между государствами-членами и регионами, способствуя территориальному развитию, региональной конвергенции и, следовательно, благосостоянию граждан ЕС [12, pp. 272–290.];

4. Их монетарный характер. Эта политика не навязывает правила и нормы, а обеспечивает инвестиции в местные общества; поэтому она приносит ощутимые результаты для отдельных людей [9, pp. 237–259.];

5. Их локальный, привязанный к месту характер. Несмотря на свой европейский характер, политика сплочения призвана решать местные проблемы, а значит, способна воздействовать на интересы граждан и оказывать на них непосредственное влияние. В действительности, утверждается, что европейская идентичность имеет мало общего с информационными кампаниями о ЕС. Скорее, ключом к повышению идентификации с Европой и ЕС является увеличение реальности сообщества в повседневной жизни граждан. Более того, они

должны учитывать местную специфику, разрабатываться с учетом конкретных потребностей граждан и, следовательно, приближать их к ценностям и политике ЕС [5, pp. 4–40];

6. Восходящий характер их разработки. Принцип субсидиарности, сопровождающий эту политику, позволяет удовлетворить растущее желание людей иметь большее влияние на свое правительство через более высокие уровни и более эффективные формы участия в принятии решений, чтобы преодолеть растущее чувство неуверенности среди граждан в способности национальных правительств заботиться о них и правильно интерпретировать их потребности [7, pp. 25–47]. Благодаря принципу субсидиарности, который позволяет регионам влиять на свои местные дела и дела ЕС, регионы получили - и особенно почувствовали, что получили - больше социальных, экономических и политических возможностей.

Следует также отметить, что гражданская национальная идентичность положительно коррелирует с доверием к политическим институтам, в то время как этническая национальная идентичность коррелирует с доверием к ним отрицательно. Этническая национальная идентичность способствует развитию патриотизма и национализма, в то время как гражданская форма подавляет и то, и другое. Показано, что высокая оценка всех критериев принадлежности (эксклюзивисты) положительно связана с национальной привязанностью, общей и специфической гордостью и национальным шовинизмом, тогда как низкая оценка всех этих критериев (плюралисты) отрицательно связана с ними [10, pp. 579–597]. Так, согласно исследованию Р. Домм [8, pp. 126–154] было обнаружено, что как политическая, так и культурная национальная гордость увеличивает поддержку европейской интеграции. Подчеркивание же национального и европейского происхождения уменьшает, а подчеркивание европейской цивилизованности увеличивает идентификацию с Европой.

В соответствии с этим выводом люди, придающие низкое значение всем критериям национальной принадлежности, демонстрируют лишь среднюю поддержку ЕС, тогда как люди с высоким уровнем гражданственности и низким уровнем этнических коннотаций демонстрируют самую высокую поддержку ЕС [4, pp. 293–315]. Так, исследование, проведенное В. Вестл, П. Сегатти [13, pp. 351], показало, что как достигнутая, так и приписываемая национальная идентичность снижает поддержку ЕС. В другом же исследовании, за авторством А. Шленкер [11, pp. 25–51] показано, что гражданская форма европейской идентичности имеет сильную положительную, культурная – умеренную

положительную, а этническая – отрицательную связь с космополитическими установками.

В целом, развиваясь вместе с европейской интеграцией, европейская идентичность в большинстве случаев характеризовалась постоянными колебаниями. Учитывая многочисленные вызовы, с которыми сталкивается интеграционный проект в настоящее время, представляется, что такая ситуация сохранится для европейской идентичности в ближайшие годы.

Библиографический список

1. Большаков С. Н. Будущее Европы и поиски европейской идентичности // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. экон. ун-т, Междунар. информ.-аналит. центр ; под ред. канд. экон. наук Е. В. Викторовой. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. гос. экон. ун-та, 2018. С. 36–45.
2. Буторина О.В. Европейская интеграция // М.: Деловая литература. 2011. – 720 с.
3. Семененко И.С. Метаморфозы европейской идентичности // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 80–96.
4. Aichholzer J., Kritzing S., and Plescia C. “National Identity Profiles and Support for the European Union.” // *European Union Politics*. – 2021.– №22 (2). – pp. 293–315.
5. Bachtler, J. *European Identity and Citizen Attitudes to Cohesion Policy: What Do We Know?* // European Policies research Centre, University of Strathclyde, Glasgow. 2016. – pp. 4–40.
6. Bergbauer, S. *Conceptualising European Identification and Mechanisms of European Identity Formation*. // Springer, Cham. 2018. – pp. 15–39.
7. Camagni R. and Capello R. Rationale and design of EU cohesion policies in a period of crisis // *Regional Science Policy & Practice*. – 2015. – vol. 7, issue 1. – pp. 25–47.
8. Domm R. “Explaining Public Support for European Integration in Eight Member States: A Battle for the Hearts as Well as the Minds of Europe’s Citizens.” // *European University Institute*. – 2004. – pp. 126–154.
9. Miller D. and Ali S. 2014. “Testing the National Identity Argument.” // *European Political Science Review*. – № 6(2). – pp. 237–259.
10. May A. “And If They Don’t Dance, They Are No Friends of Mine: Exploring Boundaries of National Identity.” // *Nations and Nationalism* – 2023. – №29(2). – pp. 579–597.
11. Schlenker A. “Cosmopolitan Europeans or Partisans of Fortress Europe? Supranational Identity Patterns in the EU.” // *Global Society*. – 2013. – № 27(1). – pp. 25–51.
12. Serricchio F. and Bellucci P. *The Consequences of European Identity. In European Identity in the Context of National Identity: Questions of Identity in Sixteen European Countries in the Wake of the Financial Crisis*, edited by Westle, Bettina and Segatti, Paolo // Oxford: Oxford University Press. – 2016. – pp. 272–290.
13. Westle B., Segatti P. *European Identity in the Context of National Identity: Questions of Identity in Sixteen European Countries in the Wake of the Financial Crisis* // Oxford: Oxford University Press. – 2016. – 351 pp.

РОЛЬ СТАЖИРОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ- СОЦИОЛОГОВ В МАЛИ

THE ROLE OF INTERNSHIPS IN SHAPING THE PROFESSIONAL IDENTITY OF SOCIOLOGY STUDENTS IN MALI

Ишака Камара

Институт университетской педагогики, г. Бамако, Республика Мали

Ichaka Camara

University Pedagogy Institute, Bamako, Mali

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования роли стажировки в формировании профессиональной идентичности студентов-социологов в Мали. Целью данного исследования является изучение различных траекторий формирования идентичности этих студентов, а также влияние индивидуальных характеристик на их профессиональное развитие. Исследование основано на качественном опросе 25 студентов магистратуры в период 2020-2024 годов. Три свидетельства студентов высшей нормальной школы в городе Бамако высвечивают три различные траектории формирования идентичности: дестабилизирующий проект, идеализированный идентичностный проект и проект профессии по умолчанию. Эти результаты позволяют углубить анализ связей между опытом прохождения практики, формированием профессиональной идентичности и подготовкой будущих преподавателей социологии в средних школах Мали. Они подчеркивают важность стажировки как ключевого момента в процессе формирования идентичности этих будущих педагогов.

Abstract. This article presents the results of a study on the role of internships in the construction of the professional identity of sociology students in Mali. The objective of the research is to explore the different identity trajectories of these students, as well as the influence of individual characteristics on their professional development. The study is based on a qualitative survey conducted with 25 Master's students over the period 2020-2024. Three testimonies from students at the Bamako national higher teachers' school highlight three different identity trajectories, namely the destabilizing project, the idealized identity project, and the default professional project. These results help to enrich the reflection on the links between the internship experience, the construction of professional identity, and the training of future sociology teachers in secondary schools in Mali. They underline the importance of the internship as a key moment in the identity development of these future teachers.

Ключевые слова: учащийся, опыт, идентичность, профессионализация, переход.

Keywords: student, experience, identity, professionalization, transition

Введение. В контексте интернационализации высшего образования в Африке вопрос профессиональной идентичности будущих учителей

социологии приобретает особую важность в Мали [1]. В этой стране Западной Африки, как и во многих других африканских странах, учебные заведения, осуществляющие подготовку учителей средней школы, все чаще принимают студентов, желающих избрать карьеру учителя социологии, дисциплины, которая все еще находится в стадии становления в этих контекстах.

Реформы в малийском высшем образовании, в частности, принятие системы "Бакалавр-Магистр-Доктор", привели к переопределению институциональной карты, с признанием трех основных типов обучения, а именно: университетов, высших школ и институтов, среди которых высшая нормальная школа, отвечающая за начальную подготовку учителей общего среднего образования и нормального и основного образования.

Этот процесс профессионализации подготовки учителей акцентирует внимание на профессиональном измерении преподавания и ожидаемых компетенциях студентов-учителей к концу их начальной подготовки. В этом контексте построение профессиональной идентичности будущих учителей социологии является важной задачей, поднимаемой в научной и профессиональной литературе.

Научная литература выявила вызовы, с которыми сталкиваются молодые учителя при вступлении в профессию [2 ; 3]. Параллельно исследования были сфокусированы на процессе построения профессиональной идентичности учителей [4]. Эти исследования строятся вокруг двух основных подходов. С одной стороны, детерминистские теории рассматривают идентичность как результат процессов социализации и аккультурации в рамках профессиональной группы [5; 6]. С другой стороны, индивидуалистские подходы рассматривают идентичность как личностное конструирование, плод рефлексивности индивида относительно его позиции в профессиональном поле [7; 8].

Вопрос профессионализации преподавания поднимает вопрос о профессиональной идентичности и ее построении, как во время начальной подготовки, так и при осуществлении профессии. Хотя теоретические и политические дебаты акцентируют внимание на ожидаемых компетенциях и рефлексивных практиках, жизненные пути студентов-учителей в ситуации стажировки остаются малоизученными.

В этом контексте данное исследование направлено на понимание того, как профессиональная идентичность конструируется у студентов магистратуры по социологии, готовящихся к преподаванию в средней школе. В частности, оно интересуется опытом студентов, не имеющих

предшествующего опыта в социологии, но которым предстоит преподавать ее в рамках их подготовки. Речь идет о том, чтобы понять, как эти студенты переживают преподавание социологии во время стажировки и какие отношения они поддерживают с этой дисциплиной. Гипотеза заключается в том, что это отношение зависит, с одной стороны, от ощущения непрерывности или разрыва в их школьной траектории относительно их идентичностного проекта, и, с другой стороны, от отношения преподавателей и наставников, сопровождающих их.

Таким образом, это исследование принимает процессуальный подход к идентичности, чтобы лучше понять дидактические проблемы, связанные с преподаванием социологии. Действительно, если преподавание социологии можно освоить, это также поднимает вопросы о том, какие методы подготовки следует внедрить.

Статья структурирована в три основные части: представление методологии, используемой для опроса двадцати пяти студентов, не имеющих предыдущего опыта преподавания социологии, за которым следует анализ результатов, полученных из трех соответствующих свидетельств. Обсуждение результатов исследования завершает статью.

1. *Методология исследования.* Прежде чем представить результаты исследования, мы кратко расскажем об изучаемом учебном заведении.

1.1. Краткий обзор высшей нормальной школы

Высшая нормальная школа в городе Бамако является государственным научно-техническим учреждением, находящимся под контролем Министерства высшего образования и научных исследований. Созданная в 1963 году, эта школа имеет основные задачи по подготовке преподавателей и школьных администраторов, а также по научным исследованиям и непрерывному образованию.

Данная школа предлагает две образовательные программы:

– программа подготовки преподавателей средней школы по 10 дисциплинам: математика, физика-химия, история-география, философия-психология-педагогика, английский язык, литература (французский), арабский, русский, немецкий, биология;

– программа подготовки преподавателей общего среднего образования по направлениям: литература, история-география, английский язык и естественные науки.

Органами управления и администрирования школы являются Совет управляющих, генеральный директор, консультативные органы (педагогический и научный совет, совет по совершенствованию, дисциплинарный совет) и учебные и исследовательские структуры. В

учреждении функционируют 7 учебно-исследовательских департаментов, в том числе департамент философии-психологии-педагогике и социологии.

При общей численности около 2 671 студентов на различных уровнях (бакалавриат, магистратура и непрерывное образование), в высшей нормальной школе работали 101 штатный преподаватель и 54 технических и административных сотрудника в 2021 году [9].

Однако школа сталкивается с серьезными проблемами, в частности, нехваткой учебных аудиторий и лабораторий, отсутствием оборудования и учебных материалов, недостаточностью библиотечного фонда соответствующих учебников и документов, а также тяжелыми условиями труда для преподавательского и административного персонала [9].

1.2. Сбор и обработка данных

Данное качественное исследование, основанное на интерпретативной парадигме, направлено на изучение профессиональной идентичности малийских преподавателей социологии. Метод исследования случая, дополненный полуструктурированными интервью и прямыми наблюдениями, является предпочтительным методологическим инструментом для глубокого понимания процессов профессиональной аккультурации этих будущих учителей.

Гайды интервью и протоколы наблюдений были тщательно разработаны, чтобы генерировать глубокие качественные данные о переходе идентичности студента к идентичности учителя, поэтапном освоении профессиональных позиций, знаний и компетенций, столкновении с реалиями практики, приобретении практического опыта, а также соответствии теоретической подготовки местным потребностям.

Выборка, сформированная по принципу насыщения, включает 3 студента выпуска 2020 года из департамента философии-психологии-педагогике и социологии Высшей нормальной школы в городе Бамако. Этот выбор позволяет охватить разнообразие личных и профессиональных профилей при сохранении общей академической принадлежности, предоставляя тем самым богатую почву для исследования процессов идентификации с профессией учителя социологии.

Данные собирались на местах, в Бамако, в период 2020-2024 гг., чтобы максимально приблизиться к реальным условиям преподавательской деятельности этих будущих преподавателей.

2. Представление результатов исследования

В этой части описывается опыт стажировки, формирование профессиональной идентичности и подготовка будущих учителей социологии в Мали, а также факторы, влияющие на этот процесс.

2.1. Вхождение в профессию между семейным наследием и личным проектом

Бурейма Траоре являлся 26-летним студентом магистратуры отделения философии, психологии, педагогики и социологии высшей нормальной школы в г. Бамако в Мали в 2022 г. Родившийся в Сегу в образованной и мусульманской семье, участник нашего исследования свободно владеет тремя языками: арабским, французским и бамана. После успешной защиты магистерской диссертации в том же году он получил соответствующий диплом, что стало важным этапом его академического пути. В ходе нашей первой беседы он подробно рассказал о конструировании своей профессиональной идентичности, сложном процессе, начавшемся в самом начале его подготовки в качестве преподавателя социологии. «С самого юного возраста я вынашивал мечту стать учителем. Это было моей мечтой. Я всегда был прилежным учеником, от начальной до средней школы. Мои родители приложили все усилия, чтобы я мог хорошо учиться. Мой отец – учитель в лицее, а мать руководит детским садом. Они всегда хотели, чтобы я стал первым в семье, кто получит университетский диплом. В их время в Мали еще не было своего университета, а учеба за границей была чрезвычайно дорогой. Вы можете представить себе ситуацию!».

Это интервью проливает свет на корни приверженности Буреймы социологии. Выходец из семьи, укорененной в интеллектуальной и религиозной традиции, он, похоже, нашел в этой дисциплине способ утвердить свою принадлежность к этому наследию, одновременно развивая его. Защита его магистерской диссертации, за которой последовало получение соответствующего диплома, ознаменовала ключевой этап в построении его профессиональной идентичности на пересечении его происхождения и личного выбора.

Интервью с Буреймой иллюстрирует различные кризисы идентичности, с которыми сталкиваются малийские преподаватели социологии, как отмечалось в работах Мохтара Каддури [8]. Сталкиваясь с необходимостью провести показательный урок по социологии во время практики, эти начинающие учителя оказываются беспомощными перед предметом, которым они еще недостаточно владеют. Рассказ об этом опыте вызвал сильные эмоции у Буреймы, заставив его прервать интервью почти на полчаса, прежде чем он согласился поделиться

своими переживаниями. Несмотря на нежелание говорить об этом, Бурейма в конце концов согласился свидетельствовать об этом опыте, который он называет "позором".

« В последний год обучения в магистратуре я должен был провести показательный урок по социологии в выпускном классе лица в присутствии преподавателя-наставника из высшей нормальной школы и моего наставника по практике в лицее, где проходила практика. Однако эта ситуация оказалась для меня настоящим провалом. Мой наставник по практике был также беспомощен, как и я, в преподавании социологии, не в состоянии оказать какую-либо конкретную помощь. Я оказался один в этой ситуации, что глубоко отпечаталось в моем сознании и травмировало меня. Тем не менее, недавно, проводя урок социологии в частной школе, я осознал, как далеко я продвинулся с тех пор. Это размышление дало мне возможность лучше понять причины той первоначальной неудачи».

Это интервью проливает свет на корни приверженности Буреймы социологии. Выходец из семьи, укорененной в интеллектуальной и религиозной традиции, он, похоже, нашел в этой дисциплине способ утвердить свою принадлежность к этому наследию, одновременно развивая его. Защита его магистерской диссертации, за которой последовало получение соответствующего диплома, ознаменовала ключевой этап в построении его профессиональной идентичности на пересечении его происхождения и личного выбора.

Интервью с Буреймой иллюстрирует различные кризисы идентичности, с которыми сталкиваются малийские преподаватели социологии, как отмечалось в работах Мохтара Каддури [8]. Сталкиваясь с необходимостью провести показательный урок по социологии во время практики, эти начинающие учителя оказываются беспомощными перед предметом, которым они еще недостаточно владеют. Рассказ об этом опыте вызвал сильные эмоции у Буреймы, заставив его прервать интервью почти на полчаса, прежде чем он согласился поделиться своими переживаниями. Несмотря на нежелание говорить об этом, Бурейма в конце концов согласился свидетельствовать об этом опыте, который он называет «позором». Это осознание свидетельствует о постепенном формировании профессиональной компетентности Буреймы. Его высказывания побуждают нас более тщательно исследовать проблемы идентичности, с которыми сталкиваются будущие преподаватели социологии в Мали, особенно во время их стажировок по преподаванию, и то, как они преодолевают эти препятствия для развития своей профессиональной идентичности.

Кроме того, респондент подчеркивает недостаток сопровождения, которое он испытывал во время прохождения практики. Спустя два года после этого опыта он смог взглянуть на него со стороны и проанализировать его в свете полученных впоследствии знаний. Эта рефлексивная оценка показывает, как травмирующее событие, пережитое без поддержки, тем не менее, внесло существенный вклад в формирование профессиональной идентичности Буреймы.

Педагогическая практика действительно представляет собой ключевой момент в процессе становления идентичности преподавателей, несмотря на вызовы и трудности, с которыми она сопряжена. Это решающий этап, позволяющий будущим и молодым преподавателям столкнуться с реальностью профессии и постепенно выработать свою профессиональную позицию, даже если этот опыт протекает в сложных условиях. Анализ опыта Буреймы иллюстрирует важность педагогической практики в формировании профессиональной идентичности преподавателей социологии в Мали, даже когда она проходит в неблагоприятных условиях. Такие знаменательные события играют решающую роль в укреплении их позиции как педагогов, несмотря на встречающиеся трудности.

2.2. Идеализированный профессиональный проект

Карим Диаките являясь 19-летним студентом, поступившим в 2020 году на первый курс магистратуры на факультет философии-психологии-педагогике и социологии высшей нормальной школы в городе Бамако. Рассказывая о своем вхождении в профессию социолога, он делится следующим: «С раннего детства я всегда мечтал преподавать, как мой старший брат, который работает учителем в начальной школе. Я учился всегда рядом со своим братом и проводил много времени в его классе, представляя себя уже в роли преподавателя. Сегодня я не могу представить себя занимающимся чем-либо другим, кроме педагогической деятельности, настолько это призвание укоренилось во мне с детства».

Профессиональный проект Карима, по-видимому, во многом определяется идеализированным образом профессии учителя, воплощенным в его старшем брате, который работает в этой сфере. Как отмечает Мохтар Каддури [8], различные "дистанции", которые формируются в жизненном пути Карима, тесно связаны с доминирующим присутствием его старшего брата. Таким образом, Карим проходит практику без видимых трудностей, очевидно опираясь на уже апробированную деятельность в классе своего старшего брата. Однако именно на последнем году обучения в магистратуре мы

наблюдаем изменение в идеализации профессии у Карима. Это изменение знаменует согласование его проекта самосознания для себя и дистанции, которая углубляется с проектом самосознания для других, воплощенным в образе его старшего брата-учителя: «Я должен сказать, что после трех лет, наконец, у меня будет свой собственный класс. Мне нужно расправить крылья, самому предлагать свои занятия. Я больше не чувствую потребности обсуждать все со своим старшим братом. Я самостоятельный и хочу, чтобы он теперь рассматривал меня как коллегу».

Этот идентификационный проект показывает, что наставничество его старшего брата, воспринимаемого как опекающая фигура, позволило Кариму сформироваться и подготовиться к своей будущей практике. Однако его путь достигает стадии, когда он стремится к большей автономии, желая, чтобы его старший брат рассматривал его как равного, настоящего коллегу. Этот случай иллюстрирует идентификацию социологических преподавателей в два отчетливых этапа. На первом этапе наставничество опытной фигуры, такой как старший брат Карима, играет ключевую роль в подготовке и закалке будущего профессионала. Затем на втором этапе последний стремится к эмансипации и утверждению своей собственной идентичности, желая отныне быть признанным в полной мере своей автономии и экспертизы.

Изучение процесса идентификации социологических преподавателей в Мали высвечивает это двойное движение, между необходимостью первоначального наставничества и стремлением к профессиональной независимости. Этот процесс раскрывает сложность пути к утверждению прочной профессиональной идентичности у этих будущих учителей.

В отличие от Буреймы, который испытывал некоторое беспокойство во время своего первого урока в качестве стажера, Карим подошел к этому опыту более спокойно. Для него модельные уроки являются неотъемлемой частью обучения, и он встретил их с позитивным настроем. Карим, как и Буреима, также провел модельный урок в выпускном классе средней школы, то есть в лицее. Вот что он рассказал нам по возвращении с практики: «Мой первый модельный урок проходил в школе, которую я не знал, с учителем-наставником, который, хотя и предоставил мне большую свободу, похоже, не придавал большого значения преподаванию социологии. Чувствуя себя неуверенно в этой дисциплине, я попросил помощи у своего старшего брата, чтобы подготовить и протестировать свой урок, прежде чем проводить его в классе». Эта фаза ощупывания и поиска внешней

поддержки свидетельствует об изначальных сомнениях Карима относительно его компетенций в качестве будущего преподавателя социологии.

Тем не менее, этот опыт стал поворотным моментом в формировании идентичности Карима. После трех обучения он теперь чувствует себя готовым взять на себя управление собственным классом, предлагать свои собственные педагогические мероприятия, не нуждаясь систематически в советах своего старшего брата. Теперь он стремится, чтобы последний рассматривал его как настоящего коллегу, что является признаком растущей автономии и профессиональной уверенности. Этот процесс утверждения идентичности, ставший возможным благодаря педагогической практике, иллюстрирует, как практическая подготовка способствует формированию профессиональной идентичности будущих преподавателей социологии в Мали.

Интервью выявляет решающую роль педагогической практики в формировании профессиональной идентичности малийских преподавателей социологии. Хотя они сталкиваются с первоначальными трудностями, связанными с их отсутствием опыта в этой дисциплине, эти будущие преподаватели, благодаря этим ситуациям, развивают профессиональную уверенность и автономию, необходимые для выполнения их работы.

Педагогическая практика, таким образом, кажется, играет ключевую роль в развитии профессиональной идентичности малийских преподавателей социологии, позволяя им утвердить себя в качестве учителей, способных принимать инициативы и постепенно отделяться от наставничества своих старших. Этот опыт способствует формированию их чувства принадлежности к учительскому сообществу. Стажеры имеют возможность проводить собственные педагогические мероприятия и проецировать себя в роли преподавателя, что способствует формированию их чувства принадлежности к преподавательскому корпусу. Они могут применять теоретические знания, полученные в ходе обучения, и развивать свои дидактические навыки.

Этот переход к большей автономии и ответственности в преподавании, похоже, является ключевым моментом в процессе формирования идентичности. Стажеры выражают потребность «расправить крылья» и рассматриваться своими коллегами как настоящие коллеги, а не просто как студенты. Роль наставничества и наставника-практиканта в формировании профессиональной идентичности Карима проливает свет на то, как он справлялся с

институциональными ожиданиями во время своей педагогической практики, а также на стратегии, которые он развил, чтобы подойти к этому опыту позитивно. Поддерживающее сопровождение, предоставленное его старшим братом, и «невмешательство», принятое его наставником-практикантом, побуждают нас задуматься о фигуре «значимого другого», сыгравшего решающую роль в формировании профессиональной идентичности Карима во время этой стажировки. Мы предполагаем, что старший брат выполнял эту функцию, оказывая Кариму полезную поддержку.

Этот анализ подчеркивает важность наставничества и сопровождения со стороны опытных коллег в формировании профессиональной идентичности малийских преподавателей социологии, особенно во время педагогической практики, которая является ключевым этапом их подготовки. Он также подчеркивает необходимость переосмысления роли наставника-практиканта для лучшей поддержки стажеров в этом процессе формирования идентичности.

Извлечение из интервью с Карима подчеркивает ключевую роль формирующего дебрифинга в построении профессиональной идентичности малийских преподавателей социологии. Карим объясняет: «Сразу после моего пробного урока наставник был приглашен для участия в обсуждении с моим преподавателем-наставником из высшей нормальной школы. Хотя у меня было ощущение, что мой урок прошел хорошо, я заметил некоторое смущение у моего наставника. Затем преподаватель-наставник из высшей нормальной школы попросил меня проанализировать мой собственный урок, а затем предоставил мне свои советы и замечания. В рамках этого обмена мнениями наставник начал задавать вопросы, удивленный тем, что некоторые аспекты, которые он считал очевидными, на самом деле были связаны с конкретными педагогическими знаниями и интересами».

Данный отрывок подчеркивает взаимодополняющую роль наставника практики и преподавателя в сопровождении практиканта. В то время как наставник практики, кажется, занимает более отстраненную позицию, предоставляя преподавателю руководство разбором, последний выступает как значимый Другой для практиканта, помогая ему осознать педагогические аспекты его практики и тем самым способствуя построению его профессиональной идентичности. Взаимодействие между этими различными участниками, таким образом, оказывается ключевым в процессе формирования профессиональной идентичности.

Хотя поначалу наставник практики, казалось, испытывал неловкость в этой ситуации, состоявшийся диалог в итоге позволил Кариму пережить позитивный опыт. Действительно, вдумчивые советы преподавателя социологии и заинтересованные вопросы наставника практики способствовали эволюции ожиданий и представлений Карима относительно преподавания социологии.

Таким образом, этот момент рефлексии над его практикой не только позволил Кариму лучше определить ожидаемые профессиональные параметры, но также способствовал позитивной трансформации восприятия наставником практики преподавания данной дисциплины.

Этот кейс иллюстрирует важность педагогической практики в построении профессиональной идентичности малийских преподавателей социологии, даже для тех, кто не имел предварительной подготовки в этой дисциплине. Роль различных участников (преподавателя, наставника практики) представляется определяющей в том, чтобы позволить практикантам пережить позитивный опыт, способствуя тем самым развитию их чувства компетентности и принадлежности.

2.3. Профессиональный маршрут по умолчанию

Третий случай, изученный в рамках этого исследования – это случай Фатуматы Сангаре, которой на момент первого интервью был 31 год. До поступления на социологическое направление Фатумата получила диплом в сфере туризма, однако так и не смогла найти работу в этой области. После нескольких лет без профессиональной деятельности она столкнулась с безработицей, что подтолкнуло ее к возобновлению обучения. Изучив список дефицитных профессий, Фатумата в конечном итоге выбрала путь преподавания, который изначально не рассматривала.

Нетипичный путь Фатуматы, отмеченный непредвиденной профессиональной переориентацией, вызывает вопросы относительно построения ее профессиональной идентичности как будущего преподавателя социологии. Действительно, ее приход в эту сферу стал следствием периода безработицы и не является результатом обдуманного и осознанного выбора, в отличие от некоторых ее сверстников. Эта особая ситуация ставит вопрос о вызовах и корректировках, с которыми Фатумате пришлось столкнуться, чтобы постепенно освоить нормы и практики преподавательской профессии, не имея предварительной подготовки в социологии.

Путь Фатуматы, таким образом, свидетельствует о многообразии траекторий, избираемых будущими преподавателями социологии в Мали, каждый из которых привносит различные опыт и мотивации,

формирующие их профессиональную идентичность в ходе обучения.

Как она подчеркивает в интервью, эта переориентация не является результатом тщательно продуманного личного проекта, но представляет собой решение, вынужденное финансовыми соображениями. Действительно, Фатумата признается: «У меня нет выбора, и я задаюсь вопросом о моей способности выжить там».

Это интервью выявляет сомнения и отсутствие первоначального энтузиазма у Фатумата в отношении этой новой профессиональной ориентации. Её трудный академический путь, отмеченный проблемами с властями, также, похоже, влияет на её опасения взять на себя эту подготовку по социологии.

Таким образом, дело Фатумата высвечивает профессиональные переходы по умолчанию, мотивированные не призванием или личным проектом, а экономическими ограничениями и отсутствием альтернатив на рынке труда. Этот особый случай поднимает вопрос о построении профессиональной идентичности в таком контексте, где первоначальная приверженность обучению не является результатом преднамеренного выбора.

Для некоторых учителей их изначальный идентификационный проект не соответствует карьере, в которую они включились. Так, участница нашего исследования подчеркивает, что ее личный проект был противоположен пути, по которому она пошла, что привело ее к форме застоя и прогулов во время занятий в Высшей нормальной школе. Однако именно во время учебной практики эта участница испытала настоящий прорыв. По ее собственным словам, эта практика принесла ей много пользы и заставила ее пожалеть, что она не посвятила ей больше времени. Стажировки, таким образом, сыграли ключевую роль в формировании ее профессиональной идентичности как преподавателя социологии. Опыт педагогической практики, следовательно, представляется ключевым моментом в формировании профессиональной идентичности малийских преподавателей социологии, в том числе и для тех, кто не имел социологической подготовки до своего обучения. Эта практика позволяет им придать смысл своей карьере и полностью освоить свою роль преподавателя.

Фатумата должна была подготовить и провести урок социологии для учеников средней школы в рамках своей стажировки. Хотя она почувствовала некоторое беспокойство по поводу этой задачи, ее наставник сыграл решающую роль в ее поддержке. Она объясняет, как для нее прошел этот первый урок: «Мне пришлось подготовить показательный урок. Я подумала: ох, горе! К счастью, мне попался

наставник, который тщательно готовил и актуализировал свои уроки по социологии, что позволило мне опираться на его ресурсы. Наставник предоставил мне выбор темы, что облегчило подготовку урока. Тем не менее, у меня было ощущение, что ученики иногда знают больше, чем я, по этой теме. Но наставник сопровождал меня с подробными объяснениями на протяжении всего урока, помогая мне преодолеть мои трудности».

Этот опыт практики, по-видимому, был определяющим в формировании профессиональной идентичности Фатумата как будущего преподавателя социологии, благодаря поддержке и руководству ее наставника.

Результаты нашего исследования показывают решающую роль педагогической практики в формировании профессиональной идентичности преподавателей социологии в Мали, особенно для тех, кто не имел предварительной социологической подготовки. Роль наставника-преподавателя выглядит ключевым элементом для сопровождения и поддержки стажеров в этом переходе к их будущей профессии. Фатумата объясняет, что «Этот первый дидактический опыт был для меня положительным благодаря строгому и очень старательному наставнику, который проявил ко мне уважение и доброжелательность». Она продолжает: «Я должна сказать, что стажировки были для меня счастьем, хотя в начале я шла туда по обязанности. Во время этого показательного урока я чувствовала, что меня поддерживает мой наставник, хотя я действительно ничего в этом не понимаю».

Это свидетельство высвечивает решающую роль, которую опытный наставник может сыграть в построении профессиональной идентичности будущих преподавателей социологии в Мали. Несмотря на первоначальные опасения перед этим первым полевым опытом, студентка смогла благодаря заботливому руководству своего стажера не только развить свои педагогические навыки, но и найти настоящее призвание к профессии учителя. Эта поддержка сыграла решающую роль в ее будущей профессиональной ориентации.

Заключение. Анализ трех идентификационных траекторий подчеркивает сложность процесса формирования идентичности малийских преподавателей социологии. Этот путь далек от линейности, он полон напряжений, открытий и переосмысления, в котором обучение играет решающую роль. Это исследование подчеркивает важность учета субъективного и биографического измерения в понимании профессионализации будущих учителей. С точки зрения дальнейших

исследований, эта работа демонстрирует необходимость анализировать не только отношение студентов к дисциплинам, но и их представления о них до и после обучения. Анализ восприятия преподавания социологии оказывается фундаментальным, поскольку он тесно связан с их идентификационным проектом. Сопровождение опытными преподавателями, которые учитывают особенности траекторий учащихся, может помочь легитимизировать место социологии в подготовке. Опыт студентов заслуживает большего внимания в исследованиях. С точки зрения профессиональной практики, реформа высшего образования в Мали может создать проблемы для преподавателей и студентов, связанные с уменьшением дисциплинарной легитимности и вытекающим из этого размыванием идентичности. В этом контексте роль подготовленных наставников и преподавателей социологии имеет решающее значение для сопровождения студентов в построении их профессионализма. Следует уделять особое внимание разнообразию когнитивных, эмоциональных и материальных ресурсов студентов, чтобы способствовать их успеху.

Библиографический список

1. Gohier Christiane, Anadón Marta, Bouchard Yvon, Charbonneau Benoît et Chevrier Jacques, 2001, La construction identitaire de l'enseignant sur le plan professionnel : un processus dynamique et interactif. *Revue des sciences de l'éducation*, Vol. 27, n° 1, p. 3–32.
2. Baillauques Simone (1999). « Ce que l'entrée dans la carrière révèle du rapport des enseignants à la formation : Éléments d'une problématique de professionnalisation », dans Jean-Claude Héту, Michèle Lavoie et Simone Baillauques (dir.), *Jeunes enseignants et insertion professionnelle : Un processus de socialisation ? De professionnalisation ? De transformation ?* Paris et Bruxelles, De Boeck et Larcier, p. 21-41.
3. Huberman, Michael (1989). *La vie des enseignants : Évolution et bilan d'une profession*, Neuchâtel et Paris, Delachaux et Niestlé.
4. Gohier Christiane, Anadón, M., Bouchard, Y., Charbonneau, B. et Chevrier, J. (2000). La construction de l'identité professionnelle de l'enseignant : pour un modèle favorisant l'interaction plurielle. In A. Abou et M.J. Giletti (dir.), *Des enseignants d'Europe et d'Amérique. Questions d'identité et de formation* (p. 115-135). Paris : INRP.
5. Dubar Claude (1996). *La socialisation, construction des identités sociales et professionnelles*. Paris : Armand Colin.
6. Sainsaulieu Renaud (1977). *L'identité au travail*. Presses de la fondation nationale des sciences politiques. DOI : 10.3917/scpo.sains.2019.01
7. Tap Pierre (1988) *De l'identité personnelle à l'interconstruction psycho-sociale*. Colloque Européen Construction et fonctionnement de l'identité. Conférence introductive, Laboratoire CrepCo. CNRS Aix-en-Provence Mars Actes du Colloque, 372p., 7-16.
8. Kaddouri Mokhtar, 2002, Le projet de soi entre assignation et authenticité, dans *Recherche et Formation*, n°41, p. 31-47.
9. Fofana Hadama, 2021, *Enseignement Supérieur au Mali : La première pierre de la*

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ХОДЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ
РАБОТЫ (ПРОЕКТ «РАССКАЖУ ТЕБЕ О КУРСКЕ: НА ПУТИ К
ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ»)**

**FORMATION OF REGIONAL IDENTITY OF THE YOUNG
GENERATION IN THE COURSE OF LOCAL HISTORY WORK
(PROJECT "I WILL TELL YOU ABOUT KURSK: ON THE WAY TO
THE MILLENNIUM")**

С.В. Супряга, А.В. Котова

Курский государственный университет, г. Курск, Россия

S.V. Supryaga, A.V. Kotova

Kursk State University, Kursk, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования региональной идентичности подрастающего поколения в ходе краеведческой работы. Представлен проект «Расскажу тебе о Курске: на пути к тысячелетию», реализованный командой студентов факультета педагогики и психологии Курского государственного университета под руководством наставника. Отражено содержание краеведческой работы, направленной на воспитание у детей и молодежи Курской области патриотизма и гордости за свою малую родину, чувства сопричастности к истории и культуре родного края, ответственности за сохранение культурного наследия региона для последующих поколений. Сделаны выводы целесообразности и эффективности такой работы.

Abstract. The article examines the issues of forming regional identity of the younger generation in the course of local history work. The project "I will tell you about Kursk: on the way to the millennium" is presented, implemented by a team of students of the Faculty of Pedagogy and Psychology of Kursk State University under the guidance of a mentor. The content of local history work aimed at educating children and youth of the Kursk region patriotism and pride in their small homeland, a sense of belonging to the history and culture of their native land, responsibility for preserving the cultural heritage of the region for future generations is reflected. Conclusions are made on the feasibility and effectiveness of such work.

Ключевые слова: региональная идентичность, краеведческая работа, проект, патриотизм, малая родина, сопричастность, история и культура Курского края, ответственность, сохранение культурного наследия региона.

Keywords: regional identity, local history work, project, patriotism, small homeland, involvement, history and culture of the Kursk region, responsibility, preservation of the cultural heritage of the region.

Проблема формирования региональной идентичности подрастающего поколения на сегодняшний день является весьма актуальной в свете последних событий, происходящих в приграничных районах Российской Федерации. Старшее поколение консолидировалось в чрезвычайной ситуации, а молодежь в большинстве своем пребывает в растерянности и страхе перед завтрашним днем. Чтобы стабилизировать ситуацию и предотвратить отток молодежи из региона, необходимо воспитывать в ней дух патриотизма и гордость за свою малую родину, чувства сопричастности к истории и культуре родного края, ответственности за сохранение культурного наследия региона для последующих поколений. Все перечисленное включает в себя региональная идентичность.

Понятие региональной идентичности и специфику ее формирования в современной России достаточно подробно раскрывает в своей публикации социолог Е.В. Еремина. Она полагает, что это, с одной стороны, объективное состояние индивида, основанное на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, предполагающее гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности человека в региональный социум, а с другой – структурное образование, имеющее собственное содержание, меру стойкости и противодействия влияниям извне. Кроме того, это переживаемые и осознаваемые человеком ценности той или иной локальной общности. Региональная идентичность, по мнению исследователя, «локализует» жизнь людей в определенном пространстве и побуждает его сравнивать «свою» часть страны с «другими» частями, позволяет им ощущать «свое место» в системе социальных отношений, принадлежность, характеризующуюся психологическими, социально и культурно значимыми признаками [2].

Т.Ю. Тамбовкина и А.А. Насырова, рассматривая региональную идентичность как важную составляющую профессиональной подготовки бакалавра лингвистики в вузе, отмечают, что под этим понятием можно понимать совокупность отношений, предполагающую самоотождествление индивида с конкретной региональной общностью, с ее историческими, культурными, этническими, религиозными и другими особенностями, а также определенное свойство, качество индивида, являющееся продуктом региональной культуры, в которой родился и живет человек [14].

Е.В. Еремина совершенно справедливо отмечает, что «чувство Родины может быть полноценным лишь при наличии чувства «малой Родины» [2].

Региональная идентичность не только не зависит от

национальности, рода деятельности, уровня образования или социального статуса человека, она основана на трепетном отношении людей к родному краю, его истории, достопримечательностям, выдающимся личностям, красотам природы. И это позволяет объединять в единое целое совершенно разных людей.

В структуре региональной идентичности исследователи выделяют когнитивный (знаниевый) и аксиологический (ценностный) аспекты [14; 3, с. 98; 1, с. 42–43]. Первый предполагает наличие знаний, в основном краеведческого характера, а второй – личностное отношение к родной земле, где человек родился и вырос или где прошли лучшие годы его жизни.

То есть ярким проявлением региональной идентичности выступает отношение человека к своей малой родине.

Если говорить о Курском крае, то свою трепетную любовь к нему от лица, пожалуй, всего старшего поколения выразил наш земляк Евгений Иванович Носов в своем рассказе «Малая родина»: «Вот пишут: малая родина... Что же это такое? Где ее границы? Откуда и докуда она простирается? По-моему, малая родина – это оком нашего детства <...> Малая родина – это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения» [8; 12].

С региональной идентичностью взрослого населения Курской земли, как говорится, «все в порядке», а вот у молодежи нам еще предстоит ее сформировать.

Этим в настоящее время активно занимаются государственные органы власти, образовательные организации, начиная с дошкольных и заканчивая вузами, общественные движения, учреждения дополнительного образования, музеи, библиотеки, творческие коллективы.

Курские методисты, преподаватели кафедры теории и методики дошкольного и начального образования составили ряд учебно-методических пособий, которые воспитатели детских садов и учителя начальной школы с удовольствием используют в своей работе. Особого внимания заслуживают хрестоматия, составленная на основе произведений курских авторов «Край родной, навек любимый» [5], и книжка-раскраска «Путешествие по АзБукам Курской земли» [9].

Преподаватели Курского государственного университета проводят круглые столы и мастер-классы по истории, культуре и литературе родного города и области (см., например: https://vk.com/pip_kgu?w=wall-27630473_4541).

Директором Шумаковской центральной сельской библиотеки была разработана викторина «Курский край, соловьиный», которая больше ориентирована на школьников (<https://onlinetestpad.com/ru/testview/959584-viktorina-kurskij-kraj-solovinyj>).

На сегодняшний день в нашем регионе развиваются самые разные направления краеведения: историческое («Ратники земли Курской»), православное («Святые угодники-куряне», «Дорога к храму», «Святые места Курского края»), естественно-научное («История Курской магнитной аномалии», «Биосферный Центрально-черноземный заповедник им. В.А. Алехина – природная курская аномалия», «Эко-Курск» и др.), культурное («Антоновка и соловей – символы курского края», «“Курские соловьи” в литературе и музыке», «Курская изба», «Суджанская и козлянская глиняные игрушки»), туристическое (Коренная пустынь, усадьба А.А. Фета в Воробьевке, село Винниково – дом-музей Н. Плевицкой, Нижний Реутец – дом-музей К.Д. Воробьева, Фатеж – дом-музей Г.В. Свиридова, Льгов – дом-музей А.П. Гайдара, Центрально-черноземный заповедник, Курская магнитная аномалия, Волков Ключ, Курская водяная мельница в с. Красниково и др.), спортивное (выдающиеся куряне – олимпийские чемпионы, победители других спортивных состязаний мирового и всероссийского уровней), музейное (уголки и полочки краеведения, музейные пространства), семейное и др.

На двух последних направлениях остановимся подробнее.

В образовательных организациях разного уровня создаются или расширяются уже существующие музейные пространства различной тематики: от народных промыслов и крестьянского быта до экспозиций военно-патриотической тематики. Почти каждая школа в Курске и области носит имя своего героя, установлены памятники, бюсты, стелы, мемориальные доски, проводятся митинги, Часы памяти, возложения цветов.

Сравнительно недавно открыт Музей юных защитников отечества, в Курском госуниверситете создано музейное пространство памяти героев Великой Отечественной войны, а также боевых действий в Афганистане, Чечне, участников СВО.

Очень востребовано в Курском крае и так называемое «семейное краеведение». Дети и родители с удовольствием составляют генеалогические древа, семейные альбомы, снимают видеоролики о своих героических или известных родственниках.

Проводятся конкурсы рисунков, эссе, ВК-клипов, виртуальных

экскурсий на темы «История моей улицы», «Вот эта улица, вот это дом», «Край родной...» и т.п.

В одном из детских садов Курска создано игровое пространство «Арт-кафэ», где дети, в частности, осваивают народные промыслы.

Краеведение стало важным аспектом реализации внеурочной деятельности в курских общеобразовательных школах. Например, коллективом педагогов разработана программа «Я – Курянин» для начальной школы, написаны и опубликованы сценарии для занятий курса «Разговоры о важном» на краеведческом материале [7, 10, 11].

Для школьников организуются самые разные формы проведения внеурочной деятельности по краеведческой тематике: дискуссионные площадки, беседы, клубы, встречи с известными земляками, конкурсы, приуроченные к памятным датам или юбилеям известных курян, соревнования, викторины, ток-шоу, деловые игры, творческие и научные лаборатории, проектная деятельность разных видов, проводятся опросы и анкетирования, экскурсии разных видов и др.

В данной публикации хотим поделиться своим многолетним опытом реализации студенческого краеведческого проекта «Расскажу тебе о Курске: на пути к тысячелетию».

Проект направлен на организацию студенческого краеведческого клуба для всех интересующихся историей и культурой родного края.

Напомним, что Курску, согласно официальным источникам, совсем скоро исполняется 1000 лет. Однако до момента его первого упоминания в Житии Феодосия Печерского город уже был довольно крупным культурным центром.

Идея проекта появилась благодаря тому, что в настоящее время приобрела особую актуальность проблема патриотического воспитания подрастающего поколения и формирования у молодёжи региональной идентичности, что предполагает становление у детей, подростков и юношей чувства уважения и любви к Отечеству и к малой родине.

Так, Фонд «Общественное мнение» провел исследование взглядов жителей России на патриотическое воспитание в школе. Результаты представлены на сайте: <https://pobedarf.ru/2020/06/22/patrioticheskoe-vospitanie-izmerili-czifroj/>. Указ Президента РФ № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» тому подтверждение.

Сейчас в Курском регионе регулярно проводятся опросы государственными и общественными лицами. Так, инициатором опроса на тему «Чем мы гордимся» выступили Губернатор и Правительство Курской области. Анализируя результаты опроса (<https://dzen.ru/a/ZF4nkck6vUrSz6qE>), можно сделать вывод, что жители нашего региона называют в основном только самые известные достопримечательности города.

Цель нашего проекта – углубление и расширение знаний студентов и школьников Курской области о родном крае, достижение осознания ими необходимости сохранения культурного наследия родного города (поселка), формирование у молодежи патриотических чувств: гордости за своих талантливых земляков и героев боевых действий в ходе проведения экскурсий по достопримечательностям Курска, организация интерактивных игр, викторин, конкурсов краеведческой направленности, селфи-экскурсий по малой Родине.

Мы поставили перед собой следующие задачи:

1) разработка маршрутов экскурсий по музеям, памятным местам и достопримечательностям Курска и Курской области для студентов и школьников, а также интерактивных игр, викторин, конкурсов краеведческой направленности;

2) подготовка тьюторов-волонтеров из числа студентов для проведения экскурсий и интерактивных игр;

3) разработка методических и наглядных материалов для обеспечения организационной и информационной поддержки мероприятий;

4) формирование групп участников экскурсий, фотоквестов и других мероприятий из числа студентов и школьников;

5) размещение информационных постов в соцсетях, а также статей и видеороликов о Курске и курянах, анонсирование проводимых мероприятий и подведение их итогов;

6) проведение сэлфи-экскурсий и цикла фотоквестов «Курск в кадре», «Юный краевед» по достопримечательностям Курска, организация интерактивных игр, викторин, конкурсов краеведческой направленности, селфи-экскурсий по Курску и области;

7) разработка серии олимпиадных заданий и информационных писем, рассылка их в образовательные учреждения Курской области;

8) проведение областной олимпиады по краеведению для младших школьников (заочный и очный этапы);

9) осуществление обратной связи с целевой аудиторией с целью совершенствования работы и учета пожеланий целевой аудитории.

В рамках работы клуба два раза в месяц нами проводятся экскурсии по достопримечательностям Курска, регулярно организуются интерактивные игры, викторины, конкурсы краеведческой направленности, проводятся селфи-экскурсии [4] и фото-квесты [6, 13]. Членами клуба являются студенты разных факультетов курских вузов, кому интересно познавать культурное наследие нашего тысячелетнего города и кто готов проводить экскурсии и краеведческие квесты для школьников.

Проект позволяет студентам курских вузов и ссузов, а также шильникам познакомиться с историей и культурным достоянием родного края и больше узнать о своих известных и малоизвестных земляках, прославивших Курский край.

Наша деятельность отражена в соцсетях: в ВКонтакте – в группе факультета педагогики и психологии (https://vk.com/pip_kgu), Курского государственного университета (<https://vk.com/kursksu>), на официальном сайте Курского государственного университета, а также в группе нашего проекта: <https://vk.com/club221223210>.

Как уже было сказано, наш проект предполагает, в частности, проведение краеведческих фотоквестов с использованием QR-кодов. Представим один из этапов такого квеста.

Этап: Памятник «Курская антоновка», ул. Ленина 15.

Вопрос: В названии этого памятника «спрятано» мужское имя.

Подсказка 1:

Кислое и сладкое,
С кожицею гладкою.
Сочное, душистое,
С мякотью лучистою.
Людам всем полезно.
Лечит от болезней!
Даже птичкам зябликам
Вкусно. Это ж... **(Яблоко)**.

Подсказка 2. Фотография банка, в котором отражается памятник.

После того, как члены команд догадались, о какой достопримечательности Курска идет речь, они отправляются к ней. Там участников встречают «хранители памятника». Они предлагают послушать историю его создания и выполнить ряд заданий:

– Здравствуйте, друзья! Мы рады приветствовать вас на площади около Воскресенско-Ильинского храма у памятника «Курская антоновка»!

– Его автор – наш земляк, знаменитый скульптор Вячеслав

Михайлович Клыков.

– Открытие монумента состоялось 19 августа 2008 года и было приурочено к православному празднику преображения Господня – «Яблочному Спасу».

– Как мы видим, скульптура представляет собой яблоко, изготовленное из медного листа, высотой в два метра, диаметром в полтора метра и весом в сто пятьдесят килограммов.

– Глядя на него, так и хочется сказать:

Катись, катись, яблочко,
По серебряному блюдечку,
Покажи ты мне на блюдечке
Города и поля,
И леса и моря,
И гор высоту,
И небес красоту,
Всю родимую Русь-матушку.

– «Антоновка обыкновенная» – старинный русский сорт яблок.

– Существует красивая легенда о том, что в усадьбе одного помещика некий садовник по имени Антон вывел новый сорт яблок.

– Где находилась эта усадьба, точно сказать нельзя. В источниках чаще всего ссылаются на Курскую или Тульскую губернию.

– Первые письменные упоминания об антоновке относятся к тысяча сорок восьмому году.

– А ещё с двухтысячного года имя «Курской антоновки» носит ежегодная премия, самая почетная в нашей Курской области.

– Мы скажем вам по секрету: нигде в мире нет такой премии, такого памятника и такого яблока!

– Давайте найдем в корзине с разными сортами яблок курскую антоновку!

(участники квеста ищут антоновку, тот, кто правильно нашел, получает в подарок любое яблоко из корзины)

– А теперь давайте найдем секретный код, расшифруем его и сделаем фотографию.

Задание QR-кода: Сделать фото на тему: «Яблочко от яблоньки...»

– Давайте нанесем эту достопримечательность на вашу карту! (наносит стикер с изображением памятника на маршрутную карту).

Затем команды получают задание следующего этапа. В среднем игра состоит из 5–7 этапов. Играть одновременно могут до 4 команд по 10–12 человек. С каждой командой идет тьютер, куратор, который озвучивает задание следующего этапа, делает фотографии и следит за

тем, чтобы правила игры не нарушались.

На последнем этапе все команды встречаются вместе, где их ждут уже все хранители памятников для подведения итогов игры и общей фотографии.

Наш проект в перспективе может быть расширен как тематически, так и географически: опыт команды может быть транслирован в другие регионы Российской Федерации, могут быть привлечены участники и студенты-волонтеры из других регионов, представлены к изучению и описанию культурные объекты и достопримечательности не только Курского края, но и любого другого региона. Олимпиады и квесты могут быть переформатированы в онлайн-формат.

Такова в общих чертах работа по формированию региональной идентичности детей и молодежи в рамках студенческого проекта «Расскажу тебе о Курске: на пути к тысячелетию».

Библиографический список

1. Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. С. 42–50.

2. Еремина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regionalnoy-identichnosti-i-spetsifika-ee-formirovaniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.11.2024).

3. Жаде З.А. Региональная идентичность с точки зрения политики // Вестник Адьгейского университета. 2006. №4. С. 95–100.

4. Котова А.В., Никитина Д.В. Сэлфи-экскурсия с элементами квеста к памятнику А.С. Пушкина в Курске для школьников и студентов // Проблемы филологического образования : межвузовский сборник научных трудов / редакционная коллегия: Л.И. Черемисинова (главный редактор), И.А. Тарасова (заместитель главного редактора), Е.В. Степанова (ответственный секретарь) и др. Саратов : Саратовский университет, 2024. Вып. 16. С. 76–83.

5. «Край родной, навек любимый...» (произведения курских писателей): хрестоматия / сост.: С.Б. Каменецкая и др. Курск: Изд-во Курск, гос. ун-та, 2021. 10-е изд. 150 с.

6. Никитина Д.В., Котова А.В., Супряга С.В. Обращение к культуре родного края во внеурочной деятельности в начальной школе (на примере фотоквеста «Юный краевед») // Проблемы и перспективы дошкольного и начального образования: современный научный поиск. Курск, 2024. С. 252-257.

7. Никитина Д.В. Курс «Разговоры о важном» в системе внеурочной деятельности современной начальной школы // Ignis Iuvenum. 2024. № 1 (2) С. 105–112.

8. Носов Е. И. Малая родина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00994271189679042594/> (дата обращения: 07.11.2022).

9. Путешествие по АзБукам Курской земли: Книжка-раскраска: дидактические материалы для развития графических навыков у детей дошкольного возраста на краеведческом материале / Сост.: Л. В. Алехина, М. А. Лукина. Курск: Курск. гос. ун-т, 2021. 56 с.

10. Супряга С.В., Головина В.С. Изучаем рассказы Е.И. Носова во внеурочной деятельности по литературному чтению в начальной школе // Е.И. Носов: личность и творчество писателя в контексте русской литературы: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2024. С. 108–114.

11. Супряга С.В., Головина В.С., Никитина Д.В. «Курск и куряне на страницах книг»: внеурочное занятие по литературному чтению в начальной школе // Педагогический поиск. 2024. № 5. С. 17–22.

12. Супряга С.В., Лукина К.А. Комплексный анализ текста как средство развития у младших // Начальная школа. 2023. № 7. С. 37-39.

13. Супряга С.В., Сафронова Е.Е., Головина В.С. Использование квест-технологий при изучении краеведческого материала // Начальная школа. 2024. № 5. С. 58–61.

14. Тамбовкина Т. Ю., Насырова А. А. Региональная идентичность – важная составляющая профессиональной подготовки бакалавра лингвистики в вузе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. №2. .

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДЫГСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

STAGES OF FORMATION OF ADYGH IDENTITY

Я. Шакер

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Ya. Shaker

Adygea State University, Maykop, Russia

Аннотация. Этническая самоидентификация населения представляет собой ключевой аспект в контексте анализа вызовов и рисков, с которыми сталкивается полиэтничное общество в условиях новой реальности. В статье анализируются особенности адыгской идентичности как разновидности этнической идентичности. С целью выделения этапов формирования государственности адыгов и адыгской идентичности, проведен анализ административно-территориальных трансформаций на Северном Кавказе. Отмечается, что административное разделение северокавказского макрорегиона на два федеральных округа (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия являются частью СКФО, Адыгея входит в состав ЮФО) создает барьеры для укрепления адыгской идентичности.

Abstract. Ethnic self-identification of the population is a key aspect in the context of the analysis of the challenges and risks faced by a multi-ethnic society in the context of the new reality. The article analyzes the features of the adyge identity as a type of ethnic identity. In order to identify the stages of the formation of the statehood of the adyge and the adyge identity, an analysis of administrative-territorial transformations in the North

Caucasus was conducted. It is noted that the administrative division of the North Caucasian macroregion into two federal districts (Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia are part of the North Caucasus Federal District, Adygea is part of the Southern Federal District) creates barriers to strengthening the adyge identity.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, этническая самоидентификация, государственность адыгов, адыгский этнос, адыгская идентичность.

Keywords: identity, ethnic identity, ethnic self-identification, statehood of the adyge, adyge ethnic group, adyge identity.

В эпоху, когда мир находится в состоянии неопределенности, перед человечеством встают вопросы, относящиеся к социокультурной сфере и затрагивающие различные аспекты развития общества. Эти вопросы касаются истории, культуры, идентичности и языка, которые являются основополагающими элементами духовно-нравственного пространства современной цивилизации.

Этническая и этнокультурная самоидентификация населения представляет собой ключевой аспект в контексте анализа вызовов и рисков, с которыми сталкивается современное общество в условиях новой реальности. Эти факторы оказывают значительное влияние на механизмы формирования идентичности в полиэтничном социуме.

В контексте рассматриваемой проблематики особую актуальность приобретает исследование разнообразных идентификационных признаков, в частности, этнических, которые в условиях интенсификации межэтнического взаимодействия приобретают особую значимость в полиэтнических регионах России.

Целью данной статьи является попытка рассмотреть развитие феномена адыгской идентичности как многоэтапного и многоуровневого процесса. Адыги – общее название единого народа в России и за рубежом. В России адыги представлены кабардинцами, проживающими в Кабардино-Балкарской Республике, черкесами, населяющими Карачаево-Черкесскую Республику, а также адыгами, являющимися коренным населением Республики Адыгея. Кроме того, существует многочисленная адыгская диаспора, проживающая в таких странах, как Турция, Сирия, Иордания и Израиль.

Общая численность адыгов в Российской Федерации по переписи 2020 года составляет 751 486 человек, в том числе: адыги: 111 471 человек; кабардинцы: 523 404 человек; черкесы: 114 697 человек; шапсуги: 1 914 человек [8]. Наиболее многочисленной и значимой диаспорой является турецкая, насчитывающая свыше 3,5 миллионов человек. Сирийская Арабская Республика занимает второе место по

численности адыгов, проживающих компактно, – более 80 тысяч человек. В Иордании адыгская община насчитывает около 80 тысяч человек, а в Израиле – около 3,5 тысяч человек.

Многолетние дискуссии, связанные с этнической идентичностью адыгов/черкесов, вновь обострились в контексте проведения Всероссийской переписи населения 2020 г. В социальных сетях черкесские активисты организовали флешмоб #ячеркесАты, цель которого заключалась в том, чтобы побудить адыгов во всех субъектах Российской Федерации указывать свою национальность как «черкес» во время переписи.

По мнению З.А. Жаде, проблема этнической идентичности адыгов актуализирована самим адыгским обществом. Постоянные дискуссии и активная деятельность активистов привлекают внимание и заставляют задуматься о значимости этнической идентичности для самих адыгов [6, с. 22].

В настоящее время важность укрепления адыгской идентичности декларируется во многих программах, проектах, научных и популярных публикациях [1; 2; 7; 9; 10]. Ряд проведенных исследований, экспертные оценки и массовые опросы свидетельствуют о частичной сформированности адыгской идентичности [4; 5; 6].

Очевидно, что адыгская идентичность в значительной степени определяется общим историческим прошлым. Не останавливаясь на опыте и уроках Российской империи, поскольку они достаточно подробно изучены историками, с целью выделения этапов формирования государственности адыгов и адыгской идентичности, кратко проанализируем административно-территориальные изменения на Северном Кавказе, которые происходили с момента создания советского государства и до наших дней.

Создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа в 1917 г. на I Горском съезде следует считать исходной организационной точкой конструирования адыгской идентичности, поскольку он практически объединил адыгские племена. Следующим шагом на пути создания государственности адыгов стало образование национальных автономий в 1922 г.: Адыгейской, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей. КЧАО в 1926 г. разделена на Карачаевскую и Черкесскую автономные области, которые в 1957 г. вновь были реорганизованы в Карачаево-Черкесскую АО. В 1936 г. КБАО преобразована в автономную республику.

По справедливому замечанию В.А. Тишкова, «приоритет этнического фактора определял перекройку границ всех

административных единиц. Скрупулезное проведение этнического принципа приводило к заметным различиям в территориальных размерах, численности и плотности населения, социально-культурных особенностях и других параметрах национально-территориальных образований» [11, с. 63].

В 1960-1990 гг. произошло дальнейшее развитие адыгских этносов, которое привело к тому, что они приобрели в значительной степени политическую самостоятельность в форме советских автономных республик. К началу 1990-х гг. Северный Кавказ включал два края (Краснодарский край с анклавом Адыгейской АО и Ставропольский край с анклавом Карачаево-Черкесской АО), одну область (Ростовскую) и четыре автономные республики (Дагестанскую, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую и Чечено-Ингушскую). В 1990 г. созданы Адыгейская ССР, КБССР и КЧССР, преобразованные в 1991 г. соответственно в Республику Адыгея, КБР и КЧР.

Говоря о становлении адыгской идентичности в советский период, подчеркнем, что, несмотря на целенаправленное конструирование советского народа – надэтнической общности с едиными ценностными ориентирами, – окончательного вытеснения макрорегионального самосознания северокавказских народов не произошло. По мнению исследователей, в советский период идентичность северокавказских обществ подверглась радикальной трансформации и «следует говорить о ее двуслойности или двойственности. На поверхности ... типовое советское сознание, а в глубине этническое, традиционалистское» [3, с. 14].

Таким образом, административно-территориальные преобразования в период советского строительства проводились в несколько этапов, при этом, по мнению коллег, «далеко не всегда удавалось найти оптимальный вариант, учитывающий общие принципы государственного строительства» [12, с. 88]. Действительно, на Северном Кавказе наблюдалось большое разнообразие форм советской национальной государственности. Данная политико-правовая проблема имеет сегодня существенное значение для понимания процессов формирования идентичности в северокавказском макрорегионе.

Постсоветский этап стал проверкой на состоятельность адыгской идентичности, поскольку, несмотря на доминирование этнического фактора, следствием политики национального возрождения стала актуализация республиканской и окружной идентичности. Барьеры для укрепления адыгской идентичности создаются тем, что Северный Кавказ административно разделен на два федеральных округа. Кабардино-

Балкария и Карачаево-Черкессия являются частью СКФО, а Адыгея входит в состав ЮФО.

Мы солидарны с мнением ученых, согласно которому «с целью сохранения этнической и этнокультурной идентичности адыгов/черкесов, их этнической культуры в целом, необходимы: во-первых, реализация целенаправленной политики идентичности, проводимой органами государственной власти на региональном и локальном уровнях; во-вторых, системные усилия заинтересованных представителей экспертной и научной общественности; в-третьих, мониторинговые исследования многоуровневой идентичности» [6, с. 24].

В настоящее время Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия обладают богатым опытом в укреплении межнационального и межрелигиозного взаимопонимания и согласия среди граждан. Однако сохранение и укрепление адыгской идентичности остается важной и актуальной задачей для полиэтничных республик.

Библиографический список

1. Адыгейцы, черкесы и кабардинцы – один народ? Ответ из истории. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/8447.html?ysclid=m2hlczhpvt379114030> (дата обращения: 25.10.2024).
2. Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. М.: Наука, 2022. 870 с.
3. Гурбанов Э.А. Социокультурная интеграция северокавказских обществ в российскую цивилизацию советского периода // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2020. № 2-2. С. 14.
4. Жаде З.А. Адыгская/черкесская идентичность в полиэтничном пространстве // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 62-65.
5. Жаде З.А. Адыгская/черкесская идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена // Идентификационные маркеры российского федерализма и регионализма: материалы всероссийской научно-практической конференции. Майкоп: ООО «ЭлИТ», 2022. С. 63-70.
6. Жаде З.А. Динамика этнической идентичности адыгов/черкесов // Теории и проблемы политических исследований. 2022. № 2. С. 20-26.
7. Кто разделил адыгов? URL: <https://dzen.ru/a/XimxIqP25ACx1p23?ysclid=m2hlg6m3744614070> (дата обращения: 25.10.2024).
8. Национальный состав России 2024 (перепись 2020). URL: <https://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii?ysclid=m2rill3drx144873928> (дата обращения: 25.10.2024).
9. Нация в изгнании: почему адыгов на родине меньше, в диаспоре? URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/naciya-v-izgnanii-pochemu-adygov-na-rodine-menshe->

chem-v-diaspore-5512273 (дата обращения: 25.10.2024).

10. Разделение единого этноса черкесов – наследие советской эпохи. URL: <https://aheku.net/news/society/razdelenie-edinogo-etnosa-cherkesov-nasledie-sovetskoj-epoxi?ysclid=m2h1b4xkn4397391798> (дата обращения: 25.10.2024).

11. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. 384 с.

12. Шадже А.Ю., Шедужен Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа. Москва – Майкоп: ООО «Аякс», 2004. 212 с.

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РФ¹.

ALLRUSSIAN IDENTITY AND RESOCIALIZATION OF NEW CITIZENS IN THE CONDITIONS OF EXPANDING THE POLITICAL SPACE OF THE RF

И.В. Юрченко

*Южный научный центр Российской Академии Наук, г. Ростов-на-Дону;
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,*

В.М. Юрченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

I.V. Yurchenko

*Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don;
Kuban State University, Krasnodar, Russia,*

V.M. Yurchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Аннотация: В статье анализируются проблемы взаимовлияния процессов формирования и укрепления общероссийской идентичности и ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ, конкретизируется анализ позитивных практик обеспечения внутренней интеграции и укрепления стабильности в интересах реализации проектов по восстановлению и развитию новых регионов. В контексте пространственного развития в исследовании обосновывается взаимосвязь концептов «пространство» и «время» и предпринимается попытка

---

¹ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

доказать значение понимания единой истории России как государства-цивилизации для формирования общегражданской идентичности.

Abstract: The article analyzes the problems of mutual influence of the processes of formation and strengthening of all-Russian identity and the resocialization of new citizens in the context of the expansion of the political space of the Russian Federation, and specifies the analysis of positive practices for ensuring internal integration and strengthening stability in the interests of implementing projects for the restoration and development of new regions. In the context of spatial development, the study substantiates the relationship between the concepts of “space” and “time” and attempts to prove the importance of understanding the unified history of Russia as a state-civilization for the formation of civil identity.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, постсоветский период, гражданская идентичность, цивилизационная идентичность, расширение политического пространства, исторические регионы, практики ресоциализации, культурно-цивилизационная общность.

Keywords: all-Russian identity, post-Soviet period, civil identity, civilizational identity, expansion of political space, historical regions, resocialization practices, cultural and civilizational community.

Российская Федерация, как государство постсоветского периода, считается относительно молодым, учрежденное всего примерно 33 года назад 25 декабря 1991 г., когда РСФСР была переименована в Российскую Федерацию. Но оно, на самом деле, имеет очень глубокую более чем тысячелетнюю историю и состоит из многочисленных этнических, социокультурных и конфессиональных общностей, каждая из которых обладает своей спецификой в традициях, обычаях, менталитете, в интерпретациях исторических событий и т.д. В Концепции внешней политики РФ Россия определяется как самобытное государство-цивилизация: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [5]. Как единое государство-цивилизация, в условиях современных геополитических потрясений Россия решает сложные задачи по формированию общей интегрирующей идентичности, что становится особенно сложной задачей, так как речь идет о тектонических процессах воссоздания нашей подлинной культуры, восстановления исторической памяти. В рамках

нашего исследования акцентируется внимание на расширение политического пространства РФ, но в этом контексте важно понять, почему необходимо говорить не только о пространстве, но и времени: восстанавливать связь времен, которая прерывалась в России в смутные годы: 1612, 1917, 1991. На наш взгляд, чтобы понять современность, для россиян в целом и для новых граждан, в том числе, необходимо осознать, как восстанавливается, именно как единая, история российской государственности.

В День воссоединения с Россией её исторических регионов – Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей 30 сентября 2024 г. о судьбоносном событии говорил В.В. Путин: «Мы шли к нему через годы и непростые испытания, знали, в каких невыносимых условиях постоянных обстрелов, блокады долгих восемь лет жил Донбасс, каким притеснениям подвергались жители Новороссии. Они выступили против вооружённого государственного переворота в Киеве, дали отпор неонацистской диктатуре, которая хотела навсегда оторвать их от исторической Родины, от России» [7]. В настоящее время они оказались в состоянии поиска новой идентичности, причем такой, которая позволила бы консолидировать разнообразные индивидуальные и групповые ценности и интересы. Нельзя не согласиться с В.А. Авксеньевым и Б.В. Аксюмовым, которые считают, что в свое время термин «россияне» не оправдал тех ожиданий, которые на него возлагались, потому, что «конституирующая данное понятие коллективная идентичность оказалась недостаточно сильной для того, чтобы реализовать в социальной практике идеи единства российского народа (российской нации). Речь в данном случае идет о российской гражданской идентичности, в основе которой лежат символы новой российской государственности, чувство патриотизма и гражданское самосознание» [1, с.32]. Как утверждала в 2011 году Л.М. Дробижева, если судить по социологическим замерам, имеющим как федеральный, так и региональный уровни оценок, российская гражданская идентичность в целом сформирована [4. С.74]. Для жителей современной Новороссии, которые с 2014 года, с периода Евромайдана на Украине, находились в тяжелом состоянии постоянных притеснений, проблема идентичности связана и с процессом ресоциализации. Конечно, в данном случае речь идет о тех людях, которые тогда уже во взрослом возрасте застали этот госпереворот на Украине.

В 2023 году на конференции «Этнос и общество» мы подчеркивали, что «политика гражданской интеграции должна быть приоритетной в системе внутренней политики любого суверенного

государства, поскольку, по справедливому обоснованию В.А. Ачкасова, «условием стабильного существования современного национального государства является поддержание политическими средствами определенной иерархии идентичностей его граждан, и в этой иерархии на политический статус может претендовать только гражданская идентичность человека, которая должна иметь приоритет и перед всеми прочими его идентичностями, в том числе идентичностью этнической» [2, с.47]. Вхождение в состав Российской Федерации четырех новых субъектов: Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), Запорожской и Херсонской областей является важнейшим фактором в условиях новых геополитических реалий. Вопрос интеграции новых субъектов России является одним из главных, от которого и будет зависеть социальное равновесие в обществе [9, с.600]. Работа по восстановлению и развитию новых регионов – это самый масштабный инфраструктурный проект страны, который реализуют 41 федеральное министерство, 26 госкомпаний, 82 региона-шефа, участвующие в его реализации [6]. Синергетическое развитие полюсов роста позволит этим территориям быть конкурентоспособными на уровне всего государства, становиться регионами лидерами. Все это мы можем отнести к позитивным и достаточно эффективным практикам ресоциализации новых граждан и тех, кто непосредственно участвует в восстановлении народного хозяйства, разрушенного неонацистским режимом Зеленского.

Формирование и укрепление общероссийской идентичности реализуется и непосредственно на основе межрегиональных связей. Отдельно можно остановиться на примере Краснодарского края, который занимает ключевое место в стране благодаря геополитическому положению, благоприятным природным условиям и развивающейся санаторно-курортной инфраструктуре. Позитивные социально-экономические тенденции создают условия для формирования Кубани как инвестиционно-привлекательного региона, устанавливающего тесные связи с новыми субъектами Российской Федерации: ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областями. Росстат оценил чистый миграционный отток из новых регионов в 87,6 тыс. человек.

В частности, Краснодарский край стал одним из наиболее предпочтительных для миграции регионом, вследствие географического расположения: «Чаще всего жители новых регионов выбирают для переезда Краснодарский край и Московскую область, сообщили РБК в Росстате... По данным ЦИК, обнародованным в начале февраля 2024 года, в новых субъектах России насчитывается 4,56 млн избирателей. В

то же время, по прогнозу МВД, численность населения в указанных регионах по состоянию на 1 января 2024 года предполагалась на уровне 3,23 млн человек» [8]. Это приводит к изменениям политического ландшафта Краснодарского края в направлении повышения роли общественно-политического дискурса патриотизма и общественной активности представителей различных этнических и демографических групп.

В новых условиях определенные аспекты ресоциализации для жителей Кубани также становятся актуальными. В крае существует благотворительный фонд «Добро и дело» [3]. Основная деятельность этой благотворительной организации – помощь населению ДНР, ЛНР Херсонской и Запорожской областей – освобождённым территориям Российской Федерации, беженцам с освобожденных территорий, бойцам СВО. В целом, можно отметить актуализацию дискурса формирования общероссийской, цивилизационной, гражданской идентичности. Как показывают наблюдения, многие жители Краснодарского края начали более активно идентифицировать себя с российским государством и российской нацией. Это проявляется в усилении патриотических настроений, поддержке государственной политики, в повышении интереса к истории своей страны, проявлению активной жизненной позиции в волонтерской деятельности.

Таким образом, стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ, на наш взгляд, должны распространяться и на все российское население. Так как в условиях современных политических вызовов с помощью укрепления внутренней интеграция общества, улучшения морально-нравственного климата можно будет решать конкретные проблемы в стране, оказавшейся в принципиально новых исторических условиях современной глобальной турбулентности и геополитических трансформаций. А это, в свою очередь, будет повышать уровень стабильности в обществе, обеспечивать условия для суверенного прогрессивного развития, формировать и укреплять общероссийскую идентичность.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа, 2013, № 4. – С. 31-37.
2. Ачкасов В.А. Диалог власть-общество и проблемы строительства Российской нации-государства // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–

3 декабря 2022 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. — М.: Аспект Пресс, 2022. — С.47- 48.

3. Добро и дело. Кубань: официальный сайт URL: <https://dobroidelo.ru/> (дата обращения: 21.10.2024)

4. Дробичева Л.М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 72–85.

5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.mid.ru/ru/>

6. Открытие объектов социальной инфраструктуры в новых регионах. 30.09.2024. // [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/4#:~:text=> (дата обращения 1.10.2024).

7. Путин В.В. Видеообращение по случаю Дня воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Россией. 30.09.2024 // [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75204#:~:text> (Дата обращения 14.10.2024).

8. Росстат впервые оценил чистый миграционный отток из новых регионов. Куда чаще всего переезжают их жители. // РБК. 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/story/658c98dc9a794706712c381b> (дата обращения: 18.10.2024).

9. Юрченко И.В., Завьялова О.А. Конфликтогенные и интеграционные факторы регионального развития в условиях современных геополитических трансформаций // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы IX Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Издательство ОК ПРЕСС, 2023. – С.598-606.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И БАРЬЕРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

CIVIC IDENTITY OF YOUTH IN NEW REGIONS OF RUSSIA: THE STATE AND BARRIERS OF FORMATION

М.Е. Шевченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

М.Е. Shevchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты исследования состояния и барьеров формирования гражданской идентичности молодежи новых территорий. Методология исследования опирается на идеи идентитарного и политико-психологического подходов, гражданская идентичность молодежи новых территорий в исследовании рассматривается как результат сложных процессов политической социализации в условиях противоречивого столкновения двух

политических пространств. Автор приводит вторичные и первичные данные, описывающие состояние и барьеры формирования гражданской идентичности и приходит к выводу о том, что исследование барьеров на пути формирования общероссийской гражданской идентичности необходимо продолжать для выработки оптимальных технологий ее укрепления.

Abstract. The article presents preliminary results of a study of the state and barriers to the formation of civic identity of young people in new territories. The research methodology is based on the ideas of the identitarian and political-psychological approaches, the civic identity of the youth of the new territories is considered in the study as the result of complex processes of political socialization in the conditions of a contradictory clash of two political spaces. The author provides secondary and primary data describing the state and barriers to the formation of civil identity and concludes that the study of barriers to the formation of the all-Russian civil identity must be continued in order to develop optimal technologies for its strengthening.

Ключевые слова: гражданская идентичность, политическая социализация, молодежь, новые граждане РФ.

Keywords: civic identity, political socialization, youth, new citizens of the Russian Federation.

Введение. Присоединение новых регионов (ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей) к Российской Федерации в 2022 году стало важным событием в истории страны, которое повлекло за собой ряд социальных и политических изменений. В связи с тем, что политическое пространство расширяется и видоизменяется, требуется интеграция всех граждан, но в первую очередь, молодежи в российское общество, что влечет за собой формирование новой общероссийской гражданской идентичности. Акцент на молодежь в нашем исследовании связан с тем, что именно она является одной из главных социальных групп общества, которая влияет на дальнейшее развитие государства и представляет за собой залог успешного, устойчивого развития и социальной стабильности новых регионов.

Формирование гражданской идентичности, на наш взгляд, среди прочих приоритетных задач российской власти является одной из ключевых, поскольку общероссийская идентичность отражает уровень сплоченности общества. На пути построения, а точнее – воссоздания единого социокультурного пространства России следует разрешить противоречие – с одной стороны, молодежь новых регионов имеет исторические корни с Россией, с другой – она воспитывалась в иных социально-политических условиях, в которых изначально в условиях первичной социализации формировалась иная, не российская идентичность, а в настоящее время молодежь новых регионов столкнулась с вызовами, связанными с переходом к новой политической и социальной реальности. Как с научной, так и с практической точки

зрения важно изучать, понимать и учитывать весь спектр идентичностей молодого поколения в новых регионах Российской Федерации, так как только понимая ее глубину можно строить эффективную политику и обеспечить устойчивое развитие страны.

Методология и методы. Исследование гражданской идентичности молодежи в новых регионах России опирается на идентитарный подход (И.С. Семененко), который фокусируется на субъективном опыте человека, на том, как он сам понимает и ощущает свою принадлежность к определенной группе, нации или государству, а также опирается на концептуальную основу политико-психологического подхода (Е.Б. Шестопал), основанного на понимании психологических процессов, состояний и свойств, в контексте отношений власти и общества.

В рамках этого подхода в исследовании используется концепция политической социализации Е.Б. Шестопал отмечающей, что «политическая социализация на уровне индивида представляет собой перевод требований системы в структуру личности, интериоризацию ее ключевых политико-культурных элементов», а также выделяющей этапы этого процесса: «процесс гражданского созревания происходит поэтапно. В современном обществе он начинается довольно рано. Уже в возрасте 3–4 лет ребёнок через средства массовой информации, семью, ближайшее окружение приобретает первые сведения о политике. Позже, когда он идёт в школу, начинается следующий этап. Под влиянием специально организованных институтов политической социализации и стихийных факторов происходит не только накопление знаний о политике, но и выработка отношения к ней. Юношеский этап характеризуется включением новых механизмов передачи политических ценностей от одного поколения к другому, усилением влияния неформальных молодёжных групп. Политическая социализация не завершается с получением паспорта, она продолжается в течение всей жизни человека, по мере вхождения его в те или иные социальные группы, приобретения опыта в реальном потоке политических событий» [6, с.4-5].

Цель исследования - изучить состояние гражданской идентичности у молодежи в новых регионах России (ЛНР, ДНР, Запорожская и Херсонская области) в контексте их интеграции в российское общество, а также выявить и проанализировать барьеры, влияющие на формирование этой идентичности.

Эмпирическую базу исследования составил комплекс вторичных социологических данных, отражающих эмоционально-ценностное состояние российского общества в настоящее время, а также

предварительные результаты исследования процессов политической социализации и политической ресоциализации в новых регионах РФ в рамках государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ», в котором автор принимает участия как волонтер.

Обсуждение результатов. Результатом политической социализации и политической ресоциализации является формирование общероссийской гражданской идентичности.

Политическая социализация – процесс освоения индивидом установок политической культуры общества. В современном обществе «ведущим фактором социализации становится институт информации» [4, с. 93]. С этим нельзя не согласиться, так как средства массовой информации играют ключевую роль в распространении политической информации. От точности её представления и надежности источников зависит, как люди воспринимают данную информацию, что в процессе влияет на адаптацию человека к изменениям, происходящим в окружающем политическом пространстве, а также формирует новые политические знания и ценности.

Политическая ресоциализация – процесс освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, не освоенных или недостаточно освоенных ранее, или обновленных на новом этапе общественного развития. Актуальные современные исследования политических процессов в новых субъектах РФ позволяют сделать осторожные выводы о происходящих там ценностных изменениях в сознании граждан и процессах ресоциализации: «важной является ценностная доминанта, зафиксированная в сознании респондентов ЛНР и ДНР, – они уже считают и ощущают себя одним с россиянами народом, глубоко понимают исторические корни нашей общности, включая общую Победу в Великой Отечественной войне, разделяют нашу цивилизационную ценность многонациональности, с особым пиететом относятся к русскому языку» [1, с. 92].

В связи с этим можно сделать вывод, что политическая социализация и политическая ресоциализация играют важную роль в формировании гражданской идентичности, то есть влияют на понимание своей роли в социально-политических отношениях и на формирование общеероссийских традиционных духовно-нравственных ценностей. Но данный процесс является сложным и многогранным, поэтому необходимо учитывать существующие барьеры при формировании общероссийской гражданской идентичности.

Мы считаем, что ключевым барьером на пути формирования

общероссийской гражданской идентичности является ценностный барьер, характеризующийся несовпадением ценностей, убеждений и норм, которые присущи индивиду или группе, с ценностями, нормами и убеждениями характерными для государства [2, с. 149].

Современное российское государство проводит активную политику по формированию общероссийской гражданской идентичности. Например, В.В. Путин подписал указ о поддержке тех, кто разделяет традиционные ценности РФ от 19 августа 2024 года [5]. Речь идет об иностранцах и лицах без гражданства, которые выступают против политического курса своих государств, навязывающего разрушительные нелиберальные идеи. В соответствии с указанным документом, они смогут оформить разрешение на временное пребывание в России без учета установленной правительством квоты, а также без необходимости предоставления доказательства владения русским языком, а также знаний по истории и основам законодательства страны.

Основным инструментом формирования гражданской идентичности молодежи новых территорий является система образования, поскольку в ее арсенале существуют соответствующие образовательные программы, технологии и инструменты. Эти противоречия так отражены в воспоминаниях участников исследования: «Я думаю, что если будет целенаправленная работа в этом направлении, особенно в школе, потому что школа очень украинизирована, все, я имею ввиду, в северных территориях, там большой процент, ну там основная школа была украинская, все преподавали на украинском, даже если учителя были там пророссийски настроены, они преподавали по учебникам украинским. И у детей нет представления, что все просто возвращаться на круги своя, что мы, в принципе, вернулись в отеческую гавань. Несколько другие представления, поэтому необходимо вести целенаправленную работу, начиная со школы. Можно больше уроков истории в школе, больше русского языка, дадут определенные плоды, но должна быть еще создана картинка привлекательная» (житель ЛНР, глубинное интервью).

Еще одним барьером в процессе формирования общероссийской гражданской идентичности является информационный барьер. Информационный фактор является одним из ключевых факторов, влияющих на формирование гражданской идентичности. Он может как способствовать, так и препятствовать этому процессу в зависимости от того какой информацией человек окружен. Эти противоречия так отражены в воспоминаниях участников исследования: «Ну, во-первых, искривление, искажение истории. Это, конечно же, стремление сформировать какой-то, так называемый, культурный, рейдерский какой-

то образ именно западной культуры, продемонстрировать ущербность русской культуры, России в сравнении с западной культурой. Тик-ток – это тоже один из элементов воздействия на неокрепшие ума и сердца нашей детворы, которые эту социальную сеть, как никто другой любят» (житель ДНР, глубинное интервью).

Отсутствие представлений о будущем также препятствует формированию гражданской идентичности. Неопределенность жизненных перспектив и размытость представлений о будущем особенно остро воспринимается молодежью, чья идентичность все еще активно формируется. Формирование общероссийской гражданской идентичности молодежи новых регионов представляет собой важный элемент в формировании единого социокультурного российского пространства, укрепления чувства принадлежности к стране и преодоления разрывов между «старыми» и «новыми» территориями. Эффективная интеграция молодежи в общество России способствует предотвращению дестабилизации и распространения сепаратистских настроений, которые могут возникнуть из-за тревог о будущем или недовольства интеграционным процессом: «Мне кажется вот то, что сейчас происходит, будет длиться очень долго. Оно вроде заканчивается и тут же говорят по новостям, что опять что-то начинается» (житель Бердянска, фокус-группа).

Разрыв со значимой группой сверстников усугубляет сложное психоэмоциональное состояние молодежи новых территорий: «Мне очень обидно, потому что подруга, с которой я 5 лет дружила, она на территорию Украины уехала. Мы с ней общались где-то год – полтора, потом она начала мне писать гневные комментарии. Но при этом я ничего не говорила про Россию, что я ее очень люблю. Я осталась дома. Мне, в принципе, все равно под каким флагом жить. Главное, быть дома, с любящими людьми. И да, я ездила по другим городам, я их смотрела, у меня появилась возможность, больше масштаба стало, много красивых городов, я могу по ним поездить, я могу их посмотреть. А ее это сильно укусило. И потом она меня заблокировала» (житель Бердянска, фокус-группа)

Предварительные результаты нашего исследования говорят о том, что именно близкое окружение – семья, сверстники – выступают значимыми агентами политической социализации, в процессе которой формируется гражданская идентичность молодежи: «Моя страна – это Российская Федерация, Россия. Почему? Потому что мне здесь комфортно. Тут моя семья, я на этой территории родилась и живу. Что нас объединяет? Ну, во-первых, это территория большая, на которой

живут все. Ценности семейные тоже объединяют. Культурные ценности.» (житель Мариуполя, фокус-группа).

Ключевыми инструментами формирования гражданской идентичности являются различные приемы конструктивной конвенциональной активности, а также наличие субъектной позиции молодежи (желания и мотивации действия): «Мне тоже как гражданину России, хотелось бы принести какую-то пользу.» (житель Мариуполя, фокус-группа).

Формирование общероссийской гражданской идентичности в новых регионах России играет основополагающую роль в успешной интеграции этих территорий в страну, поддержании социальной и политической стабильности, а также в обеспечении экономического роста и укреплении единой российской идентичности. В настоящее время существует целый ряд барьеров на этом пути – ценностные, информационные, технологические и другие. Необходимо продолжать исследования барьеров формирования гражданской идентичности для определения оптимальных технологий ее формирования и укрепления.

Библиографический список

1. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ЛНР: Результаты социологического исследования в 2023 году // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18. № 6. – С. 88-102.
2. Зангиева З.Н. Проблемы формирования гражданской идентичности молодежи / З. Н. Зангиева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 129. – EDN STRMNF.
3. Коваленко А.В., Перинская Н.А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 297-300
4. Немцева А.В., Гуляев И.И. Сми и процесс политической социализации российской молодежи // Цифровая наука. – 2021. – №6-2. – С. 90-94.
5. Путин подписал указ о поддержке тех, кто разделяет традиционные ценности // РИА НОВОСТИ URL: <https://ria.ru/20240819/ukaz-1967101775.html> (дата обращения: 03.10.2024).
6. Шестопал Е.Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации / Е. Б. Шестопал. - Москва : Мысль, 1988. – 205 с.

РАЗДЕЛ III. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ АКТИВИСТОВ ЗАПАДНОПОЛЕССКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ 1980-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГГ.)

ANALYSIS OF THE DEMANDS OF THE ACTIVISTS OF THE WEST POLESIE ETHNOPOLITICAL MOVEMENT IN BELARUS (LATE 1980S – FIRST HALF OF THE 1990S)

О.Г. Казак

*Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Беларусь*

O.G. Kazak

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

Аннотация: В статье представлен анализ обращений в органы власти Советской Беларуси и суверенной Республики Беларусь активистов западнополесского этнополитического движения во главе с его лидером, филологом и публицистом Н.Н. Шеляговичем. Западнополесское этнополитическое движение, которое разворачивалось в Беларуси в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., являлось типичным примером процесса политизации этничности. Основой источниковой базы статьи стали документы Национального архива Республики Беларусь.

Abstract: The article presents an analysis of appeals to the authorities of Soviet Belarus and the sovereign Republic of Belarus from activists of the West Polesie ethnopolitical movement headed by its leader, philologist and publicist N.N. Shelyagovich. The West Polesie ethnopolitical movement, which developed in Belarus in the late 1980s – first half of the 1990s, was a typical example of the process of politicization of ethnicity. The source base of the article is based on documents from the National Archives of the Republic of Belarus.

Ключевые слова: Западное Полесье, национальная политика, национальные меньшинства, сепаратизм.

Keywords: Western Polesie, national policy, national minorities, separatism.

В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. в Беларуси развернулось западнополесское этнополитическое движение. Группа интеллигентов во главе с филологом и публицистом Н.Н. Шеляговичем утверждала, что жители ряда районов Брестской области БССР являются

отдельным народом – западными полешуками (ятвягами). Активисты движения предприняли попытки создания собственного исторического нарратива, призванного обосновать «особый путь» западных полешуков в мировой истории. Имел место и опыт создания литературных произведений на конструирувавшемся языке, который базировался на говорах западнopolесского региона (в частности, в 1989–1995 гг. издавалась газета «Збудінне» («Пробуждение»), значительная часть материалов которой выходила на западнopolесских диалектах). В 1988 г. Н.Н. Шеляговичем и его единомышленниками было учреждено Общественно-культурное объединение (далее – ОКО) «Полісьсе», которое до 1991 г. действовало под эгидой Белорусского фонда культуры (далее – БФК). Участники западнopolесского движения считали, что регион должен был получить национально-культурную автономию, в отдельных случаях декларировалась возможность создания в будущем независимого государства [2].

Исторический нарратив, который пытались создать активисты движения, базировался на представлении о «золотом веке», связанном с государственностью ятвягов (западнобалтское племя, славянизированное к XIII в.), которая якобы была уничтожена в 1319 г. после присоединения региона к Великому княжеству Литовскому. Последующие этапы истории региона трактовались как время «засилия чужеземцев» и «национальной катастрофы» западных полешуков. Политические требования активистов западнopolесского движения позиционировались как желание восстановить «историческую справедливость». Апелляция к древней истории для обоснования политических программ была типичным для этнополитических движений подобного типа (многие из них активизировались или возникли в период перестройки). Можно согласиться с мнением известного российского историка В.А. Шнирельмана: «Создание образа идеализированного прошлого – это не только конструктивный акт; оно ... имеет и огромное инструментальное значение в борьбе за повышение политического статуса, за доступ к экономическим и финансовым ресурсам, за контроль над территорией и ее природными богатствами и, наконец, за политический суверенитет. Чем более блестящим представляется народу его прошлое, тем с большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в мире. Националистический или этноцентристский нарратив играет огромную роль в легитимизации политических претензий или уже имеющихся политических прав – и в этом состоит его глубокий внутренний смысл» [7, с. 39].

Активисты ОКО «Полісьсе» регулярно обращались в различные

органы государственного управления Советской Беларуси. Практически каждое обращение начиналось с констатаций древних традиций полесской (ятвяжской) государственности и уникальности западнополесского языка. Уже спустя месяц после регистрации ОКО «Полісьсе» его лидер Н.Н. Шелягович направил письмо Первому секретарю Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии Е.Е. Соколову, в котором просил оказать содействие многочисленным культурным инициативам объединения (создание научных, музейных центров, публикация материалов на западнополесском диалекте и др.). Особенно смело выглядели утверждения Н.Н. Шеляговича о скором создании «Полесского научно-культурного центра», научный совет которого якобы дал согласие возглавить известный филолог, академик Академии наук СССР Н.И. Толстой. В письме сообщалось, что правнук великого русского писателя Л.Н. Толстого «всецело поддержал и благословил идею развития культуры на полесской этнической и языковой основе» [6, л. 10]. БФК обратился за разъяснениями по сути изложенных Н.Н. Шеляговичем предложений к ряду экспертов. Так, филолог Н.В. Бирилло в своем заключении отметил, что предложения ОКО были преждевременными. Ученый считал, что общество только начинало свою деятельность, даже не разработало ее детальную программу. По мнению Н.В. Бирилло, ОКО следовало заниматься «сбором, сохранением и пропагандой культурного достояния этнографического Полесья», а не попытками кодификации нового литературного языка. Для достижения целей, по убеждению автора заключения, достаточно было наладить взаимодействие с городскими и школьными музеями региона, а не создавать новые научные центры [6, л. 5 – 5 об.]. Заведующей отделом диалектологии Института языкознания Академии наук БССР Н.А. Михайлов поддерживал идею всестороннего изучения культуры Полесья, но подчеркивал, что заниматься этим должны профессионалы с профильной подготовкой: «Резонным является предложение Н.Н. Шеляговича относительно создания Полесского научно-культурного центра со штатом научных работников. Однако, на наш взгляд, такой центр целесообразно открывать не в г. Минске, а в г. Бресте, вначале, например, при областном краеведческом музее или педагогическом институте, где для этого имеются необходимые реальные условия. В состав этого центра должны были бы войти высококвалифицированные специалисты из разных отраслей наук, а возглавить – авторитетный, хорошо подготовленный ученый. Считаем, что кандидатура Н.Н. Шеляговича как руководителя научно-культурного

центра абсолютно неподходящая, поскольку он не имеет необходимой основательной филологической подготовки» [6, л. 7–8].

24 ноября 1989 г. от имени руководства ОКО «Полісьсе» было направлено письмо депутатам Верховного Совета БССР, написанное на западнополесском диалекте. В письме содержалось требование включить в Закон «О языках в Белорусской ССР» норму, фиксирующую официальный статус западнополесского языка, а после наделения региона статусом автономной республики – признать данный язык государственным. Западные полешуки трактовались авторами документа в качестве отдельного народа. При этом активисты движения признавали, что для окончательного оформления литературного западнополесского языка могло потребоваться до пяти лет, и просили оказать государству финансовое содействие деятельности по кодификации нового языка. В письме утверждалось, что наметившиеся контуры директивной белорусизации привели к тому, что часть населения Брестской области выступала за присоединение региона к Советской Украине. В документе подчеркивалась желательность создания особого структурного подразделения в рамках высшего законодательного органа БССР, которое должно было заниматься решением вопроса национально-культурного развития западных полешуков: «Мы предлагаем немедленно создать при Верховном Совете Республики Комиссию по полесским вопросам. В состав Комиссии должны войти депутаты Верховного Совета Республики и народные депутаты Союза от этнического Полесья, представители полесских общественных организаций. Комиссия будет рассматривать полесские вопросы в комплексе и давать Верховному Совету свои предложения» [4, л. 70].

В последние месяцы существования СССР полесский вопрос вновь стал предметом рассмотрения центральных органов власти республики. Одной из причин этому послужило письмо правления ОКО «Полісьсе» (подписано заместителем председателя правления А.И. Трушко) Председателю Верховного Совета БССР Н.И. Дементю и Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР. В документе содержались упреки в адрес руководства БССР, которое, по мнению активистов, отказывалось финансировать их инициативы и способствовать таким образом «западнополесскому возрождению»: «Нет у нас (полешуков – О.К.) ни школ, ни техникумов, ни высших учебных заведений, ни музеев, ни художественных училищ, где бы полноценно звучал полесский язык, где обучали бы искусствам и ремеслам. У белорусов на их этнических территориях есть всё: и школы,

и университеты, и журналы на родном языке, и развитая система книгопечатания. На ниве белорусского Возрождения трудится многотысячный отряд белорусской интеллигенции, настоящих патриотов своего народа. Белорусское Возрождение в той или иной степени финансируется государством. А у нас нет почти ничего – издание единственной полесскоязычной газетки и то под вопросом: нет бумаги» [5, л. 133].

В январе 1991 г. от имени правления ОКО «Полісьсе» было направлено обращение Председателю Совета Министров БССР В.Ф. Кебичу. Авторы обращения просили рассмотреть проект постановления Совета Министров о деятельности ОКО «Полісьсе». В документе содержались положения, согласно которым целый ряд органов государственного управления (Министерство культуры, Министерство народного образования, Министерство иностранных дел и др.) должен был оказывать содействие деятельности институции. Госплану и Комитету по управлению государственным имуществом БССР следовало «при разработке планов экономического и социального развития предусматривать выделение лимитов по труду, капитальным вложениям и материально-техническим ресурсам для обеспечения функционирования ОКО “Полісьсе”, его предприятий и первичных организаций». Исполкомы Советов народных депутатов Минской, Брестской и Гомельской областей должны были обеспечить помещениями первичные организации ОКО. Предлагалось также освободить ОКО «Полісьсе» со всеми его первичными организациями и предприятиями от уплаты налогов и пошлин в государственный бюджет. Объединение должно было быть наделено правом ведения внешнеэкономической деятельности, оказания сервисных услуг и проведения экскурсий для иностранных граждан, проведения культурно-пропагандистских мероприятий за рубежом и др. [3, л. 10–12].

Обращение осталось без ответа, поэтому 7 июня 1991 г. руководство ОКО «Полісьсе» во главе с Н.Н. Шеляговичем вновь направило письмо на имя В.Ф. Кебича. Проект постановления Совета Министров был практически идентичен январскому документу (дополнительным требованием, в частности, являлось финансирование государством издания газеты «Збудінне»). Представляет интерес обоснование лидерами западнополесского движения необходимости принятия постановления. Подчеркивалось, что «стимулом положительного решения проблемы ... должно явиться и распространение в последнее время проукраинского сепаратизма на Западном Полесье (Етвязи) [3, л. 102]. В последующем Н.Н. Шелягович

и его единомышленники неоднократно подчеркивали, что их деятельность являлась противовесом украинскому этнополитическому движению в Беларуси, которое несло реальную угрозу сепаратизма. Лояльность активистов западнополесского движения должен был подчеркнуть и следующий пассаж: «У нас нет иной метрополии, кроме Минска, и только к нему мы обращаем свои надежды» [3, л. 102]. Резолюция на обращении гласила: «Возвратить для согласования с заинтересованными министерствами и ведомствами в соответствии с регламентом Совета Министров БССР» [3, л. 102].

12 июня 1991 г. на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР рассматривалась полесская проблематика. На заседание были приглашены активисты ОКО «Полісьсе» (председатель Н.Н. Шелягович, заместитель председателя А.И. Трушко, председатель Пинской региональной гуртыны К.Л. Удовидчик, председатель Брестской региональной гуртыны В.А. Пташиц), а также чиновники из Министерства культуры и Министерства народного образования. Н.Н. Шелягович озвучил основные требования объединения: принять закон о западнополесской этнической группе (народе); принять постановление о финансировании работы ОКО «Полісьсе» в полесском регионе; создать Западнополесский культурно-просветительский центр. Большинство выступавших отмечали, что условия для оформления западнополесского литературного языка и организации образовательного процесса на нем еще не созрели, но при этом позитивно оценивали интерес активистов ОКО «Полісьсе» к культуре региона. Подчеркивалась недопустимость политизации этнических факторов, которая могла стать причиной сепаратистских тенденций. Первый заместитель Министра культуры БССР В.А. Гилеп в своем выступлении заявил: «Министерство культуры смотрит на объединение “Полісьсе”, как и на все сегодня существующие. Не надо спешить разъединить нас. Вы все делаете искусственно. А это приведет к несогласию многих людей». Депутат М.В. Жебрак отметил: «Я приятно удивлен, что есть такие люди, которые так защищают свою культуру и языковые традиции. Я предлагаю одобрить работу этого объединения. Но главное, что мы должны признать, это территориальная целостность Белоруссии. И надо помнить, что мы живем в государстве Белоруссия. Что касается требования автономии, то это преждевременно. Нет никаких объективных условий. Это же касается и вопроса выделения средств – 9 млн. руб. сегодня государство изыскать не может» [5, л. 130–132].

В выпуске печатного органа ОКО «Полісьсе» – газете «Збудінне» –

за апрель 1992 г. было опубликовано открытое письмо активистов западнополесского движения (подписано философом Г.А. Антонюком, филологом И. Лучиц-Федорцом, географом Г.Я. Рылюком) на имя Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевича и премьер-министра В.Ф. Кебича (копия письма была направлена в Президиум Академии наук). Авторы письма указывали на продолжавшиеся ассимиляционные процессы в среде западных полешуков, просили оказать государственную поддержку этносу, «находившемуся на грани исчезновения». В письме был изложен план создания в структуре Академии наук «специального центра (института) комплексных преимущественно фундаментальных научных исследований западнополесского этноса в области истории, социологии, философии, психологии, культуры, управления, права, политологии, языка, литературы, экономики, экологии и др., способного одновременно выполнять функции координации фундаментальных и прикладных исследований данного этноса в Белоруссии в целом и в Западном Полесье в частности, а также функцию подготовки соответствующих научных кадров». Авторы письма считали, что такой институт должен был иметь 60–70 человек в штате и получать государственное финансирование в объеме 3–3,5 тыс. руб. в год [1, с. 1]. Данное предложение, как большинство инициатив активистов западнополесского движения, осталось без ответа.

Западнополесское этнополитическое движение являлось своеобразным региональным ответом на вызовы директивной белорусизации конца 1980-х – первой половины 1990-х гг., а также яркой иллюстрацией феномена политизации этничности. «Этнические предприниматели» во главе с Н.Н. Шеляговичем стремились конвертировать культурные и лингвистические особенности региона в политический капитал, требуя от властей содействия (в том числе финансового) в деле создания различных институций (комиссия в структуре Верховного Совета, научные центры, музеи и др.). Западнополесское этнополитическое движение не вышло за рамки интеллектуального проекта, его активисты не пользовались существенной поддержкой населения региона [2, с. 90–91]. Западнополесское движение практически сошло на нет после прихода к власти А.Г. Лукашенко и референдума 1995 г. Абсолютное большинство населения Беларуси (в том числе Брестчины) высказалось за придание русскому языку статуса второго государственного языка (наравне с белорусским), тем самым выбрав более близкую для себя культурно-идентификационную модель.

Библиографический список

1. Антонюк Г., Лучиц-Федорец И., Рылук Г. Открытое письмо Председателю Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевичу и Председателю Совета Министров Республики Беларусь В.Ф. Кебичу // Збудінне. 1992. № 7. С. 1.
2. Казак О.Г., Середа А.С. Западнополесское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.). Минск: Колорград, 2023. 101 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 10. Д. 2614.
4. НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 2511.
5. НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4090.
6. НАРБ. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 33.
7. Шнирельман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. 624 с.

ИНОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСПОДСТВО И ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ). НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ПОЛЬШИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

FOREIGN NATIONAL DOMINATION AND THE PROBLEM OF THE INTEGRITY OF THE NATIONAL ECONOMY (HISTORICAL ASPECT). ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND POLAND IN THE FIRST THIRD OF THE SIXTH CENTURY

Л.П. Марней, Б.В. Носов

Институт славяноведения РАН, г. Москва, Россия

L.P. Marney, B.V. Nosov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена историческим аспектам формирования наций и национального хозяйства, в частности, с точки зрения истоков процессов современной глобализации. Показана внутренняя противоречивость последней, поскольку в основе интернационализации народного хозяйства остается определяющая ее национальная структура. Рассмотрено соотношение экономической роли многонациональных империй и входящих в их состав отдельных наций. Наблюдения и выводы проиллюстрированы изучением особенностей формирования в первой трети XIX в. на разделенных польских землях национального хозяйства. В Царстве Польском, образованном на польских землях, вошедших в состав Российской империи, показаны сложности межкультурного, межрелигиозного и межнационального взаимодействия, которые существенно замедляли, но не могли остановить процесс формирования экономической основы польской нации и национального хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the historical aspects of the formation of nations and national economy, in particular, from the point of view of the origins of modern globalisation processes. The article presents the internal contradiction of the latter, as the

national structure determining it remains the basis of internationalisation of the national economy. The correlation between the economic role of multinational empires and their constituent nations is examined. Observations and conclusions are illustrated by the study of the peculiarities of the formation of national economy in the first third of the XIX century in the divided Polish lands. In the Kingdom of Poland, formed on the Polish lands that were part of the Russian Empire, the difficulties of intercultural, interreligious and interethnic interaction are shown, which significantly slowed down, but could not stop the process of formation of the economic basis of the Polish nation and national economy.

Ключевые слова: Исторические аспекты глобализации, многонациональные империи, интернационализация народнохозяйственных систем, Российская империя, Царство Польское, нации, национальное хозяйство, межнациональные отношения

Keywords. Historical aspects of globalisation, multinational empires, internationalisation of national economic systems, the Russian Empire, the Kingdom of Poland, nations, national economy, inter-ethnic relations

На рубеже 2000-х годов, в первую очередь в публицистике, развернулась широкая дискуссия о тенденциях и перспективах развития современной цивилизации и взаимодействующих в ее рамках наций [6, 1]. Поднятые вопросы, со всей очевидностью, стали и перед мировой гуманитарной наукой, в частности, и перед историками. Спектр рассматриваемых проблем трудно поддается даже формальному обозрению. Поэтому в предлагаемой статье мы остановимся только на анализе тенденций интернационализации развития народного хозяйства в соотношении с эволюцией форм его национальной организации. При этом в нашу задачу входит исследование, в первую очередь, указанных тенденций в историческом плане, то есть в эпоху, когда они находились на относительно раннем этапе своего исторического развития, в период домонополистического капитализма, когда в Восточной и Центральной Европе буржуазные нации, как структурообразующий элемент и фундамент современной цивилизации, только проходили завершающий этап своего становления.

В качестве сферы конкретно исторического изучения указанных проблем мы обратились к региону, центром которого были польские земли, исторически определенные границами польского этноса, а также территории бывшей Речи Посполитой, оказавшиеся с конца XVIII в. в сфере политического и экономического господства, и идейного и культурного влияния трех многонациональных империй: Российской, Австрийской и Германской. Говоря о Германской империи в первой трети XIX в. мы имеем в виду области Старой империи (термин германской историографии нашего времени) центром которых в 30-е гг. XIX в. был возглавляемый Пруссией Северогерманский союз, ставший в недалеком будущем ядром второй Германской империи Гогенцоллернов.

В науке традиционно формирование наций связывается с возникновением и развитием капитализма. Появление в недрах феодального общества под воздействием развития товарно-денежных отношений городов как центров промышленности и торговли привело к развитию товарного производства, а следовательно, товарных и финансовых потоков, что обусловило «консолидацию ранее обособленных областей в единое хозяйственное целое, что необходимо предполагало политическую централизацию». В недрах единого централизованного государства возникали объективные интересы, которые были «интересами основной массы людей, входивших в его состав». Таким образом, единое централизованное государство выступало «в глазах его членов как их общее отечество, а они, все вместе взятые, стали общественной силой, отстаивавшей интересы этого отечества, т. е. нацией» [9, с. 41–42].

Развитие этой фундаментальной тенденции преодолело национальные границы: сначала путем международного товарного обмена, в дальнейшем с помощью создания международной финансово-кредитной системы, затем революционизации средств транспорта, и наконец – к интернационализации производства. Классики политэкономии в XIX столетии уже в середине века определяли капитал как феномен интернациональный. Таким образом, современная тенденция глобализации берет начало еще в период домонополистического капитализма.

Однако возникает вопрос как тенденция интернационализации (глобализации) капитала соотносится с национальной формой его развития? Как показывает европейская история, эти процессы развивались весьма противоречиво и не происходили автоматически. Исторически по-особому складывались нации, когда часть какой-либо этнической общности, возникшей на определенной объективной основе, оказывалась в составе чужого государства-империи. В этих условиях этническая и национальная общность могли по инерции еще долго сохраняться, и после исчезновения указанной основы, то есть государства как формы его существования. Аналогичным образом нация могла сформироваться как отдельный феномен в рамках многонациональной империи. Последнее находит подтверждение в формировании венгерской, чешской и словацкой наций в рамках Австрийской империи или наций Юго-Восточной Европы в условиях османского господства.

Наиболее ярко этот тезис иллюстрирует история Польши, после того как в конце XVIII в. в результате разделов Речи Посполитой

прекратила существование как единое государство польско-литовская шляхетская республика. Однако польская нация и польская этническая общность продолжали сохраняться. Поляки, которые жили в Царстве Польском и на землях, отошедших к Пруссии и Австрии, своим отечеством считали не территории тех империй, формальными подданными которых они являлись, а в своем сознании – единую Польшу, какой она была до разделов [9, с. 49]. Причем, идеологически основываясь на этом национальном консенсусе, они искали формы строительства национального хозяйства, национальной общественной жизни и культуры. Идеологически это нашло выражение в заложенной в первой трети XIX в. концепции «органической работы».

Проблема складывания наций в условиях инонационального господства подробно рассматривалась польскими и российскими исследователями. Не достаточно изученным оказывается вопрос становления, развития и целостности национального хозяйства в этих условиях. В современной литературе под национальным хозяйством (макроэкономика, народное хозяйство, экономика страны в целом) понимают исторически сложившуюся в определенных территориальных (национальных) границах систему общественного воспроизводства, который формируют государственный, частный и иностранный секторы экономики.

Складывание национального хозяйства Польши во второй половине XVIII – начале XIX вв. происходило в разных территориальных границах, как уже отмечалось ранее – в составе трех империй. Причем первоначально, до 1860-х гг. народно-хозяйственный комплекс Польши, несмотря на политическое разделение страны, экономически сохранял единство, а центром его оставался регион среднего течения Вислы во главе с Варшавой. Только после подавления Январского восстания 1863 г. и в связи с развернувшимся железнодорожным строительством германский капитал и капитал Австро-Венгрии во главе с властями империй взяли курс на полную интеграцию польского народного хозяйства в имперскую систему и, условно говоря – на «денационализацию» польской экономики. Таким образом, имперский курс властей Берлина и Вены в известной мере может рассматриваться как своего рода предтеча и параллель современной экономической политики великих империалистических держав.

Важную роль в народном хозяйстве польских земель (Польши) в первой трети XIX в. играл государственный сектор экономики, будучи частью государственного сектора Австрии, Пруссии и России. Однако, если для Пруссии (Германии) и Австрии он выступал в роли проводника

экспансии на польские земли национального германского и австрийского капитала, то в Российской части польских земель, он выступал как элемент поддержания известной автономии польского народного хозяйства, его финансовой системы и иных организационных форм.

В автономном Царстве Польском российское правительство не имело ни финансовых, ни политических средств для оказания какого-либо серьезного воздействия на процессы социально-экономического развития Царства, поэтому правительство в Варшаве могло проводить самостоятельную экономическую политику и разрабатывать перспективные программы экономического развития Царства Польского с учетом международных договоренностей, в основе которых были положены принципы сохранения относительной целостности экономической жизни разделенных польских территорий.

На польских землях происходило взаимодействие русской культуры с западноевропейской, которое носило, в основном, мирный характер и охватывало такие сферы как государственное строительство и общественные институты, образование и воспитание, быт и нравы, материальное производство и язык. Уходящие в глубину веков и интенсивно развивавшиеся на протяжении нескольких столетий контакты польской и русской культур, приводили к постепенному расширению взаимопонимания, содействовали повышению толерантности, готовности к сотрудничеству, ослабляли социокультурные основы межнациональных столкновений, помогали преодолению противостояния между ними, в том числе и в экономической сфере.

Самостоятельность государственного сектора экономики Царства позволила создать значительное число как государственных, так и частных предприятий тяжелой, легкой, пищевой и других отраслей промышленности, эффективную сеть кредитных учреждений, способствовать укреплению старых и созданию новых путей сообщения, закладывать основы начального и профессионального образования. Вместе с тем нарушение политического единства польских земель привело к затруднению «их всестороннего экономического развития» и определило специфику «формирования общенационального рынка», которое происходило сначала до разделов Речи Посполитой, а затем продолжилось уже после разделов страны. Однако, при всей специфике, изменения в экономической жизни во всех польских землях происходили параллельно [7, с. 22–25].

Исследование этих процессов возможно с помощью многофакторного и многовекторного анализа общественно-

исторического процесса, которые позволяют рассматривать не только экономико-географические факторы, определявшие условия сохранения экономической целостности государства, отраслевую и региональную структуру хозяйства, интенсивность общехозяйственных и местных рынков, наличие и степень внешней зависимости, организующие и поддерживающие хозяйственную целостность институциональные особенности (в том числе роль государства, культурный тип правовых отношений в хозяйстве и т. д.), но и «характер экономического человека – предпринимателя, работника, потребителя с его пониманием цели хозяйственной деятельности, не противоречащей системе ценностей данной цивилизации, понятной, и потому принимаемой им и обществом в целом». Таким образом, необходимы междисциплинарные исследования национального хозяйства, которые объединили бы усилия философов, историков, экономистов, социологов [3, с. 5–6].

В условиях инационального господства перед правительством, общественными и экономическими элитами Царства Польского вставала задача использования особенностей экономической истории и национальной психологии, производственной и технологической культуры населения Польши и России для сохранения целостности польского национального хозяйства. Особенности хозяйственной жизни России, в частности, были обусловлены гигантской, по сравнению с другими европейскими государствами, территорией Российской империи и невысокой плотностью населения, богатством природных ресурсов, что консервировало экстенсивные формы ведения хозяйства, исчерпавшие себя на Западе, препятствовало созданию круглогодичных, регулярных путей сообщения. Обширность внутреннего рынка России обусловила его относительную замкнутость. Ориентируясь в интересах пополнения казны на развитие преимущественно внутреннего рынка, русское правительство проводило политику меркантилизма, что отличало его от властей западноевропейских государств, склонявшихся к идеям фритредерства. Эти особенности экономического развития России определили «более позднее развитие рыночных отношений и возникновение общероссийского рынка, что, в свою очередь, не могло не сказаться на трудовой и потребительской этике российского населения». Кроме того, в России сложились, отличные от Запада, государственные и правовые институты, культура производства, потребления, отношения к собственности. Они в той или иной степени влияли на тенденции развития хозяйственной деятельности и трудовую этику населения Царства Польского, а иногда и прямо противоречили им [2, с. 47–48; 8, с. 11]. На характере экономического развития Царства Польского и на его

хозяйственных взаимоотношений с Россией не могли не сказаться фундаментальные факторы развития культуры двух народов, такие как столкновение двух ветвей христианства (православия и католицизма) и связанных с этим особенностей восприятия личности, права, институтов общества и государства [4, с. 9–11]. В отличие от ментальных структур, преобладавших в общественном сознании населения России, западноевропейский индивидуализм и рационализм могли и дальше развиваться в рамках Царства. Продолжительность и глубина их воздействия на польское сознание в известной мере находилась в зависимости от экономических и политических возможностей империи, которая, как только справлялась со своими внутренними проблемами, начинала наступление на вновь присоединенные территории, что приводило к замедлению формирования экономической основы нации, но не могло его остановить. В обстановке нараставшего российско-польского противостояния определенным островком стабильности выступала сфера материального производства. Промышленное развитие Царства Польского 1815–1830 гг., как и в предшествовавший период Герцогства Варшавского, происходило при активном участии иностранных переселенцев, создающих мануфактуры и фабрики, как в легкой, так и в тяжелой промышленности. Иностранные специалисты доставляли в Царство машины и оборудование для строящихся промышленных предприятий. Общество, являясь участником и критиком этого процесса, отслеживало не только его негативные стороны, но призывало к диалогу и расширению взаимодействия с западноевропейской цивилизацией.

В частности это нашло выражение в транснациональном взаимодействии российских и польских предпринимательских структур, что в дальнейшем нашло продолжение в формировании соответствующих корпораций. Кардинально это отличалось от западного опыта, где международное взаимодействие сводилось либо к поглощению и ликвидации, либо к тем или иным компрадорским формам [10].

Исследование процессов межнационального взаимодействия необходимо, так как исторически оно существенно повлияло на развитие отдельных стран и регионов, оставило глубокий след в общественном сознании и культуре, нередко служило причиной тяжелейших кризисов и конфликтов не только экономического и политического, но и социокультурного характера, оказывает существенное влияние на глобальные процессы современного общественного развития. Показанные особенности развития Российской империи и польских

земель в ее составе имеют богатую традицию изучения [5], однако в данном случае следует особо отметить значение коренных отличий имперского курса России от политики других империалистических держав, как в XIX в., так и на современном этапе. Большое значение также имеет историческое изучение соответствий и соотношений экономической и социально-политической роли экономики России в сфере международного разделения труда в прошлом и настоящем, а также в деле применения на современном этапе транснациональных форм предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, как с участием государства, так и при опосредованной поддержке с его стороны.

Библиографический список

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. 2-изд. доп. М.: URSS, ЛКИ, 2008. 436 с.
2. Горичева Л.Г. Экономические проблемы и национальное самосознание // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 44–53.
3. Горичева Л.Г. К вопросу о целостности национального хозяйства России и Запада: (Постановка проблемы). М.: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1996. 22 с.
4. Горичева Л.Г. Экономические проблемы и национальное сознание. М.: Диалог-МГУ, 1996. 23 с.
5. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 605 с.
6. Кола Доминик. Политическая социология. М.: Весь Мир; Изд. Дом «ИНФРА-М», 2001. 405 с.
7. Куля В. Формирование капитализма в Польше. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 119 с.
8. Ольсевич Ю. Хозяйственная система и этнос // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 7–16.
9. Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый Сад, 1999. 380 с.
10. Филиппов В.А., Богатырева Л.В. Аналитические центры и транснациональные корпорации. М.: УРСС, 2008. 154 с.

**СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ЭЛИТЫ В ДИСКУРСЕ ПАМЯТИ
РАННЕСТАЛИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА.
1917 – НАЧ. 1930-х гг.¹**

**NORTH CAUCASIAN ELITES IN THE DISCOURSE OF MEMORY OF
EARLY STALINIST POLITICAL FEDERALISM. 1917 – EARLY 1930s**

Т.Ю. Красовицкая

Институт Российской истории Российской Академии наук,

г. Москва, Россия

T.Y. Krasovitskaya

Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Выделяются ресурсы этнокультурного дискурса памяти: языки и их носители как механизмы социализации и аккультурации картины мира, ее фреймов, акторов, рессентимента, травм, фронтиров в процессе федерализации. Это важная когнитивная совокупность наук в целом их ряде, изучающих организацию человеческого знания (философии, логике, психологии, теории и практике искусственного интеллекта и др.). Как совокупность знаний она существует в памяти человека, отражает его взаимодействие с окружающим миром, наполняемом разными обстоятельствами. Наиболее активна языковая сфера, в использовании ее ресурсов остро нуждались политические проекты и их практики, направленные на формирование или изменение картины мира в сознании людей. Рассмотрен раннесоветский опыт их применения.

Annotation. The resources of the ethnocultural discourse of memory are highlighted: languages and their carriers as mechanisms of socialization and acculturation of the worldview, its frames, actors, resentment, traumas, frontiers in the process of federalization. This is an important cognitive set of sciences in a number of them that study the organization of human knowledge (philosophy, logic, psychology, theory and practice of artificial intelligence, etc.). As a body of knowledge, it exists in a person's memory, reflects his interaction with the world around him, filled with different circumstances. The language sphere is the most active, and political projects and their practices aimed at shaping or changing the worldview in people's minds were in dire need of using its resources. The early Soviet experience of their application is considered.

Ключевые слова: языковая сфера, ресурсы, политический федерализм, практики, изменение картины мира.

---

¹ Доклад выполнен в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности. Программа рассматривалась и утверждена, протокол совместного заседания Межведомственной рабочей группы по вопросам межнациональных отношений и Экспертного совета при Межведомственной рабочей группе по вопросам межнациональных отношений под председательством Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко от 1 марта 2023 г.

Keywords: language sphere, resources, political projects, practices, changing the picture of the world.

В актуальных исследованиях памяти, фреймах, выделяющих рессентимент, травмы, фронтиры, забвения, преодоления, ностальгию, основными акторами процесса остается совокупная сложность субъектов действия в гражданском противостоянии тех, кто присматривался к разным аспектам идей этнокультурных практик, касавшихся истории общероссийского федерализма, формирования советского государства. Первые обращения СНГ к трудящимся мусульманам и Декларация народов России осенью обострили внимание к проблеме этноязыкового разнообразия и роли разных пространственно-временных хронотопов в картинах мира, определяемых как современность (модерность) и архаика (традиционное общество). Родные языки стали главным средством описания этнокультурного дискурса политических практик раннесталинского этапа. Они же вскоре получили статус природного ресурса государственного строительства. Содержание на арабском и, как уточняет примечание к «Декретам Советской власти», азербайджанском (скорее, тюркском!) языках отразилось в текстах миллионов экземпляров листовок. Вторым по значимости ресурсом и механизмом формирования картины мира следует назвать элит носителей языка. И те, и другие заслуживают внимания: история практик применения языков кавказских народов в политических обстоятельствах имеет давние и богатые традиции, но интерес к ним в федеральном контексте не изучен. Актуальные инверсии истории и памяти, войн, которые велись, нуждаются в глубинном осмыслении и уточнении.

В гражданскую войну этнические элиты, прежде чем перейти на советскую сторону и участвовать в формировании СССР, пытались счастья не только в белом стане, но и у представителей США и стран Антанты, у М.Кемаля. Совокупность союзов и договоренностей, их распад заставляет память взглянуть на роль языкового фактора в российском федерализме по-новому. На выбор федералистских конструкций влияли интернациональные сентенции, реакция на динамическую смену политической карты Европы и Османской империи. Масштабная историческая картина перипетий, протекавших в пространстве власти, их сложность в один момент становилась очевидной в разы. Не анализируется совокупность воззрений на федерализм как условие «замирения», как механизм решения этнокультурных проблем. Главное внимание историков концентрируется на борьбе «своих» элит с политиками центра, чаще на их поражениях. Процесс противостояния, их общая история определялись отсутствием серьезных конфликтов

между «своими», языковой, часто и религиозной близостью. Каждый из народов жил на своей этнической территории: национальные кордоны были незначительными.

Различие в позициях в отношении к существующему на Кавказе этническому, религиозному и, главное, языковому разнообразию народов Северного Кавказа заключалось не только в многочисленности языков, на которых говорили кавказцы, но и в их принадлежности к разным языковым семьям и группам. В публикациях частных архивов деятелей европейской эмиграции 1920–1930-х гг. чувства национальной общности северо-кавказцев воспринимались явлением иллюзорным, что добавляет сложностей в оценке ими федеральных практик.

Ряд представителей элит считали: многочисленность языков - непреодолимое препятствие для формирования единой северокавказской нации, другие эмигранты утверждали: такое разнообразие несколько не мешает объединению. Осетин Б.Байтуган писал: нуждаясь в глубинном осмыслении и уточнении «многовековая совместная жизнь, общность исторических судеб, одинаковый характер окружающей природы и т.п. создали все необходимые условия для консолидации горцев в нацию» [1, с. 377]. Власти, упорядочивая этнокультурный дискурс в политическом пространстве, необходимо было иметь адекватный механизм формирования реальной картины.

Язык, объединявший людей в символическую сеть, являлся одной из базовых технологий, придавал и придавал им глубоко заложенный смысл. Коммуницирование со складывающейся политической реальностью помогала носителям языка приспособляться к ней, преобразовывать ее. В.Шкловский, представитель русского формализма, считал главной функцией языка и создаваемой им картины мира в политической коммуникации борьбу за политическую власть. Оказалось, что выяснять, почему разные политические концепции заставляют людей видеть по-разному, — это и есть самое увлекательное в постижении действительности. В «Сентиментальном путешествии» (1923) он отразил политически важный талант отношения к органике общения новых лидеров в стране, особенно выделив Ленина: тот «катил свою мысль как громадный бульжник; ... он сминая перед собой сомнения, точно кабан тростник». Ленинские установки задавали политические императивы практикам «переформатировать» сознание и поведение человека. Овладение родным языком как ресурсом материализации авангардных идей в сложнейших условиях и обстоятельствах виделось решением проблемы.

С 1990-х годов для изучения участия этнических элит в

Гражданской войне опубликованные ранее недоступные источники существенно обогатили в национальных историографиях проблемы исторической и культурной памяти, уточнили вопросы к мемориальной культуре и политике памяти, коллективной и индивидуальной. Написаны десятки монографий, диссертаций, в том числе за рубежом. Изучено, как партийные верхи стремились воздействовать на общественное сознание, реализуя свои цели именно через ресурсы языка, его лексики. Особую идеологическую ценность обретала лингвистическая проблема номинации (т.е. названия). Во-первых, изменением названий, приданием им нового смысла прерывалась связь с дореволюционным прошлым многих сфер жизни. Во-вторых, предавалось забвению все, что напоминало о нем. В-третьих, создавалось впечатление обновления всех сторон жизни общества. В-четвертых, перемена наименований должна демонстрировать существенные изменения самого объекта номинации. С переменной названий возникала иллюзия качественных перемен. Прагматическая сторона дела определялась учительным и мессианским отношением. Формализацию его Хабермас назвал «расколом культуры на специальные дискурсы» (2, с. 12).

В отделившихся в 1990-е годы советских республиках большое внимание уделено представителям элит, занимавшим в годы Гражданской войны государственные, партийные, дипломатические и прочие посты. Привлекают внимание введенные в научный оборот документы политиков (А.А. Топчибашева, П. Коцева, Б. Далгата, А. Тахо–Годи, С. Габиева, А. Эфендиева, Дж. Коркмасова, У. Алиева), одни вскоре окажутся в советских структурах власти, другие – эмигрируют. Многие погибли (Т.Д. Алиев, М. Шовгенов, М. Фанзиев и др.). Общественного деятеля А.Аджиева и известного публициста И. Хубиева (их приговорили к повешению) кадию Д.А. Хачирову удалось выкупить у белых. Многие зиявшие ранее лакуны раскрыли совокупную сложность субъектов действия в гражданском противостоянии с теми, кто присматривался к разным аспектам идей и практик российского федерализма. Например, Высокая Порта на переговорах в Брест-Литовске требовала «признания независимого Кавказского государства», отказ от всякого вмешательства в его внутренние дела. На Кавказе считали: нужно бороться за создание федеративной республики, в которой народы должны бороться за защиту своих прав.

Кавказские элиты России, побывав на окраинах двух империй, испытав давление имперской системы делали выбор в пользу более развитых ресурсов культуры, преодолевали отдаленность, провинциальность, расширяя границы сознания и поведенческих

моделей, раздвигали границы нормы. Вопросы этнической истории, исторические мифы народов использовались для обоснования места их культуры в политическом потоке. Анализировались чужие стратегии, сопоставлялись практики, оценивались внутривнутриполитические шаги в контексте новых вызовов. Конечно, контакты носили амбивалентный характер, вызывая чувство психологического дискомфорта, вызванного деконструкцией исторически апробированного объекта, с которым связывали чувства религиозной общности, сопричастности, сопереживания.

На территории «подконтрольной» руководству ВСЮР находилось большое число сторонников федеративного устройства России. Практика принятия политических решений, связанных с судьбой национальностей происходила не в ходе заседаний Особого совещания Добровольческой армии, а на «политических средах», под председательством Деникина. Он подчеркивал стремление к единству России, к демократической власти, основанной на народоправстве «общерусской власти», «добровольном и добросовестном». Для Деникина одной из самых сложных проблем были отношения с целой «мозаикой» –закавказскими республиками (Армения, Азербайджан, Грузия), Республикой горских народов Кавказа. Он считал их порождением англичан, выросших «на немецких дрожжах», отравленных ядом «самостийничества», видел их «основание в исторически сложившихся взаимоотношениях между племенами, населяющими Россию, и императорским правительством, отчасти же - совершенно беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имевшими со здоровым национальным чувством». Однако его тревожило, как «немедленно же после объявления независимости Грузии сконструировалась и местная власть, избран постоянный парламент, образованы министерства, и во главе правительства встал Ной Жордания, бывший ранее мелким служащим у нефтяника Нобея в Баку. Члены нового правительства надели крахмальные воротнички, облекались в визитки и свои социал-демократические головы покрыли буржуазными цилиндрами» [3, с. 68 – 92].

Северокавказский Союз Деникин оценивал только как сепаратистскую силу: «Вся дипломатическая, декларативная, публицистическая деятельность ... носит следы специфически восточной хитрости и наивной хлестаковщины».

Федералистский фермент бродил, набирая силу. 11 мая 1918 г. принята «Декларация об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана». Р.Капланов считал: «Мы учли и

не остановились и перед тем, что у нас есть моменты, затрудняющие общую работу, например, разность языка, ибо мы знали, что вместе со всем этим мы имеем могучие цементирующие нас факторы: религия, право, условия экономического быта» [3, с. 14].

Мнение Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР об участии новых государственных образований в Парижской мирной конференции 1919 г. выглядело следующим образом: «Россия должна быть представлена, как единое целое. Представительство отдельных государственных образований, возникших на ее территории, не должно быть допущено. В образовании единого представительства России должны принять все те правительства отдельных ее частей и временных государственных образований, которые, отвергая Брестский договор, со всеми вытекающими из него последствиями, а равно все договоры и акты, заключенные от имени России или ее частей с коалицией центральных держав после 25 октября 1917 г., ведут борьбу во имя Единой России».

Модернистские концепции точно вокруг оси вращались вокруг проблемы национальностей. Министр образования в Горском правительстве П.Т.Коцев пишет: «идеи коммунизма посеяли раздор в среде религиозных деятелей... Будучи настоящими националистами (в правильном понимании этого слова) они не видели истинного лица большевизма» [5, с.20].

Большинство планов формирования механизмов власти оставалось в мечтах и на бумаге. П.Коцев в письме председателю делегации Горского Правительства А.Г.Кантемирову пишет: «надоело топтаться на месте: задачу я понимал так - или действовать активно в интересах защиты идей Горского Союза или уйти. Трусость одних, честолюбие других, корысть третьих, сплетни, провокация самого низкого характера не давали выполнить первую задачу». Деникин не доверял ингушам, большая часть осетинской элиты поддерживали советскую власть, «Кабарда ... смирилась сразу».

Российская эмиграция, кавказский её сегмент, долгое время не могли избавиться от иллюзорных надежд на скорое падение советской власти и грядущее возвращение на родину. Исходя из этого, в эмигрантской среде постоянно раскладывались различные пасьянсы, остро дискутировались прожекты и строились планы о политическом будущем региона. Последнее виделось в различных формах. Предпочтительной формой для так называемого «прометеевского» крыла эмигрантского сообщества были грезы о Кавказской конфедерации, объединяющей свободные народы обеих частей региона.

Многие эмигрантские деятели видели будущий Кавказ в составе Российской демократической республики с разным уровнем политической и национально-культурной автономии. Весьма животрепещущими были вопросы определения историко-культурных и административных границ на Кавказе, рамок будущего сожительства с северокавказским казачеством – терским и кубанским, взаимоотношений Кавказа с Украиной и т.д. Во всех этих случаях искались аргументы, обосновывающие и оправдывающие теории и идеи, причём наряду с международно-правовыми, политическими и иными важное место отводилось языковым, историко-этнографическим обоснованиям, что стимулировало соответствующую исследовательскую активность.

Один из центров кавказоведческих исследований сложился в Праге. Благодаря «русской акции» президента Т.Г.Масарика в Чехословакии нашли приют, кров, возможность профессиональной деятельности и учёбы тысячи русских эмигрантов, в том числе представителей гуманитарной мысли, среди которых было немало историков. Неудивительно, что именно в Праге возникли такие научные структуры, как семинарий имени Н.П.Кондакова, Институт изучения России, Русское историческое общество, Русский заграничный исторический архив и другие [7, с. 125]. В Праге оказались и представители кавказской эмиграции, многие из которых также не были чужды историко-этнографическим и лингвистическим штудиям. Они решили образовать научную институцию для кавказоведческих изысканий. Автором этой идеи был, вероятно, Ахмет Цаликов. Он выступил 26 сентября 1925 г. с программным докладом на учредительном собрании Общества кавказоведения. Были приняты уставные документы общества, избраны руководящие лица. Председателем Общества кавказоведения стал Цаликов. Устав Общества так определял его цели и задачи как строго научного учреждения, не преследующего никаких политических или партийных целей, ставящей своей задачей изучение природы, населения, быта, культуры, экономики и политической жизни Кавказа в прошлом и настоящем. На учредительном заседании решено обратиться в Институт изучения России с просьбой о вхождении общества в состав института на правах автономного отделения. Цаликов активно выступал по волнующим проблемам экономического развития Кавказа. На заседании 11 ноября 1926 г. состоялось выступление известного чешского историка Ф.Говелки с обзором историко-этнографических сведений о Кавказе и его народах, содержащихся в чешских нарративных источниках, проанализировал работы чешских ориенталистов. Берлинскую газету «Руль» удивил интернациональный состав заседания: «Происходило это

удивительное явление, – пишет А.С.Изгоев, – в “Обществе кавказоведения” 20 декабря. Доклад делал осетин Ахмед Цаликов о горах Северного Кавказа. Говорили: русские – проф. Стратонов и В.М. Краснов, казак Фальчиков, осетин Бичаев, калмык Баянов, абхазец Убилия, грузин Джанржагава, казанский татарин Терегулов. Слушали: человек тридцать, принадлежавшие, вероятно, к десяти-пятнадцати племенам. Все вместе – небольшая часть России» [6, с.2].

В 1926 г. лидер евразийского движения на заседаниях в Праге Н.С. Трубецкой, увидев сосредоточенность Р.О. Якобсона на коммуникативном аспекте языка, указывал ему на очевидную параллельность развития различных областей культур, следовательно, на существование закона, обуславливающего эту параллельность. Настаивая на равенстве народов Евразии, сами евразийцы провозглашали участие неславянских народов в общей государственной и политической жизни, чтобы повернуть Россию на путь современного мультикультурализма, сохраняя единое государственное пространство. Они многое угадывали в ходе истории (“Деникин был побежден, – язвительно заметил П. Савицкий, – между прочим, потому, что по широте своего идейного горизонта в сравнении с большевиками он был провинциалом” [8, с. 129]), но конструктивная часть их политических раскладов была утопичной. Россию-Евразию Н.С.Трубецкой считал особым этнокультурным миром, самобытным, самодостаточным с позиций и географии, и экономики, и культуры, и лингвистических особенностей: «евразийский мир представляет из себя замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом» [9, с. 258]. Лингвистические нарративы играли огромную конститутивную роль в создании и укрепление доказательных точек зрения на историю цивилизационного развития этнокультурных пространств. Осетин Б. Билатти напомнил: «проблема общего языка» давно поставлена «в порядок дня» как проблема «языка взаимных сношений и связи. Перед завоеванием Северного Кавказа Россией, проблема была разрешена таким образом, что роль общего языка исполнял, с одной стороны, арабский язык, а с другой – местные тюркские языки-наречья: карачаево-балкарский и кумыкский». Теоретические размышления Билатти развивал в русле дореволюционного кавказоведения: «Научные исследования кавказских языков, имеющиеся... традиции почти двух

столетий, давно уже выявили близкие связи и родство, существующие между этими языками вообще, а между языками Северного Кавказа, в особенности... В отношении генетической общности своих народов ... Кавказ является одной из наиболее консолидированных частей мира. На Северном Кавказе чувство языковой и генетической общности усиливается еще и чувством общности национальной, которая объединяет населяющие племена в один народ, с одними и теми же национальными аспирациями и стремлениями».

Б. Биллати также занимался определением понятия «нация». При этом, если не знать, что его определение было высказано за семьдесят лет до сегодняшнего дня, вполне можно было бы представить, что автор отстаивает современное инструменталистское понимание природы этноса. Для Биллати никакого значения не имели ни территориальная общность проживания, ни материально-экономические аспекты исторического развития. «Нация, – заявлял он, – это, прежде всего, дух, покоящийся на совместных переживаниях, на общем историческом прошлом и подкрепляемый культурной общностью и волей к совместной жизни в дальнейшем» [2, с. 18]. Биллати отстаивал идею о «договорной» основе нации, когда все члены группы объединены общепонятными и обще разделяемыми идеями, «волей», которые стягивают группу в единый национальный организм. Что касается самих идей, то они известны – это освобождение Кавказа, его независимое существование, репрезентация его государственности.

При таком понимании природы нации для ресурсов этнокультурного дискурса памяти уже не существенны реальные этнические, конфессиональные, языковые различия, которые существуют на Северном Кавказе. Их фреймы вписывали новые смыслы, адекватные модерну, не традиционному обществу. Тем не менее, важнейшими опорами этнического самосознания представителей кавказской эмиграции оставались представления о древности этнической культуры народов Кавказа, о ранних этапах их культуро-, социо- и политогенеза. Отсюда и стойкий интерес к этим разделам истории, которые неизменно были в поле внимания эмигрантских кавказоведов. На передний план анализа выходит диалоговая позиция о предпочтении федеративной формы как основы будущего государственного устройства, ориентированная на вертикаль властных институтов с разных сторон – большевистской и антибольшевистской. Содержательно ее поддерживают историки и сейчас.

Библиографический список

1. Бабич И. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е

годы): миф или реальность / Общество как объект и субъект власти: очерки политической антропологии Кавказа. Сборник статей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012.

2. Биллати Б. Идеологические основы национальных движений // Горцы Кавказа. 1934. № 47.

3. Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская Республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1994.

4. Изгоев А.С. Национальные споры (Письмо из Праги) // Руль (Берлин). 1926. 29 декабря. № 1848.

5. Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 7.

6. Коцев П. Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики // Наш Дагестан. 1994. № 172–173.

7. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты и учёные в Европе. М.: Наука, 1992.

8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

9. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.

10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В БССР В 1920-Е ГОДЫ: КОРЕНИЗАЦИЯ

NATIONAL POLICY IN THE BSSR IN THE 1920S: KORENIZATSIYA

И.В. Коледа

*Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь*

I.V. Koleda

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы проведения коренизации – ведущего направления политики белорусизации, которая осуществлялась в Беларуси в 1920-е годы. Главной целью коренизации было исправление положения, сложившегося к началу 1920-х гг., – это непропорционально низкая доля белорусов в партийных, советских, хозяйственных органах власти и управления, что не соответствовало общей численности белорусского населения. Политика коренизации предусматривала формирование в республике руководящего звена из представителей всех местных коренных национальностей. Определяющим фактором такого выдвижения являлся не столько национальный признак (белорус-не белорус), сколько деловые качества, знание условий и особенностей Беларуси, доскональное владение белорусским и русским языками.

Abstract. The article examines the issues of the implementation of korenization, the leading direction of the policy of belarusization, which was carried out in Belarus in the 1920s. The main goal of the korenization was to correct the situation that had developed by the early 1920s – this is a disproportionately low proportion of belarusians in the party, Soviet, economic authorities and management, which did not correspond to the total number of the Belarusian population. The policy of korenization envisaged the formation of a leadership in the republic from representatives of all local indigenous nationalities. The determining factor in such nomination was not so much the national characteristic (Belarusian-not Belarusian), as business qualities, knowledge of the conditions and characteristics of Belarus, thorough knowledge of the Belarusian and Russian languages.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, белорусизация, демографические процессы, управление, белорусский язык.

Keywords: national policy, korenization, belarusization, demographic processes, management, the Belarusian language.

В истории Беларуси 1920-е годы отмечены проведением белорусизации – политики национально-культурного возрождения, программа которой включала в себя перевод на белорусский язык делопроизводства партийного, государственного, профсоюзного и кооперативного аппаратов, выдвижение белорусов на партийную, советскую, профсоюзную и общественную работу – коренизацию, организацию школ, средних и высших учебных учреждений с обучением на белорусском языке, развитие белорусской литературы, научно-исследовательской работы по всестороннему изучению Беларуси, расширение белорусской печати и др.

Официальный статус государственной политики белорусизация получила с принятием на II сессии ЦИК БССР (июль 1924 г.) постановления «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» [4, с.7 – 9] и резолюции пленума ЦК КП(б)Б (июль 1924 г.) «О программе работ по проведению национальной политики партии в Беларуси» [4, с.115 – 120].

С принятием этих документов программа белорусизации преобрела силу закона. Ряд пунктов этих постановлений непосредственно касались коренизации – «выдвижения белорусов на партийную, советскую, профсоюзную и общественную работу» [4, с. 9].

Разработку и осуществление национальной политики затрудняла непропорционально низкая доля белорусов в партийных, советских, хозяйственных органах власти и управления. Белорусизация начиналась тогда, когда эта доля не достигала и половины. Так, в партийных органах наблюдалась следующая ситуация: из 13 членов ЦБ КП(б)Б в 1922 г. белорусов было 5, евреев – 6, других – 2; из 74 членов районных комитетов партии – 31 (41,8%) были белорусы, 34 (45,9%) – евреи, 9

(12,1%) – представители других национальностей [2, с.73].

Не лучшей была ситуация и в государственных органах: из 50 членов ЦИК БССР III созыва (декабрь 1921 г.) белорусов было 19 (38%), евреев – 17 (34%), **русских** – 3 (6%), украинцев – 1 (2%), поляков – 6 (12%), литовцев – 2 (4%), латышей – 2 (4%). Только в районных и сельских Советах преобладали белорусы. На 1 августа 1922 г. из 101 члена районных исполкомов на долю белорусов приходилось 77 человек (76,2%), русских – 5 (4,9%), евреев – 18 (17,8%), других – 4 (3,9%) [2, с.73].

Очевидным было то, что белорусы – большинство населения республики – находились в меньшинстве в партийном и государственном аппарате. Подобная ситуация не могла способствовать нормальному развитию национальных отношений и имела в дальнейшем самые негативные последствия.

Такое соотношение в руководящих органах объясняется, в первую очередь, тем, что евреи и русские, проживавшие в основном в городах, и до революции (октябрь 1917 г.) имели больше возможностей получать хорошее образование. Неслучайно, согласно переписи 1926 г., значительное большинство грамотного населения среди разных национальностей, проживавших в Беларуси, было среди евреев – 70%, чуть менее – среди поляков и русских – 50 и 49 соответственно, среди белорусов – 36% [3, с. 60 – 61].

В течении 1924 – 1925 гг. разработка программы белорусизации в целом была завершена (на кадровый вопрос было обращено особое внимание). Эта политика состояла из двух взаимосвязанных частей – национализации и коренизации. Первая включала широкое развитие белорусской культуры (школы, вузы на белорусском языке обучения, издание книг, научно-исследовательская работа по изучению Беларуси и т. д), введение белорусского языка практически в каждую сферу общественно-политической и экономической жизни (перевод на белорусский язык партийного, государственного, кооперативного аппарата и частей Красной армии).

Вторая – выдвижение представителей коренного населения на партийную, советскую, профсоюзную и общественную работу. Отметим, что такое выдвижение проводилось не по национальному признаку (белорус-не белорус), а по деловым качествам, знанию условий и особенностей Беларуси, доскональному владению белорусским и русским языками. Отсюда и название этого направления – коренизация, которая касалась не только белорусов, но и представителей других национальностей.

Коренизация, как одно из центральных направлений белорусизации, предусматривала формирование в республике руководящего звена из представителей всех местных коренных национальностей. Это особо было отмечено в отчете X съезда КП(б)Б, а также в постановлении бюро ЦК КП(б)Б «О национальном составе партийных, профессиональных, советских и других органов», принятой 27 августа 1927 г., где подчеркивалось, что «выдвижение белорусов на ответственную работу и в дальнейшем остается главной задачей в деле национализации партийных, профессиональных, советских и других учреждений» [1, с. 81]. При формировании руководящих кадров предлагалось учитывать, в первую очередь, политическую выдержанность выдвиженцев, их деловые качества, знание белорусского языка и условий развития БССР. Постановление предписывало увеличить количество белорусов в партийных, профсоюзных, местных советских органах, в составе коллегий наркоматов, управлений банков, московских представительств БССР и др.

Коренизация – сложный вопрос белорусизации, т. к. именно здесь скорее всего могли возникнуть взаимные обиды, недоразумения на почве противопоставления интересов одной национальности другой.

Однако и решать этот вопрос нужно было безотлагательно. Доля белорусов в органах власти и управления была совсем небольшой относительно общему удельному весу в составе населения. Такое положение необходимо было менять, что с ростом образованности и культурного уровня все острее понималось все более широкими слоями населения.

Вместе с тем, еще в начале 1920-х гг., при разработке национальной политики ставилась задача выдвижения представителей коренного населения на ту или иную должность не по национальности, а по деловым качествам, знанию белорусского и русского языков, истории Беларуси и т. д. В резолюции январьского (1925 г.) пленума ЦК КП(б)Б специально оговаривалось: «Ставя работу по выдвижению белорусских товарищей, тем не менее не противопоставлять их никогда тем сотрудникам, не белорусам, которые изучили белорусский язык и местные условия» [5, с. 68].

Тем не менее, часть интеллигенции национальных меньшинств, которая видела в этом только выдвижение белорусов на руководящие посты, настроенно отнеслась к этой политике.

В 1924 – 1925 гг. в аппарате центральных органов власти процент евреев, русских и других по отношению к белорусскому населению был довольно значительным и даже преобладающим. Объясняется это тем,

как уже отмечалось ранее, что представители этих национальностей проживали большей частью в городах, а центральные аппараты насыщали, главным образом, за счет городского населения. В местных органах власти процент белорусов был больше по отношению к другим национальностям.

В 1929 г. в результате проведения коренизации положение изменилось: доля белорусов в административных учреждениях составляла 51,3%, русских – 18, евреев – 24,8, поляков – 0,1, представителей других национальностей – 5,8%. В центральном советском аппарате доля белорусов составляла 32,5%, русских – 24,2, евреев – 36,8%. В хозяйственных учреждениях белорусов было 30,8 %, русских – 13,1, евреев – 49,3, поляков – 1,1, других – 5,7%. Например, в аппарате Высшего Совета народного хозяйства Беларуси среди специалистов-инженеров белорусы составляли 26%, русские – 12,2, евреи – 52, поляки – 1,6, другие – 3,1%. В судебных органах белорусов насчитывалось 26,3 %, русских – 21,1, евреев – 42,2, других – 11,5%; в земельных органах белорусов было 59,5 %, русских – 24,1, евреев – 10,1, других – 6,3% [3, с. 64].

Таким образом, преобладающий процент белорусов наблюдался в административных и земельных органах, в хозяйственных и судебных большинстве составляли евреи, что объясняется историческим прошлым, более высоким культурным уровнем, более основательной их подготовкой в области специальных знаний – юридических, экономических.

В конце 1920-х гг. в республике начинается постепенное отступление от первоначального понимания белорусизации – национальное все чаще стало сознательно отождествляться с националистическим. Отступление от принципов белорусизации нашло отражение в сокращении численности белорусов в руководящих органах, переводе деятельности школ, культурно-образовательных учреждений с белорусского на русский язык, сокращении тиражей белорусскоязычных изданий и т. д. Началось открытое наступление на национальную интеллигенцию, которую все чаще стали обвинять в принадлежности к «национал-демократизму», в стремлении «национальные интересы ставить выше классовых».

Национальное самосознание формируется под влиянием объективных факторов, что делает особенно актуальным целенаправленное влияние на его формирование, что, в свою очередь, способствует развитию этого самосознания до уровня, который обеспечивал бы полную гарантию от культурной ассимиляции,

исчезновения как самостоятельной нации. Особенно важным здесь является умелое использование тех исторических традиций и духовных ценностей, которые сохранены предшествующими поколениями, сознательное возвращение народа к историческим корням, национальным традициям.

Библиографический список

1. Аб нацыянальным складзе партыйных, прафесіянальных, савецкіх і іншых органаў: пастанова Бюро ЦК КП(б)Б, 27 жніўня 1927 г. // Беларусізацыя: 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / Пад агульнай рэд. Р. Платонава і У. Коршука. – Мн. БДУ, 2001. – 270 с.
2. Актуальныя пытанні гісторыі і культуры Беларусі (1917-1939 гг.) – Мн.: Выд-ва БДТУ, 1994. – ч. III. – 122 с.
3. Два гады нацыянальнай работы ў БССР: збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальнаму пытанню. – Мн.: Выд-ва Нацыянальнай камісіі ЦВК БССР, 1929. – 167 с.
4. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР. – Мн.: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1928. – ч.1. Беларусізацыя. – 152 с.
5. Рэзалюцыя пленума ЦК КП(б)Б, 25-29 студзеня 1925 г. // Беларусізацыя: 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / Пад агульнай рэд. Р. Платонава і У. Коршука. – Мн., БДУ, 2001. – С. 58 – 69.

МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЙ СТОРОН В РУССКО-УКРАИНСКОМ ЭТНИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ

MOTIVATIONAL ASPECTS OF THE ACTIONS OF THE PARTIES IN THE RUSSIAN-UKRAINIAN ETHNIC CONFLICT

Ю.Б. Николаев

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия

Yu.B. Nikolaev

Donetsk State University, Donetsk, Russia

Аннотация. В статье рассматривается мотивация сторон в русско-украинском этническом конфликте. Анализируется мотивация украинских националистов и историческое развитие украинского национального движения с учетом поддержки его Австро-Венгрией, Германией, а также пришедшими к власти после октябрьского переворота советскими властями. Особое внимание уделяется рассмотрению политических манипуляций при выходе Украины из СССР. Исследуются нарушения прав российского государства и русских при формировании Украины, а также её выход из СССР как основополагающий момент мотивации русской стороны.

Annotation. The article examines the motivation of the parties in the Russian-Ukrainian ethnic conflict. The motivation of Ukrainian nationalists and the historical

development of the Ukrainian national movement are analyzed, taking into account the support of Austria-Hungary, Germany, as well as the Soviet authorities who came to power after the October coup. Special attention is paid to the consideration of political manipulations during Ukraine's withdrawal from the USSR.

The violations of the rights of the Russian state and Russians as in the formation of Ukraine are investigated, so it was when it left the USSR as a fundamental moment in the formation of motivation for the Russian side.

Ключевые слова. Мотивация, этнический конфликт, этническая группа, национализм, националистические настроения, аннексия, референдум, политическая манипуляция.

Keywords. Motivation, ethnic conflict, ethnic group, nationalism, nationalist sentiments, annexation, referendum, political manipulation.

Актуальность настоящего исследования определяется наличием русско-украинского конфликта на исторических российских территориях Слобожанщины и Новороссии, неосновательно переданных в советское время в состав Украинской ССР.

Целью исследования является изучение особенностей формирования мотивации сторон в условиях русско-украинского этнического конфликта.

Задачами исследования является определение направлений разрешения русско-украинского конфликта.

Мотивацию национализма изучали отечественные и зарубежные исследователи Т.В. Беспалова [3], Ю.Б. Николаев [8], О.А. Сухорукова [9], Б. Андерсон [1], Э. Геллнер [5], Э. Кедури [7], Э. Хобсбаум [13].

Националистические настроения возникают как ответная реакция представителей автохтонных этнических сообществ на их ассимиляцию доминирующей этнической группой полиэтнического государства при его вхождении в индустриальную эпоху развития. В этом процессе происходит маргинализация языков и культур представителей недоминирующих этнических меньшинств на территории, которую они считают своей родиной, в результате чего в официальной сфере они вынуждены переходить на язык доминирующей этнической группы. Данное обстоятельство вызывает у представителей недоминирующей группы отрицательные эмоции в форме негодования [5, с. 23], раздражения, обиды и т.п. На почве отрицательных эмоций у них формируется националистические чувства, под действием которых активисты объединяются в националистические движения [8, с. 205–218]. В итоге мотивация украинского национализма основывается на противодействии распространению русского языка и русской культуры на территории, которые украинцы считают своей родиной.

Так происходит в случаях, когда недоминирующие этнические

группы уже существуют.

В украинском случае ещё в недавнем прошлом такой группы не существовало. В 1654 г. происходило не объединение Украины с Россией, принятие под высокую царскую руку запорожских казаков и земель запорожских [11, с. 182]. В то время свою этническую принадлежность они определяли как «русский», слово украинец тогда было катойконимом, а Украина – хоронимом. Процесс формирования украинской этнической группы происходил искусственно в условиях Австро-Венгрии.

Сущность этого процесса описал чешский историк М. Грох в брошюре «От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе», в которой он делит его на три фазы: А, В и С. М. Грох говорит: «В течение начального периода, который я назвал фазой А, энергия активистов национального движения была прежде всего направлена на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и на закрепление этих фактов в сознании соотечественников, однако в целом они не настаивали на том, что восполнение таких пробелов в познании представляет собой специфическую национальную потребность...». Очевидно, что речь идёт не об этносе, а о субэтносе, как это и было в украинском случае. Принадлежащие к конкретному этносу, члены и так отличают себя от других этносов по языку, культуре и общей истории [2, с. 11–12].

Украинская этническая группа развилась из части русского этноса, локализованного в Северном Причерноморье. В результате татаро-монгольского нашествия она оказалась оторванной от русского этноса и длительное время развивалась отдельно.

В 1654 г., когда запорожских казаков с их землями принимали под высокую царскую руку [11, с. 152], свою этническую принадлежность они определяли как «русский». Слово украинец в то время было катойконимом и определяло жителя местности. Равно как сибиряк – житель Сибири или помор – житель Поморья.

Катойконим украинец начинает трансформироваться в этноним с момента, когда «В 1890 году два галицко-русских депутата галицкого сейма – Ю. Романчук и А. Вахнянин – объявили с сеймовой трибуны, "от имени" представляемого ими населения Галичины, что народ, населяющий ее – не русский, а особый, украинский» [10, с. 53]. Оба – русины по происхождению. Занимая высокие посты в руководстве общества «Просвита», они одновременно являлись и депутатами Галицкого сейма.

Возникновение Украины было предопределено потребностями Австро-Венгрии, которая по первому разделу Польши в 1772 г. получила территорию Галиции, а вместе с ней и русскую ирреденту. По второму разделу Польши в 1793 г. к России отошло правобережье Днепра. В результате между Австро-Венгрией и Россией возникла общая граница, по обе стороны которой жили русские, естественным образом тяготевшие друг к другу. Осознавая потенциальную угрозу утраты части своей территории, австрийские власти приступают к трансформации части галицких русинов в отдельное этническое сообщество – украинцев. Им удалось расслоить славянофилов Галиции на русофилов и украинофилов. Для последних в 1868 г. было организовано во Львове научно-просветительское общество «Просвита», в котором фальсифицировалась украинская история, формировалась украинская «мова» и самосознание. Общество пользовалось поддержкой властей Австро-Венгрии. Русофилы, наоборот, стали подвергаться гонениям. Это для них создавались лагеря Талергоф и Терезин. С 1897 по 1913 гг. обществом руководил М.С. Грушевский – автор десяти томной фальсифицированной Истории Украины-Руси.

В 1917 г. М.С. Грушевский возглавляет так называемую Украинскую Центральную раду. Под руководством М.С. Грушевского III универсалом Рада 7 ноября 1917 г. выдвигает претензии на российские территории:

«Итак оповещаем:

К территории народной украинской республики относятся земли, заселенные в большинстве украинцами: Киевщина, Подолье, Волянь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной Республики, как до приобщения частей Курщины, Холмщины, Воронежчины, так и совмещенных губерний и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено по согласию организованной воли народов» [16, т. 1, с. 398–401].

IV универсалом от 11 января 1918 г. Рада провозглашает Украинскую Народную Республику.

IV универсал Украинской Центральной рады от 11 января 1918 г. объявил Украину «независимым, свободным, суверенным государством украинского народа» [16, т. 2, с. 102–104].

27 января 1918 г. страны Четверного союза заключают с УНР мирный договор, в первых статьях которого идет речь об установлении дипломатических и консульских отношений [16, т. 2, с. 137–151].

Примечательно, что австро-германскую политику в отношении

Украины поддержала и советская Россия. Сразу после революции новая власть признала всех малороссов украинцами, наделила Украину громадной территорией, отобрав её у России. В отношении русского населения стала проводиться политика коренизации, так в советское время именовалась украинизация, которая продолжалась большую часть довоенного периода [4]. С 1991 г. политика украинизации в независимой Украине ещё более ужесточилась. Русские на Украине утратили статус этнического меньшинства, русский язык перестал быть региональным.

Таким образом, украинская идентичность изначально создавалась при взаимодействии Австро-Венгрии, Германии и советских властей СССР, а затем окончательно утверждалась в независимой Украине.

Несмотря на то, что украинцы как этнос создавались искусственным путём, сегодня это реальное сообщество. Согласно теореме Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» [12, с. 38–45].

В условиях Российской империи и СССР украинская этническая группа была недоминирующей и естественным образом находилась в конфликте с доминирующей русской этнической группой [8, с. 205–218], из которой она выделилась искусственным образом на рубеже XIX–XX столетий.

Кратковременный период существования украинской этнической группы и его близкое родство с русским этносом создают благоприятные условия для обратимости процесса. Так, согласно переписи 2001 г. русские составляли 17,3% населения Украины. С другой стороны, согласно данным исследования, проведенного на Украине в 2006–2007 гг. Институтом Гэллага (США), который изучал состояние русского и родного языков в республике, 83% респондентов пожелали отвечать на вопросы анкеты на русском языке [8].

Таким образом, можно говорить о том, что $83\% - 17,7\% = 65,3\%$ являются русскими, пожелавшими назваться украинцами, чтобы избежать последствий антироссийской политики украинских властей.

Мы можем ожидать, что эти 65,3% при переписи в условиях Российской Федерации назовут себя русскими. Естественно предположить, что военный конфликт окажет влияние на окончательные цифры.

Мотивация русской стороны определяется исторической принадлежностью России территорий, которые в советское время были от неё отторгнуты и переданы в распоряжение созданной в советское время Украине.

Из истории известно, что:

- Черниговско-Северские земли вошли в состав России в соответствии с русско-литовским мирным договором 1503 г.;
- ранее принадлежавшее Речи Посполитой левобережье Днепра вошло в состав России на основании Андрусовского перемирия 1667 г.;
- Киев с окрестностями, ограниченными реками Ирпень и Стугна, был выкуплен у Речи Посполитой за 146 тыс. руб. по русско-польскому договору 1686 г. «О вечном мире»;
- в 1783 году Крымское ханство, получившее независимость от Турции по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г., вошло в состав России на основании манифеста Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу»;
- Правобережье Днепра вошло в состав России по второму разделу Польши в 1793 г.;
- по Ясскому мирному договору 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) между Россией и Османской империей граница между государствами была установлена по реке Днестр.

После Октябрьской революции с молчаливого согласия большевиков практически все заявленные в III универсале территории, включая перечисленные выше, вошли в состав Украины.

Согласно п. 7 ст. 14 Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», выходящая республика была обязана согласовать статус территорий, не принадлежащих ей на момент вступления в состав СССР.

Украина при выходе из СССР не согласовала этого вопроса ни с Российской Федерацией, ни с населением региона. Наличие указанного пункта в законе указывает на то, что советские власти ранее передали российские территории Украине только в пользование. Оставление их в составе Украины без согласования с Российской Федерацией, по существу, означает их аннексию.

Сегодня согласование этого вопроса происходит в зоне СВО.

1 декабря 1991 г. на Украине прошел Всеукраинский референдум по подтверждению Акта провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 года (далее – Акт) [14]. Как ни странно, но существование данного Акта никто никогда и не оспаривал.

Последнее предложение Акта звучит так: «Настоящий Акт вступает в силу со дня его одобрения».

В один день с Актом тогда ещё Верховный Совет УССР принимает Постановление о провозглашении независимости Украины, в котором на 1 декабря 1991 года назначается референдум по подтверждению Акта

провозглашения независимости Украины [15].

Ни в русском, ни в украинском языках слова «одобряю и подтверждаю» не являются синонимами, а, следовательно, заменить одно слово другим не представляется возможным.

11 октября 1991 г. выходит Постановление уже Верховной Рады Украины «О форме бюллетеня для голосования на всеукраинском референдуме».

В бюллетени приводится полный текст Акта провозглашения независимости Украины, в котором говорится: «Настоящий Акт вступает в силу со дня его одобрения». И сразу под ним размещён вынесенный на референдум вопрос: «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?» и возможные ответы: «Да, подтверждаю» и «Нет, не подтверждаю».

Анализ поставленного в бюллетене референдума вопроса позволяет выделить ряд аспектов.

Во-первых, вопрос, внесенный в бюллетень референдума, представляет собой абракадабру. Так не говорят ни русские, ни украинцы. Можно подтвердить что-либо, имеющее отношение к имени существительному, но его само подтвердить нельзя.

Во-вторых, бессмысленность вопроса отрицает какую-либо логику формирования негативного ответа на него, что обеспечило высокий положительный результат при голосовании.

В реальности, прочитав вопрос, участники референдума вспоминали, что видели Акт в газетах, слышали о нем по радио и телевидению. Давая свои положительные ответы, они подтверждали, что им известно о существовании Акта, и не более того.

В вопросе бюллетеня имел место элемент недосказанности, поскольку в нём не конкретизировалось, что именно относительно Акта должны подтвердить голосующие. Таким образом, организаторы референдума получали возможность по своему усмотрению трактовать, что именно касательно Акта провозглашения независимости Украины подтвердили участники референдума. В действительности жители Украины только на следующий день после референдума осознали, за что именно они проголосовали.

Высокий технологический уровень использованной на референдуме политической манипуляции свидетельствовал о её неукраинском происхождении.

Информация украинских властей о прохождении референдума подавалась мошенническим образом. Типичная сводка звучала так: «На референдуме по вопросу независимости Украины положительный ответ

дал такой-то процент проголосовавших».

Недостатком использования на референдуме 1 декабря 1991 г. политической манипуляции явилось то, что Акт провозглашения независимости Украины не был одобрен голосующими, поскольку бюллетень такого варианта ответа не предусматривал. Таким образом, Акт провозглашения независимости Украины в результате референдума в юридическую силу не вступил и такая ситуация сохраняется и поныне.

При всех издержках в организации референдума украинским националистам удалось реализовать свои планы по выходу Украины из состава СССР.

Уже 2 декабря 1991 г. независимость Украины признали традиционные американские вассалы Польша и Канада.

В период независимости Украины положение русского населения на Украине последовательно ухудшалось. Произошедший в Киеве в феврале 2014 г. неонацистский переворот привёл к созданию Донецкой и Луганской народных республик. В свою очередь, украинские власти развернули против народных республик политику государственного терроризма, отправив против безоружного населения карательные войска, оснащённые тяжёлыми видами вооружений.

Таким образом, мотивация русской стороны в русско-украинском этнополитическом конфликте основывается на ущемлении прав русского населения, его насильственной украинизации, уничтожения памятников русской культуры, переименование городов и улиц, а также неосновательного завладения Украиной исторических российских территорий в советский период. Мотивация украинской стороны исходит из неофашистской идеологии и антироссийских проектов её западных партнёров.

Разрешение русско-украинского этнополитического конфликта может быть достигнуто путём возвращения под юрисдикцию России её исторических территорий, неосновательно отторгнутых Украиной в советский период, с получением компенсации за их неправомерное использование в период с 1917 г. по настоящее время.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М. : Кучково поле, 2016. – 416 с.

2. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий // Сб. статей под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильдикова. – М. : Новое издательство. – 2006. – 200 с.

3. Беспалова Т.В. Патриотизм и нация как источники моральной мотивации в национализме // Философия права. – № 4 (53). – 2012. – С. 17–21.

4. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации, 1920-1930-е годы. – М. : Европа, 2006. – 241 с.

5. Геллнер Э. Нации и национализм. – М. : Прогресс, 1991. – 320 с.
6. Градировский С., Есипова Н. Русский язык набирает обороты в постсоветских государствах. – 1 августа 2008. – URL.: <https://news.gallup.com/poll/109228/russian-language-enjoying-boost-postsoviet-states.aspx> (дата обращения: 05.11.2024).
7. Кедури, Э. Национализм / Э. Кедури; 4-е изд., расш. – СПб. : Алетейя, 2010. – 134 с.
8. Николаев Ю.Б. Мотивация участников национальных движений: технология обеспечения мобильности // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4 (87). – С. 205–218.
9. Сухорукова О.А. Теоретические предпосылки национализма // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – № 2(2). – С. 137–142.
10. Тёрох И.И. Украинизация Галичины // Пути истории. Т.1. / Под ред. О.А. Грабаря. – Н-Й. : изд. Свободного слова Карпатской Руси, 1977. – С. 51–60.
11. Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией: сборник документов / Под ред. акад. А.М. Панкратовой – М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР. – 1954. – 252 с.
12. Хаустов Д.С. Теорема Томаса: жизнь одной идеи // Идеи и идеалы. – 2014. – № 3(21), Т. 2. – С. 38–45.
13. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб. : Алетейя, 1998. – 305 с.
14. Акт проголошення незалежності України від 24.08.1991 // Голос України. – 27.09.1991.
15. Постанова про проголошення незалежності України від 24.08.1991 // Голос України. – 27.09.1991.
16. Українська Центральна Рада. Документи і матеріали у двох томах / Відп. ред. В.А. Смолій. – Київ.: Наукова думка, 1996–1997.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В 1920–1930-е гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ)¹

SOVIET CULTURAL POLICY IN THE 1920S AND 1930S AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF CULTURE IN NATIONAL REGIONS (ON THE EXAMPLE OF KALMYKIA)

Н.Г. Очирова

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

N.G. Ochirova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр. проекта 122020100347-2

Аннотация: После октябрьских событий 1917 г в Калмыцкой степи с приходом советской власти произошли глубокие перемены, кардинально отразившиеся на всех сферах жизнедеятельности кочевого народа. В 1920 г. была создана Калмыцкая автономная область. В результате преобразований происходил постепенный переход от традиционного кочевого образа жизни к советскому. Одной из важнейших составляющих этого процесса была четко выраженная идеологическая направленность.

Abstract: After the October events of 1917, profound changes took place in the Kalmyk steppe with the advent of Soviet power, which radically affected all spheres of life of the nomadic people. In 1920, the Kalmyk Autonomous Region was created. As a result of the transformations, there was a gradual transition from the traditional nomadic way of life to the Soviet one. One of the most important components of this process was a clearly expressed ideological orientation.

Ключевые слова: советская власть, Калмыкия, национальная политика, культура, калмыцкий народ

Keywords: Soviet power, Kalmykia, national policy, culture, Kalmyk people

Одним из этносов, населяющих Юг России на протяжении более четырех веков являются калмыки, исторически входящие в монгольскую языковую группу и историко-культурную общность. Ойраты, предки калмыков, выходцы из Центральной Азии в XVII в. добровольно войдя в состав России положили начало формированию калмыцкого этноса. Академик Б. Я. Владимирцов отмечал: «Калмыки – народ кочевой, но далеко не первобытный; они многое пережили с того момента, как исторические обстоятельства вывели их на арену истории... они сумели вместе с кочевым бытом соединить известные культурные приобретения. Например, национальную письменность, зачатки образованности» [1]. С первых дней преобразований в Советской России новые органы государственной власти провели ряд важных мероприятий и приступили к реализации программы культурного строительства. Начало формированию советской образовательной модели положили декреты Совета народных комиссаров РСФСР «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя» от 10 декабря 1918 г. № 932 [2] и «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г. № 592 [3], а также декреты Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение о единой трудовой школе», опубликованные 16 октября 1918 г. [4]. Важное значение для осмысления вопросов развития культуры советского периода имеют обобщающие труды М.П. Кима [5], А.И. Арнольдова [6]. В выработке нового подхода к изучению культуры и ее трактовке, в осмыслении с этой точки зрения, всей истории государственной политики в области

культуры в СССР большую роль сыграли работы М.П. Кима. Под руководством ученого в 1975-1981 гг. вышел многотомный труд «Культурная жизнь в СССР»[7]. Среди работ, посвященных проблемам государственного и культурного строительства большой интерес представляют исследования, В.В. Базаровой [8], В.В. Номогоевой [9], Е.В. Туфанова и Гуляк И.И. [10], О.И. Митяевой [11], Публикацией в свете переоценки уроков исторического опыта культурного строительства после Октября 1917 года явилась общая работа Т.Т. Киселевой, Ю.А. Стрельцова, Е.Ю. Стрельцовой [12]. Вопросы развития культуры в Калмыкии отражены в работах Д. Ц.-Д. Номинханова [13], А.С. Романова [14], Б.Б. Дякиевой [15], Н.Г. Очировой [16] и др. История культурного строительства советского времени освещена в фундаментальных трудах «Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма» [17], а также в «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [18].

Калмыцкая степь являлась одним из территорий с самыми низкими в европейской части России социально-экономическими показателями. Поэтому после окончательного установления советской власти в Калмыкии и созданием в 1920 г. Калмыцкой автономной области (КАО), ревкомы и другие органы местной власти, приступили к коренной реорганизации системы народного образования в регионе, на которые и возлагалось осуществление политики советского государства, стало отправной точкой реализации новой культурной политики. Ликвидация неграмотности явилась одним из важнейших условий для подготовки населения к новому образу жизни, повлиявшая на подъем культуры населения. Кампания по ликвидации неграмотности в Калмыкии проводилась в рамках культурной революции. Основные трудности: трехкратная реформа языка; территориальная разбросанность населения, вследствие полукочевого образа жизни; нехватка кадров и материальных средств. Ликвидация неграмотности стала важным фактором создания общей светской культуры населения Калмыкии. Это в значительной степени определялось задачами культурной политики, сводившимися к европеизации всех областей повседневной жизни советского общества. Мероприятия кампании затронули все без исключения взрослое население степного региона. За короткий исторический отрезок времени в Калмыкии была ликвидирована массовая неграмотность. В 1930 г. введено обязательное всеобщее начальное образование, а затем осуществлен переход к семилетнему образованию. Формирование системы общедоступного образования сыграло важнейшую роль в последующих глобальных социально-культурных преобразованиях в

степном регионе. Наряду с укреплением материально-технической базы образовательных учреждений, подготовке профессиональных кадров, решался вопрос по общественному воспитанию учащейся молодежи и студентов, ориентированный на ценности коммунистического строительства. Основной задачей работы по ликвидации неграмотности среди населения явилась подготовка калмыцкого народа к восприятию общей советской культуры. Наряду с этим проводилась усиленная идеологическая работа партии, которая носила заметно выраженное политическое содержание, что нанесло существенный ущерб традиционной культуре, обычаям, традициям, обрядам.

Калмыцкая литература сформировалась на основе общемонгольской художественной традиции (XIII–XVIII вв.) и относится к числу литератур с развитой многовековой историей. Национальная советская литература Калмыкии начала формироваться в годы Гражданской войны. Первые произведения молодых авторов публиковались в армейских газетах, а потом и на страницах партийно-советской печати, как «Улан хальмг» (Красный калмык), «Ойратские известия», «Калмыцкая степь», «Тангчин зянг», «Красная степь» и др. В них публиковались стихи и рассказы красноармейцев, партийных, советских, комсомольских работников, учителей. В 1920 г. вышел первый литературный сборник «Песни революции», в который вошли популярные песни молодежи по военной тематике, инициатором издания которого был редактор газеты «Улан хальмг», талантливый журналист Харти Кануков. В середине 1920-х гг. появились первые советские профессиональные писатели, такие как А. Амур-Санан и С. Каляев. В 1928–1932 гг. литература Калмыкии получила дальнейшее развитие, появились новые имена: прозаики Н. Манджиев, Б. Басангов, литературный критик Н. Нармаев, поэт А. Сусеев. Из-под их пера выходили произведения, повествующие о тяжелой жизни в дореволюционной России и в Калмыцкой степи, о бесправном положении женщины-калмычки в семье и обществе, а также воспеваящие новую жизнь. Часть произведений носила реалистичный характер, но большинство из них было отмечено идеологической печатью своего бурного времени. Господствовавшая марксистско-ленинская идеология обязывала авторов отражать в своих произведениях, прежде всего успехи социалистического строя, революционные и политические события, происходившие в стране. Важным событием в истории национальной литературы было участие калмыцких авторов в I-ом Съезде российских пролетарских писателей 1928 г. и I Съезде советских писателей 1934 г. После возвращения из

Москвы делегатов последнего форума писателей в мае 1935 г. был проведен I съезд писателей Калмыкии, который консолидировал литературные силы республики [19]. Наряду с развитием советской литературы в Калмыкии в процессе культурного строительства происходило становление профессионального калмыцкого искусства. Основой для появления и развития профессионального драматического искусства в КАО послужили любительские театральные кружки, созданные в 1920-х гг. на базе высших и средних учебных заведений Саратова и Астрахани, где проходили обучение калмыцкие студенты. В 1929 г. из учащихся-калмыков Астраханской драматической школы был создан передвижной национальный театр. Решение Нижневолжского крайкома ВКП (б) о создании техникума искусств по подготовке актеров предопределило открытие профессионального национального театра в 1936 году. Труппу театра составили выпускники драмшколы и техникума искусств

Следует отметить, что в предвоенные годы сформировались профессиональные советские литература и искусство Калмыкии. В литературе под влиянием социалистических перемен ведущее место заняли несвойственные древней литературно-художественной традиции калмыков политические доминанты внешнего мира. Однако, несмотря на зависимость от идеологических догм, калмыцкой литературе и искусству, опираясь на богатое историко-культурное наследие, удавалось в определенной степени сохранять национальное своеобразие и самобытность. Основными целями культурного строительства в стране являлись преодоление неграмотности населения и формирование человека нового типа – советского человека. Он должен был стать носителем коммунистического мировоззрения, опиравшегося на идеи классовой солидарности и пролетарского интернационализма. Было провозглашено создание новой культуры – национальной по форме и социалистической по содержанию. Из национальных культур выбиралось лишь то, что могло содействовать созданию советской культуры, при этом отвергалась религия, которая составляла стержень культуры народов. В Калмыкии, как и по всей стране, в рамках культурной революции проводилась политика секуляризации сознания населения, принявшая формы непримиримой борьбы с религией. Итогом её стало закрытие в Калмыкии всех буддийских хурулов (храмов), православных церквей, мечетей и ликвидация религиозных организаций. По официальным данным, к сентябрю 1938 г. из 62 хурулов, 19 церквей, 2 мечетей, действовавших в первые месяцы советской власти, не функционировало ни одно, были закрыты все религиозные организации.

В процессе культурно-просветительного строительства буддийское искусство и литература были объявлены феодально-клерикальными, "противоречащими интересам трудового народа и социалистического строительства". Вместе с тем, несмотря на массированную атеистическую пропаганду среди населения и репрессии в отношении служителей культа и религиозных активистов, значительная часть населения Калмыкии, преимущественно старшего возраста, накануне войны оставалась верующей. Атеистические и коммунистические идеи находили отклик больше у молодого поколения, поэтому среди его представителей разрыв с национальными традициями и приверженность модернизационным процессам, происходившим в культурной сфере, был выражен в значительной степени сильнее.

Таким образом, культурное строительство в Калмыкии явилось неотъемлемой частью культурной политики в советской стране. К концу 1940-х гг. был достигнут высокий уровень интегрированности калмыцкого народа в советское общество. В условиях XX века — времени, наиболее отмеченного революционными потрясениями, небывалым ростом политизации практически всех сфер жизнедеятельности общества, культура из достояния небольших групп людей становится доступным миллионам. Важным этапом культурного строительства в Калмыкии был период 1920–1940-е гг. - время окончательного складывания культуры советского типа.

Библиографический список

1. Владимирцов Б.Я. Вступительная статья к книге «Монголо-ойратский героический эпос». Петроград-Москва, 1923.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1324–1325.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 845–846.
4. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 133–137
5. Ким М.П. Проблемы теории и истории реального социализма. - М.: Высшая школа, 1983. -263 с.
6. Арнольдов А.И. Культура развитого социализма. - М.: Политиздат, 1975. - 128 с.
7. Культурная жизнь в СССР. В 5-ти томах / Под ред. М.П.Кима. - М.: Наука, 1975-1981.
8. Базарова В.В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920-1930 гг. - Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2006. - 238 с.
9. Номогоева В.В. Бурятия в 1920-1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2011. – 280 с.
10. Туфанов Е. В., Гуляк И. И. Государственная система в первые годы

Советской власти (на примере Рязанской губернии): монография. – Ставрополь: Мысль, 2011. – 166 с.

11. Митяева О.И. История и проблемы отечественной культуры в XIX-первой трети XX века. Уфа, 1994.

12. Киселева Т.Т., Стрельцов Ю.А., Стрельцова Е.Ю. Культура и революция: историческая хроника первых послеоктябрьских десятилетий. - М., 1998.

13. Номинханов Д.Ц.-Д. Очерки истории культуры калмыцкого народа. - Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – 136.

14. Романов А.С. Печать Калмыкии 20-х годов. - Элиста: Калм.кн.изд-во, 1971. - 171 с.

15. D'yakieva R., Usalko O., Ovshinov A., Kaldinova G. (2019) *Woman, gender equality, reviviscence / The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences / Future Academy, /Selection and peer-review under responsibility of the Organizing Committee of the conference Retrieved / from:<https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.143>*

16. Очирова Н.Г. Основные направления государственной политики Республики Калмыкия по сохранению историко-культурного наследия в постсоветский период. Научная мысль Кавказа No 4 (96). 2018.

17. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / Ред. коллегия: Д.А. Чугаев, И.К. Илишкин и др. - Москва: Наука, 1970 - 431 с.

18. История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел». 2009 – 751 с.

19. История калмыцкой литературы в 2-х т. II том. Советский период. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1980 - 335 с.

АРМЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН В СОСТАВЕ МАЙКОПСКОГО ОКРУГА (1925-1930): ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО РАЗВИТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ

ARMENIAN NATIONAL RAION WITHIN THE MAYKOP OKRUG (1925-1930): FIRST STEPS TOWARDS THE DEVELOPMENT OF NATIONAL AUTONOMY

М.А. Степанов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

М.А. Степанов

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье рассматривается пребывание Армянского национального района в составе Майкопского округа как первый этап существования данной национальной автономии. Обращение к архивным и газетным материалам и их сопоставление с развитием района в дальнейшие годы позволило прийти к выводу, что нахождение Армянского района в составе Майкопского округа не было

определяющим фактором в развитии национальной автономии: перед районной властью стояли «вечные» проблемы обустройства территории, обусловленные ее географическим положением, решение которых требовалось на протяжении всего существования района вне зависимости от подчинения тому или иному региональному центру.

Abstract. This article describes the belonging of the Armenian national raion to the Maykop okrug as the first stage of the existence of this national autonomy. An appeal to archival and newspaper materials and their comparison with the development of the raion in subsequent years led to the conclusion that the presence of the Armenian raion as part of the Maykop okrug was not a determining factor in the development of the national autonomy: the raion authorities faced "eternal" problems of the territory arrangement due to its geographical location, the solution of which was required throughout all the existence of the raion, regardless of subordination to one or another regional center.

Ключевые слова: Армянский национальный район, советская национальная политика, административно-территориальное деление, город Майкоп, Майкопский округ.

Keywords: Armenian national raion, Soviet national policy, administrative-territorial division, Maykop, Maykop okrug.

Советская национальная политика проходила в своем развитии несколько этапов, отличалась сложностью и противоречивостью в тот или иной отрезок времени. Практическое выражение она находила, в том числе, и в изменении территориально-административного деления государства.

Выделение, преобразование и/или упразднение той или иной территориально-административной единицы было связано с решением как национально-культурных, так и практико-хозяйственных задач по установлению и дальнейшему закреплению советской власти. Балансирование между этими двумя типами задач, принципами административного деления в зависимости от конкретно-исторических условий смещалось с перекосом в сторону то первого, то второго принципа, что приводило к частым переменам в организации административно-территориального деления СССР (особенно в первые десятилетия его существования).

Общие для всего государства, данные процессы разворачивались и на юге РСФСР. К 1924 г. был образован Северо-Кавказский край, в состав которого входили 12 округов, 7 автономных областей и 2 автономных города (Грозный и Владикавказ), что примерно соответствует суммарной площади современного Северо-Кавказского федерального округа, Краснодарского края, Республики Адыгея и Ростовской области. Одним из округов был Майкопский, на территории которого и был образован в 1925 г. Армянский национальный район.

За время своего существования (1925-1953) Армянский

национальный район успел побывать в подчинении у Майкопского округа (1925-1930), Северо-Кавказского края (1930-1934), Азово-Черноморского края (1934-1937) и Краснодарского края (1937-1953). В данной статье будет рассмотрено пребывание Армянского национального района в составе Майкопского округа как первый этап существования данной национальной автономии.

Исследованию истории Армянского национального района посвящены труды В. Л. Адобашьяна [1], В. З. Акопяна [2], И. Г. Иванцова [3] и др. [9, 10]. В их работах основными источниками были архивные материалы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края. В данной же статье будут также привлечены выпуски майкопской окружной газеты «Социалистическое соревнование» за 1929 г., хранящиеся в Национальном архиве Республики Адыгея и позволившие пролить свет не только на страницы истории Армянского района, но и на жизнь армянского населения Майкопа в конце 1920-х гг.

Начало созданию национального района было положено на Расширенном Заседании Большого Президиума Исполнительного Комитета Северо-Кавказского края 5 апреля 1925 г., на котором признавалось желательным в связи с тяжёлым материальным положением армянского населения в Майкопском округе выделить все армянских населённые пункты в самостоятельный район в составе Майкопского округа [4, л. 44]. Изначально в состав района вошло семь сельсоветов: Садовский, Елисаветпольский, Гойтхский, Гунайский, Черниговский, Режетский и Кубано-Армянский, позднее был образован восьмой сельсовет – Тубинский [10, с. 24]. Центром района было село Елисаветпольское, позднее переименованное в Шаумян. По национальному составу район действительно имел армянское большинство, однако вообще среди всех существовавших тогда округов на территории современного Краснодарского края в Майкопском округе численность армян была наименьшей: по переписи 1926 г. в Черноморском округе проживало 27,7 тыс. армян, в Кубанском – 21 тыс., в Армавирском – 19,2 тыс., а в Майкопском – всего 9,8 тыс. армян [9, с. 123]. Данный факт отмечал также И. Г. Иванцов, предполагая, что выделение территории для Армянского района по большей части именно в Майкопском округе можно объяснить тем, что на эти земли «никто не претендовал» [3, с. 11]. Иную версию выдвигает В. Л. Адобашьян, которая соотносится с причинами, обозначенными краевыми властями. Географически территория Армянского района представляет из себя очень сложную, труднодоступную и инфраструктурно не развитую

местность, пересечённую горной грядой. Именно поэтому Советской власти здесь не чувствовалось вследствие оторванности от окружного центра – Майкопа и районного – Хадзыженска [1, с. 168]. Таким образом, создание центра власти в самой местности позволяло решить накопившиеся проблемы в хозяйствовании и культурно-бытовой отсталости. Можно сделать вывод, что созданием района краевое правительство в первую очередь решало вопрос об управляемости труднодоступной территорией, сущностного, а не лишь формального закрепления там институтов Советской власти. Предоставление национально-культурной автономии в формате национального района обуславливалось лишь тем, что данная территория была заселена по преимуществу армянами. Необходимо также отметить, что в Майкопском округе была самая высокая доля сельского армянского населения среди округов на территории современного Краснодарского края. Так, в Армавирском округе доля армян в сельской местности на 1926 г. составляла 16%, в Кубанском – 33%, в Черноморском – 78%, а в Майкопском округе – 85% [9, с. 123].

Тем не менее, район был создан. В условиях становления новой власти важнейшим вопросом было создание на местах органов государственного и партийного управления – районной партийной ячейки. Интересно, что на 1926 г. в двух селениях района – Елисаветпольском и Садовом (о других информация отсутствует) – числится всего 9 коммунистов (5 армян и 4 русских). В «Информационной справке о состоянии и работе советских, кооперативных и прочих общественных организаций...» по Армянскому району указывается, что «...тяга ко вступлению в ряды партии со стороны батрачества и бедноты у русской части крестьян – не заметна. Со стороны армянской части стремление ко вступлению есть, в большинстве со стороны зажиточной части крестьян, выходцев из других партий, служилого элемента и некоторой части комсомольцев...» [13, л. 1]. Таким образом, в партию и руководство района в первую очередь стремились (за исключением комсомольцев) классово чуждые элементы, что, скорее всего, говорит о пока что (на середину 1920-х гг.) малой заинтересованности и/или осведомленности о коммунистических идеях среди беднейших слоев крестьянства и о том, что в партийной службе видели мощный социальный лифт те элементы общества, которые понимали, что им нужно как можно скорее принять новую социально-политическую реальность, чтобы не стать впоследствии объектом преследования со стороны властей (в дальнейшем, на протяжении 1930-х гг. значительное число партийных функционеров в

районе были сняты с должностей за свое «дашнакское прошлое», реальное или мнимое).

Обращаясь к выпускам майкопской окружной газеты «Социалистическое соревнование», представляется возможным выявить те элементы жизни района, которые не попали на страницы протоколов заседаний райисполкома и райкома партии. Так как газета была посвящена всему Майкопскому округу, то упоминания Армянского района в газете не были частыми, однако некоторые сведения в ней были обнаружены.

К примеру, несколько раз сообщается о том, что в селе Гойтх функционировала армянская церковь, которая к 1929 г. была закрыта и переоборудована под избу-читальню [5, с. 4; 8, с. 4]. Также в материалах данной газеты Армянский район упоминается как «глухой уголок» [6, с. 2], а его крестьяне – как «более [в сравнении с армянами Майкопа – прим. авт.] отсталые культурно» [7, с. 3]. Такое отношение к армянам района и району самому объясняется социально-экономическими реалиями конца 1920-х гг.: к примеру, только 50-55% детей школьного возраста в Армянском районе были охвачены Всеобучем, так как часть детей школу не посещали по религиозным убеждениям, а большинство не могли обучаться лишь потому, что в районе были мелкие хутора, находящиеся от центра, где организована школа, на шесть и более верст [13, л. 3]. Конечно, это не идет ни в какое сравнение с уровнем культурной жизни армян Майкопа, где имелись церковь, школы и первой, и второй ступени, где еще с 1900-х гг. существовал дом Армянского купеческого собрания, который сейчас занимает Северокавказский филиал Государственного музея Востока.

Ликвидация окружного деления в 1930 г. привела к передаче Армянского района под управление Северо-Кавказского края (с центром до 1934 г. в Ростове-на-Дону) напрямую, что перестроило ряд иерархических взаимодействий и, в частности, привело к созданию в 1931 или 1933 гг. (архивные данные по этому вопросу разнятся) [2, с. 26; 12, л. 29] собственной районной газеты «Берки Амар» («За урожай»), что указано в протоколе № 6 заседания бюро Армянского райкома ВКП(б) от 4 сентября 1930 г.: «...в связи с ликвидацией Округа выпуск Окружной газеты прекращен, вследствие чего Армянский район, жизнь его нигде не освещается, а поэтому считать необходимым добиться разрешения перед Крайкомом о выпуске районной газеты» [11, л. 4].

Таким образом, нахождение Армянского района в составе Майкопского округа не было определяющим фактором в развитии национальной автономии: перед районной властью стояли «вечные»

проблемы обустройства территории, обусловленные ее географическим положением, решение которых требовалось на протяжении всего существования района вне зависимости от подчинения тому или иному региональному центру.

Библиографический список

1. Адобашьян В.Л. Образование в составе Краснодарского края Армянского района // Вестник архивов Армении. 1970. № 3. С. 167-174.
2. Акопян В.З. Армянская периодическая печать Юга России в советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1(113). С. 23-29.
3. Иванцов И.Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар, 2013.
4. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 34.
5. Социалистическое соревнование. 1929. № 18 (1825).
6. Социалистическое соревнование. 1929. № 68 (1875).
7. Социалистическое соревнование. 1929. № 88 (1895).
8. Социалистическое соревнование. 1929. № 90 (1897).
9. Суций С.Я. Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов н/Д, 2015.
10. Тверитинов И.А. Национально-территориальное строительство в Северо-Восточном Причерноморье и на Кубани // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 21-27.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1415. Оп. 1. Д. 10.
12. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 23.
13. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1доп. Д. 8.

СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КНР

THE STRATEGY OF ENSURING THE RIGHTS OF NATIONAL MINORITIES IN THE MODERN STATE POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Т.О. Ткачева, Л.М. Чепелева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Т.О. Tkacheva, L.M. Chepeleva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации национальной политики Китайской Народной Республики. Национальный вопрос для любого

полиэтнического государства является крайне важным. Сплоченность наций, проживающих и тесно взаимодействующих в пределах государственных границ, является залогом успешного и стабильного развития государства. Поэтому осознание себя этническими меньшинствами равноправной и неотъемлемой частью полиэтнического государства выдвигает на первый план вопрос о правовом статусе национальных меньшинств в контексте этнического строительства.

Abstract. The article discusses the problems of implementing the national policy of the People's Republic of China. The national issue is extremely important for any multiethnic state. The cohesion of nations living and interacting closely within State borders is the key to the successful and stable development of the State. Therefore, the awareness of ethnic minorities as an equal and integral part of a multiethnic State highlights the issue of the legal status of national minorities in the context of ethnic construction.

Ключевые слова: национальные меньшинства, национальная политика КНР, этнонациональное строительство, Китайская Народная Республика, эволюция нормативно-правовой базы.

Keywords: national minorities, national policy of the People's Republic of China, ethnonational construction, People's Republic of China, evolution of the regulatory framework.

Многонациональность КНР ставит перед руководством страны задачу обеспечения прав национальных меньшинств на одно из первых мест. Для стабильного развития государства и целостности страны необходимо обеспечить лояльность многонационального населения. Главной стратегией выбрана экономическая помощь районам национальной автономии.

Особенностью социально-экономического устройства КНР является большой дисбаланс в уровне развития приморских и внутренних провинций. Для структурирования стратегии регионально-национальной политики целесообразно рассмотреть ее поэтапно.

Первый этап социально-экономических преобразований хронологически определяется периодом 1949 – 1959 гг. Тяжелые последствия освободительной и гражданской войн негативно сказались на социально-экономическом развитии страны, особенно на внутриконтинентальных провинциях. Они оказались лишены промышленного потенциала ввиду отсутствия развитого промышленного производства. Поэтому первостепенной задачей стало развитие внутренних районов.

В 1956 г. Мао Цзэдун выдвинул программу регионального развития промышленного производства. Он отмечал, что «в целях равномерного размещения промышленности нужно всемерно развивать промышленность внутренних районов... Без всякого сомнения, большую часть новой промышленности следует располагать во внутренних районах, чтобы размещение нашей промышленности постепенно

становилось равномерным и отвечало интересам подготовки на случай войны». Также акцент сделан на то, что «надлежащее использование и развитие имеющейся промышленной базы приморских районов умножит наши силы в деле развития и поддержки промышленности внутренних районов» [1, с. 343-344.]. Незавершенность управленческой структуры сказалось на характере региональной политики – экономические реформы проводились бессистемно и непоследовательно. Первые стратегии имели в своей основе слабо развитую промышленность, слабую межрегиональную инфраструктуру, низкий доход на душу населения.

В этот период (1950 – начало 1960-х гг.) прирост промышленного производства обеспечивали в основном приморские районы. Но к концу первой пятилетки ситуация изменилась. Следуя экономическим представлениям правительства, с 1953 г. внутренние районы стали получать примерно 55% всех инфраструктурных инвестиций и год от года эта цифра росла. К третьей пятилетке (1965 – 1970 гг.) две трети новых промышленных объектов построены во внутренней части страны [2, с. 23]. Таким образом, темпы экономического роста внутренних районов оказались выше общенациональных, чего нельзя сказать о приморских регионах, что привело к дальнейшей дифференциации между регионами страны.

Начало политики большого скачка и «культурной революции» поставили под угрозу дальнейшее развитие экономических преобразований. Во внутренних районах приоритетом стало сельскохозяйственное производство и вспомогательные ему химическая и машиностроительная отрасли. Снова сделан акцент на развитие восточных (приморских) регионов. В этот период введена политика «третьей линии», которая имела непосредственное отношение к внутренним и юго-западным административным территориям [3, с. 15]. Выдвижение этой концепции связано с усложнившейся международной обстановкой. Цели обеспечения тыловой стратегической базы в глубине территории определены Мао Цзэдуном на Рабочем совещании ЦК КПК в июне 1964 г. Конкретизация концепции строительства «третьей линии» представлена в «Докладе об обстоятельствах реализации третьей пятилетки» Чжоу Энлаем. Основная идея заключалась в перенесении научно-промышленных мощностей из потенциально уязвимых в стратегическом отношении приморских районов вглубь страны (Ганьсу, Шэньси, Цинхай, Нинся-Хуэйский автономный район (АР) Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу). Позитивным результатом реализации политики «третьей линии» стало снижение диспропорции в экономическом

развитии регионов Китая [4, с. 13]. Таким образом, в период с 1949 по 1978 гг. реализована модель сбалансированного развития регионов.

С конца 1970-х – до середины 1990-х гг. действовал период несбалансированного развития. Ее идейным вдохновителем стал Дэн Сяопин, предложивший принцип естественного неравенства развития регионов: «пусть одни регионы богатеют раньше, чем другие» и «разбогатевшие первыми помогают отстающим» [5, с. 102]. На основе мирового опыта и теоретических выкладок западных ученых сделан вывод о том, что первоначально необходимо развивать центры роста в восточных районах, которые станут «локомотивом» для развития менее отсталых в социально-экономическом плане западных регионов [6].

Однако ожидания не оправдались, и к середине 1990-х гг. стало понятно, что политика несбалансированного роста ведет к еще большей дифференциации в развитии приморских восточных районов и западных регионов. Чтобы стимулировать их рост инициированы три национальные программы поддержки: в 1999 г. для западных регионов, в 2004 – для центральных, 2006 г. – северо-восточных. Возвращение к политике поддержки регионов государством свидетельствовало о начале гармонизации развития регионов Китая.

Программа развития западных регионов явилась первой пилотной программой и наиболее масштабной по территории охвата: Внутренняя Монголия, Гуанси, Чунцин, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Тибет, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся, Синьцзян (включая Синьцзянский производственно-строительный корпус). За все время реализации этой программы доля западных районов в ВВП достигла 20%, доля бедного населения сократилась до 3,2% [7, с. 26].

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. началась реализация «лично задуманная, лично спланированная и находящаяся на личном контроле» новая концепция регионального развития, центральное место в которой занимала задача искоренения бедности к столетию образования КПК. На достижение цели направлены все ресурсы: финансовая помощь, инициирование национальных региональных программ, создание системы межрегионального «шефства» и др.

Основным районом сосредоточения малых народов являются западные регионы Китая. В планах 13-й пятилетки КНР определено приоритетное значение западных регионов: «уделять приоритетное внимание углубленной реализации стратегии развития западного региона и в полной мере использовать ведущую роль строительства «Пояса и пути» в развитии западного региона. Ускорить строительство внутренних и внешних каналов связи и региональных узлов, еще больше

повысить уровень инфраструктуры и значительно улучшить условия для внешнего проезда в отсталых и отдаленных районах. Энергично развивать отрасли с характерными преимуществами, такие, как переработка экологически чистой сельскохозяйственной продукции и культурный туризм. Для развития промышленных кластеров создан ряд демонстрационных зон промышленного трансфера на национальном уровне. Благодаря районам с высокой ресурсной и экологической нагрузкой доля ресурсов, перерабатываемых и преобразовываемых на месте, будет увеличена. Усилить научное развитие и эффективное использование водных ресурсов. Усилить экологическую защиту окружающей среды и усилить функцию барьеров экологической безопасности. Улучшать долгосрочные стабильные каналы финансирования и продолжать увеличивать трансфертные платежи и государственные инвестиции. Ускорить выравнивание уровня основных государственных услуг. Увеличьте открытость городов-шлюзов и повысьте уровень открытой экономики» (ст. 37, раздел 1)» [8].

Отдельные статьи и разделы отведены именно этническим районам: «Придайте ускорению развития этнических меньшинств и этнических районов более важное стратегическое значение, увеличьте финансовые вложения и финансовую поддержку, улучшите состояние инфраструктуры и расширьте базовые возможности государственных служб. Поддерживать развитие доминирующих отраслей промышленности и характерной экономики в этнических регионах. Усиливать межрегиональную партнерскую поддержку и содействие партнеров. Увеличьте поддержку Тибета и тибетских регионов четырех провинций. Поддержите ускоренное развитие четырех префектур Южного Синьцзяна. Содействовать развитию дела этнических меньшинств, решительно поддерживать развитие этнических групп с небольшой численностью населения, поддерживать развитие производства товаров для особых нужд этнических меньшинств, а также защищать и наследовать традиционную культуру этнических меньшинств. Проводить углубленные мероприятия по созданию демонстрационной зоны национального единства и прогресса для содействия обменам и интеграции различных этнических групп (ст. 40, раздел 2)» [8].

Основным проектом в отношении этнических меньшинств стала Операция «Бен Сяокан», которая предусматривала «содействие целым этническим группам и деревням с небольшим населением избавиться от бедности. Реализовывать проекты защиты и развития небольшого числа деревень и поселков с этнической принадлежностью, уделяя особое

внимание строительству ряда деревень и поселков... в этническом стиле. Поддерживать защиту и развитие традиционных ремесел небольшого числа этнических групп» [8]. Не меньшее значение имели программы по решению проблем с бедностью, которым посвящены статьи 57, 58 13-го пятилетнего плана.

Подводя итоги, следует констатировать, что правительством КНР проводится эффективная стратегия социально-экономического развития районов национальных автономий. Районы проживания этнических меньшинств всецело включены в общегосударственную программу развития Запада и приграничных районов и борьбы с бедностью. Региональная этническая политика китайского правительства в основном включает в себя: приверженность этническому равенству и единству; реализацию системы региональной национальной автономии; использование и развитие языков и письменности меньшинств; уважение и сохранение обычаев и привычек этнических меньшинств; уважение и защиту свободы религиозных убеждений этнических меньшинств; способствование экономическому развитию территорий проживания этнических меньшинств.

Библиографический список

1. Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях / Избранные произведения. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1977. Т. 5.
2. Чубаров И.Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4.
3. Величко В.В. Внутренние районы Китая в контексте его региональной стратегии // Мировое и национальное хозяйство: электронный журнал. 2010. № 3.
4. Александрова М.В., Коханова В.С. Особенности экономического районирования в КНР (1949 – 1990 гг.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4.
5. Дэн Сяопин. Избранное. В 3 т. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994. Т. 1.
6. См.: например: Hirshman A.O. The Strategy of Economic Development. The 2-nd Ed. New Haven, 1961.
7. Чубаров И.Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4.
8. Наброски Тринадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (дата обращения: 24.07.2024).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИНЬЦЗЯНЕ (1884–1934 гг.)

NATIONAL POLITICS IN XINJIANG (1884–1934)

Г.Н. Месропян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

G.N. Mesropyan

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Аннотация. В статье рассматривается национальная политика империи Цин и независимых губернаторов Ян Цзэнсиня и Цзинь Шужэня. Изучаются составные элементы национальной политики, цели её проведения. Дается объяснение национальной политики в Синьцзяне в период от завоевания провинции империей Цин до прихода к власти Шэн Шицай в связи с политической и экономической обстановкой в провинции. В исследовании сделан вывод о том, что национальная политика в Синьцзяне проводилась с начала империей Цин, а потом независимыми губернаторами в период раздробленности Китая для облегчения экономической эксплуатации населения.

Abstract. The article examines the national policy of the Qing Empire and the independent governors Yang Zengxin and Jin Shuzhen. The constituent elements of the national policy and the goals of its implementation are being studied. An explanation of the national policy in Xinjiang in the period from the conquest of the province by the Qing Empire to the coming to power of Sheng Shicai in connection with the political and economic situation in the province is given. The study concluded that national policy in Xinjiang was carried out from the beginning by the Qing Empire, and then by independent governors during the period of fragmentation of China to facilitate the economic exploitation of the population.

Ключевые слова: национальная политика, Синьцзян, Цзинь Шужэнь, Ян Цзэнсинь.

Keywords: Jin Shùrén, national policy, Xinjiang, Yáng Zēngxīn,.

В последней трети XIX в. территории Синьцзяна были окончательно завоеваны Китаем после крупных восстаний тюрков, монголов, дунган и возникновения государства Якуб-бека. Необходимо отметить, что экспансия в Синьцзян империей Цин велась с XVIII в., а китайское присутствие в целом обнаруживается в провинции со времен династии Тан (VII–X вв.).

После завоевания Синьцзяна в 1884 г. империя Цин начинает проводить активную национальную политику в новоприобретённой провинции. Монгольские народы были лишены автономии. Исключением стали марионеточные ханства в Алтае и Кумуле, чья знать не приняла участия в Джунгарском восстании 1864–1878 гг. Гораздо

более демократично Цинская империя отнеслась к тюркским народам, которые сохранили свою автономию. Это выразалось в сохранении местного самоуправления, возможности придерживаться национальной культуры и религии, разбирать мелкие уголовные дела [5, р. 46–47.]. По-видимому, этот шаг был предпринят из-за того факта, что тюркские народы составляли большинство в Синьцзяне. Допустить второго мощного восстания, каковым было Уйгурское восстание 1869–1874 гг., для центральной власти было недопустимым. В отличии от тюрков, монгольских народов, количественно было меньше и с ними можно было поступить более жёстко. Суровой всего Цинская империя отнеслась к дунганам, воспринимая их в силу синоязычности как предателей [8, р. 50.]. Из-за репрессивной политики империи Цин, многие дунгане стали мигрировать в Семиречье. Впоследствии, они вернутся, не сумев освоиться в Российской империи.

Принимая во внимание тот факт, что Синьцзян был регионом многонациональным, империя Цин активно использовала принцип «разделяй и властвуй» для укрепления собственной власти. В 80-е гг. XIX в. Цины расселили уйгуров из бассейна р. Тарим по всей провинции, чтобы не допустить большой концентрации потенциально мятежных элементов в одном месте. С 1887 г. этническим китайцам было разрешено преодолевать Великую китайскую стену с возможностью селиться в западных землях империи, под которыми подразумевался Синьцзян. Данное решение создало поток иммиграции в провинцию, представленный следующими неоднородными контингентами: демобилизованные солдаты, завоевавшие Синьцзян; крестьянские колонизаторы; ссыльные преступники и опальные политические деятели; тяньцзинские купцы. Последние в силу своего финансового положения находились в привилегированном положении, обладая обширными земельными наделами [4, р. 140.]. Расселение китайцев по провинции не только должно было способствовать экономическому освоению опустевших после восстаний и войн территорий, но и должно было выполнить куда более масштабную задачу.

Установив свою власть в Синьцзяне, Цинская империя попыталась проводить политику синизации провинции. Делопроизводство и издание литературы велось на китайском языке, на китайский манер переименовывались населённые пункты (например столица провинции Урумчи была переименована в Ти-Хуа), сыновьям тюркской и монгольской знати прививалась китайская культура и язык. В начале XX в. империя ужесточила надзор за кочевыми тюрками и монголами. На русско-китайском пограничье строится крепость Шара–Сумэ

(современный Алтай), откуда начальник округа контролировал миграции кочевников [2, с. 248]. Исходя из имеющихся фактов, мы можем определить, какую цель ставила перед собой империя Цин – обеспечить контроль над провинцией. Для этого Пекином предпринимались следующие меры: синизация провинции и одновременно предоставление автономии местным народам.

В начале XX в. остро нуждаясь в средствах для реализации политики самоусиления, империя Цин стала ужесточать фискальную политику по всей империи, что не могло не затронуть Синьцзян. Заново вводились ранее отменённые налоги, например налог с продаж. Вводились новые: на смерть родственников и рождение детей [6, р. 102.]. Это вызвало возмущение у тюрков, потому что введение данных налогов являлось оскорблением их религиозных чувств. Помимо ужесточения налоговой политики, в начале XX в. местная администрация занимается созданием школ, учебные программы которых были выдержаны в конфуцианском духе. Это создавалось с целью составить конкуренцию собственному тюркскому образованию, в котором стали набирать силу джадидизм, что приводило к росту пантюркистских настроений среди тюркских элит. Эти меры косвенно подрывали автономию тюркских народов, которая заключалась в неприкосновенности их образа жизни, религии и культуры [6, р. 79.].

Однако, ассимилировать тюрков и монголов, подавить их идентичность и самобытность не получилось. Это было вызвано сочетанием множества факторов, но можно выделить три основных. Первая причина заключается в том, что несмотря на разрешение миграции за Великую китайскую стену, к моменту начала Синхайской революции 1911–1913 гг. китайцы так и не стали количественно превосходить остальные народы Синьцзяна. Следующий фактор вытекает из предыдущего. Из-за того, что китайцы так и не стали доминирующим народом в Синьцзяне, местная администрация, не знавшая арабской письменности, исламских норм и тюркских языков, оказалась в зависимости от местной элиты [6, р. 72]. Без их посредничества управлять провинцией было попросту невозможно, что вынуждало сохранять автономию тюркских народов. Третий фактор заключается в том, что экономически Синьцзян был ориентирован на внешнюю торговлю, в первую очередь с Россией. Торговля велась через районы Бухары и Семиречья, чьи жители этнически, религиозно и культурно были ближе к местному населению, нежели жители прочих провинций Китая. Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что за время существования в Синьцзяне тюркских и монгольских народов, они сформировали собственные самобытные и

вполне самодостаточные культуры, испытывавшие лишь поверхностное влияние Китая. Это выражалось, например, в предметах быта, костюме, некоторых привычках [5, р. 37.]. Сохранение автономии и сложившегося уклада жизни среди тюрков и монголов не способствовало ассимиляции, а наоборот, укрепляло их идентичность, создавало условия для последующего осознания близких тюркских общностей как единого народа, который мы сейчас знаем как уйгуры.

Таким образом, национальная политика в Синьцзяне в период цинского господства была направлена на синизацию и ассимиляцию подвластного населения. Предоставление же автономии монголам и тюркам было вынужденной мерой, а не стремлением сохранить национальное разнообразие. Однако, ряд факторов, о которых было сказано выше, воспрепятствовал полноценной синизации провинции. Несмотря на это, внутреннее положение Синьцзяна долгое время было стабильным, что вполне устраивало Пекин. Таким образом, несмотря на попытки ассимиляции, суть национальной политики Цинов свелась к тому, чтобы поддерживать общественный порядок и стабильность в провинции. Пользуясь этим, империя Цин экономически эксплуатировала население в форме жёсткой налоговой политики.

После того, как в ходе Синхайской революции 1911–1913 гг. монархия в Китае была упразднена, власть в провинции захватил местный высокопоставленный чиновник Ян Цзэнсинь, опираясь на верные ему лично войска, набранные из дунган. Став независимым руководителем Синьцзяна к 1915 г., Ян Цзэнсинь столкнулся с проблемой сохранения собственной власти. Проблема вытекала из того, что, в условиях отсутствия реального контроля центральной власти над западной окраиной некогда единого государства, новому независимому губернатору пришлось опираться только на собственные ресурсы. Это, в свою очередь, приводило к повторному росту налогов и, как следствие, увеличению злоупотреблений власти, о чём мы можем судить исходя из докладов английского дипломата К. П. Скринна [10, р. 86–88.]. Кроме того, в период с 1914 по 1917 гг. торговля с Российской империей сокращалась, а после революции в России и начала Гражданской войны торговля и вовсе прекратилась, спровоцировав тяжёлый экономический кризис в Синьцзяне. Дальнейшее распространение пантюркистских идей среди знати тюркских народов, о чём ещё до Синхайской революции говорил английский дипломат Д. Макартни [9, р. 18–19.], и рост коммунистических идей среди немногочисленных рабочих Синьцзяна [1. с. 223.] создавали сложную внутреннюю ситуацию. Сохранить собственную власть для администрации Ян Цзэнсиня было

исключительно важной задачей. Для этого губернатор Синьцзяна продолжил придерживаться национальной политики династии Цин, с небольшими нововведениями.

Новый губернатор Синьцзяна практиковал переселение оседлых уйгуров в Джунгарию, создавая конфликты между ними и кочевыми казахами и киргизами [7, р. 16.]. Кроме того, Ян Цзэнсинь прибегал к найму представителей местных народов на мелкие должности в управленческом аппарате, создавая иллюзию вовлеченности подвластных народов в управление собственной страной. Помимо этого, он стремился подавлять национальное самосознание местных народов, которое динамично развивалось под воздействием джадидистских школ и Коминтерна. Дважды, в 1914 и в 1925 гг. закрывались джадидистские школы, обязательным условием для работы медресе было изучение китайского языка, пресса подвергалась строгой цензуре [11, р. 218–219]. Кроме этого, местным жителям запрещалось говорить с иностранцами, а путешественникам создавались максимально неудобные условия для передвижения по провинции. Таким образом, в период с 1918 по 1928 гг., вплоть до своей смерти, политика Ян Цзэнсиня становилась всё более репрессивной по отношению к местным народам. Цель не изменилась – поддерживать порядок в провинции, однако дополнилась новой задачей. Она заключалась в подавлении национального развития, в дополнение к сохранению стабильности в провинции для сохранения собственной власти. Однако, не только за счёт репрессивных мер поддерживалась власть Ян Цзэнсиня. Прекрасно понимая, что синизировать провинцию не получится, губернатор выступал за необходимость сохранения автономии тюрков и монголов и никогда не вмешивался во внутренние дела подвластных народов. Именно это, несмотря на тяжёлое экономическое положение широких слоёв населения, обеспечивало стабильность власти Ян Цзэнсиня.

Несмотря на предпринимаемые меры, в 1920-е гг. медленно, но верно, шло развитие национального самосознания тюрков. В 1922 г. местными сторонниками джадидизма, укоренившегося в Синьцзяне еще в начале XX в. при поддержке местных коммунистических ячеек, была издана «История таранчийских тюрков», ставшая отправной точкой в развитии уйгурского самосознания. В 1924–1925 гг. среди уйгурских студентов, обучающихся в СССР, возникают альтернативные названия Синьцзяна как «Кашгаристан» или «Уйгурстан» [6, р. 184]. Этот факт может свидетельствовать о росте национального самосознания среди уйгуров, по крайней мере, среди их интеллигенции. Н.К. Рерих в своём дневнике, описывая путешествие по Синьцзяну, говорит о том, что

несмотря на отсутствие общественных выступлений при Ян Цзэнсине, местные народы отнюдь не поддерживали власть губернатора и желали освобождения от неё, жаловались на притеснения и налоговый гнёт [3, с. 127.].

После убийства Ян Цзэнся в 1928 г., новый губернатор Синьцзяна Цзинь Шужэн перестал следовать политике предшественника. Новая администрация начала ущемлять мусульманских предпринимателей в пользу китайских. В 1929 г. разразился мировой экономический кризис и Великая депрессия затронула Китай. Резкое падение цен на сельскохозяйственную продукцию привело к обнищанию населения. Это наложило на недалёковидное решение Цзинь Шужэня по повышению сельскохозяйственного налога. На фоне такой тяжелой экономической ситуации в провинции, администрация Шужэня предприняла попытку унификации управления и ассимиляции местных народов. Глумление над религиозными чувствами синьцзянских мусульман (например, запрет отправляться в Хадж) вместе с тяжелым материальным положением широких слоёв населения привело к тому, что уже весной 1929 г. в Синьцзяне возникли локальные очаги сопротивления губернатору [7. р. 43.]. Общественное недовольство достигло пика после ликвидации автономии Кумульского ханства, что стало поводом к восстанию, которое быстро захлестнуло весь Синьцзян. Автор статьи вынужденно опускает подробности восстания, т.к. оно не является предметом рассмотрения, а поэтому сразу переходит к его итогам. Несмотря на то, что восстание было подавлено, оно привело к свержению Цзинь Шужэня и установлению власти Шэн Шицая в 1934 г. Администрация Шэн Шицая нашла выход из сложившейся ситуации в пересмотре национальной политики. Был совершен переход к сталинскому варианту национальной политики в СССР, что ознаменовало новый этап в истории национальной политики Синьцзяна.

В итоге следует констатировать, что национальная политика в Синьцзяне в период с 1884 по 1934 гг. сводилась к следующему: поддержание общественного порядка за счёт сохранения автономии местных народов и, пользуясь этим, подвергать экономической эксплуатации местное население. Основы данной практики были наложены Цинской империей вскоре после завоевания Синьцзяна в последней трети XIX в. Автономия местных народов заключалась в поддержании их традиционного образа жизни, сохранении их национальной культуры и религии. Для тюркских народов в рамках их автономии разрешалось самостоятельно разбирать мелкие уголовные и гражданские правонарушения. Для монгольских народов автономия

заклучалась в сохранении собственных ханств. Попытки синизации провинции, предпринимаемые империей Цин в течение 1884–1911 гг., провалились по ряду причин: малочисленность китайского компонента, ориентация синьцзянской экономики на внешнюю торговлю, прочные торговые и культурные связи тюркского населения с областями Семиречья, Бухары, Центральной Азии, сохранение собственной национальной идентичности в условиях автономии. Это предопределило национальную политику империи Цин в сохранении автономии для тюркских и монгольских народов. Сначала династия Цин, а затем независимый губернатор Ян Цзэнсинь пользовались благодаря этому лояльностью местной знати, чем пользовались для экономической эксплуатации широких слоёв населения, что выражалось в жёсткой фискальной политике. После смерти Ян Цзэнсиня и прихода к власти Цзинь Шужэня, новая администрация продолжила эксплуатировать население, но пренебрегала сохранением автономии местных народов. Вместе с падением цен на сельскохозяйственную продукцию в конце 1920-х гг. и обнищанием населения это привело к Кумульскому восстанию. Несмотря на тот факт, что восстание было подавлено, власть Цзинь Шужэня была свергнута и к власти пришёл Шэн Шицай. Кумульское восстание послужило основной причиной пересмотра национальной политики при новой администрации, что привело к внедрению советской модели национальной политики. Значимость рассмотрения национальной политики в Синьцзяне в 1884–1934 гг. заключается в том, что события политической и экономической истории Синьцзяна демонстрируют то, что несмотря на автономию, которая была предоставлена местным народам, она ими же нарушалась. Ужесточением фискальной политики привело, в конечном счёте, к восстанию широких слоёв населения против властных структур со всеми вытекающими из этого последствиями.

Библиографический список

1. Бармин В. А. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. 2016. № 2. С. 209–244.
2. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул : АзБука, 2003. 346 с.
3. Рерих Н. К. Алтай – Гималаи: путевой дневник / предисл. К. Брэгдона. Рига: Виеда, 1992. 336 с.
4. Astor W. W. Chinese personalities // Journal of the Central Asian Society. V. 18. 1931. № 1. P. 136–158
5. Bellér-Hann I. Community matters in Xinjiang, 1880–1949: Towards a Historical Anthropology of the Uyghur. Brill: China studies, 2008. 476 p.
6. Brophy D. Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russia- China Frontier. London: Harward university press, 2016. 362 p.

7. Forbes A. D. W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge : Cambridge University Press. 1986. 251 p.

8. Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia. Boston: Little, Brown and Company, 1950. 290 p.

9. Macartney G. Eastern Turkistan: the Chinese as rulers over an alien race // Proceedings of the Central Asian Society. 1909. P. 18–19.

10. Skrine C. P. Chinese Central Asia. London: Methuen & Co, 1926. 420 p.

11. Skrine C. P. Macartney at Kashgar. New light om British, Chinese and Russian activities in Sinkiang. Routledge: Taylor & Francis Group, 2005. 305 p.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ: ОПЫТ ЧЬЯПАСА

THE WOMEN'S ISSUE IN THE CONTEXT OF NATIONAL MOVEMENTS: THE CHIAPAS CASE

А.Н. Селимова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.N. Selimova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье проводится анализ опыта штата Чьяпас и Сапатистской армии национального освобождения в вопросе строительства прогрессивных этно-гендерных отношений. Представляется, что опыт развития агентности женщин в контексте революционных действий на территории Свободного и Суверенного Штата Чьяпас может быть полезным при определении курса прогрессивного строительства этно-гендерных отношений на территории постсоветского пространства.

Annotation. The article analyzes the experience of the State of Chiapas and the Zapatista Army of National Liberation in the issue of building progressive ethno-gender relations. It seems that the experience of developing women's agency in the context of revolutionary actions in the territory of the Free and Sovereign State of Chiapas can be useful in determining the course of progressive construction of ethno-gender relations in the territory of the post-Soviet space.

Ключевые слова: женщины, этничность, гендер, этнический национализм, национальные движения, сапатисты.

Keywords: women, ethnicity, gender, ethnic nationalism, national movements, Zapatistas.

Глубокие связи между этничностью и политикой (государственным национализмом) не являются открытием. Тем не менее, сильный примордиалистский импульс, начавшийся с недиалектической (сталинистской) редакции понятия этноса, способствовал сокрытию в постсоветском научном дискурсе пересечений сложных систем

угнетения, с которыми этничность диалектически сосуществует. Одной из таких систем является патриархат.

Когда мы говорим о каких-либо движениях, мы не говорим о Человеке вообще. Зачастую активным участником политических движений мы видим мужчину – это связано с долгой историей вытеснения женщины в категорию «Другого» [1, с.10-11]. История революций длится на протяжении всей истории человечества – женщины же слышны и видимы в этом процессе лишь с конца XIX-го века. Однако опыт уже XX-го века показывает, что дальнейшая практика невозможна без участия женщин и, более того, без поднимания женского вопроса, то есть без дискуссии о пересечении патриархата, классовой проблемы и этничности.

Если речь заходит о национальных движениях, мы тем более редко вспоминаем о женщинах. Сохраните «культуры народов», зачастую дискриминируемых, идет под лозунгами традиционализма. Но в этой статье мы хотим показать, что такая проблема справедлива только в тех случаях, когда сохранение культуры проводится сверху, то есть искусственно.

Целью данной работы является изучение трансформации статуса женщины в контексте национально-освободительных движений (этнического национализма). Ставится задача выявления развития опыта этнической агентности¹ женщины, его прогрессивная роль в контексте революционных действий на территории Мексики, конкретно на территории Свободного и Суверенного Штата Чьяпас. В качестве объекта исследования выступает революционное националистическое движение, рассматриваемое нами на примере движения сапатистов. Предметная область определена нами как опыт влияния растущей агентности женщины на революционное националистическое движение в штате Чьяпас.

Теоретико-методологическую рамку исследования составили сравнительно-исторический и марксистский (неомарксистский) подходы. В работе использован комплексный анализ научной литературы и локальной публицистики (сайт). Изучением связи этнического и женского вопросов занимались А. Дэвис, Д. Батлер, Ш. Руботэм.

---

¹ Этническая агентность понимается как способность осознанно влиять на процесс формирования этничности с позиции той группы, к которой принадлежит личность (например, формировать новый образ женщины в мифологии с женской позиции).

1. Постановка проблемы: конструирование этногендерных установок Сегодня фиксируется общий кризис социологии на постсоветском, в частности российском пространстве (См. например, Г.Е. Зборовский, И.В. Задорин и др.), который затрудняет конструирование прогрессивных этно-половых отношений. Во-первых, за исключением отдельных случаев мы видим, что качественная социология на постсоветском пространстве обнаруживает свой крайне не гибкий, не подверженный влиянию мощных общественных тенденций, а часто и прямо реакционный характер. Во-вторых, социология оказалась сведена почти исключительно к количественным методам и зачастую служит «статистическим бюро» для государственных и частных структур и организаций. В-третьих, многие темы оказываются табуированы ввиду их глубокой исторической травматичности или, напротив, идеализированности. Так, скрытыми остаются исследования феноменов терроризма, низовых, андеграундных и протестных движений; процессов шоковой либерализации, присоединения новых территорий, вооруженных конфликтов. Поскольку тема конструирования этно-половых отношений тесно связана с прочими проблемными феноменами и процессами, она становится «невидимой», выпадает и из научной, и из низовой дискуссии.

Для преодоления последней проблемы предлагается дистанцироваться от постсоветского опыта конструирования этногендерных отношений при сохранении ключевых характеристик для анализа путей этого конструирования. Вопрос взаимосвязи и взаимовлияния этнических и феминистских движений можно проследить на большом историческом материале индийского автономного движения (Сапатистская армия национального освобождения, далее САНУ) [8;11;14].

Для качественного анализа взаимодействия категорий «этничность» и «женщина» в революционных националистических движениях необходимо установить сложную диалектическую связь между такими категориями, как класс, личность и гендер.

Классовый фактор был введен в националистический (этнический) дискурс, когда революционные движения первой половины XX-го века начали осмысляться на материале многонациональных империй (К. Каутский, В. Ленин). Появилось понимание, что национальная буржуазия в контексте левого поворота стоит от прогрессивных националистических движений так же далеко, как и всякая буржуазия вообще. Включение личностного фактора было подготовлено А. Грамши (концепция активного гражданского общества), К. Коршем и Д. Лукачем

(революционное сознание вне революции), а позже выразилось во французском экзистенциализме и Франкфуртской школе. Последние, в свою очередь, оказали широкое влияние на протестное движение 1960-х и революционное действие 1970-80-х годов, поскольку активные революционные группы XX-го века были малочисленными и, соответственно, ярче осознавали свою индивидуальность в кооперации с другими группами.

2. *Сапатистская армия национального освобождения*. Случай САНО уникален именно потому, что они ориентировались на людей, не отдалялись от них. Практика для САНО вообще – главный критерий для выработки курса теории. Вероятно, именно отсутствие скованности теорией – одна из важнейших причин, по которой САНО успешно существует и функционирует до сих пор. И это при том, что восстания индейцев Латинской Америки до этого никогда не заканчивались очевидной победой.

Между тем практика САНО не может измеряться категорией *Realpolitik*¹. Организация ставит перед собой цели выше, чем простая стабилизация положения коренных народов или формальное признание их прав властями не только Мексики, но и другими государствами. Лучше всего это видно на их гендерной политике.

САНО изначально говорили о женщине и этносе. Диалектическая связь пола, этноса и класса стала одной из магистральных линий их борьбы – при том, что даже среди основного населения Мексики распространены патриархальные установки, в том числе мачизм, нормализация домашнего насилия. [9] Мексика – страна с беспрецедентным уровнем фемцида, то есть «преступлениями на почве ненависти к женщинам, потому что они женщины». В 2012 году Мексика заняла 16 место в топе стран с самым высоким уровнем убийств женщин. [10]

Важно понимать контекст, в котором САНО сформировались.

В 1980-х годах «экономические барьеры» помешали подъему нормы накопления и прибыли капитала, и уже с 1990-х годов Мексика начала движение к тому, чтобы стать частью неолиберальной системы².

---

¹ *Realpolitik* – политический курс, суть которого заключается в стремлении руководствоваться практическими соображениями, а не идеалистическими. (Политология. Словарь. В.Н. Коновалов. 2010).

² Неолиберализм характеризуется полной свободой рынка (отсутствием регуляции цен, дерегулированием рынков капитала, открытием торговых границ) и уменьшением доли государства в экономике (масштабной приватизация, ликвидацией социальной сферы).

Произошел подъем конкурентоспособности отдельных отраслей экономики. Этот переход повлиял не только на внешнюю, но и внутреннюю политику страны: любая имеющая власть группа теперь вынуждена была подчиняться логике неолиберальной системы [3].

На самом деле не имело значения, какие меры правительство выдвигало по защите женщин, поскольку экономическая эксплуатация является основанием системы. Корпорации целенаправленно строили предприятия в штатах с самой дешевой рабочей силой. Женщинам там платили еще меньше (логика пересечения угнетения по полу и классу), что повлияло на уровень занятости мужчин и спровоцировало крайние проявления мачизма. Добавилось к этой ситуации и то, что часто корпорации находились в прочной сцепке с бандами и наркокартелями, где уровень мизогинии и количество фемицида также был велик [13].

Фемицид в Мексике – не исключительный случай и не простая традиция. Это – устойчивый тренд, который начал обозначаться с момента поглощения Мексики неолиберальной системой. Конечно, от неолиберализма страдали не только женщины, и очень скоро миф о всеобщей свободе и независимости (исключительно в рамках неолиберального мира) был разоблачен – особенно сильно это проявилось в 1994-м году.

Итак, САНУ активировались именно в 1994-м, одновременно с НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле), которое нацелилось на Мексику в том числе из-за неразвитого трудового и экологического законодательства.

Почему САНУ концентрировались именно в Чьяпасе? Как было отмечено выше, корпорации целенаправленно строили предприятия в штатах с наиболее дешевой рабочей силой. О. Ясинский отмечает, что Чьяпас занимает 75 634,4 км², а его население составляет 3,5 млн. чел. В штате производится 55% гидроэлектроэнергии, 35% кофе, значительная часть нефти, газа, дерева, меда, крупного рогатого скота и кукурузы. Большая часть этой продукции идет на экспорт и «приносит стране доход в валюте». Между тем 2/3 населения живет в сельской местности, оплата труда у 90% из них является минимальной или же просто отсутствует. Абсолютное большинство детей не оканчивало начальную школу. Половина населения голодало. В Чьяпасе была самая высокая смертность по стране: больше 15000 случаев в год, «в подавляющем большинстве случаев дети, как правило, от излечимых болезней: воспаление легких, дизентерия, тиф, малярия и т.д.» [4] Естественно, условия жизни индейцев – только отчасти результат испанской экспансии, огромную роль сыграла политика неолиберализма.

Основное место работы САНО – сельвы, отрезанные от городов, и в итоге организация практически полностью отделила себя от буржуазной организации отношений, культуры (в том числе от школы), экономики. А редкие вмешательства в политическую систему Мексики только показывают, что САНО не консервируется, продолжает развиваться и готова видеть альтернативы.

Такой радикальный разрыв с буржуазной системой, вероятно, упростил процесс переработки патриархальной культуры, которая к 1994-му году сформировалась в среде индейцев цельталь, цоциль, чоль, соке, тохолабаль, лакандон и мам – основных этнических групп внутри сельв САНО. Это был синтез наследия коренной индейской культуры и культурных элементов, которые оказались следствием экспансии Испании, и, естественно, никакими мерами сверху или попытками повторить чужую практику женскую проблему в Чьяпасе было не решить.

Проблема неграмотности среди коренного населения требовала сложного подхода к пропаганде и закреплению сапатистской (то есть антикапиталистической и антипатриархальной) идеологии. Еще Субкоманданте Маркос начал придавать пропаганде форму «упрощенного» мифа или поучительной сказки. Он же начал вводить образы женщин и девочек, наследующих сапатистским принципам. [5; 15]. Так, одной из главных тактик сапатистов стало формирование новой мифологии и архетипов внутри нее. Значимым женским архетипом стала Команданта Рамона [12]. Кроме того, что в качестве метода борьбы с вождизмом и культом личности выступала анонимность. Она, похоже, помогла еще больше архетипизировать значимые фигуры в командовании.

Другими важными компонентами сапатистской практики являются семинары и интернациональные съезды, а также участие женщин в командовании САНО, которые стоят выше субкоманданте-мужчин и зовутся командантами [7]. И, самое главное, искоренение случаев фемцида внутри сельв – то есть контроль и сведение на ноль любых преступлений против женщин на основе самоуправления [2].

Одним из главных шагов вперед, которые сделали сапатистки, стал диалектический выход за пределы этничности через ее учет. Этот тезис формулируется на интернациональном съезде Команданте Амадой: «Мы думаем, что разница – мощная сила, если есть уважение и есть согласие сражаться вместе [...] Но если мы исчезнем, если нас убьют, изменится число: жертвой больше, женщиной меньше. Как будто могущественный хозяин хочет ясно дать понять, что главное – это его прибыль, а не наша

жизнь [...] И если это жизнь женщины, то она стоит ещё меньше. Вот почему мы, как сапатистки, то есть антикапиталистки и антипатриархалки, думаем о том, почему система так поступает. Похоже, наши насильственные смерти, наши исчезновения, наша боль – это выгодно для капиталистической системы. Там, наверху, они говорят о правах, завоеванных несколькими женщинами [...] И мы уже говорили это много раз, товарищ и сестра, но теперь мы повторяем это: право на жизнь и все права, которые мы заслуживаем и нуждаемся, нам никто не отдаст добровольно. Он не даст нам их плохим, хорошим, обычным или каким-либо образом. Капиталистическая система не даст нам столько законов и обещаний [...] Мои коллеги-координаторы встречи поручили мне сказать вам эти слова, потому что я мама девочки, и она здесь со мной. Потому что наш долг, как женщин, которые сражаются – защищать себя и всех. Особенно, если женщина – маленькая девочка. Мы должны защищать ее и защищать всё, что у нас есть [...] И научить девочек защищать себя и защищаться, когда они уже вырастают и имеют свои собственные силы. Вот в чем дело, сестра и товарищ, мы должны жить в обороне. И мы должны научить наших детей расти в обороне. Так до тех пор, пока они не смогут родиться и жить без страха» [6].

Итак, будущее девочки – уже свободной, находящейся в безопасности, имеющей доступ к лекарствам, живой, – одна из главных целей сапатисток и сапатистов [15]. И снова эта цель выходит не из теоретизирования, а из практики. САНО поддерживается и поддерживает огромное количество левых феминистских организаций, потому что, полагают сапатистки, без половины человечества, без женщин нельзя достичь ни прогресса, ни краха капитализма – то есть нельзя ни устранить фемицид, ни революционизировать (изменить коренным образом) этническую культуру.

Важнее всего для нас, что САНО дала новый импульс партизанской (в том числе этнической националистической) борьбе во всех странах так называемого «третьего мира» и, прежде всего, геттоизированным группам.

3. Заключение. Вопрос взаимосвязи и взаимовлияния этнических (националистических) движений и женского вопроса в штате Чьяпас показывает нам, что нет никаких противоречий между традиционной этнической культурой и женским освобождением. Более того, пример Чьяпаса говорит, что в действительности без женского освобождения этническая культура не сможет сохраниться и развиваться. Консервативность, закрытость, традиционализм губительны для общества – они препятствуют его обновлению и развитию.

Поскольку деятельность САНО напрямую связана с противодействием неолиберализму, в который активно включено все постсоветское пространство, ее опыт представляет для нас крайний интерес. На постсоветском пространстве есть огромное количество этнических групп, сохранивших патриархальные гендерные установки. Это имеет свои последствия: декриминализованный или легитимизированный традицией фемицид, отсутствие качественного представительства женщин во всех структурах как акторов, общая стагнация этнической культуры.

Полагаем, что такие конструкции как «традиционные ценности» являются прямо противоположными тем, что конструируют сапатисты. «Традиционные ценности» являются симулякром, который лишает гендерные нормы контекста, то есть снова исключает их из диалектической связи с полом и этничностью. Между тем «традиционные ценности» являются переизобретением Традиции, которое создается для перераспределения капитала в пользу групп уже имеющих власть. Опыт сапатистов показал, что возможно сконструировать этногендерные установки таким образом, чтобы добиться освобождения женщин и других угнетаемых групп.

Библиографический список

1. Бовуар, С. де Второй пол. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 928 с.
2. История сапатистов: революция, автономия и альтерглобализм // Вестник бури : URL:<https://vestnikburi.com/istoriya-sapatistov-revolucziya-avtonomiya-i-alterglobalizm/> (дата обращения 04.11.2024).
3. Майданик К., Пятаков А.Альтерглобалистское движение в Латинской Америке: исторические корни, структура, борьба против проекта ALCA. Сен-Жюст:URL:<https://saint-juste.narod.ru/maidanik2.html> (дата обращения 04.11.2024).
4. Предисловие О. Ясинского к первой книге субкоманданте Маркоса, изданной в России // Скепсис : URL:https://scepsis.net/library/id_574.html (дата обращения 04.11.2024).
5. Субкоманданте Маркос Четвертая мировая война / Субкоманданте Маркос // Москва : Ультра. Культура, 2005. – 505 с.
6. У женщин сейчас отсутствует самое главное право – право на жизнь // Московский женский музей : сайт – 2019. URL:<https://www.wmmsk.com/2019/12/zapatista/> (дата обращения 04.11.2024).
7. Шестая Декларация Лакандонской сельвы // Скепсис: сайт – 2005. URL:https://scepsis.net/library/id_577.html (дата обращения 04.11.2024).
8. Bellamy C. Insurgency, Land Rights and Feminism: Zapatista Women Building Themselves as Political Subjects. *Agrarian South: Journal of Political Economy*. – 2021. – vol. 10, issue 1. – P. 86 – 109.
9. Chavez-Aguayo M.A., Freeman C.G.Machismo and femicide: Sharing culture and difficult heritage in Mexico. *Historic Environment*. 2020. 32(1), P. 36–53.
10. Femicide and Impunity in Mexico: A context of structural and generalized

violence // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights : сайт 2012.
URL:https://www2.ohchr.org/english/bodies/cedaw/docs/ngos/CDDand_CMDPDH_forthesession_Mexico_CEDAW52.pdf (дата обращения 04.11.2024).

11. Harvey, N. The Zapatistas, Radical Democratic Citizenship, and Women's Struggles. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 1998. vol. 5, issue 2. P. 158–187.

12. Keating, B.K. *Imagining Ramona: The Mythologization and Martyrdom of a Zapatista Resistance. Fighter* The University of Regina (Canada), 2020.

13. Olivera, M. *Violencia Femicida / M. Olivera // Latin American Perspectives*. 2006. vol. 33, no. 2, pp. 104–114.

14. Speed S., Hernández R. A., Stephen C., Stephen L. M. *Dissident Women: Gender and Cultural Politics in Chiapas*. University of Texas Press Copyright year, 2006 –280. p.

15. Third Part: Deni // *Enlace Zapatista* : сайт – 2023.
URL:<https://enlacezapatista.ezln.org.mx/2023/11/03/third-part-deni/> (дата обращения 04.11.2024).

РАЗДЕЛ IV. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.¹

FORMATION AND ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE LENINGRADSKY DISTRICT OF THE KRASNODAR REGION AT THE END OF THE 18TH – FIRST HALF OF THE XX CENTURIES

О.В. Матвеев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

O.V. Matveyev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования и этнического состава населения Ленинградского района Краснодарского края. Исследуя этнические процессы, автор показывает, что основу состава населения составили русский и украинский компоненты станиц, хуторов и поселков района, белорусские переселенцы 1930-х гг., а также представители отдельных этнических групп: латышей, армян, немцев и др. Пройдя через нелегкие испытания революциями, социальными экспериментами, войнами, понеся непоправимые потери, «ленинградцы» обрели черты целостного образования, единство которого определяется традиционным опытом совместного хозяйственно-культурного освоения степей челбасско-сосыкского междуречья, подвижничеством созидания, самобытностью духовного наследия, преемственностью поколений.

Abstract. The article discusses the formation and ethnic composition of the population of the Leningrad region of the Krasnodar region. I explore ethnic processes, the author shows that the basis of the population composition was made up of the Russian and Ukrainian components of the villages, farms and settlements of the region, Belarusian settlers of the 1930s, as well as representatives of individual ethnic groups: Latvians, Armenians, Germans, etc. Having gone through difficult trials revolutions, social experiments, wars, having suffered irreparable losses, the «Leningraders» acquired the features of a holistic education, the unity of which is determined by the traditional experience of joint economic and cultural development of the steppes of the Chelbassy-Sosyk interfluve, the asceticism of creation, the originality of the spiritual heritage, and the continuity of generations.

---

¹ Статья написана в рамках проекта РНФ № 24-18-20096 «Исторические закономерности развития городов, станиц и сел Краснодарского края в конце XVIII – начале XXI вв».

Ключевые слова: Ленинградский район, этнические процессы, формирование состава населения, станицы, хутора, русские, украинцы, белорусы, латыши, немцы, армяне.

Keywords: Leningrad region, ethnic processes, formation of the population, villages, farmsteads, Russians, Ukrainians, Belarusians, Latvians, Germans, Armenians.

Несмотря на имеющиеся работы по этническим, демографическим и миграционным процессам на территории Краснодарского края (В.Н. Ракачѳв, Е.В. Тѳр, М.Ю. Макаренко и др.) не теряет актуальности изучение отдельных локусов и населенных пунктов, микроисторические изыскания. Статья посвящена формированию и этническому составу населения Ленинградского района Краснодарского края в конце XVIII – первой половине XX вв. Основную роль в этот период сыграла казачья и крестьянская колонизация, в которой приняли участие прежде всего различные группы южнорусского, восточнoукраинского и белорусского населения.

Станица Ленинградская была основана в 1794 г. казаками Уманского куреня Черноморского казачьего войска как Уманское куренное селение. Свое название курень получил от г. Умани. При распределении мест под куренные селения уманцам выпал жребий поселиться «от устья Сасык Еи вверх за 70 вѳрст». В действительности, согласно ведомости расположения куренных селений 1795 г., Уманское селение расположилось «при впадении в Сасык малой речки здоровой воды» в 15 верстах от границы [9, с. 460]. В 1800 г. в селении насчитывалось 42 дома, проживали 340 чел. (225 муж., 115 жен.), в начале 1809 г. – 314 чел. (187 муж., 127 жен.). В ходе первого пополнения Черноморского войска в 1809–1811 гг. в Уманское куренное селение прибыли 55 семей (1270 муж., 1124 жен.) [22, с. 93] из сел Погибки и Ивахников Полтавской губернии и сѳл Чемира, Кончиев и Церковьщ Черниговской губернии. В 1842 г. куренное селение было преобразовано в станицу Уманскую, которая стала центром Ейского округа Области Войска Черноморского. В 1848–1849 гг. в ходе третьего пополнения Черноморского войска сюда были распределены ещѳ около тысячи переселенцев из Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний [23, с. 69–70]. Этническую принадлежность выходцев из малороссийских губерний характеризуют местные старожильческие фамилии: Андрющенко, Балаклеец, Бондаренко, Буняк, Бурко, Гараган, Гарбуз, Дегтярь, Дрофа, Душеба, Ермоленко, Заичко, Запорожец, Захарченко, Иваненко, Иващенко, Кардаш, Коваленко, Козик, Козленко, Козырь, Котляр, Куница, Кучур, Лукаш, Павлоградский, Палий, Панасенко, Пацапай, Пацок, Пинчук, Почѳма, Проскура, Радионенко,

Рудик, Сахно, Семергей, Стетюха, Тищенко, Тронь, Убей-Кобыла, Устименко, Чепига, Чернобров, Чубатый, Шкодий, Федоренко, Филобок, Фисенко, Фоменко, Ярмоленко, Ячушко и др.

По переписи 1897 г. в ст. Уманской проживало 11652 чел. (5853 муж., 5799 жен.), из них 7980 чел. (3969 муж., 4011 жен.) принадлежали к казачьему сословию, 3672 (1884 муж., 1788 жен.) – к иногородним. По родному языку 336 семей считали себя русскими, 1694 – малороссами, 6 семей – белорусами, 32 семьи проходили как «другие европейские языки», 3 семьи – горские [8, с. 100–103].

По переписи 1926 г. в ст. Уманской состояло 4353 хозяйств, проживали 20727 чел. (9733 муж. муж., 10994 жен.), в том числе назвавшие себя казаками – 14525 чел. (6727 муж., 7798 жен.), украинцами – 17008 (муж. 7894, жен. 9114), великороссами – 3077 (1432 муж., 1645 жен.) [12, с. 184].

Вторая по численности станица района – Крыловская – была основана как «новоустроивающееся селение Новочелбасское» весной 1822 г. 12 апреля 1822 г. сюда прибыли 35 семей из Пирятинского уезда Полтавской губернии во главе со старейшиной Саввой Фесечка [21, с. 74]. Кроме того, сюда перевели семьи из Лубенского (Саблевы, Колодяжные, Мерзлик, Чмыхало, Редька, Сидоренко, Макаренко, Тимченко, Комисаренко. Самойленко, Лень, Герич, Стиценко, Иванченко, Рудь, Кондратенко, Филоненко, Архипенко, Петренко и др. [1, л. 6–9; 13–14]), Роменского (Бойко, Андреенко, Самитон, Кулик, Петик, Корчак, Панащенко, Мохиенко, Прокопенко и др.) и Прилуцкого (Устименко, Сидоренко, Левченко, Петренко, Чистик и других [1, л. 26–28]) поветов Полтавской губернии, Борзенского (Бабич, Костенко, Михайленко, Вялые, Андреенко, Попаденко, Бреус, Сахно и др. [1, л. 41–42]) и Неженского (Дорошок, Милич, Земенко, Горбань и др. [1, л. 41–42]) поветов Черниговской губернии. Из старого Крыловского куреня в селение Новочелбасское попали лишь в 1823 г. семьи Чуприна. Вербицких, Козинец и Третьяк [1, л. 5], главы которых вскоре скончались после переселения. 9 июня 1827 г. по решению Войсковой канцелярии Крыловское и Леушковское селения были объединены в одно Леушковское куренное селение. Чтобы сохранить историческое название Крылевского куреня, происходившего от г. Крылов, тем же «определением» было решено присвоить название «Крилевское» селению Новочелбасскому [9, с. 436].

В 1842 г. селение Крилевское было преобразовано в станицу Крыловскую. В 1848 г. в ходе третьего пополнения Черноморского казачьего войска малороссийскими казаками в ст. Крыловской осели 718

переселенцев (105 семей) из Стародубского, Сосницкого, Остерского, Кролевецкого и Новгород-Северского поветов Черниговской губернии [9, с. 436]. о переписи 1897 г. в ст. Крыловской проживало 6156 чел. (3127 муж., 3029 жен.), из них 3195 чел. (1580 муж., 1615 жен.) принадлежали к казачьему сословию, 2961 (1547 муж., 1414 жен.) – к иногородним. Грамотными были 944 муж. (517 – казаки, 427 – неказаки), 197 жен. (80 казачек и 117 иногор.). 1172 семей были православными, 3 – староверческие, 14 семей были зафиксированы как «другие христиане», 2 семьи – «магометане». По родному языку 48 семей считали себя русскими, 1113 – малороссами, 6 семей – белорусами, 28 семей проходили как «другие европейские языки», 3 семьи – «другие неевропейские языки» [8, с. 83–84].

По переписи 1926 г. в ст. Крыловской имелось 1937 хозяйств, проживали 9427 чел. (4345 муж., 5082 жен.), все назвали себя украинцами [13, с. 15].

Ст. Новоплатнировская ведет свое начало от хутора, основанного в 1881 г. на р. Челбас. В мае 1871 г. жители малоземельной станицы Платнировской обратились с ходатайством в Кубанское областное правление о выделении им дополнительного надела земли. Но лишь в 1875 г. после окончания межевания основных станичных юртов платнировцам был выделен участок площадью около 17 тыс. десятин вблизи станицы Крыловской, на р. Челбас. В 1881 г. из Платнировской выселилось на дополнительный надел 36 семей. По сведениям за 1882 год он значился как «хутор Платнировских жителей», в котором имелось 65 дворов и проживало 450 человек, из них 375 казаков. В 1883 г. хутор получил официальное наименование – Челбасский. Переселение платнировцев жителей на дополнительный надел продолжалось и в последующие годы. По переписи 1897 г. на хут. Челбасском проживало 2175 чел. (1123 муж., 1052 жен.), из них 1543 чел. (796 муж., 747 жен.) принадлежали к казачьему сословию, 632 (327 муж., 305 жен.) – к иногородним. По родному языку 69 семей считали себя русскими, 331 – малороссами [8, с. 83–84].

При хуторе Челбасском имелись ещё небольшие хутора, где проживало в основном иногороднее население. Оно насчитывало 930 чел. (496 муж., 434 жен.), казаки составляли 7 чел. (5 муж., 2 жен.), неказаки 923 чел. (491 муж., 432 жен.) [8, с. 83–84].

Хутор рос и в 1909 г. был преобразован в станицу, которая получила наименование «Новоплатнировская». Старожильческие фамилии представляли украинскую этнографическую группу: Бандурко, Бессалые, Берестовые, Величко, Ворона, Головка, Деркач, Диброва,

Дробот, Жидко, Забава. Заика, Колесник, Коркишко, Кульбава, Малаховы, Малые, Левченко, Лега, Приймак, Павлюк, Сало, Тарута, Трофименко и др. По переписи 1926 г. в ст. Новоплатнировской имелось 976 хозяйств, проживали 4772 чел. (2220 муж., 2552 жен.), всех записали украинцами [13, с. 31].

Однако следует иметь в виду, что в ходе переселения из поветов Черниговской губернии в первой половине XIX в. в Уманскую, Крыловскую и Платнировскую могли попасть и так называемые «черниговские литвины», представлявшие по свидетельству М. Домонтовича «чистый тип белоруса в полной силе» [3, с. 533].

Первая мировая война и последовавшее за ней революция и Гражданская война способствовали резкому сокращению численности населения ст. Уманской. Если по сравнению с 1880 г. в 1910 г. численность станичников увеличилась втрое и составила 19476 чел., то, по приблизительным подсчетам, лишь за счет естественного роста через 15 лет она должна была увеличиться в полтора раза и составить около 29 тыс. чел. Но по переписи 1926 г. в станице проживало лишь около 20 тыс. чел., т.е. Уманская лишилась не менее 9 тыс. земляков, погибших в вихрях Гражданской войны, в плавнях – в рядах бело-зеленого движения, от голода и инфекционных заболеваний. Немало уманцев ушли в эмиграцию. При этом необходимо учитывать число неродившихся детей, смену населения не менее чем на треть в результате оседания в станице красноармейцев и «пролетарских» низов Юга России.

За невыполнение плана хлебозаготовок ст. Уманская была занесена на «чёрную доску». Постановлением бюро Павловского райкома ВКП(б) от 14 января 1933 г. было одобрено решение Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 12 января 1933 г. о выселении 1200 хозяйств, «злобно саботирующих хлебозаготовки, идущих на поводу у кулака» [18, с. 73]. Учитывая, что средний размер кубанской семьи в 1928 г. составлял 5,1 человека [6, с. 201], надо полагать, было выслано более 6 тыс. жителей станицы. Кроме того, конец 1932 – начало 1933 гг. сопровождалось страшным голодом, унесшим в могилу многих жителей. В 1933 г. началось переселение красноармейцев и их семей из Белорусского и Ленинградского военных округов. Старожилы рассказывали: «Пришло постановление заселить станицу Ленинградскую служащими, которые отбывали кадровую службу в Ленинградском военном округе. Туда были призваны со всей России и Советского Союза. Особенно много заселилось ленинградских, псковских, новгородских, с северной части» [10]. По данным Е. В. Тёра, в станицу

прибыли 96 красноармейцев Северо-Кавказского военного округа с семьями [20 с. 114]. Учитель-пенсионер З. Я. Лавровский писал в мае 1934 г. в своём дневнике: «Новосёлы-белорусы ежедневно уезжают на родину. Им у нас не понравилось, они говорят: "Мы ожидали здесь получить всего вволю, думали, что здесь богатый край, а оказалось совершенно другое" <...>. Казаков выселили, а новосёлы-белорусы бегут и бегут из станицы» [14, с. 212]. По свидетельству других очевидцев приезд белорусских переселенцев поддержал едва теплившуюся жизнь. «Станица немного ожила, – писал житель ст. Уманской И. А. Полежаев. – Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надёжный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [2, с. 57]. По сведениям Е. В. Тёра, треть прибывших в станицу белорусов вернулась на родину [19, с. 188], две трети осели в Уманской и на хуторе Западном, среди них наиболее распространенные фамилии – Гамашек, Голубицкие, Кабановы, Ломаковы, Поповы, Роговы, Фурс, Шустиковы, Янченко [11].

17 мая 1935 г. Президиумом ЦИК СССР было утверждено постановление ВЦИК от 20 июня 1934 г. о переименовании ст. Уманской в «село Ленинградское». Наименование «Ленинградское» было связано с Ленинградским военным округом, откуда прибыли красноармейцы с семьями [16, с. 66].

В то же время часть высланных казаков стали возвращаться после амнистии 1936 г. [18, с. 75]. По переписи 1939 г. население ст. Ленинградской составило 14515 чел. По сравнению с переписью 1926 г. население станицы сократилось на 6212 чел., хотя в случае естественного прироста населения должно было увеличиться как минимум в 2 раза по сравнению с 1926 г.

Значительные потери населения связаны с Великой Отечественной войной. На фронт ушли свыше 10 тыс. жителей Ленинградского и Сталинского районов, из них 3360 погибли, 3825 пропали без вести [18, с. 81]. С августа 1942 по февраль 1943 гг. районы находились под немецко-фашистской оккупацией. Большие потери мужской части жителей, голодные 1946–1947 гг., налоговая политика, чехарда хрущовских преобразований, отток людей в города, на целину, всесоюзные стройки – все эти обстоятельства мало способствовали росту населения. Даже в 1959 г., согласно переписи, численность населения ст. Ленинградской не достигло уровня 1926 г. и составила 17824 чел.

Благодаря усилиям станичных тружеников, изменению социальной политики, созданию крупных агропромышленных комплексов

(Ленинградский сахарный завод, молококомбинат, пять предприятий местной промышленности, птицекомбинат, маслосырзавод, отделения «Сельхозтехники», завод строительных материалов и др.), внедрению новых форм хозяйствования, росту урожайности и поголовья скота, материального благосостояния, демографическая ситуация выправилась. Перепись 1970 г. зафиксировала в ст. Ленинградской 26750 чел., 1979 г. – 30707 чел., 1989 г. – 34554 чел. В 2002 г. население ст. Ленинградской составило 38218 ел., в 2010 г. – 36940 чел.

Восточнославянское население преобладало и на хуторах. Так, на хуторе Андрющенко (основан в начале XX в. Петром Галактиновичем Андрющенко) в 1926 г. имелось 23 хозяйства, проживали 137 чел. (65 муж., 72 жен.), из них назвали себя казаками 37 чел. (19 муж., 18 жен.), украинцами – 132 чел. (61 муж., 71 жен.) [12, с. 186]. В 2002 г. на хуторе проживало 300 чел., в 2010 г. – 22 чел.

На хуторе Белый, основанном на надельной земле казаков ст. Кисляковской братьев Максима и Андрея Белых в 1894 г., старожильческие фамилии хуторян – Белые, Беспалые, Гайдамака, Гром, Давыденко, Жерновые, Заболотные, Майборода, Козел, Рогочие, Ромась, Рыбальченко, Пархоменко, Прихидько, Садыло, Самойлик, Семеняк, Солод. В 1926 г. здесь имелось 370 хозяйств, проживали 2213 чел. (1044 муж., 1169 жен.), из них назвали украинцами – 2093 чел. (989 муж., 1104 жен.), казаками 1909 чел. (914 муж., 995 жен.) [12, с. 185].

Хут. Куликовский, основанный в 1910 г. казаками станицы Кисляковской на дополнительных наделах, получил название от Куликовых балок, где кисляковцы выпасали скотину. Здесь осели семьи Борисенко, Ганжа, Грибачевых, Дубина, Еременко, Колодяжных, Корецких, Круть, Курило, Кущих, Павлюк, Пелипенко, Рыбало, Самойлик, Сердюк, Трофименко и др. На хуторе в 1926 г. имелось 208 хозяйств, проживали 1269 чел. (605 муж., 664 жен.), из них назвали себя украинцами – 1256 чел. (598 муж., 658 жен.), казаками – 1201 чел. (567 муж., 634 жен.) [12, с. 186].

Хут. Коржи, названный по зажиточным казакам братьям Корж, которые имели наделы за речкой Средняя Челбаска, в 1920 г. объединил хутора Бабченко, Коржа № 1, Коржа № 2, Любченко, Морозова. Согласно переписи 1926 г. здесь проживало 1258 чел. (см. табл. 1).

Ряд населенных пунктов был создан в результате советских миграционных процессов. Так, посёлок Звезда был основан в марте 1924 г. бойцами дальневосточного краснопартизанского отряда из г. Благовещенска во главе с командиром, кавалером ордена Красного Знамени, В.М. Рыбальченко. Первыми поселенцами стали 24 семьи,

прибывшие из Амурской, Архангельской, Брянской, Смоленской и Томской областей. Пос. Бичевый, основанный как хутор в начале XX в. казаком ст. Кисляковской Бычем, заселялся донскими и украинскими крестьянами. По переписи 1926 г. здесь имелось 11 хозяйств, проживали 67 чел. (31 муж., 36 жен.), 61 чел. (31 муж., 30 жен.) назвали себя украинцами, 6 чел. (2 муж., 4 жен. – великороссами) [12, с. 149]. В 2002 г. здесь проживали 1363 чел., в 2010 г. – 1292 чел.

Таблица 1. Данные переписи 1926 г. по сельсовету Коржи [12, с. 131]

Хутора, входившие в сельсовет Коржи	Число хозяйств	Число мужчин	Число женщин	Обоего пола
Бабченко	79	210	214	424
в том числе казаков украинцев	–	6	3	9
	70	185	189	374
Коржа № 1	89	176	184	360
в том числе казаков украинцев	–	4	6	10
великороссов	64	146	156	302
	23	28	25	53
Коржа № 2	32	90	93	183
в том числе казаков украинцев	–	10	11	21
великороссов	28	83	84	167
	3	5	6	11
Любченко	15	27	30	57
украинцев	12	24	27	51
великороссов	3	3	3	6
Морозова	48	115	119	234
в том числе казаков украинцев	–	–	3	3
великороссов	45	109	119	223
	3	6	5	9
Итого:	263	618	640	1258

Неславянское население в XIX – в течение XX столетий было представлено в районе отдельными выходцами из различных этносов, задействованными в местной социальной инфраструктуре и экономике.

В конце XIX в. на территории района оседают латышские переселенцы, основавшие в степи ряд небольших ухоженных хуторов. Перепись 1926 г. дает некоторые сведения о численности и местах компактного поселения латышей, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2. Сведения о латышских хуторах на территории Ленинградского района по переписи 1926 г. [12, с. 186–187]

Хутора	Число хозяйств	Число мужчин	Число женщин	Обоего пола
Новоплатнировского сельсовета:				
Данчаусский	4	12	9	21
Земита	8	21	24	45
Калагерский	3	4	7	11
Общего пользования участок № 2	4	8	9	17
Скуев	12	27	32	59
Сударь	11	15	20	35
Школьный	9	17	18	35
Уманский сельсовет:				
Баллада	1	4	6	10
Бозиса	1	5	2	7
Крамписа	1	4	5	9
Малый поселок	1	2	3	5
Сударя	1	5	4	9
Итого:	56	124	139	263

Латыши приняли активное участие в социалистическом переустройстве района, организовали латышский колхоз «Саркано Друва», однако в 1937 г. многие латыши были объявлены врагами народа. На хут. Краснострелецком не было ни одной латышской семьи, которая бы не подверглась репрессиям [15, с. 46]. В 1960–1970-х гг. почти все оставшиеся латыши уехали на этническую родину. Сегодня на хут. Краснострелецком и в ст. Ленинградской проживают лишь представители смешанных русско-латышских семей, которые осознают себя русскими, о латышской культуре имеют представление лишь на уровне семейной памяти.

Армянские предприниматели появляются в Ейском отделе во второй половине XIX в. Учительница Ефросинья Крикунова отмечала, что в 1888 г. в ст. Уманской проживали 24 чел. армян (13 муж., 11 жен.) [5, с. 166]. К концу XIX в. армян стало больше, они содержали духаны между станицами Уманской и Павловской [19, с. 109]. Самыми известными были А. А. Серебряков и Д. З. Арутюнов, занимавшиеся виноторговлей, а также В. Атаян, державший мастерские по пошиву и ремонту обуви [19, с. 111]. За годы жизни в ст. Уманской Арутюновы прибрали к рукам многие виды торговли. Давид Захариевич торговал мануфактурой, имел керосиновый и лесные склады. Георгий Захариевич имел бакалейную торговлю в станице с годовым оборотом 1200 руб. Но самым удачливым в торговом деле был Артемий Захариевич: до октябрьского переворота 1917 года в банке на его личном счёте хранилось свыше одного миллиона рублей золотом. С разных

мест доставлялись на его подворье лес, дёготь, хомуты, ярмо, колеса для бричек, сбура, гвозди, крючья, запоры и другой скобяной товар, который реализовался оптом, на вес и поштучно в лавках и лабазах купца. Другому армянину – Сергею Григорьевичу Серебрякову принадлежали в ст. Уманской бакалейно-гастрономический магазин и винный погреб [7, с. 343]. В ст. Уманской в 1885 г. родился Арутюн Саркисович Мерджаниан – крупный советский ученый в области виноградарства, в 1926–1951 г. заведующий кафедрой виноградарства Кубанского сельскохозяйственного института, одновременно в 1926–1938 гг. – директор Анапской опытной станции виноградарства и виноделия [17, с. 160].

В 2002 г. в Ленинградском районе проживали 617 армян, в 2012 г. – 870. Действует местное отделение общероссийской общественной организации «Союз армян России», которое возглавляет Егиш Ашотович Лалаян.

В начале XX в. в районе стали появляться отдельные немецкие крестьяне-арендаторы стали появляться в районе в начале XX в. [18, с. 19]. Перепись 1926 г. зафиксировала хозяйства немцев в поселке Крайнем, где наряду с восточнославянским населением проживала немецкая семья в 7 чел. (1 муж., 6 жен.) [12, с. 187], и в пос. Малом, где было зафиксировано 4 чел. (3 муж., 1 жен.). Однако уже по данным 1940 г. в Ленинградском районе проживали 41 чел. немцев [4, с. 648], на территории Сталинского района – 70 чел. [4, с. 660] В 2002 г. в Ленинградском районе числилось 167 немцев, в 2012 г. – 199 чел.

В 2002 г. в районе было отмечено присутствие 61 удин, зарегистрировано местное отделение краевой общественной организации «Национальный удинский центр "Варташен"», которым руководил Григорий Николаевич Поладов [18, с. 19]. Но в 2010 г. деятельность общества была прекращена.

На территории Ленинградского района фиксировались и представители других этнических групп. Согласно этническому паспорту на 1.01.2012 здесь было отмечено 149 грузин, 108 татар, 105 азербайджанцев, 83 грека, 6 адыгов, 248 цыган, 236 представителей народов Дагестана, 9 чеченцев [24].

Таким образом, основу состава населения составили русский и украинский компоненты станиц, хуторов и поселков района, белорусские переселенцы 1930-х гг., а также представители отдельных этнических групп: латышей, армян, немцев и др. Пройдя через нелегкие испытания революциями, социальными экспериментами, войнами, понеся непоправимые потери, «ленинградцы» обрели черты целостного образования, единство которого определяется традиционным опытом совместного хозяйственно-культурного освоения степей челбасско-сосыкского междуречья, подвижничеством созидания, самобытностью духовного наследия, преемственностью поколений.

Библиографический список

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Оп. 2. Д. 980.
2. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы, ст-ца Уманская) // Родная Кубань. Литературно-исторический журнал. Краснодар, 2002. № 3. С. 51–61.
3. Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Черниговская губерния / Сост. Генерального штаба подполковник М. Домонтович. СПб., 1865. 686 с.
4. Краснодарский край в 1937–1941 гг.: Документы и материалы / Сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь, К. Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997. 1120 с.
5. Крикунова Е. Уманская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. Разд. II. С. 166–168.
6. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.: Наука, 1967. 356 с.
7. Кубанский календарь на 1916 год / Под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар: Типогр. Куб. обл. правл., 1916. 669 с.
8. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров переписи 1897 г. / Под ред. Л. В. Македонова. – Екатеринодар: Тип. Куб. Обл. Правл., 1906. 589 с.
9. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы / сост. Н.В. Малеева и др. – Краснодар: Диапазон-В, 2006. 520 с.
10. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1993 г. (ПМ КФЭЭ-93). Станица (Ст.) Ленинградская Ленинградского района (р-на) Краснодарского края (кр.). Аудиокассета (А/к) № 409. Инф.: Бесчастный Василий Васильевич, 1929 г. р., Глущенко Александр Андреевич, 1926 г. р., Филобок Григорий Деомидович, 1919 г.р., Чувилов, 1940 г.р., Грынош Иван Григорьевич, 1927 г. р., Швачич Анатолий Ильич, 1915 г. р., Долбня Павел Михайлович, 1936 г. р., Филоненко Григорий Владимирович, 1931 г. р., Панасенко Алексей Митрофанович, 1921 г. р., Антоненко Иван Васильевич, 1925 г. р. Иссл-ль Е. В. Зуб.
11. ПМ КФЭЭ-2021. Ст. Ленинградская Ленинградского р-на Краснодарского кр. Аудиотрек (А/т) Лен2. Инф. Тёр Виктор Васильевич, 1948 г.р.; Тёр Евгений Викторович, 1972 г.р. Иссл-ль О. В. Матвеев.
12. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону: Гостипограф им. Коминтерна, 1929. 468 с.
13. Список населенных мест Кубанского округа. Составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 года, пересчитанным в границах районов, установленных в мае 1927 года, и по дополнительным данным Статотд и др. ведомств. Краснодар: Орг. отд. Кубокрисполкома, 1927 (Глав. тип. Кубполиграфа). 154 с.
14. Тёр В. В. Станица Уманская в 1934 г. Из дневника Захария Яковлевича Лавровского // Кубанский сборник. Т. VI (27) / Научн. ред., сост. О. В. Матвеев; ред.-сост. Г. В. Кокунько. Т. А. Василевская. Краснодар, 2015. С. 206–219.
15. Тёр В. В. Казачий конь далеко скачет... Записки о прошлом и настоящем. Краснодар: «Здравствуйте!», 2007. 86 с.
16. Тёр В. В. Имя на карте. К тайнам географических названий // Наконечный А. В. Записки почётного дорожника. Тёр В. В. Имя на карте. Изд-е 2-е, дополн. Ст. Ленинградская: Ленингр. типогр., 2007. С. 47–92.
17. Тёр В. В. Дорогая моя станица: историко-документальное повествование. Ст. Ленинградская: б/и, 2014. – 120 с.

18. Тёр Е. В. В краю рек и курганов. – Ленинградская: Ленингр. типограф., 2015. 160 с.

19. Тёр Е. В. Демографические изменения на Кубани под влиянием модернизационных процессов (1860-е гг. – конец 1930-х гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2010. 286 с.

20. Тёр Е. В. Переселение красноармейцев на Кубань: реалии коллективизации в воспоминаниях и документах // Вестник архивиста Кубани. Научный историко-архивный альманах. Краснодар, 2015. № 15. С. 112–116.

21. Шкуро В. И. Второе пополнение Черноморского казачьего войска (1821–1825 гг.) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры / научн. ред., сост. О. В. Матвеев. – Краснодар: Тип. Адм. Кр. кр., 2002. С. 64–85.

22. Шкуро В. И. Первое пополнение Черноморского казачьего войска малороссийскими казаками в 1808–1811 гг.) // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 2 / отв. ред. А. М. Авраменко. Краснодар: ООО «Картика», 2007. С. 90–94.

23. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. (репринтн. воспр.). Краснодар: Сов. Кубань, 1992. Т. II. 848 с.

24. URL: <https://krasnodar.ru/photo/Docs/Administracya/Etnosocial%20%20,%20%202011.xls> (дата обращения 2.02.2022).

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ВИШЕРСКИХ КОМИ

TRADITIONS AND INNOVATIONS OF THE FESTIVE CULTURE OF THE VISHERSK KOMI

С.А. Ивашева

*Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,
г. Сыктывкар, Россия*

S.A. Ivashева

*Syktvykar State University named after Pitirim Sorokina,
Syktvykar, Russia*

Аннотация. В статье представлены традиции и инновации праздничной культуры вишерских коми. Источниками написания работы послужили рассказы жителей деревень, проживающих в деревнях бассейна реки Вишеры. Анализ полевого материала позволяет говорить о том, что новшества в праздничной культуре связаны с внешними факторами: кардинальные изменения в политической и экономической сферах общества.

Abstract. The article presents the traditions and innovations of the festive culture of the Vishera Komi. The sources of writing the work were the stories of villagers living in the villages of the Vishera River basin. The analysis of the field material suggests that innovations in festive culture are associated with external factors: fundamental changes in the political and economic spheres of society.

Ключевые слова: праздничная культура, вишерские коми, государственные и церковные праздники

Keywords: festive culture, visherskiye komi, state and church holidays

Праздничная культура является ярким элементом в жизни любого народа. Программа проведения праздников соответствует нормам и стандартам, принятым в обществе, а изменения происходят под влиянием внешних факторов.

Цель работы: определить традиции и инновации праздничной культуры вишерских коми.

Объектом исследования выступают вишерские коми как составная часть верхневычегодской этнографической группы коми (зырян), проживающие в деревнях бассейна реки Вишеры, протекающей в Корткеросском районе Республики Коми.

Источниковой базой послужили рассказы жителей этих деревень о традициях и новациях в проведении праздников.

Российские этнографы проявляют устойчивый интерес к изучению праздничной культуры народов мира [1]. Праздничная культура дореволюционного периода коми (зырян) в целом рассмотрена в работе Н.Д. Конакова [3]. Новшества в праздничной культуре в советский период отмечены в работах Т.И. Чудовой [8,9]. При этом стоит особо отметить, что изучению традиций и инноваций праздничной культуры вишерских коми посвящена лишь одна статья О. И. Уляшева [7, с. 27-47], характеризующая фестиваль «Лямпиада» в с. Большелуг. Таким образом, изучение праздничной культуры вишерских коми актуально и востребовано.

Революционные события в стране внесли существенные изменения в праздничную культуру. На смену церковным праздникам пришли советские, проведение которых проходило по четким схемам, реализацией которых на местах занимались местная администрация и комсомольские активисты. В 1930-е гг. наблюдается тенденция замены традиционных массовых праздничных гуляний с обильным угощением на праздниках церковного календаря общественными чаепитиями. В 1950-1960-е гг. был преодолён «продовольственный кризис» послевоенного периода, в связи с этим праздники начинают занимать важное место в жизни человека. С этого же периода стали отмечать дни рождения ребёнка[2, с. 19].

Несмотря на жесткий запрет на отмечание дней церковного календаря, празднование Пасхи как праздника праздников продолжало существовать. Одним из элементов праздничного застолья выступала творожная пасха, до настоящего времени у многих жителей на поветях

сохраняется пасочница - форма для приготовления творожной пасхи [2, с. 18]. Отсутствие в хозяйственной стратегии птицеводства способствовало тому, что на Пасху готовили «косрысь» («сухой творог») в виде яиц. В современной практике празднование Пасхи проходит открыто с посещением церковной службы, а на праздничный стол подают в изобилии разные блюда, при этом сохраняется практика подачи традиционной выпечки, крашенных яиц, куличей и пасхи.

В контексте весеннего праздничного цикла отмечалась Масленица, главным атрибутом которой была горка: на крутых откосах под углом около 45 градусов укреплялись наклонно два обледенелых шеста, расположенных параллельно друг другу, у верхних концов которых устраивалась площадка, с которой парень и девушка, вставая на один из шестов, скатывались вниз, стоя на ногах [3, с. 48-49]. В 2000-е гг. сельские клубы стали отмечать этот праздник в новом формате. При этом отказались от практики катания с ледяных горок и сжигания символа зимы: «йи волькъяссё вöчны оз позь, Масленичасё важөн нин огö сотлöй. Прöста вöчам» (ледяные горки нельзя делать, Масленицу уже давно не сжигаем, а просто делаем)» [7].

Новшества внесены и в празднование Рождества Пресвятой Богородицы, который был престольным праздником в селе Богородск. По преданию в этот день забивали скот, варили возле храма мясо. Жителей села называли «тшегырьясён» (мослы), что связано с тем, что, когда приходили жители соседних сёл, от мяса оставались уже одни кости [4]. В советское время в этот день устраивали выходной, а в современных реалиях праздник отмечают только в узком семейном кругу.

Интересна практика трансформации престольных праздников в дни села. Так, в деревне Зулэб широко отмечается день Святого Пантелеймона. В советское время в день села была популярна концертная программа, когда люди с удовольствием посещали сельские клубы [5]. В настоящее время возле сельского клуба организуют праздничное чаепитие: устанавливают самовар, подают чай из разнотравья, т.к. святой Пантелеймон рассматривался как целитель [4]. С 2024 года в деревне Зулэб проводят Фестиваль декоративно-прикладного творчества «Зарни куд» («Золотой сундук»), на который приезжали мастера из разных районов Республики Коми. В рамках фестиваля была организована ярмарка работ мастеров, где были представлены тканые половики, пояса, традиционные костюмы, головные уборы (юркытшьяс). Из инноваций нужно отметить появление тканых серёжек.

Элементы традиционной хозяйственной деятельности коми (зырян)

включены в программу другого фестиваля. Так, с 2007 года в селе Большелуг стали проводить фестиваль «Лямпиада», главным событием праздника были гонки на лямпах – охотничьи лыжи, подбитые мехом. Участники забега обязательно должны быть одеты в традиционную охотничью накидку - лаз или лузан. К сожалению, с 2022 года «Лямпиада» проводится в с. Ыб в Финно-угорском этнопарке.

В советскую праздничную культуру были органично вписаны государственные праздники. Если раньше с размахом отмечали Новый год, 7 ноября и 1 мая, то в настоящее время сохраняется только практика встречи Нового года. Обязательно вечером 31 декабря устраивают новогодний концерт с песнями, танцами, этюдами и розыгрышем лотереи. После концерта люди собираются семьями и встречают Новый год. На праздничный стол подают различные салаты, жареную рыбу и др.: «Ме ѓд уджала. Концерт вывсянь сразу гѓнита гортѓ. Салатъяс да бутербродъяс эмѓсь, чери жаритлам мукѓддырий. (Я же работаю. После концерта сразу бежим домой. Салаты, бутерброды готовим, даже рыбу жарим иногда)» [6]. Современные государственные праздники рассматриваются только как выходные дни.

Трансформация праздничной культуры проявляется и в наборе блюд, подаваемых на стол. Традиция сохраняется в практике подачи традиционной выпечки (шаньги, рыбники, колобки), даров леса (грибы и ягоды), в меньшей степени - блюд из дичи. В 1960-е гг. сладости (конфеты, печенье, пряники) однозначно рассматривались как праздничное угощение, то же самое можно сказать и об алкогольных напитках. В 1970-1980 гг. расширяется набор праздничных блюд, включают салаты, которые в отличие от городской культуры заправляли не майонезом, а сметаной [9, с. 176]. В современной практике праздничное меню в селе мало чем отличается от городского.

Таким образом, изменения праздничной культуры происходят под влиянием внешних факторов. Традиции проявляются в практике отмечания дней церковного календаря, а инновация связана с трансформацией престольных праздников в дни села. Из советских праздников сохраняет свое значение только встреча нового года.

Библиографический список

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: «Индрик», 2002. 814 с.
2. Ивашева С. А. Праздничная пища вишерских коми // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Всероссийская научно-практическая конференция студентов и аспирантов: сборник докладов / отв. ред. Н. А. Волокитина – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. С. 17-20.

3. Конаков Н.Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993. 128 с.
4. ПМА. Игушева Анна Ивановна, 1956 г.р., д. Зулэб, Богородская сельская администрация, Корткеросский район. Запись 2024 г.
5. ПМА. Игушева Анна Ивановна, 1956 г.р., д. Зулэб, Богородская сельская администрация, Корткеросский район. Запись 2023 г.
6. ПМА. Панюкова Татьяна Геннадьевна, 1958 г.р., с. Большелуг, Большелугская сельская администрация, Корткеросский район. Запись 2024 г.
7. Уляшев О. И. Самоорганизация сельской молодежи Республики Коми по сферам культуры и свободного времени: на примере Верхнего района «Зумьд Ош» Вычегодский турнир по борьбе и пению «Ва Берд» Фестиваль в селе Помоздино Усть-Куломского района // Регион, Вып.11, №1, 2022. С. 27-47.
8. Чудова Т. И. Организация праздничного застолья в коми деревне в 1917-1960-е гг. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. №3(45). Томск: Томский государственный педагогический университет. 2024. С. 103-112. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68284076> (дата обращения: 01.11.2024).
9. Чудова Т. И. Состав праздничных блюд в г. Сыктывкаре в 1970–1980-х гг. // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. № 2(36). Томск: Томский государственный педагогический университет. 2022. С. 173-181. Режим доступа: <https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2022&issue=2> (дата обращения: 01.11.2024)

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КРАСНОДАРОМ И ФЕРРАРОЙ: СВИДЕТЕЛЬСТВО ДОКУМЕНТА

THE ORIGIN OF TWINNING RELATIONS BETWEEN KRASNODAR AND FERRARA: EVIDENCE OF THE DOCUMENT

О.А. Перенижко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

О.А. Perenizhko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Побратимские связи между советскими и зарубежными городами были одним из важных механизмов международного взаимодействия. В 1965 году Краснодар установил дружеские связи с североитальянским городом Феррара и спустя два года состоялся обмен делегациями. В октябре 1967 года группа краснодарцев, состоящая из представителей управления городом, образования и трудового населения провела 10 дней в Ферраре, окрестных городах и после возвращения представила подробный отчет о поездке. Сегодня изучение данной формы взаимодействия между странами из противоположных политических блоков, разрушающей барьеры и стереотипы в современных международных реалиях является особенно актуальным, поэтому в статье приведен полный текст отчета, хранящийся в Государственном архиве Краснодарского края.

Abstract. Twinning ties between Soviet and foreign cities were one of the important mechanisms of international cooperation. In 1965, Krasnodar established friendly relations with the Northern Italian city of Ferrara and two years later an exchange of delegations took place. In October 1967, a group of Krasnodar residents, consisting of representatives of the city administration, education and the working population, spent 10 days in Ferrara and surrounding towns and after returning presented a detailed report on the trip. Today, the study of this form of interaction between countries from opposite political blocs, which destroys barriers and stereotypes in modern international realities, is especially relevant, therefore, the article contains the full text of the report, stored in the State Archive of the Krasnodar Territory.

Ключевые слова. Италия, СССР, Краснодар, Феррара, советско-итальянские побратимские связи, Италия-СССР, побратимство, ССОД.

Keywords: Italy, USSR, Krasnodar, Ferrara, Soviet-Italian twinning relations, Italy-USSR, twinning, SSOD

За многовековую свою историю наша страна не единожды оказывалась в ситуации, когда приходилось мировому большинству доказывать свое право на независимое существование. Еще в первые годы государственного становления, в 1925 г. Советы разработали прекрасную систему формирования положительного облика нашей страны на Западе, развенчавшего многие мифы о нашей «дикости» - Всесоюзное общество культурных связей за границей. После окончания Великой Отечественной войны в условиях вновь усложняющихся международных отношений одним из важных направлений внешней политики СССР стало развитие побратимских отношений с зарубежными странами.

В 1964 г. советские породненные города создали общественную организацию – Ассоциацию по связям советских и зарубежных городов, вошедшую в Союз советских обществ дружбы (ССОД). Основными целями Ассоциации стало содействие международным контактам советских городов в интересах укрепления взаимопонимания и дружбы народов, ознакомление зарубежных стран с успехами экономического и культурного строительства в Советском Союзе. Ассоциация сотрудничала с Всемирным фондом породненных городов (ВФПГ) и активно пропагандировала открытость и миролюбивость внешнеполитического курса, а также преимущества «советского образа жизни».

Советские города активно стали развивать побратимские отношения с муниципалитетами разных стран и поэтому уже в августе 1965 г. Краснодар установил дружеские связи с североитальянским городом Феррара. В первое время основным способом общения была переписка, а знакомство с историческими и культурными особенностями городов

происходило посредством отправки газетных и журнальных публикаций, официальных воззваний. Горожане постепенно познавали экономические и культурные реалии двух городов разных форм политического и социального устройства.

Несмотря на эпизодический характер обмена письмами между синдиком города Феррары и председателем Краснодарского горисполкома, уже в 1966 г. представилась реальная возможность на деле показать заинтересованность Краснодара в сотрудничестве с итальянским побратимом. В связи со стихийным бедствием в Северной Италии за счет средств городского бюджета Краснодар оказал гражданам Феррары материальную помощь на сумму 10 тыс. рублей. В Италию также были отправлены медикаменты и продукты питания [1].

Деятельность краснодарских властей в международных вопросах строго регламентировалась из Москвы. В заметках совещания Ассоциации по связям советских и зарубежных городов Комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР, получаемых ежегодно из центра, отмечалось, что наши делегации должны ставить своей целью прежде всего пропаганду нашей жизни. Связь должна быть устойчивой и регулярной и для этого Горисполком был обязан сформировать годовой план мероприятий по укреплению побратимства. Переписку с городами необходимо было посылать в комитет, а также согласовывать кандидатуры делегаций. Были также разработаны основные формы взаимодействия, способствующие формированию положительного образа страны и разрушающие устойчивые негативные стереотипы: посадка деревьев и парков дружбы, проведение спортивных мероприятий, посылка выставок, присвоение улицам или аллеям имени породненного города и др. [2].

Именно 1967 год стал ключевым в процессе укреплении дружественных связей между трудящимися городов Краснодара и Феррары - при горисполкоме была создана комиссия по связям с городами других стран мира и произошел первый дружественный обмен делегациями.

Солнечный Краснодар итальянская группа во главе с синдиком Феррары Джузеппе Феррари посетила с 19 по 25 августа 1967 года. В ходе поездки итальянцы ознакомились с достопримечательностями города и местами отдыха трудящихся, посетили Краснодарский завод измерительных приборов, краевую больницу, Дворец пионеров, колхоз им. Кирова Динского района, кинотеатр «Аврора» и другие значимые места. В парке им. Горького была проведена церемония присвоения одной из аллей наименования «Аллея Феррары» и посажено дерево

дружбы. В рамках деловой программы пребывания стороны подписали соглашение о развитии дружбы между двумя городами на русском языке и обусловились подписать на итальянском во время ответного визита краснодарцев [2]. Результаты пребывания итальянской делегации широко освещались в краевой прессе.

В октябре текущего года делегация Краснодара с ответным визитом посетила Итальянскую Республику. В состав делегации вошли председатель горисполкома П.М. Колмогорцев, депутат Верховного Совета РСФСР Б.А. Чилков, депутат Горсовета и педагог Л.В. Соловьева и слесарь-ремонтник инструментального цеха № 15 М. Кнуренко. Во время поездки делегаты подробно ознакомились с достопримечательностями Феррары, побывали на промышленных предприятиях, в районе новостроек, в лицее и средней школе, посетили больницы и целый ряд других учреждений города. В память о дружбе двух городов в Ферраре был заложен бульвар, которому присвоили имя Краснодара [3]. В ходе визита делегаты также посетили Флоренцию, Турин, Ардженто, Команио, Болонию, Венецию, Рим и Милан. Ежедневно в итальянской прессе публиковались статьи и фотографии о пребывании и работе краснодарцев.

По мнению автора статьи, изучение данной формы взаимодействия между странами из противоположных политических блоков, разрушающей барьеры и стереотипы в современных международных реалиях является особенно актуальным и поэтому приведем полный текст отчета краснодарской делегации, хранящийся в Государственном архиве Краснодарского края:

«Отчет делегации города Краснодара о поездке в г. Феррару»

В августе 1967 г. город Краснодар посетила делегация породнённого итальянского города Феррары. (Отчет о пребывании делегации был представлен).

По приглашению Муниципалитета с ответным визитом в г. Феррару выезжала делегация из г. Краснодара

Постановлением бюро Краснодарского крайкома КПСС делегация была утверждена в следующем составе:

т. Колмогорцев П.М. – председатель Краснодарского горисполкома (руководитель делегации).

т. Чепков Б.А. – первый секретарь Краснодарского горкома КПСС .

т. Соловьева Е.В. – учительница начальной школы №26, Заслуженный учитель школ РСФСР, депутат горсовета.

т. Кнуренко М.И. – токарь Ордена Трудового Красного Знамени завода электроизмерительных приборов, депутат Первомайского

районного Совета депутатов трудящихся.

Визит нашей делегации продолжался с 6 по 16 октября 1967 года.

Делегация города Краснодара считает, что поездка в г. Феррару была полезной для укрепления дружеских связей г. Краснодара и г. Феррары. Она способствовала большому взаимопониманию в оценке коренных вопросов мировой политики. Мы имели возможность ознакомиться с жизнью населения г. Феррары, стремлениями феррарцев.

В подавляющем большинстве население г. Феррары и Муниципалитет выступают за укрепление мира, стремятся к упрочению дружеских связей между нашими городами, живо интересуются и хотят познать конкретные условия жизни и трудовой деятельности населения г. Краснодара.

Во время пребывания в Италии наша делегация всю свою работу проводила в том же направлении.

Муниципалитет г. Феррары позаботился о широком оповещении населения о пребывании делегации г. Краснодара.

Накануне прибытия нашей делегации по городу были расклеены красочные, отпечатанные типографским способом плакаты, оповещавшие о пребывании делегации г. Краснодара.

Ежедневно в Миланской газете «Унита» и др. газетах публиковались статьи и помещались фотоснимки о пребывании делегации г. Краснодара, в них освещалась работа делегации.

В период пребывания делегации г. Феррары в г. Краснодаре было подписано на русском языке соглашение об укреплении дружеских связей наших городов. В Италии, во время пребывания нашей делегации, было подписано соглашение о дальнейшем укреплении дружеских связей на итальянском языке.

Муниципалитет г. Феррары 7.1.1967 года созвал Совет, который состоит из 55 депутатов, и в торжественной обстановке на Совете был подписан этот документ.

Следует отметить, что за подписание соглашения голосовали единогласно все члены Совета.

На этом заседании Совета было принято решение в новом районе застройки г. Феррары присвоить имя г. Краснодара одному из бульваров.

В память о пребывании краснодарцев в г. Ферраре в городском парке посажены березы и открыта мемориальная надпись в честь г. Краснодара.

Памятная надпись установлена также на месте закладки бульвара им. г. Краснодара. В день ее открытия был проведен митинг. Большинство участников митинга составляли рабочие и другие граждане

города. Митинг прошел под лозунгом укрепления дружбы двух городов, укрепления мира во всем мире.

Руководство муниципалитета пошло навстречу пожеланиям нашей делегации и прилагало усилия к тому, чтобы у нас было больше возможности для встреч с людьми труда.

Было организовано посещение и осмотр производства феррарского химического комбината, принадлежавшего одной из крупнейших итальянских промышленных фирм. Здесь делегация встречалась со многими рабочими, обменивалась мнениями с руководителями профсоюзных организаций и другими работниками комбината.

Делегация посетила обувную фабрику «Зенит», принадлежащую двум совладельцам. Здесь непосредственно на рабочих местах и во время обеденного перерыва мы провели ряд бесед с рабочими, мастерами и др. работниками. На нас произвело впечатление так называемое «бесплатное питание» рабочих, организованное таким образом, что принижается личность человека, его достоинство.

Делегация имела возможность детально познакомиться с постановкой воспитания детей дошкольного и школьного возрастов. Мы посетили единственный в г. Ферраре детский сад, начальную, среднюю школы, а также лицей. Во всех учебных заведениях и школах состоялся обстоятельный обмен мнениями, сравнивалась постановка воспитательной работы с детьми в городе Краснодаре и в условиях г. Феррары. Ректор лицея г-н Модестино руководит в г. Ферраре христианско-демократической партией. В составе Итальянской делегации он посетил летом г. Краснодар. Здесь в Италии, он организовал встречу нашей делегации с учащимися лицея.

На встрече с приветственной речью выступила молодая девушка, учащаяся лицея, которая от имени итальянской молодежи высказала пожелание об укреплении тесной дружбы между молодежью наших городов в интересах укрепления всеобщего мира.

В г. Ферраре мы познакомимся с постановкой здравоохранения, посетили больницу, имели обстоятельный обмен мнениями о развитии здравоохранения в наших городах. Врачи и руководство Муниципалитета высказывали свое стремление о налаживании дружеских связей и обмена опытом между медицинскими работниками г. Феррары и Краснодара.

Наша делегация ознакомилась с историческими и художественными музеями города.

Большое впечатление оставило посещение музея, в котором хранятся экспонаты, характеризующие период сопротивления фашизму

и партизанской борьбы итальянского народа с немецкими захватчиками.

Мы посетили устроенную в Италии выставку произведений 10 советских художников и остались неудовлетворенными.

Во-первых: на этой выставке представлены на наш взгляд довольно посредственные художественные произведения и демонстрировать их в Италии, где художественное творчество, особенно периода Возрождения, стоит довольно высоко, на наш взгляд, нецелесообразно.

Во-вторых, гиды – представители итальянских художественных кругов (наших, т.е. советских организаторов выставки в г. Ферраре, не было) по-своему истолковывая демонстрируемые произведения. Они, например, утверждают, что все эти полотна отражают социалистическую действительность.

Эта неправдивость преподносится не только феррарцам, но и многочисленным зарубежным туристам.

Подобного рода мероприятия с нашей стороны должны более тщательно готовиться, надо обязательно иметь на таких выставках компетентных представителей, которые могли бы правдиво и обстоятельно знакомить посетителей выставки с советской действительностью.

8 октября 1967 года в г. Ферраре была открыта выставка европейских государств по продаже фруктов, овощей и сельскохозяйственной техники. Такие мероприятия в этом городе проводятся регулярно один раз в три года

Делегация Краснодара принимала участие в открытии этой выставки. С администраторами выставки у нас состоялась беседа. Выставка хорошо подготовлена, охватывает многие отрасли сельского хозяйства с широким показом сельскохозяйственной техники по обработке фруктовых и виноградных площадей. В выставке принимают участие почти все социалистические государства Европы.

За время пребывания делегации в г. Ферраре состоялись официальные встречи в Муниципалитете с членами исполкома и другими работниками Муниципалитета, а также с ответственными работниками провинциального правительства.

Особо необходимо остановиться на официальном приеме делегации, устроенном префектом провинции Феррары. В беседе г-н префект высказывал мысли, из которых мы сделали вывод, что он или очень плохо осведомлен о нашей советской стране, или же делает вид, что не видит того прогресса и огромных социальных изменений, которые произошли за 50 лет Советской власти.

Например, он заявил, что представляет Сибирь, как сплошную

глыбу льда, место, пригодное лишь для ссылки. Туманно и путанно высказывался о проблемах борьбы за мир и по ряду других международных вопросов.

Итальянские коммунисты рассказывали нам, что накануне префект принимал зависящие от него меры к тому, чтобы не допустить прибытия Краснодарской делегации в г. Феррару. И только настойчивая позиция в этом вопросе феррарских коммунистов, которые довели это дело до правительства, подключив к этому вопросу депутатов – коммунистов Итальянского парламента дала возможность довести дело до разрешения на въезд нашей делегации в Италию.

Члены делегации т.т. Чепков и Колмогорцев имели несколько встреч и бесед с руководителями коммунистической партии как провинции, так и города. Первый и второй секретари провинциального комитета коммунистической партии т.Пиво и т. Руби, а также мэр г. Феррары и его заместители гг. Ферраи и Бруно (коммунисты_ дали очень высокую оценку проведенной работе и высказали мысль, что пребывание нашей делегации и вообще укрепляющаяся связь двух городов оказывают им большую помощь, укрепляет авторитет феррарских коммунистов, помогает лучше вести борьбу с влиянием на народные массы других партий.

Товарищи Пиво и Руби высказали мысль о том, что коммунисты их провинции очень хотели бы завязать связь по партийной линии с коммунистами Краснодарской краевой и городской партийными организациями.

Мэр г. Феррары совместно с руководителями провинции организовали встречу членов нашей делегации с руководителями Муниципалитетов других городов Италии. В г. Флоренции в Муниципалитете состоялся официальный прием делегации заместителем мэра г. Флоренции.

Аналогичный прием был организован в небольшом городе Ардженто. В зале заседания Совета этого города мэр и другие члены исполкома принимали нашу делегацию, состоялись дружеские беседы.

По пути из Италии на Родину в городе Риме наша делегация в сопровождении члена ЦК Компартии Италии т. Роботи посетила место захоронения Пальмиро Тольятти и возложила венки. Об этом было помещено сообщение в газете «Унита» и опубликована фотография.

В г. Риме делегация посетила кладбище, где захоронены жертвы фашизма, а также музей – катакомбы периода борьбы с фашизмом.

Наши впечатления и выводы о пребывании
в породненном городе Ферраре:

1. Мы убедились в полезности и необходимости и дальше укреплять дружеские связи с г. Феррара. Это соответствует нашим интересам, способствует большему взаимному пониманию и борьбе за мир.

2. Подавляющее большинство граждан провинции Феррара и других городов, с коими нам приходилось встречаться и беседовать, проявляют живой интерес к нашей стране, питают большое уважение к советскому народу, хотят и стремятся укреплять связь с народами нашей страны, хотят и активно выступают за мир. Грубых и антисоветских высказываний мы не слышали.

3. Нам, краснодарцам, надо шире и многообразнее развивать эти связи, используя все доступные формы: обмен письмами, фото и другими выставками. Поддерживать связь не только по линии исполкомов, но и между работниками здравоохранения, спорта, народного образования, культуры и т.д.

Итальянская сторона активно высказывалась за укрепление таких связей.

4. Италия имеет многовековую историю, классическую древнюю культуру. Но мы отмечаем, что активного строительства промышленного развития в тех городах, где нам пришлось побывать, мы не заметили. В этом смысле наша страна идет далеко впереди, наш народ своими руками и умом создает сейчас новую свою историю, новую культуру, строит коммунизм. Это выгодно отличает Советский Союз.

5. Мы убедились, что наличие частной собственности на землю и средства производства сдерживает развитие богатых возможностей этой страны, вследствие чего большая армия трудящихся, среди них много специалистов, вынуждена выезжать из Италии в другие капиталистические страны в поисках работы и лучшей жизни.

6. Мы отмечаем, что в сравнении с нашими условиями в Италии дороже стоимость товаров, особенно продовольственных. Очень высокая квартирная плата. Немалые деньги стоит проезд по дорогам, высокая цена на бензин. Все это говорит о высокой стоимости жизни в Италии. Многие итальянцы живут бедно, не имеют возможности учить детей.

Что полезного мы находим для себя в этой поездке?

Было весьма приятно лично убедиться, увидеть своими глазами, вынести впечатлений от бесед, посещений промышленных предприятий, школ, больниц, провинциальных учреждений, что, несомненно, наша социалистическая система имеет громадные преимущества перед капитализмом и является единственно правильным путем развития человеческого общества.

Мы на многих фактах жизни итальянского народа увидели, что жизненный уровень советского народа выше, чем в Италии.

Нам понравилось единодушие, какое мы имели возможность наблюдать среди населения г. Феррары в вопросах борьбы за мир. Очевидно, что там понимают, что грозит миру новая военная катастрофа, если империалистам удастся развязать войну. Эти антивоенные, миролюбивые устремления феррарцев служат делу всеобщего мира.

В сфере обслуживания населения в Италии бросается в глаза высокая культура торговых предприятий и организаций. Торговые фирмы многого достигли в совершенствовании своего мастерства по доведению товара к покупателю. Товары массового потребления, продукты питания имеют мелкую расфасовку, что весьма удобно для покупателя, красивую упаковку и внешнее оформление.

В сочетании с активным стремлением продавца во чтобы то ни стало сбыть товар, мелкая фасовка значительно ускоряет торговлю. Быстрота обслуживания в магазинах такова, что в них почти отсутствуют очереди.

Обращает на себя внимание целенаправленная яркая по форме и доходчивая торговая реклама, особенно реклама по продаже фруктов и овощей основного продукта, с которыми Феррара выходит на рынок страны и зарубежные рынки.

Хорошее впечатление оставила постановка всех видов сервиса – гостиницы, предприятия общественного питания, торговля, оборудование морских пляжей и т.п.

Мы даем высокую оценку магистральным автострадам и вообще дорожному строительству в Италии. Дороги добротны сделаны и находятся в отличном эксплуатационном состоянии. Полагаем, что в связи с ростом автомобильного парка в нашей стране уже в ближайшие годы следует обратить внимание на серьезное улучшение дорожного строительства, особо выделил сооружение магистральных линий большой протяженности.

В отделке зданий в Ферраре широко применяется подделка под мрамор мозаичных полов. Разные по размеру рваные куски мрамора заливаются цементом, шлифуются и полы получают прочные с довольно красивым рисунком.

Наша делегация отмечает высокую внешнюю культуру во взаимоотношениях людей и особенно атмосферу товарищества и доброжелательности, которая наблюдается среди членов коммунистической партии Италии.

Мы по достоинству оцениваем высокую дисциплину и

исполнительность работников государственных органов, аккуратность и культуру в оформлении деловых документов.

Из поездки в Италию наша делегация вынесла впечатление, что население города Феррары имеет очень слабое представление о советском образе жизни.

В беседах мы убедились, что многие завоевания нашего города в официальной области для итальянских трудящихся являются только мечтой. И чем больше возможностей мы будем использовать для пропаганды нашего образа жизни, чем больше итальянцы будут знать о наших достижениях, тем больше выиграет дело взаимопонимания и дружбы и, в какой-то мере, дело социального прогресса в Италии.

П. Колмогоров, Б.Чепков, Е. Соловьева, М. Кнуренко

8 декабря 1967 года»

Данный документ не единственное свидетельство зарождения побратимских связей между Краснодаром и Феррарой, об этом писали местные газеты, прошли ряд встреч и праздничных мероприятий с участниками поездки, но именно в этом отчете представлен практически весь спектр направлений деятельности советской делегации. Несмотря на явное нежелание официального руководства Феррары уделять внимание советской делегации, и даже отчасти пренебрежительное отношение, краснодарцы смогли встретиться с горожанами в самых разнообразных областях и в простых беседах сформировать положительный облик нашей страны. Примечательно, что впечатления членов делегации о положительных сторонах хозяйственного развития Феррары касаются областей, которые активно развивались и в Краснодарском крае – сельское хозяйство, морской отдых и дорожное строительство, что свидетельствует о практичном подходе со стороны членов делегации и дальнейшем внедрении положительного опыта уже на родной территории.

Библиографический список

1. Гости из Италии // Советская Кубань. 1967. 20 августа.
2. Максимов В.Б. Международные контакты городов СССР как часть внешней политики правительства // Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 4, История, 2012. № 2 (22) С. 96 – 97.
3. ГАКК Ф. Р 988, Оп. 4 (пр.), Д. 89, Л. 7 – 12.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В БИБЛИОТЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ETHNOCULTURAL COMMUNICATION IN THE LIBRARY SPACE

Л.И. Переславцева

*Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

L.I. Pereslavl'tseva

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Аннотация. В условиях трансформации коммуникативной среды, стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и технических средств связи особую значимость приобретает проблема эффективного диалога культур и этносов. Библиотека способствует взаимодействию различных этнических групп. Этнокультурные различия проявляются в межнациональном общении на межличностном уровне. В статье акцентируется внимание на создание библиотекой условий для взаимопознания, взаимопонимания, взаимоуважения за счет накопления, сохранения и передачи культурных норм, ценностей и пр., организации социального диалога в пределах различных культурных традиций. Анализируется этнокультурная коммуникация в библиотечном пространстве.

Abstract. In the context of the transformation of the communicative environment, the rapid development of information and communication technologies and technical means of communication, the problem of effective dialogue between cultures and ethnic groups is of particular importance. The library promotes the interaction of various ethnic groups. Ethnocultural differences are manifested in interethnic communication at the interpersonal level. The article focuses on the creation by the library of conditions for mutual understanding, mutual understanding, mutual respect through the accumulation, preservation and transfer of cultural norms, values, etc., the organization of social dialogue within various cultural traditions. Ethnocultural communication in the library space is analyzed.

Ключевые слова: библиотека, библиотечное пространство, этнокультурная коммуникация, социокультурная среда.

Keywords: library, library space, ethno-cultural communication, socio-cultural environment.

Коммуникация является ведущим средством вхождения человека в социум и пребывания в нем, так как на протяжении всей его жизни происходит непрерывный обмен информацией с другими людьми, осуществляется передача знаний, опыта, результатов деятельности. Коммуникация представляет собой действие, в ходе которого формируются новые отношения.

Процесс коммуникации реализуется в различных контекстах:

физическом (условия окружающей среды, местоположение, время года, время суток и пр.), социальном (цель коммуникации, отношения между участниками коммуникации), историческом (история зарождения, развития отношений в коммуникации), психологическом (эмоции участников коммуникации), и культурном (ценностные ориентации человека, его убеждения, отношения и пр.).

Этнокультурная коммуникация – часть более широкого поля межкультурной коммуникации. Этнокультурное общение представляет собой особую связь людей, основанную на опыте и традициях народа, накопленных веками. Для современной этнокультурной коммуникации присуще не только взаимодействие между представителями различных этнических групп внутри одного общества, но и между представителями различных обществ. Важной характеристикой этнокультурной коммуникации является интерактивность, то есть творческое взаимодействие, определяемое актуальной на данный момент задачей деятельности. Контактированию людей, принадлежащих к разным культурам, немало способствует и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и технических средств связи. В таких условиях проблема эффективного диалога культур и этносов приобретает особую значимость.

В настоящее время в теоретических исследованиях, а также библиотекарями-практиками все чаще рассматривается потенциал научно-образовательной и социокультурной среды библиотеки, в которой пользователь может как удовлетворить свои информационные потребности, так и реализовать себя как личность. Современная библиотека уже давно перестала быть просто местом для чтения. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что она является местом встреч и общения, то есть, по сути, социально-коммуникационным центром, так как коммуникация характеризуется и как атрибут различных видов библиотечной деятельности, и как самостоятельная деятельность.

Читательская аудитория, а следовательно, аудитория взаимодействия в библиотеке достаточно разнообразна: обучающиеся, научные работники, жители города, туристы и др. Пользователи библиотеки различаются возрастом, образованием, профессией, национальностью, культурными традициями и пр. Несмотря на то, что подобное условие создает определенные трудности в нахождении точек взаимодействия, оно, тем не менее, способствует открытости библиотеки с компромиссными формами и толерантностью.

Исследователи подчеркивают также этнопедагогическую роль библиотеки [5]. Действительно, в библиотеке взаимодействуют представители различных этнических групп. Справедливо, что этнокультурные различия проявляются в межнациональном общении на

межличностном уровне. Библиотека же создает условия для взаимопознания, взаимопонимания, взаимоуважения за счет накопления, сохранения и передачи культурных норм, ценностей и пр., организации социального диалога в пределах различных культурных традиций [1], [5]. В частности, такие условия создаются за счет использования потенциала библиотечного пространства, включающего помещения, информационные ресурсы, современные каналы связи, программное обеспечение и онлайн-сервисы для организации взаимодействия и др. Содержательная насыщенность библиотечного пространства определяется атмосферой творчества, сотворчества библиотекаря и читателя, межличностного общения, развитой системой коммуникаций [9]. Таким образом, при упоминании пространства в отношении библиотеки, речь идет о новом – пространственном – типе мышления, которое «сочетает в себе и процедурное знание того, как надо действовать, и знание декларативное, т.е. совокупность прошлого опыта о тех или иных событиях и действиях» [6, с. 17].

Принципы библиотечного пространства во многом заданы содержательными особенностями библиотеки как социокультурного института. В сущности, их можно рассматривать как элементы, влияющие на её деятельность. Один из таких элементов является коммуникативная или диалоговая природа библиотечного пространства [8, с. 85].

Библиотеку справедливо называют хранителем коллективной памяти народов, выражающейся в документальном наследии, способствующем сохранению культурной самобытности народов, интеграции их культурно-исторического прошлого с настоящим и выстраиванию будущего. Но рассматривая концептуальные модели библиотеки [4], можно утверждать, что эффективная этнокультурная коммуникация осуществляется в «коммуникационной» («плюралистической») библиотеке. Согласно исследованиям, такая модель предполагает стимулирование интереса к пониманию различных культурных феноменов с отсутствием навязывания готовых образцов, смыслов и целей. Во главу угла ставятся отношения, формируемые между субъектами коммуникации. При этом каждый элемент библиотечного пространства предоставляет «возможность каждому «представителю культуры» наглядно передать собственный взгляд на мир и тем самым реально включить пользователя в свой культурный контекст» [3]. При наличии таких потоков информации, как фонд на традиционных носителях и электронные ресурсы, самым мощным потоком информации, доступным в «коммуникационной» библиотеке, является устная коммуникация, представленная в межличностном общении. К ней относится вся деятельность, связанная с организацией мероприятий, в которой осуществляется активное диалогическое взаимодействие. В число таких мероприятий входят, во-первых, мероприятия, направленные на создание

системы связей с национально-культурными объединениями, так как это помогает организовать диалог в пределах различных культурных традиций. Во-вторых, взаимному пониманию людей, принадлежащих к разным этносам и культурам, способствует празднование национальных праздников. Немаловажным мероприятием является организация книжных выставок с представленной на них литературой, раскрывающей многообразие традиций, культур, быта.

Модным трендом становится библиотуризм. Заинтересовать библиотуриста могут документы об истории края, его особенностях, достопримечательностях, народные сказания, легенды, литературные издания и пр. В контексте этнокультурной коммуникации в библиотечное пространство многих публичных библиотек включены обзорные экскурсии, дающие возможность узнать интересные истории, реальные факты, мифы.

Некоторые исследователи считают, что для эффективной этнокультурной коммуникации библиотекарь должен обладать этнокультурной компетентностью, подразумевая под данным понятием компетентности не только наличие знаний, навыков и опыта, необходимых для оценки специфики и условий взаимодействия с представителями этнических общностей, применения соответствующих форм сотрудничества с ними, но и степень их проявления [2].

Общедоступная библиотека позиционирует себя как полифункциональная организация. Большое распространение получили различные центры, в том числе центры общения (межкультурной, межличностной коммуникации). Сегодня в библиотеках формируется высокотехнологичная среда, все менее соотносимая с конкретным видом пространства, но все более интегрированная в пространство внешнее. А сама современная библиотека трансформируется в центры межкультурной коммуникации с различными видами традиционного и виртуального общения, руководствуясь тем, что библиотекам следует учитывать и продвигать культурное и языковое многообразие на всех уровнях в целях поддержки кросс-культурного диалога и активной гражданской позиции, так как «культурное и языковое разнообразие являются общим наследием человечества, которое следует беречь и сохранять во всеобщих интересах» [7].

Библиографический список

1. Батаева, Т.Н. Библиотека как инструмент воспитания толерантности / Т.Н. Батаева// Библиотековедение. – 2007. – № 6. – С. 25-28.
2. Библиотечное обслуживание полиэтничного населения региона. Этнологическая грамотность библиотекаря: справ. пособие / Сост.: Л.Д. Данильянк, В.С. Крейденко. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. – 91 с.
3. Гениева, Е.Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации / Е.Ю. Гениева. –М.: РОССПЭН, 2005. – 206 с.

4. Гениева, Е.Ю. Концептуальные модели библиотеки: объект, предмет и методология исследования / Е.Ю. Гениева // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2006. – № 6. – С. 1-6.

5. Данильянц, Л.Д. К вопросу о межкультурном этническом общении и обучении в общедоступной библиотеке // Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. – 2001. – № 1. – С. 29-31.

6. Замятин, Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М.: Знак, 2006. – 488 с.

7. Манифест ИФЛА о поликультурной библиотеке // Научные и технические библиотеки. – 2008. – № 7. – С. 5-9.

8. Матлина, С.Г. Библиотечное пространство: основные принципы и характеристики (социокультурные аспекты). Часть первая / С.Г. Матлина // Библиотечное дело. – 2016. – № 6. – С. 83-97.

9. Матлина, С.Г. Завоевывать и преодолевать или обживать и осваивать? Социально-культурные аспекты формирования библиотечного пространства / С.Г. Матлина // Библиотечное дело. – 2009. – № 4 (94). – С. 2-9.

ГРЕКО-ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА В КИЛИКИИ XIII – СЕРЕДИНЫ XIV ВВ.

GREEK ORTHODOX COMMUNITY IN CILICIA 13TH - MIDDLE 14TH CENTURIES

В.Г. Аветисян

*Российско-Армянский (Славянский) университет,
Институт Востоковедения, Ереван, Республика Армения*

V.G. Avetisyan

*Russian-Armenian (Slavonic) University,
Institute of Oriental Studies, Yerevan, Armenia*

Аннотация: До конца XII в. между армянским духовенством Киликии и Византийской церковью шли переговоры о восстановлении церковного общения, которые не привели к положительным результатам. После 1198 г. Киликийская Армения формально приняла главенство Римской церкви, но данное обстоятельство не повлияло на вытеснение прав греко-православного населения страны. После завоевания Антиохии в 1268 г., греко-православное население Киликии ещё больше сплотилось и оставалось значимой частью населения королевства, было представлено во всех областях жизни. Только с 40-х гг. XIV в., на фоне упадка государства, православная община начинает быстро рассеиваться.

Abstract: Until the end of the 12th century, between the Armenian clergy of Cilicia and the Byzantine Church, negotiations were periodically held on the restoration of church communion, which, unfortunately, did not lead to positive results. After 1198, Cilician Armenia officially accepted the government of the Roman Church, but this circumstance did not influence the displacement of the rights of the Greek Orthodox population of the

country. After the conquest of Antioch in 1268, the Greek Orthodox population of Cilicia became even more united and remained a significant part of the kingdom's population, represented in all areas of life. Only from the 1440s 14th centuries, against the backdrop of the decline of the state, did the Orthodox community begin to rapidly disperse.

Ключевые слова: Византийская империя, Киликийская Армения, Антиохийская православная церковь, Антиохийское княжество, Симеон II Абу Шаиб, Никейская империя.

Keywords: Byzantium, Cilician Armenia, Patriarch of Antioch, Principate of Antioch, Simeon II Abu Shayib, Nicaean Empire.

Как известно, среди армян, начиная с V века, существует христианская община, получившая в историографии различные названия, такие как «армяне-хоромы», «армяне халкидониты», «греко-армяне», «щаты» [13, с. 238-249; 20, с. 584-588; 23, с. 137-138], «православные армяне» [21, с. 1-68, 18, с. 181-193; 16, с. 85-98; 17, с. 196-208; 14, с. 322-344; 15, с. 9-20] и т. д. Все эти определения условные, требующие уточнения каждый раз. Всех последователей византийского обряда Киликии XIII-XIV вв., без серьёзных исключений, можно считать последователями Греческой Православной Церкви, поскольку эта община, состоявшая из греков, армян, ассирийцев и даже франков, подчинялась Греческому (Византийскому) Патриархату Антиохии.

Вплоть до XII в. переговоры и диалог с Византией оставались в числе вопросов повестки дня армянского двора Киликии и церкви, затем они продолжались, хотя и не с той интенсивностью [30, с. 116-175]. Несмотря на попытки объединения Латинской и Армянской церковью, верующие Византийской православной церкви сохранили большую часть своих центров в Киликии, наиболее важными из которых были митрополии Тарса, Анарзабы, Селевкии, автокефальные кафедры Маместии, Аданы, Помпейополя и Мартирополя [31, с. 389-390, 399-401]. Православная община в Киликии всегда сохраняла своё особое положение и неслучайно, что во время коронации Левона присутствовал глава общины – епископ Таресской православной церкви [1, с. гл. 3, обз. 158, с. 116].

Непосредственное участие Рима в коронации Левона II Рубенида (1187-1219 гг.) не привело к желаемому результату и у Латинской церкви в Киликии после этого даже возникли серьёзные осложнения по поводу неоднозначной позиции Рима в Киликийско-Антиохийском конфликте (1194-1219 гг.) [26, с. 96-101]. Левон лишил Латинскую церковь ряда владений, передав их Греческой церкви, а в 1210 году греческий патриарх Антиохии (Мелькит) Симеон II Абу Шаиб (1206-1242 гг.)

удостоился почётного приёма [22, с. 47-48]¹. Он, по словам Вильгельма Ольденбургского, 6 января 1212 года в Сисе совершает службу для верующих Византийской церкви [9, с. 177-178] в присутствии Левона и Раймунда-Рубена, затем ему передают некоторые принадлежащие Латинской церкви монастыри и храмы в Тарсе и Маместии [9, с. 177-178; 25, с. 315]².

Покровительство Греческой церкви продолжалось особенно после 1212 года – после смерти латинского архиепископа Тарса, о чём, свидетельствуют письма Папы Иннокентия III. В марте 1213 года Папа упомянул о передаче Левонем земель Латинской церкви Тарса грекам: «...Более того, из Тарса,...где, по твоему обещанию, означенный патриарх (Антиохии) надеялся рукоположить архиепископа,...ты совершенно силой удалил латинское духовенство,...а потом осмелился насильно передать (его) некоторым грекам» [5, сар. II (с. 785)]. Результатом диалога с Византийской церковью и империей стало сближение с Никейской империей, завершившееся в 1213 году браком Филиппы - дочери Рубена III и Феодора I Ласкариса [2, с. 164-165; 29, с. 53-56].

Однако в 1213-1216 гг. Левон был вынужден отказаться от такой политики, поскольку открытый конфликт с Римом грозил потерей союзников в Антиохии. По его просьбе Патриарх Симеон II принял верховенство Латинского Патриарха Антиохии Петра II Лачедонского (епископа Ивры), но вскоре он перебрался в Никею, отвергнув латинское таинство [25, с. 317]. Дальнейшие события показывают, что Левон продолжал покровительствовать православной общине в Киликии. Ближайший сподвижник короля Левона, Адан Пайл, был последователем Греческой церкви. Не вдаваясь в подробности [24, с. 221-250], отметим, что Адан, по словам Микаэля Асори, был «из народа хоромов» [10, с. 515], а Киракос Гандзакеци называет его «хором по вере» [1, с. 130]. Он был назначен сенешалем королевства и опекуном над несовершеннолетней дочерью Левона – Забел [1, с. 130; 3, с. 125].

---

¹ Православные патриархи Антиохии после 1100 г. находились в Константинополе и носили этот титул лишь номинально. В XII-XIII вв. Византия постоянно пыталась восстановить свою реальную власть и вернуть Антиохию. Из-за внутривосточной борьбы князя Антиохии иногда нарочно обостряли противоречия между православным и латинским патриархатами.

² О тесном сотрудничестве армянского и греческого духовенства в начале XII в. свидетельствует и тот факт, что написанное ещё в середине IX в. епископом города Никии в Вифании письмо католикусу Захарию Дзагеци было переведено с греческого на армянский при поддержке священников Никифора и Михаила в Сисе в 1204 г. [11, с. 271].

О большом влиянии православной общины в Киликии XIII века, свидетельствуют внутренние события в 1220-х годах [27, с. 369-371]. Более того, представители дома Хетумидов, всегда находясь в тесных отношениях с Византией (информацию об этом мы находим в бумагах Нерсеса Шнорали [12, с. 85-87]), ещё больше расширили права Православной церкви в Киликии за счёт Латинской церкви. Поводом стала поддержка Папы антиохийскому принцу, в борьбе против Киликии в 1225–1226 годах [6, с. 168-170]. 1226 г. он изгнал с территории королевства латинских архиепископов Маместии и Тарса [25, с. 340]. Им было разрешено вернуться в Киликию только во время Хетума II (1289–1293, 1294–1297, 1299–1307 гг.) [8, с. 859].

Ситуация в 1230-х годах показывает восстановление позиций Византийской церкви: Симеон II Абу Шаиб, снова оказался в центре диалога между Киликией и Никейской империей. В 1239 г. по настоянию короля Хетума обсуждался вопрос восстановления общения между Православной и Армянской Апостольской церквями [28, с. 31-32; 25, с. 321]. Хотя это не привело к большим изменениям [32, с. 1616-1617], но сообщения о пожертвованиях никейского императора Дуки Ватациса (1222-1254 гг.) Византийским церквям в Киликии [4, с. 62-63, 142-144] подтверждают факт свободного развития православной общины.

Падение Антиохии в 1268 году повысило роль православной общины Киликии. Лишившись прямого покровительства Византии, этим епархиям не оставалось иного выхода, как искать благосклонности армянских королей Киликии. В 1287 году, после долгих разногласий, Киликийские епархии Антиохийского Патриархата выбрали новым Патриархом митрополита Помпейопольского Дионисия. До середины XIV в. патриарший престол занимал и другой представитель Киликии - митрополит Маместии Дионисий II (между 1316-1344 гг.) [7, с. 456-461].

В 1344 году Патриархи Антиохии перебрались окончательно в Дамаск, поскольку ослабление Киликии было очевидным, что делало неопределенной не только судьбу местной православной общины, но и христианское присутствие в этом регионе вообще.

Таким образом, несмотря на ослабление Византии и усиление позиций Латинской церкви на Ближнем Востоке в XII в., православная община Киликии продолжала играть важную роль во внешней и внутренней политике королевства, проявляя даже большие амбиции. После завоевания Антиохии мамлюками крупнейшие центры Антиохийской Православной Церкви сохранились в Киликийской Армении, в результате чего роль Киликийских епархий в византийской церковной системе возросла. Новые завоевания мамлюков в 40-х гг. XIV

в. привели к упадку уже Киликийской Армении, за которым последовало постепенное разрушение общины.

Библиографический список

1. Киракос Гандзакци, История Армении, перевод Ханраляна Л. А., Москва, “Наука”, 1976.
2. Павлов А., “Синодальная грамота 1213 г. о браке греческого императора с дочерью армянского князя”, Византийский временник, СПб, 1897, т. 4, с. 161-165.
3. Смбат Спарамет, Летопись, перевод Галстяна А. Г., Ерева, “Айастан”, 1974.
4. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, Collecta et ediderunt Miklosich F. et Muller I., vol. 4, Acta et diplomata monasteriorum et Ecclesiarum Orientis, Vindobonae, 1871.
5. Innocentius III Pontifex Romanus, Patrologia Latina, V. 216, № 3, Paris, “Seu Petit Montrouge”, 1855.
6. Ibn al-Athyr - Kamel-Altevarykh, Extrait de la Chronique, Recueil des historiens des croisades, Historia orientaux, t. 2, partie 1, Paris, “Imprimerie nationale”, 1887.
7. Nicephorus Callistus, Ecclesiasticae historiae, (Patrologia Graeca), t. 146, Paris, “Seu Petit Montrouge”, 1865.
8. Les Registres de Nicholas IV, Recueil des bulles de ce pape, t. 2, ed. M. E. Langlois, Paris, “Ernest Thorin Editeur”, 1891.
9. Wilbrandus de Oldenburg, Peregrinatores Medii Aevi Quatuor, Leipzig, “Hinrichs Bibliopola”, 1864.
10. Միխայլ Ասրի, Ժամանակագրութիւն, Երուսաղէմ, “Սրբոյ Յակովբեանց”, 1871.
11. Ոսկեան Հ. Հ., Յուցակ հայերէն ձեռագրաց Միխիթարեան Մատենադարանին ի Վիեննա, հ. Բ, Վիեննա, “Միխիթարեան Տպարան”, 1964.
12. Սրբոյն Ներսէսի Շնորհալոյ, Ընդհանրական թուղթ, Երուսաղէմ, “Սրբոյ Յակովբեանց”, 1871.
13. Адонц Н., «О происхождении Армян-Цатов», Жур.Мин.Народ.Просвещ., 1911, Т. 32, с. 238-249.
14. Арутюнова-Фиданян В. А., «Армяне-халкидониты: идентичность на стыке этноса и конфессии», (Диалог со временем), Москва, 2007, Т. 21, с. 322-344.
15. Арутюнова-Фиданян В. А., «Армяне-халкидониты. Терминология», Вестник ПСТГУ III: Филология, 2013, Вып. 5 (35), с. 9-20.
16. Арутюнова-Фиданян В. А., «К вопросу об армянах-халкидонитах», ВОН, 1971, № 3, с. 85-98.
17. Арутюнова-Фиданян В. А., «Православные армяне в Северо-Восточной Руси», (Древнейшие государства Восточной Европы), 1992—1993 гг., Москва, 1995, с. 196-208.
18. Бартикян Р. М., «О византийской аристократической семье Гаврас [ГАВРАΣ]: Еще раз о цатах (армянах-халкидонитах)», ՊԲՀ, 1987, № 4, с. 181-193.
19. Брюн С. П., Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI-XIII вв., т. 2, Москва, “Автор. изд.”, 2015.
20. «Из “Тактикона” Никона Дивногольца. Описание греческих рукописей монастыря Святой Екатерины на Синае», Т. 1, доп., ред. Бенешевича В. Н., ПСБ, 1911, с. 584-588.
21. Марр Н. Я., «Аркауны, монгольское название христианъ, въ связи съ

вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ», Византийский Временник, Т. XII, Вып. 1–4, СПб, 1905, с. 1-68.

22. Мутафян К. З., Последнее королевство Армении, Москва, “Mediacrat”, 2009.

23. Эмин Н., О падах. Исследование по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы (за 1858-1884), 2-е изд., Москва, 1896.

24. Grigoryan S., “The Lineage of Adam (Siratan), Regent for Zapēl, Queen of Armenia”, in M.-A. Chevalier, I. Ortega (dir.), Élités chrétiennes et formes du pouvoir en Méditerranée centrale et orientale (XIIIe-XVe siècle), Paris 2017.

25. Hamilton B., The Latin Church and the Crusader States, London, “Variorum Publications LTD”, 1980.

26. Ավետիսյան Վ., Լատինական եկեղեցու դիրքորոշումը 1194-1219 թթ. Կիլիկիա-անտիոքյան հակամարտության հարցում, Էջմիածին, 2012, համար Ը, էջ 96-101.

27. Ավետիսյան Վ., Հույն (Բյուզանդական) Ուղղափառ եկեղեցու հետևորդ համայնքը Կիլիկիայում ԺԳ-ԺԴ դդ. կեսերին, Բանբեր Մատանադարանի, հ. 33, Երևան, 2022, էջ 369-371.

28. Բարթիկյան Հ., Հայ-բիւզանդական եկեղեցական յարաբերութիւնները փաստաթղթերում, Հայ-բյուզանդական հետազոտություններ, հ. Գ, Երևան, “ԵՊՀ հրատ.”, 2006.

29. Բարթիկյան Հ., Հայ-բյուզանդական հետազոտություններ, հ. Ա, Երևան, “ԵՊՀ հրատ.”, 2002.

30. Բոգոյան Ա. Ա., Կիլիկյան Հայաստանը Մերձավոր Արևելքի եկեղեցաքաղաքական փոխհարաբերությունների փաստաթղթերում. վավերագրության խնդիրներ, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ “Գիտություն”, 2023.

31. Ղազարյան Գ., Անտիոքի պատրիարքության հայկական թեմերը (Ե-ԻԱ դդ.) (Արևելյան աղբյուրագիտություն), հ. 2, կազմ. և խմբ. Բոգոյան Ա. Ա., Երևան, 2020.

32. Օրմանյան Մ., Ազգապատում, հ. Բ, մաս Ա, Պէյրուք, “Սեւան”, 1960.

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ (ААЦ) – ЦЕНТР ОБЪЕДИНЕНИЯ И ДУХОВНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ КРАСНОДАРА

ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH (AAC) – CENTER FOR UNIFICATION AND SPIRITUAL TRANSFORMATION OF THE ARMENIAN DIASPORA IN KRASNODAR

Թեր Դանիլ (Վարտան Գրիգորևիչ) Կուկյան
Церковь Св. Саака и Св. Месропа, г. Краснодар, Россия
Ter Daniel (Vartan Grigorievich) Kukuyan
Church of St. Sahak and St. Mesrop, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена краткому обзору этапов возрождения и развития армянской церкви в Краснодаре и ее роли в духовном преобразовании армянской диаспоры города. Ясно отмечено, что взаимоотношения церкви, как института, с

прихожанами с самого начала развивались в режиме диалога. Это было принципиально новым для граждан в первый период постсоветского времени, привыкшим к командно-директивному отношению власти к народу и как следствие пассивной позиции масс. В ходе формирования церковной общины вырабатывались совершенно новые отношения между прихожанами. Люди стали чувствовать личную ответственность за выбор, который они делали и рожденные этим выбором действия. Понятие «Личность» наполнялось принципиально новым содержанием, закладывались основы подлинно демократических преобразований. Армянская церковь в условиях диаспоры, с одной стороны оставалась частью ААЦ, с другой имела определенную организационную и некоторую культурную автономию. Это делало её прекрасным объектом осуществления и в то же самое время наблюдения за духовным преобразованием ее прихожан только что отбредшим свободу Духа. Специально сказано о роли женщин и особенно молодежи в процессе духовного преобразования армянской диаспоры Краснодара.

Annotation. The article is devoted to a brief overview of the stages of the revival and development of the Armenian Church in Krasnodar and its role in the spiritual transformation of the Armenian Diaspora of the city. It is clearly noted that the relationship of the church, as an institution, with parishioners has been developing in a dialogue mode from the very beginning. This was fundamentally new for citizens in the first period of the post-Soviet period, who were accustomed to the command and directive attitude of the government towards the people and, as a result, the passive position of the masses. During the formation of the church community, completely new relationships between parishioners were developed. People began to feel personally responsible for the choices they made and the actions born of that choice. The concept of "Personality" was filled with fundamentally new content, the foundations of truly democratic transformations were laid. The Armenian Church in the context of the Diaspora, on the one hand, remained part of the Armenian Orthodox Church, on the other, had a certain organizational and some cultural autonomy. This made her an excellent object for exercising and at the same time observing the spiritual transformation of her parishioners who had just lost the freedom of the Spirit. The role of women and especially young people in the process of spiritual transformation of the Armenian Diaspora in Krasnodar is specifically mentioned.

Ключевые слова. Дух, духовность, душа, Свет духовного познания, Личность, диалог, активисты, женщины, молодежь.

Keywords. Spirit, spirituality, soul, Light of spiritual knowledge, Personality, dialogue, activists, women, youth.

С ослаблением, а за тем распадом СССР, народы, проживавшие на территории огромного атеистического государства, получили в наследство значительную дезориентацию политической, экономической, социальной, а главное духовной жизни. Коммунистические идеалы ушли в прошлое, новые еще не сформировались. Народы Российской Федерации, как и других республик, не имевшие на ее территории какой-либо политической автономии оказались в этнокультурном плане в весьма ущемленном положении. Армянская диаспора Кубани и прежде всего Краснодара искала выход в попытках создания единой

этнокультурной организации. Это был интересный, противоречивый процесс, сталкивавшийся со многими трудностями заслуживающий отдельного исследования. А с декабря 1991 года, когда в Краснодар из Эчмиадзина приехали архимандрит Езник Петросян и дьякон Артур Баядян, обозначился процесс объединения армян Северного Кавказа вокруг важнейшего в жизни этого народа духовно-культурного центра – Армянской Апостольской Церкви (ААЦ). При этом следует признать, что для подавляющего большинства армян ААЦ в то время рассматривалась, как авторитетная общественная организация для объединения армян с целью сохранения армянской культуры и этнической идентичности. Главная и важнейшая духовная миссия Армянской Церкви в сознании большинства диаспоры отодвигалась на третий план. Можно без каких-либо натяжек сказать, что процессы духовного возрождения армянской диаспоры в Краснодаре полностью совпадали, да и сейчас совпадают, с аналогичными процессами духовного возрождения всех народов бывшего СССР, с учетом конечно конфессиональных различий. На смену торжества бездуховности царившей во всем мире, особенно в атеистических странах пораженных коммунистической идеологией шла новая эпоха, которую позволю охарактеризовать, как время сепарации. Пришло время разделения общества на огромное большинство тех, кто продолжает путь духовного обнищания, и тех, кто, призванный Духом, избирает тернистый путь своего духовного возрождения. Наша задача понять и по возможности описать хотя бы внешнюю сторону этих процессов.

1990-е годы можно описать, как время массового устремления в церковь. Для армян Армянская Церковь всегда оставалась существенной частью идентичности, однако со временем стала скорее традицией, чем стержнем Духовного развития. Тем не менее появление энергичного представителя армянского духовенства в лице архимандрита Езника Петросяна сразу нашло отклик в сердцах армян. Если до декабря 1991 года на территории всей Российской Федерации было всего три действующие армянские церкви: в Москве, Владикавказе и Армавире, то, теперь ещё не дожидаясь строительства церквей стали возникать церковные общины и появлялись меценаты готовые вложить свои недавно обретенные средства в строительство часовен и храмов. Сопровождавший архимандрита Езника дьякон Артур Баядян был рукоположен во священники под именем Тер Арутюн и сразу начал служение. Сначала по договоренности в Центре Национальных Культур на ул. Красноармейской 53 каждое воскресенье служилась Святая Литургия, позже в частном доме, предоставленном Пайлаком

Гаспаряном недалеко от памятника «Рабочему созидателю» на подъезде к микрорайону Гидрострой. С первых же служб стараниями активистов народ стал посещать литургии, входить в церковную жизнь. Начался процесс формирования церковной общины, который сдерживался лишь отсутствием постоянного центра притяжения. Энергичными усилиями активистов, среди которых нужно выделить в первую очередь Рафика Арамовича Маркаряна, Ашота Пайлаковича Гаспаряна, Вартана Григорьевича Кукуяна, Рафика Мнацакановича Сермикяна а также еще ряд активистов готовился запрос к мэру города Самойленко Валерию Александровичу на возрождение существовавшей с 1801 года армянской церкви, которая была закрыта в 1957 году, а в 1960 разрушена. Параллельно искали место для строительства храма, в этом большую активность проявлял Александр Григорьевич Оганян. Неоценимый вклад в это дело внес генеральный директор завода РИП Арабянц Завен Амаякович, авторитет которого во властных структурах был чрезвычайно высок. Достаточно сказать, что у него дома был телефон прямой связи с ЦК КПСС. Однако хотел бы отметить, Завен Амаякович поставил условие, что будет строиться не только церковь, но обязательно армянский культурный центр. Противоречия в этом условии не было и его приняли. Не могу не назвать еще одного выдающегося краснодарца, который без оглядки на власть предрержащих очень много делал для поддержки армянского движения – Казаджиева Геннадия Карповича, выдающегося спортсмена и активного общественного деятеля Кубани. Валерий Александрович очень благосклонно отнесся к нашему обращению и помог выделить прекрасное место для строительства храма и армянской воскресной школы с большим актовым залом. Вскоре благодаря настойчивости Р.А. Маркаряна был определен меценат, который взял на себя ответственность на собственные средства построить армянскую церковь. Им стал Наири Паруйрович Оганесян предприниматель первого поколения еще советских бизнесменов. С построением храма завершился первый этап объединения и начала духовного возрождения армян Краснодара. **ВЕНЦОМ ЭТОГО СТАЛ ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ НАШЕГО ГОРОДА ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРИЕЗД В КРАСНОДАР КАТОЛИКОСА И ВЕРХОВНОГО ПАТРИАРХА ВСЕХ АРМЯН ГАРИГИНА I ОСВЯТИВШЕГО ЧЕТВЕРТОГО СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА ХРАМ СУРЬ ОВАННЕС АВЕДАРАНИЧ (СВЯТОГО ИОАННА ЕВАНГЕЛИСТА).**

Это было эпохальное событие вызвавшее большой энтузиазм не только у армян, но и у всего города. Однако Духовная и душевная составляющие в развитии как отдельного человека, так и всего

человечества никогда не идут параллельными путями часто вступая в сложные порой конфликтные отношения. Как говорит апостол Иоанн **«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит:»** [2] Ярчайший пример тому XX столетие. Поэтому заявлять о том, что задача объединения и духовного возрождения армян Краснодара выполнена было бы слишком легкомысленно и преждевременно. Да был создан Духовный центр армян города объединяющий их как в пространстве, так и во времени, ведь с 1801 года в Екатеринодаре существовала армянская церковь и возрождение ее устремляло екатеринодарцев-краснодарцев в будущее. Кроме того, на повестку религиозного сознания верующих ставился вопрос: «Как работает Святой Дух с людьми»? Церковь не горком партии со своими безоговорочными решениями и постановлениями. Церковь – это диалог Бога с человеком и Человека с Богом. Все это было ново для большинства постсоветских людей и даже для определенной части разраставшегося, как грибы после дождя, духовенства. Это касалось всей духовной жизни нашей большой и тогда еще единой страны. На втором этапе развития нашей церкви, которое, как вы, я надеюсь, понимаете, шло параллельно с развитием Духовных начал во всех конфессиях представленных в СССР, возросла роль женщин. Они более решительно входили в жизнь Церкви и всячески способствовали ее становлению и укреплению. Сожалею, что не могу назвать всех – это требует отдельного исследования – «женщины в церкви; их роль и значение в укреплении христианского Духа в пост атеистическое время». Буду рад если кто-то разработает эту тему. Здесь же я хочу перечислить лишь несколько имен, которые наряду с другими внесли свой вклад в развитие духовной жизни нашей церкви в Краснодаре. Прежде всего, хочу назвать Ануш Георгиевну Саргсян, она практически с первых дней после освящения храма служит в церкви и всю себя отдает этому служению. Амалия Анастасовна Мосинян активно работает с молодежью, организовала танцевальный творческий коллектив, сегодня передала бразды правления этим коллективом своей внучке Анне Мосинян, а сама, оставаясь рядом продолжает по мере своих сил служить церкви на поприще сохранения армянской культуры. Хотел бы назвать трех бескорыстных учительниц армянского языка Аршалуйс Артюшевну Еремян, Мексиду Альбертовну Мадоян и Еразик Левоновну Тер-Карапетян. Три разных стиля преподавания языка, разные формы общения с людьми, но при этом ориентированность на связь с миром не только через язык и культуру в целом, а через устанавливаемые духовные связи. Наблюдая за этими учителями можно ясно видеть, как

Дух и душа взаимодействуют в человеке и каждый раз, когда Духовное возвышается над душевным мы видим Божественный Свет исходящий из их сердец. Этот процесс не поддается описанию в научных статистических терминах. Более того наукообразность отвлекает от созерцания и осознания невидимого обычному глазу Света. Однако те, кто регулярной молитвой, пребыванием на литургии, причастием наполняют свои сердца присутствием Бога в них самих, легко открывают Духовный Свет в окружающих их людях. **«Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света, / потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истин.»** [3].

Учителя – наиболее интересный объект наблюдения за их преображением. Однако назову еще двух женщин, как пример добросовестного служения Создателю. Назели Мишаевна Макарян служащая церкви, её незаметный труд так же окрашен ровным служением Богу посредством постоянного пребывания в Доме Божьем и постепенным возрастанием в ней Духовного начала. Особо надо отметить яркую личность, далеко выходящую по своему масштабу за пределы относительно небольшой общины Церкви Св. Ованнес Аведаранич Маргариту Саркисовну Симоньян. Она родилась в ссылке в г. Свердловске, внучка турецкоподданных армян, высланных из Крыма, с двух лет жила в Краснодаре. В Маргарите ярко проявляются начала личностного роста, являющиеся одним из главных условий подлинного воцерковления христианина.

Здесь позвольте сделать паузу и отметить иное понимание автором термина «Личность» существенно искаженного, по его мнению, за два-три прошедших столетия. В условиях едва заметно начавшейся еще в эпоху Ренессанса и стремительно достигшей своего апогея в XX веке эрозии духовных начал человеческой жизни многие базовые определения и термины были существенно искажены или даже вычеркнуты из сознания человека. Одним из таких базовых понятий является «Личность». В прошлом столетии личностью стали называть практически любого более или менее выдающегося индивида. Даже антигерои XX века и предшествующих столетий именовались личностями. В то время как Личностью является лишь тот в ком живет и дышит образ Божий, кто в большей или меньшей степени уподобляется Христу, независимо от узко понимаемой конфессиональной принадлежности. Поэтому воцерковление – это не просто знание и выполнение церковных правил, это предоставление своего сердца Святому Духу, который помещается в человеке, живет в нем и дышит, и озаряет и самого человека и окружающий мир Светом истины.

Позволительно сказать, так же, что становление Личности – это процесс вхождения и пребывания в Вечности. Можно стать очень выдающимся человеком – индивидом, но при этом не только не быть. Личностью, но, напротив, ее антиподом, как многие более чем выдающиеся деятели XX и предшествующих столетий.

Вполне естественно, что с обретением центра духовного притяжения, начинается процесс духовного воспитания прихожан, делающих первые шаги к постижению Света Истины. И акцент был сделан на работе с молодежью. Эту деятельность взял на себя активист, чуть позже рукоположенный в дьякона Вартан Кукуян, а в июне 1999 года во священника под именем Даниэл Кукуян. Надо отметить, что молодёжь с радостью откликнулась на этот призыв и раз в неделю двенадцать – пятнадцать человек собирались после литургии на духовные беседы, которые очень скоро переросли в систематическое чтение и изучение Нового Завета. Кроме этого проводилось много совместных событий, которые всегда так или иначе озарялись Светом Истины. Жизнь церковной молодежи последовательно обретала Духовные начала. Очень важным событием на пути духовного развития прихожан церкви стало назначение десятого апреля 2000-го года нового Главы Епархии Юга России (это первоначальное название нашей Епархии) Архимандрита Мовсеса Мовсесяна, пришедшего на смену Епископу Езнику Петросяну, переведенному в СвС:св. Эчмиадзин. Если основатель Епархии вполне естественно главное внимание уделял процессам формирования и укрепления вновь образованной Епархии, то новый глава, не оставляя внешней организационной работы акцентировал свое внимание на духовном содержании жизни и деятельности престольной церкви и всей Епархии в целом. 30 сентября 2001 года Архимандрит Мовсес Мовсесян был рукоположен во Епископы и это стало значительной вехой не только в его духовной жизни, но всей Епархии в целом.

Процесс преображения армянской диаспоры нашего города шел последовательным, но не простым путем, вовлекая в себя все большее число людей. Он породил у компактно проживающей группы армян бывшей станицы Пашковской, которая к тому времени уже давно была частью города, но сохраняла свое автономное мышление и восприятие действительности желание построить свою, как говорили пашковчане, церковь, так как кафедральная была далеко от их местоположения. Идея эта витала еще с конца 90-х годов. Но если в начале желание воздвигнуть ещё один храм вызывало опасение некоего раскола, то очень скоро воочию проявились плоды церковного воспитания прихожан армянской

церкви. Всем верующим в гениальной простоте явился тот факт, что Церковь единый организм и сколько бы храмов не строилось они, суть, одна Армянская Апостольская Церковь. Опасения сами собой отпали. Инициаторами этого строительства были пашковчане Вачик Сергеевич Серопянец и Санвел Георгиевич Мхитарьян поддержанные другими армянами пашковской общины. Большой меценат и благотворитель Андрей Михайлович Амосов взял на себя ответственность строительства храма и 21 ноября 2011 года Храм Св. Саака и Св. Месропа, армянских просветителей и создателей армянской письменности (Св. Месроп) был освящен Епископом Мовсесом Мовсесяном, при большом стечении народа. Быть настоятелем храма был благословлен священник Даниэл Кукуян.

Работа с молодежью продолжилась и заметно активизировалась. В 2010 году в город Горячий Ключ приехал Акопян Саргис Георгиевич, который с первых дней включился в жизнь церковной общины церкви Святых Саака и Месропа. Вскоре исходя из понимания роли молодежи в укреплении и развитии церкви Саргис Акопян отозвался на призыв настоятеля церкви и взял на себя значительную часть работы с молодежью. Некоторые члены общины настороженно приняли нового, активного, а главное духовно развитого члена общины, поведение и духовный уровень которого заметно отличался от большинства тех, кто только стал на путь своего внутреннего преображения. Однако его правильные наполненные духовным смыслом действия и активная поддержка настоятеля позволили Саргису Акопяну занять достойно место в общине и еще сильнее сплотить молодежь вокруг церкви. Им были организованы паломнические поездки в Арцах, в Западную Армению, в Ростов на Дону духовный и исторический центр Ново-Нахичеванской и Российской Епархии и другие паломнические поездки. Все это укрепляло дух молодежи. Краснодар стал одним из немногих городов Российской Федерации с двумя армянскими церквями.

Этот факт существенно повлиял на духовное развитие армянской диаспоры Кубанской столицы и, хотя определить количественные изменения духовной составляющей прихожан тем более тех, кто в храм приходят не регулярно не представляется возможным факт духовного оздоровления значительной части армян города не вызывает сомнения. Лучшим свидетельством этого является все возрастающая потребность армян Краснодара и во всей Епархии, в присутствии в храме, в молитве и молитвенной жизни. Откликаясь на этот запрос возрастающего числа прихожан подходит к завершению строительство большого Кафедрального Собора. Следует особо подчеркнуть, что если первые

храмы новейшего времени строились по инициативе немногих в чьих сердцах, теплился Свет Веры, как призыв к остальным к пробуждению и обретению Бога в себе, то строительство этого Собора – стало ответом на возрастающую жажду прихожан в обретении духовной жизни. **«Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет» [1].** Конечно мы должны осознать, что, приступая к исследованию духовных проблем мы никогда не сможем давать однозначные количественные ответы. На наших глазах, нашими усилиями рождается то, о чем говорили, говорят и будут говорить; синтез науки и религии.

Синтез науки и религии большая, требующая специального изучения область человеческого знания, мы же на отдельном материале пытаемся отметить и в меру сил осознать процессы, происходящие в духовной сфере современного человечества. Армянская Церковь в диаспоре очень удобный объект исследования. С одной стороны, она неразрывная часть ААЦ, с другой ее территориальная и в известной мере культурная отдаленность от Святого Эчмиадзина создает некую лабораторную ситуацию исследования происходящих в ней процессов. Мы воочию видим, как трудно соединить классические методы изучения социальных явлений и исследование духовных процессов, происходящих в современном человеческом обществе. Они очевидны, но едва поддаются традиционному анализу и точным характеристикам. Более того, там, где мы пытаемся сделать это, как бы насильственно, мы невероятно искажаем подлинную картину. Коэффициент интуитивного познания истины в таких исследованиях чрезвычайно высок и требует большой осторожности и максимальной добросовестности исследователя. Тем не менее, мы должны со всей ответственностью сказать, что роль армянской церкви в Краснодаре в духовном преображении и сплочении на её основе армянской диаспоры огромна. Мы видим, что армяне, включенные в жизнь церкви, составляющие ее тело все, более осознанно идут путем преобразования окружающего мира, через собственное преобразование. Особенно это видно на примере молодежи более открыто и искренне воспринимающей духовные ценности и более свободной от искажающих душу атеистических воззрений старшего поколения.

Библиографический список

1. Новый Завет
2. Евангелие от Луки гл.11, ст. 33
3. Евангелие от Иоанна гл.3, ст. 8
4. Послание к Ефессянам гл. 5, ст. 8,9

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ

THE PROBLEM OF ETHNOGENESIS AS A CRITICAL COMPONENT OF THE FORMATION OF THE HISTORICAL CULTURE OF BELARUSIANS

П.С. Крючек

*Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь*

P.S. Kruchek

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация: Важнейшей составной частью исторической культуры каждого народа являются представления о его происхождении. Вопрос о происхождении белорусского народа на протяжении длительного времени была объектом пристального внимания как белорусских, так и российских историков. В статье рассматриваются основные концепции формирования белорусского этноса, которые были сформулированы в историографии XIX – XX в.

Abstract: The most important component of the historical culture of every nation is ideas about its origin. The question of the origin of the Belarusian people has been the object of close attention of both Belarusian and Russian historians for a long time. The article examines the basic concepts of the formation of the Belarusian ethnic group, which were formulated in the historiography of the 19th – 20th centuries.

Ключевые слова: этнос, этногенез, историография, Беларусь, Россия.

Keywords: ethnos, ethno genesis, historiography, Belarus, Russia.

Вопрос о происхождении белорусского народа на протяжении длительного времени являлся объектом пристального внимания как белорусских, так и российских историков. Впервые эта проблема стала предметом научного анализа в XIX в., когда в Российском обществе проявился пристальный интерес к изучению этнографии и истории включенных в состав империи в результате разделов Речи Посполитой территорий. При этом господствующей в данный период являлось представление о существовании еще со времен Киевской Руси единого русского народа, с единой «русской» православной верой и единым языком. Этнографические особенности украинцев и белорусов при этом объяснялись исключительно длительному внешнему воздействию, прежде всего со стороны Польши.

Правительственная точка зрения на этот вопрос нашла свое отражение уже в 1780 г. в официальном путеводителе, который был

приурочен к путешествию Екатерины II по Беларуси. В нем, в частности, утверждалось, что «некогда эта земля принадлежала великим русским князьям. Потом она была расхищена на части, но русские государи, начиная с Ивана III, стремились присоединить оторванные части». И лишь в 1772 г. произошло восстановление исторической справедливости и «потерянное приобщено и утверждено под державу Екатерины» [6, с. 42–43].

На фоне этой очевидной близости мысль о том, что эти «братские народы» тем не менее, все же являются разными народами, пробивала себе дорогу с большим трудом. В среде украинской интеллигенции национальное самосознание зародилось в середине XIX в. и сформулировано было деятелями Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве (1846-1847 гг.), многие из которых затем (в 50-е - 60-е гг.) группировались вокруг журнала «Основа» в Санкт-Петербурге. Там, в частности, была опубликована статья Н. И. Костомарова «Две русские народности», название которой говорит само за себя. Признание существования третьей «русской народности», белорусов, вызревало еще медленнее [4, с. 11].

В начале XIX в. еще не существовало единого названия для белорусского этноса и территории его проживания. Название «Беларусь» было закреплено только на восточных территориях – Могилевская, Витебская и часть Смоленской губерний, среди населения которых было широко распространено самоназвание «белорусь». Западные регионы – Минская, Гродненская и Виленская губернии (вместе с Каунасом) назывались «Литва», а их население называли «литвинами». Польский язык преобладал в социальной и культурной жизни всего региона.

Отрицательное влияние на формирование этнического самосознания белорусов оказывал и конфессиональный фактор. Белорусское население в XIX в. было расколото по конфессиональному признаку. Социальные верхи общества являлись в основном католиками и относили себя к полякам. В то же время православное население Беларуси, основную массу которого составляли крестьяне, считалось русским. Такая ситуация, которую активно поддерживали и православное, и католическое духовенство, не способствовала консолидации белорусского этноса и отрицательно сказывалась на этническом самосознании белорусского народа. Следствием этого стало возникновение двух псевдонаучных концепций этногенеза белорусов – «великорусской» и «польской». Общим для этих концепций было отрицание самого факта существования белорусского народа. Не прибегая к глубокому изучению и анализу этнографии и истории

белорусов, представители этих концепций объявили их составной частью соответственно либо русского, либо польского народа.

Показательными в этом плане являются работы Н. Устрялова. В них Беларусь не являлась самостоятельным объектом исследования. Историк был уверен в существовании единого восточнославянского этноса и именно в этом контексте рассматривал разделы Речи Посполитой и включение белорусских земель в состав Российской империи [7]. Такая точка зрения стала идеологическим указанием для последующих российских историков вплоть до начала XX в. и являлась господствующей в великорусской историографии.

Похожую позицию в вопросе этногенеза белорусов занимали и представители идеологии западнорусизма, которая окончательно оформилась во второй половине XIX в. Согласно этой идеологии, белорусы были лишь одной из этнографических групп единого русского народа. Историк Михаил Коялович в своих работах утверждал, что Украина, Беларусь и Литва исторически являлись единой и неотъемлемой частью России как территориально, так и этнически. Этнографические особенности Беларуси объяснялись польским влиянием и подлежали ликвидации [3, с. 76].

Идея самостоятельности белорусского народа была впервые выдвинута народнической группой «Гомон», действовавшей среди белорусских студентов в Петербурге в 1880-е гг., притом не без влияния аналогичных украинских групп.

В своих изданиях – «Письма о Беларуси. Письмо первое» Данилы Боровика, «Послание землякам-белорусам» от «Искренного белоруса», два номера журнала «Гомон» и др. – белорусские народники утверждали, что у белорусов есть свои оригинальные черты, которые позволяют считать их самостоятельным славянским племенем со своей историей, этнографическими и климатическими особенностями, отличными от соседей – поляков, украинцев и русских. Особенно подчеркивалась самобытность белорусского языка.

Наиболее последовательную научную концепцию этногенеза белорусов предложили в конце XIX – начале XX в. видные белорусские ученые Е. Карский и М. Довнар-Запольский.

В первом томе своей работы «Белорусы» Е. Карский приходит к выводу, что уже к XIII в. на основе древнерусских племен кривичей, дреговичей и радимичей сформировалась белорусская народность, а белорусский язык является не диалектом русского или польского языков, а самостоятельным славянским языком со своими фонетическими и грамматическими особенностями [2, с.112].

Известный историк М. Довнар-Запольский в своих трудах утверждал, что территория бассейна Припяти и до верховьев Днепра вместе с бассейном Вислы и Одера являлась прародиной славян, которые впоследствии распались на множество племен. В результате племена кривичей, дреговичей и радимичей стали основой для формирования белорусской народности. Более того, ссылаясь на филологические исследования А. Шахматова, М. Довнар-Запольский пришел к мысли, что эти племена по своим языковым особенностям ближе к западным славянам. Эти племена уже в древности имели свои этнографические особенности, которые отличали их от других восточнославянских племен, разговаривали на общем языке, который впоследствии и стал основой для белорусского языка [1, с. 26]. Более того, М. Довнар-Запольский считал, что племена кривичей, дреговичей и радимичей на протяжении своей истории не испытывали каково либо значительного влияния со стороны других народов. Поэтому белорусы, наряду с поляками, являются наиболее чистым славянским народом [1, с. 28].

Но еще несколько десятилетий этой идее приходилось доказывать свое право на жизнь. Например, авторитетный языковед, академик И. И. Срезневский в 1887 г. утверждал: «Гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором Великорусского наречия, а не отдельным наречием». Двухтомная работа П. В. Шейна по этнографии белорусов, опубликованная в 1887-1893 гг., вышла под красноречивым названием: «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» [4, с.15].

И все-таки термин «белорусы», пусть пока еще в чисто этнографическом смысле, постепенно проникал в массовое сознание. При проведении переписи населения 1897 г. 74% жителей так называемого Северо-Западного края определили свой родной язык как белорусский.

В начале XX в. самостоятельность белорусского языка большинством исследователей уже не ставилась под сомнение. Споры шли лишь о том, признавать его самостоятельным языком или диалектом русского. Соответственно колебалось мнение и о статусе белорусов как этнической общности, но сам факт существования такой общности под сомнение уже не ставился.

Те, кто утверждал национальную самобытность белорусов, тем самым вставали перед необходимостью объяснить причины ее возникновения. Две наиболее разработанные версии формирования самостоятельных восточнославянских этносов были предложены на рубеже XX в. А. А. Шахматовым и Е. Ф. Карским. Первый из них

признавал разделение племен «Повести временных лет» на три группы говоров (северную, среднюю и южную), но полагал, что эти группы испытали нивелирующее взаимовлияние в эпоху Киевской Руси и послужили только основой для формирования восточнославянских народов. В целом же этот процесс состоялся уже после татарского нашествия, в рамках новых государств – Московского и Литовского. В частности, белорусская народность сложилась на базе западной ветви среднерусской группы говоров, но благодаря, прежде всего политической изоляции от восточных и северных говоров, эволюционировавших в направлении русского языка [4, с. 25].

Е. Ф. Карский вслед за Н. И. Костомаровым усматривал истоки этнообразующих черт в особенностях древнеславянских племен. Но, поскольку в его время понятие «Белоруссия» стало значительно шире, включая жителей Полесья и верхнего Понеманья, механическое сопоставление белорусов с кривичами стало невозможным. Е. Ф. Карский указал на три древнерусских племени, давших начало белорусскому этносу: кривичей, дреговичей и радимичей. Но сложение единой народности на их основе он датировал более поздним временем – XIII-XIV вв., когда потомки указанных племен вошли в состав Великого княжества Литовского [4, с. 26].

Концепция А. Шахматова оказала большое влияние на советскую историографию, в которой постепенно оформилась концепция «древнерусской народности». Ее сторонники утверждали, что уже в эпоху Киевской Руси племенные отличия утратили свое значение, в результате чего там сложилась единая народность с общим языком самоназванием, культурой и т.д. Главные отличительные черты восточнославянских народов возникли позднее, после распада Руси и раздела ее территории между Московским государством и Великим княжеством Литовским (ВКЛ).

В духе этой концепции в 40-е гг. был предложен ряд попыток объяснить причины появления белорусского этноса. Основными факторами постулировались политическое объединение в рамках ВКЛ и экономические связи между отдельными областями будущей белорусской территории, причем механизм действия этих факторов не объяснялся. Вышедшие затем работы А. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина довольно детально обосновывали ключевую роль периода Киевской Руси для формирования восточнославянского единства в форме древнерусской народности [4, с. 27]. Вопрос о причинах различий при этом совершенно отступил на задний план.

В сфере языкознания идея вторичности отличительных черт

восточнославянских языков нашла развитие в работах Ф. П. Филина. Он обосновывал сложение к первой половине XII в. общерусского языка. в котором выделял северную и южную этнографические зоны. Образование трех восточнославянских языков было, по его мнению, результатом последующих эволюционных процессов. В частности, в западной части общерусского ареала примерно в XIV-XVI вв. развились такие вторичные явления, как отверждение звука «р», «дзекание» и другие характерные особенности белорусского языка [4, с. 28]. Причины подобных новаций лингвисты склонны объяснять внутренними законами развития языка (по аналогии с биологией их можно назвать своего рода «мутациями»).

Однако данную концепцию разделяли не все ученые. В частности московский археолог В. В. Седов, опираясь главным образом на данные археологии и топонимики, в ряде работ сформулировал концепцию, которую можно условно назвать «субстратной». Согласно этой теории, первоначально единый славянский массив при расселении по территории Восточной Европы наслонился на разные этнические субстраты. На территории современной Белоруссии славяне смешались с племенами балтской языковой группы, родственными литовцам и латышам.

Ассимилированные потомки древних балтов привнесли в культуру и язык кривичей, дреговичей и радимичей самобытные черты, которые впоследствии не исчезли полностью в эпоху Киевской Руси и вновь проступили после ее распада. Именно на их основе произошла интеграция потомков указанных племен в единый белорусский этнос [4, с. 29].

Эта концепция в советский период встретила довольно холодный прием, в основном по идеологическим соображениям. Во-первых, приверженцев официальной догмы настораживал сам акцент на различия, а не на общность. Во-вторых, слишком бросалось в глаза сходство с «племенной концепцией», приверженцы которой в то время носили ярлык «буржуазных националистов».

Ситуация резко изменилась после образования на территории бывшего СССР новых независимых государств. Как и можно было ожидать, «племенная» и родственная ей «субстратная» концепции стали пользоваться повышенной популярностью. В статье В. П. Грицкевича «Какой быть белорусской исторической науке», появившейся в 1992 г., приведен целый перечень «мифов и умолчаний, которые на протяжении последних десятилетий сложились в советской белорусской исторической науке и с помощью историков укоренились в сознании людей». Среди них названы и мифы «о прогрессивной роли славянского

элемента в формировании белорусского этноса», «об общей древнерусской народности», а также «о запоздалом до XIII-XIV веков оформлении белорусского этноса» [4, с. 29].

Понятно, что альтернативой может быть только признание прогрессивной роли балтского субстрата, отрицание древнерусской народности и датировка оформления белорусского этноса периодом не позднее IX-X вв., т. е. до включения белорусских земель в состав Киевской Руси.

Однако такой подход к этногенезу белорусов разделяют не все ученые. Более обоснованно, на наш взгляд, является утверждение М.Ф. Пилипенко, что под влиянием балтов складывался не белорусский этнос, а восточнославянские образования дреговичей, радимичей и кривичей, расселившихся на белорусских землях в течение VI-X веков. Поэтому их следует рассматривать не просто как племена или союзы племен, а как новые этнические общности, своеобразные протонародности. начального этапа раннеклассового общества. Окончательное формирование белорусского этноса произошло в XIV – XVI в составе Великого княжества Литовского [5, с. 45].

Таким образом, белорусский этнос прошел большой и длительный путь зарождения и развития. Он имеет глубокие исторические корни, которые уходят в древний период, связанный с заселением и освоением человеком белорусских земель. Этот процесс активизировался с расселением индоевропейских племен и закреплением здесь восточных славян.

Не вызывает сомнения тот факт, что белорусы сформировались как восточнославянский народ индоевропейского происхождения и как общность прошли через различные исторические стадии и этносоциальные формы, приобретя уже в конце XIX – начале XX века национальные черты.

Исторические же условия для этногенеза белорусов были весьма сложными и противоречивыми, причем не раз менялось государственно-территориальное пространство, в котором шло становление и развитие белорусского этноса. Однако не нарушена была генетическая преемственность, а этнические изменения происходили в соответствии с законом адаптации, что позволяло белорусскому этносу формировать качества, обеспечивавшие ему реально возможное существование в конкретно-исторической среде обитания.

Библиографический список

1. Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. 512 с.

2. Карский Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. Т.1. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1903. 324 с.
3. Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб.: Тип. Суворина, 1884. XIII, 349 с.
4. Носевич В. В. Белорусы: становление этноса и «национальная идея» // Белоруссия и Россия: общества и государства / Редактор-составитель Д. Е. Фурман. – М.: Права человека, 1998. – С. 11-30.
5. Пилипенко, М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция / М.Ф. Пилипенко. – Мн.: Беларусь, 1999. – 143 с.
6. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780. 138 с.
7. Устрялов Н. Г. Он же. О литовском княжестве. Исследование вопроса, какое место в Русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

HISTORY OF CONSTRUCTION OF THE EKATERINODAR ROMAN CATHOLIC CHURCH

А.И. Селицкий

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.I. Selitskiy

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматривается история строительства Екатеринодарской римско-католической церкви, а также связанные с этим политико-правовые, бюрократические и финансовые трудности. В конце XIX в. местные католики во главе с почётным каноником Иосифом Канумовым должны были решить три основных задачи: 1. получить разрешение властей на строительство храма, 2. добиться строительства храма в удобной для коммуникаций части города, 3. найти средства на это строительство. Все три пункта были успешно решены, хотя для этого понадобилось почти 15 лет. В статье привлекаются и сравниваются архивные материалы из Российского государственного исторического архива, Государственных архивов Краснодарского края и Саратовской области.

Abstract. The article examines the history of building of the Ekaterinodar Roman Catholic Church, as well as political, legal, bureaucratic and financial difficulties which were involved in it. In the late 19th century, local Catholics led by honorary canon Joseph Kanumov had to solve three main tasks: 1. to get permission from the authorities for building the church, 2. to obtain construction of the church in a convenient part of the city, 3. to find the funds for this construction. All three items were successfully solved, although it took almost 15 years. The article includes and compares archival materials from the Russian State Historical Archive, the State Archive of Krasnodar Krai and the State Archive of Saratov Oblast.

Ключевые слова: Римско-Католическая церковь; Тираспольская (Саратовская) римско-католическая епархия; Екатеринодар; Екатеринодарская римско-католическая приходская церковь (костёл); Иосиф Канумов.

Keywords: the Roman Catholic Church; the Roman Catholic Diocese of Tiraspol (Saratov); Ekaterinodar; the Ekaterinodar Roman Catholic Parish Church; Joseph Kanumov.

Во второй половине XIX – начале XX в. духовное окормление католиков Кубанской области относилось к ведению Херсонской (Тираспольской) римско-католической (далее: р.-к.) епархии, созданной в 1848 г. и функционировавшей на территории Астраханской, Екатеринославской, Самарской, Саратовской, Та-врической и Херсонской губерний, а также Бессарабии, земли Войска Донского и Кавказа. Резиденция епархиального епископа находилась в Саратове [10; 13, с. 194, 211–212, 222; 27, с. 99–108; 28, с. 1337–1342; 15, с. 1335–1337; 32, с. 80–85].

В конце 1870-х гг. на Кубани проживало почти 5000 католиков. По данным каталогов духовенства и церквей Тираспольской р.-к. епархии в этот период в области было два прихода: в Екатеринодаре (создан в 1866 г., имелся молитвенный дом, располагавшийся в приспособленном для этого частном доме) и в селении Семёновка Майкопского уезда (приходская церковь создана стараниями прихожан в частном доме в 1870 г.). Чуть позже появился третий р.-к. приход на Кубани: в селении Рождественском Баталпашинского уезда (в 1883 г. был по-строен каменный молитвенный дом, к началу 1885 г. здесь проживало 693 прихожанина). По данным каталогов духовенства и церквей Тираспольской р.-к. епархии количество кубанских католиков постепенно увеличивалось: к Екатеринодарскому приходу к началу 1876 г. относилось 4892 чел., а уже к началу 1885 г. – 6028 чел. обоего пола; к Семёновскому: к началу 1876 г. – 661 чел., а к началу 1885 г. – 763 чел. [8, л. 9–9об.; 12, с. XXIX; 14, с. 130]

Памятные книжки Кубанской области также показывают динамику роста р.-к. населения: по данным на 1878 г. в области проживает 2729 чел. р.-к. веро-исповедания (1516 муж. и 1213 жен.), а по данным на 1880 г. в области уже 4816 католиков (2562 муж. и 2254 жен.). [29, с. 80; 30, с. 111]

Настоятелем Екатеринодарского прихода и военным капелланом войск Кубанской области с 14 декабря 1878 г. был почётный каноник Иосиф Стефанович Канумов (25.12.1825 – 20.11.1904), происходивший из семьи грузин-католиков, граждан Кавказского края г. Ахалцихе. В 1845 г. он вступил в духов-ное звание в Папской Коллегии Урбана в Риме (Pontificio Collegio Urbano de Propaganda Fide), где в течение почти

пяти лет (с 1842 по 20 ноября 1845 г.) изучал философию, богословие и церковный закон, а также латынь, греческий и итальянский языки. После этого он, вероятно, ещё оставался в Риме, так как в январе 1850 г. принимал участие в торжествах Богоявления, организованных Коллегией Урбана (в папской газете его упоминали в списке выступающих: Sig. Giuseppe Kanumow di Akalzike). [34, p. 1]

18 марта 1850 г. И. Канумов был рукоположен в иереи и с 1851 г. исполнял должность vikарного при Кутаисской р.-к. приходской церкви. 12 сентября 1853 г. он назначен куратом и проповедником итальянской нации в Одесской р.-к. приходской церкви. В декабре 1857 г. получил бронзовый тёмный крест на Владимирской ленте и светлую медаль на Андреевской ленте. В 1860–1870 гг. И. Канумов был законоучителем в Одесском институте благородных девиц. Живя в Одессе, он был включён в общественно-культурную жизнь города, став членом Одесского общества изящных искусств (созданного в 1864 г.). В 1866 г. И. Канумову был Всемилостивейше пожалован наперстный крест, а 27 февраля 1867 г. он возведён в почётные каноники. С июня по октябрь 1871 г. И. Канумов впервые попробовал себя в роли настоятеля, получив назначение в Мариупольскую р.-к. приходскую церковь, но, вероятно, любовь к Одессе заставила его написать прошение об увольнении. Он был оставлен коморантом (помощником священника) при Одесской р.-к. церкви. 15 декабря 1876 г. И. Канумов стал администратором Тифлиской р.-к. приходской церкви Успения Пресвятой Девы Марии, а с 11 ноября 1877 по 5 апреля 1878 г. был преподавателем Закона Божьего в Тифлиской гимназии. После этого его назначили администратором Перекопской р.-к. филиальной приходской церкви, но уже 14 декабря 1878 г. перевели на Кубань. [4, л. 126–127; 5, л. 75–76; 1, л. 123; 33, s. 228–230, 348–349]

Будучи образованным и деятельным священником, И. Канумов оставил после себя богатое письменное наследие в виде корреспонденции, из которой можно узнать многие важные сведения, в том числе и о численности кубанских католиков. Так, по его данным, включающим церковно-приходские записи, в 1885 г. в Екатеринодарском приходе числилось 6244 чел. (4077 муж., среди которых и нижние чины местного батальона, и 2167 жен.). [8, л. 9–9об.] При этом, согласно церковно-приходским записям на 1888 г., только в Екатеринодаре было исполнено разных духовных треб для 1106 чел., из которых 886 постоянно проживали в городе, а 220 были приезжими, а по сведениям за 1889 г. было исполнено треб для 1158 чел. Священник обращал внимание, что так как не все жители р.-к. исповедания

обращались к нему, то в действительности католиков в городе гораздо больше, а с проведением через Екатеринодар железной дороги развивающиеся промышленность и торговля постепенно привлекли в кубанскую столицу и её окрестности новых лиц р.-к. исповедания. По данным И. Канумова, католическое население города состояло из служащих, отпускных и отставных нижних чинов (в том числе нижних чинов 4-го Кавказского резервного пехотного кадрового батальона), военных и гражданских чиновников с их семьями, торговцев и ремесленников. Среди приезжающих в Екатеринодар в основном были немецкие колонисты и чешские поселенцы, живущие на небольшом расстоянии от Екатеринодара, на землях купленных или арендованных. Священнику приходилось совершать богослужения в своём арендуемом доме или в малоразмерных квартирах прихожан. При проведении литургии только малая часть прихожан могла находиться внутри молитвенного дома, а большинство во время службы было вынуждено располагаться вне дома, что могло быть затруднительно из-за погодных условий [8, л. 35–36, 45].

Как военному р.-к. капеллану войск Кубанской области И. Канумову приходилось объезжать все воинские части, где служили католики, а также места, где проживали католики гражданских специальностей. Впечатляет география его поездок в течение нескольких десятилетий пастырского служения: от Темрюка или Ейска на северо-западе области до Армавира и ст. Лабинской на юго-востоке.

Прибыв на Кубань весной 1879 г., выпускник папского миссионерского университета И. Канумов сразу инициирует вопрос о строительстве в Екатеринодаре костёла. 7 сентября 1879 г., с согласия Кавказского Наместника великого князя Михаила Николаевича, И. Канумову был разрешён сбор пожертвований в течение двух лет по всему Кавказскому краю. Тираспольская р.-к. духовная консистория выдала И. Канумову шнуровую книгу для записи добровольных пожертвований (указ консистории от 12 октября 1879 г.), поручив ему, «чтобы он, по сборе суммы до ста рублей, вносил оную каждый раз для приращения процентов в Государственное кредитное учреждение и по истечении года о количестве собранной им суммы доносил до сведения Консистории, причём ... жертвователи знающие грамоту, должны записывать в книжку жерву[ему]ю им сумму, имя и фамилию свою, собственноручно, чётким почерком, и по миновании срока упомянутому сбору, представить книжку обратно в Консисторию. О разрешении же Канумову производить поименованный сбор известить для сведения Визита-тора Римско-Католических церквей на Кавказе и Закавказьем

Прелата Орловско-го» [6, л. 1–5об.]. Не желая принимать на себя ответственность за сбор и хранение жертвуемых денег, И. Канумов добился согласия епархиального начальства на создание Комитета для сбора пожертвований на сооружение р.-к. церкви в г. Екатеринодаре (далее: Комитет) и утверждения выбранных из екатеринодарских прихожан членов того комитета [8, л. 33–33об.].

Председателем Комитета стал прославленный военачальник – генерал-майор (а с 1884 г. генерал-лейтенант) Аполлинарий Фомич Рукевич, который проживал в Екатеринодаре и в 1871–1884 гг. служил кубанским губернским во-инским начальником. После его смерти 28 декабря 1892 г., Комитет возглавил прокурор Екатеринодарского окружного суда статский советник Виктор Карло-вич Раковский. Помимо настоятеля И. Канумова, членами комитета были знаменитые кубанские католики: частный землемер Леонард Фридрихович Васс (умер в 1895 г.), капитан Анапского резервного батальона Мариан Фортунатович Кон-чаковский, совладелец торгового дома «Пивоваренный завод братьев Людкевич» дворянин Гермоген Михайлович Людкевич (умер в 1900 г.), член Екатеринодарского окружного суда титулярный советник Яков Александрович Мордмиллов-вич, Екатеринодарский уездный воинский начальник майор Альбин Фердинанд Отоцкий, ассессор Кубанского областного правления коллежский советник Иосиф Иосифович Серафинович, штабс-капитан Сигизмунд Осипович Чижик. Секретарём Комитета был штабс-капитан Станислав Романович Хросцицкий, а затем – старший помощник правителя канцелярии Начальника Кубанской области надворный советник Тит Осипович Цибульский [6, л. 8; 8, л. 15об., 60об.].

Комитет, рассчитывая, что «христианское население вообще, а католическое в особенности сочувственно отнесётся к настоящему предприятию и своими посильными жертвованиями даст возможность осуществить сооружение храма Божьего ... обратился письмами ко всем начальствующим лицам в Кавказском Наместничестве, прося их принять на себя труд раздать отправленные в распоряжение их подписные листы тем лицам, которым они пожелали бы вверить сбор пожертвований». Члены комитета обратился также к командирам отдельных частей войск на Кавказе с просьбой, чтобы они сообщили служащим под их началом нижним чинам о сборе добровольных пожертвований на сооружение костёла. Подписные листы, вместе с собранными деньгами, было необходимо до конца года направлять в Екатеринодар на имя Комитета. [16]. Всего до 7 ноября 1880 г. было разослано 848 подписных листов, из них старшему члену правления армяно-католического духовенства в

Закавказском крае (в Ахалцихе) почётному канонику Александру Араратову 63 подписных листа, визитатору р.-к. церковей на Кавказе и Закавказьем прелату Максимилиану Орловскому – 15, начальнику Кубанской области – 267, начальнику Терской области – 25, начальнику Черноморского округа – 10, губернаторам Тифлисскому – 20, Кутаисскому – 25, Бакинскому – 25, Елисаветпольскому – 20, Эриванскому – 20, Ставропольскому – 20, всем начальникам отдельных частей войск и разным лицам в Кавказском наместничестве – 338. Вернулось 106 подписных листа с пожертвованием по ним 1371 р 80 ½ к. [6, л. 7–7об.].

Уже с декабря 1880 г. Комитет на страницах газеты «Кубанские областные ведомости» регулярно информировал обо всех жертвователях, упоминая как частных лиц, так и должностных, а также станичные общества и командиров воинских соединений. В течение первых двух лет среди частных лиц наибольшие суммы внесли старший врач 1-го Кавказского линейного батальона дворянин Юзеф Казимирович Тальмонд (138 р 45 к.), А.К. Рымгайло (114 р), А.А. Скримонт (111 р), М.А. Рутковский (100 р) и начальник работ 3-го отделения управления путей сообщения на Кавказе (в г. Майкопе) статский советник Константин Викентьевич Суходольский (100 р). Среди должностных лиц наибольшую помощь для строительства костёла оказал полицмейстер Темрюкской полицейской управы подполковник Адам Александрович Пяновский, который передал 100 р от братьев Иванович и сумел ещё собрать 93 р. В свою очередь от Эриванского губернатора поступили две суммы 31 р 50 к. и 40 р 99 к. Из воинских начальников наибольшие суммы прислали командиры 2-го батальона 152-го пехотного полка (41 р 61 к.), 82-го пехотного полка (40 р 39 к.) и 3-го Кавказского саперного батальона (39 р). Наконец, в станичных обществах больше всего средств собрали в Петровской (53 р.), Незамаевской (39 р 40 к.) и Ираклиевской (16 р 55 к.). [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Пока Комитет собирал средства на строительство костёла, Екатеринодарская городская дума стала рассматривать возможность отвода участка под его постройку. Так, этот вопрос прозвучал на заседании думы 15 января 1883 г. (тогда же обсуждался отвод участка и для лютеранского храма). [3, л. 54]. А журнальным постановлением от 4 августа 1884 г., утверждённым начальником Кубанской области Г.А. Леоновым, дума определила из четырёх имеющихся сплошных пустопорожних кварталов в южной части города, один крайний, с западной стороны, возле городского сада, разделить на усадебные места под частные постройки, с отделением средней его части и

безвозмездной передачей под постройку р.-к. церкви. Тем самым незначительная часть квартала предназначалась под постройку костёла. Но уже 14 августа 1884 г. последовала телеграмма от епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа (Осецкого), «в которой он, узнав, что предполагено лучшую площадь в г. Екатеринодаре уступить под латинский костёл, просил Начальника Области не допускать этого, так как эта площадь нужна для постройки православного собора или одной из приходских церквей». Вопрос о передаче этого участка католикам был закрыт [8, л. 6–6об., 10].

К 1885 г. Комитет, которому разрешили продолжать сбор, уже располагал суммой в 8979 р 37 ½ к. Члены Комитета рассчитывали, что начало строительства храма поощрит прихожан к усилению пожертвований на случай недостатка имеющегося капитала, поэтому в начале 1885 г. они обратились к начальнику Кубанской области с ходатайством о разрешении постройки в Екатеринодаре р.-к. церкви. В феврале 1885 г. помощник начальника области Н.И. Николич ходатайствовал перед Главнначальствующим гражданской частью на Кавказе о разрешении постройки означенной церкви на местности, которая будет указана городской думой. [8, л. 5–5об., 33об.].

Тем временем Екатеринодарская городская дума своим постановлением от 13 июля 1885 г. безвозмездно выделила для строительства костёла участок в 922,5 квадратных сажень в 1-й части г. Екатеринодара на ул. Борзиковской (ныне: Коммунаров), между ул. Крепостная и Почтовая, напортив квартала, отведённого для постройки дома наказного атамана Кубанского казачьего войска. Место было оценено думой в 4610 р. Он считался маломерным для строительства православного храма, поэтому было решено отдать его католикам. 8 августа 1885 г. Комитет сделал запрос в Екатеринодарскую городскую управу и уже 19 августа 1885 г. получил за подписью городского головы В.С. Климова, скрепленной городским секретарем К.П. Приклонским, отзыв с выкопировкой плана и сообщением городскому нотариусу о выдаче данного места под строительство костёла. [8, л. 6об., 14–14об., 18, 19].

23 октября 1885 г. члены Комитета обратились к руководству Тираспольской р.-к. епархии с просьбой ходатайствовать перед МВД о разрешении строительства костёла, ведь в соответствии со ст. 114 Уставов духовных дел иностранных исповеданий «приобретение недвижимых имуществ для [р.-к.] церквей на сумму до пяти тысяч рублей разрешается Министром Внутренних Дел, а о приобретении на сумму выше пяти тысяч рублей испрашивается равномерно Высочайшее

разрешение» [31, с. 26.]. Также было необходимо согласие министра на принятие отведенного безвозмездно усадебного места для строительства костёла. Уже 8 ноября 1885 г. Тираспольский епископ-суффраган Антон Церр написал запрос в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД (далее: ДДДИИ), приложив в подлиннике отзыв членов Комитета, а также выкопировку плана местности, на которой находилась уступленная Екатеринодаром усадьба и копию с отношения Екатеринодарской городской думы на имя городского нотариуса, отправленную в Комитет. Но 9 декабря 1885 г. все документы были ему возвращены, на основании того, что согласие на получение всех пожертвований в пользу р.-к. духовных учреждений империи испрашивается не иначе как через Р.-к. духовную коллегию в Санкт-Петербурге. Тогда 18 декабря 1885 г. Тираспольский епископ написал рапорт в Р.-к. духовную коллегию, сообщив о сложившейся ситуации. В свою очередь 11 июля 1886 г. Р.-к. духовная коллегия (председатель – митрополит Александр Казимир Гинтовт), ссылаясь на 114 ст. Уставов духовных дел иностранных исповеданий просила разрешение министра внутренних дел на принятие пожертвованного Екатеринодарской городской думой участка земли для строительства костёла. [8, л. 1–1об., 3–3об., 13; 6, л. 9].

Важным фактором стало то, что после ухода епископа Гермогена на покой (февраль 1886 г.), новое православное епархиальное начальство дало согласие на сооружение костёла в указанной части Екатеринодара (8 июня 1886 г.). Вслед за этим, разрешение было получено и от Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, о чём 23 июня 1886 г. было сообщено в ДДДИИ с приложением всех необходимых документов, в том числе выкопировки места. 16 июля 1886 г. последовало согласие МВД, подписанное товарищем министра внутренних дел князем К.Д. Гагариным, а также директором ДДДИИ князем М.Р. Кантакузеном, графом Сперанским, но с существенной оговоркой следующего содержания: «усматривая из ситуационного плана, что упомянутое место находится на Крепостной площади против городского сада и дома Наказного Атамана и составляет лучшую часть города, я полагаю бы разрешение построить в Екатеринодаре р.-к. церковь обусловить избранием для оной самого, по возможности, скромного места» [8, л. 11–12об.].

Интересно, что сами католики, члены Комитета, считали, что «уступленное городом усадебное место хотя находится не в центре города, но в весьма приличном месте, удаленном от средоточия торговой деятельности и следовательно как нельзя более приличествует

сохранению той благоговейной тишины, которая должна быть соблюдаема в доме Божьем» [8, л. 15].

После предложения товарища министра внутренних дел поменять место для постройки костёла, 5 августа 1886 г. канцелярия Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе попросила ДДЦИИ вернуть выкопировку екатеринодарского городского плана, что и последовало 25 августа 1886 г. [8, л. 20, 21]. Вопрос о строительстве костёла был отложен. В октябре 1886 г. канцелярия Главногоначальствующего сделала запрос начальнику Кубанской области о воз-можном разрешении этого вопроса, но ответа так и не получила. Ответа ожидал и ДДЦИИ.

21 марта 1888 г. произошла реорганизация управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом, передававшихся из ведения канцелярии Главногоначальствующего под контроль Окружного штаба Кавказского военного округа (далее: КВО) [8, л. 23–27]. Теперь вопросом строительства костёла в Екатеринодаре занимался другой властный орган.

3 января 1889 г. начальник Окружного штаба КВО сообщил в ДДЦИИ о том, что Екатеринодарская городская дума, в соответствии с рекомендацией товарища министра внутренних дел от 16 июля 1886 г. поменять место под сооружение костёла, пока такое место не нашла. Журнальным постановлением от 10 декабря 1888 г. дума отказала Комитету по сбору пожертвований для постройки костёла, так как члены Комитета просили предоставить участок около Екатерининской дамбы или вблизи Базовской дамбы, но участки эти находились вблизи железной дороги и могли иметь торговое значение для города. Заметим, что члены Комитета искали место возле шоссированных улиц, ведущих к Екатерино-дарскому вокзалу Новороссийской железнодорожной ветви. [8, л. 34; 3, л. 55].

В то же время начальник Окружного штаба сообщал, что начальник Кубанской области Г.А. Леонов не признавал настоятельной надобности в отводе в Екатеринодаре места для постройки костёла из-за незначительности в Кубанской области лиц этого исповедания, а также «потому, что имеющееся в настоящее время, для отправления Богослужения, наёмное помещение вполне удовлетворяет необходимым в этом случае потребностям» [8, л. 30–30об.]. Данное мнение стало основанием для написания отказа от 24 января 1889 г. на разрешение при-нять от Екатеринодара участок для строительства костёла, который ДДЦИИ направил управляющему Тираспольской р.-к. епархией епископу-суффрагану Антону Церру. Последовал указ Тираспольской

консistorии от 27 февраля 1889 г., в котором об этом решении ДДЦИИ сообщалось настоятелю Екатеринодар-ского р.-к. прихода И. Канумову и рекомендовалось положить собранные по-жертвования в Екатеринодарский городской общественный банк под проценты «до более благоприятного времени, в котором может быть удастся привести упомянутое благое намерение в исполнение и билет Банка хранить в церковной кассе, донося Консistorии для сведения о размере собранной суммы и вместе с тем представить в оную обратно выданную ею шнуровую книжку на сбор добротных приношений. О чём поставить в известность и Визитатора Римско-Католических церквей на Кавказе и Закавказом Прелата Орловского и за сим дело это, как не требующее более со стороны Консistorии дальнейшего распоряжения зачислить конечным и сдать в своё время на хранение в архив». [8, л. 31; 6, л. 9–11об.]. Таким образом, Тираспольская консistorия считала вопрос строи-тельства екатеринодарского костёла пока закрытым. Но И. Канумов решил затя-нуть исполнение указа консistorии, ссылаясь в своём рапорте от 12 апреля 1889 г. на то, что в настоящее время в Екатеринодаре отсутствуют некоторые важные члены Комитета, а сам Канумов уезжает из города для исполнения духовных треб для воинских чинов р.-к. исповедания, поэтому указ невозможно будет исполнить до 1 июня. [6, л. 12].

Наконец, 24 сентябре 1889 г. члены Комитета в полном составе подписали акт, в котором сообщали, что в настоящее время держать собранные деньги в банке менее выгодно, чем приобрести плановое место для будущей постройки костёла. Далее отмечалось, что Комитет как юридическое лицо не может приобрести недвижимость без разрешения властей, поэтому было принято решение о покупке планового место не от имени Комитета, а от имени всех его членов в полном составе как частных лиц с указанием в купчей для каких целей делается эта покупка. Осенью 1899 г. полный состав Комитета включал следующих лиц: председатель Комитета А.Ф. Рукевич, члены комитета: И.С. Канумов, И.И. Се-рафинович, Я.А. Мордмиллович, Т.О. Цибульский, С.О. Чижик, Г.М. Людкевич и М.Ф. Кончаковский.

Купчая крепость была оформлена 26 сентября у нотариуса г. Екатеринодара Евгения Ивановича Соломка (контора на ул. Красной в доме Канивецкого). Свидетелями были крестьянин Полтавской губернии Василий Прокофьевич Сибирцов, екатеринодарский мещанин Афанасий Егорович Чикилев и белгородский мещанин Иван Васильевич Матчин. Купчая крепость была утверждена 3 октября 1889 г. старшим нотариусом Екатеринодарского окружного суда Владимиром

Александровичем Росляковым, выпись об этом была выдана 7 октября 1889 г.

Для покупки было выбрано родовой недвижимое имение есаула Павла Степановича и подьесаула Петра Степановича Рубан, стоимостью 6000 р, доставшееся им по духовному завещанию их покойной матери Елизаветы Власьев-ны Говоровой, «состоящее в первой части г. Екатеринодара, на углу Посполитакинской и Графской улиц, в границах: с востока имение вдовы сотника Криво-шеи, с севера – Графская улица, с запада – Посполитакинская улица и с юга – имение сотника Безладнова, мерою: в длину по Графской улице тридцать пять с половиною сажень, с противоположной стороны тридцать шесть сажень и в ширину по Посполитакинской улице шестнадцать сажень и пять футов, с противоположной стороны двадцать сажень». На купленном месте находились дом и флигель, приносящие чистого дохода не менее 400 р.

В акте Комитета от 5 ноября 1889 г. оговаривалось, что купленное место не является принадлежностью покупателей, а собственностью Екатеринодарской р.-к. приходской церкви, как приобретённое не на деньги покупателей, а на суммы, пожертвованные на постройку костёла. [6, л. 16–20об.; 8, л. 37–39об.]

5 ноября 1889 г. Комитет вернул в Тираспольскую консисторию книжку для сбора пожертвований, информируя, что за все годы проведения сборов по-ступило пожертвований 8072 р 87 1/2 к., произведено расходов 7158 р 87 1/2 к. (из них на покупку недвижимого имения братьев Рубан 6423 р 29 к.) и осталось 914 р, которые были внесены для приращения процентом в Екатеринодарский городской общественный банк, а билеты банка переданы настоятелю И. Канумову для хранения в церковной кассе. [6, л. 13–13об.]

Хотя члены Комитета рисковали и нарушили уже упомянутую ст. 114 Уставов духовных дел иностранных исповеданий, но всё оформили юридически грамотно, приобретя плановое место как частные лица и оговорив, что участок станет собственностью костёла, а также в виду пункта 12 правил приложения к ст. 124 ст. тех же Уставов о том, что церковная казна считается принадлежностью общества прихожан и должна быть употребляема по собственной их воле и желанию. Получилось, что имущество было приобретено с большей выгодой для церкви, чем могли приносить проценты от вкладов в кредитное учреждение, Консистория была вынуждена принять эту информацию к сведению как свершившийся факт. [6, л. 15–15об.; 31, с. 28.]

Понимая, что мнение Тираспольской р.-к. консистории не является

самым весомым, члены Комитета, многие из которых были грамотными юристами и высокопоставленными жителями Екатеринодара, составляют развёрнутое прошение с четырьмя документальными приложениями, адресованное министру внутренних дел И.Н. Дурново за подписью настоятеля Екатеринодарского прихода и капеллана войск Кубанской области почётного каноника И. Канумова (21 февраля 1890 г.). Настоятель просит министра разрешить постройку костёла в Екатеринодаре и излагает своё видение ситуации. Он сообщает, что в связи с тем, что гласные Екатеринодарской городской думы не смогли прийти к единому мнению об отводе участка для строительства костёла, то члены Комитета, не предвидя достижения в скором времени желаемого окончания этого дела, по настоянию прихожан, в сентябре 1889 г. купили за 6000 рублей у братьев Рубан плановое место в 1-й части г. Екатеринодара на углу Графской и Посполитакинской улиц, занимающее северо-западный угол квартала, которое имеет средней ширины 18 сажен и длины $35 \frac{1}{4}$ сажен, а в общей сложности $634 \frac{1}{2}$ квадратных сажен. Настоятель подробно описал место будущей церкви: «На этом плане существуют жилые постройки по Посполитакинской улице, церковь же предполагено возвести в части плана занятом фруктовым садом, со стороны построек соседнего владельца Кривойки [Кривошеи], который свои постройки, по всей смежности с купленным планом, отделил каменной брандмауэрной стеной, с третьей соседней стороны прилегает фруктовый сад». И. Канумов обращает внимание на рост количества прихожан и ограниченность пространства молитвенного дома, что приводило к значительным неудобствам для проведения Богослужений. Почётный каноник подчеркивал, что «церковь дорога каждому христианину, молитва в пределах Божественного храма приносит утешение в наших житейских горестях и предотвращает исполнение многих преступлений». [8, л. 33–36об.]

Прохшение возымело действие и ДДДИИ дважды направлял запросы Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе с просьбой сообщить его мнение по данному вопросу (8 марта и 11 июня 1890 г.). Наконец 29 июня 1890 г. канцелярия Главноначальствующего напомнила, что с 1888 г. Кубанская область находится в ведении другой структуры – Окружного штаба КВО, куда и следует обращаться. Только 16 марта 1891 г. ДДДИИ получил ответ от начальника Штаба КВО, согласно которому временно командующий войсками КВО, соглашаясь с мнением начальника Кубанской области Г.А. Леонова, не видит со своей стороны препятствий для удовлетворения прошения И. Канумова. [8, л. 42–45об.]

После этого ДДДИИ проводит согласование и утверждение проекта р.-к. церкви в Екатеринодаре Техническо-строительным комитетом МВД, что и было завершено 11 мая 1891 г. [8, л. 49–50об.; 11]

В январе 1892 г. своё согласие на постройку костёла на месте, купленном у братьев Рубан, дал епископ Ставропольский и Екатеринодарский, о чём 27 января 1892 г. помощник начальника Штаба КВО сообщил в ДДДИИ. В свою очередь, 7 марта 1892 г. ДДДИИ за подписью министра внутренних дел И.Н. Дурново и директора департамента князя М.Р. Кантакузена уведомил Главного начальника гражданской частью на Кавказе, а также Р.-к. духовную консисторию о том, что препятствия для строительства р.-к. церкви в Екатеринодаре отсутствуют и предложил сделать дальнейшие распоряжения. Р.-к. духовная консистория издала соответствующий указ о разрешении строительства костёла, направив его в Екатеринодар. [8, л. 54, 56, 57, 60; 9, л. 1–9об.]

8 сентября 1893 г. состоялось освящение здания строящегося костёла, постройка которого, в конечном итоге, обошлась в сумму до 15 000 р. [25; 26]. 11 декабря 1894 г. состоялось открытие Екатеринодарской римско-католической приходской церкви Святого Розария Пресвятой Девы Марии и Святой Варвары. [2, л. 5; 7].

Таким образом, со времени инициирования вопроса о строительстве костёла в Екатеринодаре и до его открытия прошло практически 15 лет. Р.-к. общине города во главе с настоятелем Иосифом Канумовым пришлось преодолеть множество препон политико-правового, бюрократического и финансового характера и решить три основных вопроса: во-первых, добиться принципиального согласия властей на открытие р.-к. храма в кубанской столице, во-вторых, построить его в непосредственной близости от центральной городской улицы Красной и удобных коммуникаций, и, наконец, в-третьих, решить основные финансовые трудности и найти возможность выстроить костёл, а через несколько лет и сопутствующие постройки (в том числе каменный двухэтажный дом для приходской школы и под квартиру для найма, службы, флигель для викарного священника и колокольню). Всё это стало возможным как благодаря образованности и неиссякаемой энергии почётного каноника И. Канумова, так и неравнодушию прихожан, особенно тех, которые смогли, используя свои материальные возможности и профессиональные знания, поддержать общее дело даже тогда, когда всё уже казалось невозможно изменить.

Библиографический список

1. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 120.
2. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1998.
3. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 44.
4. ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 864.
5. ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 926.
6. ГАСО. Ф. 365. Оп. 2. Д. 74.
7. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2412.
8. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2413.
9. РГИА. Ф. 822. Оп. 5. Д. 19587.
10. РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 13.
11. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166 Кубанская область. Д. 5.
12. 1876 год. Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии, предшествуемый списком римско-католической иерархии в Российской империи // *Directorium Horarum Canoniarum et Sacrarum Missarum ad usum Dioecesis Tiraspolensis pro Anno Domini Bissextili MDCCCLXXXVI* [1876]. *Auctoritate et mandato ... Francisci X.A. Zottmann. Saratoviae: Typis A. Sztinick & Co., 1875.*
13. Акты и грамоты о устройстве и управлении Римско-Католической Церкви в Империи Российской и Царстве Польском. СПб.: Типография Второго отделения СЕИВК, 1849.
14. Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии, предшествуемый списком римско-католической епархии [иерархии] в Российской империи на 1877 год. Составленный по распоряжению Его Превосвященства Франца-Ксаверия Цоттманн Божию и Апостольского Престола милостью Епископа Тираспольского Второго и Орденов Кавалера // *Directorium Horarum Canoniarum et Sacrarum Missarum ad usum Dioecesis Tiraspolensis pro Anno Domini Bissextili MDCCCLXXXVII* [1877]. *Auctoritate et mandato ... Francisci X.A. Zottmann. Saratoviae: Typis A. Sztinick & Co., 1876.*
15. Козлов-Струтинский, С.Г. Краснодар // *Католическая энциклопедия* / Гл. ред. о. Г. Цёрох. Т. 2: И – Л. М.: Издательство Францисканцев, 2005.
16. Кубанские областные ведомости. 12.04.1880. № 15.
17. Кубанские областные ведомости. 06.12.1880. № 48.
18. Кубанские областные ведомости. 13.12.1880. № 49.
19. Кубанские областные ведомости. 07.03.1881. № 10.
20. Кубанские областные ведомости. 09.05.1881. № 18.
21. Кубанские областные ведомости. 27.06.1881. № 25.
22. Кубанские областные ведомости. 22.08.1881. № 33.
23. Кубанские областные ведомости. 07.11.1881. № 44.
24. Кубанские областные ведомости. 17.04.1882. № 15.
25. Кубанские областные ведомости. 11.09.1893. № 69.
26. Кубанские областные ведомости. 04.08.1896. № 165.
27. Лиценбергер, О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001.
28. Лиценбергер, О.А. Тираспольская епархия // *Католическая энциклопедия* / Гл. ред. В.Л. Задворный. Т. 4: Р – Ф. М.: Издательство Францисканцев, 2011.
29. Памятная книжка Кубанской области на 1880 года / Под ред. Е.Д.

Фелицына. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1880. Отдел III.

30. Памятная книжка Кубанской области издан. 1881 года / Сост. Е.Д. Фелицын. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1881. Отдел III.

31. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. СПб.: Типография Второго отделения СЕИВК, 1857. Т. XI. Ч. 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий.

32. Brudzisz, M. Stan diecezji tyraspolskiej pod koniec XIX wieku i jej odrodzenie na początku XX wieku. *Misje ludowe // Studia Polonijne*. Lublin, 2007. Т. 28.

33. Chmielecki T.T. *Gruziński katolicyzm w XIX i na początku XX wieku w świetle archiwów watykańskich*. Toruń, 1998.

34. *Giornale di Roma*. 17.01.1850. № 14.

Список сокращений

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД

КВО – Кавказский военный округ

Комитет – Комитет для сбора пожертвований на сооружение римско-католической церкви в г. Екатеринодаре

р.-к. – римско-католическая (-ий)

БЕЛОРУССКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

BELARUSIAN ORGANIZATIONS ON STATE SELF- DETERMINATION IN SPRING 1917

Н.Е. Семенчик

*Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь*

N.Ye. Semenčik

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация: В статье представлены результаты исследования первого опыта белорусских организаций по выработке и осуществлению форм государственного самоопределения Беларуси. Показаны основные участники белорусского движения и результаты их деятельности в этом вопросе к лету 1917 года.

Abstract: The article presents the results of a study of the first experience of Belarusian organizations in the development and implementation of forms of state self-determination in Belarus. The main participants in the Belarusian movement and the results of their activities in this matter by the summer of 1917 are shown.

Ключевые слова: Февральская революция, национальное движение, белорусские организации, государственное самоопределение, автономия, национальная школа, Белорусская социалистическая громада.

Keywords: February revolution, national movement, Belarusian organizations, State self-determination, autonomy, national school, Belarusian socialist gromada.

К 1917 году захват германцами западных губерний Российской империи, помимо прочего, заметно активизировал национальную жизнь в среде местного населения. Так, белорусы оккупированной Виленщины и Гродненщины создавали школы, культурные учреждения и даже с ведома захватчиков предпринимали попытки воссоздания Великого княжества Литовского. Жизнедеятельность же белорусов Витебской, Минской и Могилёвской губерний была подчинена имперским задачам обороны страны и своих национальных интересов не проявляла. Крестьянское население в своей массе было неграмотным и аполитичным и развитым национальным самосознанием не обладало. Небольшое число интеллигентов из народа, дворян из бывшей шляхты, священников, чиновников и других лиц, осознававших принадлежность к белорусам, терялось среди русских и поляков и не имело четких представлений о будущем своего этноса. Дело усложнялось тем, что ни русские, ни поляки в своей массе не разделяли мнения о том, что белорусы – это самобытный народ. Даже в списках беженцев они, как правило, учитывались в одной графе с русскими или с литовцами, или не учитывались вообще [4]. С осени 1915 г. единственным центром их национальной жизни в неоккупированной части Беларуси стало Минское отделение Белорусского общества помощи жертвам войны во главе с Р. Скирмунтом. Именно, здесь 6 марта 1917 г. состоялся первый, по случаю Февральской революции белорусский митинг [9]. В течение нескольких дней в здании упомянутого общества разместился комитет возрожденной партии – Белорусской социалистической гromады (БСГ) во главе с А. Смоличем.

12 марта в Минске в рамках «Дня белорусского значка» состоялся митинг, на котором впервые после революции было публично заявлено о необходимости «краевой автономии» [10]. Дальнейшая активность белорусских деятелей была обусловлена национальной политикой Временного правительства, устранившего религиозные и национальные ограничения, которые с особым энтузиазмом были встречены населением Беларуси. В итоге все национальные движения стали составной частью революционного обновления России на пути к обретению государственности всех ее народов, в том числе и белорусов.

Первые успехи белорусского движения сделали возможным созыв съезда национальных организаций с целью выработки общей политической программы действий. Его работа началась 25 марта с участием почти 150 делегатов от белорусских партий, обществ,

Петроградского и Минского Советов. В качестве гостей присутствовали представители губернской власти.

В принятой Декларации делегаты съезда приветствовали великую российскую революцию, которая, по их словам, принесла им «свободу и близость автономии Беларуси», и связывали свою дальнейшую судьбу с демократическими преобразованиями в крае. Делегаты заявили также о необходимости школьной реформы на «основах, отвечающим требованиям национального белорусского просвещения».

Избранному съездом Белорусскому национальному комитету (БНК) под председательством Р. Скирмунта поручалось осуществление принятых постановлений и подготовка к выборам высшего органа власти в Беларуси – Краевой Рады.

Предполагалось, что Беларусь останется в составе Российской федеративной республики, а окончательное решение о форме государственного самоопределения Беларуси примет Учредительное собрание. Делегаты съезда выразили надежду на признание Временным правительством этого решения законным и по этому поводу направили в Петроград специальную делегацию.

Но белорусские лозунги, в отличие от еврейских или польских, не получили ожидаемой моральной и политической поддержки со стороны общественности и новой власти. Еще 25 марта, на первом заседании Белорусского съезда обсуждаемые проблемы некоторым приглашенным показались искусственными и несвоевременными. В числе недовольных оказался и помощник губернского комиссара И. Метлин, который заявил о том, будто белорусское движение «не естественно, поскольку под ним нет твердого фундамента народных низов». По его убеждению, вместо национального вопроса необходимо было объединять все демократические силы для упрочения завоеваний революции и скорейшего созыва Учредительного собрания [16].

Итоги Белорусского съезда (25–27 марта) вызвали резкое недовольство определенных общественных кругов, прежде всего, эсеров, претендовавших на политическое лидерство среди трудящихся региона. Созданный ими при участии белорусских деятелей Комитет пропаганды и занимавшийся подготовкой Краевого съезда без объяснения причин разорвал с ними всякие отношения. 6 апреля Минский комитет Крестьянского союза издал постановление с обвинениями БНК в национализме, стремлении подчинить местных рабочих и крестьян помещичьему руководству и тем отделить их от остальных трудящихся России [11]. Хотя на завтра БНК выступил с опровержением упомянутых обвинений [5], но они продолжали множиться и распространяться по

всей Беларуси.

Не удивительно поэтому, что деятельность БНК и БСГ настроила против себя иные, общественно-политические группировки. В мае к их числу присоединился Белорусский народный союз, который возник в Витебске. По своему составу он походил на церковно-чиновничье сообщество, а по идейно-политической ориентации – на собрание демократизированных монархистов [3].

Но куда более ощутимыми и болезненными для белорусского движения оказались нападки из родственного ему стана «революционной демократии», представленного Советами крестьянских депутатов, а также «осколками империи» в виде учителей и чиновничества. Так, в апреле в Гомеле на платформе «неразрывного союза Беларуси с демократической Россией» возникла организация – Союз белорусской демократии (СБД). Главная роль в ней возлагалась на учителей. Их кредо – «белорусская демократия будет всячески противодействовать стремлению части белорусов к автономии» – способствовало, помимо прочего, усилению негативного общественного мнения относительно деятельности БНК.

Антибелорусские настроения преобладали также на съезде 1200 учителей Минской губернии, особенно во время обсуждения «белорусского вопроса», когда подавляющим большинством голосов была принята резолюция, обосновывавшая необходимость обучения в местных школах на русском языке, а лучшей формой политического устройства Беларуси признавала Областное земское самоуправление в составе России. Специальным постановлением было решено направить резолюцию съезда в адрес Временного правительства. В свою очередь БНК, вместо ожидаемой поддержки со стороны губернского союза учителей, получил в его лице еще одного политического оппонента [2].

Относительно спокойно и плодотворно действовал только созданный в Могилёве Белорусский комитет во главе с М. Кохановичем [13]. Хотя и здесь в местной прессе время от времени появлялись материалы, направленные против белорусского движения, но его представители не подвергались таким необоснованным обвинениям в национализме, сепаратизме, какие звучали в Минске в адрес белорусских деятелей.

Работники различных учреждений Всероссийских городского и земского союзов, по партийной принадлежности – эсеры, энесы, большевики, обеспокоенные программой БНК по преобразованиям в Беларуси, мешали его представителям осуществлять задуманное под предлогом борьбы против национализма, помещичьих интриг и т. д. Им,

в частности, удалось сорвать проведение уже намеченного Краевого крестьянского съезда, а взамен его 20 апреля созвать «свой» с участием делегатов от Минской и Виленской губерний. Попытки приглашенных представителей от БНК (П. Алексюк), от БСГ (А. Смолич) и других произнести приветственные речи на белорусском языке встретили неприязнь со стороны «хозяев» [6]. Высказанное гостями предложение обсудить вопросы национального и культурного развития среди крестьян также не нашло поддержки президиума. Его члены, одержимые идеей объединения крестьянства по классовому признаку, отвергли все резолюции Белорусского съезда, в том числе о национальной автономии, Краевой Раде, реформе школы и др. Кроме того, съезд выразил категорический протест против всех обращений Белорусского национального комитета к Временному правительству [14].

В результате организаторы съезда, используя идейно-политическую неразборчивость самих крестьян, основательно дискредитировали своих политических конкурентов из белорусского лагеря. В частности, председатель съезда М. Фрунзе в своей заключительной речи подтвердил слух о том, «что даже Белорусское социалистическая громада работает под влиянием помещиков» [7].

В связи с этим один из его лидеров П. Алексюк отметил преимущество великодержавной политики в методах деятельности тех, кто называл себя «революционной демократией». «Эти «демократы», – писал автор, – привлекают наши крестьянские массы и своими демагогическими выкриками сеют на время раздор между народом и интеллигенцией» [8].

Вскоре резолюции съезда по национальному вопросу были разосланы по местным изданиям. «Съезд признал право народностей края на национально-культурное самоопределение и высказался против автономии Белоруссии, – говорилось в одном из них, – считая важным и необходимым ее целостность и неразрывность с Россией с предоставлением широкого областного самоуправления и демократического устройства» [1].

Разумеется, что подрывной работе недругов и должен был быть противопоставлен свой, белорусский агитационно-пропагандистский инструментарий. Важным шагом в этом отношении обещал стать выход в Минске 1 мая газеты БСГ «Громада» на родном языке. Но рост рядов самой партии был еще невелик и наблюдался главным образом в Москве и Петрограде. Так что членам БНК приходилось в одиночку отстаивать честь своего национального центра нападки политических оппонентов как «слева», со стороны «революционной демократии», так и «справа»,

со стороны шовинистов, бывших монархистов и т. д.

Так, БНК на своем заседании 14 мая счел необходимым более подробно разъяснить свою политику в отношении будущих и нынешних форм связей между Беларусью и Россией, в отношении аграрного вопроса, а также войны. Пять из шести пунктов Декларации полностью соответствовали политике Временного правительства, Петроградского Совета и социалистических партий России. Лишь пункт 4 был отмечен заявлением о необходимости «национализации школы». Но этот и все остальные пункты, даже с упоминанием белорусской автономии, были представлены уже не как требования, а лишь как мнение съезда. Кроме того, это «мнение» сопровождалось энергичным заверением в неразрывной связи с Россией и осуждением тех провокаторов, которые от имени БНК попытаются присоединить Беларусь к Польше или другому государству [12].

Между тем развитие белорусского движения не прекращалось и даже принимало новые формы. Возможно, что к нему стали присоединяться новые участники, разуверившиеся в решении их проблем силами БСГ или БНК. Так, 15–16 мая в Минске состоялось организационное собрание новой Белорусской народной партии социалистов (БНПС) во главе с учителем реального училища Я. Сушинским. Новая партия провозгласила главной целью своей деятельности «возрождение белорусской культуры и всестороннее развитие белорусской национальной жизни на основе интересов трудящихся». Этой цели было подчинено стремление к белорусизации школы. Выступая за создание федеративно-демократической Российской республики, партия выступала за предоставление Беларуси автономии с законодательным органом – Белорусским областным советом [15].

В мае в Петрограде была основана партия «Белорусская христианская демократия» (БХД), разделявшая платформу БНК. Будучи сторонниками мирных, ненасильственных способов решения национальных проблем, христианские демократы выступали за объединение всего белорусского народа в лоне «одной веры с разными обрядами». 24–25 мая на своем съезде в Минске духовенство БХД высказалось за белорусизацию церкви.

Появление в белорусском движении новых общественно-политических течений подсказывало способ его значительного усиления и повышения авторитета – через объединения всех в интересах белорусского дела, независимо от их социальной, конфессиональной, партийной и т. д. принадлежности. Вдохновителем и организатором этого пути стал печатный орган БНК – «Вольная Беларусь». Уже в

первом номере газеты от 28 мая ее редактор И. Лёсик в обращении к читателям обрисовал форму государственного устройства Беларуси и призвал избирать в Учредительное собрание в первую очередь тех, кто будет уважать белорусов и их язык, «кто будет твердо, до самой смерти, стоять за землю и волю народа, за культурно- национальное возрождение Беларуси, кто будет стоять за демократическую республику Государства Российского на федеративном фундаменте».

Таким образом, к началу лета 1917 г. важнейшим достижением белорусского движения следует считать избрание единого национального центра – БНК и провозглашение им программы действий по осуществлению общенародных задач в виде обретения автономии Беларуси в составе Российской федеративной республики, формирования высшего органа власти в виде Краевой Рады, создания системы образования на белорусском языке. На примере еврейской и польской общественности Беларуси руководство БНК было вправе рассчитывать на поддержку своих лозунгов со стороны государственных и общественно-политических структур, но не получили ее, а наоборот – подверглись клеветнической кампании в свой адрес со стороны местных деятелей с обвинениями в национализме, сепаратизме, превышении полномочий и др.

Следует отметить, что недоброжелателям из числа «революционной демократии» был дан повод – избрание председателем БНК бывшего члена Государственной думы, крупного землевладельца А. Скирмунта. Даже после его отстранения и замещения П. Алексюком нападки не прекращались. Поэтому на этом этапе движения к государственности национальное руководство не могло не осознать того факта, что основная его опора – не «революционная демократия», не чиновники Временного правительства, не Советы, а главным образом собственный народ, без социальных, партийных, конфессиональных и др. различий. Обстановка требовала активизации агитационно-пропагандистской работы среди крестьянства и фронтовиков, формирования национального сообщества учителей и усиления сотрудничества с беженскими организациями белорусов в России для того, чтобы общими усилиями путем демократических выборов завоевать большинство в городских думах, земских собраниях и направить своих представителей в Учредительное собрание для участия в окончательном решении общероссийских и белорусских задач.

Библиографический список

1. Вестник X армии. 1917. 28 апр.
2. Вестник Минского губернского комиссариата. 1917. 28 мая.

3. Витебская социал-демократическая газета. 1917. 30 мая.
4. Витебский вестник. 1917. 7 фев.
5. Минская газета. 1917. 7 апр.
6. Минская газета. 1917. 22 апр.
7. Минская газета. 1917. 27 апр.
8. Минская газета. 1917. 1 мая.
9. Минский голос. 1917. 11 мар.
10. Минский голос. 1917. 14 мар.
11. Минский голос. 1917. 6 апр.
12. Молот. 1917. 3 июля.
13. НА РБ (Нац. арх. Республики Беларусь). Ф. 60. Оп. 3. Д. 168. Л.107.
14. НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 242. Л. 115.
15. НА РБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
16. Пратакол з'езду беларускіх нацыянальных арганізацый //Спадчына. 1990. № 4. С. 30.

ХАРАКТЕР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ 2020-Х ГОДОВ)

THE NATURE OF THE ETHNOCULTURAL NEEDS OF THE POPULATION (USING THE EXAMPLE OF KALMYKIA IN THE 2020-S)

Л.В. Намруева

КалмГУ, г. Элиста, Россия

L. Namrueva

KalmSU, Elista, Russia

Аннотация: В данной статье рассмотрено, каким образом осуществляется деятельность по реализации этнокультурных потребностей и интересов населения в Республике Калмыкия. Вопрос удовлетворения потребностей этнической общности в сфере культуры и искусства всегда являлся и остается наиболее острой и актуальной проблемой культурной политики не только в Республике Калмыкия, но и во всех мультиэтнических субъектах нашей страны.

Abstract: This article examines how activities are carried out to realize the ethnocultural needs and interests of the population in the Republic of Kalmykia. The issue of meeting the needs of the ethnic community in the field of culture and art has always been and remains the most acute and urgent problem of cultural policy not only in the Republic of Kalmykia, but also in all multiethnic subjects of our country.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, калмыцкий этнос, этнокультурные потребности, этнос, этническое искусство, этнокультурные элементы, этническое самосознание, культурно-досуговые учреждения

Keywords: Republic of Kalmykia, Kalmyk ethnos, ethnocultural needs, ethnos, ethnic art, ethnocultural elements, ethnic identity, cultural and leisure institutions

В современной научной литературе нет четкого определения термина «этнокультурные потребности», несмотря на то, что он довольно часто используется многими современными учеными-обществоведами: философами, этносоциологами, этнополитогами, культурологами и т.д. Под понятием «этнокультурные потребности» понимается органическая часть общекультурных потребностей общества, специфически преломляющихся и сочетающихся со специфическими особенностями культуры данного этнического образования [6, с. 67]. Этнокультурные потребности представляют собой потребности индивидов или социальных групп в элементах этнического искусства, к которым можно отнести такие активно функционирующие его виды, как театр, музыка, художественная литература и т.д. С ростом этнического самосознания именно эти традиционные виды искусства становятся наиболее востребованными этнокультурными элементами в художественной жизни населения республики.

В данной статье рассмотрим, каким образом осуществляется деятельность по реализации этнокультурных потребностей и интересов в Республике Калмыкия. Вопрос удовлетворения потребностей этнической общности в сфере культуры и искусства всегда являлся и остается наиболее острой и актуальной проблемой культурной политики не только в Республике Калмыкия, но и во всех мультиэтнических субъектах нашей страны. Особенно эта проблема стала актуализироваться с ростом у многих народов этнического самосознания, что стимулирует интерес российских народов к своей этнической культуре. В решении вопросов по сохранению этнических культур не устраивает: недостаточное финансирование, пассивность, безынициативность населения, формальное проведение мероприятий, отсутствие специалистов, хороших организаторов.

Одним из главных субъектов реализации этнокультурных потребностей является система культурно-досуговых учреждений (КДУ). Важным направлением работы клубных учреждений республики является укрепление межэтнических отношений, содействие гармоничному развитию художественного творчества, культуры народов Калмыкии, формирование толерантного отношения между народами независимо от их вероисповедания, этнической принадлежности. В центре постоянного внимания учреждений культуры находится работа по профилактике асоциальных явлений и популяризация принципов здорового образа жизни. Культурно-досуговые учреждения республики, взаимодействуя с образовательными и медицинскими учреждениями, правоохранительными органами, спортивными и молодежными

организациями, ведут работу по духовно-нравственному и физическому воспитанию детей и молодежи.

На селе в сфере культуры по-прежнему высок процент специалистов, не имеющих профессионального образования. Клубная сфера переживает дефицит в квалифицированных кадрах и естественное «старение» персонала. Несомненно, органам местного самоуправления следует акцентировать свое внимание на проблему подготовки и воспитания кадров. В клубах катастрофически не хватает хореографов, аккомпаниаторов, хормейстеров, режиссеров культурно-массовых мероприятий, что сказывается на качестве проводимых мероприятий, уровне исполнительского мастерства коллективов художественной самодеятельности, что зачастую ведет к их распаду. Все эти указанные факторы не позволяют в должной мере сельскому населению удовлетворять свои культурные потребности.

Из всех анализируемых сторон культурной жизни население удовлетворено концертной деятельностью. И это закономерно, так как государственные услуги населению в области современного профессионального искусства в республике предоставляют 6 учреждений: Национальный драматический театр им. Б. Басангова, Республиканский русский театр драмы и комедии, государственный театр кукол «Джангар» и 4 концертно-зрелищных учреждения: Калмыцкая государственная филармония, Калмыцкий государственный ансамбль песни и танца «Тюльпан», Государственный театр танца Калмыкии «Ойраты», Национальный оркестр Калмыкии. Творческие коллективы республики в современных непростых условиях стремятся сделать культурный продукт привлекательным и в определенной степени окупаемым. Успешность их деятельности в данном направлении зависит от организации службы по работе с населением, по увеличению числа зрительской аудитории и расширению социальных и возрастных групп зрителей. В этом плане перечисленные учреждения успешны, стабильны, об этом свидетельствует увеличение числа зрительской аудитории. Особое внимание уделялось показу спектаклей и концертных программ в малых и отдаленных населенных пунктах.

Специалисты отмечают, что театральное искусство относится к основным и активно функционирующим элементам национальной культуры, поскольку ни один другой вид искусства не отражает основные элементы национальной культуры, как это делает театр. Национальная художественная литература, музыкальная культура, изобразительное искусство, костюмы и одежда, орнамент, народные песни и танцы и т.д. в синтезированном виде представлены в различных

жанровых особенностях национального театра и дополнительно подчеркивают его универсальность как важнейшего элемента национальной культуры [6, с. 72].

Театр как важнейший социальный институт культуры в духовно-практической жизни общества выполняет немаловажную роль – коммуникативную функцию [4]. Удовлетворение этнокультурных потребностей общества посредством театрального искусства является важнейшим условием обеспечения преемственности в передаче от поколения к поколению национально-культурного опыта, духовно-нравственного, историко-культурного наследия этноса. «Коммуникативная функция театра — отмечает В.Н. Дмитриевский — отвечающая потребности человека в живом, непосредственном общении, во многом определяет значение театра и как социального института, и как вида искусства, в котором гражданское и эстетическое содержание времени воплощается в образе живого действующего человека, в формах «самой жизни» [Цит. по: 6, с. 87].

В фондах Национального музея имени Н. Пальмова собраны более 70 тысяч коллекции произведений живописи, скульптуры, историко-бытовых предметов и этнографии. Особую ценность представляют экспонаты, бескорыстно переданные жителями региона и полученные в дар от видных политических и общественных деятелей страны. Ежегодно в музее и его филиалах проходят до 30 выставок. Музейные сотрудники формируют учреждение культуры нового типа, которое будет отвечать требованиям времени, обеспечивать демократичный доступ к коллекциям и объектам культурного наследия, продолжать лучшие традиции, заложенные первыми организаторами калмыцкого музея. В залах Национального музея РК им. Н. Н. Пальмова работают следующие стационарные выставки: 1. Калмыки. Историко-этнографический зал; 2. Природа Калмыкии; 3. Великая Победа; 4. Навеки в памяти народной (к 100-летию Б.Б.Городовикова); 5. Легенды одной коллекции «Нюрнбергский процесс обвиняет»; 6. История православия «Свет веры православной»; 7. «Благословение Зеленой тары» буддийское искусство; 8. «Репрессированные, но не сломленные» о депортации калмыцкого народа 1943-1956 гг.

В республике стало традиционным празднование «Цаган Сар», «Зул», «Масленицы», республиканского фольклорного мероприятия «Гимн тюльпану». Традиционная культура в нынешних социокультурных условиях «впитывается», «поглощается» культурой массовой, образуется их некий симбиоз. Причём происходит «утилизация» отдельных жанров, форм, символов и приемов народного

творчества, их видоизменение по канонам функционирования массовой культуры, срастание традиционной культуры со средствами массовой коммуникации [2, с. 48]. Совместно с заинтересованными учреждениями, ведомствами, при поддержке региональных отделений различных партий, религиозных общин осуществлялась работа по экологическому, нравственному, эстетическому, патриотическому воспитанию, сохранению и возрождению народных традиций. Наиболее популярными формами самодеятельного народного творчества являются фольклорные, хореографические и театральные коллективы, в меньшей степени представлены оркестры и ансамбли народных инструментов. Все они принимают активное участие в проведении различных праздников, в том числе и фольклорных. Значимой в деятельности культурно-досуговых учреждений (КДУ) стала работа по патриотическому воспитанию детей и молодежи, которая связана с сохранением памяти об историческом прошлом калмыцкого народа, знанием и почитанием этнокультурных, семейных традиций и ценностей возрождением, развитием калмыцкого языка. В сельских Домах культуры, в клубах ежегодно отмечаются День семьи, День матери.

По мнению исследователей, «этнические особенности литературы и искусства более доступны для восприятия, близки и понятны представителю данного этноса, ибо у него вырабатывается определенный динамический стереотип художественного видения и восприятия, воспроизведения действительности. В своей литературе, музыке, живописи, в театре он видит отражение истории своего народа, чувствует его мысли, чаяния, стремления, переживания и даже ощущает эмоциональное единство с героями тех или иных произведений» [1].

В системе образования республики созданы условия для оптимального восприятия элементов этнической культуры, формирования национального самосознания у молодого поколения. На это нацелены образовательные программы «Основы буддизма», «История и культура родного края», «Тодо бичиг», которые преподаются в школах региона с середины 1990-х гг. Разнообразные конкурсы и фестивали («Цаган ботхн», «Танцевальная весна», «Веселая карусель», «Юность Калмыкии»), фольклорно-этнографический фестиваль («Жаңһрин ачһр»), конференция («Бичкһ төрскһ») направлены на формирование у подрастающего поколения республики уважения к языку и культуре, на передачу традиций, опыта жизни этноса [3, с. 76].

Специалисты отмечают, что этнокультурные потребности динамичны и прогрессивны, по мере развития этнической общности они усиливаются. Каждая удовлетворенная потребность ведет к

формированию новых потребностей в более прогрессивных формах [6, с. 69]. Например, совсем недавно калмыкам не свойственно было, удовлетворять свои музыкально-эстетические потребности, слушая классическую музыку. По мере эволюции музыкального искусства калмыки смогли в 1990-х гг. обрести камерный хор, талантливых вокалистов, музыкантов, оркестр, профессиональных композиторов, создающих симфонии, которые не уступают образцам мировой музыкальной классики.

Культурная динамика способствовала повышению уровня этнокультурных потребностей населения республики в сфере музыкального искусства и восхождению калмыцкого музыкального искусства на более высокий уровень. Разделяем мнение исследователей о том, что наряду с воспроизводимыми в практиках людей отдельными традиционными обрядами и ритуалами этноконсолидирующую роль в настоящее время могут играть и некоторые образцы профессиональной культуры, в которых предпринимаются попытки репрезентации растворенных в быту первичных кодов этничности на новом уровне обобщения [2, с. 47].

Известно, что любая, в том числе и национальная художественная, не может развиваться и существовать изолированно, не взаимодействуя с национально культурными традициями других народов: сближение культур в современных условиях — это процесс неизбежный. По мнению О. Н. Астафьева «...Самобытность, как универсальное свойство культуры, предполагает не консервацию традиций, упрощение и примитивизацию культурных форм, а постоянное усложнение, укрепление ядра культуры, вокруг которого наращиваются инновации. Но самобытность как особая форма выражения социокультурной стабильности, выступает еще и базовой характеристикой традиционных культур. В условиях разных контекстов этническая культура развивается по разным сценариям и направляется на достижение различных целей» [Цит. по:6, с. 69].

Сокращение из года в год государственного финансирования культуры, аварийное состояние многих объектов культуры и искусства, их недоступность населению и многие другие социальные проблемы продолжают существовать, они не могут решиться без государственной поддержки и должного контроля государства над культурной ситуацией. Республика Калмыкия имеет огромный государственный ресурс управления культурными процессами в республике и большой опыт организации этнической культурной политики в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве [5]. Она обладает огромной базой

культурной инфраструктуры и кадровым потенциалом, что является основой дальнейшего улучшения полноценного качественного развития национальной культуры и искусства народов, проживающих на ее территории.

Библиографический список

1. Зарипов А. Я., Файзуллин Ф. С. Этническое сознание и самосознание. Уфа: Гилем, 2000.
2. Макарова Г. И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казан. ун-т, 2010. 248 с.
3. Намруева Л. В. Молодежь и возрождение этнической культуры в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 4. С. 76-80.
4. Намруева Л. В. Этнокультурные потребности населения как основа этнокультурной политики региона // Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе РФ. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 104-119.
5. Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе Российской Федерации: конструирование этничности. Коллективная монография. Элиста: КИГИ РАН. 2014. 180 с.
6. Юсупов И. Ф. Национальное искусство в структуре духовной культуры человека (по материалам Республики Башкортостан). Уфа 2009. 144 с.

ПРАКТИКИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО БРЕНДИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)

PRACTICES OF GASTRONOMIC BRANDING (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ADYGEYA)

Д.Г. Басте

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

D.G. Baste

Adygea State University, Maykop, Russia

Аннотация. Одним из направлений брендинга территорий является гастрономическое брендрование, представляющее собой процесс создания и продвижения продуктовых брендов, связанных с региональными особенностями производства и потребления. В статье обосновывается значимость гастрономических брендов Адыгеи в развитии гастрономического туризма. Анализируется спектр практик и технологий, направленных на гастрономическое брендрование Адыгеи. Определяются основные направления гастрономического брендинга, способствующие повышению привлекательности и узнаваемости республики.

Abstract. One of the areas of territorial branding is gastronomic branding, which is the process of creating and promoting food brands associated with regional characteristics

of production and consumption. The article substantiates the importance of gastronomic brands of Adygea in the development of gastronomic tourism. The range of practices and technologies aimed at gastronomic branding of Adygea is analyzed. The main areas of gastronomic branding are determined, contributing to the increase in the attractiveness and recognition of the republic.

Ключевые слова: гастрономическая культура, гастрономический бренд, гастрономическое брендрование, гастрономический туризм, гастрономический образ территории, Республика Адыгея.

Keywords: gastronomic culture, gastronomic brand, gastronomic branding, gastronomic tourism, gastronomic image of the territory, Republic of Adygea.

В последние годы в России наблюдается активное развитие гастрономического туризма, который неразрывно связан с гастрономическим брендрованием. Развитие любой туристской дестинации происходит под воздействием различных факторов, и в случае с гастрономическим туризмом таким фактором являются гастрономические бренды.

Создание уникального территориального гастрономического бренда позволяет определить конкурентные позиции региона, улучшить его имидж, создать условия для развития индустрии, активного позиционирования и продвижения территории как на внутреннем, так и на внешнем туристском рынке. Это особенно актуально для Российской Федерации, представляющей собой богатую палитру регионов с уникальной кухней, местными продуктами и традициями питания.

Гастрономические бренды играют значимую роль в формировании имиджа регионов как туристического направления. Они являются отражением уникальных особенностей национальной кухни и культуры, а также способствуют привлечению туристов. Гастрономические бренды не только привлекают туристов, но и оказывают положительное влияние на экономику регионов. Они стимулируют производство местных продуктов, создают рабочие места и повышают узнаваемость территории. Кроме того, гастрономические бренды могут стать основой для разработки новых туристических маршрутов и программ.

Для позиционирования и продвижения дестинации как локации гастрономического туризма можно использовать такие инструменты, как гастрономические фестивали, мастер-классы, дегустации и другие мероприятия. Однако, ключевым условием успешного применения этих инструментов является наличие и продвижение гастрономических символов в данном регионе.

Таким образом, одним из направлений брендинга территорий является гастрономическое брендрование, представляющее собой процесс создания и продвижения продуктовых брендов, связанных с

региональными особенностями производства и потребления.

Цель данной статьи – обоснование значимости гастрономических брендов Адыгеи в развитии гастрономического туризма, анализ практик и технологий, направленных на гастрономическое брендинг республики.

Определяя гастрономический образ Адыгеи, обратимся к трудам М.А. Беляевой, которая исследуя структуру и функции гастрономического образа территории, определяет его как «комплексное представление об особенностях гастрономической культуры определенного региона или города, выделяющих его на фоне других регионов» [1, с. 67].

Республика Адыгея – одно из популярных туристических направлений Северного Кавказа, славится природными ресурсами и благоприятными климатическими условиями. Как и другие регионы, Адыгея имеет свой уникальный гастрономический образ, сочетающий *местные продукты и блюда, которые отражают самобытную культуру и традиции региона*. Россияне уже приобщились к некоторым блюдам адыгской кухни, что делает актуальным вопрос о продвижении гастрономических символов республики. Развитие гастрономического туризма может способствовать экономическому росту, сохранению культурного наследия, повышению привлекательности региона и формированию его положительного имиджа. Следует согласиться с учеными в том, что «представляется необходимым в целях создания эффективного инструмента продвижения туристских возможностей Адыгеи, привлечения туристов и инвесторов провести целенаправленный комплекс мероприятий по формированию и продвижению яркого и привлекательного бренда Республики Адыгея» [3, с. 243].

В структуре гастрономического образа Адыгеи можно выделить несколько ключевых элементов: местная кухня, представляющая собой совокупность традиционных блюд и кулинарных традиций региона; событийные гастрономические мероприятия, такие как фестивали, ярмарки и дегустации, которые позволяют погрузиться в атмосферу местной культуры и насладиться разнообразием вкусов; предприятия общественного питания, включая рестораны, кафе и закусочные, которые предлагают туристам возможность попробовать аутентичные блюда региона; предприятия пищевой промышленности, занимающиеся производством и обработкой продуктов питания, включая переработку сырья и создание новых продуктов; фермерские хозяйства, обеспечивающие сырье для производства продуктов питания, а также

поддерживающие экологическую чистоту и качество продуктов.

Культура повседневности, составной частью которой является гастрономическая культура, в российских регионах, в том и в Республике Адыгея, в последние годы, как отмечено выше, видоизменяется в силу активизации гастрономического туризма.

Гастрономическая культура, по мнению М.А. Беляевой, «строится на представлениях о ценности продуктов питания, их желаемых характеристиках (ценностно-нормативное ядро культуры), знаниях о свойствах продуктов и их возможном использовании (когнитивно-технологический слой культуры), а также арсенале средств, необходимых для приготовления и потребления еды (материально-предметный слой культуры)» [1, с. 75].

Рассматривая гастрономическую культуру как объект культурного наследия, М.В. Капкан выделяет такие системообразующие элементы, как: «а) способы приготовления пищи (кулинарную культуру), б) набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания, в) практику потребления пищи (культуру принятия пищи), а также г) рефлексии над вышеперечисленными феноменами и процессами» [7, с. 175].

Основываясь на этих положениях, проанализируем особенности гастрономической культуры в Адыгее. Гастрономическая культура представляет собой значимый аспект формирования территориальной идентичности. Гастрономические символы выступают в качестве своеобразной дани исторической памяти, а также становятся одним из инструментов маркетинговой стратегии, способствуя консолидации общества на основе традиционных ценностей.

В регионе существует ряд уникальных национальных блюд, которые являются наследием и гордостью адыгского народа. Некоторые из них стали гастрономическими символами Адыгеи, прочно ассоциируясь с этой республикой. Если рассматривать гастрономические символы в контексте гастрономического туризма, то их можно назвать ключевыми факторами, привлекающими туристов, и обладающими значительным потенциалом.

Отождествление национальной кухни представляет собой процесс, в ходе которого кулинарные традиции становятся символом и неотъемлемой частью адыгской культуры и идентичности. Это происходит через ассоциации с определенными продуктами, блюдами, способами приготовления пищи и даже образом жизни людей. Отождествление национальной кухни может происходить на различных уровнях: на уровне продуктов (адыгейский сыр, адыгейская соль), на уровне блюд (щипс, пастэ, халуж) и на уровне способов приготовления

(использование открытого огня).

1В социогуманитарной науке гастрономический бренд рассматривается в качестве инструмента развития гастрономического туризма [2; 4; 9], поскольку он оказывает значительное влияние на туристическую привлекательность территории. Это влияние оценивается по ряду критериев: традиционное упоминание продукта в фольклоре, например, в народных сказках, песнях и т. д.; продукт становится основой для организации различных мероприятий. Высокая степень индивидуализации бренда, когда продукт становится местным сувениром, который туристы увозят с собой. Продукт включает в традиционные рецепты региона, и блюда с его использованием можно найти в ресторанах и кафе на территории; потребление продукта во время посещения туристической дестинации приобретает символический характер.

Следует подчеркнуть, что в системе брендов Адыгеи З.А. Жаде выделяет в качестве самостоятельной группы гастрономические и отмечает, что «культура Адыгеи проявляется и в национальной кухне. Адыгейские сыр, соль, чай и мед являются настоящей гордостью региона и пользуются огромной популярностью не только у жителей, но и у гостей» [5, с. 221].

Исследовательский коллектив Адыгейского государственного университета, анализируя специфику оснований конструирования брендов Адыгеи, провел в 2023 г. в регионе массовый опрос (N = 464), результаты которого выявили, что в Топ-10 региональных брендов республики на первом месте стоит «адыгейский сыр» (81%), на четвертом месте – «адыгейская соль» (70,4%), на пятом месте – «Фестиваль адыгейского сыра» (68%), на восьмом месте – «Майкопская вода» (56%) [8, с. 375].

В рамках данного исследования интерес представляет вопрос потенциала развития гастрономических символов республики. Приведем примеры узнаваемости гастрономических брендов Адыгеи на всероссийском уровне: во-первых, в «Топ-1000 культурных и туристических брендов России» и национальную карту локальных культурных брендов России «Живое наследие» внесены 14 брендов, в том числе в категории «гастрономия» – адыгейский сыр и халужи; во-вторых, в Роспатенте зарегистрированы семь гастрономических брендов («Адыгейский сыр», «Адыгейская соль», «Адыгейский чай», «Минеральная вода Майкопская», «Пиво Майкопское», «Водка Майкопская», «Лимонад Майкопский»); в-третьих, *адыгейский сыр вошел в Топ-3 победителей первого национального конкурса*

региональных брендов продуктов питания «Вкусы России»; в-четвертых, Фестиваль адыгейского сыра получил статус «Национальное событие года» и включен в календарь лучших туристических проектов России; в-пятых, республика часто становится местом съемок гастрономических телепередач центральных каналов («Поедем, поедим!», «Повара на колесах»); в-шестых, по версии экспертов сервиса путешествий «Туту», Адыгея вошла в Топ-3 *лучших регионов России для гастрономического туризма*.

В Адыгее с каждым годом расширяется спектр повседневных практик и технологий, направленных на гастрономическое брендование территории. К ним относятся:

- участие во всероссийских гастрономических конкурсах и фестивалях (в 2020 г. адыгейский сыр вошел в тройку победителей национального конкурса региональных брендов «Вкусы России» в самой многочисленной номинации – «На всю страну») [6];

- участие в Российской агропромышленной выставке «Золотая осень» (презентация мясомолочной и консервированной продукции, соков и напитков, фруктов и овощей);

- участие в конкурсе российских брендов «Знай наших» (в номинации «Продукты питания»: «Соль Адыгейская», сыры «МАТЭ», «Кухня гор», ООО Корпорация «Южный Альянс», Майкопская молочная продукция);

- проведение гастрономических фестивалей: Фестиваль адыгейского сыра (в 2024 году состоялся XIII Фестиваль, собравший более 50 тысяч участников и гостей; представителем Книги рекордов России зафиксирован рекорд самого большого копченого сыра «Косичка», длина которого составила 189 метров); этнографических праздников: XIII «День халюжа», XIII «День адыгейской тыквы» и XII «День черкесской груши»;

- организация гастрономических туров (мастер-классы адыгейского сыра; чайные плантации Адыгеи; горный мед и пчеловоды; древние черкесские сады; яблоки и натуральный сок; покупка, ловля и приготовление форели в Адыгее; кейтеринг в живописных местах с большим костром под открытым небом).

Таким образом, Адыгея обладает значительным туристско-рекреационным потенциалом в сфере гастрономической культуры. За последние годы в республике произошли значительные изменения в туристической индустрии. Появилось множество туристических компаний с высококвалифицированными специалистами, открылись рестораны, предлагающие разнообразные блюда национальной кухни,

улучшилась гостиничная и транспортная инфраструктура.

Вместе с тем, Республика Адыгея обладает богатым историко-культурным наследием, что делает регион привлекательным для туристов, интересующихся историей и культурой народов, населяющих эту территорию. Организация гастрономических фестивалей, праздников и туров становится эффективным инструментом для сохранения и продвижения этнокультурных традиций.

Библиографический список

1. Беляева М.А. Гастрономический образ территории: структура и специфика // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7. № 3. С. 61-79.
2. Гордин В., Трabcкая Ю. Гастрономические бренды дестинаций: подходы и применение. СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2014. 208 с.
3. Горлова И.И., Коваленко Т.В., Науменко В.Е. Историко-культурное наследие Республики Адыгея как ресурс этнокультурного брендинга территории (концептуальные основы формирования зонтичного бренда) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 3. С. 234-244.
4. Горошко Н.В., Пацала С.В. Гастрономический бренд как инструмент развития регионального гастрономического туризма // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2022. № 4. С. 377-400.
5. Жаде З.А. Систематизация брендов региона (на примере Республики Адыгея) // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. Том 13. № 11А. С. 216-225.
6. Каталог региональных брендов «Вкусы России». URL: <https://russiantastes.ru/catalog/> (дата обращения: 25.10.2024).
7. Капкан М.В. Гастрономическая культура как объект культурного наследия: проблемы экспертной оценки // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 2. С. 173-183.
8. Киреева И.В., Куква Е.С., Ляужева С.А., Жаде З.А., Ильинова Н.А. Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана) // *Регионоведение*. 2024. Т. 32, № 2. С. 368-387.
9. Хорева Л.В., Трabcкая Ю.Г., Зеленская Е.М. Гастрономический брендинг как инновационная технология продвижения туристской дестинации // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2015. № 6 (96). С. 50-60.

**ЛАБИНСКИЙ ОТДЕЛ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ:
ФОРМИРОВАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ,
ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ**

**LABINSK DEPARTMENT OF THE KUBAN REGION:
FORMATION, MAIN SETTLEMENTS,
FEATURES OF THE POPULATION**

А.П. Скорик

*Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

И.М. Федина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.P. Skorik

*South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova,
Novocherkassk, Russia*

I.M. Fedina

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены итоги исследования восточной и развитой во многих отношениях административно-территориальной единицы Кубанской области – Лабинского отдела в конце XIX – начале XX вв. На основе привлечённого комплекса исторических источников, часть из которых введена в научный оборот впервые, дана комплексная характеристика Лабинского отдела с акцентом на этнокультурные сюжеты. Особо выделен национальный и социальный состав населения, приведены его количественные и конфессиональные параметры.

Abstract: The article presents the results of a study of the eastern and developed in many respects administrative-territorial unit of the Kuban region – Labinsk department in the late XIX – early XX centuries. Based on the attracted complex of historical sources, some of which were introduced into scientific circulation for the first time, a comprehensive description of the Labinsk department with an emphasis on ethnocultural subjects is given. The national and social composition of the population is highlighted, its quantitative and confessional parameters are given.

Ключевые слова: Армавир, армяне, аулы, белорусы, великороссы, демографические процессы, казаки, колонисты, крестьяне, малороссы, мусульмане, православные, станицы, хутора, этнический состав.

Keywords: Armavir, Armenians, villages, Belarusians, Great Russians, demographic processes, Cossacks, colonists, peasants, Little Russians, Muslims, Orthodox, villages, farms, ethnic composition.

Лабинский отдел (в 1920–1924 гг. – Армавирский отдел) с позиции географических координат занимал восточную часть Кубанской области. В административно-территориальном отношении на востоке он граничил со Ставропольской губернией, на севере его пространство соприкасалось

с Кавказским отделом, на юго-западе земли Лабинского отдела отмежёвывались от Майкопского отдела, и на юго-востоке линия разграничения проходила с Баталпашинским отделом. Лабинский отдел, образно говоря, территориальным клином врезался между Майкопским и Баталпашинским отделами Кубанской области. В целом же, Лабинский отдел состоял из двух частей: северной и южной. Северная часть территории отдела представляла собой степные волнистые пространства с невысокими возвышенностями, неглубокими долинами степных рек, окаймлёнными вдоль их течения неширокими лесными полосами. Южную часть Лабинского отдела составляли предгорная полоса и сильно гористая местность с довольно пересечённым пространством, глубокими ущельями и большими лесными массивами. Помимо общерегиональной реки Кубань, наиболее крупной являлась река Лаба, собственно и давшая название отделу. В целом же, по уровню плодородия местных почв Лабинский отдел занимал одно из первых мест на Северном Кавказе, но вот в отношении наличия полезных ископаемых он сильно уступал иным отделам Кубанской области, зато его неоспоримым богатством являлись лиственные леса с возможностями лесоразработки и ведения знатной охоты.

Административным центром отдела являлся город Армавир (до 1914 г. – село; селение). В Лабинский отдел (с управлением в селении Армавир) на момент его образования в 1888 г. входили следующие населённые пункты [4, л. 5об; 11, с. 38–39]: станицы: Бесскорбная, Бесстрашная, Владимирская, Воздвиженская, Вознесенская (с посёлком Ерёминским), Зассовская, Каладжинская, Константиновская, Курганная, Лабинская, Михайловская, Некрасовская, Новолабинская (с посёлком Александровским), Отважная, Петропавловская, Попутная, Родниковская, Темиргоевская, Тенгинская (с посёлком Геймановским), Упорная, Урупская, Чамлыкская; село Филипповское; селения: Армавир, Александерфельд (Леоновское), Кубанское, Новомихайловское, Розенфельд (Шереметьевское), Семёновское, Эйгенфельд (Ванновское); аулы: Адамиевский, Бгуаше-Хабльский, Бенокский, Бжедуховский, Блечепсин, Джанкятовский, Джерокаевский, Егерухаевский, Кошехабль, Мамхег, Натырбовский, Пшизовский, Темиргоевский, Ульский, Унароковский, Хаджимуковский, Хакуриновский, Хатажукаевский, Хатукаевский, Хачезмиевский, Ходзкий.

Итого в Лабинском отделе Кубанской области насчитывалось: 22 станицы, 3 посёлка (все при станицах), 1 село, 7 селений, 21 аул. Основной поселенческой структурой, как видим, являлась станица, и посёлки входили в состав станичных юртов. Однако близость к местам

традиционного проживания горцев predeterminedила наличие в отделе 22 аулов. Но в поселенческом отношении к концу XIX в. преобладали по численности в Лабинском отделе хутора. По состоянию на 1894 г., согласно произведённым нами подсчётам по «Кубанской справочной книжке», на общественной земле (или станичных юртовых землях) в Лабинском отделе насчитывалось 824 хутора (sic! – авт.) и ещё на владельческой земле (или на частнособственнических земельных участках) располагались 243 хутора, или в общей сложности значилось 1067 хуторов, названия которых мы не приводим в силу большого объёма топонимической информации [9, с. 83, 85, 87].

7 февраля 1891 г. в административную подчинённость Лабинского отдела из Кавказского отдела [8, с. 16] переводятся станицы: Барсуковская, Григориполисская (с посёлком Фельдмаршалским), Каменнобродская, Николаевская, Новоалександровская, Новомарьевская (с посёлком Русским), Новотроицкая (с посёлками Баклановским, Гущинским, Кармалинским, Мокробалковским и Привольным), Прочноокопская (с посёлком Царицынским), Расшеватская, Рождественская (с посёлком Изобильным), Сенгилеевская, Темижбекская, Убежи(е)нская (с посёлком Горькореченским). Из Баталпашинского отдела в административную подчинённость Лабинского отдела переходит станица Подгорная, а из Майкопского отдела в Лабинский отдел причисляется станица Ахметовская. Одновременно по тому же расписанию населённых пунктов из Лабинского отдела в Майкопский переводятся станицы: Воздвиженская, Некрасовская, Новолабинская (с посёлком Александровским), Тенгинская (с посёлком Геймановским), село Филипповское, а также передаются все горские аулы. Селения Карамурзинское, Коноковское, Кургоковское, Урупское и Успенское в период с 1892 по 1896 гг. находились в Лабинском отделе, а в апреле 1896 г. они возвращаются в Баталпашинский отдел [3, л. 3].

Общая численность населения отдела, согласно статистическим данным Всероссийской переписи 1897 г. [2, с. 7], составляла 262863 человек, из них 134182 мужчины и 128731 женщина.

Сословная палитра населения Лабинского отдела Кубанской области представлялась довольно многоцветным орнаментированным северокавказским ковром практически ручной работы, сотканным повседневными трудами местных жителей. Большую группу населения составляло российское дворянство, из которой 400 человек (0,15 % населения отдела) относились к потомственным дворянам и 1118 человек (0,4 %) являлись личными дворянами, что свидетельствовало о

приобретении ими сословного статуса за собственные заслуги, причём, очевидно, в большинстве своём за отличия в службе на Кавказе. Ещё более интересным образом складывалась сословная картинка в отношении местного духовенства: естественно, в Лабинском отделе преобладало православное духовенство (648 человек, или 0,25 %), далее по численности следовало мусульманское духовенство (66 человек, или 0,03 %), затем армяно-григорианское духовенство (40 человек, или 0,02 %), и замыкала этот перечень группа раскольничьего (старобрядческого) духовенства (32 человека, или 0,012 %). Разновеликими оказались в Лабинском отделе сословно-профессиональные группы: купцы и почётные граждане (781 человек, или 0,3 %), мещане (7450 человек, или 2,8 %), крестьяне (105876 человек, или 40,3 %), колонисты (5356 человек, или 2,0 %), иностранные подданные (290 человек, или 0,11 %), горцы (5758 человек, или 2,2 %), другие инородцы (74 человека, или 0,03 %). Более половины жителей Лабинского отдела принадлежало к военным сословиям (134974 человек, или 51,35 %), и это отражало особое военно-организационное положение отдела в Кубанской области, поскольку отдел делился на два полковых округа (Кубанский и Лабинский) [5, л. 91–92].

Однако постепенно усиливалось и влияние иногороднего населения. Так, по свидетельству атамана Лабинского отдела Кубанской области, исправляющего должность войскового старшины Гавриила Викентьевича Вербицкого, высказанному им при открытии заседания 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 21 февраля 1908 г., с 1861 г. вслед «за купцами в станицу потянулся бедный люд, который начал покупать у казаков же по дорогой цене усадьбы и не на площади, а на окраине, и платить 5, 4, или 3 к[опейки] за квадратную сажень, т.е. 120 р[ублей], 96 [рублей] или же самое малое 72 р[убля] за десятину в год» [6, с. 31].

На съезде разгорелась по поводу посажённой платы дискуссия между участниками. Войсковой старшина В.С. Гетманов в этой связи подчёркивал: «О разорении иногородних не может быть и речи, и желания ни у кого из нас не возникло. Но настало время рассмотреть, что дают казаки на содержание станичных учреждений и что дают иногородние. Многим кажется, что посажённая плата в 125 руб[лей] за десятину велика. Но ведь это не полевая земля, а плановые места. Нам известно, что в городе плановые места ценятся в десятки тысяч рублей. В станицах, вблизи железных дорог, есть такие же ценные плановые места. Там, иногородние являются крупными торговцами, но никогда не уплачивают даже 5 копеек посажённой платы. Приведу цифры расходов

по станице Барсуковской [ныне эта станица находится в Кочубеевском районе Ставропольского края. – авт.].

Оказывается, что за 5 лет с иногородних поступило 1724 р[убля] 93 коп[ейки], [или] в среднем по 344 р[убля] 90 к[опеек] в год за площадь 16 442 кв[адратных] саж[еней]. Иногородних у нас в станице [насчитывается] 1552 души, [а], следовательно, платят они по 22 коп[ейки] с души. В тоже время казаки расходуют на станичные учреждения 14 860 р[ублей]. Или по 4 руб[ля] с души, считая, что казаков в станице 3720 чел[овек]. Мы видим, что иногородние дают очень мало, да и то неохотнее: «Мы, – говорят, – люди царские и платить не желаем» [6, с. 34].

Среди казачьего населения Лабинского отдела преобладали казаки-линейцы, но в этническом отношении в поселениях, помимо больших групп великороссов и малороссов по происхождению, проживали также армяне, немцы, белорусы, немногочисленные представители других народов Российской империи. В трети казачьих станиц отдела в конце XIX в. численность населения составляла около и свыше 8 тыс. человек, а в большинстве станиц Лабинского отдела количество жителей фиксировалось около и свыше 4 тыс. человек. В основном в поселениях люди проживали в деревянных домах (44892 домохозяйств), но немалая часть жителей в отделе имели материальные возможности для возведения каменных жилых строений (это сделали 1161 домохозяйств), причём, добротностью отличались и хозяйственные постройки, из них насчитывалось 211 каменных нежилых зданий и 943 деревянных нежилых сооружения.

В конфессиональном отношении население Лабинского отдела отличалось заметной пестротой вероисповедания и по мере убывания распределялось следующим образом: насчитывалось всего 234870 православных верующих (или 89,35 % населения отдела); 8211 человек (3,12%) принадлежало к раскольникам (старообрядцам); поборников ислама (магометан) фиксировалось 6340 человек (2,4%); армяно-григорианская община включала 5892 верующих (2,24%); имелось 3585 протестантов (1,36%); проживало 2621 иудеев (или, как тогда говорили, «последователей иудейского закона»; 1,0%); отмечалось 1286 приверженцев католической веры (0,5%); значилась небольшая группа язычников (33 человека, или 0,01%); и к прочим вероисповеданиям относились 25 человек (0,01%).

Соответственно группам верующих, в Лабинском отделе действовало 44 православных храма (7 каменных зданий и 37 деревянных церквей), 1 православная часовня, велось богослужение в 7

неправославных храмах, насчитывалось 15 синагог и мечетей [9, с. 83–87].

Главным повседневным хозяйственным занятием для населения Лабинского отдела выступало хлебопашество, а в меньшей степени, но достаточно масштабно здесь было представлено скотоводство. Встречались, хотя и в небольших масштабах, другие способы добычи местным населением хлеба насущного, например, занятие пчеловодством. Наибольшее количество пчеловодов, или пасечников (бджоляров) проживало в нагорных станицах Лабинского отдела, где развитие пчеловодства предопределялось природно-климатическими условиями. В Лабинском отделе получила заметное развитие местная промышленность, объединявшая в 1893 г. 1399 предприятий с общим объёмом производства 2323484 рублей и трудовой занятостью 2805 рабочих. На фоне всех промышленных предприятий отдела выделялись табачная фабрика и винокуренный завод. Самыми крупными торговыми центрами в отделе являлись селение Армавир и станица Лабинская. Вместе с тем, население отдела и других местностей Кубани привлекали масштабные ярмарки в станице Новотроицкой, станице Лабинской, станице Прочноокопской, станице Темиргоевской, да и в самом Армавире.

В начале XX в. по объёму текущего торгового товарооборота Лабинский отдел лидировал в Кубанской области с годовым уровнем торговых операций 104,1 млн. рублей [7, с. 158]. Доминирующее положение Лабинского отдела в Кубанской области объяснялось тем, что большая часть его торговых оборотов приходилась на расположенный здесь Армавир, являвшийся в конце XIX – начале XX вв. крупнейшим товарно-распределительным и коммерческим центром на Северном Кавказе.

В 1917 г. в Лабинский отдел (управление находилось в городе Армавире) Кубанской области входили следующие населённые пункты [11, с. 48–49]: город Армавир; станицы Ахметовская, Барсуковская, Бес(з)скорбная, Бесстрашная, Владимирская, Вознесенская, Григорополисская, Ерёминская, Зассовская, Каладжинская, Каменнобродская, Кармалинская, Константиновская, Курганная, Лабинская, Михайловская, Надёжная, Николаевская, Новоалександровская, Новомарьевская, Новотроицкая, Отважная, Подгорная, Попутная, Прочноокопская, Родниковская, Рождественская, Сенгилеевская, Темнолесская, Убежи(е)нская, Упорная, Урупская, Филимоновская, Чамлыкская; хутора: Баклановский, Брижинский, Верхнегорлыкский, Гранкин, Грязнушенский, Гущинский, Заболотнев,

Западный, Изобильный, Кишкиновский (Теге(и)нь), Коблов, Козлов, Косякинский (Горькореченский), Куньшевой, Лиманский, Ляпин, Малотенгинский, Мокробалковский, Надзорный, Новоалексеевский, Новокавказский (Нижнегорлыкский), Подгорно-Синюхинский, Привольный, Родионово-Винокуровский, Русский, Синюха, Синюхинский, Сладкий, Смыков, Спорный, Стебницкий, Сухой, Темнолесский, Убежинский, Фельмаршалский, Хоринский, Царицынский, Широкобоков; сёла: Вольное, Голицыно, Коноково, Кубанское, Маламино, Новомихайловское, Отрадо-Ольгинское, Успенское; посёлок Успенский.

В целом, по отдельным видам поселенческих структур в Лабинском отделе Кубанской области на 1917 г. всего насчитывалось: 1 город, 34 станицы, 38 хуторов, 8 сёл, 1 посёлок. Среди поселенческих структур, как видим, явно преобладали станицы и хутора, но, несмотря на казачий характер поселенческого пространства, само казачество здесь утрачивало роль трендсеттера регионального развития. Лабинский отдел и его управление продолжали существовать и во время функционирования на Кубани Кубанского краевого правительства (1918–1920 гг.).

В Лабинском отделе и на Кубани в целом часто встречаются этнические белорусы, о которых в историографии пока отразилось немного конкретно-исторических свидетельств. Белорусы попадали на Кубань в конце XVIII – первой половине XIX в. либо малыми группами в составе больших контингентов переселявшихся малороссийских крестьян и казаков, либо они перемещались в одиночку, будучи выходцами из социальной среды шляхты (мелкопоместного дворянства) и духовенства. Немало белорусов удачно воевали в составе Кавказской армии, находились на передовых рубежах в укреплениях Черноморской береговой линии. Ряд генерализующих последующих военно-политических, социально-экономических, транспортно-логистических и нормативно-правовых обстоятельств, прежде всего, окончание Кавказской войны, отмена крепостного права в Западном крае, издание Положения 29 апреля 1868 г., разрешавшее лицам невоинского сословия селиться и приобретать в собственность недвижимость в казачьих землях, введение в строй Владикавказской железной дороги открыли доступ на Кубань крестьянским переселенцам из Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний. В результате группы белорусов оказались в казачьих краях.

Согласно данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Кубанской области всего проживало лиц с родным белорусским языком 12356 человек (0,65 % жителей области), в

Черноморской губернии фиксировалось 659 белорусов (1,2 % жителей) [1, с. 190]. Поскольку обе территории (Кубанская область и Черноморская губерния) являлись вновь заселяемыми окраинами, здесь преобладало мужское население, поэтому обычно основную часть переселенцев составляли мужчины. Такая социально-демографическая картина наблюдается и среди прибывших белорусов.

Белорусы, проживавшие в Кубанской области, в большинстве своём занимались земледелием, и к хлебопашцам относились 8279 человек (67 %), из них 1956 человек (15,8 %) считались самостоятельными хозяевами и ещё 6323 человек (51,2 %) составляли члены их семей. Порядка 8 % белорусов трудились в качестве частной прислуги в богатых домовладениях и работали подёнщиками. В эту социально-трудовую группу входило 993 человек, из которых 464 человек являлись самостоятельными хозяевами и 529 человек фиксировались как члены их семей. В Екатеринодарском отделе Кубанской области в 1897 г. регистрировалось 146 казаков и 28 казачек, владеющих белорусским языком, в Лабинском отделе, соответственно, насчитывалось таких 146 казаков и 42 казачки, в Майкопском отделе отмечалось 26 женщин-казачек из числа белорусов [10, с. 102–122].

Тем самым, Лабинский отдел позиционировал Кубань как казачий регион Российской империи. Вместе с тем, Лабинский отдел стал территорией межнационального взаимодействия, где различные этнические группы были заинтересованы в мирном экономическом сотрудничестве, а социокультурные и этнические предпочтения заметно отражались на хозяйственных занятиях населения.

Библиографический список

1. Бондарь Н.И., Матвеев О.В., Ракачев В.Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Науч. ред., сост. О.В. Матвеев. – Краснодар: Эдви, 2008.
2. Всеобщая перепись населения (первая) Российской Империи, 1897 г.: Т. 65: Кубанская область / Центральная статистическая комиссия МВД; под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1905.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 870.
4. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 910.
5. ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 1236.
6. Журнал 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 и 21 февраля 1908 г. – Армавир: [Б.и.], 1908.
7. Ктиторов С.Н. История Армавира: (досоветский период: 1839–1918 гг.). – Армавир, 2002.
8. Кубанская справочная книжка на 1891 г. – Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1891.

9. Кубанская справочная книжка на 1894 г. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1894.

10. Матвеев О.В. Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX вв.): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, ноябрь–декабрь 2013 г.). – Краснодар: Традиция, 2013.

11. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В ГОРОД КРАСНОДАР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

EDUCATIONAL MIGRATION IN KRASNODAR: PROBLEMS AND PROSPECTS

А.С. Панчухина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.S. Panchukhina

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Образовательная миграция как аспект глобализации проявляется в перемещении студентов за границу и внутри страны для получения образования в вузах, колледжах, школах и других учебных учреждениях. В статье рассматривается феномен образовательной миграции в городе Краснодар, который стал значимым центром для студентов из различных регионов России. Исследование направлено на выявление основных факторов, способствующих притоку студентов, а также анализ существующих проблем, с которыми они сталкиваются в процессе обучения и адаптации.

Автор уделяет внимание не только количественным характеристикам образовательной миграции, но и качественным аспектам, таким как причинно-следственные связи выбора региона, адаптации и социальной интеграции в новый для них культурный контекст. В статье анализируются интервью с образовательными мигрантами, что позволяет получить многосторонний взгляд на проблему. Рассматриваются перспективы развития образовательной среды в Краснодаре, включая необходимость оптимизации учебных программ и создания более комфортной инфраструктуры для студентов.

Abstract. Educational migration as an aspect of globalization is manifested in the movement of students abroad and within the country to receive education in universities, colleges, schools and other educational institutions. The article examines the phenomenon of educational migration in the city of Krasnodar, which has become a significant center for students from different regions of Russia. The study aims to identify the main factors contributing to the influx of students, as well as to analyze the existing problems they face in the process of education and adaptation.

The author pays attention not only to the quantitative characteristics of educational migration, but also to qualitative aspects, such as the cause-and-effect relations of choice of

region, adaptation and social integration into their new cultural context. The article analyzes interviews of students themselves from different regions, thus providing a multifaceted view of the problem.

In addition, the article considers the prospects for the development of the educational environment in Krasnodar, including the need to optimize educational programs and create more comfortable infrastructure for students

Ключевые слова: Краснодарский край, Краснодар, образовательная миграция, политика развития, высшее образование, миграционные стратегии, перспективы развития

Keywords: Krasnodar Region, Krasnodar, educational migration, development policy, higher education, migration strategies, development prospects

Вопросы миграции остро стояли на протяжении долгого времени и актуальны до сих пор. Значимость данной проблемы вытекает из постоянной динамики и трансформации общества. В условиях современного мира миграционные процессы стали по-настоящему ключевым фактором, обуславливающим тенденции развития, как общественного сознания, так и общества в целом. В этих условиях миграция становится не только интересным объектом для исследования, но и важным социальным институтом, имеющим влияние в развитии социума, требующим постоянного изучения и управления.

Образовательная миграция как аспект глобализации проявляется в перемещении студентов за границу и внутри страны для получения образования в вузах, колледжах, школах и других учебных учреждениях. Она также является полезной практикой для обогащения культурного разнообразия вузов и для распространения различных культур внутри образовательной среды. Студенты, приехавшие из различных стран и культурных контекстов, могут вносить важный вклад в развитие учреждений, способствуя созданию разнообразных коммуникационных сред. Этот процесс не только способствует улучшению качества образования, но и является мощным катализатором социального, экономического и культурного развития стран и регионов.

Миграционные процессы в Краснодарском крае в целом схожи с теми, что происходят в других регионах России. Однако его географическое положение, природно-климатические условия, инвестиционная привлекательность и особенности социально-экономического развития оказали исторически положительное влияние на внешнюю миграцию в этом крае. Кубань традиционно считалась привлекательным регионом, как для внешних, так и для внутренних мигрантов. Так и сейчас, по итогам 2023 г. Краснодарский край вошел в десятку регионов с положительным сальдо миграции, закрепив за собой 9-ое место в общефедеральном списке. Число прибывших мигрантов за

2023 г. в Краснодарский край в общей сложности составило 165 994 чел. В «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период» [8] отмечается, что Краснодарский край имеет высокий уровень конкурентоспособности и входит в число российских регионов-лидеров, являясь лидером Южного полюса роста.

Но вместе с этим существует и проблема неравномерного распределения мигрантов по территории края. За период 2010–2023 гг. рост населения произошел в крупных и средних городах, а для сельских районов края, наоборот, наблюдалось снижение численности населения, за исключением районов входящих в Краснодарскую агломерацию: Динского и Северского. Так, можно заметить, что согласно официальной статистике, за 2023 год г. Краснодар стал крупнейшим миграционным центром края, число прибывших которого составило 43 597 чел. [9].

И именно в Краснодаре сосредоточена большая часть учебных учреждений, которые являются привлекательными как для мигрантов внутри края, так и межрегиональной перспективы. Краснодар не первый год является крупным научным, образовательным и культурным центром, установив высокую планку и привлекая тем самым студентов со всей России.

Так, согласно «Статистике приемной комиссии 2023 г.» [6], количество зачисленных в Кубанский государственный университет на программы высшего образования на все направления подготовки и специальности (в головной вуз без филиалов) составило 7558 человек, включая 223 иностранных гражданина. Если рассматривать географию зачисленных российских студентов в КубГУ, то несомненным лидером в данном вопросе является Краснодарский край – число поступивших студентов равно 6766, что составляет около 79% от всех зачисленных. Далее идут такие регионы, как Республика Адыгея – 3,4%, Ставропольский край – 2,3%, Республика Крым – 2,02% и Ростовская область – 0,98%. Среди же иностранных студентов странами-отправителями чаще всего являются такие, как Казахстан – 26 человек, Узбекистан – 19 человек, Сирия и Туркменистан – по 16 человек.

Высокая концентрация учебных заведений различного уровня и направленности создает уникальные условия для формирования качественного образовательного пространства, которое призвано не только удовлетворять потребности рынка труда, но и способствовать социальному развитию.

Тем не менее, несмотря на положительные аспекты, Краснодар также сталкивается с вызовами, которые необходимо учитывать для дальнейшего улучшения образовательного потенциала. Перед нами

стоит задача – проанализировать образовательные стратегии студентов г. Краснодар и понять, почему именно он является мощным образовательным центром, притягивая студентов, как из регионов России, так и из-за рубежья. Это позволит нам понять, какие проблемы и перспективы имеет данный регион в сфере научно-образовательной среды. Устойчивое развитие образовательной среды во многом зависит от интеграции учебных заведений с потребностями экономики региона. По мнению экспертов, стремление к совершенствованию системы образования и адаптации к потребностям общества позволит Краснодару занять ведущие позиции на образовательной карте страны.

Характеризуя разработанность темы, отметим, что проблема образовательной миграции нашла своё отражение в научной социологической литературе. Данное направление исследований находилось и продолжает находиться в фокусе внимания различных научных направлений и характеризуется серьезной проработанностью. Тема образовательной миграции, роли образования и образовательных стратегий исследуется многими учеными в рамках различных концепций, что позволяет глубже понять её многообразие и сложности.

Обращаясь к классикам социологической мысли, представители структурного функционализма, такие как Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и К. Дэвис рассматривали основное предназначение образования в передаче знаний и моделей поведения, необходимых для поддержания социальной стабильности. Однако позже взгляд на суть этой функции немного изменился. По мнению представителей данного научного направления, образовательные учреждения должны обеспечивать людей определенными навыками и дипломами, которые помогут им выполнять определенные функции в социальном делении труда.

На рубеже 1950-1960-х гг. Т. Шульцем и Г. Беккером [1] была сформулирована идея о том, что трактовка образования как взаимодействия формального, неформального и информального процессов, происходящих как внутри, так и вне системы образования (в частности, на рабочем месте), находится в рамках теории человеческого капитала. Под человеческим капиталом понимается совокупность воплощенных в человеке экономически ценных ресурсов – знаний, навыков, мотиваций, способностей к восприятию и продуцированию новой информации, – полученных им в процессе образования и практической деятельности [4].

Отечественные ученые Ю.М. Резник и Т.Е. Резник внесли значительный вклад в развитие социологического понимания жизненных

стратегий личности, которые они рассматривают как некие «идеальные образования», проявляющиеся в его поведении, целях, ориентирах и приоритетах [11].

Социологами, ведущими в России фундаментальные исследования образовательных и профессиональных траекторий молодежи, Д.Л. Константиновским и Д.Ю. Куракиным, выработан ряд концептуальных представлений на этот счет. Образовательная траектория определяется ими как «... совокупность шагов, предпринимаемых отдельными индивидами и социальными группами для удовлетворения своих образовательных потребностей» [5].

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров [3] в работе «Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы» проводят изучение механизмов доверия и недоверия и их влияния на социорегуляционные стратегии перспективно для исследования новых форм солидарностей в молодежной среде как проявления их внутригрупповых взаимодействий. Авторы подчеркивают, что изменяющаяся реальность стала значимым фактором изменений, происходящих в молодежной среде.

Краснодарский край является крупным центром привлечения учащейся молодежи, поэтому в данном регионе вопрос об образовательных стратегиях привлекает многих исследователей. Так, значительный вклад в изучение данного вопроса внесли такие исследователи, как Петров А.В., Хагуров Т.А., Ракачев В.Н. и др.

На разных этапах общественного развития под влиянием социально-экономических, культурно-исторических, нормативно-ценностных и иных факторов складывались и трансформировались различные теории образовательных процессов. При этом каждая из них характеризуется отличительными чертами, наличием разных подходов к рассмотрению роли образования. На протяжении XIX – начала XX в. образование в первую очередь служило потребностям промышленного общества. Знания были направлены на подготовку рабочей силы, способной работать на производстве. Так, данный период связан в первую очередь с развитием массового образования и формированием общеобразовательной школы. В конце XX века начались изменения и в экономической структуре: возникли новые технологии, увеличилась роль инноваций. Образование начало считаться важным фактором для экономического развития, так как для новых отраслей экономики стали необходимы высококвалифицированные специалисты.

Таким образом, анализ теоретических подходов к пониманию места образования в обществе позволяет сделать вывод о многообразии

смысловых компонентов данного концепта. Благодаря столь разнообразному рассмотрению проблемы образования, предоставляется возможность посмотреть на данный феномен более многосторонне, что позволяет лучше понять данную проблему.

Результаты исследования. Для достижения поставленных в исследовании цели и задач использовались: теоретический анализ литературы по проблеме исследования, анализ действующих нормативных документов по теме исследования, сравнение, обобщение, систематизация. Эмпирическую базу составили результаты социологического исследования, проведенного среди студентов краснодарских вузов. В качестве основного исследовательского метода был использован метод полустандартизированного интервью для более глубокого раскрытия социально-психологических аспектов опрашиваемых. В ходе исследования нами было опрошено 37 человек, приехавших в Краснодар с целью получения высшего образования из различных регионов России и стран ближнего зарубежья (в частности, из Казахстана).

При анализе полученных данных были выделены несколько основных информационных блоков: формирование образовательной стратегии, влияние окружения на выбор пути обучения, причины выбора г. Краснодар в качестве центра обучения и условия успешной интеграции и адаптации в выбранном регионе.

На основе ответов респондентов на вопрос о целях и мотивах при поступлении в высшие учебные заведения в современном обществе можно выделить несколько типов образовательных стратегий/путей молодёжи при выборе жизненного пути: 1) целенаправленное обучение; 2) социализация через обучение; 3) решение родителей; 4) школьная установка.

«Ну, мне кажется, что где-то половина действительно выбрали специальность, хотя в ней развиваться, получить подтверждение того, что они развились, в качестве диплома. Ну, а остальные пошли куда попали, для корочки, и им просто нравится этот этап жизни, и они ищут себя» (юноша, 18 лет).

Чаще всего продолжение школьного обучения, в виде окончания 11 классов, становится тщательно продуманным и спланированным решением. Но, молодые люди, следующие образовательной стратегии в виде школьной установки, продолжают обучение лишь вследствие неуверенности и неопределённости в своих будущих действиях.

«Просто моей проблемой было – это незнание, кем я хочу стать в будущем. То есть я разбираюсь в разных направлениях, и у меня ступор:

“А где развиваться?”» (девушка, 19 лет).

Также большинство респондентов отмечали, что при планировании образовательных стратегий одной из основных причин переезда в Краснодар было желание подальше уехать от дома. Это можно объяснить стремлением к большей самостоятельности и сепарации от родителей. Родители же наоборот, не всегда одобряли этот выбор как раз из-за большого расстояния от дома.

Как было сказано ранее, родители так же играют немаловажную роль при выборе образовательных стратегий современной молодёжи. Как отмечалось респондентами, они являются первыми учителями и первым примером для детей, вследствие чего, их ценности, убеждения и подход к образованию могут оказывать огромное влияние на выборы и решения подростков. Родители в большинстве случаев могут помочь детям определить свои интересы, цели и способности, что важно при выборе образовательной стратегии. В данном случае, речь идёт не о процессе давления на принятие решения об определённой стратегии образования, а по большей степени о процессе наставления на путь, основанный на интересах и возможностях молодёжи.

Ответ на вопрос «Почему в плане места учёбы был выбран именно Краснодар?» респонденты связывали с целым набором факторов:

– *Влияние родительского контроля.* Родительский контроль оказывает влияние на желание молодежи уезжать учиться в другие города России, поскольку чрезмерный контроль и ограничения создают у подростков чувство зависимости и лишают их возможности самостоятельно принимать решения.

– *Несоответствие ожиданий и реальности результатов ЕГЭ.* Это приводит к тому, что молодёжь не может уехать учиться в другие города России из-за отсутствия возможности поступить в желаемый университет или специальность. Это может быть вызвано не только низкими баллами по экзаменам, но и ограниченным количеством бюджетных мест, высокими стоимостями обучения на платной основе или другими факторами.

– *Территориальное расположение.* Значительная часть респондентов отмечала привлекательность г. Краснодара в территориальном плане. Так, факт того, что г. Краснодар находится недалеко от прежнего места жительства, способствовал их выбору.

– *Климатические условия.* Практически все респонденты отмечали привлекательность климата г. Краснодара.

Привлекательность города в большинстве случаев часто зависела от выбора специальности. Так, студенты, обучающиеся на

сельскохозяйственных специальностях отмечали, что выбор города был целенаправленным, так как считают Кубань развивающимся центром в данной сфере.

Одним из самых престижных и популярных университетов среди опрошенных является Кубанский государственный университет. Респонденты отмечают его высокий статус и положительные отзывы в СМИ и среди знакомых.

«В Краснодаре мне понравился только КубГУ, потому что очень много положительных отзывов слышала: про квалифицированных педагогов, и так далее» (девушка, 19 лет).

Респонденты отмечают важность учёбы в интеграции в новое социокультурное пространство. Так, они делают акцент на том, что именно активное участие в студенческой жизни, новые знакомства и образовательный процесс во многом упростили процессы адаптации и интеграции. Стоит отметить, что те респонденты, которые планируют после окончания обучения переехать или вернуться в родной город, говорили о сложностях адаптации, проблемах с которыми они сталкивались.

Большая часть респондентов отмечала, что город Краснодар останется привлекательным для мигрантов, причем эта привлекательность будет расти. *«Я считаю, что Краснодарский край очень привлекателен для миграции. Особенно для образовательной. Так как уровень образования в Краснодаре может вполне конкурировать с крупными городами»* (девушка, 20 лет).

Выводы и рекомендации. Краснодар является значимым центром образовательной миграции, привлекая студентов, как из регионов России, так и из-за рубежа. Это подтверждает привлекательность города для молодых людей, стремящихся получить образование и начать самостоятельную жизнь.

Благоприятный климат – один из решающих факторов при выборе Краснодара как места жительства и учебы, что особенно важно для мигрантов из регионов с менее комфортными климатическими условиями. Наличие престижных вузов с высоким уровнем образования и квалифицированным преподавательским составом, также играет важную роль, обеспечивая качественное образование и привлекательность для абитуриентов. При этом стоит отметить, что для многих климатический фактор является приоритетным, а образовательный – вторичным, но все же существенным аргументом.

Краснодар – динамично развивающийся город с высоким потенциалом в сфере образования. Образовательная миграция обогащает

культурную среду города, способствует обмену опытом и знаниями, что позитивно влияет на развитие Краснодара. Приток молодежи – это ценный ресурс, который при правильном использовании может стать мощным двигателем развития городской экономики и социальной сферы.

Для максимально эффективного использования потенциала привлекаемой молодежи и дальнейшего развития Краснодара как образовательного центра рекомендуется комплексный подход, включающий следующие меры:

– *Развитие инфраструктуры поддержки студентов-мигрантов* (создание специализированных центров поддержки студентов-мигрантов, которые будут оказывать помощь в адаптации к новой социальной и культурной среде; предоставление информационной поддержки по вопросам проживания, обучения, трудоустройства, медицинского обслуживания и других важных аспектов жизни в городе.).

– *Укрепление связи образования с рынком труда* (развитие тесного сотрудничества образовательных учреждений с предприятиями и организациями региона для адаптации учебных программ к актуальным потребностям рынка труда.).

– *Акцент на практикоориентированное обучение* (внедрение современных методик обучения, ориентированных на практическое применение полученных знаний и навыков).

Реализация этих мер позволит Краснодару не только сохранить, но и усилить свои позиции на образовательной карте России, создаст благоприятные условия для привлечения и удержания талантливой молодежи, а также обеспечит эффективное использование потенциала молодого поколения для развития города.

Библиографический список

1. Беккер, Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории // Г.С. Беккер // М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2003. С. 49-155.
2. Дэвис, К. Концептуальный анализ стратификации // Социальная стратификация / Отв. ред. С.А. Белановский. Вып. 1 М., 1992 С. 139–159.
3. Зубок, Ю.А. Современная Социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Россия реформирующаяся. 2017. №15.
4. Константиновский, Д.Л. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко // М.: ЦСП и М. 2014. 548 с.
5. Константиновский, Д.Л. Реальность образования. Социологическое

исследование: от метафоры к интерпретации. 2-е изд. / Д.Л. Константиновский, В.С. Вахштайн, Д.Ю. Куракин. - М.: ЦСП и М, 2013.

6. Контрольные цифры приема в вузы Краснодарского края в 2023 году (бакалавриат, специалитет, магистратура) // 2023. URL: https://kubsu.ru/sites/default/files/insert/page/itogi_priema_v_kubgu_-_2023.pdf (дата обращения: 27.10.2024).

7. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. М.: АСТ: Акт Москва: Хранитель, 2006. 873, с.

8. О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ (с изменениями на 27 декабря 2021 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 23.10.2024).

9. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований // Росстат. URL: https://23.gosstat.gov.ru/main_indicators_KK (дата обращения: 22.10.2024).

10. Парсонс, Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

11. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 100—105.

12. Шульц Т. Создание капитала образованием. 1960

13. Durkheim, E. Suicide: A Study in Sociology // Trans. by J.A. Spaulding and G. Simpson. Edited, with an introduction by G. Simpson. Chicago: Free Press, 1951. p. 372.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ СТРУКТУРЫ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ¹

ADMINISTRATIVE AND CIVIL STRUCTURES IN THE PROCESS OF DEVELOPMENT OF RURAL AREAS

Д.Н. Ракачев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

D.N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье анализируются материалы прикладного социологического исследования процессов развития сельских территорий Краснодарского края. Приводятся данные по оценке жителями развития инфраструктуры сельских

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

поселений, а также по их восприятию участия в этих позитивных изменениях различных структур: государственных (администрации и главы сельских поселений), общественных (гражданские активисты, общественный актив) и местного бизнеса (который понимается и как бизнес местных собственников, и как отдельные производства крупных бизнес-структур находящиеся на территории сельского поселения или рядом с ней).

Abstract. The article analyzes the materials of an applied sociological study of the processes of rural development in the Krasnodar Territory. Data are provided on the assessment by residents of the development of infrastructure in rural settlements, as well as on their perception of the participation in these positive changes of various structures: state (administrations and heads of rural settlements), public (civil activists, public asset) and local business (which is understood both as the business of local owners and as separate productions of large business structures located on or near the territory of a rural settlement)

Ключевые слова: Краснодарский край, сельские поселения, устойчивое развитие, поселковая администрация, локальная идентичности, гражданская солидарность.

Keywords: Krasnodar Territory, rural settlements, sustainable development, village administration, local identity, civil solidarity.

Развитие любого локального поселения прямо зависит от его размеров. Не рассматривая уникальные ситуации (специфические уникальные локации, специфический нормативный статус, уникальные ресурсы или формы деятельности жителей поселения) в подавляющем большинстве случаев – чем больше поселение, чем больше там жителей – тем больше возможностей для развития. Не случайно, процессы роста городов и депрессии малых сельских поселений являются типичными для многих государств мира.

Однако, консолидация населения в крупных городах имеет ряд негативных последствий. Соответственно, развития периферии – это и экономическая, и политическая задача государства.

Обеспечить развитие малых и средних сельских населенных пунктов можно только формированием там тенденций максимального роста преимуществ малых населенных пунктов и максимальным снижением недостатков таких поселений.

Практическая реализация этого лежит во взаимодействии двух процессов. С одной стороны – это материальная и инфраструктурная обеспеченность. Какими бы ни были мотивированными и патриотичным жители, отсутствие бытовых удобств, социальных объектов, транспортной связанности и т.д. будет их демотивировать к укоренению. В таких условиях, даже при существенной востребованности специалистов, конкурентной заработной плате, будет развиваться временный формат проживания, будет крайне мало семей и детей. С другой – это солидарность и локальная идентичность жителей. Даже при

высоком уровне инфраструктурного развития, малое сельское поселение не имеющее укорененного населения связанного с ним идеологически, исторически, являющегося носителем значимой локальной идентичности – будет донором, поставляющим наиболее активную молодежь другим, более субъективно значимым поселениям. Таким образом, это два аспекта – идеологический и инфраструктурный являются равнозначимыми и взаимосвязанными.

В контексте данной проблемной ситуации, в 2023 году, исследовательским коллективом Кубанского государственного университета в рамках проекта «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» (№ 22-18-20059, проект РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс)) было проведено комплексное исследование жителей сельских населенных пунктов Краснодарского края.

В целом, исследование было направлено на исследование процесса формирования гражданской солидарности. Однако, в ходе опроса, неизбежно пришлось выяснять не только степень и специфику гражданской солидарности, порождаемые ей формы общественного взаимодействия, но и сами условия, в которых она формируется. Условия реальной бытовой и социальной инфраструктуры сельских поселений, условия взаимодействия поселкового социума с поселковой же администрацией (и администрацией более высоких уровней). Конкретные формы, в которых выражается эта солидарность и конкретные местные проблемы, на решение которых она актуализируется.

В широком смысле, методологической основой исследования выступил структуралистско-конструктивистский подход [3, 2, 1]. В качестве конкретной интерпретации реализации гражданской позиции использовался аналитический инструментарий исследования гражданского участия Ю.В. Ухановой, с учетом в первую очередь вертикального взаимодействия (взаимная позиция местного сообщества и местных органов государственной власти) в решении значимых проблем горизонтального (пространство бытовой повседневности) плана и местного уровня. [4].

Непосредственной методикой выступил анкетный опрос, реализованный как в традиционной, так и в электронной форме (размещение электронной анкеты и распространение через URL-ссылку среди жителей сельского поселения). В ходе исследования было

охвачено 12 сельских поселений в 6 районах края. Отбор сельских поселений производился по квотному принципу (одно сельское поселение с высокими социально-экономическими показателями по муниципальной отчетности, и одно – с невысокими). Население сельских поселений варьировалось от 770 человек до 15 754 человек. В среднем – порядка 6,5 тыс. чел. Так же в статье используются некоторые данные проведенных в рамках проекта экспертных опросов и фокус-групповых дискуссий.

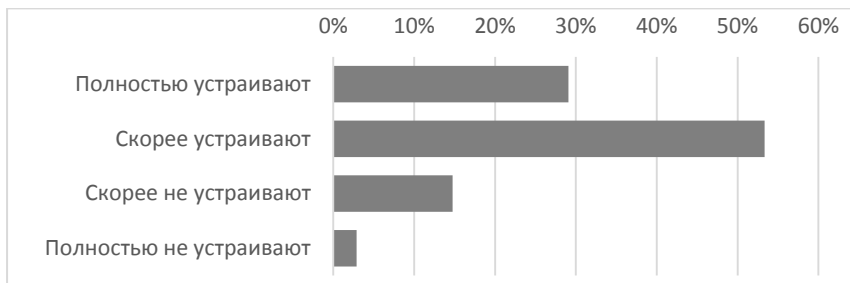

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Насколько в целом Вас устраивают условия жизни в Вашем сельском поселении?», %

Выбор районов так же был сделан в целях представленности различных хозяйственно-территориальных типов (горные, равнинные, прибрежные и т.д.). Опрос проводился исследовательским коллективом при выезде непосредственно в поселение. В целом, выборку можно считать кластерной, в рамках кластера - случайной, с квотированием по полу и возрасту. Всего опрошено 781 чел.

В целом, опрошенные позитивно оценивают условия жизни в своем сельском поселении. Суммарно значение позитивных ответов «полностью устраивает» и «скорее устраивает» составляет 82,4%. При этом динамический диапазон значений по отдельным поселениям проявился от 59,7% до 92,5% (сумма позитивных ответов). То есть, даже в поселениях, которые по муниципальным экономическим и статистическим показателям считаются депрессивными по меркам данного района (а это половина выборки), тем не менее, доля жителей, которых устраивают имеющиеся условия как минимум превышает половину.

Косвенная перепроверка данной оценки через желаемую судьбу своих детей показывает несколько иной, но при этом не кардинально отличающийся уровень позитива к своему сельскому поселению. Так,

только 39,4% ответивших, указали, что желали бы, что бы их дети покинули данное сельское поселение. Доля же тех, кто желал бы оставить своих детей здесь (тут суммируется и удовлетворенность своей работой «Я хотел бы, чтобы мои дети продолжили мое дело, мое хозяйство», так и неудовлетворенность, но все же без пожелания смены локации «Я хотел бы, чтобы мои дети занялись бы другим (более доходным, более уважаемым) делом в нашем месте жительства») составляет 60,7%.

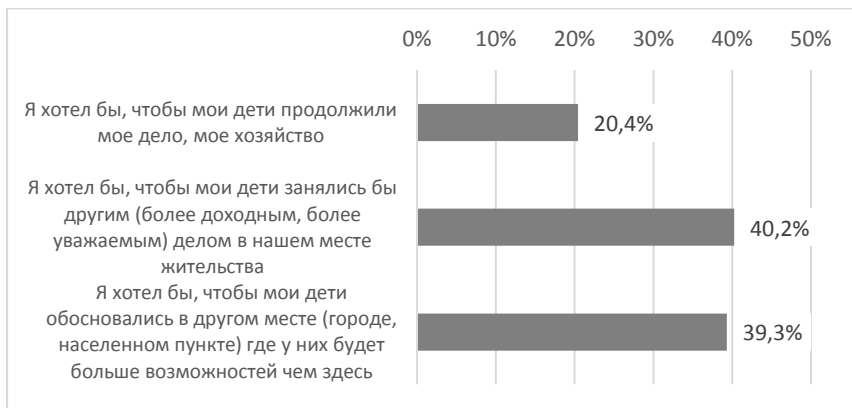

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос «Какую бы Вы хотели бы жизнь, карьеру для своих детей?»

Таким образом, мы может декларировать, что имеющаяся ситуация оценивается в среднем как «нормальная». Естественно, существует значительный разброс, который является следствием конкретного социального успеха конкретного человека, и соотносится с его жизненными ожиданиями. Однако при некой усредненной оценке, ситуация реализации личностной стратегии успешности большинством жителей считается вполне реальной в рамках своего сельского поселения.

Исходя из того, что позитивные ожидания сами по себе типичны, несоответствие позитивным ожиданиям субъективно будет более острым, заметным, и высказываться более остро, а соответствие этим ожиданиям (т.е. позитивные изменения) будут оцениваться как норма – выявление самой динамики развития было построено через открытый вопрос «Какие позитивные изменения (что построено, что сделано) были за последние 5 лет?».

И, в такой постановке, 2/3 опрошенных четко указали, что их населенные пункты активно развиваются в плане создания новой или реконструкции старой инфраструктур. То есть такой ответ необходимо трактовать как не просто наличие развития, но как субъективную значимость, заметность и важность этого развития. На открытый вопрос о том, что именно было сделано в поселении были даны различные ответы. Четко разделить по группам их не всегда возможно из-за различной степени детализации (от ярко негативных «для людей – ничего» до абстрактных, но явно позитивных формулировок «сделали много, долго перечислять»). Но, в принципе, можно с некоторой условностью выделить такие сферы как:

1. Акцентированно сфера ЖКХ и инфраструктура. Формулировки вида: «водонапорная башня», «газ, вода, благоустройство», «газопроводы, водопроводы», «дороги и освещение», «уличное освещение, замена дорожного покрытия» и т.д. Таких ответов было примерно 26% от общего числа опрошенных.

2. Акцентированно культурно-досуговая сфера. Формулировки вида: «благоустраивается центр, лучшая детская площадка в районе», «благоустройство сфера культуры», «озеленение», «благоустройство территории и мест отдыха», «дом культуры, скверы», «кинотеатр», «ремонт клуба», «ремонт памятника погибшим воинам, благоустройство Аллеи славы» и т.д. Таких ответов было примерно 25% от общего числа опрошенных.

3. Акцентированная детская инфраструктура - детские сады и школы, детские площадки. Таких ответов было примерно 14% от общего числа опрошенных.

4. Акцентированно спортивная инфраструктура (спортплощадки, спортзалы). Таких ответов было примерно 10% от общего числа опрошенных.

5. Акцентированно коммерческая и промышленная инфраструктура (открыты магазины, созданы предприятия). Таких ответов было примерно 2% от общего числа опрошенных.

Собственно, четко негативных ответов, текстовых указаний на то, что никакого позитивного развития нет – было только 5,1%. Однако порядка 28,7% не указали в этом открытом вопросе ничего, то есть происходящие перемены (или их отсутствие) воспринимаются ими безэмоционально, и не являются значимыми аспектами в их оценке своего бытия.

В процессе анкетирования эти моменты эмоциональной нагрузки или ее отсутствия четко проявлялись, когда респонденты не указывали

те или иные объекты, а чуть позже, в процессе обсуждения со своими односельчанами поднимался этот вопрос – признавали, что те или иные объекты построены или реконструированы. То есть эти данные нужно трактовать не как объективные данные о ситуации в поселениях, а как степень субъективной значимости происходящих работ.

Интересными выглядят распределения тех, кто участвовал (и наоборот – не участвовал) в этом развитии. Одним из вопросов, мы просили указать роль тех или иных структур в позитивных изменениях сельского поселения.

Наибольшую роль (77,3%) в этой связи играют органы местной власти. Значимость гражданских инициатив, общественности, активистов, так же, как и активность представителей местного бизнеса оценивается как значительная, но занимающее явно второе место.

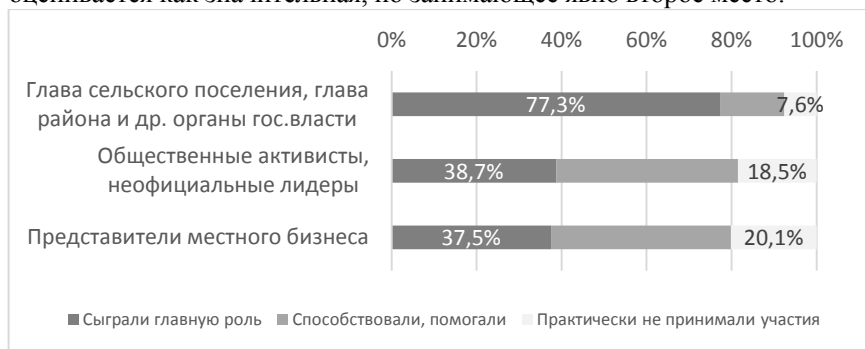

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос о том, кто участвовал (и в какой роли) в указанных респондентом позитивных изменениях в его сельском поселении.

Логично было бы предположить, что в условиях малых населенных пунктов (а население включенных в опрос локаций составляло от 770 человек до 15 754 человек) к социально значимым решениям привлекались все имеющиеся хоть какие-то ресурсы и мотивы действовать силы. И это подтверждают 23,2% опрошенных, которые указали, что все три категории принимали активное участие в позитивных переменах.

В этой связи, интересными являются ситуации, когда респонденты указывали на то, что какие-то группы не кооперируются в решении инфраструктурных задач. Так, по результатам исследования, выделяется некоторая группа, которая указывает что местные органы гос. власти не принимали никого активного участия в указанных положительных

изменениях. Эта группа достаточно мала, но заметна. И ее оценка альтернативных структур полностью идентичная. Так, 5,4% опрошенных считает, что в проектах, где главную роль играли негосударственные структуры («общественность, активисты» и «местный бизнес»), государство вообще не участвовало. При этом, разницы между оценкой «неучастия» государства в проектах реализованных местным бизнесом и местной общественностью и активистами – нет. Это мнения одних и тех же респондентов.

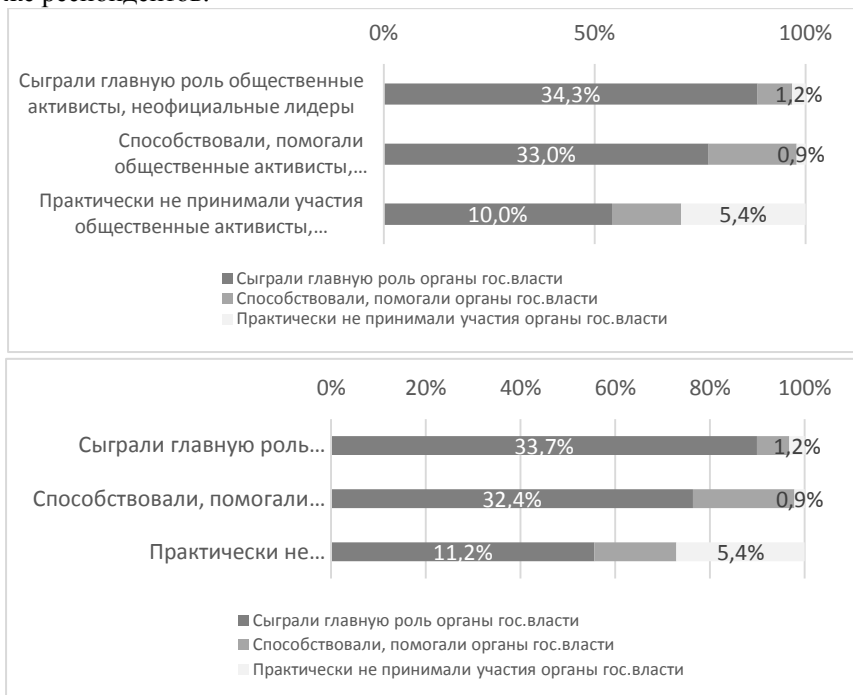

Рисунок 5 – Взаимораспределение ответов на вопрос о том, кто участвовал (и в какой роли) в указанных респондентом позитивных изменениях в его сельском поселении.

Хотя эта группа весьма мала, но она, тем не менее, составляет по всей выборке 36 чел., и проявляется практически в каждом населенном пункте (но уже не в виде значимой группы – а в виде единичных респондентов). Остальные были не так категоричны, но доля указавших что в проектах реализованных гос.структурами не участвовали, например, местные общественные организации – только 11,2%.

В ходе фокус-групповых дискуссий и экспертного опроса, наиболее негативными ситуациями так же проявлялись те, где общественные структуры, гражданские активисты вступали в конфликт с поселковой администрацией. Причем, в условиях достаточно малого числа жителей, такие разногласия поляризуют практически все местное сообщество.

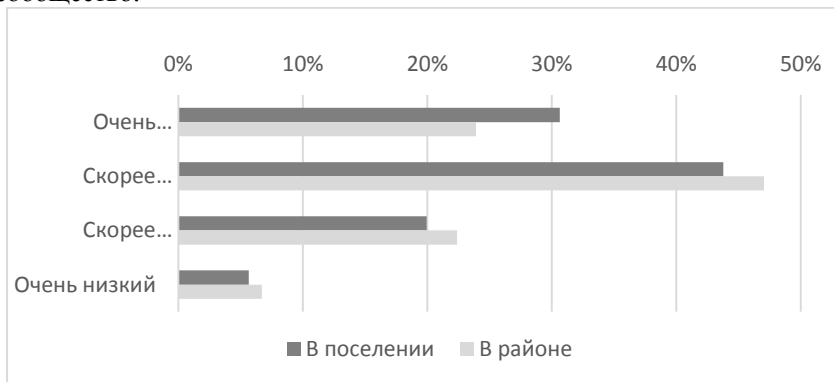

Рисунок 6 – Уровень доверия к местной власти (района / сельского поселения),%

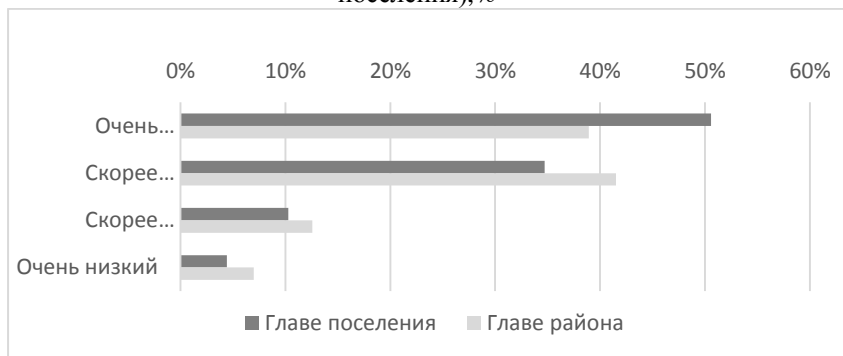

Рисунок 7 – Уровень доверия к главе (района / сельского поселения) лично%

Местное бизнес-сообщество, в целом (по результатам опроса экспертов и фокус-группам) занимает более отстраненную и выжидательную позицию, и не является драйвером развития. Однако может являться его важным ресурсом, когда местные органы власти и общественные структуры создают ситуацию вовлечения местного бизнеса в проект развития. Причем, при консолидации их усилий, такая

ситуация вовлечения становится практически безальтернативной для бизнеса.

Таким образом, можно сказать, что поселковая администрация выступает наиболее важным актором, который, собственно, и определяет развитие сельского поселения. Наиболее значительным ресурсом для развития – являются государственные программы, вторым по значимости – местное бизнес-сообщество. Но эффективной администрация становится только при взаимодействии с гражданским активом. В случае кардинальных расхождений, потенциально высокие возможности администрации существенно снижаются, и реализация любых планов развития сельского поселения резко усложняется.

В условиях малых населенных пунктов, это существенно персонифицируется. Именно глава поселения формирует команду (и, зачастую эта команда имеет неформальный характер и может даже не быть штатными сотрудниками). Именно глава поселения обеспечивает (лично, зачастую неформально) взаимодействие с активом, с общественными структурами, с районной администрацией и т.д. Неуспешность главы поселения в формировании личных контактов сразу делает всю его деятельность по развитию поселения малоуспешной.

Примечательно, в этой связи, распределение ответов на вопросы о доверии. Так, уровень доверия к главе лично заметно выше, чем к администрации в целом, хотя на уровне сельского поселения поселковая администрация полностью контролируется главой. На наш взгляд, это необходимо расценивать не столько как негатив к администрации, сколько показатель именно личностных компетенций, остро необходимых главе поселения (и наличия этих компетенций у действующих глав поселений, попавших в выборку исследования).

В целом, в условиях малых сельских территорий (т.е. весьма малого населения), реализацию любых проектов требует формирования общественного консенсуса и вовлечение в проект всех возможных местных акторов. Игнорирование или конфликт в такой тесной обстановке критично сказывается на развитии сельского поселения. Наиболее значимый актор в данном случае – поселковая администрация, но это накладывает на нее в целом и на главу поселения в частности и требование нахождения консенсуса со всеми значимыми группами в сельском поселении.

Библиографический список

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б.Андерсон. - Москва : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. - 286, ISBN 5-93354-017-3

2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. Знания / П. Бергер, Т. Лукман. - Москва : Моск. филос. фонд, 1995. - 322, ISBN 5-85691-036-2

3. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. - Москва : Socio-Logos, 1993. - 333, ISBN 5-86709-005-1

4. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) / Ю.В. Уханова // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ КУБАНИ К ТРАДИЦИОННЫМ ТАНЦАМ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

THE ATTITUDE OF RUSSIAN YOUTH OF KUBAN TOWARDS TRADITIONAL DANCES OF THE ETHNIC GROUPS OF THE NORTH CAUCASUS

И.П. Яковлева, М.В. Послыхалин

Кубанский государственный технологический университет,

г. Краснодар, Россия

I.P. Yakovleva, M.V. Poslyhalin

Kuban State Technological University, g. Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассмотрено место традиционных народных танцев в духовном наследии народов России. Выделены основные функции, которые играет данный вид народного творчества. Рассмотрены танцевальные традиции народов Северного Кавказа и их представленность в федеральном и региональных реестрах нематериального культурного наследия. Исследовано отношение современной русской молодежи к традиционным танцам народов Северного Кавказа. Сделан вывод, что несмотря на характерное для массового общества увлечение молодежи преимущественно современными западными танцами, сохраняется возможность для популяризации и региональных танцевальных форм.

Abstract. The article examines the place of traditional folk dances in the spiritual heritage of the peoples of Russia. The main functions that this type of folk art plays are highlighted. The dance traditions of the peoples of the North Caucasus and their representation in the federal and regional registers of intangible cultural heritage are considered. The attitude of modern Russian youth to traditional dances of the peoples of the North Caucasus has been studied. It was concluded that despite the fascination of young people with mainly modern Western dances characteristic of mass society, there is still an opportunity for popularization of regional dance forms.

Ключевые слова: духовное наследие, традиции, народные танцы, Северный Кавказ, молодежь

Keywords: spiritual heritage, traditions, folk dances, North Caucasus, youth

Россия – поликультурное, многонациональное государство, духовное наследие которой является основой современного развития страны. Духовное наследие российского общества включает в себя ценности, идеи, нормы, знания, любые результаты и способы творческой деятельности представителей всех этносов проживающих на территории РФ. О важности данного компонента общероссийской культуры свидетельствует нормативное закрепление на государственном уровне политики по сохранению и развитию нематериального этнокультурного достояния страны. В концепции, утвержденной правительством РФ в 2024 г. в частности говорится о необходимости создания условий для сохранения и популяризации нематериального этнокультурного наследия, культурных ценностей и традиций народов нашего государства и использовании их в качестве ресурса духовного и экономического развития страны [3].

В рамках данного исследования анализу подлежит одно из направлений культурного народного наследия – традиционные народные танцы. Под ними понимаются танцы, присущие отдельному этносу, исполняющиеся в своей естественной среде и характеризующиеся особенными движениями, ритмом, костюмом и другими атрибутами. Согласно А.К. Кульбековой народная танцевальная культура всех этносов имеет древнейшие традиции, уникальный генезис, неповторимые специфические особенности формирования [4, с. 77]. Данный вид хореографического творчества по описанию исследователей обладает такими признаками как яркость, образность, способность отражать историю этноса, передавать быт, характер народа [6, с. 209]. Народные танцы выступают механизмом сохранения, передачи культурных ценностей, символики, идентичности членов общества [8, с. 492-493].

Таким образом, сохранение народного танца, передача этнических танцевальных традиций молодому поколению выполняет социализирующую функцию, обеспечивает всестороннее развитие подрастающего поколения, его интеграцию в значимые для него социальные общности, прежде всего этнические. Соответственно его утрата, по мнению Ф.А. Гаджаловой, грозит не только распадом этнокультурных связей, но и потерей национального суверенитета [1, с. 328].

Помимо социокультурной значимости традиционных народных танцев, можно выделить и утилитарно-экономический аспект – они являются одним из компонентов туристического показа, этнокультурным брендом, который способен привлечь

заинтересованный сегмент [2, с. 35]. Их можно рассматривать как маркер определенной территории, формирующий имидж региона (фламенко – Испания, гопак – Украина, лезгинка – Кавказ и т.д.).

С целью сохранения духовного наследия, в том числе и танцевального, народов России уже отмеченная выше Концепция предлагает создать и вести федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации. На данный момент в реестр внесены 172 объекта. Их них хореографические формы (танцы) – 7 объектов: музыкально-хореографическая форма «Тимония», осетинский танец «Симд», традиционная пляска «пересек», традиция вождения хороводов на реке Иркум, «пиирилейки» северных карелов, якутский круговой танец «осуохай», чукломская городская кадриль [5]. Кроме того, танцы являются элементом обрядовых комплексов и праздников, представленных в Реестре. Примером могут служить обряд «лужкование» на Успение в Ставропольском крае или общественный институт знакомства молодежи «синкъярам» у чеченцев. Субъекты федерации сами вправе создавать региональные реестры нематериального культурного наследия, где тоже встречаются традиционные народные танцы. Так, в подобном реестре Республики Адыгея представлен западно-адыгский народный танец «Исламей».

Изучение федерального и региональных реестров показывает, что танцевальная культура народов Северного Кавказа в них представлена весьма ограниченно (уже отмеченные выше осетинский «Симд» и адыгский «Исламей»). Помимо фигурирующих в государственных программах танцев, можно вспомнить адыгские «Удж», «Кафа», «Зыгальбат», «Льепечас», «Зафак», осетинские «Чепена», «Зилга кафт», «Тымбыл кафт», чеченский «Чагаран хелхар», карачаевский «Стемей», балкарские «Тегерек тепсеу», «Асланбий», танцы народов Дагестана «Лезгинка», «Бийив», «Лукъям», «Тогорок» и многие другие.

Для Краснодарского края в равной степени важны и актуальны обе группы функций народных танцев (и утилитарно-экономические, и социокультурные). Как регион с высокой ориентацией на развитие рекреационных ресурсов и туристического комплекса, он не может не использовать данный культурно-символический ресурс. Будучи западными воротами Кавказа, ориентация в брендировании региона не только на казачьи танцевальные традиции, но и танцевальную культуру народов Северного Кавказа, прежде всего адыгов, выглядит вполне оправданной.

Тот же фактор территориальной близости и постоянных

этнокультурных контактов внутри северокавказского мезорегиона, частью которого является Краснодарский край, делает чрезвычайно востребованным поликультурное образование, в процессе которого подрастающее поколение усваивает этническую культуру не только своего этноса, но и сопредельных, духовно обогащается и формирует у себя готовность и умение жить в многокультурной полиэтнической среде [7, с. 108].

С целью выявления уровня осведомленности русской молодежи о танцевальных традициях народов Северного Кавказа было проведено пилотажное социологическое исследование среди студентов Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ). В опросе приняли участие 230 человек – студентов очной и заочной формы обучения. 45,7 % опрошенных – мужчины, 54,3 % – женщины. По возрасту 37,5 % респондентов 17-20 лет, 47,5 % - 21-25 лет, 15 % - 26-30 лет.

Опрос подтвердил точку зрения многих исследователей о позитивном отношении детей и молодежи к хореографии. 50 % опрошенных студентов заявили о том, что любят танцы, еще 41,3 % скорее любят, об отсутствии позитивного отношения к данному элементу культуры полностью и частично (скорее нет, чем да) ответили по 4,35 % респондентов.

Об уровне вовлеченности студентов в современную танцевальную среду можно судить по распределению ответов на вопрос: «В какой форме проявляется Ваш интерес к танцам?». 15,2% опрошенных отмечают, что любят танцевать на различных праздниках, публичных мероприятиях. 30,4% обычно танцуют в компании друзей на вечеринках, домашних праздниках. 8,7% ходят танцевать в различных клубах. 30,8% посещали танцевальные секции, 20,5% занимались на уроках танцев в школе, 12,8% смотрели онлайн курсы по танцам. Являются участниками танцевальных коллективов, ансамблей 10,9% студентов, 4,4% - принимали участие в танцевальных конкурсах. 15,4% респондентов никогда не занимались танцами. 26,1% нравится посещать танцевальные концерты, шоу в качестве зрителей.

Данные опроса иллюстрируют и еще один тренд, отмеченный, в частности З.М Кешевой, - глобализация и формирование «массового общества» привели к сближению, усреднению, интернационализации культуры [2, с. 35]. В рамках изучаемой нами темы это проявилось в увлечении молодежи такими танцами как брейк-денс (21,1%), хип-хоп (18%), эстрадные танцы (10,5%), контемп 7,9%, RnB (6,6%), бальные танцы (6,1%) латиноамериканские (5,2%). Об увлечении народными

танцами заявили 13,2% респондентов.

Вместе с тем, большинству опрошенных народные танцы нравятся: 47,8% ответили однозначно да, 41,3% скорее да, чем нет. Об отсутствии симпатии к данному виду танцев полностью и частично сказали 4,4% и 6,6% соответственно.

Из традиционных народных танцев, помимо характерных для края кубанских казачьих танцев, которые знакомы подавляющему числу опрошенных (73,9%), студентам известны дагестанская лезгинка (58,7%), вайнахский танец (34,8%), осетинский Хонга кафт, Симд (19,8%), адыгский Исламей (19,6%). Не знакомы в принципе ни с каким танцами народов Северного Кавказа 10,9% респондентов. Молодые люди характеризуют их в большей степени как энергичные (91,3%), с четким ритмом (73,9 %), резкие, порывистые (47,8%). В меньшей степени данная танцевальная традиция ассоциируется с категориями плавные (23,9%), сдержанные (17,4%), мягкие, нежные (по 6,5%).

Позитивным является тот факт, что для студентов народные танцы не являются чем-то устаревшим, социальным атавизмом. С утверждением, что традиционные танцы народов Северного Кавказа для современных студентов ассоциируются с пережитками прошлого полностью согласились лишь 6,5% опрошенных, скорее согласны 15,2%, скорее не согласны 43,5%, полностью согласны 34,9%.

Более половины опрошенных (58,7%) в большей или меньшей степени уверены, что для современной русской молодежи присущ самостоятельный интерес к данным этническим танцам. Об отсутствии этого интереса (полностью и частично) говорят 41,3%.

Практически полностью вся выборочная совокупность видит необходимость в современных условиях знакомить молодежь с национальными танцами: полностью с этим согласны 45,7% респондентов, скорее согласны 43,5%. Не видя в этом необходимости 10,8% студентов.

Основными источниками, позволившим студентам сформировать свое представление о северокавказской танцевальной традиции выступают СМИ, в том числе и их интернет аналоги (39,1%), социальные сети, интернет блоги (26,1%), публичные фольклорные мероприятия (21,7%), концерты известных фольклорных ансамблей (13%).

Опрос показал, что в сознании молодежи превалируют социокультурные функции национальных танцев Северного Кавказа над утилитарными. Прежде всего для студентов они служат средством сохранения исторического прошлого своей страны, своего прошлого

(45,7%) и способом знакомства с культурой других этносов (37%), возможностью показать свою самобытность, уникальность (6,6%). Значительно в меньшей степени они видят в них развлечение, в том числе и поставленное на коммерческую основу (6,4%) или способ привлечения туристов в регион (4,3%).

Готовность освоить данные танцы, непосредственно приобщиться к данной культуре демонстрируют 34,8% молодых людей, еще 23,9% допускают такую вероятность. Считают эту возможность маловероятной для себя 34,8% респондентов, совсем не готовы учиться хотя бы немного данным танцам 6,5%.

Таким образом, танцевальные традиции народов Северного Кавказа являются составной частью духовного наследия России в целом. Знакомство с этими традициями не только самих носителей этничности, но и русской молодежи можно рассматривать как основу формирования солидаристических связей в условиях полиэтничного региона.

Библиографический список

1. Гаджалова Ф.А. Традиционная культура народов Дагестана и ее брендинг как ресурс развития региона // 30 лет Республике Ингушетия: Исторические вехи и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Магас, 2022. С. 327-332.
2. Кешева З.М. «Черкесский круг» как этнокультурный феномен // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 3 (46). С. 34-39.
3. Концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 206-р // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/50843/> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Кульбекова А.К. Вопросы сохранения национального танца в современных условиях высшего хореографического образования // Academia: Танец. Музыка. Театр. Образование. 2019. № 1 (47). С 76-78.
5. Хореографические формы // Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. URL: <https://rusfolkknasledie.ru/#/category/03081dc1-5098-869a-0684-f6334150d937?page=0> (дата обращения: 20.10.2024).
6. Хижняк Д.Д., Стебляк В.В. Актуальность народного танца в современной культуре на примере образцового ансамбля народного танца «Искорки» // Молодой ученый. 2021. 44 (386). С. 208-210.
7. Хухунашвили М.М. Народный танец как средство формирования этнокультурной идентичности // Традиционная танцевальная культура народов Урало-Поволжья: исследование, образование, искусство, бытование. Материалы Международной научно-практической конференции. 2013. С. 106-110.
8. Шишкина А.П. Сохранение традиций народной культуры средствами народного танца // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией С.В. Соловьевой. 2017. С. 492-497.

РАЗДЕЛ V. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

HUMAN LOSSES IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: CONTROVERSIAL ISSUES

В.Б. Жиromская

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Valentina Zhiromskaya

*Institute of Russian History the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос о людских потерях в годы Великой Отечественной войны. В 2025 г. исполняется 80 лет со дня Великой Победы. Но вопрос о людских потерях не перестает волновать исследователей. В статье представлены разные оценки людских потерь, рассматриваются методы исследования. Автор изучает составляющие потерь: потери военнослужащих, жертвы геноцида, сверхсмертность мирного населения оккупированных территорий, повышение смертности в тылу. Специально рассматривается смертность в блокадном Ленинграде как особая строка потерь мирного населения. Многомиллионные жертвы оставили глубокий след в численности и возрастнополовой структуре населения, оказали существенное влияние на развитие демографических процессов.

Население после войны восстанавливалось. Однако демографическое эхо потерь ощущается до сих пор.

Abstract. This article examines the issue of human losses during the Great Patriotic War. In 2025, the 80th anniversary of the Great Victory Day will be celebrated. But the question of human losses does not cease to worry researchers. The article presents different estimates of human losses and discusses research methods. The author studies the components of losses: losses of military personnel, victims of genocide, supermortality of the civilian population of the occupied territories, increased mortality in the rear. The mortality rate in besieged Leningrad is specifically considered as a special string of civilian casualties. The multimillion-dollar victims left a deep mark on the number and age-sex structure of the population, and had a significant impact on the development of demographic processes. The population was recovering after the war. However, the demographic echo of the losses is still being felt.

Ключевые слова: людские потери, потери военнослужащих, мирное население, жертвы гитлеровского геноцида, убыль населения, составляющие потерь.

Keywords: human losses, losses of military personnel, civilians, victims of the Nazi genocide, population decline, components of losses

Кровопролитные военные действия, бомбежки, оккупация значительной части территории страны, трудные условия жизни большинства населения, тяжелейший труд в тылу обусловили масштабные людские потери, как на фронтах Великой Отечественной войны, так и в тылу.

Война оказала разрушительное воздействие на народно-хозяйственный комплекс страны. Данные исследователей свидетельствовали о том, что в ходе военных действий было практически уничтожено 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, около 32 тыс. крупных и средних промышленных предприятий, 62 тыс. км железнодорожных путей, свыше 6 млн. зданий и т.д. [17, с. 129]. Однако самой тяжелой потерей была гибель миллионов людей.

По вопросу **о людских потерях** в годы Великой Отечественной войны идет длительная и бурная дискуссия, в ходе которой называются различные расчетные оценки. Разница в оценках сохраняется до настоящего времени.

В феврале 1946 г. в официальной печати была опубликована озвученная И. Сталиным цифра людских потерь в 7 млн человек [3].

В начале 1960-х гг. руководством страны называется цифра 20 млн человек [21].

В середине 1960-х – начале 1980-х гг. в официальной печати эта цифра утвердилась [4].

На рубеже 1980-х-1990-х гг. работа по исчислению людских потерь в годы войны активизировалась. Расчеты исследователей и специалистов Госкомстата, Министерства образования СССР, АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова, входивших в 1989-1990 гг. в состав государственной комиссии, показали, что в 1941-1945 гг. людские потери составляли примерно 27 млн. чел. [16, с. 48].

Близкие оценки дали отечественные исследователи. Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. На основе метода демографического баланса они пришли к выводу, что общие потери населения СССР в годы Великой Отечественной войны составляют 26,6 млн. человек [19, с. 77]. В конце 1980-х-начале - 1990-х гг. Б.В. Соколов дал очень высокие оценки потерь: прямые потери населения СССР (в это число включались не только погибшие мирные жители, но и жертвы ГУЛАГа), вместе с косвенными (с данными о не родившихся детях) составили по его расчетам около 46 млн. чел. [27, с.8, 11-16]. Затем он неоднократно корректировал свои расчеты, но и после уточнений насчитывает 40-41 млн потерь, в том числе 26, 9 военнслужащих, а мирных жителей - 13-

14 млн. человек [См. 14, с. 83, 85]. Большинство историков считает цифры потерь военнослужащих завышенными.

В 2010-е годы появились новые исследования масштабов людских потерь в годы Великой Отечественной войны. Разброс оценок продолжал сохраняться значительным: от 16 млн человек, из них 4,5 мирного населения и 11,5 военнослужащих (по расчетам В.Н. Земскова) [8, с. 39; 9, с. 126] до почти 42 млн. чел., из них военнослужащих – более 19 мил., гражданского населения – около 23 млн. (оценка дана в выступлении Н.Г. Земцова в Госдуме на парламентских чтениях «Патриотическое воспитание граждан России: «Бессмертный полк», в основе - данные исследования И.И. Ивлева [См. 10]). Последняя оценка вызвала возражения исследователей [13, с. 29-30].

В 2018-2019 гг. группа сотрудников РАН (В.Б. Жиромская, В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов) попытались оценить реальную общую убыль населения в 1941-1945 гг., которая включает в себя погибших, умерших, безвозвратно эмигрировавших как насильственно, так и добровольно. Уменьшение населения включает в себя и сокращение рождаемости в военные годы (не прогнозированное число рождений по аналогии с мирными условиями, а именно реальные показатели рождаемости). Учтены и военнослужащие, и мирное население [7, с. 5-16].

Принятая В.Б. Жиромской, В.А. Исуповым, Г.Е. Корниловым методика основывается не на построении прогноза роста населения в мирных условиях (как если бы войны не было) и сопоставлении его с численностью населения после войны, а на оценке действительного состояния населения в годы войны, его реального сокращения.

Убыль населения включает в себя общие людские потери, но не тождественна им. Людские потери численно несколько больше убыли населения, так как население восполняется за счет родившихся и выживших во время войны младенцев, а также осевших в местах прибытия эвакуированных и беженцев.

В итоге по СССР около 28 млн человек, по РСФСР общая убыль населения составила по данным ЦСУ с учетом коррекции - 21,5 млн человек. Однако по РСФСР труднее давать оценку, чем по СССР в целом, прежде всего, из-за сложности учета миграционного обмена между союзными республиками. Но некоторые дополнения к оценкам по РСФСР в настоящее время сделать возможно.

Если говорить не только об убыли населения, но о численности людских потерь, то необходимо учесть, что за период войны родилось некоторое число детей. Не все рожденные дожили до конца войны.

Младенческая смертность была высокой. Выжившие младенцы военных лет рождения частично компенсировали число потерь. Соответственно правомерно увеличить число потерь на их численность. По расчетам естественного движения населения, произведенным Е. М. Андреевым, Д.Е. Дарским и Т.Л. Харьковской [1, с. 150-162], рожденные и не умершие в военные годы младенцы обоюбого пола составляли примерно 4 млн. С их учетом людские потери РСФСР составят 25,5 млн человек. Эта цифра на данный момент является минимальной. Необходимо в ходе дальнейшей работы учесть не выехавших по прежнему месту жительства мигрантов (эвакуированных, беженцев). При этом миграционные потоки имели разную направленность. Некоторые уроженцы РСФСР и ее субъектов выехали в союзные республики и там и остались жить постоянно, также и демобилизовавшиеся из армии, в том числе еще во время войны (по ранению, по болезни) не всегда возвращались на свое место жительства. В то же время многие эвакуированные и беженцы достаточно оперативно возвращались в родные места. Работа по этим категориям населения также может несколько дополнить составляющие людских потерь.

Необходимо произвести идентичные подсчеты по Союзу ССР, что предполагает работу в архивах бывших союзных республик, ныне независимых государств.

В ходе работы встал еще один вопрос – о так называемой избыточной смертности мирного населения в военные годы. Многие исследователи при подсчете людских потерь в военные годы из данных об общей смертности населения вычитают обычную (естественную) смертность, свойственную мирному времени, и получают избыточную или сверхсмертность. Обычную смертность в людские потери не включают. Правильно ли это?

В период такого всенародного бедствия как Великая Отечественная война естественная смертность была очень мала. Под этим понятием подразумевают смертность, связанную со старением организма, в основном от сердечно-сосудистых болезней в престарелом возрасте. Но в годы войны в стрессовых ситуациях при непосильной работе, недоедании, отсутствии лечения, резком ухудшении бытовых условий смерть пожилых и престарелых была, как правило, преждевременной. Старики, умершие от инфаркта, получив похоронку на сыновей, могли прожить в мирных условиях еще многие годы. Правомернее было бы всю смертность в военные годы отнести к людским потерям.

Таким образом, для многих исследователей оценка людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны в 27 млн. человек является

опорной. В то же время дискуссии показали, что исследование этого вопроса необходимо продолжать.

Для полного исследования необходима характеристика составляющих военных потерь.

Потери военнослужащих. В ходе работы государственной комиссии была определена численность основных слагаемых потерь населения в годы Великой Отечественной войны. Авторы коллективной монографии Население России в XX веке: исторические очерки, том 2. 1940-1959. (раздел о потерях военнослужащих подготовлен Г.Н. Кривошеевым). М: РОССПЭН, 2001. Т. 2. пришли к выводу о том, что демографические **потери Вооруженных сил** (погибшие, умершие от ран, болезней, несчастных случаев, пропавшие без вести и не вернувшиеся из плена военнослужащие и военнообязанные) составляли **9,2 млн. чел.**, из них военнослужащих списочного состава было 8,7 млн., погибших в пути мобилизованных военнообязанных, не зачисленных в списочный состав – 0,5 млн [17, с. 27].

В 1990-е гг. оценка американских достигала 10 млн. (С. Максудов [15]).

Выделяется своими расчетными данными С. А. Ильенков, насчитавший 13,8 млн потерь военнослужащих по картотеке в архиве Министерства обороны [1, с.74-79]. Многие исследователи с ним не согласны, но важно, что С. А. Ильенков стал активно вводить этот сложный источник в научный оборот. Под руководством А.В. Кириллина на основе картотек и сведений о захоронениях документально подтверждены сведения о миллионах погибших, в том числе в плену и среди пропавших без вести. Следует учесть, что эти данные неполны, так как из некоторых частей сведения не дошли, или в боевых условиях документы были уничтожены.

Особую сложность составляют подсчеты потерь среди военнопленных. С этим вопросом в значительной мере связан разброс в оценках людских военных потерь. О численности военнопленных существуют разные данные. Оценки попавших в плен колеблются от 3,4 до 6,3 млн человек [17, с. 27; 9, с. 123]. В.Н. Земсков считал, что военнопленных было 6,3 млн, из них 3,9 млн погибших [9, с. 123].

Более реальные цифры дает Министерство Обороны РФ: пленных свыше 4,5 млн, из них погибших 2,7 млн человек [14, с. 80]. Вернулись из плена и, соответственно, не входят в число людских потерь 1,8 млн человек. Разница в данных объясняется, прежде всего, тем, включен или нет в состав военнопленных вольнонаемный персонал, то есть гражданские лица. Такая практика – отнесение к военнопленным

гражданских лиц, – осуществлялась Германией.

Особая проблема – с пропавшими без вести. Среди них были и попавшие в плен, и перебежчики. Но многие погибли, сведений же о гибели не поступило.

Поиск военных захоронений, установление имен погибших ведутся практически с первых послевоенных лет. И в настоящее время сохранением памяти о погибших активно занимаются и государственные, и общественные организации [23, с. 9].

Вооруженные силы понесли масштабные санитарные потери. Данные военно-медицинской статистики показали, что раненные, обожженные, обмороженные, заболевшие составили более 22 млн. чел. Важно отметить, что за все годы войны из числа поступивших больных на излечение в медицинские учреждения было возвращено в строй около 72% [6, с.129-131; 28, с. 98].

В годы войны самые большие потери в Вооруженных силах были связаны с возрастными до 20 лет и моложе (года рождений – 1921 г. и ранее) и, особенно 21-25 лет (года рождений – 1920-1916 гг.). Потери в этих возрастах составили: 20 лет и моложе – 17,0% (от общего числа демографических потерь Вооруженных Сил СССР), 21-25 лет – 20,8%.

РСФСР имела значительные потери среди военнослужащих. За все годы войны безвозвратные потери военнослужащих, призванных с территории РСФСР, составляли 71,3% от общей численности людских потерь Вооруженных Сил СССР (6,5 млн. чел.) [14, с. 78-80].

Потери мирного населения. При классификации потерь мирного населения в научной литературе есть много спорного. Споры идут, в том числе, о содержании понятий «гражданское население» и «мирное население».

Как правило, исследователи считают эти понятия практически идентичными, Гражданское или мирное население – это население, находящееся на территории воюющих сторон, но не входящее в состав комбатантов, не состоящее на службе в регулярных вооруженных силах и не принимающее участия в боевых действиях.

Но некоторые исследователи обращают внимание на наличие среди гражданского населения лиц вольнонаемного состава армии и флота (гражданский персонал вооруженных сил).

Полагаем, что точнее применять термин **мирное население**.

Самые **большие потери были среди мирного населения СССР**.

Особой строкой в подсчете потерь мирного населения является гибель людей в **блокадном Ленинграде**. Ленинград пережил подлинную демографическую катастрофу. 872 дня длилась блокада. В начале

блокады в Ленинграде и пригородах насчитывалось около 3 млн жителей. а в конце блокады – немногим более 0,5 млн [22, с. 29].. Не все могут быть отнесены к погибшим, многие ленинградцы были эвакуированы в самом начале войны или вывезены потом по «Дороге жизни». Однако число погибших было огромно. Только от голода по «Сведениям городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения» умерло свыше 600 тыс человек. Тысячи ленинградцев погибли от бомбежек и артобстрелов. В октябре 2022 г. Санкт-Петербургский городской суд признал блокаду Ленинграда преступлением против человечества и актом геноцида населения СССР. Установленное в процессе судебного заседания на основе экспертных заключений число погибших жителей Ленинграда – **1, 093 млн** [26].

Трагично складывалась демографическая ситуация на оккупированных территориях Советского Союза. По оценкам исследователей число мирного населения, погибшего на оккупированной территории составило 13,7 млн. чел [14, с. 127].. Однако в этих расчетах были учтены не все категории потерь.

В число жертв, прежде всего, входит численность мирного населения, преднамеренно истребленного по плану «Ост» на оккупированной территории РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР, Молдавской ССР, Карело-финской ССР – **7,4 млн. чел.** [5, с. 619; 14, с. 126].

На основании документальных источников историк А.А. Шевяков приводит данные о жертвах гитлеровского геноцида на оккупированных территориях СССР, РСФСР и других союзных республик. Массовые казни населения, сожженные вместе с жителями деревни, лагеря смерти, где погибли миллионы людей. Сырецкий лагерь, Хатынь, Аблинга, Ксты, Гатчина, Керченский (Багеровский) ров, Бабий яр, 9-ый форт в г. Каунас – страшные страницы в истории человечества. Шевяков называет конкретные места массового истребления гитлеровцами мирного населения: в Смоленске истреблено оккупантами 34 тыс. человек, в деревне Раздовка Смоленского района 3 тыс, Рославле 10 тыс, в г. Клинцы Брянской области – 3 тыс., в Великих Луках – 7 тыс., в Песче Воронежской области – 450 человек, в Миллерово Ростовской области 837 человек, в Боровском районе Московской области – 604 человек, в г. Орле -5 тыс человек, в селе Хвостовичи Орловской области 2,8 тыс., в г. Шахты – 14 тыс., в Сальске – более 3 тыс., в Минеральных Водах – 6,6 тыс. человек [29, с. 3-7]. и др. Массовые уничтожения евреев производились гитлеровцами в многочисленных гетто в Минске (100

тыс. чел.), Вильнюсе (в двух гетто 44 тыс. чел.), Львове (136 тыс. чел.), Даугавпилс (30 тыс. чел.) [29, с. 4-7] и других.

Тяжелейшие условия жизни населения в условиях оккупации – непосильный, изнурявший естественные силы организма труд в сочетании с недоеданием, распространением опасных инфекционных болезней, отсутствием медицинской помощи привели к необыкновенно высокой смертности населения (сверхсмертности) – **4,1 млн. чел.**[14, с. 127].

Сверх этого по стране **1,3 млн** человек унесла повышенная детская смертность [19, с. 77]. прежде всего, за счет роста младенческой и ранней детской смертности на оккупированных территориях.

Кроме того, с оккупированных территорий было насильственно угнано на работы в Германию 5,3 млн. трудоспособных мужчин и женщин, из них погибло – **2,2 млн. чел.** [14, с. 126].

Итак, на оккупированных территориях из-за преднамеренного истребления населения, сверхсмертности взрослых и детей вследствие тяжелейших условий оккупации, а также с учетом жителей, насильственно угнанных в Германию и погибших за границей, число потерь мирного населения достигает **15 млн. человек.**

Потери мирного населения **тыловых районов** также были значительны. Ситуация в тыловых районах была очень тяжелая. Миллионы эвакуированных и беженцев, стесненные жилищные условия, скудное ограниченное питание, непосильный труд, который всей тяжестью лег на женщин, подростков и даже детей – все это отразилось на здоровье людей и привело к повышению смертности, в том числе детской. Кроме того, в прифронтовых областях мирное население оказалось под бомбежками и обстрелами. Важно отметить, что мирное население особенно в первый год войны испытывало огромные морально-психологические нагрузки и стрессовые состояния.

Смертность мирного населения резко повысилась с первых месяцев войны. За вторую половину 1941 г. число умерших по сравнению с первым полугодием выросло на 182,5 тыс человек [20, с. 133]. В 1941 г. в тыловых районах РСФСР – на 1000 человек населения умерло в июне – 16,7, в июле – 18,7, в декабре – 23,7. Дальнейшее увеличение уровня смертности мирного населения тыла продолжалось до осени 1942 г. Наиболее высокие его показатели были в марте, апреле и мае, а также в июле и августе – на 1000 человек населения умерло в марте – 33,6, апреле – 32,9, мае – 31,9, июле – 30,6, августе – 31,0 [12, с. 95; 17, с. 87-117].

Надо иметь в виду, что в первый год войны население тыловых

районов ощущало острый недостаток медицинской и санитарной помощи, а также необходимых лекарств и медицинского оборудования, среди них хирургических инструментов, рентгеновской и физиотерапевтической аппаратуры. Возникшая ситуация была во многом связана с мобилизацией врачей и среднего и младшего медицинского персонала на фронт, первоочередным обеспечением лекарствами и медицинским оборудованием госпиталей. Положение осложнялась тем, что часть фармацевтической промышленности осталась на оккупированной территории или сворачивалась для эвакуации в тыловые районы страны.

Продолжительное снижение качества жизни населения способствовало возникновению вспышек остро-инфекционных заболеваний, распространению болезней органов дыхания, пищеварения, а также обострению хронических заболеваний.

Однако уже с сентября 1942 г. показатели смертности населения в тыловых районах начали снижаться. В первую очередь это объяснялось изменением обстановки на фронте: победа под Москвой, жесткое противостояние в Сталинградской битве, стойкость защитников Ленинграда, все это меняло настроение людей в тылу, укрепляло их моральный дух, мобилизовывало, помогало преодолевать трудности. Трудностей было еще очень много, но люди уже начали адаптироваться к тяжелым условиям войны. На 1000 человек населения в РСФСР умерло в сентябре 1942 г. – 25,3, в декабре – 20,2. В 1943 г. смертность понизилась до 16,5‰, в 1945 г. до 14,1‰. Конечно, это довольно высокие показатели смертности, но важно, что они начали снижаться. То же мы видим в крупных тыловых регионах. На Урале показатели смертности снизились с 1943 по 1945 гг. с 17,6‰ до 10,5‰ и, особенно, в Сибири – с 18,4‰ до 9,9‰ [17, с. 87-97].

В 1944 г. по отношению к 1942 г. смертность населения понизилась в городах Горьковской области - в 6 раз, Вологодской – в 6 раз, Архангельской – в 4 раза, Молотовской – в 3 раза [2, с. 122].

Частично военная смертность тылового мирного населения компенсировалась рождаемостью. Однако рождаемость в военные годы была невысока, а младенческая смертность сокращала ее еще более. Так, в тыловых районах РСФСР показатели смертности младенцев (в возрасте до 1 года) значительно увеличились с 195,2‰ в 1941 г. до 312,3‰ в 1942 гг. Показатель же рождаемости к 1943 г. снизился по сравнению с 1941 г. в 3 раза [24. Л. 4; 17, с. 113].

В итоге в годы войны отмечалась убыль населения в тыловых районах. Максимальной она была в 1943 г. Сделаны расчеты по тыловым

районам РСФСР. За годы войны убыль населения составила минимально 1,6 млн человек, а с учетом повышенной смертности среди беженцев и заключенных ГУЛАГа – свыше **2 млн** человек.

В итоге жертвы мирного населения СССР (блокадники, истребленные и погибшие на оккупированных территориях, безвременные умершие и погибшие в тыловых районах) достигают 18 млн человек¹.

Есть еще одна категория потерь, которая не относится к жертвам войны, но учитывается при подсчете убыли населения и людских потерь. Это – безвозвратные эмигранты, которые насильственно, вынужденно или добровольно покинули территорию СССР и остались за рубежом. Эта категория сложна по составу. В нее входят угнанные в Германию, но отказавшиеся вернуться на Родину, лица, добровольно покинувшие территорию СССР вместе с отступающей немецкой армией и, как правило, сотрудничавшие с оккупантами, военные преступники и их семьи и т.д. Число этих лиц пока точно не определено, кроме одной категории - угнанных «невозвращенцев», которых по данным комиссии Голикова было около 0,5 млн человек. Однако данные по «невозвращенцам» также нуждаются в уточнении

Так мы видим, численность потерь мирного населения была значительно, практически вдвое, больше, чем число потерь военнослужащих.

Ряд исследователей дают оценку такому виду косвенных потерь как «недород», то есть включают в людские потери число несостоявшихся в военные годы рождений, которые имели бы место в мирных условиях. При этом за основу расчетов берутся высокие показатели рождаемости предвоенных лет. Оценки у исследователей разные. Но в этом случае число потерь значительно возрастает. Минимальная оценка «недорода» только по РСФСР – 5-7 млн человек [14, с. 124-131]. Однако включение в состав потерь не рожденных является дискуссионным вопросом. Единого мнения у исследователей по этой проблеме нет.

И наконец, необходимо учитывать «демографическое эхо» войны». «Демографическое эхо» – повторяющиеся периодически демографические ямы вследствие снижения численности поколений, рожденных от поколений, пострадавших во время войны. В широком плане в него входят повышенная смертность в первые послевоенные годы, дисбаланс полов, нарушение в возрастных структурах, ослабление здоровья и т.д. «Демографическое эхо» увеличивает потери населения многократно.

---

¹ Примерно такая же оценка дана Л.Л. Рыбаковским. См. 25, с. 14.

Трагическая гибель миллионов людей привела к существенной убыли населения, что в свою очередь негативно повлияло на демографические структуры населения и динамику демографических процессов.

Война унесла миллионы человеческих жизней, оставила неизгладимый след в населении нашей Родины. Погибли целые молодые поколения. Пострадали все категории населения – военнослужащие, мирное население, жители прифронтовых, оккупированных, тыловых районов. Основные потери, прежде всего из-за политики геноцида, осуществляемого гитлеровской Германией, понесло мирное население. Отдельной трагической строкой потерь является гитлеровский геноцид жителей блокадного Ленинграда.

Военные потери оставили долгосрочные последствия, привели к нарушениям в возрастнополовой структуре населения, к дисбалансу в соотношении полов в пользу женщин и в СССР, и в РСФСР. Вследствие гибели молодых поколений в СССР и в России ускорилось старение населения. Война существенно подорвала состояние здоровья населения и, особенно детей, чей организм формировался в военные годы. Повысилось число инвалидов, в т.ч. полностью нетрудоспособных и нуждавшихся в постоянном уходе.

Население в конце войны и в послевоенный период постепенно восстанавливалось. Но «демографическое эхо» войны мы болезненно ощущаем до сих пор.

Библиографический список

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история России: 1927 – 1957. М.: Информатика. 1998. 187 с.
2. Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927-1959 гг. Тула: Гриф. 2009. 304 с.
3. Большевик. 1946. № 5. С. 3.
4. Брежнев Л.И. Великая победа Советского народа: докл. на торжеств. собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвящ. 20-летию Победы советского народа в Великой Отечеств. войне, 8 мая 1965 г. М., 1965. 48 с.
5. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М 1985. 832 с.
6. Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исследование. М.:Воениздат. 1993. 370 с.
7. Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939-1945 гг. // Российская история. 2019. №3. С.3- 17.
8. Земсков В.Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины) // Политическое просвещение. 2012. №5(70). С. 59-71.
9. Земсков В.Н. Остается ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941-1945 гг. // Известия Самарского научного центра РАН, 2015. Т. 17, №3. С. 115-126.

10. Ивлев И.И. «...А в ответ тишина – он вчера не вернулся из боя!» // Умылились кровью? М, 2012. С. 260-509.
11. Ильенков С.А. Память о миллионах павших защитников Отечества нельзя предавать забвению // Военно-исторический архив. 2001. №7. С. 73-80.
12. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х-конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. .
13. Литвиненко В.В. Цена Великой Победы ...»//Военно-исторический журнал. 2018. №12. 291 с.
14. Людские потери населения СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. 193 с..
15. Максудов С. Потери населения СССР в 1918-1958 годах // Демоскоп. 12 - 25 марта 2018. № 763 – 764.
16. Народонаселение: энциклопедический словарь. М., 1994.639 с.
17. Население России в XX веке: ист. очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.
18. Население России за 100 лет. (1897-1997): стат. сб. М.: Госкомстат России. 1998. 222 с..
19. Население Советского Союза, 1922-1991.М.:Наука. 143 с.
20. Остапенко И.П. О смертности населения в некоторых тыловых районах СССР в первые месяцы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сб. статей. СПб., 1995. С. 13-136.
21. Письмо Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева премьер-министру Швеции Т. Эрландеру (5 ноября 1961 г.) // Международная жизнь. 1961. № 12.
22. Побратимы. Колл. монография. М.: РОССПЭН. 2019. 951 с.
23. Попов В.В. «Война не окончена, пока не похоронен последний солдат...» // Военно-исторический журнал. 2017. №11. С. 4-10..
24. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 792.,
25. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в 1941-1945 гг.//Народонселение.№1. 2011. С. 8-24.
26. Санкт-Петербургский городской суд, официальный сайт.//sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru. Дата обращения: 20/10/2024
27. Соколов Б.В. Цена победы: Великая Отечественная война: неизвестное об известном. М., 1991. М.: Московский рабочий. 1991. 192 с.
28. Филимошин М.В. Людские потери вооруженных сил СССР // Мир России. 1999. № 4. С. 90-101.
29. Шевяков А.А. Жертвы среди мирного населения в годы Великой Отечественной войн // Социологические исследования. 1991. № 12. С 3-7.

**СЕМЕЙНЫЙ СОСТАВ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР
(ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ 1970 г.)¹**

**THE FAMILY COMPOSITION OF THE MALE POPULATION OF
THE RSFSR (ACCORDING TO THE ALL-UNION POPULATION
CENSUS OF 1970**

Н.А. Араловец

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

N.A. Aralovets

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье на основе изучения Всесоюзной переписи населения 1970 г. рассматриваются особенности семейного состава мужчин. Показывается численный рост семей в городах и сельских местностях РСФСР и ее регионах по сравнению с данными переписи населения 1959 г. Отмечается доминирование мужчин членов семей и, прежде всего, членов семей, проживавших совместно с семьей, включая пожилые возраста. За межпереписной период с 1959 г. по 1970 г. в городах и особенно в сельских местностях видно их численное увеличение. Мужчины, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с семьей общим бюджетом, составляли небольшое число. В городах и сельских местностях одиночки мужчины были малочисленны. Отмечается, что в РСФСР мужчины в большинстве случаев проживали в простых полных семьях.

Abstract. Based on the study of the All-Union Population Census of 1970, the article examines the peculiarities of the family composition of men. The numerical growth of families in cities and rural areas of the RSFSR and its regions is shown in comparison with the data of the 1959 census. The dominance of male family members and, above all, family members who lived with the family, including the elderly, is noted. During the inter-census period from 1959 to 1970, their numerical increase is visible in cities and especially in rural areas. Men who lived separately from the family, but were connected to the family by a common budget, made up a small number. In cities and rural areas, single men were few in number. It is noted that in the RSFSR, men in most cases lived in simple full-fledged families.

Ключевые слова: РСФСР, мужское население, число семей, состав, тип, величина семей.

Keywords: RSFSR, male population, number of families, composition, type, size of families.

В 1960-е гг. в городах и сельских местностях РСФСР, а также СССР в целом наблюдался численный рост семей. Это явление зафиксировали

---

¹ Статья подготовлена в рамках работы над многотомным изданием «История России».

переписи населения 1959 г. и 1970 г. В РСФСР - на 1000 человек постоянного населения семьи составляли: в 1959 г. в городах – 247, в сельских местностях – 239, в РСФСР – 243; в 1970 г. – 257, 241, 251. В СССР соответственно – 246, 238, 242; и 251, 232, 243 [5, с. 202]. Однако за межпереписной период с 1959 г. по 1970 г. в СССР отмечались небольшое снижение числа семей в сельских местностях, а также их численная стабилизация в городах и сельских местностях СССР в целом. Таким образом, прирост числа семей осуществлялся за счет численного увеличения городских семей. Это явление также было характерно и для РСФСР.

В РСФСР и в СССР в целом численный рост городских семей соответствовал концентрации населения в городах, увеличению их роли в социально-экономическом развитии общества, распространению городского образа жизни на всю сеть населенных мест, т.е. расширению урбанизационного процесса и усилению мобильности населения.

За период с 1959 г. по 1970 г. в городах РСФСР преобладали члены семьи. Наряду с этим были члены семьи, проживавшие совместно с семьей, а также отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом. В городах РСФСР члены семьи, проживавшие совместно с семьей, численно доминировали. Мужчин членов семей, проживавших совместно с семьей, было численно меньше, чем женщин. Вместе с тем в этот период отмечалось численное увеличение мужчин членов семей, проживавших совместно с семьей и уменьшение женщин. В городах РСФСР - на 1000 человек постоянного населения мужчины члены семьи, проживавшие совместно с семьей, составляли в городах в 1959 г. – 381, в 1970 г. – 398; женщины – 485 и 476.

В сельских местностях фиксировалась аналогичная ситуация. Однако видно численное преобладание членов семьи, проживавших совместно с семьей, по сравнению с городом – соответственно 400 и 421; 512 и 494 [5, с. 202].

В городах и сельских местностях превалирование у мужчин членов семьи, проживавших совместно с семьей, объяснялось тем, что мужчины в условиях сохранявшейся послевоенной диспропорции полов в основном состояли в браке. Мужчин, состоявших в браке, было численно больше, чем женщин. К тому же за межпереписной период с 1959 г. по 1970 г. их число повысилось. В городах РСФСР - на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке в 1959 г. – 687, в 1970 – 701. В городах состоявших в браке мужчин было меньше, чем в сельских местностях – соответственно 698 и 745 [3, с. 263]. Показатели мужского безбрачия были низкими.

За межпереписной период с 1959 г. по 1970 г. в РСФСР в составе отдельных национальностей число состоявших в браке мужчин так же увеличилось. Однако численное снижение женатых мужчин отмечалось у бурят (на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке в 1959 г. – 644, в 1970 г. - 630), калмыков (соответственно – 700 и 679), якутов (578 и 569).

Большинство мужчин разных национальностей состояло в браке. В 1970 г. самое большое число женатых мужчин отмечалось у белорусов (на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке 779), украинцев (соответственно - 765), карелов (746), мордовцев (743), даргинцев (743) и т. д. Число состоявших в браке мужчин у этих национальностей было выше, чем у русских (716).

Ранние браки в возрасте 16-19 лет у мужчин разных национальностей не были распространены, особенно у осетин (на 1000 мужчин состояло в браке в 1959 г. – 5, в 1970 г. - 5), ингушей (соответственно – 20 и 7), балкарцев (15 и 8), кабардинцы (30 и 9), калмыки (28 и 10), буряты (17 и 10), лезгины (28 и 11) и др. Кроме того, с 1959 г. по 1970 г. в РСФСР ранние браки у многих мужчин разных национальностей численно сокращались.

В возрасте 20-29 лет разных национальностей больше половины мужчин состояло в браке. В средних возрастах 40-49 лет мужчины в основном состояли в браке. Высокое число женатых мужчин было характерно и для пожилых возрастов.

В РСФСР женщин разных национальностей, состоявших в браке, было численно меньше, чем мужчин. Однако с 1959 г. по 1970 г. их число повышалось у большинства национальностей. Исключением были чеченки и якутки: на 1000 женщин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке чеченок в 1959 г. 627, в 1970 г. – 596; якуток – 518 и 502.

Большинство женщин разных национальностей выходило замуж, особенно белоруски, тувинки, украинки. В 1970 г. – на 1000 женщин в возрасте 16 лет и старше состояло в браке белорусок – 662, тувинок – 648, украинок – 637. Следует отметить, что у женщин этих национальностей число, состоявших в браке было выше, чем у русских (соответственно – 563).

Ранние браки в возрасте 16-19 лет у женщин разных национальностей в отличие от мужчин имели распространение, главным образом, у чеченок (на 1000 женщин состояло в браке в 1959 г. – 404, в 1970 г. – 199), даргинок (соответственно – 208 и 186), аварок (202 и 185), кумычек (214 и 152), кабардинок (111 и 140), лезгинок (185 и 130), украинок (131 и 129), белорусок (125 и 116) и др. Наряду с этим за

межпереписной период отмечалось численное сокращение ранних браков, за исключением кабардинок, осетинок и чувашек.

В возрасте 20-29 лет больше половины женщин разных национальностей состояло в браке. В средних возрастах 30-39 лет женщины преимущественно состояли в браке. В последующих возрастах число замужних женщин сокращалось, особенно в пожилых возрастных группах 60 лет и старше [4, с 384-385].

Численность членов семьи, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, была заметно ниже, чем проживавших совместно с семьей. В городах их число превалировало и по отношению к сельским местностям, и по РСФСР в целом. В группе проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом численно преобладали мужчины. Наряду с этим данные переписей населения 1959 г. и 1970 г. показали сокращение численности мужчин, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом. В городах РСФСР – на 1000 человек постоянного населения было мужчин, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом в 1959 г. – 50, в 1970 г. – 38. Такое же численное сокращение было характерно и для городских женщин – соответственно 25 и 17.

В сельских местностях численность членов семьи, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом была ниже, чем в городах и в РСФСР в целом. В этой группе, как и в городах, число мужчин членов семьи, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом было больше по сравнению с женщинами. Однако за переписной период видно сокращение этой группы, особенно у женщин. В сельских местностях – на 1000 человек постоянного населения было мужчин, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом в 1959 г. - 35, в 1970 г. – 21; женщин – 17 и 7. В РСФСР – 43 и 32; 21 и 13 [5, с. 202].

В городах одиночек (лица, не связанные с семьей общим бюджетом и не имевшие семьи) было численно больше, чем в сельских местностях. Группа «одиночек» характеризовалась малочисленностью. В то же время их число увеличивалась и у мужчин и, особенно у женщин. В городах РСФСР – на 1000 человек постоянного населения было мужчин одиночек в 1959 г. – 17, в 1970 г. – 22; женщин – 42 и 49. В сельских местностях отмечались аналогичные явления - соответственно 7 и 9; 29 и 28. В РСФСР – 12 и 17; 36 и 49 [5, с. 202].

Таким образом, в городских и сельских семьях у мужчин доминировали проживавшие совместно с семьей; мужчин, проживавших о отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом было

численно немного, мужчины одиночки – малочисленны. Вместе с тем число мужчин, проживавших совместно с семьями, повышалось, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом снижалось, мужчин одиночек повышалось.

В российских городах среди членов семей, проживавших совместно с семьями, мужчин было численно меньше женщин: мужчин – 45,5% (от общей численности мужчин и женщин в этих семьях), женщины – 54,5%. В семьях с членами, проживавшими отдельно от семьи, но связанными с семьей общим бюджетом, мужчины доминировали: мужчин – было 69,5%, женщин – 30,5%. Среди одиночек число мужчин заметно ниже, чем женщин: мужчин – 31,3%, женщин – 68,7%. В сельских местностях отмечались близкие соотношения мужчин и женщин в семьях соответственно – 46,0% и 54,0%; 73,4% и 26,6%; 15,8% и 84,2% [5, с. 188-195, 414-415 (подсчеты автора)]. Таким образом, в составе городских и особенно сельских семей значительно преобладали мужчины, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с семьей общим бюджетом.

Возрастной состав членов семей в РСФСР был молодым и трудоспособным. В российских городах члены семей мужчины, проживавшие совместно с семьями, находились преимущественно в молодых до 20 лет и средних возрастах, особенно 30-39 лет. Наряду с этим отмечалось небольшое численное увеличение пожилых возрастных групп 60 лет и старше. Близкий возрастной состав был у женщин. В отличие от мужчин у женщин пожилые возраста 60 лет и старше были многочисленнее.

Мужчины, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с семьей общим бюджетом, находились в наиболее молодых и трудоспособных возрастах до 20 лет и 20-29 лет. Женщины численно преобладали в молодых и пожилых возрастных группах до 20 лет, 20-29 и 60 лет и старше.

В составе «одиночек» у мужчин выделялись молодые и средние возраста до 20 лет, 20-29, 30-39 лет. Однако численно преобладал возраст 20-29 лет. У женщин преобладали возраста до 20 лет, 20-29 лет и, особенно 60 лет и старше. Следует отметить, что у женщин молодые трудоспособные возрастные группы были заметно меньше, чем у мужчин. Мужчины в этих возрастах в основном не состояли в браке. Наличие в составе одиноких людей молодых мужчин, не состоявших в браке, было связано в основном с уходом взрослых детей, прежде всего, сыновей от родителей и дроблением семьи, миграциями молодых мужчин в крупные города на учебу и работу. Об этом явление

свидетельствовал численный рост одиноких молодых людей в городах индустриально развитых районов РСФСР – Северо-Западном, Центральном, Поволжском, Восточно-Сибирском. В составе одиноких женщин численно преобладали не состоявшие в браке, вдовы и разведенные, а также имевшие взрослых детей, но жившие отдельно от них и не связанные с ними общим бюджетом.

В сельских местностях у мужчин, проживавших совместно с семьями, значительно преобладали молодые возраста до 20 лет. Женщины, как и мужчины, в основном находились в наиболее молодых возрастных группах до 20 лет. Вместе с тем у женщин заметно выше, чем у мужчин, пожилые возраста 60 лет и старше.

Мужчины, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, главным образом, находились в молодых возрастах до 20 лет и 20-29 лет. Женщины наоборот были в пожилых возрастах 60 лет и старше. В таких семьях в большинстве случаев мужчины были холостыми и не имели детей, женщины – не состоявшими в браке, вдовами и разведенными.

В составе одиноких у мужчин численно выделялись молодые возраста 20-29 лет и пожилые 60 лет и старше. Эти одинокие мужчины обычно холостые, а также вдовцы и разведенные. У женщин доминировали пожилые возрастные группы – 60 лет и старше, среди них много вдов и разведенных [5, с. 188-195, 414-415].

Таким образом, в городах РСФСР мужчины, проживавшие в семье или связанные с ней общим бюджетом, были молодыми и трудоспособными. В сельских местностях отмечалась близкая ситуация. Особенности состава городских семей оказывало влияние на их тип и величину.

В РСФСР наиболее распространенным типом семьи и в городах, и в сельских местностях была простая (нуклеарная) полная семья. В РСФСР простые семьи численно преобладали в городах – 63,6% (от общего числа городских семей), в сельских местностях их было 36,4%.

В городах данные семьи состояли из одной брачной парой с детьми или без детей. Об этом свидетельствовали данные переписей населения. В 1970 г. в городах РСФСР такие семьи составляли 63,9% (от общей численности городских семей), в сельских местностях – 62,2% (от общей численности сельских семей). Формирование простой семьи связано с дроблением сложных семей из-за выхода из нее не состоявших в браке взрослых детей или молодых супругов, разводом или смертью кого-то из членов семьи. Простая семья также создавалась при вступлении в брак и появлении детей, при рождении ребенка у одинокой женщины.

Особенности формирования простых семей влияло на тип и величину семьи, сказывалось на внутрисемейных отношениях и т.д. [1, с. 7, 12].

Наряду с простыми полными семьями фиксировались простые неполные семьи. Такие семьи состояли в основном из матери и ее ребенка или ее детей. В этом случае женщина была разведенной или вдовой, или состояла в браке, незарегистрированном в загсе. Реже в состав неполной простой семьи входили отец и его ребенок или его дети. В городах такие семьи получили большее распространение, чем в сельских местностях. Из данных переписи населения 1970 г. видно, что в городах неполные простые семьи, состоявшие из матери (отцы с детьми), составляли 12,6%, в сельских местностях – 12,3%.

В РСФСР сложные семьи полные и неполные были меньше распространены, чем простые. Городские сложные полные семьи с одной брачной парой, с детьми и без детей, проживавших с одним из родителей супругов, другими родственниками численно уступали сельским: в городах их было 14,9%, в сельских местностях – 17,2%. Важно отметить, что данные семьи также можно рассматривать как переходные от сложных к простым.

Заметно меньше число сложных полных семей с двумя и более брачными парами, с детьми и без детей, с одним из родителей супругов, другими родственниками. Данные семьи были малочисленны и в городах, и в сельских местностях: в городах - 3,5%, в сельских местностях – 2,6%. Численность сложных неполных семей, состоявших из матери (отцы с детьми), с одним из родителей, с другими родственниками, также небольшая: в городах их - 3,4%, в сельских местностях – 3,6%. Прочие семьи составляли небольшое число: города – 1,8%, сельские местности – 2,1% [5, с. 238-239 (подсчеты автора)].

В городах РСФСР численно преобладали семьи с 1 ребенком, заметно меньше - число семей с 2 и особенно с 3 детьми. В то же время было немало семей без детей. Городские семьи без детей и с 3 детьми были численно меньше, чем сельские, с 1 и 2 детьми – больше. Из числа всех городских семей семьи без детей составляли - 19,7%, с 1 ребенком – 43,6%, с 2 детьми – 28,9%, с 3 детьми – 7,9%; всех сельских семей соответственно - 21,8%, 30,0%, 25,0%, 23,3 [5, с. 380 (подсчеты автора)].

В 1970 г. в городах РСФСР средняя величина семьи (совместно проживавшие члены семьи) составляла 3,4 чел. Такая средняя величина семьи была близка общероссийским показателям – 3,5 чел. Самые численно большие семьи отмечались в сельских местностях – 3,8 чел. Следует отметить, что в 1959 г. величина семьи в городах (3,5 чел.) и в РСФСР в целом (3,6 чел.) была немного больше по сравнению с 1970 г.

Исключение составляли сельские семьи, величина которых не изменилась и составляла, как и в 1970 г., 3,8 чел. [2, с. 438-439, 444-445, 448-449; 5, с. 206-207, 212-213, 216-217].

В регионах РСФСР по величине семьи выделялись города Дагестанской АССР – 4,1 чел. (1959 г. – 3,8 чел.), Чечено-Ингушской АССР – 3,8 чел. (3,5 чел.), Север-Осетинской АССР – 3,7 чел. (3,6 чел.), Агинского Бурятского национального округа – 4,1 чел. (4,0 чел.), Усть-Ордынского Бурятского национального округа – 3,8 чел. (4,0 чел.) и т.д. К тому же из приведенных данных видно, что в 1970 г. величина городской семьи в этих регионах немного увеличилась.

В 1970 г. в СССР в целом величина городских семей была немного выше, чем в РСФСР – 3,5 чел. По сравнению с СССР и РСФСР более высокие показатели величины городских семей отмечались в Узбекистане – 4,5 чел., Азербайджане – 4,5 чел., Армении – соответственно 4,7, Киргизии – 4,0 чел., Таджикистане – 4,5 чел., Армении – 4,7 чел., Туркмении – 4,6 чел.

В городах РСФСР величина семей, где все члены принадлежали к одной национальности (3,4 чел.), была ниже, чем у семей, где все члены принадлежали к разным национальностям (3,6 чел.).

Величина семей определялась национальностью их членов. В городах РСФСР по величине выделялись семьи ингушей – 5,7 чел., чеченцев – 5,5 чел., лезгин – 5,0 чел., даргинцев – 4,8 чел., кумыков – 4,8 чел. и др. [5, с. 234-237, 276-279].

Таким образом, в городах и в сельских местностях РСФСР мужчины в основном состояли в браке. Это явление способствовало тому, что в семьях у мужчин численно преобладали проживавшие совместно с семьей, одиночки были малочисленны. Число мужчин, проживавших совместно с семьями, и одиночек повышалось. Мужчины, проживавшие в семье или связанные с ней общим бюджетом, были молодыми и трудоспособными. Все это влияло на демографические параметры семьи.

Библиографический список

1. Борусяк Л.Ф. Статистическое исследование нуклеаризации семей в СССР: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.11, защищена 06.01.83 - М., 1982. - 201 с.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 1959 года: РСФСР. - М.: Госстатиздат, 1963. - 456 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. - М.: Статистика, 1973. - Т. 2. - 272 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. - М.: Статистика, 1973. - Т. 4. - 647 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. - М.: Статистика, 1974. - Т. 7. - 455 с.

К ВОПРОСУ О МЕДИЦИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ В XIX ВЕКЕ

ON THE ISSUE OF THE MEDICAL CULTURE OF THE POPULATION IN THE XIX CENTURY

И.Р. Сафин

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

I.R. Safin

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются основные практики знахарства, существовавшие в России в конце XIX века, описанные врачами, непосредственно присутствовавшими при сеансах знахарского лечения или лечившими пациентов, получивших знахарское лечение. Автором приводятся диагнозы и соответствующее им лечение, которое, как правило, назначалось. Указываются наиболее частые причины успеха такого лечения, как и основные причины неудачного лечения. В заключение делается вывод о причинах постепенного угасания знахарства на рубеже XIX-XX веков.

Abstract. The article examines the main practices of quackery that existed in Russia at the end of the XIX century, described by doctors who were directly present at the sessions of quack treatment or treated patients who received quack treatment. The author provides diagnoses and the corresponding treatment, which was usually prescribed. The most common reasons for the success of such treatment are indicated, as well as the main reasons for unsuccessful treatment. In the end, a conclusion is made about the causes of the gradual extinction of quack treatment at the turn of the XIX-XX centuries.

Ключевые слова: знахарство, лечение, болезни, народная медицина, Россия

Keywords: quackery, witch doctors, treatment, diseases, traditional medicine, Russia

Медицинскую культуру населения любой страны можно разделить на две большие ветви: научную и традиционную. Влияние обеих групп медицинских знаний на население любого изучаемого периода велико. Полезные и вредные практики лечения в состоянии вносить свой заметный вклад в демографическую картину любого изучаемого региона. Мы убеждены, что исследование практик научной и народной медицины в России по-прежнему проливает свет на демографическую историю нашей страны.

Вторая половина XIX века – время крупных прорывов в медицинских науках России. Но распространение новых медицинских знаний наталкивалось на множество проблем: в области законодательства, в области финансирования, в области кадров и получения образования специалистами, а также – и это является исследуемым объектом в данной статье – со стороны традиционной

медицинской культуры, в первую очередь – знахарства [3, с. 12].

Болезни и те, кто брался их лечить, существовали всегда – знахари, ворожеи, целители, стационарно или перемещаясь, оказывали медицинские услуги населению. Часть целителей пользовалась специальными «травниками», то есть книгами-пособиями, в которых содержались сведения о болезнях и лекарственных средствах [1, с. 8].

С началом проникновения научной медицины из городов в земства, врачи стали массово сталкиваться с последствиями неудачного лечения методами традиционной медицины. Но традиционная медицина не была лишь деревенским явлением, она существовала и в столице: «столичные знахари прекрасно понимают, что их сила исключительно в назначении безвредных средств, что светские барышни, создающие им славу, не станут есть мышьяка, пить азотную кислоту, курить в папиросах киноварь или поливать глаза мочей. Знахари же менее высокого полета, которые бы вздумали пользоваться в столице добродушных больных названными снадобьями, были бы вовремя отрезвлены дрогистом, у которого пожелали бы сделать закупку материалов. Таким образом, Петербургское знахарство имеет два тормоза, сдерживающие его в сравнительно безвредных границах, а именно некоторую бдительность сознания обывателей и врачебно-полицейский надзор» [6, с. 1031].

Лечение традиционными средствами осуществляли представители всех сословий, но прочнее всего знахарство утвердилось в деревне: «Армия знахарей начинается от так называемой «интеллигенции», в роде барона Вревского, лечащего «нашептанный» водой, и кончая идиотами и слабоумными, которых тоже просят «пошептать» над больными. В каждом городе найдется достаточное количество непризнанных, но иногда пользующихся большой популярностью целителей большого человечества; в каждой деревне, почти на каждой улице вы найдете несколько знахарей и знахарок, «шептунов» и «шептух»» [5, с. 198-199].

Говоря о причинах популярности деревенского знахарства, с которой столкнулись врачи, нельзя обойти вниманием главную причину, которой объясняется популярность деревенского знахарства – малая доступность медицинской помощи: «земская медицина в последние годы значительно подорвала кредит (доверия – И.С.) знахарей; но вряд ли когда-нибудь удастся ей совсем искоренить веру в них, и причина этому вовсе не невежество и суеверие народной массы, на которые ссылаются люди, неумеющие или нежелающие добросовестно наблюдать явления; причины коренятся как в самих условиях народной жизни, так и в постановке земско-медицинской помощи в селах. Больной медицинский люд в медицинской помощи ценит прежде всего доступность ее» [5, с.

199]. К концу XIX века ситуация с медицинским охватом населения в земствах выглядела следующим образом: «Заваленный множеством работы, мечущийся изо дня в день по своему участку с 15-20 тысячами населения, измученный непосильным трудом земский врач никогда не будет в состоянии удовлетворить требованиям своего больного – мужика; сам осмотр проводится врачом бегло, подчас по необходимости невнимательно, врач торопится сам, торопит и больного, не дает ему высказаться, «душу отвести» (что для больного имеет подчас большое значение), не имеет времени дать ему обстоятельный, толковый, вразумительный совет; в значительном числе случаев все дело сводится на прописание рецепта; в лучшем случае, если даже больной и получил обстоятельный совет, за выполнением предписания врач не в состоянии проследить» [5. с. 199]. Совсем иначе дело обстояло при посещении знахаря или знахарки: долго ехать к ним и затем ждать в очереди в большинстве случаев не приходится, так как они всегда на месте, рядом. Как правило, свободный график труда позволял им выслушать даже самый длинный рассказ о заболевании, посочувствовать и по-простому поговорить с больным. Специфика дальнейшего лечения, в сравнении с врачебной, тоже разнится: аптечных рецептов знахари, обычно, не выписывали, т.к. сами делали то, что, по их мнению, требовалось для выздоровления больного. Каким же было само лечение? Его можно разделить на лекарственные способы и остальные – шептание, массаж и водолечение: «шептание (заговоры) – бесспорно самый распространенный способ лечения. Употребляется он и сам по себе и как подспорье при других способах, а изредка в виде ширмы для других способов, особенно для массажа. В этнографических сборниках найдете много текстов заговоров и наговоров; но нет точного описания самого сеанса шептания (заговаривания). Это – очень большое упущение, так как для лечения шептанием считается не столь важным смысл произносимых при этом слов, сколько тот способ, каким производится шептание или, правильнее выражаясь, внушение» [5. с. 199]. Такие сеансы представляют особый интерес для исследователя, так как представляют собой концентрат народных медицинских знаний: «знахарка была приглашена к госпоже Г. пошептать от «переполоха», то есть нервного расстройства, в этиологии которого подозревается испуг. Сеанс происходит на кухне, в доме госпожи Г. Знахарка усадила свою больную на лавку против печки, подложила ей за спину подушку, велела ей немного откинуться на эту подушку, а ноги слегка вытянуть (удобное положение для усыпления) и затем приступила к шептанию. Самого текста заговора госпоже Г. не удалось подслушать, так как знахарка

произносила слова самым тихим шепотом. Во все время шептания знахарка проделывала пассы: водила руками сверху вниз возле головы и груди больной и беспрестанно зевала, так что вызывала зевоту и некоторое оглушение у больной; затем, оставив последнюю в покое, знахарка подошла к печке, где уже были приготовлены щепки, немного смолы (коломазь) в черепке и миска с холодной водой; вздвув огонь, она растопила смолу, вылила ее в холодную воду и образовавшуюся из смолы фигурку долго рассматривала, причем объяснила госпоже Г., что, действительно, у нее «переполох», что ее испугал какой-то блондин («руснявий»), но что, даст бог, ее болезнь скоро пройдет. Затем знахарка снова подошла к больной и опять начала шептать, проделывать пассы и зевать. Таким образом, в течение сеанса три раза чередовались «выливание и шептание». В заключение шептуха дунула в глаза больной три раза и три же раза заявила: «не бойтесь ничего: даст бог, все пройдет»» [5, с. 199].

Существует множество сохранившихся заговоров от болезней, приведем здесь один, от лихорадки: «На горах Афонских стоит дуб мокрецкий, под тем дубом стоят тринадцать старцев со старцем Пафнутием. Идут к ним двенадцать девиц простоволосых, простопоясых и рече старец Пафнутий с тримядцать старцами: кто сии к нам идеша? И рече ему двенадцать девиц: Есть мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: сломите по три прута, тем станем их бити по три зари утренних, по три зари вечерних. Взмолились двенадцать дев и не почто бысть их мольба. И начаша их старцы, глаголя: ой, вы еси двенадцать девицы! Будьте вы трясунивы, водяницы, расслабленные и живете на воде студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте. Побегоша двенадцать девиц к воде студенице, трясуницами, водяницами, расслабленными. Заговариваю я раба (такого-то) от иссушения лихорадки» [2, с. 27-28].

Суть практики шептания, несмотря на многочисленные вариации, остается единой: больному, приведенному различными приемами в оглушенное состояние – то есть начальную ступень гипноза – делается словесное внушение о том, он будет здоров, после чего сделанное внушение закрепляется образностью. Нередко знахари прибегали к использованию амулетов, которые давали больному, чтобы тот не забывал о сделанном внушении, тем самым повышая шансы на благоприятный исход лечения. Такими амулетами могли служить самые разные предметы: «в случаях лихорадки вешают на шею или завязывают в пазуху куриное яйцо; в других случаях завязывают «громовую вербу»,

то есть щепочку от разбитого молнией дерева, или пустой лесной орех – «свистун»)» [5, с. 200].

Перечень заболеваний, для лечения которых народные целители могли шептать, велик: нервные заболевания, лихорадки, рожи, флегмоны, лимфангоиты и лимфадениты, глазные болезни, кровотечения, бесплодие [4, с. 30].

Следующий распространенный метод лечения заболеваний народными целителями – массаж. Обычно массаж назначался для лечения заболеваний органов брюшной полости, для этого в народной медицине существует специальный термин – «живот выбирать». Частые для деревенской жизни недомогания органов пищеварения (диспепсии) проявляются в симптомах изжоги, боли, чувства давления под ложечкой, и приписываются, как правило, глистам или матке (в том числе у мужчин) – «матка впилась», «матка под грудь подступила». Совершенно естественным при втором диагнозе были манипуляции, нацеленные на «отрывание» матки вниз – через массаж живота: «производится обеими руками, сверху вниз, от мечи к лобку, массаж, напоминающий способ Cr  d   для удаления плаценты» [5, с. 200]. Внушаемость больного – одна из основ успешного знахарского лечения: «Вот, как матка присосалась: еле оторвала», заявляет знахарка по окончании сеанса, и больной тоже находит, что от массажа у него как будто что-то от груди отошло, опустилось вниз; оба остаются в полной уверенности, что матка под грудь подходила, но ее знахарка оторвала и на место поставила» [5, с. 200]. Отсутствие квалифицированной медицинской помощи в лучшем случае приводило к курьезам: ««Вот она самая матка и есть», торжественно заявляла мне (практикующему врачу Н.Г. Кондратковскому – И.С.) одна деревенская больная, которая могла сама захватить руками и выпятить через дряблые покровы живота свою блуждающую почку» [5, с. 200].

Заболевания женской половой сферы лечили, как правило, водолечением (то есть применением ванн, отваров) и массажем. Специальный термин «ураз» обозначал выпадение матки, которая «подтягивалась» на свое место массажем: «знахарка становится спиной к лицу лежащей больной, сбоку от нее, продвигает как можно глубже концы сложенных пальцев обеих рук между лобком и мочевым пузырем и старается захватить дно матки и подтянуть ее кверху; все приемы производятся через покровы живота» [5, с. 200].

Массаж (с растираниями) назначался для усиления схваток у рожениц, а также при случаях задержки плаценты – хотя чаще в последнем случае использовались средства, усиливающие работу мышц

брюшного пресса (подуть в бутылку).

При болях в спине, также, назначался массаж, причем при таких болях он считался самым действенным средством, поэтому назначался во всех случаях. Делали его как руками, так и более экзотическими способами: поленом и косарем, лапами живого ручного медведя: «ляжет, бывало, больной ничком на землю, мишка вскарабкается ему на спину, потопчет его лапами, и – «как рукой сняло»» [5, с. 200]. Отдельного упоминания заслуживает массаж зубами – так называемое «выгрызание». Такой вид массажа назначался для лечения заболеваний, которые в народной медицинской терминологии носят название «грыз»: различные заболевания суставов, околосуставных сумок, при периоститах – то есть заболеваниях костей и расположенных при них тканях, особенно если болезнь сопровождается образованием узлов и утолщений. Для лечения данного спектра заболеваний знахари зубами «грызли» эти утолщения [5, с. 200-201].

Лечение опухолей (кист, гигром) массажем проводилось с использованием деревянной ложки, оставшейся от покойника («ложка от мерца») – ложкой били по опухоли, пока та не «разойдется» или не перейдет в нагноение. В случае, если ни того, ни другого не происходило, то больного направляли к «знахарям-хирургам», которые могли удалить новообразование [5, с. 201].

Водолечение имело разнообразные формы: «ванны паровые и теплые, иногда соленые, общие и местные, холодные души, горячие и холодные компрессы; сюда же следует отнести сухие горячие ванны и различные окуривания и припарки. Большею частью наружное применение воды и тепла соединено с внутренними приемами потогонных отваров, чаще всего сарсапарельного корня» [5, с. 230].

Водолечением занимались при очень широком спектре заболеваний: ушибы, вывихи, переломы, простудные заболевания, болезни дыхательных органов, водянки, отеки, болезни внутренних органов тазовой и брюшной полостей, грыжи и болезни женских половых органов. Помимо бани, как традиционного способа, существовало еще несколько: держать больную часть над чугунным котлом с кипящей водой, или над раскаленным камнем, который поливали водой. Также практиковалось погружение больной части в горячую воду, какую тело могло выдержать, либо обкладывание тряпками, смоченными в горячей воде. Горячие и паровые ванны для всего тела, помимо бани, могли устраивать вблизи либо внутри печки: «больной, раздетый донага, влезает в истопленную печь (после хлебов) или усаживается на сильно нагретую печь» [5, с. 230]. Еще одной разновидностью сухой горячей

ванны было погружение больной части в сильно нагретые зерна – в просо, овес и т.д.

Окуривание, как часть водолечения, нередко применялось при лечении сифилиса. Больного сажали на низкую скамью и плотно укутывали тканью, под днище скамьи помещался горячий камень, на который насыпалось то лекарство, которым собирались лечить больного – киноварь (сернистая ртуть), сулема (хлористая ртуть), каломель (хлорид ртути). После ванны больных, как правило, укладывали на печку или в постель – «чтобы пропотели» [5, с. 230]. Существовала также практика «целебного» курения: смешивали, на глаз, киноварь с табаком для курения – но с сопутствующим отравлением организма [6, с. 1032].

Детские заболевания лечились главным образом водолечением: «в большом ходу разные лекарственные ванны: рассольная, отрубная, ячменная» [5, с. 230]. Известны случаи «лечения» ребенка печным жаром. Последствия одного такого лечения описал практикующий врач А. Лозинский в журнале «Врач» в 1894 году: «Ко мне принесли 4-х месячного ребенка с резко выраженным расстройством питания; поносы от самого рождения; кормлен ржаным хлебом и «всячиной». Знахарки определили у него «собачью старость» и назначили лечение, обыкновенно применяемое ими при этой болезни, а именно: запекание обернутого в тесто ребенка в печи на лопате. Совет исполнен за два дня до приноса ребенка ко мне на прием. Оказался ожог всей верхней половины лица, прободение (образование сквозного дефекта, отверстия – И.С.) роговицы одного глаза, со свежим истечением хрусталика; другой глаз и сохранившиеся части первого не представляли никаких указаний на какое-либо прежде бывшее страдание. Ожог лица и истечение глаза произошли во время «запекания». Мать ребенка не отрицает этого обстоятельства, но объясняет его по-своему: «стало быть, болезнь на глазыньки бросилась»» [6, с. 1032].

Болезни, требующие длительного лечения, могли быть вылечены благодаря системности знахарского лечения: «лечение хроников – главным образом сифилитиков – ведется систематично, настойчиво и во многих случаях разумно. Больной, поступающий на лечение к знахарке, обыкновенно селится у нее или, в крайнем случае, у ее соседей, живет там 2-6 недель, смотря по успешности лечения; все это время он в полном распоряжении у знахарки, постоянно у нее на глазах, беспрекословно исполняет все ее предписания, тем более, что все то, что знахарка находит нужным для его лечения, она делает сама, собственноручно: и купает его, и в постель кладет, и отваром поит. Понятно, что в подходящих случаях такое строгое лечение не остается

без результатов. Этим и объясняются случаи излечения у знахарей таких хроников» [5, с. 230-231].

Практический многолетний опыт знахарства мог давать многочисленные примеры того, как лишенные врачебного образования, часто неграмотные знахари по одному виду определяли болезнь и находили способ лечения. К сожалению, примеры крайне неудачного знахарского лечения тоже системны, поэтому не были редкостью подобные назначения: прижигание бока горячей сковородой при легочной чахотке – чтобы прошло кровохарканье, назначение азотной кислоты при сужении пищевода – «чтобы продрало там», заливание в глаза нашатырного спирта, растворов селитры, купороса, свинцового укуса, мочи при глазных болезнях – с последующим появлением кератита (воспаления роговицы глаза) [6, с. 1032].

Постепенное уменьшение количества знахарей на рубеже XIX-XX вв., на наш взгляд, следует объяснять тремя факторами: ростом доступности медицинских услуг населению со стороны научной медицины, постепенным ростом образования населения, усилением ответственности перед законом в случае неблагоприятного исхода лечения. Хотя второй и третий факторы, несомненно, внесли свой вклад в снижение количества услуг, которые знахари оказывали населению России в рассматриваемый период, наиболее существенным фактором мы считаем рост доступности земской медицины – потому что «больной медицинский люд в медицинской помощи ценит, прежде всего, доступность ее» [5, с. 199].

Библиографический список

1. Брейдо И. С. Медицина и знахарство. Ленинград : О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР. Ленингр. отд-ние, 1959. 36 с.
2. Задеко М. Знахарство, или Русские народные заговоры и полное собрание всевозможных поверий, суеверий, предрассудков и колдовства на все случаи жизни : сочинение Мартын Задека, Альбертина и Папыоса. Москва : Авиатор, 1911. 47 с.
3. Ильина И. В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока (конец XIX-XX вв.). Сыктывкар : Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2008. 225 с.
4. Карасик В. М. Прошлое и настоящее фармакологии и лекарственной терапии (исторический очерк воззрений на содержание лечебного эффекта лекарства). Ленинград : Медицина, 1965. 184 с.
5. Кондратовский Н. Г. Малорусские знахари и знахарки и их способы лечения // Врач. 1892. № 9-10. С. 198-201, 230-231.
6. Лозинский А. Как обезоружить знахарство? // Врач. 1894. № 37. С. 1031-1032.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ В КОНТЕКСТЕ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF ADYGEA IN THE CONTEXT OF POPULATION AGING

М.А. Хуако

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

М.А. Huako

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу демографических процессов в Республике Адыгея с акцентом на проблему старения населения. В работе рассматриваются ключевые показатели демографической динамики, такие как рождаемость, смертность и миграция, а также их влияние на возрастную структуру населения региона. Особое внимание уделяется последствиям старения для социально-экономического развития республики, включая нагрузку на систему здравоохранения и пенсионное обеспечение для городских и сельских территорий. Анализируются факторы, способствующие старению населения, такие, как низкий уровень рождаемости и миграционные потоки молодежи. Также обсуждаются меры, направленные на смягчение последствий старения, включая программы поддержки пожилых людей и инициативы по повышению привлекательности региона (в особенности сельских территорий) для молодежи. Результаты исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к решению проблемы старения населения на в целях устойчивого развития Республики Адыгея. Статья призвана привлечь внимание к актуальным демографическим вызовам в контексте политики развития и предложить пути их решения.

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the demographic trends in the Republic of Adegya with an emphasis on the population aging problem. The highlight figures of the demographic dynamics such as birth rate, death rate and migration as well as their impact on the age pattern of the population of the region are observed in the article. Careful attention is paid to the consequences of the aging for the socio-economic development of the Republic including the load on the health care system and pension maintenance for the urban and rural areas. The factors contributing to the population aging such as low birth rate and migration movements of youth are being analyzed. Measures aimed at mitigation of the consequences of aging including the support programs for the older population and initiatives to increase the attractiveness of the region (especially rural areas) for young people are being discussed. The results of the research emphasize the need of the integrated approach to the solving of the problem of population aging against the backdrop of the sustainable development of the Republic of Adygea. The article is intended to attract attention to the relevant demographic challenges in the context of development policy and propose the ways to solve them

Ключевые слова: демография, старение населения, миграция, рождаемость, смертность, социальное обеспечение, Республика Адыгея.

Keywords: Demography, population aging, migration, birth rate, death rate, social maintenance, Republic of Adygea

Мониторинг демографической ситуации в современных условиях является ключевым аспектом для анализа социально-экономических процессов, происходящих в каждой отдельной стране и на малых территориях, таких как Республика Адыгея. Адыгея, наряду с другими северо-кавказскими республиками является территорией с большой долей сельского населения (50,8%) и невысоким уровнем урбанизации, но, в тоже время здесь прослеживаются современные демографические тенденции, одна из которых – старение населения. Это определяет необходимость анализа изменения численности населения и его структуры. Согласно статистическим данным, к началу 2024 г. более 20% населения региона составили люди старше 60 лет. Это явление влечет за собой последствия не только для социальной сферы, но и оказывает значительное влияние на экономику региона, требуя новых подходов к организации социального обслуживания, здравоохранения и пенсионной системы.

Старение населения, являясь многофакторным процессом, происходит в условиях изменения репродуктивного поведения, изменения образа жизни и общего уровня здоровья. Внутренние и внешние миграционные процессы также вносят значительный вклад в изменение возрастной структуры населения. В условиях Республики Адыгея исследование этих факторов представляет особый интерес, так как здесь сосредоточены как экономические, так и культурные аспекты, которые могут ослабить или, наоборот, усилить влияние старения на население. Существующая структура населения, сопровождаемая высоким уровнем старения, вызывает необходимость пересмотра социальной политики, а также разработки программ, направленных на улучшение качества жизни пожилых людей и минимизацию негативных последствий для экономики.

Разработанность темы исследования. Интерес к изучению процесса старения населения и связанных с ним проблем носит актуальный и междисциплинарный характер, поэтому этим вопросом занимались и классики социологии, такие как Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Маклюэн. В современной литературе применительно к актуальной ситуации старение населения исследовали такие авторы, как А.Г. Вишневский, Р.И. Капелюшников, М.Г. Колосницына и др.

Исследованием старения населения как социально-экономического явления занимались такие российские авторы, как Бараненкова Т.А., Барсуков В.Н., Чайка Е.Е. и другие, а также китайские авторы Ли Юхэн, У Цзиншэн, Линь Цзини и другие. Работы Андреева Е.М., Козловой О.А., Мотрич Е.Л., Поповой Л.А., Школьниковой В.М., Щербаковой Е.М.

и других учёных посвящены анализу темпов и масштабов старения населения в России и её регионах. Несмотря на разработку проблематики процесса старения населения в общих тенденциях мы видим, что остаются регионы, которые не получают достаточного анализа и освещения в научной литературе.

Методологические рамки исследования. Применительно к анализу демографических процессов в Республике Адыгея в контексте старения населения в данной работе мы опираемся на концепции демографического перехода и общей теории населения (А. Сови) где идет обоснование демографической причины увеличения доли населения в старших возрастах – сокращения рождаемости, а также экономических последствий старения населения. Сови определил сущность демографического старения как длительный процесс колебания населения вокруг центрального возраста, при котором происходит замещение молодёжи лицами старших возрастов. Также на концепцию множественности современностей (М.А. Клупт). Согласно ей, любое демографическое явление (в том числе старение населения) имеет свои специфические особенности на отдельной территории, которые могут быть вызваны историческими, географическими, политическими, социально-экономическими и иными факторами.

В вопросах роли и места пожилых людей в современном обществе мы обращаемся к различным теориям таким как:

– Теория разъединения (Э. Камина и У. Генри), согласно которой взаимное отчуждение между стареющими людьми и обществом приносит пользу как отдельным людям, так и сообществу.

– Теория активности (Р.Дж. Хавигхерст) постулирует, что сохранение активности обеспечивает удовлетворённость жизнью в пожилом возрасте, а деятельность, которая должна быть прекращена из-за старости, должна быть заменена.

– Теория непрерывности (Р.К. Атчли) утверждает, что пожилые люди стремятся сохранить свою деятельность, роли и отношения, потому, что это даёт им ощущение стабильности и благополучия

Методика исследования. Анализ статистических данных по демографической ситуации Республики Адыгея, анализ социальных программ, сбор эмпирических данных с помощью качественного метода – глубинного полустандартизированного интервью, которые были проведены в 2024 г. среди пожилого населения Республики Адыгея (10 чел).

Значение демографической ситуации. Демографическая ситуация в Республике Адыгея играет ключевую роль в понимании социальных,

экономических и культурных процессов, происходящих в регионе. Анализ численности и структуры населения позволяет выявить тенденции, касающиеся старения населения, что в свою очередь становится важным индикатором для принятия решений на уровне государственной политики. Республика Адыгея, как и многие другие регионы России, сталкивается с проблемами, вызванными демографическими изменениями, такими как уменьшение численности молодежи, увеличение «источника» пожилых граждан и изменение семейной структуры. Такие процессы требуют особого внимания со стороны органов власти и общества в целом, так как они могут существенно повлиять на ресурсы медицинской и социальной сферы, систему образования и рынок труда. Важно отметить, что старение населения не является изолированным процессом, а затрагивает множество аспектов жизни, включая здоровье, качество жизни, доступность социальных услуг и пенсионное обеспечение. В условиях старения населения необходимо делать акцент не только на количестве пожилых людей, но и на их потребностях, уровнях социальной активности и взаимодействия с молодым поколением. Это требует комплексного подхода к решению вопросов, связанных с пенсионной системой и медицинской помощью, для обеспечения достойного уровня жизни пожилых граждан. Программа дополнительного образования для взрослого населения может сыграть важную роль, позволяя пожилым людям активнее участвовать в жизни общества и сохранять свою жизненную активность. Обеспечение достаточного финансирования услуг для пожилых людей также становится критическим аспектом, учитывая, что именно эта категория населения потребует всё большую поддержку со стороны государства в будущем.

Старение населения в Республике Адыгея имеет как социальные, так и экономические последствия, которые требуют глубокого анализа для выработки рекомендаций по их смягчению. Социальные последствия включают увеличение нагрузки на систему здравоохранения и социального обеспечения, что связано с потребностями пожилых людей. Эта возрастная группа требует не только медицинской помощи, но и социальных услуг, которые обеспечивают их интеграцию в общество. Важно отметить, что старение населения может привести к недостатку кадров в определённых секторах экономики, так как молодежь может не иметь достаточных навыков для замещения выходящих на пенсию работников. Это, в свою очередь, может негативно сказаться на экономическом росте и социальной стабильности региона. С другой стороны, пожилые люди также могут внести значительный вклад в

экономику, если они будут иметь возможность продолжать работать или заниматься волонтерством. Поддержка активного долголетия, создание рабочих мест и подготовка программ для переквалификации могут стать важными шагами на пути к преобразованию старения населения в ресурс, а не в проблему. Ещё одной важной социальной темой является необходимость обеспечения доступных и качественных социальных услуг для пожилых граждан, включая жильё, медицинское обслуживание и различные программы по поддержке семей, осуществляющих уход за пожилыми людьми. Увеличение числа программ социальной поддержки и улучшение условий жизни старшего поколения сможет сделать общество более сбалансированным и принесёт положительный эффект в социальные отношения и взаимодействие разных возрастных групп.

Анализ численности населения Республики Адыгея. Демографическая ситуация в Республике Адыгея за последние несколько десятилетий подверглась значительным изменениям. На основе статистических данных, можно проследить динамику изменения численности населения [1].

В 1989-2002 годы наблюдается рост населения на 14521 чел. (примерно +3,4%). Этот рост можно объяснить положительными демографическими показателями и вероятным увеличением рождаемости, а также миграцией в регион. С 2002 по 2010 год численность населения снизилась на 7113 чел. (-1,6%). В этот период значительно влияние экономических кризисов, которые коснулись всей страны, что привело к уменьшению рождаемости и увеличению эмиграции (особенно среди молодежи). В 2010-2020 годы происходит увеличение численности населения РА на 23092 чел. (+5,2%), что может свидетельствовать о восстановлении экономической ситуации в регионе, улучшении условий жизни, увеличении рождаемости и притоке мигрантов. В 2020-2024 годы рост населения составил 37503 чел. (+8,1%), что обусловлено позитивными внешними и внутренними факторами, повышением уровня миграции и стабилизацией уровня рождаемости.

Таким образом, мы видим, что численность населения Республики Адыгея за указанный период демонстрирует колебания, но с общей положительной динамикой к 2024 году, однако если более углубиться в возрастную структуру численности населения, становится очевидно, что присутствует тенденция старения населения [2]. В 1989 году доля пожилых в республике составила 22,5%, в 2010 – 23,3%, 2020 – 22,2%, 2024 – 23%. Эти данные говорят о том, что в Республике Адыгея, также как и в большинстве регионов России, наблюдается продолжение

тенденции к старению населения. Более 20% населения Адыгеи составляют люди старше 65 лет. Это создает серьезные вызовы для социального обеспечения, медицинского обслуживания и активного вовлечения старшего поколения в общественную жизнь. Основным источником увеличения доли пожилых людей становится не только общая продолжительность жизни, но и низкий уровень рождаемости, неизменно находящийся ниже уровня замещения.

Республика Адыгея, отличается многонациональным составом, что также влияет на демографические показатели. В республике проживают представители различных этнических групп: адыги, русские, армяне, аварцы, и другие. Это этническое разнообразие обогащает культурную жизнь региона, но одновременно ставит задачи, связанные с обеспечением гармонии между народами, а также сохранением языков и культурных традиций. На фоне старения основного населения, молодежь, имеющая последние достижения в образовании и высокой мобильности, регулярно уходит за пределы региона в поисках лучших возможностей. Это миграционное положение не только усугубляет проблему старения, но также вносит значительные изменения в экономическую ситуацию, так как рабочая сила становится всё более дефицитной. Уход активной молодежи в крупные города и промышленные районы, как правило, приводит к экономическому ослаблению местного населения и сокращению класса трудоспособных людей.

Демографические изменения и устойчивое развитие. Одним из главных факторов, связанных с демографическими изменениями, является уровень рождаемости и вызванный этим процесс старения населения. В Адыгее, как и во многих других регионах России, наблюдается тенденция к снижению рождаемости, что ведет к естественной убыли населения. Это связано с различными социальными и экономическими факторами, такими как неуверенность в будущем, изменения в семейных ценностях, повышенные требования к образованию и карьере. Зачастую молодые пары откладывают решение о деторождении из-за материальных трудностей и отсутствия жилья. В связи с этим, решение проблемы старения населения требует предпринять действия на всех уровнях — от регионального до федерального.

Выводы и рекомендации. Анализ демографической ситуации в Республике Адыгея показывает, что старение населения становится одной из ключевых проблем, требующих внимания на уровне государственной политики. Современные демографические тенденции

указывают на сокращение численности трудоспособного населения и увеличивающуюся долю лиц пожилого возраста. Это в свою очередь создает различные вызовы для социально-экономической сферы региона. Прежде всего, необходимо отметить, что старение населения в Республике Адыгея связано не только с общей тенденцией, наблюдаемой в России, но и с конкретными социальными и экономическими условиями, сложившимися в данном регионе. Важно понимать, что старение населения приводит к увеличению нагрузки на пенсионную систему, систему здравоохранения и социальные службы. Увеличение числа пожилых людей требует обеспечения качественного медицинского обслуживания, социальной защиты и повышения уровня жизни данной категории граждан. Также резко возрастает необходимость в разработке и внедрении программ, направленных на активное вовлечение пожилых людей в общественную жизнь, что может способствовать улучшению их качества жизни и социальной адаптации. Республика Адыгея, как и многие другие регионы, сталкивается с вызовом недостатка рабочих рук, что может быть решено через привлечение молодежи, создание новых рабочих мест и оптимизацию существующих ресурсов.

Для улучшения качества жизни пожилых людей в Республике Адыгея следует разработать и реализовать комплекс мер, направленных на их социальную интеграцию и активное участие в жизни общества. Прежде всего, необходимо повысить доступность и качество социальных услуг для пожилых граждан, включая медицинское обслуживание, а также программы по обучению и переобучению на базе общественных организаций. Важно создать условия для активного отдыха и досуга пожилых людей, что позволит им оставаться активными и вовлеченными в жизнь сообщества. Необходимо внедрение программ по обучению цифровым технологиям, что поможет пожилым людям легче адаптироваться к современным условиям жизни и пользоваться доступом к информации и услугам в интернете. Также стоит рассмотреть возможность создания волонтерских инициатив, где молодые люди смогут помогать пожилым гражданам в повседневных делах – от помощи по дому до организации досуговых мероприятий. Это не только улучшит качество жизни пожилых людей, но и создаст более крепкие связи между поколениями, что важно для социальной стабильности региона. Кроме того, для преодоления негативных последствий старения населения в Адыгее необходимо внедрение комплексных мер: поддержка семьи и молодежи; создание условий для возвращения молодежи в регион через программы трудоустройства, образования и жилья; повышение уровня жизни; инвестиции в экономику региона для создания новых рабочих

мест и улучшения качества жизни.

В условиях старения населения Республика Адыгея должна разработать стратегии адаптации, которые будут направлены на учёт интересов всех возрастных групп населения и создание условий для межпоколенческой интеграции. В частности, важно проводить исследования и анализировать потребности людей, чтобы создать целенаправленные программы и инициативы на региональном уровне. Разработка стратегий экономического роста с учётом старения населения должна включать в себя привлечение инвестиций в социальную инфраструктуру, развитие медицинских и социальных учреждений, а также программ профессиональной подготовки для работающего населения. Эти меры не только помогут создать новые рабочие места, но и повысят устойчивость региона к изменяющимся демографическим условиям. Готовность органов власти к внедрению современных технологий и инновационных практик, таких как телемедицина и электронные услуги, может значительно повысить качество обслуживания пожилых граждан. В долгосрочной перспективе важно создавать дружелюбную и адаптивную среду, включая благоустройство общественных пространств, доступные транспортные услуги и программы по обучению и поддержке семей, ухаживающих за пожилыми людьми. Все эти меры в совокупности смогут обеспечить гармоничное сосуществование разных возрастных категорий в обществе, а также подготовить регион к новым демографическим вызовам.

Библиографический список

1. Демография (rosstat.gov.ru)
2. 23.rosstat.gov.ru>storage/mediabank/Общие итоги (дата обращения 23.10.2024).
3. adigeatoday.ru>news/25300.htm (дата обращения 23.10.2024).
4. Предварительная численность постоянного населения на 1 января (rosstat.gov.ru) (дата обращения: 15.10.2024).
5. Как изменилось количество россиян к 2024 году: данные Росстата <https://journal.sovcombank.ru/zhizn/naseleniye-rossii-dannie-rosstata>
6. О демографической ситуации в Республике Адыгея / 22.01.2018/ <https://maikop.bezformata.com/> (дата обращения 30.10.2024).
7. Даурова А.Р., Шиголь Б.И. Демографическая ситуация в республике Адыгея // МНИЖ. 2013. №12-3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-situatsiya-v-respublike-adygeya> <https://maikop.bezformata.com/>
8. Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея «О Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года» <https://www.economy.gov.ru/material/file/dae08b9c55943f5a7c6fefdf554abfcb/61218ra.pdf> (дата обращения 30.10.2024)

**УСЛОВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
В МАЛИ. АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССОЦИАЦИИ ФРАНКО-
АФРИКАНСКОЙ ГРУППЫ ПЕДИАТРИЧЕСКОЙ ОНКОЛОГИИ
(GFAOP) В ЛЕЧЕНИИ ДЕТСКИХ РАКОВ**

**CONDITIONALITY OF INTERNATIONAL HEALTH AID IN MALI.
ANALYSIS OF THE ACTIONS OF THE FRANCO-AFRICAN
PEDIATRIC ONCOLOGY GROUP (GFAOP) IN THE
MANAGEMENT OF CHILDHOOD CANCER**

Абдулаје Гуиндо

*Университет литературы и гуманитарных наук (УЛГН), Кабала,
г. Бамако, Мали*

Abdoulaye Guindo

*University of Humanities and Social Sciences of Bamako, Kabala,
Bamako, Mali*

Аннотация. Международная медицинская помощь занимает важное место в странах Западной Африки, где система здравоохранения остается очень хрупкой. Чтобы укрепить эту систему, Франко-африканская группа детской онкологии (ФАГДО) с 2005 года ежегодно предоставляет финансовую поддержку в размере от 20 000 до 25 000 евро Онкологическому отделению для детей больницы Габриэль Туре в Бамако, Мали. Эти средства в основном предназначены для закупки противоопухолевых препаратов, доступность которых на местном уровне не гарантирована. Кроме того, группа участвует в наборе медицинского и парамедицинского персонала для частичного восполнения недостатка квалифицированных медицинских работников. Несмотря на то, что вся эта поддержка со стороны «международной медицинской помощи» важна для удовлетворения санитарных потребностей населения, результат зависит от различных социокультурных, экономических и, прежде всего, политических факторов. В феврале 2022 года Франция резко прекратила свою помощь Мали в результате политических разногласий и дипломатических инцидентов, что является наглядным примером. Однако лечение рака требует больших затрат. Без поддержки технических партнеров, способных смягчить финансовый удар, Мали не сможет самостоятельно обеспечить услуги детской онкологии. Наше исследование призвано показать, как политические решения государств могут влиять на международную медицинскую помощь в условиях глобального геополитического кризиса.

С помощью этнографического подхода эта статья документирует, как политические решения могут влиять на предложение медицинских услуг. Она предоставляет возможность лучше понять условия оказания помощи онкологическим больным в стране с низкими доходами. В Мали университетский клинический центр больницы Габриэль Туре (УКЦ БГТ) в Бамако в настоящее время является единственным учреждением, где дети могут получать химиотерапию под наблюдением квалифицированных детских онкологов. Полевые исследования были

проведены в отделении детской онкологии университетского клинического центра больницы Габриэль Туре (УКЦ БГТ). Они охватили путь лечения десяти детей с диагнозом рака, среди которых девять мальчиков и три девочки из различных социальных категорий (богатые, бедные и нуждающиеся). Кроме того, были проведены наблюдения и углубленные интервью с десятью медицинскими и парамедицинскими специалистами. Результаты этой работы показывают, что учет экономических возможностей родителей детей, страдающих хроническими заболеваниями, способствует улучшению их доступа к качественным медицинским услугам.

Abstract. International health assistance plays a significant role in West African countries where the healthcare system remains very fragile. To strengthen this system, the Franco-African Group of Pediatric Oncology (GFAOP) has been providing annual financial support ranging from €20,000 to €25,000 to the Pediatric Oncology Unit at Gabriel Touré Hospital in Bamako, Mali, since 2005. This funding is primarily intended for the purchase of anticancer medications, whose availability locally is not guaranteed. In addition, the group participates in the recruitment of medical and paramedical staff to potentially address the shortage of qualified healthcare providers. Although all these supports from "international health assistance" are crucial for meeting the healthcare needs of the population, the provision of healthcare results from the interaction of various socio-cultural, economic, and especially political factors. A notable case illustrating this was in February 2022 when France drastically ended its aid to Mali following political disagreements and diplomatic incidents. Cancer treatments are very costly. Without the support of technical partners to alleviate the financial burden, Mali would not be able to independently ensure pediatric oncology services. Our proposal aligns with the first axis of the thematic dossier (Transforming the global system in the context of contemporary political challenges), exploring how political decisions by states can influence international health assistance in a context of global geopolitical crisis.

Through an ethnographic approach, this article documents how political decisions can influence healthcare provision. It offers an opportunity to gain a deeper understanding of the impact of cancer care in a low-income country. In Mali, the Gabriel Touré University Hospital Center (GT UHC) in Bamako is currently the only unit where children can receive chemotherapy administered by qualified pediatric oncologists. Field surveys have been conducted in the pediatric oncology unit of GT UHC, focusing on the care pathway of a dozen children with cancer, including nine boys and three girls from various social categories (rich, poor, and indigent). In addition to these children's pathways, observations and in-depth interviews targeting ten healthcare and paramedical professionals were conducted. The results of this work reveal that considering the economic capacity of the parents of children with chronic illnesses contributes to improving children's access to quality care.

Ключевые слова: детский рак, ФАГДО, международная медицинская помощь, доступ к медицинским услугам, бедность, домохозяйства, Мали.

Keywords: childhood cancers, GFAOP, International health assistance, access to care, poverty, households, Mali.

Введение. В странах франкоязычной Африки лечение раковых заболеваний у детей является относительно недавней проблемой. Только

в 2000 году, благодаря инициативе ассоциации Группы Франко-Африканской Педиатрической Онкологии (ФАГДО), раковые заболевания у детей стали объектом внимания. Эта ассоциация, состоящая из африканских и французских медиков, представила статистические данные по детской онкологии в 2005 году: от 35 000 до 45 000 новых случаев в год среди детей младше 16 лет, упомянув прогноз о двойном увеличении этого числа к 2025 году [6, с. 498]. Такое наблюдение за «этой новой патологией» [5] вызвало интерес, который, по нашему мнению, можно рассматривать на двух уровнях. Первый уровень, связанный с политикой, показывает низкие инвестиции африканских правительств в лечение раков, особенно у детей [7, с. 849]. Это привело Группу, которая относится по медицинскому аспекту ко второму уровню, к обязательствам по обучению медицинских работников (врачей и медсестер), разработке протоколов и созданию пилотных единиц (ПЕ) для лечения детских опухолей. Первоначально они были установлены в восьми африканских городах (Тунис, Алжир, Оран, Рабат, Касабланка, Дакар, Яунде и Антананариву). С 2005 г. эти ПЕ расширились на три других города (Бамако, Абиджан и Уагадугу). В настоящее время они стали Педиатрическими Онкологическими Единицами (ПОЕ), образуя сеть из 22 служб, посвященных уходу за детьми с раком в педиатрических отделениях университетских больниц африканских франкоязычных стран [8]. Затем начался тщательный учёт детских раков с помощью регистраций в этих единицах, одновременно вновь подчеркивая необходимость классификации детских раков по степени важности. Разработка протоколов по лечению лимфом Беркитта и нефробластом осуществляется в этом контексте [7]. Оба этих типа рака, если взять случай Мали, составляют почти половину детских раков (48,3%) [10]. Применение этих протоколов позволило вылечить 61% случаев лимфом Беркитта и 73% нефробластом [6]. С точки зрения обучения, в 2020 году группа приняла участие в подготовке более 700 медицинских работников [8]. Это позволило ухаживать за 12 000 больных детей.

В Мали ФАГДО с 2005 г. ежегодно предоставляет финансовую помощь в пределах от 20 000 до 25 000 евро Педиатрической Онкологической Единице Госпиталя Габриэля Туре в Бамако [3]. Хотя эта финансовая поддержка сильно уступает финансированию целевых вертикальных программ, направленных на инфекционные заболевания, она важна для работы единицы. Эти средства в основном направляются на покупку противораковых препаратов, доступность которых на местном уровне не гарантирована. Кроме того, группа участвует в

наборе медицинского и парамедицинского персонала, чтобы, возможно, восполнить дефицит квалифицированных медицинских работников. Вся эта помощь находится в рамках «международной медицинской помощи» [2], которая имеет решающее значение для удовлетворения санитарных потребностей населения. Однако предложение международной помощи является результатом взаимодействия различных социокультурных, экономических и, прежде всего, политических факторов [2, с. 65]. Вся эта поддержка, исходящая от «международной медицинской помощи» [2], имеет важное значение для удовлетворения санитарных потребностей населения.

В феврале 2022 г., когда Франция резко прекратила свою помощь Мали в результате политических разногласий и дипломатических инцидентов, это стало показательным случаем в области здравоохранения. Это выразилось в прекращении поддержки Группы Франко-Африканской Педиатрической Онкологии (ФАГДО) для Педиатрического онкологического отделения. Однако лечение рака обходится очень дорого [3]. Без поддержки технических партнеров, способных смягчить финансовый удар, немногие семьи или родители детей могут позволить себе расходы на медицинское обслуживание.

Данный доклад является частью более широкой исследовательской программы под названием: «Детство, уход и педиатрия в Западной Африке». С помощью этнографического подхода оно исследует, во-первых, как международная медицинская помощь поддерживает системы здравоохранения в бедных странах. Во-вторых, оно направлено на более глубокое понимание условий международной медицинской помощи через поддержку, которую ФАГДО предоставляет педиатрическому онкологическому отделению.

Помощь ФАГДО в создании детского онкологического отделения Центра хирургической медицины Габриэль Тури.

Детское онкологическое отделение больницы Габриэля было создано в 2005 г. Оно получило поддержку от ФАГДО. Помощь, предоставляемая этой организацией, осуществляется в форме проектов, включающих закупку медицинского оборудования, противораковых препаратов, предоставление учебных стипендий, строительство отделений и оплату труда дополнительного персонала. Изначально это отделение состояло всего из одного члена – профессора Бубакара Того, чья первоначальная специализация была интернист. Он проходил стажировку в Центре хирургической медицины Пеллегрена в Бордо с 1993 по 1997 годы по специальности детская гематология-онкология. С получением стипендии от правительства Франции, эти стажировки

постепенно привели его к детской онкологии, а в 2005 году он получил дополнительное образование в центре Леон-Берар в Лионе, финансируемое ФАГДО. Вернувшись в Мали в декабре 2006 г. он начал применять свои новые знания, особенно в области цитологии. Это позволило ему ставить диагнозы по болезням Беркитта и лейкозиям. Его квалификация позволила сделать детское онкологическое отделение функционирующим и принимать гораздо большее количество пациентов, чем ранее. Однако, хотя образование и профессиональные навыки врача имеют решающее значение, этого недостаточно для оказания адекватной медицинской помощи пациенту. Необходимо также рабочее пространство и лекарства, чтобы он мог подтвердить и предложить терапевтическое решение к своему диагнозу. Осознавая эту проблему, группа обновила отделение, предоставив ему десять функциональных палат, каждая из которых оборудована кроватью. ФАГДО также обеспечивает отделение препаратами для лечения рака. Наиболее распространенные виды детского рака, которые там лечатся, включают: неходжкинские лимфомы (33,5%), ретинобластому (24,6%), нефробластому (14,8%), острые лимфобластные лейкозии (7%) и болезнь Ходжкина (4%) [10, с. 68].

Таким образом, детское онкологическое отделение университетского клинического центра больницы Габриэль Туре (УКЦ БГТ) в значительной степени зависит от ФАГДО, который подготовил и организовал его медицинскую команду.

Метод и материалы исследования. Сбор данных для этого исследования был начат в 2018 году и завершен в 2023 году, в целом продолжался в течение шести месяцев. Опросы начались в лечебных учреждениях. Затронутые службы включают: детское онкологическое отделение, службы детской хирургии, визуализации и радиологии в университетском клиническом центре больницы Габриэль Туре (УКЦ БГТ), а также анатомо-патологическую службу в университетском клиническом центре больницы Пункта Г, расположенную на холме больницы Пункта Г, где находится Факультет медицины и одонтологии в Бамако. Созданная в 1912 году, эта больница, как и больница Габриэля Тури, участвует в начальном и непрерывном обучении специалистов по профессиям, связанным с медицинской деятельностью, будь то в больничных условиях или нет. Исследования продолжились в семьях, где были вовлечены больные дети и их окружение.

Исследования касались путей оказания медицинской помощи 10 детям, больным раком, среди которых девять мальчиков и три девочки, принадлежащих к различным социальным категориям, в том числе

богатым, бедным и малоимущим. Кроме детей, исследование также опиралось на наблюдения и углубленные интервью с десятью медицинскими и парамедицинскими специалистами (двумя детскими онкологами, двумя детскими хирургами, одним анатомо-патологом, тремя медицинскими сестрами и двумя студентами, обучающимися по специальности педиатрия), а также двенадцатью родителями больных детей. Исследование было одобрено этическим комитетом Факультета медицины, фармацевтики и одонтологии в Бамако и проводилось с согласия руководства и опрошиваемых лиц.

Доступ к детскому онкологическому сервису и диагностика детских раковых заболеваний.

Мали – это очень большая страна, примерно 1 240 000 км². Здесь населенные пункты расположены на значительном расстоянии друг от друга. Эти расстояния между округами областных центров и регионами столицы часто весьма велики. Например, город Гао, один из самых важных городов на севере, находится более чем в 1200 км от Бамако. Дороги в этой зоне непроходимы с 2022 г. из-за проблем с безопасностью и их серьезного разрушения. Остается только авиасообщение, которое почти недоступно для большинства населения. Эта сложность усугубляется низкой покупательской способностью населения, о которой упоминалось ранее. В этой ситуации дети, которые заболели раком, рискуют умереть без диагностики, и, следовательно, войдут в 57% случаев недиагностированных раковых заболеваний в Африке [9].

В столице, Бамако, есть больницы и лаборатории с достаточно хорошим оборудованием, что позволяет ставить диагноз рака у детей. Это дает возможность жителям этого района легче получать доступ к специализированным медицинским учреждениям.

Наконец, сравнивая две среды с точки зрения медицинской инфраструктуры, можно задаться вопросом, действительно ли, за исключением богатых, живущих в городе, научные достижения, способствующие диагностике рака у детей, представляют собой настоящие сдвиги в улучшении здоровья детей? Актуальность этого вопроса заключается в том, что проблемы со здоровьем, похоже, более связаны с социоэкономическим и культурным окружением, чем с медициной.

Воспринятые препятствия к доступу к лечению.

Среди родителей больных детей, с которыми мы встречались, только трое являются служащими (один судья, один работник государственных финансов и один преподаватель); девять других

занимаются повседневной (камень, например) или сезонной (сельское хозяйство) работой. Для последних частые отсутствия ставят под угрозу их деятельность и, следовательно, их способности удовлетворять потребности членов семьи :

«Я каменщик. С тех пор как мой ребенок заболел, именно я отвел его в больницу. Каждый раз, когда я его сопровождаю, я теряю один рабочий день. Это уменьшает мой доход. Однако расходы возрастают, потому что, кроме затрат на питание, учебу детей и аренду, врачи всегда выписывают рецепты и назначают анализы. В данный момент я практически ничего не делаю. Это очень тяжело: ты сам несешь все проблемы и ограничения» (Отец ребенка).

Жалобы всех родителей больных детей, с которыми мы встретились в 2023 году, в первую очередь касаются затрат на химиотерапию, которые для большинства из них (10 из 12) считаются чрезмерными. Только судья и работник финансового ведомства не упомянули об этом. Для остальных родителей, хотя их занятия могут часто удовлетворять непосредственные и срочные нужды, они с трудом позволяют покрыть расходы на химиотерапию. В частности, одна сессия химиотерапии (Циклофосфамид, Онковин, Адриамицин, Метотрексат), используемая для лечения лимфом Беркитта, может стоить свыше 200 000 франков КФА за сеанс. Однако для излечения рака требуется несколько курсов. В этом контексте нестабильность профессионального положения этих родителей ставит под угрозу лечение детей, как объясняет врач:

«Первая статья расходов – это химиотерапия. Когда мы выписываем рецепт, некоторые родители убегают. В прошлом году это происходило четыре раза. Тот, кто приезжает из деревни, не может позволить себе купить лекарства. Это для них очень сложно» (онкопедиатр).

Тем не менее, в некоторых случаях даже наличие регулярного и фиксированного дохода не гарантирует покрытие расходов на лечение. Ламине, 55 лет, учитель, проживающий более чем в четырехстах километрах от Бамако, отец девяти детей, объясняет свои финансовые трудности с покрытием расходов на лечение больного ребенка, несмотря на его статус государственного служащего, который обеспечивает ему регулярный доход (265 000 франков КФА в месяц или 403,98 евро):

«Чтобы сделать сканирование, нужно 50 000 франков КФА, к которым нужно добавить анализ крови, который может достигать до 30 000 франков КФА. Плюс есть УЗИ, и я не знаю больше... зарплата совершенно уходит. Как мне поступить, чтобы купить крупы и оплатить расходы на продукты для других членов семьи, которые

остались в деревне?» (Отец больного ребенка).

Ситуация Ламине свидетельствует о расширении финансовых трудностей среди разнообразной группы людей с различными социально-профессиональными профилями. Она отражает более глобальный контекст бедности, усугубленный различными многомерными кризисами в Мали.

Расходы на дополнительные обследования также были упомянуты как трудность большинством родителей, с которыми мы беседовали:

«Дополнительные обследования многочисленные и дорогие. Если я не работаю, то обследования, которые назначают врачи, задерживаются, потому что я не возвращаюсь в больницу, пока не соберу необходимые деньги» (Родитель больного ребенка).

Кроме того, расходы на транспорт, питание на месте и покупку дополнительных лекарств многократно упоминались в беседах с родителями:

«Мы платим за питание во время нашего пребывания в больнице. Затем, когда нас выпускают, мы вынуждены ехать к арендодателю и делать «ходку». С больным ребенком всегда нужно брать такси, которое может стоить до 8 000 франков КФА (туда и обратно). Мы делаем это на протяжении всего периода лечения ребенка. Кроме того, врачи прописывают лекарства. Для меня это действительно дорого» (Родитель ребенка).

Недостаток средств, о котором неоднократно говорили опрашиваемые, приводит к тому, что немного собранных денег направляется на лечение больного. Это неизбежно может ухудшить перераспределение доходов среди других членов семьи. Как справиться с медицинскими расходами, которые им недоступны? Наиболее распространенный метод – это, прежде всего, избегать или откладывать обращение к медицинским услугам:

«В прошлый месяц я работал всего несколько дней. Деньги, которые я заработал, не хватало даже на то, чтобы накормить мою семью, не говоря уже о лечении ребенка. Поэтому я не пошел в больницу, пока искал деньги справа и слева, чтобы сделать исследования, которые прописал врач» (Отец ребенка)

Согласно мнению врача-онколога, нефробластомы развиваются очень быстро. Он указывает на максимальный срок в одну неделю между последней химиотерапией и операцией. Превышение этого срока требует проведения обследований для оценки размера опухоли и повторного направления пациента на лечение к хирургам.

Стратегии адаптации к расходам на лечение:

Займы. Одним из распространенных решений для покрытия расходов на здоровье является заем. Следует отметить, что большинство родителей больных детей не имеют постоянной работы и, следовательно, не имеют банковских счетов. Это означает, что они могут занимать только небольшие суммы.

Экономия бюджета на питание. Еще одной стратегией является экономия на других расходах, в частности на питании, путем уменьшения количества и объема приемов пищи. Отметим, что в большинстве бедных семей такая стратегия увеличивает риск недоедания и недостаточного питания.

Продажа имущества. Многие респонденты зарабатывают немного денег, продавая животных, которых они разводят, чтобы собрать необходимые средства на лечение. Продажа сельскохозяйственной продукции также является распространенной практикой для покрытия медицинских расходов.

Часто продажа может касаться имущества (женских украшений) и земли, чтобы оплатить счет врача или погасить полученный заем. Это, безусловно, увеличивает риск того, что в долгосрочной перспективе бедные семьи еще больше обеднеют, поскольку их источники дохода уменьшаются.

Деньги от миграции. Трудовая миграция в зарубежные страны, а также миграция молодежи из сельских районов в крупные городские агломерации, в частности, в Бамако, является распространенным явлением. Эти выходцы из деревень часто просят свои семьи присылать деньги, чтобы помочь покрыть расходы на лечение членов семьи.

Прерывание обучения детей. Эта стратегия имеет двойной эффект: снижает расходы на образование (оплата обучения, учебные материалы, включая учебники, школьную форму и т. д.) и увеличивает семейный доход, позволяя ребенку работать на шахтах.

Заключение. Это исследование позволило оценить экономическое влияние лечения рака у детей на доходы домохозяйств в отсутствие поддержки со стороны родителей. Большинство родителей больных детей, с которыми мы встретились, живут в бедности. С точки зрения диагностики, низкая доля детей, получающих лечение в педиатрическом онкологическом отделении, показывает, что очень большое количество больных детей остается без диагностики. Экономические трудности родителей, географическое положение места лечения и организация системы здравоохранения рассматриваются как основные причины этого. На данном этапе, помимо детей, у которых есть определенные преимущества, необходимо усилить выявление случаев заболевания

через обучение медицинского персонала на периферии; это позволит создать систему направления и доступа к эффективному лечению для детей. Что касается лечения, результаты нашего исследования показывают, что покупка противораковых препаратов, ранее осуществлявшаяся ФАГДО, остается основной статьей расходов. Чтобы приобрести эти препараты, родители прибегают к стратегиям, варьирующим от займов до продажи своих имущества. Анализ этих стратегий показывает, что все они ухудшают и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе уровень бедности и проблемы со здоровьем. Таким образом, они не являются жизнеспособными решениями. Поэтому крайне необходимо принять меры, чтобы сделать эти препараты бесплатными или, по крайней мере, субсидировать их. Что касается наблюдения, наша работа показала, что медицинское наблюдение за раком значительно увеличивает финансовую нагрузку на семью, где основным кормильцем остается глава семьи. В этом контексте низкий доход большинства родителей, усугубляемый новыми статьями расходов, возникающими из-за болезни детей, делает эти семьи более уязвимыми, чем другие. Кроме того, выяснилось, что многие родители, из-за сложной географической и финансовой ситуации, часто испытывают трудности с получением жилья вблизи места лечения. Поэтому было бы необходимо предоставить им жилье рядом с медицинскими учреждениями. Это позволило бы им отдохнуть после длительных поездок, а детям легче получать медицинскую помощь.

Таким образом, мы считаем, что для оптимального лечения необходимо создать программы по скринингу и лечению рака у детей, предоставляя куративные услуги (с использованием радиотерапии и химиотерапии) и бесплатную или хотя бы субсидируемую паллиативную помощь со стороны государства, согласно подходу, ориентированному на пациента.

Библиографический список

1. Balique H. Le défi de la santé en Afrique subsaharienne et ses perspectives, in D. Kerouendan (dir.), Santé internationale : les enjeux de la santé au sud, 2011. p. 29-50.
2. Dujardin B. Aide internationale : l'offre correspond-elle aux besoins? Politique Africaine. 1987. (28), 65-80.
3. Guindo A, D'un service à un autre. Complexité des filières de soins dans la prise en charge des enfants atteints d'un cancer à Bamako », *Émulations, Revue de sciences sociales*, 2018. 27 : 79-96.
4. INSTAT (Institut National de la Statistique). Enquête sur les Indicateurs du Paludisme au Mali. Bamako, Mali. 2021.
5. Kane H. et Guindo A. Les mots à ne pas dire : parcours de soins et communication en oncologie pédiatrique. *Anthropologie et santé*. 23. 2021.

6. Lemerle J, Barsaoui S, Harif M, Hireche K, Ladjadj Y, Moreira C, Andoh J, Doumbé P, Togo B, Kam L, Rafaramino F, Patte C, Tournade M F, Raphaël M, Boccon-Gibod L, Mallon B, Raquin M A, Msefer Alaou F Lemerle J, Barsaoui S, Harif M, Hireche K. et al. «Le traitement des cancers de l'enfant en Afrique. Travaux du Groupe franco-africain d'Oncologie pédiatrique», Med Trop, 2007. n° 67, p. 497-504.

7. Lemerle J, Msefer-Alaoui F, Doumbe P, Harif C M, Khattab M, Moreira C, Barsaoui S, Benchekroun S, Rafaramino F, Ladjadj Y, Bouhass R, Madani M, Raquin MA, Mallon B, Auperin A, Tournade M F, Patte C Lemerle J, Msefer-Alaoui F, P. Doumbe P, Harif M, et al. «Le Groupe franco-africain d'Oncologie pédiatrique: bilan d'une première étape», Archives de pédiatrie, 2005. n° 12, p. 848-850.

8. Plan Stratégique du GFAOP 2021-2023, 2021.

9. Société internationale d'Oncologie pédiatrique (SIOP), branche africaine. (2019). 33e conférence de l'Union africaine Niamey du 5-6 juillet

10. Togo B, Traore F, Togo AP, Togo P, Diakite AA, Traore B, Toure A, Coulibaly Y, Traore C B., Fenneteau O, Sylla F, Dumke H, Diallo M, Diallo G, Sibide T, «Épidémiologie et pronostic des cancers pédiatriques », Médecine et santé tropicales, 2014. n° 24, p. 68-72.

АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ПЕТРОГРАДЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

OBSTETRIC AND GYNECOLOGICAL INSTITUTE IN PETROGRAD: THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Ю.С. Филина

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Julia Philina

*Institute of Russian History the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Аннотация: В данной статье рассматривается Акушерско-гинекологический институт в Петрограде в первые годы после революции 1917 г. Советское правительство, с одной стороны, особенно в лице некоторых его особенно ярких идеологов соответствующей тематики, например, А.М. Коллонтай, пыталось контролировать репродуктивность населения и корректировать репродуктивную грамотность, в том числе, через медицинские учреждения. С другой стороны, Институт акушерства и гинекологии в Санкт-Петербурге к моменту революции 1917 г. был сложившейся организацией с выработанной системой работы и относительно слаженным коллективом, пополнения в котором производились преимущественно за счет кадров, воспитанных в этом же институте. В данной статье предпринята попытка исследовать момент столкновения этих двух сторон, чтобы выяснить, какие позиции акушерского дела и гинекологии старались отстаивать врачебное сообщество, а какие

пыталась внедрять советская власть, какие происходили структурные изменения в организации.

Abstract. This article discusses the Obstetric-Gynecological Institute in Petrograd in the first years after the 1917 revolution. On the one hand, the Soviet government, especially such ideologists as A.M. Kollontai, tried to control the reproductiveness of the population and adjust reproductive literacy. On the other hand, the Obstetric-Gynecological Institute by the time of the 1917 revolution was an established organization with the developed system of work and a relatively coordinated team. This article examines the moment of the clash of these two sides in order to find out what positions of obstetrics and gynecology tried to defend the medical community, and which Soviet power tried to introduce, what structural changes took place in the organization.

Ключевые слова: родовспоможение, гинекология, советская власть, А.М. Коллонтай, Петроград

Keywords: obstetrics, gynecology, Soviet power, A.M. Kollontai, Petrograd

За последнее столетие медицина осуществила грандиозный прорыв, позволивший сохранить тысячи и тысячи жизней. Это утверждение распространяется и на область родовспоможения, о чем свидетельствуют данные о разительном сокращении младенческой смертности за последнее столетие. Не менее серьезные последствия медицинского прорыва произошли и в социальной сфере. Однако исторические исследования развития родовспоможения, акушерского дела, распространения гигиены и репродуктивной грамотности стали появляться только в последние десятилетия и нуждаются в продолжении [6; 4; и т.д.].

В данной статье рассматривается Акушерско-гинекологический институт в Петрограде в первые годы после революции 1917 г. (его наименование незначительно менялось на протяжении изучаемого периода). В последние годы появилось некоторое количество историографии, посвященной данному учреждению, однако преимущественно в дореволюционные годы [5]. История института началась в 1797 г., а сегодня он продолжает свою деятельность как Научно-исследовательский институт акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д.О. Отта. Исследовательница И.В. Синова отмечает, что доступность и вид родовспоможения зависели от места роженицы в социальной иерархии общества: «Первое родовспомогательное заведение в Санкт-Петербурге “для бедных замужних женщин” было открыто на средства жены Павла I Марии Федоровны в 1797 г., и одновременно при нем начала действовать повивальная школа. Сословная принадлежность рожениц определяла место и условия, в которых проходили роды, поэтому и заведения открывались именно для бедных представительниц. У женщин из

привилегированных слоев населения их, как правило, принимали врачи на дому» [8, с. 373-374]. В XVIII в. аналогичное учреждение начало возникать и в Москве. Сначала была открыта кафедра акушерства при Московском университете, в 1801 г. на ее основе был создан Повивальный институт [3, с. 24]. В начале XX в. потребность в подобных организациях ощущалась все больше, возникали различные общества, связанные с распространением репродуктивной грамотности, такие как «Капля молока» [1; 2; 7; 9].

В Институте акушерства и гинекологии в 1904 г. появились новые клинические и учебно-вспомогательные отделения с передовым оборудованием, собственной электрической станцией, водоснабжением, канализацией с очистительной системой, прачечной, вентиляцией, стерилизационной системой и т.д. [13, Л. боб.]. Следует отметить, что подобных институтов существовало в России очень мало, а региональная потребность в акушерских кадрах была велика. Соответственно, революцию 1917 г. Институт встретил, будучи передовым и быстро развивающимся медицинским учреждением.

Советское правительство, с одной стороны, особенно в лице некоторых его особенно ярких идеологов соответствующей тематики, например, А.М. Коллонтай, пыталось контролировать репродуктивность населения и корректировать репродуктивную грамотность, в том числе, через медицинские учреждения. С другой стороны, Институт акушерства и гинекологии в Санкт-Петербурге к моменту революции 1917 г. был сложившейся организацией с выработанной системой работы и относительно слаженным коллективом, пополнения в котором производились преимущественно за счет кадров, воспитанных в этом же институте. В данной статье предпринята попытка исследовать момент столкновения этих двух сторон, чтобы выяснить, какие позиции акушерского дела и гинекологии старалось отстаивать врачебное сообщество, а какие пыталась внедрять советская власть, какие происходили структурные изменения в организации. Основным источником стал фонд Института в Центральном государственном архиве научно-технической документации Санкт-Петербурга. Используемые в статье документы публикуются впервые.

Институт акушерства и гинекологии существовал согласно Уставу. Это было и научное, и образовательное учреждение, при котором существовала Повивальная школа. Данное положение обуславливало следующий подход, зафиксированный в Уставе: «Все больные, как платные, так и бесплатные являются учебным материалом» [10, Л. 16]. При этом, такое отношение к роженицам, как к «учебному материалу»,

не отменяло соблюдения этических норм, что, например, проявлялось в отношении регистрации женщин: «Больные, которые не пожелают объявить своего звания и фамилии, принимаются в качестве “секретных”, но каждый раз с ведома Директора с представлением последнему в запечатанном конверте записки, в которой должно быть обозначено имя, фамилия и место жительства. Эти конверты хранятся в канцелярии и при выходе родильницы из клиники возвращаются ей по принадлежности нераспечатанными. В случае же смерти – вскрываются Директором или его заместителем» [10, Л. 16].

В 1917 г. в институте действовали: клиническое отделение (в нем – гинекологическое отделение, акушерское отделение; подразделения: родильное, послеродовое, лазарет, изоляционное; отделение для физических методов лечения, амбулатория, поликлиника акушерская и гинекологическая, консультация для грудных детей); научно-вспомогательные отделения (экспериментальное и физиологическое отделение, патолого-анатомическое отделение с бактериологическим кабинетом, клиническая лаборатория с рентгенографическим и фотографическим кабинетами, патолого-анатомический музей, библиотека) [10, Л. 16]. При институте действовала Повивальная школа: «Повивальная школа имеет целью готовить опытных в повивальном искусстве бабок 1-го и 2-го разрядов, а также давать возможность раньше обучавшимся повивальным бабкам освежать свои знания и знакомиться с новыми методами» [10, Л. 25].

На протяжении ноября 1917 г. основная часть врачебного сообщества института отрицала законность власти большевиков. Об этом свидетельствует журнал общего собрания врачей и служащих института – акушеров, канцелярии, аптеки, созданного по распоряжению и.о. директора института 27 ноября 1917 г.: «Г.П. Сережников докладывает, что по адресу Института поступило циркулярное отношение с бланком Народного Комиссара по Министерству Государственного Призрения от 22 ноября с.г. за №41 с приложением проекта Устава Комитетов для больниц, учебных и других учреждений Ведомства [...] Со своей стороны Г.П. Сережников полагал бы, что ввиду 1) уже выраженного ранее состоявшимся в подобном составе собранием отрицательного отношения к посягательствам Народного Комиссара во внутренний распорядок Института, 2) созыва в ближайшие дни правомочного хозяина земли Русской Учредительного собрания, 3) полной неприемлемости проектируемого Устава – в обсуждение такового не входить и продолжать работать впредь до преуказаний правомочных центральных учреждений на прежних основаниях. При

этом Г.П. Сережников считает нужным подчеркнуть, что за время своего более, чем столетнего существования, Институт развивался в направлении учено-учебных учреждений и много обязанное теперешнему директору Д.О. Отту, находится в особых условиях широкого прогрессирования своих задач, а следовательно, и соответственного бюджета и никоим образом не может быть приравнен к обычным больничным учреждениям. [...] А.В. Марковский [...] На делегатском собрании единогласно было решено: игнорировать все распоряжения, исходящие от так называемого Совета Народных Комиссаров и их уполномоченных, как представителей партийной организации, захватившей власть» [10, Л. 3-4]. Как следует из данного документа, врачебное сообщество института отказывалось признавать новую власть и следовать ее указаниям. В то же время, уже в данном документе обнаруживается конфликт внутри самого Института акушерства и гинекологии с младшим медицинским персоналом. Р.Г. Лурье на собрании отмечала, что надо обсудить проект с младшим персоналом, чтобы «не нарушать наших общих работ» [10, Л. 4об.].

Однако все же основным конфликтом, который происходил в период 1917-1920 гг., следует признать конфликт врачебного сообщества с наркомом Государственного Призрения А.М. Коллонтай. В январе 1918 г. сотрудники получили следующий декрет ее авторства: «Империалистическое и буржуазное правительство России, отделяясь филантропическими подачками от насущных требований рабочих масс, создало в деле родовспоможения беднейшему населению так наз. “повивальные институты” и “родовспомогательные заведения для БЕДНЫХ”. Многие из этих заведений под лицемерной вывеской “ДЛЯ БЕДНЫХ” широко раскрывали свои услужливые объятия буржуазным и даже богатейшим придворным кругам общества, а “БЕДНОЙ”, рабочей матери предоставляли главную роль в рядах учебного материала за право деторождения не на улице. В целях скорейшего прекращения в корне такой эксплуатации имущими классами учреждений, созданных государством для бедных все родовспомогательные, повивально-гинекологические и прочие однородные учреждения, состоящие в ведении комиссариата Государственного Призрения, передаются в Отдел Материнства и Младенчества для реформирования их на следующих главных основаниях:

1. Учреждения ставят своей прямой задачей обеспечение соответствующей всесторонней помощью работниц и малоимущих трудящихся женщин в выполнении ими социальной функции деторождения и первоначального воспитания младенца.

2. В целях прекращения злоупотреблений, связанных с получением всякого рода вознаграждений за оказание в учреждениях медицинской помощи, весь обслуживающий учреждения медицинский и прочий персонал должен быть обеспечен достаточным содержанием от государства и всякое использование служащими государственного учреждения для частных материальных выгод – должно преследоваться.

3. Никто не имеет права смотреть на женщину в период выполнения ею священного, но мучительного для нее гражданского долга, как на жертву науки, обреченную служить материалом для первоначального обучения повивальному искусству лиц, не имеющих ни достаточной предварительной подготовки, ни даже ясного представления о том преступлении в отношении матери и ребенка, которое они порой бессознательно и безнаказанно совершают. [...] Одногодичные акушерские курсы – упраздняются. Двухгодичные – участие в родовспоможении только на второй год. “Петроградский клинический повивально-гинекологический институт для бедных” придается как вспомогательное учреждение к “Дворцу Материнства”, составляя одну из его частей, носить наименование “Родовспомогательного института дворца материнства”» [11, Л. 1-1об.].

Соответственно, данный документ признавал прежний институт исключительно буржуазным и действующим в интересах богатых женщин, тренировавшимся над теми, у кого нет средств, не оказывавшим им достаточную медицинскую помощь. К тому же, предполагалось упразднение самостоятельности данного учреждения. Врачебное сообщество выражало недовольство подобным подходом и предприняло ряд попыток сменить своего патрона в новой власти.

В марте 1918 г. сотрудники Института выражали желание перейти в ведомство Народного комиссариата просвещения. Выступить посредником в этом вопросе согласился товарищ наркома просвещения Г.Д. Закс [16, Л. 12-12об.]. В апреле 1918 г. В Институт с проверкой являются представители Комиссариата призрения (с 30 апреля переименован в Комиссариат социального обеспечения). При этом, большинство из явившихся с проверкой также являются представителями врачебного сообщества, однако врачи Института выражают протест действиям комиссариата. В мае 1918 г. они решаются направить делегация в Москву, чтобы лично поговорить с представителями Наркомпроса. Однако происходивший переезд из одной столицы в другую породил определенный беспорядок. По заключению главы делегации, «общее впечатление от центрального Комиссариата Народного Просвещения – неорганизованность и

неосведомленность служащих» [17, Л. 21]. В ноябре 1918 г. врачами был разработан новый проект Устава, в котором уже не содержалось фразы о роженицах, как «учебном материале», однако отмечалась и самостоятельность Института, и его подчинение именно Наркомпросу, отношения с которым должны были выстраиваться через Научно-медицинский отдел [12, Л. 2].

Кроме того, что направлено письмо от имени врачебного сообщества, в котором указывалось, что «низведение Института на степень простого родильного дома» [13, Л. 7] отрицательно скажется на развитии акушерского дела и гинекологии в советском государстве. В итоге, 19 мая 1918 г. на межведомственном совещании в Комиссариате социального призрения Петроградской трудовой коммуны, на котором присутствовали представители трех комиссариатов и различных врачебных групп, было вынесено постановление о переводе Повивально-гинекологического института в ведение Народного комиссариата просвещения [14, Л. 2]. Однако подобной «победой» врачебного персонала и совета преподавателей была не принята младшим персоналом. Младший персонал указывал на то, что все попытки перевода и соответствующие обращения принимались без их ведома и просил оставить Институт в ведении комиссариата социальной помощи. Они это обосновывали тем, что при нынешнем положении дел все роженицы могут получить помощь в Институте [14, Л. 13]. Отдельно в этой записке младшего персонала указывалось на связь с отделом охраны материнства и младенчества: «тем более, что при Комиссариате социальной помощи имеется отдел Охраны материнства и младенчества, который давно желает войти в контакт с нашим институтом для защиты всех необходимых для больных интересов» [14, Л. 13]. Данное обращение младшего персонала, судя по отложившимся в фонде материалам, не повлияло на переход Института в Наркомпрос. Несмотря на это, надолго в ведении данного государственного органа Институт не остался.

В сентябре 1920 г. Повивальная школа, входившая в состав Института, была передана в подчинение Народному комиссариату здравоохранения: «Председатель сообщает о том, что повивальная школа переходит в ведение Комздрава, курс устанавливается 3-летний, и что более подробные программы, общие для всех повивальных школ будут присланы из Москвы. В виду перехода в Комздрав, Повивальная школа получает новую отдельную смету, причем тарифы Преподавателей придется изменить, и ставки должны быть пересмотрены...» [19, Л. 13]. С целью продолжить находится в ведении Наркомпроса, а также,

можно предположить, получения академического пайка, Институтом была осуществлена попытка в большей степени взять на себя и подчеркнуть научную и просветительскую функцию учреждения. Согласно журналу Объединенного совета Государственного клинического акушерско-гинекологического института от 9 марта 1920 г.: «По вопросу о дальнейшей деятельности института В.В. Преображенский информирует, что в официальных сферах стоит на очереди вопрос о сосредоточении научного изучения дела охраны материнства и младенчества, причем Акушерско-гинекологический институт намечается как учреждение, которому могла бы принадлежать эта роль. Со стороны института в этом отношении уже намечены планы: имеется проект специальной пристройки, организуется музей, открыто отделение для беременных, делаются попытки сношения с провинцией, подготавливается труд “Социальная гинекология”, предприняты шаги в привлечению курсов охраны материнства и младенчества...»[20, Л. 8]. Также в 1920 г. коллектив Института хотел получить статус Государственной клинической академии [21]. Кроме того, был введен такой предмет, как «социальная гинекология» и Институт постановил учредить Отделение грудных детей в виде образцового приюта [20, Л. 19-19об.].

В 1922 г. СНК была инициирована процедура перевода Института в ведение Наркомздрава. В феврале 1922 г. Институт на заседании Совета Института выносятся решение пытаться остаться в Наркомпросе. В.В. Преображенского отправляют в Москву, чтобы он лично переговорил с А.В. Луначарским на этот счет [23, Л. 6об.]. Однако ничего не выходит. В июне 1922 г. Институт находится в ведении Охматмлада. Штаты пришлось подсократить, но им выделили некоторую сумму денег, они остались в Акцентре. Институту разрешили иметь 30 платных коек – 500 т.р. за кровать, 5 млн за роды [23, Л. 17об.].

Еще одной причиной раздоров между врачебным коллективом Института и Наркоматом социального призрения стал вопрос кадрового состава. В первую очередь, отстранение от работы и снятие с должности директора Д.О. Отта, который много сделал для развития акушерского дела и гинекологии в России, создатель института в том виде, в котором он существовал в начале XX в. Однако в Институте продолжала работать его дочь, а также все те, кто подписывал заявление о непризнании советской власти и ожидании Учредительного собрания, приведенное ранее. Бытовые трудности первых послереволюционных лет приводили к приостановке клинической деятельности, но персонал, особенно квалифицированный, стремились сохранить [15, Л. 35]. В то же время, в

октябре – ноябре 1918 г. произошла серия обысков и кратковременных арестов руководящих лиц: Г.П. Сережникова, В.В. Строганова и т.д. [18]. Они обвинили в этих арестах комитет бедноты из младших служащих, что действительно подтверждалось соответствующими записками об антисоветской агитации со стороны врачебного персонала: «Имею честь довести до сведения: у нас в Гинекологическом повивальном институте есть два товарища, занимающихся пропагандой белой гвардии. Они распространяют слухи, например, говорили своим товарищам: вы слышали, что Советская власть сделала, нам хлеба нет, а дала немцам да жидам, посмотрите, у каждого жида все есть» [18, Л. 28]. Несмотря на такие доносы, которые, видимо, не были опровергнуты, вышеупомянутые врачи были освобождены ввиду амнистии. В декабре 1920 г. делегация руководителей Института еще раз ездила на аудиенцию в Москву, однако вопрос о возвращении Д.О. Отта в ряды сотрудников не получил благоприятного разрешения и был отложен [20, Л. 19-19об.]. Все же, врачебному сообществу удалось добиться возвращения бывшего директора в стены Института, что произошло в 1921 г. [22, Л. 21].

Таким образом, основное разногласие между Комиссариатом государственного призрения и Акушерско-гинекологическим институтом в Петрограде заключалось в разнице видения, как прошлого Института, так и его будущего положения. Согласно позиции комиссариата и его руководительницы А.М. Коллонтай подобные учреждения делили рожениц согласно принадлежности к тому или иному социальному слою, дифференцируя свой подход в бедным и богатым. Подобный подход считался неприемлемым для нового общества, поэтому такие учреждения, как Институт, должны были кардинально трансформироваться и влиться в систему отделов Охраны материнства и младенчества. Институт старался сохранить свою автономию, упирая на то, что они не только роддом, но и научное и просветительское учреждение. Постепенно врачебное сообщество сдвинулось с позиции отрицания законности большевистской власти к поиску более «подходящего» патрона. Также оно было готово идти на компромиссы, например, вводить новые, идеологически обусловленные дисциплины.

Библиографический список

1. Горелова Л.Е. "Капля молока" как одно из первых профилактических учреждений для грудных детей в России // Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения: Материалы международного симпозиума, Москва, 15 ноября 2019 года. М.: Национальный научно-исследовательский институт общественного

здоровья имени Н.А. Семашко, 2019. С. 82–89.

2. Кандыбор Г.А. Минская фельдшерско-акушерская школа в биографиях ее преподавателей (1909-1920 гг.) // Медицина и образование: опыт, проблемы, перспективы : материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Елец, 22 июня 2015 года. – Елец: Елецкий ГУ им. И.А. Бунина, 2015. С. 52–59.

3. Киселев А.С. Краткая история зарождения клинической специальности «Акушерство и гинекология». // Сеченовский вестник. 2014. № 3(17). С. 22–28.

4. Логинов А.Б., Зайнулина М.С. Золотые страницы истории российского акушерства: от екатерининских времен к современности // Акушерство, гинекология и репродукция. 2017. №11 (2). С. 69–74.

5. Луненко М.Н., Семеняко Н.А., Макарова А.В., Комличенко Е.Н., Терехова Н.В., Чертов Р.И. Акушерский колледж. К 225-летию со дня основания. // Акушерство и гинекология Санкт-Петербурга. 2021. №1–2. С. 3–5.

6. Мицюк Н., Пушкарева Н., Белова А. Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени. М.: НЛЮ, 2022. 512 с.

7. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760-1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16, № 3. С. 151–164.

8. Синова И.В. «Наука о бабичьем деле»: медицинские новации и гендерная характеристика кадрового состава Санкт-Петербургского клинического повивально-гинекологического института для бедных в конце XIX – начале XX в. // «Женское наследие в культурах народов России и мира». Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.С. Мутиева; сост. А.И. Громова, О.И. Секенова, А.В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2024. Ч. 1. С. 373–377.

9. Федорченко Н.В. Зарождение общественной поддержки материнства в России конца XIX - начала XX века: общества "Капля молока" // Воронцовские чтения. Санкт-Петербург - 2019: Сб. материалов XII Российской научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2019. С. 65–75.

10. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 1.

11. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 8.

12. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 9.

13. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 10.

14. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 11.

15. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 14.

16. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 15.

17. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 16.

18. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 18.

19. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 46.

20. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 47.

21. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 55.

22. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 58.

23. ЦГАНТД. Ф. Р-193. Оп. 11. Д. 65.

К ВОПРОСУ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА XVIII в.

ON THE ISSUE OF THE DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF PROVINCIAL NOBLES IN XVIII CENTURY

Л.П. Найденова

Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

L.P. Naydenova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Moscow, Russia

Аннотация: В статье рассматриваются взаимосвязи индивидуальных и коллективных представлений о семейно-брачных отношениях и связанных с этим патернов поведения и возможности влияния на них западноевропейских поведенческих установок. Основной источник анализа – мемуары А.Т. Болотова, охватывающие хронологически весь XVIII век.

Ключевые слова: демографическое поведение, А.Т.Болотов, поместное дворянство, семья, брак, дети.

Abstract: The problem of the relationship of the individual to the norms of behavior in the field of family and marriage relations is discussed. The main source for this analysis are the memoirs A.T. Bolotov, of which describe the history of his family during the 18th century.

Keywords: demographic behavior, A.T.Bolotov, local nobility, family, marriage, children.

Демографическое поведение провинциального дворянства не стало пока предметом специального монографического исследования. Известный вклад в изучение проблемы вносят работы, посвященные повседневности, культуре, быту русской провинции XVIII века. Среди них можно отметить исторический очерк Н.Д.Чечулина «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века» [16, с. 196] и написанную спустя столетие книгу Л.Н. Семеновой «Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в.» [17, с. 279]. Исследование Л.Н. Семеновой особо ценно тем, что посвящено первой половине XVIII века, которому в исторической литературе уделяется меньше внимания, чем последующему периоду. (Дворянству первой половины XVIII века посвящен очерк М.М. Богословского но он очень краткий и мало дает для изучения нашей проблемы) [2, с. 52]. Исследователи в 90-е годы, в частности, С.С. Минц, начали уделять внимание психологическим аспектам интересующей нас темы [11, с. 259]. Тогда же были предприняты усилия по изучению правовых аспектов существования семьи в XVIII в. М.К. Цатуровой [18 с.196]. В

2000-х исследователи обращали внимание на некоторые аспекты истории семьи и семейных отношений. Так, Т. Н. Мальковская анализировала влияние политики власти на изменение положения семьи и внутрисемейных отношений [10, с. 200], а в труде Б.Н.Миронова рассматривается эволюция семьи в свете возникновения «гражданского общества» [12 с. 378]. Важными для нашей темы оказались работы, освещающие отдельные аспекты истории семьи, даже если они сделаны на региональном уровне. Например, М.В. Короткову интересуют самые разные аспекты жизни московского дворянства, в частности, семья и детство [9, с. 288], а Е.В. Мишанину – поместье дворянства Оренбуржья [13, с. 336], Пономареву В.В. и Хорошилову Л.Б. – место и роли в семье женщины [15, с. 248]. Изучению тульского дворянства, где проживал А.Т.Болотов. и в частности, его деятельности посвящены работы О.Е.Глаголевой [6, с. 208; 7, с. 607]. Определенный итог изучению семьи был подведен А.Ю.Прокофьевой [15, с. 184-197].

В нашей статье речь пойдет о том, как представление о «норме», общепринятом представлении и паттернах влияло на брачное поведение представителей русского дворянства XVIII века. В качестве основного объекта исследования выбрана жизнь и семья А.Т.Болотова, (1738–1833 гг.), прожившего 95 лет и оставившего после себя «Записки» – сочетание дневниковых записей и воспоминаний. «Записки» имеют длительную историю создания, а затем публикации, а также уже длительную источниковедческую историю изучения. Особенно большой вклад в этом направлении сделан А.П. Бердышевым [1, с. 320] и М.П.Милютиним [5, с. 165-182]. Мы не имеем возможности останавливаться на источниковой характеристике мемуаров А.Т. Болотова и будем пользоваться опубликованным вариантом текста учитывая, что и публикаций было немало [3]. В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» Андрею Тимофеевичу Болотову посвящена восторженная статья Е. Щепкиной и небольшая заметка С. Венгерова, который ставит под сомнение ученость и заслуги Болотова, считая его «крепостником, не скрывающим своих крепостнических взглядов, и расчетливым практиком, не брезговавшим давать деньги в рост; с поверхностным образованием, без глубины и широты, без сердечных мук и тоски по идеалу, во всех своих суждениях самый заурядный тульский помещик, самым банальным образом, судящим о людях и событиях» [4, с. 108]. Жизненный путь А.Т. Болотова почти вековой и позволяет проследить представления об «обычном», «принятом» у людей его социального положения.

Чечулин Н.Д. отмечал, провинциальное общество, в том смысле,

как его понимали в конце XIX – начале XX веков, образовалось в России только во второй половине XVIII века, когда в провинции появилось довольно значительное число дворян, проводивших тут всю свою жизнь, а не только годы старости после многолетней службы. Судьба семьи Андрея Тимофеевича Болотова подтверждает это. Отец Болотова – Тимофей Петрович (ок.1700–1750) - рано остался без матери, стал кадровым офицером, сражался против шведов, потом турок, за что был произведен в гвардии капитаны. В один из отпусков Тимофей Петрович женился на дочери небогатого помещика из деревеньки Калитино. Андрей был третьим ребёнком в семье, после сестёр Прасковьи и Марфы.

Отец Андрея в последние годы жизни находился со своим Архангелогородским полком в северных губерниях и провинциях, чаще в Петербурге и Выборге. Семья иногда жила с отцом, а чаще в своем имении Дворяниново, в Петербурге семья с ним жить не могла, жизнь в столице казалась слишком дорогой для Болотовых (годовое жалование капитана составляло 600 рублей). Денег в конце жизни оказалось так мало, что, как пишет А. Болотов: «зять мой, Травин [муж Марфы] принужден был давать деньги на закупку всего нужного и на прочие издержки при сем печальном обряде». Болотовы в XVII столетии служили стряпчими, дворянами московскими, и воевали. Пять Болотовых значатся в числе владельцев имений в 1699 году. Имения были дарованы за службу. Важно отметить, что предки Андрея Болотова – служилые люди. Они не только воевали, но и выполняли административные задачи. Примечательно, что в 1721г. отец Андрея – Тимофей Петрович Болотов, тогда подпоручик гренадерского полка, по поручению Петра I «сопровождал жнецов из Прибалтики в Тамбовский край для обучения крестьян пользоваться косами», в 1736 г. – отправлен на Тульские оружейные заводы для «учреждения доброго порядка», в следующем, 1737 г. – участвует в Крымском походе Миниха, и взятии Очакова, а в 1743 г. в Пскове (там жил с семьей) организывает проведение второй ревизии. Можно сказать, что главным источником средств существования семьи в это время была служба Тимофея Петровича. Она же определяла и стиль жизни семьи, с частыми переездами и заброшенным состоянием имения. Есть основания полагать, что в начале 1700 гг., большинство «служилых людей» поступало на полковую службу в возрасте 20 – 28 лет (62,4%; из них более всего до 25 лет). Молодые люди в возрасте от 15 до 19 составляли 12, 8%[14]. Тимофей Болотов стал драгуном 1-го драгунского полка в 1714 г., т.е. в 14-15 лет, а значит, начал службу раньше, чем большинство

людей его социального статуса, видимо, в силу стесненных обстоятельств. (Интересно, что учился Тимофей в Риге, « в школе при Домском соборе». (Его отец, Петр Болотов, служил в тех краях). В 10 лет, весной 1748 г. Андрея Болотова зачислят в полк, которым командовал его отец, рядовым, а через месяц – капралом. Примечательно, что Андрей Тимофеевич по этому поводу замечает: «Определение в службу малолетних было тогда не таково легко, как ныне» [3, 69]. Если верить данным записных книг, то случаи зачисления на службу в раннем возрасте в конце XVII – начале XVIII в. действительно были очень редки [14]. Тимофей Болотов не только зачислил сына, но и сумел перевести в свой Архангелогородский пехотный полк своего зятя из Рижского гарнизона и способствовал присвоению ему офицерского звания. Очевидно, что таким образом он стремился обеспечить благополучное будущее сыну и зятю. Отметим, что сестре Андрея, Прасковье, «шел тогда уже 19-й или 20-й год, следовательно, и выдавать замуж ее было уже время» [3, с. 38]. Будущий муж «выпросился из полка на короткое время», тут родственники и посоветовали ему невесту, небогатую, но «добрého нрава». Свадьбу сыграли вскоре. Указание на возраст невесты интересно потому, Указом Петра 1714 г. о единонаследии был установлен брачный возраст 20 лет для жениха и 17 лет для невесты; принято считать, что положения Указа не нашли поддержки ни у церковной власти, ни у населения и были отменены. Можно предположить, что был отменен не возраст, а Указ о единонаследии, представление же о желательном возрасте вступления в брак сохранилось. Болотовы в данном случае поступают вполне в рамках указного срока. В целом, вопрос о распространенном возрасте вступления в брак требует более тщательного изучения. Скажем, среди крестьян Устюжского уезда в первой трети XVIII нормальным считалось вступление в брак в 20-ти летнем возрасте [8, с. 385-391].

Спустя 2 года после поступления сына на «службу» отец-полковник умирает, и родственникам стоит больших трудов добиться для мальчика отпуска до шестнадцатилетия; он уезжает в деревню к матери. Еще через 2 года умирает мать, и мальчик переезжает жить к старшей замужней сестре. Осенью 1753 г. ему исполняется 16 лет и он отправляется в полк, куда и прибывает в начале 1755 г. Находясь на службе, Андрей Болотов становится участником Семилетней войны, но нас в этом периоде его жизни интересует одно обстоятельство – его взаимоотношения с другими офицерами. О событиях 1757г., когда он вместе с русскими войсками был в Кенигсберге, вспоминал: «не успело и двух недель еще пройти, как, к превеликому удивлению моему,

услышал я, что не осталось в городе ни одного трактира, ни одного винного погреба, ни одного биллиарда, ни одного непотребного дома, который бы господам нашим офицерам был уже неизвестен, но что не только все они у них на перечете, но весьма многие свели уже отчасти с хозяйками своими, отчасти с другими тамошними жительницами тесное знакомство; а некоторые побрали уже к себе и на содержание их» [3, с. 535]. Точности ради отметим, что господа офицеры не принесли эти нравы с собой, а воспользовались существующим предложением. Болотова от такого образа проведения досуга спасла природная застенчивость, романтическое отношение к женщине, привитое чтением романов, и участие в похоронах офицера, «умершего наизалостнейшим образом от венерической болезни, нажитой им во время стояния в сем городе» [3, с. 537]. Помогли и обстоятельства – он был отправлен в канцелярию разбирать бумаги, а потом и стал переводчиком при губернаторе, поскольку знал, благодаря усилиям своего отца, немецкий язык. Время пребывания А.Болотова в Кенигсберге интересно тем, что найдя общий язык с местными жителями, симпатизируя их образу жизни по принципу «умеренность и аккуратность», он, тем не менее, не вынес для себя никакого опыта создания такого отношения к жизни и повседневности, образцы которого демонстрировали горожане-протестанты. Болотов полюбил и обитателей, и сам город, но переносить их правила жизни в Россию не собирался.

В 1762 г. он оказывается в Петербурге, видит жизнь двора, разочаровывается в нем и с большим трудом (по мнению Военной коллегии, слишком молод для отставки), добивается отставки и уезжает в деревню. Сам он считает, что служил 14 лет [3, с. 960], т.е. с 1750 г., момента смерти отца, когда он, лишившись отеческой опеки, должен был от формальной службы перейти к реальной. Фактически же служил в полку с 1755г, около восьми лет. Нельзя сказать, что А.Т. Болотов вовсе оставил службу, более 23-х лет он управлял собственными владениями императрицы Екатерины II, сначала в Киясовской, позже в Богородицкой и Бобриковской волостях. Службой своей гордился и дорожил; за труды по управлению был награждён чином коллежского ассессора.

Итак, Андрею 24 года и начинается деятельность его родственников по поводу невесты. Разговоры о женитьбе начались раньше, в бытность его на службе, но тогда они были не очень настойчивы. Сестра подыскивает ему невесту и перебирает: «иная слишком уж бедна, иная хотя и с достатком, но нравов и обычаев таких, что и сама я не присоветовала б тебе на ней жениться» [3, с. 978]. Сам Андрей Болотов

относится к женитьбе как едва ли не самому важному делу своей жизни и невесту подбирает тщательно, сетуя на небогатый выбор. Любовь все-таки настигла рассудительного юношу в лице дальней родственницы, младшей из двух сестер Бакеевых. Влюбленность была безответной и именно это в конечном счете охладило чувства влюбленного; смущало его и то, что он почувствовал эмоциональную зависимость от девушки; вот это совершенно его не устраивало и заставило бороться с чувством довольно нестандартным образом – обращением к философским размышлениям. Выяснилось, с помощью местного священника, что родство дальше и браку не помеха, а обычаем выдавать сначала старшую дочь с некоторым напряжением, но, как устаревший, можно и пренебречь, однако предложения он так не сделал. Как объясняет, в первую очередь, потому, что побоялся состоятельности девушки, а также и ее привычке к московскому образу жизни. «Сможет она в деревне жить?» - задавался вопросом он и, между прочим, его слуга, с которым А. Болотов решил посоветоваться. Согласия в семье, «душевной дружбы» ему очень хотелось, а влюбленности для брака, с его точки зрения, не требовалась. В поисках жены Болотов старался быть очень рассудительным, однако брак его в конечном счете оказался необычным. Профессиональная сваха «заводская немка Ивановна» рассказала ему о молоденькой девушке, точнее, двенадцатилетней девочке, единственной дочери почтенной вдовы со ста душами приданного. Видимо, чтение в ранней юности романов не прошло бесследно, и юноша, занимаясь поисками невесты, время от времени вспоминал о той девочке. Примерно через год он решил попросить сваху познакомить их. Переговоры велись с матерью девочки, а как сама будущая невеста относится к таким хлопотам было не понятно, потому что она, со слов свахи, при разговорах об этом «дичилась», плакала или убегала, но не отказывала. Незадолго до знакомства Болотову приснилась девушка, которую он, к своему удивлению, и узнал в своей возможной невесте. При встрече у общих знакомых-соседей «невеста» показалась Андрею совсем девочкой, никаких душевных волнений не почувствовал. Более всего его смущал ее возраст, это обстоятельство смущало и всех близких Болотова. Следует заметить, что в это время кроме гражданского, существовало церковное совершеннолетие — 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин. (Подтверждено указом Синода 1774 г). При заключении брака решающее значение имело церковное совершеннолетие, в противном случае пара должна быть разлучена и могла возобновить брак после достижения гражданского совершеннолетия. Видимо, такое сложное представление о возрасте невесты существовало в обществе, но

тем не менее, брак с 13-ти летней был необычным. Было решено дожидаться, когда невесте пойдет четырнадцатый год. Сватовство проходило по всем правилам, объявлен «сговор» с благословением священника и в присутствии свидетелей и обязательным пиршеством. Таким образом, до помолвки жених видел невесту два раза и вопрос о женитьбе решался, скорее, родственниками молодых людей. Наконец, 4 июля 1764 г. Андрей Тимофеевич Болотов женился на Александре Михайловне Кавериной (1751–1834).

В семье Болотовых родилось 9 детей. До взрослого возраста дожили 4 дочери и 1 сын. Первый ребенок, сын, умерший во младенчестве, родился спустя два года после свадьбы. Последнего ребенка Александра Михайловна, родила, когда ей было тридцать лет, а прожила она до 83-х. Ситуация с детьми в роду Болотовых была схожей в разных семьях – у родителей Андрея он – единственный сын и две дочери, причем Андрей родился слабым и родители старательно его выхаживали как позднего ребенка, последней надежды на продолжение рода. У его сестры тоже единственный сын, и тоже болезненный. И как сказано, у самого Андрея Тимофеевича из трех сыновей выжил один.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что пример А.Т. Болотова, человека незаурядного и способного поступать не сообразуясь с «общим мнением», показывает: в своем отношении к семейной жизни он следовал общепринятым для его круга представлениям и патернам поведения, увлекаясь религиозно-нравственной немецкой философией, он, тем не менее, не пытался рефлексировать по поводу обычаев, существующих в его среде, всегда стараясь уместить свои переживания и потребности в не им очерченный круг. Б.Н. Миронов полагал, что «то, что дворянин никогда не знал отношений общинного типа, являлось важной предпосылкой для его европеизации в XVIII веке. Он был более свободен и индивидуален в своих проявлениях. Отсюда большая склонность дворянства сравнительно с другими сословиями к новациям...» [12, с. 228]. А.Т. Болотов был очень склонен к новациям в ведении хозяйства, различным техническим и агро производственным новшествам, совершенствованию садового ландшафта, на социальную сферу и демографическое поведение склонность к новациям у него не распространялась.

Библиографический список

1. Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. 1738—1833. М.: Наука, 1988.— 320с.
2. Богословский М.М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века .Типография Г. Лиснера и Д. Совко.1906.-52 с

3.Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова описанная им самим для своих потомков. В 3 Т. Москва. Институт русской цивилизации. 2013.

4.Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) : в 6 т.. — Санкт-Петербург, 1889—1904. — Т.3.С. 108.

5.Веселова А. Ю. ; Милотин М. П. мемуары А. Т. Болотова: история создания // Русская литература. – 2020. – Номер 3. С. 165-182

6.Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX вв. Тула, 1993;

7.Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012.)

8.Жиборкина А.В. Демографическое поведение крестьян устюжского уезда в первой трети XVIIIвека // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Материалы к международной научной конференции. Чтения памяти академика РАН Л.В.Милова. Вып. 6 М., МГУ. 2019.с.385-391

9.Короткова М.В. Семья, детство и образование в повседневной культуре московского дворянства в XVIII — первой половине XIX вв. — М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. — 288 с

10.Мальковская Т.Н. Семья и власть в России XVII–XVIII столетий. М., 2005,

11.Миц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998.

12.Миронов Б. Н. Социальная история России. XVIII – начало XX в. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1.

13.Мишанина Е.В.Оренбургское поместное дворянство: история, быт, культура. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017 – 336 с.

14.Новохатко О.В. Продолжительность службы представителей московских и городских чинов в 17 в. (по записным книгам челобитных об отставке) //Российская генеалогия. Вып.17. (в печати).

15.Пономарева ВВ. Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII - начало XX века. М.; Русское слово, 2006.-248 с. Российская семья XVIII - XIX вв.: анализ историографии / А. Ю. Прокофьева // Российская история. - 2011. - № 4. - С. 184-197.

16.Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: ист. очерк / Н. Чечулин. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. — [2], II, 115 с.

17. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Ленинград, Наука, ЛОИИ. 1981.- 279 с.

18.Цатурова М.К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. – М., 1991.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ЖЕНСКОГО СЕЛЬСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE OF WOMEN'S RURAL ENTREPRENEURSHIP

И.В. Мятникова

*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь*

I.V. Myatnikova

*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
Republic of Belarus*

Аннотация. В статье представлен социально-демографический профиль женского сельского предпринимательства, сформированный по результатам комплексного социологического исследования (срок реализации – 2 полугодие 2023 г., метод сбора информации – анкетный опрос), которое позволило выявить особенности жизни и ведения предпринимательской деятельности в сельских населенных пунктах страны. Заявленный проект осуществлялся в целях оказания поддержки Правительству Республики Беларусь и Министерству сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, а также органам республиканского и местного управления в выполнении взятых на себя обязательств по развитию сельских территорий, способствуя тем самым достижению Целей устойчивого развития.

Abstract. The article presents a socio-demographic profile of female rural entrepreneurship, formed based on the results of a comprehensive sociological study (implementation period - 2nd half of 2023, data collection method - questionnaire survey), which made it possible to identify the features of life and entrepreneurship in rural areas of the country. The declared project was implemented in order to support the Government of the Republic of Belarus and the Ministry of Agriculture and Food of the Republic of Belarus, as well as republican and local government bodies in fulfilling their obligations to develop rural areas, thereby contributing to the achievement of the Sustainable Development Goals.

Ключевые слова: предпринимательство, сельское хозяйство, демографические характеристики, социальный портрет.

Keywords: entrepreneurship, agriculture, demographic characteristics, social portrait.

Выявление социально-демографических характеристик женского предпринимательства в сельской местности является актуальным ввиду того, что данный вид трудовой активности играет значительную роль в экономическом и социальном развитии сельской местности. Изучение характеристик данной трудовой группы позволяет понять специфику их потребностей, выявить барьеры и возможности для роста [1].

Предпринимательство может стать ключевым фактором повышения

уровня жизни в сельской местности, особенно для женщин, которые часто сталкиваются с ограниченными возможностями для профессиональной реализации [2]. Развитие женского предпринимательства способствует диверсификации сельской экономики, создает новые рабочие места и стимулирует развитие малого бизнеса [3]. Женщины-предприниматели в сельской местности часто ориентируются на экологически чистые и устойчивые методы ведения хозяйства, что способствует сохранению природных ресурсов и устойчивому развитию [4].

В данной статье отражаются ключевые результаты комплексного социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций, которое позволило выявить особенности жизни в сельских населенных пунктах страны и специфику предпринимательской деятельности на селе. Методом анкетного опроса в октябре-ноябре 2023 года было опрошено 456 респондентов женского пола, проживающих в сельской местности Брестской, Витебской и Минской областей.

Полученные данные свидетельствуют, что предпринимательской сельскохозяйственной деятельностью занимаются только 7,0 % женщин, принявших участие в опросе. При этом 93,0 % опрошенных заявили, что в настоящее время не занимаются предпринимательской деятельностью (рис. 1).

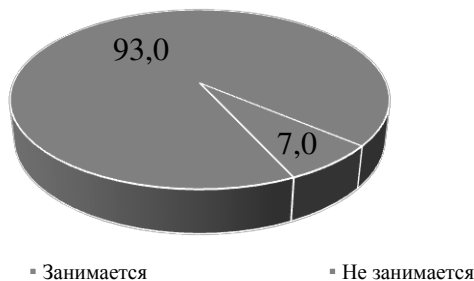

Рисунок 1 – Доля женщин, занимающихся в настоящий момент предпринимательством в сфере сельского хозяйства (в %)

Социально-демографические характеристики группы опрошенных, занимающихся предпринимательской деятельностью, представлены в таблицах 1–4.

Таблица 1 – Распределение опрошенных, занимающихся предпринимательской деятельностью, по возрасту (в %)

Возраст	Доля (%)
18 – 30 лет	15,6
31 год – 57 лет	50,0
58 лет и старше	34,4

Таблица 2 – Распределение опрошенных, занимающихся предпринимательской деятельностью, по уровню образования (в %)

Уровень образования	Доля (%)
Базовое (до 9 классов)	18,8
Среднее общее (11 классов)	25,0
Профессионально-техническое, среднее специальное	31,2
Высшее	25,0

Таблица 3 – Распределение опрошенных, занимающихся предпринимательской деятельностью, по типу проживания (в %)

Совместно проживает	Доля (%)
Проживаю одна	12,5
Супруг	25,0
Супруг, дети и другие родственники	50,0
Любые родственники, не считая супруга	12,5

Таблица 4 – Распределение опрошенных, занимающихся предпринимательской деятельностью, по наличию детей и их количеству (в %)

Наличие детей/их количество	Доля (%)
Дети есть	93,8
1 ребенок	13,3
2 ребенка	70,0
3 ребенка	13,3
4 ребенка	3,3
Детей нет	6,2

Опрошенные сельские женщины, занимающиеся предпринимательской деятельностью, преимущественно представляют собой среднюю возрастную группу, т.е. активный трудовой возраст (50,0 %). Уровень образования у женщин-предпринимателей чаще является профессионально-техническим и средним специальным (31,2 %), однако по частоте распространенности значимые позиции занимает как общее среднее образование, так и полное высшее

образование (по 25,0 % соответственно). Каждая вторая сельская женщина-предприниматель проживает с супругом, детьми и/или другими родственниками (50,0 %). В большинстве сельских семей, где женщины занимаются предпринимательством, имеется двое детей (70,0 %).

Таким образом, изучение женского предпринимательства позволяет понять, как меняется роль женщин в сельской местности, какие ценности их мотивируют и какие социальные изменения происходят в этом контексте.

В частности, будущие исследования могут фокусироваться на следующих аспектах:

– возраст, образование, опыт работы: Каковы типичные социально-демографические характеристики женщин, начинающих свой бизнес в сельской местности?

– мотивация и цели: Какие факторы побуждают женщин к предпринимательской деятельности в сельской местности? Какие цели они преследуют?

– виды бизнеса: Какие виды бизнеса предпочитают женщины в сельской местности?

– барьеры и возможности: С какими препятствиями сталкиваются женщины-предприниматели в сельской местности? Какие возможности для развития у них есть?

– влияние на семью и общество: Как предпринимательство влияет на семью и общество в целом?

Результаты такого исследования могут быть использованы для разработки эффективных программ поддержки женского предпринимательства в сельской местности, создания благоприятной среды для их развития и повышения уровня жизни в сельских регионах.

Библиографический список

1. Богданович А. В. Методологические подходы к размещению производительных сил на современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь. Экономический бюллетень НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2012;7.

2. Богданович А. В. Конкурентоспособность регионов и вопросы ее оценки. Белорусский экономический журнал. 2011; 4.

3. Национальный отчет о человеческом развитии в Республике Беларусь Конкурентные преимущества регионов Беларуси. ЮНФПА [Интернет]. 2015 [процитировано 29 Января 2024 г.]. Доступно по: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/bv/NORCH_final.pdf

4. Перечень центров поддержки предпринимательства Республики Беларусь. Министерство экономики Республики Беларусь. [Интернет]. 2015 [процитировано 29 Января 2024 г.]. Доступно по: <http://www.economy.gov.by/ru/small-business/support-of-small-enterprise/activities-of-infrastructure-to-support-small-businesses/center-predprin>.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ЖЕНЩИН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ФЕРТИЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

REPRODUCTIVE ATTITUDES OF WOMEN OF THE REPUBLIC OF BELARUS OF FERTILE AGE DEPENDING ON THEIR SOCIAL STATUS

Н.А. Павлова

*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь*

N.A. Pavlova

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье актуализируется угроза демографической безопасности, стоящей перед белорусским обществом, связанной с трудностью совмещения материнства и трудовой деятельностью. На основе данных, полученных в результате исследования, проведенного в 2024 г. Институтом социологии НАН Беларуси в статье рассматривается взаимосвязь уровня репродуктивных установок женщин фертильного возраста в зависимости от их социального статуса и экономического положения. Проводится сравнение уровня желаемого количества детей в реальных и идеальных жизненных условиях.

Abstract. The article actualizes the threat to demographic security facing the Belarusian society associated with the difficulty of combining motherhood and work. Based on the data obtained as a result of a study conducted in 2024 by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, the article examines the relationship between the level of reproductive attitudes of women of fertile age, depending on their social status and economic status. The comparison of the level of the desired number of children in real and ideal living conditions is carried out.

Ключевые слова: репродуктивные намерения; социальный статус; демографическая угроза; репродуктивные установки; демографическая безопасность; рождаемость.

Keywords: reproductive intentions; social status; demographic threat; reproductive attitudes; demographic security; fertility.

Рождение детей – значимое событие в жизни женщины, которое неизбежно влияет на совокупность жизненных аспектов, в особенности, трудовую деятельность. Реализация репродуктивных установок влечет за собой последствия, сосредоточенные в экономической сфере. Рождение ребенка может привести к необходимости временно отказаться от работы или перейти на менее престижную и низкооплачиваемую должность, что создает препятствия для карьерного роста женщины. Вместе с этим, совмещение материнства и работы может привести к переутомлению, стрессам и проблемам со здоровьем.

Охрана материнства относится к фундаментальным ценностям общества, однако женщины, задействованные в экономике, продолжают сталкиваться с угрозами своему здоровью и экономической безопасности в связи с материнством. Многие женщины испытывают трудности с получением оплачиваемого отпуска до и после родов, подвергаются дискриминации по половому признаку, что может приводить к увольнению или отказу в приеме на работу беременных женщин или женщин с маленькими детьми. С проблемами при осуществлении трудовой деятельности в связи с деторождением могут сталкиваться женщины с нетипичной, нестандартной и неустойчивой формой занятости; для тех, кто занят в неформальной экономике, охрана материнства остается недостижимой. Отсутствие социальной защиты лишает этих женщин должной заботы о собственном здоровье и здоровье ребенка, заставляя, таким образом, некоторых из них нести существенные расходы на медицину, обрекая их на бедность.

Важным элементом стимулирования рождаемости в государстве является охрана материнства в сфере труда, перед которой стоят две цели: гарантировать, что экономическая деятельность женщины не создает угроз для ее здоровья и здоровья ее ребенка; гарантировать, что репродуктивная роль женщин не подрывает экономическую безопасность их семей. Сокращение рождаемости происходит по причинам снижения численности женщин репродуктивного возраста, повышения возраста материнства, снижения количества заключенных браков и увеличения уровня разводов [1].

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, принятой 25 апреля 2024 г. решением Всебелорусского народного собрания, в числе основных угроз национальной безопасности указаны депопуляция, демографическое старение, снижение уровня рождаемости, сокращение продолжительности жизни, снижение ценности института традиционной семьи [2].

Институтом социологии НАН Беларуси в январе-феврале 2024 г. было проведено исследование, которое осуществлялось во всех областных городах и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Метод сбора информации – анкетный опрос (выборочная совокупность составила 1855 человек, ошибка выборки $\pm 2,3$ %). Совокупность женщин фертильного возраста в рамках проведенного исследования (в возрасте от 18 до 49 лет включительно) представлена 541 респондентом, доверительный интервал составляет $\pm 4,21$ %. В силу специфики массового опроса населения, в исследовании не принимают участие респонденты в возрасте от 15 до 17 лет.

На основе полученных эмпирических данных, рассчитывался уровень репродуктивных установок в реальных и идеальных жизненных условиях. Данный уровень рассчитывался на основе следующих вопросов, заданных респондентам:

1. Сколько всего детей Вы планируете/планировали иметь с учетом Ваших реальных жизненных обстоятельств?

2. Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и иные условия?

Данный показатель важен для оценки демографической ситуации и прогнозирования численности населения. Анализ уровня репродуктивных установок производился по двум категориям: рождение детей в реальных жизненных обстоятельствах и рождение детей в идеальных жизненных обстоятельствах. Данный показатель в реальных условиях подвержен влиянию различных социально-экономических факторов, таких как: уровень доходов и образования, доступности и стоимость жилья, уровня занятости. В идеальных условиях – гипотетический показатель, отражающий, сколько детей женщина могла бы родить, если бы все внешние факторы были максимально благоприятны. Идеальные условия предполагают гарантированный доступ к качественной медицинской помощи, занятость, доступность жилья, высокое качество жизни и отсутствие дискриминации по половому признаку.

По результатам проведенного исследования, уровень репродуктивных установок среди женщин в возрасте 18-49 лет составляет:

– 1,75 в реальных жизненных обстоятельствах (1,74 по результатам мониторинга, проведенного в апреле 2023 г.);

– 2,09 в идеальных жизненных обстоятельствах (2,13 в 2023 г.).

Стоит отметить существующую устойчивость репродуктивных намерений, сохраняющуюся в промежутке времени с 2023 по 2024 г.

Работающие женщины, находящиеся в репродуктивном возрасте, имеют уровень репродуктивных намерений в реальности 1,73 ребенка. Однако, даже в этом случае он значительно ниже желаемого (2,09 ребенка). Женщины, находящиеся в статусе работающего пенсионера, не имеют планов заводить детей в реальных жизненных условиях, что может быть объяснено возрастным фактором или потенциалом их здоровья. Женщины учащиеся имеют самый низкий уровень репродуктивных намерений как в реальности, так и в идеальных условиях (1,43 и 1,55 ребенка соответственно), что может быть связано с фокусом на образовании и карьере. Неработающие пенсионеры,

инвалиды имеют средний уровень репродуктивных намерений как в реальности, так и в идеальных условиях (по 1,67 ребенка). Временно неработающие обладают самым высоким уровнем репродуктивных намерений в реальности (2,05 ребенка), что может быть объяснено включением в данную категорию большого количества женщин, находящихся в декретном отпуске (табл. 1).

Таблица 1. Уровень репродуктивных намерений среди женщин в возрасте 18-49 лет в Республике Беларуси, полученный в результате исследования, %

Социальный статус	Среднее желаемое число детей в реальных жизненных условиях	Среднее желаемое число детей в идеальных жизненных условиях
Работающий	1,73	2,09
Работающий пенсионер	0	2,0
Учащийся, студент	1,43	1,55
Неработающий пенсионер, инвалид	1,67	1,67
Временно неработающий (безработный, нахожусь в декретном отпуске, домохозяйка)	2,05	2,38

Уровень репродуктивных намерений в Беларуси для каждого социального статуса в реальных жизненных условиях ниже уровня простого замещения (который равняется 2,1 ребенка на женщину), что говорит о демографическом спаде. Женщины в среднем планируют иметь больше детей, чем рожают в реальности, что указывает на наличие социальных и экономических факторов, препятствующих реализации репродуктивных планов.

Выводом может являться то, что социальный статус и экономические факторы женщины оказывают существенное влияние на уровень ее репродуктивных установок. Несоответствие между желаемым и реальным количеством детей указывает на необходимость создания условий, которые позволят семьям реализовать свои репродуктивные планы. Особое внимание следует уделить созданию условий для совмещения материнства и работы, а также развитию доступной и качественной системы дошкольного образования, чтобы женщины могли возвращаться на рынок труда после декретного отпуска.

Библиографический список

1. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. URL:

<https://etalonline.by/document/?regnum=c22100028> (дата обращения 03.11.2024).

2. Концепция национальной безопасности [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания № 5 от 25 апреля 2024 г. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения 03.11.2024).

МИГРАЦИОННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ В 90-Е ГОДЫ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

MIGRATION AND SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE KUBAN IN THE 90S OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES

В.Н. Петров

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

V.N. Petrov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются миграционные процессы на Кубани в период с 1990-х гг. – начала 2000-х. отмечается, что эти миграции носили ярко выраженный этнический характер, результатом которых стали значительные изменения в этнической структуре региона. Кроме того, ряд миграционных потоков вызвали напряженность в межнациональной сфере и были отмечены рядом конфликтных ситуаций между местным населением и мигрантами.

Abstract. The article examines migration processes in the Kuban in the period from the 1990s to the early 2000s. It is noted that these migrations had a pronounced ethnic character, which resulted in significant changes in the ethnic structure of the region. In addition, a number of migration flows have caused tension in the interethnic sphere and have been marked by a number of conflict situations between the local population and migrants.

Ключевые слова: миграция, социально-демографические процессы, Кубань, Краснодарский край

Keywords: migration, socio-demographic processes, Kuban, Krasnodar Territory

Введение. Перемещения населения создают новые социальные ситуации в местах массового выхода мигрантов, преобразуют структуру социальных общностей, их культуру в местах прибытия. История социальной общности на Кубани – яркий пример влияния разнообразных по своему характеру миграций на ее образование и последующие трансформации. Образование здесь единого этносоциального и этнокультурного пространства, как прообраза его современного состояния, происходило по типу переселенческих обществ в течении достаточно длительного периода времени – конец XVIII – начало XX века.

Анализ миграционной и социально-демографической ситуации в регионе. В 1990-е годы XX столетия этнодемографическая структура населения Краснодарского края характеризовалась в количественном отношении как устойчивое сообщество по основному этнообразующему признаку [1, с. 128]. Доля русского населения оставалась почти неизменной. Однако, в качественном плане в его составе происходили довольно существенные изменения. Они были вызваны замедлением темпов общего прироста населения, что в значительной степени было обусловлено снижением естественного прироста из-за низкой деторождаемости и тенденцией роста смертности. Эти тенденции, прежде всего, обнаружались в этнической группе русских, естественная убыль среди которых в рассматриваемое десятилетие была очень ощутимой – 107671 чел. В целом же прогрессирующая естественная убыль населения Кубани в 1989-2000 годах составила 117965 человек. Кроме того, возрастная структура населения Кубани имела явно выраженную тенденцию повышения среднего возраста, то есть постарения, что вместе с воздействием факторов болезней и травматизма оказывает значительное влияние на показатели смертности.

В этих условиях внешние для края миграции приобрели в значительной степени восполняющий естественную убыль населения характер. При этом вклад этнических миграций в пополнение численности населения был различен. Так в этнической группе русских миграционный приток обеспечил 87,2% прироста и только 12,8% относилось на долю естественного прироста. В самой же многочисленной после русских этнической группе армян общий прирост на 60% был обеспечен естественным приростом, а 40% его было связано с миграциями.

Изменения в этническом составе выразились в быстром росте численности одних этнических групп и существенном сокращении ее в других группах (таблица 1). Изменения в численности отдельных этносов и групп в 1989-2000 гг. происходили следующим образом: этническая группа армян составляла в 2000 г. – 241964 чел, рост численности по отношению к 1989 г. составил 40,9%; группа украинцев – 198570 чел., рост численности составил 9%; группа белорусов – 38971 чел., рост численности составил 12,3%; группа грузин – 17595 чел., рост численности составил 45,4%; группа азербайджанцев – 13228 чел., рост численности составил 27,9 %; группа молдаван – 8686 чел, рост численности составил 16,8%. Существенно сократилась численность этнических групп немцев – на 45,4% и евреев – на 40% [Рассчитано по: 2, 3].

Таблица 1. Численность и доля отдельных этнических групп Краснодарского края в 1989 и 2000 гг.

Этносы	1989 г.		2000 г.		2000 г. к 1989 г.
	чел	%	чел	%	%
Все население	4 620 876	100,0	5 014 289	100,0	+8,51
Русские	4 006 811	86,71	4 314 783	85,89	+7,68
Украинцы	182 128	3,94	198 570	3,96	+9,02
Армяне	171 757	3,72	241 964	4,83	+40,87
Белорусы	34 688	0,75	38 971	4,83	+12,34
Немцы	29 946	0,65	16 359	0,33	-45,38
Греки	28 337	0,61	30 461	0,61	+7,49
Адыгейцы	20 795	0,45	19 548	0,39	-6,00
Татары	14 547	0,31	14 249	0,39	-2,05
Грузины	12 105	0,26	17 595	0,35	+45,35
Азербайджанцы	10 343	0,22	13 228	0,26	+27,89
Молдаване	7 439	0,16	8 686	0,17	+16,76
Евреи	5 163	0,11	3 098	0,06	-40,00
Другие	96 817	2,11	96 777	2,09	-0,05

Наиболее существенный прирост произошел в этнических группах турок-мехетинцев (с 2119 чел. в 1989 г. до 15009 чел. в 2002 г.) и курдов (с 2262 чел. в 1989 г до 8500. чел в 2002 г.) [4, с. 5].

Новый, очень полиэтничный приток мигрантов в Краснодарский край происходит в 90-е годы XX века. Всего за 1990-2000 годы включительно миграционный прирост составил 329777 человек [5 с. 61-63]. При этом положительное сальдо миграции (4,3 чел. на 1000 населения) в 2,1 раза превысило среднероссийский уровень.

Исторически сложившаяся этническая структура населения Кубани, несомненно, обусловила этническое представительство мигрантов. В составе прибывших составляли 80,7% – русские, 5,9% – армяне, 5,8% – украинцы, остальные этносы – менее 1% каждый. Очевидно, что проживающие в крае этносы стали своеобразным «магнитом», притягивающим соплеменников. В составе прибывающих и остающихся на Кубани мигрантов доли лиц в возрастах, моложе трудоспособного и трудоспособном, составили соответственно 22,2% и 49,9%.

Особую категорию в составе прибывающих в Краснодарский край в этот период представляли вынужденные переселенцы. За период с 1992–2002 гг. включительно на территории края было зарегистрировано по обращениям за получением статуса вынужденного переселенца 101367 мигрантов, получили этот статус 53203 чел. По этническому составу среди них 86,3% – русские, 4,9% – украинцы, 2,5% – армяне, остальные

этносы менее 1% [6, с. 95].

Основную массу мигрантов (68,5%) составляли внутренние мигранты. Они перемещались в Краснодарский край из регионов России, среди которых весомая доля принадлежала Северо-Кавказскому, Дальневосточному и Западно-Сибирскому регионам. Из стран СНГ заметными «поставщиками» мигрантов были Казахстан, Украина, Армения, Грузия (включая Абхазию) Зарегистрированные вынужденные мигранты прибывали в основном из Чечни, а также из среднеазиатских стран СНГ: Казахстан, Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан [6, с. 56].

По экспертным оценкам, зарегистрированная миграция представляла собой лишь видимую часть айсберга. Скрытая ее составляющая, включавшая нелегальных, незаконных мигрантов в 1,5-2 раза превышала число зарегистрированных и, таким образом, общее количество мигрантов, поселяющихся и находящихся более или менее постоянно на территории Кубани, за десятилетие с 1990-по начало 2000-х гг. могла составить около 1 млн человек на 5 млн проживающего здесь населения.

Миграция турок-месхетинцев в Краснодарский край как этносоциальная проблема. Массовый приток мигрантов создал проблемы в социально-экономической, политической сферах принимающего общества: увеличилась нагрузка на социальную инфраструктуру, обострилась конкуренция в сфере занятости, росло напряжение в межнациональных отношениях, что привело к появлению такого социального феномена как «мигрантофобия».

Среди представителей этнических мигрантов в Краснодарском крае наиболее проблемное место в этот период принадлежало туркам-месхетинцам (ахысским туркам). Они стали одним из немногих этносов, представители которого не составляли заметной группы на территории Кубани до начала интенсивных миграций 90-х годов XX столетия. Поселение турок-месхетинцев в период их массового прибытия в 1989-1990 годах на Кубань происходило в большинстве случаев самовольным порядком, с игнорированием или нарушением действующего в то время законодательства и установленных административными органами управления правил.

Ограничения на поселение в Краснодарском крае, Абинском и Крымском районах, в частности, в тот период имели правовую почву в виде Постановления Совета Министров СССР № 1476 от 24.12.1987 года «Об ограничении прописки граждан в некоторых населенных пунктах Крымской области и Краснодарского края». Прибывающие турки-

месхетинцы поселялись вопреки запретам. На основании так называемых «ручных», то есть нотариально и юридически неоформленных сделок они покупали жилье во многих случаях у выезжающих в Крым крымских татар и, таким образом, действовали в нарушение закона.

В основном компактное расселение турок-месхетинцев привело к явно и ощутимо выраженным противоречиям правового, социального и межкультурного характера в местах их проживания и в целом на Кубани. Эти противоречия, в свою очередь, привели к формированию межэтнической напряженности во взаимодействии между местным населением и мигрантами турками-месхетинцами. В качестве источников этой напряженности можно выделить следующие:

- Неопределенность правового статуса, то есть отсутствие гражданства и регистрации по месту жительства турок-месхетинцев, что соответственно привело к возникновению у обеих взаимодействующих сторон установок о временности пребывания этой общины на территории Кубани. У местных жителей турки-месхетинцы ассоциировались с гостями.

- Ощущение самими турками-месхетинцами временности пребывания на данной территории и проживания в данном населенном пункте, стремление поддерживать и сохранять этническую идентичность, переживания исторической несправедливости репрессированного народа и неопределенность в перспективах репатриации на историческую родину в Грузию, - все это как и многие другие факторы порождают в среде турецко-месхетинской общины настроения социокультурного обособления и изоляции.

- Существенные различия между социальным порядком, традициями и культурой местного населения и традиционной культурой и социальной организацией турок-месхетинцев.

- Противоправные действия отдельных представителей турок-месхетинцев.

- Бытовые конфликты, в которых обыденные события приобретали межнациональную окраску.

- Обострение беспокойства местных жителей своей социальной безопасностью, вызванное массовыми этническими миграциями.

- Специально провоцируемые отдельными лидерами турецко-месхетинской общины и некоторыми представителями общественных организаций демонстративные действия по защите своих прав, и выражающиеся в публичных акциях, в обращениях в международные организации, в предъявлении ультимативных требований, в отказе идти

на конструктивный контакт с органами власти.

Заключение. Таким образом, очень полиэтничная региональная общность Краснодарского края складывалась из автохтонного населения и разновременных волн миграционных перемещений сюда. Интенсивная полиэтничная миграция 1990-х гг. – начала XXI в. оказала существенное воздействие на этноструктурные изменения в социальной общности Краснодарского региона: резко увеличилась численность отдельных этнических групп, в других наблюдался умеренный прирост, у третьих в связи с эмиграцией на историческую родину, численность резко уменьшилась.

Миграция и компактное поселение турок-месхетинцев в отдельных районах и населенных пунктах Краснодарского края в 1989-1990 гг. вызвало эффект незавершенной миграции, создало проблемную ситуацию в межэтническом взаимодействии местного населения и турецко-месхетинской общины.

Этносоциальные изменения, происходящие в данном регионе в 1990-е годы XX столетия характеризуются резким ростом доли мигрантов в составе населения, изменением исторически сложившихся пропорций в этническом составе, возникновением более или менее острых проблем во взаимодействии этнических мигрантов и местного населения, выражающихся в росте межэтнической напряженности и конфликтов.

Библиографический список

1. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг. Краснодар, 2003.
2. Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Краснодар, 1990.
3. О естественном движении населения в Краснодарском крае в 2000 г. Краснодар, 2001.
4. Петров В.Н., Охрименко В.И. Община турок-месхетинцев в Краснодарском крае: черты социального портрета. Краснодар, 2003.
5. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.И. Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры: Учебное пособие. Краснодар, 2002.
6. Оберемко О.А., Кириченко М.М. Вынужденные переселенцы на Кубани: институциональная перспектива управления. Краснодар, 2001.

**ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ –
ГРАЖДАН ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА К УСЛОВИЯМ
ЖИЗНИ И ТРУДА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

**FACTORS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS –
CITISENS OF TADJICISTAN AND UZBEKISTAN TO LIVING AND
LABOUR CONDITIONS IN VLADIMIR REGION (ON BASIS
OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Р.В. Евстифеев, Д.И. Петросян, М.В. Соколова

*Владимирский Филиал Российской Академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*

R.V. Yevstifeyev, D.I. Petrosyan, M.V. Sokolova

*Vladimir Branch of Russian Academy of National Economy and Public
Administration*

Аннотация. В статье представлены результаты социологического анализа факторов, способствующих социокультурной адаптации трудовых мигрантов к условиям жизни в регионе Центральной России. Под адаптацией мигрантов предлагается понимать процесс активного освоения иностранным гражданином правовых, культурных, социальных, экономических основ, принципов и традиций, действующих в конкретной принимающей социальной среде в целях приспособления к жизнедеятельности принимающего сообщества. Информационной базой исследования явились результаты анкетного опроса 300 граждан из Таджикистана и Узбекистана, прибывших с целью осуществления трудовой деятельности на территорию Владимирской области. Исследование показало, что в целом, уровень адаптации мигрантов не высок. В качестве основных факторов, осложняющих процесс социальной и культурной адаптации мигрантов, авторы выделили такие, как языковой барьер, плохое знание российского законодательства и требований законов, плохое знание местных норм, правил, традиций, культуры и истории, слабая включенность мигрантов в практики местной социальной и культурной жизни.

Abstract. The article presents the results of sociological analysis of factors of socio-cultural adaptation of labor migrants to living conditions in the region of Central Russia. Adaptation of migrants is understood as the process of active development by a foreign citizen of legal, cultural, social, economic foundations, principles and traditions operating in a specific host social environment in order to adapt to the life of the host community. The information base of the study was the results of a questionnaire survey of 300 citizens from Tajikistan and Uzbekistan who came to Vladimir region for the purpose of labor activities. The study shows that, in general, the level of adaptation of migrants is not high. The authors highlighted the main factors complicating social and cultural adaptation of migrants: language barrier, poor knowledge of Russian legislation and legal requirements, poor

knowledge of local norms, rules, traditions, culture and history, weak involvement of migrants in the practices of local social and cultural life.

Ключевые слова: миграция, мигранты, социокультурная адаптация, язык, культура, практики местной социальной и культурной жизни.

Keywords: migration, migrants, socio-cultural adaptation, language, culture, practices of local social and cultural life.

В наиболее общем виде, адаптация мигрантов – процесс приспособления иностранного гражданина к новым жизненным условиям в стране пребывания.

Процесс адаптации позволяет мигранту освоиться в новой ситуации, избежать конфликтных ситуаций с местным населением, с работодателями, представителями власти, представителями других национальностей.

В последние годы наблюдается повышенный интерес со стороны исследователей и общества к процессам адаптации мигрантов, однако, пока нельзя сказать, что сформирован единый подход к рассмотрению этого явления. Кроме того, как в научной литературе, так и нормативно-правовых актах федерального и регионального уровней часто термин «адаптация мигрантов» употребляется в связке и без четкого разграничения с термином «интеграция мигрантов».

Таким образом, отметим, что в научной литературе отсутствуют единые представления о сути и содержании процесса адаптации мигрантов, не сформулировано общепризнанное определение понятия «адаптация мигрантов».

В рамках российской науки имеется несколько подходов к пониманию адаптации мигрантов.

Во-первых, адаптация понимается как социальное и психологическое освоение меняющегося типа целостной системы общественных отношений [1, с. 4].

Во-вторых, адаптация рассматривается как приспособление мигрантов к принимающему обществу, но часто - лишь поверхностное, поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением [2].

В-третьих, адаптация мигрантов предполагает активную деятельность со стороны принимающих структур. Таким образом в понимании адаптации мигрантов предлагается делать акцент не на социокультурных условиях, а на экономической составляющей, которая включает недопущение дискриминации мигрантов на рынке труда, работу по трудовому договору, содействие повышению квалификации и т.д. [3, с. 8].

Четвертый подход, напротив, делает акцент на социальной стороне

адаптации, понимаемой как целостный, интегративный, процесс, который в случае успешности приводит к социальной интеграции, то есть к установлению оптимальных связей между мигрантами и обществом и дальнейшее их превращение в единую, целостную систему. Таким образом, адаптация рассматривается как начальная стадия интеграции, но к самой интеграции она может не привести [4].

В соответствии с пятым подходом существуют различия между культурным и структурным измерением социальной адаптации. Культурное измерение включает в себя поведенческие паттерны, язык, нормы морали, религию; структурное же измерение относится к положению иммигранта в социально-экономической и политической сферах жизни общества и охватывает его права, власть, доступ к благам (материальным и нематериальным) [5].

В настоящей статье под адаптацией мигрантов предлагается понимать процесс активного освоения иностранным гражданином правовых, культурных, социальных, экономических основ, принципов и традиций, действующих в конкретной принимающей социальной среде в целях приспособления к жизнедеятельности принимающего сообщества. Изучение социологических аспектов адаптации мигрантов к условиям жизни и работы во Владимирской области, а также факторов адаптации постоянных жителей области к притоку иностранной рабочей силы, становится важной частью мониторинга социального самочувствия и социального согласия в регионе, ужу 9 лет проводимого Владимирским филиалом РАНХиГС по заданию Правительства субъекта федерации.

В августе – сентябре 2024 г. методом анкетирования опрошены 300 граждан из Таджикистана и Узбекистана, прибывших с целью осуществления трудовой деятельности на территорию Владимирской области. В ходе исследования изучались социальная и культурная составляющие адаптации мигрантов. Анализ производился по следующим эмпирически выделенным параметрам:

1. Особенности нахождения в стране (срок проживания, первый раз или нет).
2. Семейное положение (семья, дети).
3. Образование.
4. Профессиональные навыки и сфера труда.
5. Культура и язык (знание русского языка, местной культуры и традиций, конфессиональная принадлежность).
6. Отношения с местным сообществом
7. Привычные практики и образ жизни, включая удовлетворенность

жизнью.

Большинство опрошенных трудовых мигрантов находится в области более года (56%), что говорит, в целом, об устоявшейся структуре миграции. Модальным оказался срок пребывания от 3 до 5 лет (24,3%), каждый пятый находится в области от 1 года до 3-х лет (19,3%). Свыше 5 лет в области живет и работает каждый пятый из изученных мигрантов (11,4%). Тем не менее, довольно большая доля мигрантов – 33,4% – находятся в области менее года (11,7% отказались отвечать на вопрос). В результате средний срок пребывания среднего мигранта во Владимирской области составил 2,9 лет.

Отметим и то, что более 75% респондентов уже не в первый раз находятся в области, что также подтверждает устойчивость и системность миграционных практик.

Интересны ответы на вопрос о планах остаться во Владимирской области. Только 20% мигрантов твердо заявляют о том, что у них есть такие планы. 44% респондентов связывают свое пребывание в регионе только с наличием работы. При этом, 36% мигрантов предпочитают отказаться от прямого ответа на этот вопрос.

Более половины мигрантов заявляют о занятости в сфере торговли (29,6%) и строительства (22,7%). Относительно заметные доли мигрантов заняты в сфере услуг (14,8%), занимаются уборкой территории и вывозом мусора (13,1%), а также работают в сельском хозяйстве (10,3%). В промышленном производстве заняты лишь 5,2% ответивших на вопрос. Таким образом, основная масса трудовых мигрантов работает в сферах, не требующих высокого уровня квалификации.

Важнейшим элементом адаптации в любое общество является знание местного языка. Следует учитывать, что мигранты сдают экзамен по русскому языку. По всей видимости, именно в связи с этим, почти 33% респондентов предпочли не отвечать на этот вопрос. Честно признались, что не владеют русским языком, лишь 6,3% ответивших, а еще 15,7% отметили, что знают русский язык недостаточно хорошо.

Только 16,3% респондентов заявили, что свободно владеют русским языком, а 29% мигрантов утверждают, что владеют русским языком хорошо.

Очевидно, что даже такой заявленный уровень адаптации сложно назвать удовлетворительным.

Похожая картина выявляется и в вопросе о знании российской культуры и истории. Вновь обращает на себя внимание большая доля отказов от ответа (32,7%). Ответили, что знают плохо или совсем не

знают историю и культуру России, соответственно 3% и 2%. Почти 30% респондентов заявили о наличии среднего уровня знаний.

При этом, 14% мигрантов твердо уверены, что знают российскую историю и культуру очень хорошо, а 19,3% - просто хорошо.

Очевидно, что эти самооценки требуют серьезной проверки и их следует воспринимать, скорее, как самопрезентацию, чем как реальность.

Гораздо в большей степени об уровне социокультурной адаптации мигрантов можно судить по ответам на вопрос о том, какие из норм и обычаев, распространенных в РФ, им не нравятся.

Отметим, что на этот раз доля затруднившихся с ответом уменьшилась до границ нормы и составила 13,7%.

Более 20% респондентов отметили, что им не нравится культура поведения в общественных местах, примерно такая же доля респондентов указала, что им не нравится манера одеваться, чуть меньше (17,7%) отметили, как неподобающую, традицию употребления алкоголя. Указанные три позиции набрали в сумме более 60% голосов респондентов.

В целом, данный выбор не кажется слишком противоречащим местным нормам и традициям и хорошо подчеркивает имеющиеся кроскультурные различия.

Адаптация мигрантов – в каком-то смысле двусторонний процесс, в котором задействованы и сами мигранты, и принимающее сообщество.

Одним из важнейших параметров, по которым можно судить об успешной адаптации мигрантов, является характер отношений с местным сообществом.

На вопрос, какие отношения складываются с местным населением, респонденты дают вполне позитивные ответы. Более 40% мигрантов оценивают эти отношения как хорошие, дружественные или спокойные, нейтральные. Для 16% эти отношения характеризуются как безразличные.

Для 18% опрошиваемых отношения с местным населением представляются неблагоприятными, хотя и без открытых конфликтов. И, наконец, только 5,3% оценивают отношения с местным населением как открытое противостояние. Каждый пятый вновь предпочел не отвечать на это вопрос.

На вопрос об оценке качества своей жизни в России, почти 40% респондентов отвечают «Хорошо», а 16,7% - «Отлично». Варианты «Плохо» и «Очень плохо» выбирают всего лишь 2% и 6% соответственно. Удовлетворительно оценивают качество своей жизни в

России 27,3% опрошенных. В итоге, средний балл оценки качества своей жизни по пятибалльной шкале составил 3,7 балла. Интересно, что доля отказов от ответа на этот вопрос составила всего 9%.

Взятые сами по себе результаты ответов на этот вопрос могут нарисовать картину успешной адаптации большинства респондентов. Однако, если брать все полученные в результате опроса данные, то искренность ответов опрошенных мигрантов можно поставить под сомнение. Скорее всего, в своих ответах на этот вопрос они приукрашивают собственное положение и качество жизни.

В ходе исследования изучалась также структура основных опасений мигрантов. Анализ показал, что опасения, связанные с рисками адаптации и взаимоотношениями с местным населением не входят в число самых важных.

Больше всего волнует респондентов потеря работы (22,2%), экономический кризис в России (18,3%), возможность выдворения из России (14,8%), возможность мобилизации в армию России (14,4%).

Однако, отметим, что почти 14% респондентов выбрали вариант «Болезни, трудности с получением медицинской помощи», как основное опасение.

Отвечая на вопрос «Сталкивались ли с ущемлением своих прав и свобод из-за национальности во Владимирской области?», 32,2% опрошенных затруднились дать ответ. 43,3% указали, что сталкивались. И только четверть респондентов ответили, что не сталкивались.

Среди трудностей, которые испытывают мигранты во Владимирской области, выделяется, прежде всего, трудоустройство (25,3%). Остальные трудности тревожат мигрантов в гораздо меньшей степени.

Выделим такую позицию, как «Сложности соблюдения законодательства» (15,4%). Очевидно, что значительная часть мигрантов не очень хорошо знает требования российского законодательства, но вряд ли признается в этом в ходе опросных мероприятий, и вряд ли вообще будут специально задумываться о том, как эти требования соблюсти, действуя рутинно и в соответствии со сложившимися практиками.

С этой точки зрения, респонденты, которые выбрали позицию «Сложности соблюдения законодательства», видимо, задумываются над требованиями законов и хотели бы этим требованиям соответствовать, но испытывают сложности в силу разных причин – трудности с языком, неясность самих требований и т.д. В этом случае, доля, ответивших таким образом мигрантов, не так уж и мала, причем именно она может

являться потенциальной базой для успешной адаптации.

На вопрос о том, чего не хватает во Владимирской области, более 37% опрошенных уверенно отвечают, что им не хватает юридической поддержки и помощи в оформлении документов. 34% мигрантов признают, что им не хватает Центров изучения русского языка. 24,7% мигрантов утверждают, что не хватает услуг адвокатов или юристов.

В гораздо меньшей степени не хватает мигрантам культурных мероприятий (15,6%), помощи в поисках жилья (15,6%).

5,5% опрошенных считают, что их всё устраивает.

Таким образом, проведенный опрос позволяет заключить, что **уровень социальной и культурной адаптации мигрантов, граждан Таджикистана и Узбекистана в целом довольно невысокий.**

Подводя итог, выделим Основные факторы, препятствующие социальной и культурной адаптации мигрантов. Исходя из полученных в ходе опроса результатов к таковым можно отнести следующие:

- Языковой барьер, плохое знание русского языка большинством мигрантов из ЦАР.

- Плохое знание российского законодательства и требований законов.

- Плохое знание местных норм, правил, традиций, культуры и истории.

- Слабая включенность мигрантов в практики местной социальной и культурной жизни.

- В то же время, можно выделить и факторы, стимулирующие социальную и культурную адаптацию мигрантов:

- Удовлетворенность качеством жизни во Владимирской области.

- Востребованность на рынке труда региона.

- Доброжелательные отношения с представителями местного сообщества.

К числу амбивалентных факторов социальной и культурной адаптации мигрантов можно отнести такие, как стремление сохранить свой язык и культуру и выстраивание взаимоотношений и коммуникаций только с узким кругом людей такой же национальности.

Библиографический список

1. Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // Социс. 1994. № 8/9. С. 4.

2. Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/upload/wp_migration_413.pdf

3. Ивахнюк И.В. Некоторые методологические и практические вопросы

политики интеграции мигрантов в России. – Сборник статей под ред. Ионцева В. А. Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? – Проспект, 2016. С. 8.

4. Леденева, В. Ю. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов: монография. Режим доступа: <https://docplayer.ru/35961832-V-yu-ledenyova-modeli-socialnoy-adaptacii-i-integracii-trudovyh-migrantov-monografiya.html>

5. Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования. – Режим доступа:

<http://cheloveknauka.com/migratsionnye-protsessy-teoriya-metodologiya-i-praktika-sotsiologicheskogo-issledovaniya>

6. Евстифеев Р.В., Петросян Д.И., Соколова М.В. Основные тенденции трудовой миграции во Владимирской области в пандемийный и постпандемийный период// Российская государственность и время: роль времени в развитии социально-политических институтов и человека (к 1160-летию российской государственности и 350-летию со дня рождения Петра Первого), 14 октября 2022 г. с. 34 – 41

7. Петросян Д.И. Влияние международной трудовой миграции на состояние межэтнических отношений в регионах Центральной России// Материалы IX Международной научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений», Краснодар, КГУ, 7 декабря 2023 г., с. 350-357

ИНТЕГРАЦИЯ VS РЕПАТРИАЦИЯ: ОПЫТ АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ НАГОРНОГО КАРАБАХА В г. КРАСНОДАРЕ

INTEGRATION VS REPATRIATION: EXPERIENCE OF ARMENIAN REFUGEES FROM NAGORNO-KARABAKH IN KRASNODAR

А.А. Барсегян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

А.А. Barsegyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного в 2024 г. среди армянских беженцев из Нагорного Карабаха (Арцаха), которые были вынуждены покинуть регион, после эскалации армяно-азербайджанского конфликта в 2023 г., и выбрали в качестве нового места проживания г. Краснодар. Результаты исследования позволяют проследить траекторию миграции беженцев, раскрывают основные проблемы, препятствующие благоприятной адаптации и интеграции в принимающее сообщество, а также дают возможность понять миграционные планы и раскрыть репатриационный потенциал переселенцев. Помимо этого, рассмотрены такие аспекты как государственная поддержка беженцев как в Армении, так и в России, и трансформация идентичности.

Annotation. The article presents the results of a study conducted in 2024 among

Armenian refugees from Nagorno-Karabakh (Artsakh), who were forced to leave the region after the escalation of the Armenian-Azerbaijani conflict in 2023, and chose Krasnodar as their new place of residence. The results of the study allow us to trace the migration trajectory of refugees, reveal the main problems that impede favorable adaptation and integration into the host community, and also provide an opportunity to understand migration plans and reveal the repatriation potential of migrants. In addition, such aspects as state support for refugees both in Armenia and Russia, and identity transformation are considered.

Ключевые слова: беженец, миграция, Нагорный Карабах, Армения, адаптация, диаспора, интеграция, репатриация, идентичность, межэтнические отношения.

Keywords: refugee, migration, Nagorno-Karabakh, Armenia, adaptation, diaspora, integration, repatriation, identity, interethnic relations.

Введение. Последние десятилетия в мире отличаются чрезвычайно высоким уровнем миграционной активности, в этот процесс включены в той или иной степени практически все страны. Согласно данным МОМ, опубликованным в «Докладе о мировой миграции за 2024 год», в мире насчитывается 281 миллион международных мигрантов, а число перемещенных лиц достигло 117 миллионов [2]. Верховный комиссар ООН по делам беженцев Филиппо Гранди призвал к «срочной международной поддержке», поскольку число вынужденных переселенцев во всем мире достигло 123 миллионов, а продолжающиеся конфликты приводят к дальнейшему перемещению населения [5]. Нескончаемая цепочка эскалации старых и появления новых конфликтов приводит к росту числа беженцев и вынужденных переселенцев, и, несмотря на то, что международная миграция продолжает оставаться движущей силой человеческого развития и экономического роста, она несёт с собой ряд рисков, как для самих переселенцев, так и для принимающих их сообществ.

Столкновение интересов двух стран Закавказского региона: Армении и Азербайджана, за территорию Нагорного Карабаха продолжается более ста лет, однако наиболее активные фазы конфликта приходятся на 1987-2023 гг. После подписания указа о прекращении существования Нагорно-Карабахской Республики, вступившего в силу 1 января 2024 года, практически всё армянское население покинуло эту территорию. Начальник Службы миграции и гражданства МВД РА Армен Казарян на итоговой пресс-конференции 2023 года сообщил, что по состоянию на январь 2024 года на учет поставлены данные 115 тысяч насильственно перемещенных из Нагорного Карабаха граждан. В период с сентября 2023 г. по январь 2024 г. через воздушные и наземные пункты пропуска через государственную границу РА страну покинули 12 203 граждан Нагорного Карабаха, из них вернулись 5 770 человек. Таким

образом, по состоянию на январь 2024 года число выехавших из РА и не вернувшихся граждан Нагорного Карабаха составляет 6433 человека [3].

Отмечается, что основным направлением миграции беженцев из Арцаха выступает Юг России. Этому способствуют давно обосновавшаяся здесь и прочно закрепившая свои позиции армянская диаспора, а также специфическая этническая составляющая региона, характеризующаяся наличием большого процента армянского населения.

Целью данного исследования является анализ проблем и трудностей связанных с адаптацией вынужденных мигрантов из Нагорного Карабаха в новое социокультурное и правовое пространство, выявление факторов влияющих на эти процессы.

Методология исследования. В рамках социологического подхода к изучению миграционных процессов обычно выделяют несколько направлений, которые разрабатывались в основном зарубежными учеными. Так, например, позитивистский подход связан со стремлением вскрыть объективные закономерности миграций с целью оценки их социальных последствий и определения эффективности управленческих мер. Суть этого подхода состоит в том, что миграционное поведение каждого отдельного индивида или семьи рассматривается как результат индивидуального выбора, зависящий от целого ряда факторов – географических, экономических, экологических и т.д. Характерным примером данного подхода могут служить работы М. Тодаро. Важнейшим мотивом миграционного поведения позитивисты рассматривают заинтересованность индивида или семьи в улучшении своего положения, и, прежде всего, в повышении дохода [1. с. 10].

Методология структурного функционализма ориентирована на исследование детерминирующих миграции – социальных факторов, в их системно-функциональном единстве (Т. Парсонс). Согласно данной теории миграции населения оказывают влияние на длительные социальные трансформации, происходящие в общностях людей, и, таким образом, выполняют устойчивые социально значимые функции либо вызывают дисфункциональные состояния (Э. Дюркгейм) [1. с. 11].

В свою очередь, представители ассимиляционной теории (М.М. Гордон, О. Хандлин) основываются в своих исследованиях на принципе однолинейности процесса адаптации иммигрантов к обществу страны въезда. В связи с этим, ассимиляционная теория представляет собой частный случай более общей функционалистской парадигмы в социологии, применяемой к вопросам иностранных меньшинств.

Большой интерес у современных исследователей миграции вызывает концепция pull / push (притяжения-выталкивания), авторами

которой являются Г. Джером, Е. Ли. Суть данной концепции состоит в следующем: для того чтобы люди захотели изменить привычное для них место жительства, необходимы условия, заставляющие их переселиться в другие города, регионы, страны. Такие условия можно разделить на три основных типа: выталкивание, притяжение и пути миграции. Данная модель анализа миграционного процесса, является довольно популярной как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях миграции [1. с. 12].

Этносоциологический подход, представленный работами К. Дэвиса, начал активно развиваться, когда стало необходимым учитывать влияние на миграционное поведение людей не только их индивидуальных предпочтений, но и тех социальных групп, в состав которых они входят. В целом, этносоциологическое направление представляет собой новый, более глубокий уровень понимания механизмов миграции, неотделимый от учета исторических традиций народа, в том числе отражающих прежний миграционный опыт [1. с. 13].

Методика исследования. Сбор первичных эмпирических данных осуществлялся с помощью качественного метода – глубинного полуструктурированного интервью. Интервью проводились среди армянских беженцев из Нагорного Карабаха (Арцаха) в г. Краснодаре (5 интервью), которые представляют одну миграционную волну (после событий сентября 2023 г.), со схожей миграционной траекторией – из НКР в Республику Армения, а из РА в Россию.

Результаты исследования. На протяжении многих лет Россия является одной из самых привлекательных стран назначения для мигрантов из Армении. Это обусловлено не только тесными многовековыми дружественными отношениями между странами, но и рядом социально-экономических и политических причин. Несмотря на то, что по настоящее время трудовая миграция является первостепенной, добавляется ряд новых факторов, влияющих на структуру и направления миграционных потоков.

После эскалации армяно-азербайджанского конфликта в сентябре 2023 г. РА приняла практически все население Нагорного Карабаха (Арцаха), однако часть беженцев вскоре перебралась в Россию.

Рассмотрим основные причины переезда, отмеченные беженцами в процессе интервью.

Ну, знаете, почему все хотят в Россию? Во-первых, там (в Армении) нас не приняли. Вот в 2020 году они очень хорошо нас приняли, а в 2023 уже какая-то там ненависть прошла, не знаю. Многие, ну, не все поголовно, нет, но многие нас не принимали, они даже нам нагло

в лицо объявляли: «Зачем, вы приехали? Вы с ними и жили. С азербайджанцами у вас общение было. Для вас это не дико, могли бы остаться там, жить с ними». Лично я вот это не смогла пережить. У меня был стресс (жен., 64 г.).

Ну, хотелось бы, конечно, жить на родине. Но обстоятельства сложились так, что там (в Армении) жить в два раза сложнее, чем тут. С работой проблемы, большие цены на аренду дома, квартиры, даже места работы. Например, если в Арцахе у нас с сестрой был салон, то здесь для этого нужны были большие прям деньги. Ну все варианты обдумываешь в голове и понимаешь, что для тебя лучше жить в России, тем более у меня мама гражданка России, поэтому мы решили переехать сюда. И у меня сестра тут со времен блокады. (жен., 29 лет).

Ну, честно говоря, первое, что повлияло, это климат. Близкий к арцахскому. И потом, многие из Арцаха сюда переехали, как-то хотелось быть поближе, чтобы с нашими быть. (жен., 32 г.).

И это (разделение) чувствовалось очень сильно. Я даже, когда в транспорте ехала с ребенком, и мой ребенок на карабахском что-то говорил мне, я постоянно в напряжении была, потому что я знала, что кто-то сзади точно что-то скажет, или просто подумает. Вот из-за этого туда вообще вернуться не хочу. И когда я пришла сюда, напряжения вообще не чувствовала, ты тут спокоен. Я могу с балкона спокойно ребенку на нашем языке что-то сказать или в магазине, или на улице, и не напрягаться из-за того, что кто-то что-то скажет в адресе моего ребёнка или мне, потому что тут нету такого. Я себя как здешняя чувствую, никто не говорит: «ну ты из Армении», или «ты вообще не русская», или что-то другое, нет, тут нету этого. (жен., 32 г.).

Таким образом, выделяются следующие причины, миграции из РА в РФ: высокая социальная напряженность между беженцами и местными жителями, сопровождающаяся языковыми притеснениями, возникшая на почве того, что НКР прекратила свое существование, и армянский народ покинул эти земли. Также повлияли неспособность финансово обеспечивать достойный уровень жизни в Армении, наличие в России родственников, близкий к арцахскому климат и желание поселиться ближе к соотечественникам. Стоит отметить, что каждый респондент в процессе интервью особо подчеркивал оказание социального давления со стороны местных жителей как одну из главных причин переезда.

Основные трудности, с которыми сталкивается беженец в принимающей стране, связаны либо с психологическими, либо с

юридическими аспектами, а также сложностями с трудоустройством.

Это ужасное состояние я несколько месяцев тут вообще не выходила из дома даже в магазин. Я хотела просто быть дома. Это психологическое состояние, это шок и стресс после того взрыва, то, что я видела собственными глазами, кадры войны. Я, когда переехала сюда, не могла привыкнуть, что тут летают самолеты, вертолеты, это был ужас. Страшно. Это было страшно, да. Я понимаю, что это нормально, но никак не можешь приказать сердцу, мысленно понять, что это нормально, и каждый раз я наклоняю голову и думаю, что снаряды опять. Это, мне кажется, пока еще надолго останется. Но потихоньку с помощью сестры я начала выходить в люди, жизнь продолжается. И если кто-то спрашивает, что ты с собой забрала из своего дома, я всегда отвечаю «жизнь», потому что очень много людей остались там. То есть я уже богатый человек. Это очень страшно жить без Родины, без земли, без дома, без работы, без всего. Хотя я забрала кусочек земли с собой. Это связано не только с деньгами, остальные можно опять начать с нуля, заработать, хотя тяжело нам приходится (жен., 29 лет).

С документами, например, мы не знали сначала, куда обратиться, если какие-то проблемы были. Но у нас там был очень отличный юрист (в диаспоре), хороший человек *имя*, она всем арцахцам очень хорошо помогла, прям день и ночь работала с нами. Она нам говорила, что вот нужно пойти сюда, вот нужно собрать эти документы, если что-то понадобится, я соберу для вас, а если у вас что-то не хватает, вот нужно обращаться сюда. Статус беженца мы получили в Армении, там были выплаты на человека 50 тыс. драм, а в России статус не получали, трудно, но подавали другие документы, ВНЖ, через маму я буду получать гражданство (жен., 29 лет).

Травма пережитого, незнакомая страна и обстановка во многом препятствуют быстрой адаптации, об этом упоминает большинство респондентов. Что касается трудностей с документооборотом, респонденты отмечают, что так как они имеют армянские паспорта, получение статуса беженца не представляется для них возможным в России, следовательно, они вынуждены вовлечь себя в еще более сложный и долгий процесс оформления ВНЖ или гражданства РФ. Проблему осложняет тот факт, что паспорт НКР приравнивается к паспорту Армении, что не дает право бывшим гражданам НКР на получение статуса беженца в РФ.

Рассматривая роль диаспоры в процессе переезда и адаптации можем отметить, что она оказала огромную помощь в устранении

юридических проблем и вопросов, связанных с психологической поддержкой беженцев.

Ну да, я слежу за краснодарской диаспорой, у меня группа тоже есть. Но я не успеваю никуда ходить из-за работы. Но все я это вижу, смотрю. Там знаю, что люди куда-то уезжают, концерты устраивают. (ж., 40 лет).

Например, я не скажу, что они (диаспора) помогли с деньгами, или с вещами. Нет, это не про это. Там была бесплатная юридическая помощь. Это самое главное для тех армян, которые вообще не знают тут законы, например (ж., 29 лет).

Респонденты упомянули также о том, что отдельные представители армянской диаспоры в Краснодаре оказали им гуманитарную помощь в первые месяцы после переезда и помогали в вопросах с трудоустройством.

Миграционные планы беженцев не включают переезд из России из-за совокупности экономических, юридических и психологических факторов.

Нет-нет-нет. Возвращаться пока не думаю, потому что уже мы здесь обосновались и работаем, как бы все нормально. Вот муж уже подал документы на получение ВНЖ, а моя мама тоже придет и получит гражданство на днях. И я тоже подам на ВНЖ. Пока здесь, если все получится, посмотрим, что делать дальше (жен., 40 лет).

В Арцах вернуться, честно говоря, это такой сложный вопрос. Оттуда так тяжело было уехать, я не знаю, каково будет, потому что очень многое изменилось, особенно за последнюю неделю там, или последний день, когда мы там были. Смотрите, вот дело даже не только в политическом положении, какое будет, чтобы вернуться туда, чем такое эмоциональное. То есть мы думаем, что мы когда вернемся, там будет все по-старому. Но я знаю, что даже если все будет хорошо, мы не вернемся туда. Но лично я, я не смогу так жить, потому что жизнь моя очень изменилась. Очень многих людей я потеряла там (жен., 32 года).

Россия предлагает им чувство безопасности и возможность начать новую жизнь, что делает ее привлекательным местом для постоянного проживания. Но несмотря на это, беженцы утверждают, что часть из них возвращается из России в Армению ровно по тем же причинам: финансовая несостоятельность и психологический барьер на жизнь за пределами Родины, ностальгия по ней. Юридические трудности с оформлением статуса, дающего право на проживание в России, могут стать дополнительным препятствием для интеграции. Таким образом,

сложно делать какие-либо прогнозы и однозначные выводы о репатриационном потенциале беженцев из НКР.

Привлекательность России для долгосрочного проживания беженцев ограничена, и она не может выступать устойчивым решением их проблем без дополнительных мер по улучшению условий интеграции. Но мы можем предположить, что даже если какой-то процент людей выбирает для себя путь репатриации, их число не превышает число тех, кто остался, и вполне вероятно, что большинство по примеру своих предшественников (например, из других миграционных волн) останется и обоснуется в России.

Я родиной считаю Армению. Для меня этого по отдельности не было, не будет. И сколько бы там не хотели между собой поссорить людей: арцахцев, ереванцев, например, там отделить друг от друга, для меня это единое целое. Если нет Арцаха – моя родина Армения. Общая моя родина – это Армения (жен., 64 г.).

В ходе исследования выяснилось, что несмотря на то, что беженцы отмечают высокую социальную напряженность в Армении, для них нет существенной разницы между армянами, проживающими на территории РА, приехавшими из НКР и армянами из России. При этом все респонденты отметили, что идентифицируют себя в первую очередь как карабахцев (арцахцев) и их Родина Арцах, что говорит о том, что региональная идентичность у беженцев сохраняется и преобладает. Это подчеркивает важность Арцаха для их самоопределения, несмотря на признание Армении своей общей родиной.

Заключение. Миграция беженцев из Нагорно-Карабахской Республики в Армению, а затем в Россию, является лишь частью глобального потока территориальных перемещений людей, который продолжает набирать актуальность в современном мире. Беженцы, находясь в наиболее уязвимом положении, остро нуждаются как в государственной поддержке, так и в психологической, экономической и прочих формах помощи.

События 2023 года стали новым витком в истории Армении, выявив проблему, ранее не поднимавшуюся в контексте изучения сплоченности армянского народа. Конфликт в Нагорном Карабахе обострил социальную обстановку и привел к напряженности в отношениях между беженцами и местным населением Армении, что, в свою очередь, вызвало новый отток населения. Особенностью этого периода стало то, что первопричиной миграции выступают не внешние угрозы, как это было в прошлом, а внутреннее разобщение среди представителей одного народа из разных регионов. В этой сложной ситуации Россия выступает

как нейтральная зона, где социальное напряжение существенно ниже благодаря национальному многообразию. Стоит отметить, что армянская диаспора, оставаясь одной из крупнейших в мире, быстро и эффективно реагирует на новые вызовы, оказывая значительную поддержку беженцам. Однако оценка миграционных планов и репатриационного потенциала говорит об их неоднозначности. Несмотря на первоначальное восприятие России как благоприятного места для проживания, многие беженцы испытывают трудности с адаптацией и продолжают возвращаться в Армению. По результатам исследования, мигранты за прошедший год частично освоились к новой жизни, однако трансформации в их идентичности, связанной с переездом в Россию, не произошло. Несмотря на вызовы, с которыми сталкиваются беженцы, их адаптация идет своим чередом, подтверждая их устойчивость и способность сохранять свою культурную идентичность.

Библиографический список

1. Глазкова Л.А. Социологический подход к изучению миграционных процессов населения в зарубежных исследованиях // Нука и современность. 2010. № 51. С. 10-14..
2. Доклад о мировой миграции на 2024 год – Глобальные тенденции и проблемы в области мобильности людей // News Central Asia : сайт – 2024. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/05/09/doklad-o-mirovoy-migratsii-za-2024-god-globalnyye-tendentsii-i-problemy-v-oblasti-mobilnosti-lyudey/> (дата обращения 28.10.2024).
3. Сколько насильственно перемещенных арцахцев покинули Армению? // Fact investigation platform : сайт – 2024. – URL: <https://fir.am/ru/38312> (дата обращения 26.10.2024).
4. Хот 3.3. Методологические подходы к изучению миграционных процессов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. № 1 (334). С. 201-206.
5. Число беженцев в мире достигло 123 млн и продолжает расти // Организация объединенных наций: сайт – 2024. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458121> (дата обращения 08.11.2024).

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

THE ARMENIAN DIASPORA OF THE KRASNODAR TERRITORY: FEATURES OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT

В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

V.N. Rakachev, Ya.V. Rakacheva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлен социально-демографический профиль армянской диаспоры в Краснодарском крае, регионе, где проживает около четверти армянского населения России. В качестве эмпирического материала использованы данные всеобщих переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. Показаны изменения в демографическом профиле диаспоры за межпереписные периоды, прежде всего, с точки зрения возрастной структуры, соотношения полов, родного языка, уровня образования и других характеристик. Проведенный анализ показывает, что изменения в демографических характеристиках армянского населения региона в целом воспроизводят основные тенденции демографического развития, характерные для современных обществ совершивших демографический переход, а именно: для них характерны интенсивные процессы старения, снижения доли детей в населении вследствие низкой рождаемости, увеличения доли пожилых как следствие роста продолжительности жизни, и в целом рост демографической нагрузки при сокращении демографического дивиденда.

Annotation. The article presents the socio-demographic profile of the Armenian Diaspora in the Krasnodar Territory, a region where about a quarter of the Armenian population of Russia lives. Data from the 2002, 2010 and 2020 general population censuses were used as empirical material. The changes in the demographic profile of the diaspora over the inter-census periods are shown, primarily in terms of age structure, sex ratio, native language, education level and other characteristics. The analysis shows that changes in the demographic characteristics of the Armenian population of the region as a whole reproduce the main trends of demographic development characteristic of modern society, namely: they are characterized by intensive aging processes, a decrease in the proportion of children in the population as a result of low fertility, an increase in the proportion of the elderly as a result of an increase in life expectancy, and in general, an increase in the demographic burden reducing demographic dividends.

Ключевые слова: армянская диаспора, перепись, демография, Краснодарский край, демографические процессы, демографический портрет

Keywords: Armenian Diaspora, census, demography, Krasnodar Territory, demographic processes, demographic portrait

Введение. Армянская диаспора Краснодарского края является самой многочисленной в России. При этом ее социально-демографический облик постоянно меняется как в силу естественных процессов

воспроизводства, аккультурации и ассимиляции, так и в результате активных миграций. Так если в 1989 г. здесь проживало более 2/3 (62,4%) всего армянского населения Юга России и более трети (34,2%) всех армян РСФСР, то в последующие годы эти показатели заметно снижаются, меняются и социально-демографические характеристики населения, составляющего диаспору.

Цель данной статьи – на основе данных Всеобщей переписи населения РФ 2020 г. определить основные социально-демографические характеристики армянской диаспоры Краснодарского края, а также опираясь на данные переписей 2002 и 2010 гг. показать динамику основных демографических показателей армянского населения региона.

Результаты анализа. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Краснодарском крае проживало около 300 тыс. армян (281 680 чел.), что составляло 5,4% от всей численности населения края. 53,8% армян в крае – городские жители, 46,2% – сельские. Соотношение мужчин и женщин, по прежнему, показывало половой дисбаланс и свидетельствовало о значительной доли мигрантов в составе диаспоры (51,3 и 48,7%) [Рассчитано по: 1].

Территории традиционного проживания определенных этносов и этнических групп в крае, в том числе и армян в основном сохраняются. По-прежнему большая часть армянского населения локализована в Сочинском, Краснодарском, Армавирском, Новороссийском, Геленджикском а также в Апшеронском и Анапском (с г. Анапой) районах края. В сравнении с предшествующим периодом плотность армянского населения в пределах этих территорий существенно возросла.

В настоящее время армянская диаспора относится к самым большим по численности этническим группам Краснодарского края. на ее долю в регионе приходится 5,4% всего населения. Однако, численность армян на Кубани за период с 2010 г. по 2020 г. сократилась почти на четверть (25%), и по данным Всероссийской переписи 2020 г. она составила 211 132 чел. [Рассчитано по: 2]

Несмотря на сокращение численности армян в крае в межпереписное десятилетие, Кубань сохраняет за собой статус территории с наибольшей долей армян, проживающих в РФ. Здесь сосредоточено 22,3% всех армян России (в 2010 г. – 23,8%) и 47% (в 2010 г. – 47,3%) армянского населения, проживающего в южных регионах страны [Рассчитано по: 3].

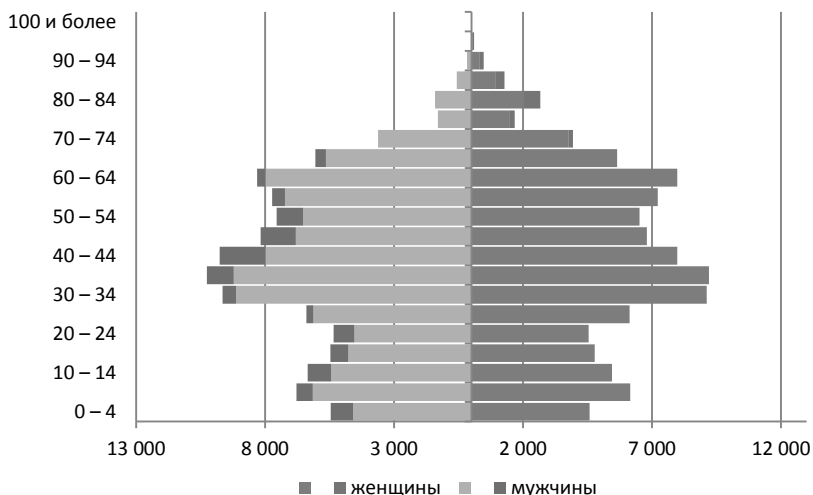

Рисунок 1 – Армянское население Краснодарского края по возрастным группам и полу, 2020 г., чел. [2]

При этом в диаспоре усилилась половая диспропорция в пользу мужчин – 52,3 и 47,7%. Изменилась и поселенческая структура, теперь более половины армян в крае проживают в сельской местности – 50,1%, 49,9% – горожане [Рассчитано по: 2].

Частично эти трансформации можно объяснить возвратными миграциями в Армению, ростом транснациональных миграционных перемещений, миграциями армян из края в другие (прежде всего, столичные) регионы России, а также процессами депопуляции.

Показательно, что при всех трансформациях, возрастная структура, и, прежде всего, преобладание мужского населения в молодых и активных возрастах, в диаспоре сохраняется и является ее специфической характеристикой. Однако, определенные изменения все таки наблюдаются и здесь, что является результатом универсальных демографических тенденций. В частности, у армян края, как в целом у населения региона и страны проявляются процессы старения: сокращается доля детей и молодежи, растет доля пожилых (рис. 1).

Доля детей в возрасте до 15 лет в диаспоре с 2002 по 2020 г. сократилась на 4,2% (с 21,6 до 17,4 %), а пожилых, напротив, выросла на 5,5% (с 16,2 до 21,7%). Вместе с тем, сократилась, хотя и незначительно, доля трудоспособного населения – на 1,3% (с 62,2 до 60,9%) [Рассчитано по 2] (рис. 2).

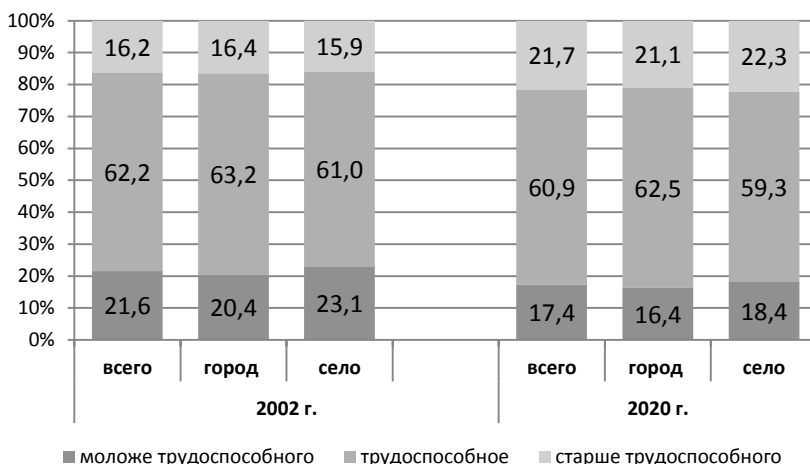

Рисунок 2 – Соотношение основных возрастных групп в армянском населении Краснодарского края, % [2]

Такая ситуация усиливает демографическую нагрузку в диаспоре. Если в 2002 г. на 100 трудоспособных армян в крае приходилось 35 детей и 26 пожилых, то в 2020 г. хотя нагрузка детьми немного снизилась и составила 29 / 100, нагрузка пожилыми выросла и составила 36 / 100. Соответственно, выросла и общая нагрузка с 61 до 64 чел. нетрудоспособных на 100 человек трудоспособного населения [Рассчитано по: 2].

Сильнее эти процессы выражены у армян, проживающих в городских поселениях края, в меньшей степени в сельском населении (рис. 3).

Уровень образования и, прежде всего, наличие профессиональной подготовки, является важным социально-демографическим показателем, характеризующим качественное состояние населения, и одновременно выступает важным капиталом, позволяющим этому населению самореализоваться.

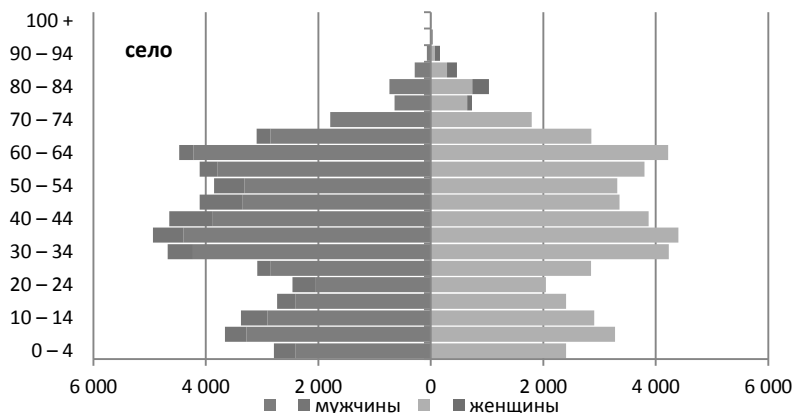
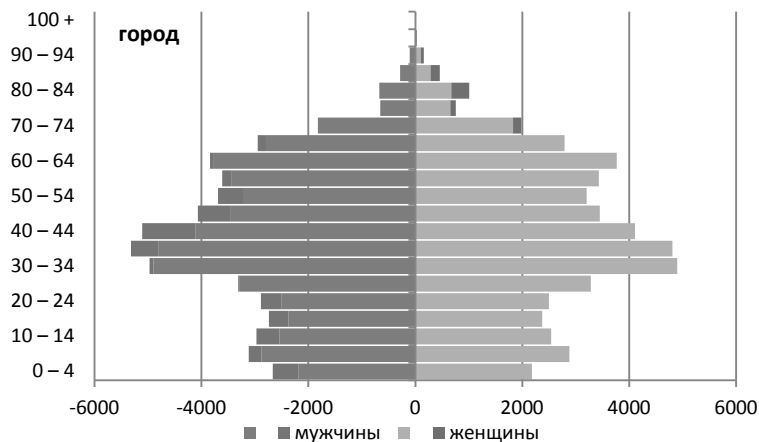

Рисунок 3 – Армянское население Краснодарского края по возрастным группам и полу, 2020 г., чел. [2]

Согласно данным Всероссийской переписи 2020 г. доля специалистов высшей квалификации и лиц, имеющих высшее образование среди армян края составляет 16,3%, в том числе окончили магистратуру 0,9%, специалитет – 8,8%, бакалавриат – 4,8%, имеют неоконченное высшее образование (в том числе продолжают обучение в вузах) – 1,8%. Кроме того, доля кадров высшей квалификации (кандидаты, доктора наук и др.) составляет 0,8% [Расчитано по 2] (табл. 1).

Таблица 1 – Доля лиц среди армян Краснодарского края имеющих профессиональное образование

Уровни образования	Все население		Мужчины		Женщины	
	чел.	% ¹	чел.	%	чел.	%
Кадры высшей квалификации	1 412	0,8	752	0,8	660	0,8
Высшее профессиональное образование						
всего	26 669	14,5	12957	13,5	13712	15,6
в том числе по уровням:						
магистратура	1 702	0,9	780	0,8	922	1,0
специалист	16 193	8,8	7977	8,3	8216	9,3
бакалавриат	8 774	4,8	4200	4,4	4574	5,2
неполное высшее (незаконченное высшее)	3 309	1,8	1797	1,9	1512	1,7

Как показывают данные переписи, доля лиц с высшим образованием в армянской диаспоре края несколько выше среди женщин. У женщин выше доля тех, кто имеет диплом магистратуры, специалитета и бакалавриата. Но среди мужчин выше доля тех, кто имеет незаконченное высшее образование (на 0,2%). Доля лиц высшей квалификации среди армян края у мужчин и женщин одинакова.

Процессы демократизации, начавшиеся в российском обществе с середины 1980-х гг., стимулировали возрождение и развитие родных языков, прежде всего путем создания национальных школ, а также различных языковых курсов при национально-культурных обществах.

По данным Департамента образования и науки администрации Краснодарского края, к концу 1997 г. армянский язык изучался в сорока двух школах с 4,8 тыс. учеников, из них полностью на армянском преподавание велось в шести школах Сочи (2 тыс. учащихся), как основной предмет преподавался в тринадцати школах (1 280 учащихся), факультативно и в кружках в двадцати трех школах (1 130 учащихся) [5].

В целом в армянской диаспоре переписью 2002 г. зафиксирована высокая доля лиц, определяющих, во-первых, армянский в качестве родного языка, и также указавших, что используют его в повседневном общении [6].

Тем не менее, процессы языковой ассимиляции в диаспоре идут

¹ % от указавших уровень образования

достаточно активно. В 2020 г. армянский язык в качестве родного в крае указали 138,7 тыс. чел., это 65,7% от числа тех, кто определил себя в ходе переписи как армянина или армянку. Чаще армянский как родной указывали жители сельской местности, чем горожане: 56,0 и 44,0% соответственно [Рассчитано по: 7].

По данным на 2020 г. из всех армян в крае 94225 чел. владели армянским языком. Это 44,6% от всех, кто определил себя в ходе переписи как армян. Из них 73698 чел (78,2%) используют его в повседневной жизни. Причем, владение языком и его использование в повседневной жизни выше у армян, проживающих в селах. Используют язык из тех, кто владеет им в городе 75,4%, в селе – 80,4% [Рассчитано по: 7].

Несмотря на высокую точность данных, представленных переписью населения, сведения о численности армянского населения Кубани необходимо уточнять в связи с тем, что миграционный обмен с Арменией продолжается: в край прибыли беженцы из Нагорного Карабаха, наблюдаются возвратные миграции, меняются траектории и характер трудовой миграции между странами и т.д.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ показывает, что за межпереписной период произошли существенные изменения в демографическом профиле армянской диаспоры края, прежде всего, с точки зрения возрастной структуры, соотношения полов, родного языка, уровня образования и других характеристик. Эти изменения в целом воспроизводят основные тенденции демографического развития характерные для современных обществ совершивших демографический переход, для которых характерны интенсивные процессы старения, снижения доли детей в населении вследствие низкой рождаемости, увеличения доли пожилых как следствие роста продолжительности жизни, и в целом рост демографической нагрузки при сокращении демографического дивиденда.

Библиографический список

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Краснодарский край. Т. 4. Национальный состав населения Таб.1. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2010> (дата обращения: 21.10.2024)
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Т. 5. Национальный состав населения. Таб. 15. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 21.10.2024)
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5. Национальный состав населения. Таб. 1. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 21.10.2024)
4. Всероссийская перепись населения РФ 2020 г. Т. 5. Национальный состав и

владение языками, гражданство. Табл. 1 URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 21.10.2024).

5. Справка Департамента образования и науки администрации Краснодарского края № 01-187 от 14.11.97 // Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае. М., 1996. С. 36.

6. Всероссийская перепись населения РФ 2002 г. Краснодарский край. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2002> (дата обращения: 21.10.2024).

7. Всероссийская перепись населения РФ 2020 г. Краснодарский край. Т. 5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Табл. 6 URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 21.09.2023).

РАЗДЕЛ VI. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВ

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ РИСКА КАТАСТРОФ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

SOCIAL MECHANISMS OF DISASTER RISK PERCEPTION: THEORY AND PRACTICE

В.Н. Сергеев

Университет гражданской защиты, г. Минск, Республика Беларусь

V.N. Sergeev

University of Civil Protection, Minsk, Republic Belarus

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов социального восприятия риска катастроф. Рассматриваются основные подходы к исследованию восприятия риска, в том числе психометрический подход, модель социального усиления риска и культурная теория. Автор подчеркивает различие между объективными и субъективными аспектами риска: если объективный риск катастроф трактуется как измеримая вероятность с исчисляемым масштабом возможных последствий, то социальное восприятие зависит от степени и характера информированности и социального опыта. Особое внимание уделено культурным и социальным факторам, влияющим на формирование устойчивых социальных представлений о риске, а также рассмотрены вопросы практического применения теоретических моделей в исследовании восприятия катастроф.

Abstract. The article analyzes the mechanisms of social perception of disaster risk. It examines key approaches to studying risk perception, including the psychometric approach, the social amplification of risk model, and cultural theory. The author emphasizes the distinction between the objective and subjective aspects of disaster risk: while objective disaster risk is understood as a measurable probability with a quantifiable scale of potential consequences, social perception depends on the level and nature of awareness and social experience. Special attention is given to cultural and social factors influencing the formation of stable social representations of risk, and practical issues related to applying theoretical models in disaster risk perception research are also considered.

Ключевые слова: восприятие риска, социальные представления, катастрофа, психометрический подход, социальное усиление риска, культурная теория, социальный опыт риска

Keywords: risk perception, social representations, disaster, psychometric approach, social amplification of risk, cultural theory, social experience of risk

Введение. В последние десятилетия социальные науки проявляют значительный интерес к изучению специфики и механизмов социального

восприятия рисков. В данной области уже накоплен немалый эмпирический материал и разработано несколько подходов, предлагающих различные модели для понимания того, как индивиды и сообщества оценивают и интерпретируют риски. Наибольший интерес среди них представляют психометрический подход, теория социального усиления (и ослабления) рисков и культурная теория риска, отличающиеся не только совокупностью методов, но и предметной областью – пониманием того, что именно необходимо измерять для получения достоверного представления о восприятии риска тем или иным сообществом.

Все указанные подходы, включая промежуточные варианты и конкретные модели, основаны на сравнении и, нередко, противопоставлении двух ключевых измерений риска:

Объективное измерение трактует риск как произведение вероятности инцидента на масштабы его последствий, опираясь на точные данные, стандартизированные методики и математический аппарат, что характерно для работы профильных специалистов, экспертов и исследователей.

Субъективное измерение охватывает восприятие риска, определяя его как произведение субъективной оценки вероятности инцидента на степень беспокойности последствиями.

В первом случае риск понимается как онтологически независимое, «естественное» явление. Независимо от его источника – природного, техногенного, социального или экономического – такой риск постулируется как существующий, даже если о нём не знают широкие массы. Во втором случае речь идет о тех же рисках, но в том виде, в котором индивиды о них осведомлены. Вопрос заключается в степени их информированности, их отношении к этим рискам и влиянии этого отношения на их поведение., что делает их своего рода «наивными экспертами» (подход, связанный с теорией социальных представлений С. Московичи).

Теоретические основы восприятия риска. Как уже отмечалось, основное различие между тремя подходами заключается в том, какой показатель избран в качестве отправной точки для изучения восприятия риска.

Психометрический подход (P. Slovic, B. Fischhoff, S. Lichtenstein, M. Weber и др.) опирается на психологические и статистические инструменты для измерения и анализа того, как люди воспринимают и оценивают риски. Важную роль в методологии играет таксономия рисков, разработанная P. Slovic, которая строится на трех факторах:

– эмоциональная оценка риска (ось «dread risk») – высокие значения характеризуются отсутствием контроля, сильным страхом, катастрофическим потенциалом, фатальными последствиями и несправедливым распределением рисков и выгод (например, ядерная катастрофа);

– «прозрачность» риска – в максимуме проявляется ненаблюдаемостью, неизвестностью и новизной факторов, отсроченным вредом (например, опасные заболевания);

– число людей, подвергающихся риску [17, Р. 282].

Модель социального усиления риска (R.E. Kasperon, J.X. Kasperon, O. Renn и др.), в которой исследовательская оптика смещена на механизмы формирования публичной повестки безопасности, в рамках которой определенные риски могут восприниматься как более значимые, даже если объективно они не столь серьезны, в зависимости от того, как информация о них распространяется через медийные и социальные каналы.

Согласно этой модели, люди и организации могут акцентировать внимание на некоторых рисках (игнорируя и обесценивая другие) и тем самым действовать как «усилители», провоцировать «материальные» последствия – экономические, социальные, правовые и т. д. Социальное усиление риска обозначает явление, посредством которого информационные процессы, институциональные структуры, поведение социальных групп и индивидуальные реакции формируют социальный опыт риска. Взаимодействие между рисковыми событиями и социальными процессами ясно показывает, что в рамках этой структуры риск имеет значение только в той степени, в которой он относится к тому, как люди думают о мире [9, Р.181].

Культурная теория риска (M. Douglas, A. Wildavsky, S. Rayner, C. Thompson и др.) предполагает, что между объективным измерением рисков и их восприятием находится культурный феномен, характеризующийся общими для сообществ убеждениями и ценностями. Избирательное внимание к риску и предпочтения различных типов принятия (или избегания) риска соответствуют культурным предубеждениям, то есть мировоззрениям или идеологиям, влекущим за собой глубоко укоренившиеся ценности и убеждения, защищающие различные модели социальных отношений [10, Р. 495]. Модель, лежащая в основе теории культуры, подразумевает оценку сообществ через призму двух факторов: характер регламентации жизни сообщества культурными нормами, степени контроля со стороны группы и приверженности ей индивидов [4, Р.4]. Центральная предпосылка

культурной теории заключается в том, что общества будут прежде всего определять опасности, которые угрожают их внутренней стабильности, и действовать для поддержания порядка и защиты от этих опасностей [10, P. 506]. В отличие от психометрического подхода, в котором оценка риска является производной от него самого, теория культуры утверждает, что восприятие риска социально обусловлено.

С точки зрения сообществ риски представляют собой функциональные аномалии, и предполагается, что социальные институты, построенные на определенных принципах, опасаются в первую очередь тех рисков, которые угрожают их структуре и внутренней согласованности, при этом принимая или игнорируя риски, не затрагивающие их модели жизни [8, P.4]. Выбор значимых рисков – это социальный процесс: некоторые риски могут быть далеки от реальной опасности, но культурно воспринимаются как важные. Социальные опасения по поводу рисков скорее служат поддержанию социальной солидарности, чем отражают реальные угрозы здоровью или окружающей среде [12, P.428].

Вызовы для практического применения теорий. Профессиональная и наивная экспертиза. Исследовательская область восприятия риска традиционно охватывала попытки согласования непрофессиональных взглядов с мнениями экспертов, что изначально основывалось на т. н. модели дефицита. Согласно этой модели, общественное непонимание и наивные представления о рисках связаны с недостаточной осведомленностью, и предполагается, что устранение этого дефицита информации может привести к изменению поведения неспециалистов. Однако с течением времени подходы к восприятию риска пережили значительные изменения. Отход от байесовского обучения и признание того, что суждения о риске проистекают не только из измеряемых его характеристик способствовали фундаментальным изменениям в данной области исследований. Риск, воспринимаемый одним человеком, может не восприниматься как риск в тех же условиях другим [15, P.433]. С другой стороны, существует концептуальное различие между суждениями о риске, относящимися к индивидуальному и коллективному уровням. Это различие крайне важно для понимания, почему, например, многочисленные исследования демонстрируют, что оценки риска изменения климата на уровне общества значительно выше, чем те, которые касаются личного их восприятия [19]. В результате риск начал чаще рассматриваться как социальная конструкция, где суждения о риске становятся, в определенной степени, продуктом социальных, культурных и психологических влияний [2]. Поскольку у

общественности недостаточно информации для оценки большинства рисков, она вынуждена полагаться на посредников – ученых, чиновников, активистов и СМИ. Однако у этих посредников есть собственные интересы, из-за чего они могут преувеличивать или искажать факты, затрудняя для неспециалистов понимание риска в условиях противоречивых мнений [12, Р.431].

На публичной арене научное знание подвергается трансформации через медиа и межличностное общение, что способствует формированию и развитию устойчивых социальных представлений. В этом процессе основную роль играют две фундаментальные операции: объективация и закрепление. Объективация заключается в упрощении и отборе ключевых элементов новой информации для их повторной контекстуализации в виде конкретных, о вещественных объектов в рамках публичного дискурса. Этот этап не только облегчает понимание сложных научных данных для широкой аудитории, но и является критически важным для последующего закрепления этих данных в общественном сознании как общепризнанных и значимых фактов [13]. С этой точки зрения ничто не является риском само по себе, пока сообщества не обозначают это как таковое [11, Р.638–639].

Социальное конструирование риска. Социальное представление можно определить как коллективное создание «социального объекта» сообществом в контексте поведения и коммуникации. Разработанный таким образом объект приобретает статус социальной реальности благодаря принятию и поддержке этого представления внутри сообщества. В этом контексте субъект и объект не рассматриваются как функционально независимые сущности. Осмысление объекта как такового заключается не только в его объективном существовании, но и в том, что он воспринимается индивидом или группой как часть их поведенческого континуума. Таким образом, объект и его значение конструируются через активное участие и взаимодействие в рамках социальных процессов [20, Р.96].

Согласно С. Московичи, социальные представления формируются тремя способами, в зависимости от взаимоотношений внутри группы. Первый – гегемонические представления, разделяемые всеми членами высокоструктурированных групп (например, нации или партии), которые преобладают в символических практиках, обладают единообразием и обязательностью. Второй – эмансипированные представления, которые возникают через обмен знаниями и идеями среди подгрупп; они сохраняют автономию и способствуют обмену интерпретациями и символами. Третий тип – представления, формирующиеся в условиях

конфликта, которые не находят общего признания и подчеркивают противостояние и различия внутри общества. [14, P.221].

Особенности общественного конструирования риска тесно связаны с институционализацией социальных представлений и опыта риска: в общественных практиках могут закрепляться отдельные компоненты (риск как чувства, анализ, политика [18]), социальные иерархии [7, P. 627] и т. д.

Тем не менее, стоит отметить и известные сложности, связанные с операционализацией теоретических положений подходов и моделей, которые настаивают на социальной и культурной обусловленности восприятия риска. С одной стороны, культура безопасности и общественная повестка безопасности могут ограничивать поведенческие репертуары, доступные членам определенных групп, отличая их от других групп. С другой стороны, культурная приверженность и вовлеченность в повестку безопасности не являются неотъемлемыми индивидуальными характеристиками каждого человека. Важно дифференцировать то, что является социально усвоенным и социально детерминированным: опасности катастроф существуют не потому, что культура сделала их таковыми.

В практическом применении моделей восприятия риска значимые вызовы проистекают также из парадокса восприятия риска, демонстрирующего диссонанс между теоретическими предпосылками и реальными поведенческими реакциями на угрозы.

Феномен т. н. парадокса восприятия риска проявляется в отсутствии убедительных доказательств наличия последовательной причинно-следственной связи между восприятием риска и поведением, направленным на его снижение. Примером такого диссонанса является, к примеру, выявленная С.С. Anderson с коллегами высокая толерантность к риску стихийных бедствий (штормы, оползни) среди лиц, приобретающих дорогостоящую недвижимую собственность в зонах повышенной сейсмической активности или на прибрежных территориях. Несмотря на высокие риски, такие покупатели часто не предпринимают должных мер по минимизации возможных последствий, предпочитая наслаждаться эстетическими и статусными преимуществами такого расположения [1, P.1485].

Риски ли воспринимаются? Сама возможность говорить о восприятии риска применительно к непрофессиональным сообществам вызывает дискуссии, поскольку в строгом смысле риск является конструктом, порождаемым преимущественно в сфере исследований и экспертизы [6, P.16].

Риск поддается количественной оценке, предсказуем и контролируем. Он определяется научно-техническими условиями и материальными эффектами [6, P.17]. Эксперты склонны формулировать риски в терминах абстрактных вероятностей [13]. Переменные, отличающие экспертов от неэкспертов, включают знания, отношение и доверие, особенно если поражающие факторы не видны и не воспринимаются непосредственно [5]. Риск обосновывает широкое поле для предвосхищения и инноваций, признавая неопределенность и мобилизуя возможности [3, P.31].

Культурное и социальное понимание риска приближается к ментальным моделям, посредством которых различные социальные группы придают значение опыту угрозы и вреда [16, P.1272–1273]. Угроза подразумевает степень неизбежности ее возникновения, неопределенность в ее актуализации и непредсказуемость последствий. Она может находиться в сфере идей (религия, идеология, политические проекты, ценности) и/или быть направлена на них [6, P.17]. Угроза ассоциируется с индивидуальным или коллективным чувством страха, она может пониматься как субъективный коррелят опасности и риска с неопределенным характером, нечетко определенными очертаниями и возможным длительным эффектом [3, P.29–30]. Воспринимаемая угроза предполагает действия по ее предотвращению и снижению, причем право на такие действия часто институционализируется и приобретает политическое измерение. При этом семантика риска и угрозы в языке заметно различаются, отражая особенности их восприятия и значения в общественных и политических контекстах. [3, P.31]. Это задает определенные рамки исследования, определяя подходы к анализу и интерпретации различий в восприятии и реакции на риск и угрозу в профессиональном и повседневном контекстах.

Библиографический список

1. Anderson C.C., Moure M., Demski C., Renaud F.G. Risk tolerance as a complementary concept to risk perception of natural hazards: A conceptual review and application // *Risk Analysis*. 2024. Vol.44. P.304–321. doi:10.1111/risa.14161
2. Balog-Way D., McComas K., Besley J. The Evolving Field of Risk Communication // *Risk Analysis*. 2020. Vol.40. P.2240–2262. doi:10.1111/risa.13615
3. Charles L., Kalaora B. Unbounded Environment, Risk Society, and Potentialization of Threats: A Challenge for Social Sciences // *Societies Under Threat. Frontiers in Sociology and Social Research / Eds. D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska*. 2020. Vol.3. P.27–40. doi:10.1007/978-3-030-39315-1_2
4. Day K., Patel Z., Rother H.–A. Applying social risk theory to competing constructions of risk in environmental assessment // *Environmental Impact Assessment Review*. 2019. Vol.79. P.1–8. doi:10.1016/j.eiar.2019.106312

5. Dobbie M.F., Brown R.R. A Framework for Understanding Risk Perception, Explored from the Perspective of the Water Practitioner // *Risk Analysis*. 2014. Vol.34. №2. P.294–308. doi:10.1111/risa.12100
6. Jodelet D. Uses and Misuses of Threats in the Public Sphere // *Societies Under Threat*. *Frontiers in Sociology and Social Research* / Eds. D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska. 2020. Vol.3. P.13–26. doi:10.1007/978-3-030-39315-1_1
7. Joffe H., Bettega N. Social Representation of AIDS among Zambian Adolescents // *Journal of Health Psychology*. 2003. Vol.8. №5. P.616–631. doi:10.1177/13591053030085011
8. Johnson B.B., Swedlow B. Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research // *Risk Analysis*. 2019. doi:10.1111/risa.13299
9. Kasperson R.E., Renn O., Slovic P., Brown H.S., Emel J., Goble R., Ratick S. The Social Amplification of Risk: A Conceptual Framework // *Risk Analysis*. 1988. Vol.8. №2. P.177–187. doi:10.1111/j.1539-6924.1988.tb01168.x
10. Linsley P.M., Shrivs P.J. Mary Douglas, risk and accounting failures // *Critical Perspectives on Accounting*. 2009. Vol.20. №4. P.492–508. doi:10.1016/j.cpa.2008.05.002
11. Lupton D. Risk as Moral Danger: The Social and Political Functions of Risk Discourse in Public Health // *International Journal of Health Services*. 1993. Vol.23. №3. P.425–435. doi:10.2190/16AY-E2GC-DFLD-51X2
12. Lupton D. Risk and emotion: towards an alternative theoretical perspective // *Health, Risk & Society*. 2013. Vol.15. №8. P.634–647. doi:10.1080/13698575.2013.848847
13. Mayor E., Eicher V., Bangertner A., Gilles I., Clémence A., Green E.G.T. Dynamic social representations of the 2009 H1N1 pandemic: Shifting patterns of sense-making and blame // *Public Understanding of Science*. 2013. Vol.22. №8. P.1011–1024. doi:10.1177/0963662512443326
14. Moscovici S. Notes towards a description of Social Representations // *European Journal of Social Psychology*. 1988. Vol.18. №3. P.211–250. doi:10.1002/ejsp.2420180303
15. Pasman H. Risk, Risk Perception, Risk Communication, Risk Acceptance // *Risk Analysis and Control for Industrial Processes – Gas, Oil and Chemicals*. 2015. P.431–454. doi:10.1016/B978-0-12-800057-1.00012-2
16. Scheer D., Benighaus C., Benighaus L., Renn O., Gold S., Röder B., Bøl G.-F. The Distinction Between Risk and Hazard: Understanding and Use in Stakeholder Communication // *Risk Analysis*. 2014. Vol.34. №7. P.1270–1285. doi:10.1111/risa.12169
17. Slovic P. Perception of risk // *Science*. 1987. Vol.236. №4799. P.280–285. doi:10.1126/science.3563507
18. Slovic P., Finucane M.L., Peters E., MacGregor D.G. Risk as Analysis and Risk as Feelings: Some Thoughts about Affect, Reason, Risk, and Rationality // *Risk Analysis*. 2004. T.24. №2. C.311–322. doi:10.1111/j.0272-4332.2004.00433.x
19. Van der Linden S. The social-psychological determinants of climate change risk perceptions: Towards a comprehensive model // *Journal of Environmental Psychology*. 2015. Vol.41. P.112–124. doi:10.1016/j.jenvp.2014.11.012
20. Wagner W., Duveen G., Farr R., Jovchelovitch S., Lorenzi-Cioldi F., Marková I., Rose D. Theory and Method of Social Representations // *Asian Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.2. №1. P.95–125. doi:10.1111/1467-839X.00028

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ И РИСКОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ¹

CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS OF ETHNOPOLITICAL THREATS AND RISKS TO REGIONAL STABILITY IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

М.В. Тарасова

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

M.V. Tarasova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты конфликтологического анализа этнополитических угроз и рисков региональной стабильности в Республике Крым. Установлено, что геополитический фактор, угрозы экстремистского и террористического характера выступают основными долгосрочными рисками для региона. Возрастают риски перенесения боевых действий на территорию полуострова. Степень остроты внутренних факторов в результате специальной военной операции смещается на второй план, однако они не утратили своей актуальность, и рискогенность по ним сохраняется.

Abstract. The article presents the results of a conflictological analysis of ethno-political threats and risks to regional stability in the Republic of Crimea. It has been established that the geopolitical factor, threats of an extremist and terrorist nature are the main long-term risks for the region. The risks of transferring hostilities to the territory of the peninsula are increasing. The degree of severity of internal factors as a result of a special military operation is shifting to the background, but they have not lost their relevance, and the risk of them remains.

Ключевые слова: региональная стабильность, геополитика, риски, угрозы, этнополитика, терроризм, экстремизм, Республика Крым.

Keywords: regional stability, geopolitics, risks, threats, ethno-politics, terrorism, extremism, Republic of Crimea.

В рамках ГЗ ЮНЦ РАН было проведен конфликтологический анализ этнополитических угроз и рисков региональной стабильности в Республике Крым в условиях нарастания геополитического противостояния. Результаты исследования, основанного на факторном, статистическом анализе, контент-анализе публикаций в СМИ позволили конкретизировать факторы дестабилизирующего воздействия на

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2024 г. (№ 122020100306-9)

региональную ситуацию в Республике Крым и оценить их рискогенность (таб. 1). Установлено, что наряду с «традиционными» факторами, определенными руководством страны [7], на первый план выходит геополитический, который является одним из основных долгосрочных рисков.

Анализ геополитической ситуации показал, что руководство Украины при поддержке западных стран-союзников не оставляют идею захвата полуострова военным путем, по заявлениям украинских властей, готовится новый план атаки на Крым весной 2025 года. Кроме того, регулярно поступают угрозы об уничтожении Крымского моста, значительно увеличилось количество террористических атак со стороны Украины на объекты военной инфраструктуры, транспортного и топливно-энергетического комплексов, представителей правоохранительных органов и органов власти. Поставки западными странами и США Украине вооружений большой дальности и одобрение использования своего вооружения для ударов по территории России, а также подготовка военных подразделений для оказания помощи украинской армии свидетельствует о высоких рисках.

В этой связи в условиях новых геополитических вызовов терроризм и экстремизм являются наиболее рискогенными из «традиционных» факторов, способных дестабилизировать ситуацию в Республике Крым. Полуостров занимает 5 место в рейтинге регионов РФ по показателю зарегистрированных преступлений террористического характера и 4 место по преступлениям экстремистской направленности [4]. Согласно анализу статистических данных за период 2018-2023 гг., количество зарегистрированных преступлений террористического характера увеличилось более, чем в 4 раза, а зарегистрированных преступлений экстремистской направленности - в 2 раза [5]. При этом, на фоне проведения СВО сформировался новый пласт угроз от украинских спецслужб и националистических формирований, ориентированных на молодежь с активным применением интернет-ресурсов.

Еще одним риск-фактором, по которому наблюдается отрицательная динамика, выступает уровень коррупции. По данным о состоянии преступности за период январь-октябрь 2023 гг., в Республике Крым выявлено 984 преступления экономической и коррупционной направленности, что на 28,8% превышает показатели прошлого года за аналогичный период. Фактов получения взятки задокументировано на 5,4% больше, чем 2022 год. [8] Для сравнения в 2018 году в регионе выявлено 474 преступления, следствие по которым обязательно (+1,1% по отношению к 2017 году), 213 в крупном и особо крупном размере

(+12,0% по отношению к 2017 году). Также в 2018 году пресечено 146 преступлений коррупционной направленности, в том числе 36 фактов взяточничества. [6] Результаты анализа статистических данных свидетельствуют о высокой рискогенности данного фактора на региональные процессы в Республике Крым.

Степень остроты внутренних факторов в результате специальной военной операции смещается на второй план. Социально-экономическое положение в регионе отражает в целом общероссийские тенденции. К концу августа 2023 года в органах службы занятости населения состояли на учете 6025 не занятых трудовой деятельностью граждан, из них 4706 человек имели статус безработного (79,6% к концу августа 2022 года). Уровень зарегистрированной безработицы в сентябре 2023 года по сравнению с сентябрем 2022 года снизился на 0,1 п.п. и составил 0,5% от численности рабочей силы. [15] Если провести анализ за пять лет, то отмечается положительная динамика по этому показателю, так как уровень безработицы за III квартал 2018 года по республике составил 5,3% [9]. Согласно анализу официальных статистических данных, индекс реальной заработной платы в августе 2023 года по сравнению с июлем 2023 года составил 96,4%, а относительно августа 2022 года 104,0%. [15] В 2018 году индекс реальной заработной платы в августе 2018 года по сравнению с июлем 2018 года составил 98,4%, а относительно августа 2022 года 106,6%. [10] За январь - август 2023 года по сравнению с аналогичным периодом 2022 года реальная заработная плата увеличилась на 5,8%, в 2018 году по сравнению с 2017 годом за аналогичный период на 12,7%. [15] Среднемесячная начисленная заработная плата за август 2018 года составила 27 790 рублей. Средняя начисленная заработная плата в январе-августе 2023 года составила 44707 рублей, и по сравнению с аналогичным периодом 2022 года размер заработной платы увеличился на 12,6% [15].

Однако, учитывая положительные тенденции, по официальным данным, в социально-экономическом блоке, в рейтинге регионов РФ с наибольшим значением доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, который составлен на основе региональной статистики за апрель-июнь 2023 года, Республика Крым занимает достаточно низкие позиции. В 2023 году регион, согласно рейтингу регионов по доходам населения, составленного экспертами «РИА-Новости», улучшил позиции лишь до 75 места. [11]. В 2019 году Республика Крым занимала 76 место среди субъектов РФ, при этом доля населения за чертой бедности составляла 17,2%, а доля населения за крайней чертой бедности – 2,3%. [12] Также, по данным рейтинга российских регионов по качеству

жизни, который был составлен по итогам 2022 года экспертами «РИА-Новости», Республика Крым занимает 45 место, регион улучшил позиции лишь на 3 пункта по отношению к показателю 2021 года, когда занимал 48 место. [13] Согласно анализу статистических данных за пять лет, с 2018 года, когда регион занимал 52 место в рейтинге среди всех регионов РФ по качеству жизни, показатель увеличился на 7 пунктов. [14].

Результаты анализа индекса промышленного производства свидетельствуют о неустойчивости экономического роста. Так, в январе-сентябре 2023 г. индекс промышленного производства в Республике Крым по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. составил 98,5%. В январе-ноябре 2019 г. индекс промышленного производства в Республике Крым по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. составил 120,3%. [15] Ежегодно производится распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, Республика Крым остается дотационным регионом и сохраняется зависимость от дотаций федерального бюджета, в 2018 году на эти цели выделено 17,71 млрд. руб. [2], полуостров занимает 8 место среди самых дотационных регионов РФ, а в 2023 г. он вновь вошел в общий рейтинг в 10 дотационных регионов, заняв 7 место и получив 25,8 млрд. руб.[3]

В результате проведенного анализа социально-экономических факторов (снижение качества жизни, безработица, сохраняющаяся бедность населения, уровень промышленного производства, зависимость от дотаций федерального бюджета) сделан вывод, что даже с учетом современной тенденции к улучшению по показателям, согласно официальной статистике, преждевременно говорить о стабилизации ситуации. Результаты анализа свидетельствуют о сохранении рискогенности факторов (таб. 1), обозначенных руководством страны в социально-экономической сфере.

Таблица 1. Степень остроты рисков дестабилизации этнополитической ситуации в Республике Крым

Риски (2009 г.)	Динамика и текущее состояние 2018-2023 гг.	Оценка рискогенности
1. Наличие «преступлений общетеррористической направленности»	Согласно анализу статистических данных за период 2018 -2023 гг., количество зарегистрированных преступлений террористического характера увеличилось в регионе более, чем в 4 раза.	Рискогенность возрастает
2. «Сохраняющаяся	Согласно рейтинга регионов по	Рискогенность

Риски (2009 г.)	Динамика и текущее состояние 2018-2023 гг.	Оценка рискогенности
относительная бедность населения»	доходам населения экспертов «РИА-Новости», полуостров в 2023 г. улучшил позиции лишь на 1 пункт до 75 места в сравнении с 2019 г.	сохраняется
3. «Очень высокий уровень безработицы»	Анализ за пять лет показал положительную динамику по показателю.	По этому фактору достигнуты наибольшие результаты, рискогенность несколько снижается
4 «Огромные масштабы коррупции, просто чудовищные масштабы коррупции»	По данным о состоянии преступности за период январь-октябрь 2023 года, выявлено преступлений экономической и коррупционной направленности, на 28,8% за аналогичный период 2022 года.	Рискогенность возрастает
5. «Системные деформации в государственном управлении...»	Результаты рейтинга эффективности управления свидетельствуют о росте эффективности региональной исполнительной власти в Республике Крым за последние пять лет, кроме политико-управленческого блока, по которому регион потерял два пункта относительно 2018 года и получил бал 15 (в 2018 году-13).	Рискогенность сохраняется
6 «Качество жизни в республиках Северного Кавказа зачастую уступает среднероссийскому»	По данным рейтинга российских регионов по качеству жизни экспертов «РИА-Новости», Республика Крым занимает 45 место, с 2018 года показатель увеличился на 7 пунктов.	Рискогенность сохраняется
7. «Уровень промышленного производства ... в разы ниже общероссийского»	Результаты анализа индекса промышленного производства свидетельствуют о неустойчивости экономического роста.	Рискогенность сохраняется
8. В республиках Северного Кавказа	Регион сохраняет зависимость от дотаций федерального	Рискогенность сохраняется

Риски (2009 г.)	Динамика и текущее состояние 2018-2023 гг.	Оценка рискогенности
существует критическая зависимость от дотаций федерального бюджета»	бюджета, в 2018 году - 8 место среди самых дотационных регионов РФ, в 2023 г.- 7 место.	
9. Существуют также внутренние проблемы такие, «как клановость»	В регионе сохраняются внутренние проблемы, определенные руководством страны.	Рискогенность сохраняется
10. «Есть... и внешние факторы, такие как экстремизм, который нам поставляется из-за рубежа»	Согласно анализа статистических данных за период 2018 -2023 гг., количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности увеличилось в 2 раза.	Рискогенность возрастает

Еще одним важным фактором риска, способным оказать дестабилизирующее воздействие на региональные процессы, является степень эффективности власти или, как ее обозначил Президент в 2009 году, «системные деформации в государственном управлении...» [7]. Ежегодно Агентством политических и экономических коммуникаций составляется рейтинг эффективности управления в субъектах РФ, согласно его результатам, за 2022 год, Республика Крым занимает 24 место в общем рейтинге. В сравнении с предыдущим периодом регион повысил показатели на 9 пунктов. Подъем отмечается по всем исследуемым блокам, при этом по двум регион добился значительных результатов относительно 2021 года. Так, в политико-управленческом блоке регион переместился с 15 на 24 место, а в финансово-экономическом блоке показал подъем на 10 пунктов. Анализ за период 2018-2022 годы также свидетельствует о положительных тенденциях. В социальном блоке регион добился с 2018 года значительных результатов, повысив свои позиции на 25 пунктов к 2022 году. В финансово-экономическом блоке регион показывает также более высокие позиции (29 место) по отношению к 2018 году (42 место) в итоговом рейтинге, за пять лет подъем на 13 пунктов. В целом результаты рейтинга эффективности управления свидетельствуют о росте эффективности региональной исполнительной власти в Республике Крым за последние пять лет, кроме политико-управленческого блока, по которому регион потерял два пункта относительно 2018 года и получил бал 15 (в 2018 году-13). [17, 16]

В этой связи необходимо отметить еще один фактор, способный перевести региональный процесс на негативный сценарий, который был

определен руководством страны в 2009 году, – это клановость. Для Республики Крым, где проживают представители более 170 национальностей, данный фактор, безусловно, способен оказать влияние и в этой связи сохраняет свою актуальность.

В целом в регионе этнополитическая ситуация оценивается органами власти как контролируемая. В пресс-службе Федерального агентства по делам национальностей отметили, что с начала СВО на Украине «внешние модераторы» активизировали попытки с целью дестабилизации ситуации на полуострове, заметно усилилась информационная активность, направленная на пропаганду среди населения, прежде всего крымских татар и прибывающих граждан Украины, идеи «возвращения Крыма в состав Украины». Однако эти попытки не отразились на состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений, они остаются стабильными. [1]

Результаты ивент-анализа публикаций в СМИ и дискурс-анализа выступлений мировых политиков и экспертов позволили зафиксировать усиление антироссийской риторики на международной арене, основная дискуссия касается темы возвращения Крымского полуострова в границы Украины. Установлено, что основные факторы риска, усиливающие дестабилизирующее воздействие на этнополитические процессы в регионе, – это геополитические вызовы, а также экстремистские и террористические угрозы, исходящие в основном от украинских спецслужб и националистических формирований, в том числе с активным применением интернет-ресурсов. Степень остроты внутренних факторов в результате специальной военной операции смещается на второй план, однако они не утратили свою актуальность, и рискогенность по ним сохраняется. Проведенный анализ этнополитических угроз и рисков региональной стабильности в Республике Крым позволил пролонгировать на среднесрочную перспективу умеренно-негативный конфликтологический сценарий.

Библиографический список

1. В Крыму оценили попытки дестабилизировать межнациональные отношения // РИА Новости Крым. – 2023. – 28 августа [Электронный ресурс]. – URL: <https://crimea.ria.ru/20230828/v-krymu-otsenili-popytki-destabilizirovat-mezhnatsionalny-otnosheniya-1130992810.html> (дата обращения 30.11.2023).

2. Дотации регионам России 2018 //Fincan.ru. – 2018. – 14 декабря [Электронный ресурс]. – URL: http://fincan.ru/articles/14_dotacii-regionam-rossii-2018/?ysclid=lpbrbnzqulc616379933 (дата обращения 30.11.2023).

3. Дотационные регионы России и доноры: список в 2023 году// Рейтинги и новости. – 2023. – 23 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://top-rf.ru/places/564-dotatsionnye-regiony.html> (дата обращения 30.11.2023).

4. Зарегистрировано преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Показатели преступности России. Рейтинг // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – 11 ноября [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения: 10.11.2023).

5. Зарегистрировано преступлений террористического характера и экстремистской направленности в Республике Крым. Преступность в регионах. Диаграмма. // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – 11 ноября [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 10.11.2023)

6. Информационно-аналитическая записка к отчету Министра внутренних дел по Республике Крым генерал-лейтенанта полиции О.И. Торубарова перед Государственным Советом Республики Крым о деятельности полиции подчиненных органов внутренних дел за 2018 год // Министерство внутренних дел по Республике Крым. – 2019. – 2 февраля [Электронный ресурс]. – URL: https://82.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti/Otchet_Ministra_vnutrennih_del_po_RK/министр-за-2018/изв-отчет-министра-за-2018 (дата обращения 20.10.2023).

7. Медведев Д.А. Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности // Президент России. Официальный сайт. – 2009. – 9 июня [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4383> (дата обращения 13.09.2023).

8. О состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Крым за январь-октябрь 2023 год // Министерство внутренних дел по Республике Крым. – 2023. – 5 ноября [Электронный ресурс]. – URL: https://82.мвд.рф/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/2023 (дата обращения 20.11.2023).

9. Пресс-выпуск -занятость 2018.pdf / Крымстат. – 2019. – 14 января [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Пресс-выпуск%20-занятость%202018.pdf> (дата обращения 20.10.2023).

10. Публ. Среднемесячная+номинальная+начисленная+заработная+плата+за+август+2018.pdf // Крымстат. – 2019. – 17 января [Электронный ресурс]. – URL: https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Публ._Среднемесячная+номинальная+начисленная+заработная+плата+за+август+2018.pdf (дата обращения 20.10.2023).

11. Рейтинге регионов по доходам населения // РИА Новости. – 2023. – 16 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231016/dokhod-1901992792.html> (дата обращения 30.11.2023).

12. Рейтинг регионов по доходам населения – 2019 // РИА Рейтинг. – 2019. – 8 июля [Электронный ресурс]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20190708/630129839.html?ysclid=lp2bvbwqk146554072> (дата обращения 20.10.2023).

13. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2022 // РИА Рейтинг. – 2023. – 13 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html> (дата обращения 30.11.2023).

14. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2018 // РИА Новости. – 2019. – 16 марта [Электронный ресурс]. – URL: https://dc.ria.ru/dc/dm/rating_life_2019/ (дата обращения 30.11.2023).

15. Социально-экономическое положение Республики Крым в январе-августе

2023 года // Официальный портал Правительства Республики Крым. – 2023. – 10 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://kerch.rk.gov.ru/articles/5b1a0021-ca14-4bba-a3d1-0595492049b1> (дата обращения 20.10.2023).

16. VI Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2018 году // АПЭК. – 2019. – 22 января [Электронный ресурс]. – URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5138&sp_hra_se_id=30687 (дата обращения 30.11.2023).

17. X Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2022 году // АПЭК. – 2023. – 17 января [Электронный ресурс]. – URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=8422&ysclid=losvz3p5d405168964 (дата обращения 30.11.2023).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ КОЛЛЕКТИВНОМУ СИМВОЛИЧЕСКОМУ КАПИТАЛУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

LINGUISTIC CHALLENGES TO THE COLLECTIVE SYMBOLIC CAPITAL OF THE NATIONAL COMMUNITY

М.М. Юсна

Международная общественная организация

«Братство белорусов и россиян», г. Минск, Республика Беларусь

М.М. Yuspa

International public organization

«Brotherhood of Belarusians and Russians», Minsk, Belarus

Аннотация: В статье осуществлено краткое погружение в вопрос генезиса коллективного символического капитала белорусской нации, рассматриваемой в качестве политической общности, объединяющей в себе различные этносы и являющейся неотъемлемой частью русской цивилизационной общности. Автор определяет язык общности как одну из основ её символического капитала, отвечающую за формирование единого для всех индивидуумов мировосприятия, а также рассматривает значение языка в рамках концепции столкновения цивилизаций как на примерах из истории, так и на текущих событиях в Республике Беларусь.

Abstract: The article provides a brief insight into the genesis of the collective symbolic capital of the Belarusian nation, considered as a political community that unites various ethnic groups and is an integral part of the Russian civilizational community. The author defines the language of the community as one of the foundations of its symbolic capital, responsible for the formation of a single worldview for all individuals, and also examines the significance of language within the framework of the concept of the clash of civilizations, both using examples from history and current events in the Republic of Belarus.

Ключевые слова: коллективный символический капитал, информационная безопасность, национальная безопасность, нация, государство, общество,

коммуникации, маркетинг, язык, пантеон национальных героев, цивилизации.

Keywords: collective symbolic capital, information security, national security, nation, state, society, communications, marketing, language, pantheon of national heroes, civilizations.

Начиная с момента написания Самюэлем Хантингтоном статьи «Столкновение цивилизаций» (1993 г.) миропонимание западных стратегов начало перестраиваться исходя из восприятия происходящих процессов как взаимодействия цивилизационных общностей, что отразилось на тактике воздействия на оппонентов.

В таких условиях стала важным не просто выработка ответных шагов на вызовы противника, но чёткое понимание себя как общности со всеми свойственными ей особенностями и слабыми местами, для выстраивания жизнеспособной модели развития и выработки комплексных мер укрепления оснований общности и её защиты.

Представляется, что одним из самых удачных подходов для системного описания цивилизационной общности, как и любой другой, является представленная французским социологом Пьером Бурдьё (1930-2022 гг.) концепция капиталов. В рамках неё исследователь выделяет культурный, экономический, религиозный, юридический, социальный капиталы, которые вместе выступают в виде капитала символического, подкреплённого габитусами как устойчивыми мыслительными конструкциями, являющиеся продуктом «коллективной истории» [1].

Российский философ А. С. Панарин (1940-2003 гг.) развил идеи П. Бурдьё, указав, что все эти капиталы объединяются в коллективном символическом капитале, что есть «копилка общей памяти» [2, с. 191]. В своём подходе А. С. Панарин указал на конкретные элементы коллективного символического капитала, выступающие связующим веществом для членов общности, и позволяют им выстраивать надёжную основу своего существования. К ним автор отнёс исторические события, обычаи, традиции, образы героев, и, пренебреженно, габитусы, в виде расположенных в подсознании и сформированных в ходе социализации мыслительных конструкций, позволяющих членам общности воспринимать действия друг друга, а также сообща реагировать на внешние угрозы на уровне коллективного бессознательного, что исключает необходимость прохождения процедур предварительного согласования действий [2, с. 191-192].

Из подхода А. С. Панарина следует, что, воздействуя на формирование личности, капиталы способствуют выработке общих для всех членов общности габитусов, которые П. Бурдьё сравнивает с почерком, в результате развития навыков которого «индивидуальная

манера писать буквы, всегда производит одинаковое письмо» [3].

Одним из ключевых габитусов в построении общности П. Бурдьё видит языковой габитус, так как он служит цели выработки одинаковых языковых навыков у членов общности. И хотя он рассматривает данный габитус скорее, как инструмент унификации, специалисты-лингвисты видят в нём более глубокую функцию построения мировоззрения у индивидов. Роль языка как одного из столпов цивилизационной общности отмечают Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер, а Вильгельм фон Гумбольдт абсолютно однозначно указывает, что язык представителей общности формирует её общее «мировидение» [4, с. 370]. В дальнейшем к этому вопросу обращаются многие лингвисты и одним из результатов данной работы является появление гипотезы «Сепира – Уорфа», в соответствии с которой языковая структура задаёт не только образ мысли, но и метод познания и восприятия окружающего мира, чем в очередной раз подтверждается важность языкового габитуса как инструмента, при помощи которого куётся единство душ и взглядов.

Для понимания текущих событий, происходящих в Республике Беларусь, являющейся западным форпостом русской цивилизационной общности, нам необходимо обратиться к языковому аспекту генезиса коллективного символического капитала белорусской нации, политически объединяющей различные этносы и являющейся неотъемлемой частью русской цивилизационной общности. В данном случае под русской цивилизационной общностью нами понимается общность людей различной этнической принадлежности, разговаривающих на русском языке и являющихся носителями единой системы ценностей, базирующейся на единых элементах коллективного символического капитала, зародившихся ещё в эпоху Древнерусского государства, которые были отточены до состояния универсальных для любого представителя данной общности в советский период нашей истории.

Начиная с Крещения Руси в 988 году на пространстве Древнерусского государства, которое О. А. Платонов считает формой Русской цивилизации, начинает формироваться общая система ценностей в виде религии, а также единый инструмент коммуникации – древнерусский язык, кодифицируемый и распространяемый через церковь.

После распада Древнерусского государства часть русских княжеств под разными предлогами были включены в состав Великого княжества литовского Русского и Жемайтского (далее – Княжество), где составили порядка 90% всей территории и людей. Такое положение дел вынудило

литовских князей считаться с правами, традициями и ценностями русскоязычного населения. Этот подход был выражен формулой «старины не рушить, новизны не вводить», что привело к тому, что законы и нормы жизни русской общности остались без изменений, а русский язык, являясь языком доминирующего этноса стал официальным языком Княжества как внутри государства, так и в дипломатических сношениях.

Однако, с момента подписания Кревской унии 1385 года начинается активная цивилизационная «пересадка», как это назвал Н. Я. Данилевский, элементов польского коллективного символического капитала русским людям Княжества [5, с. 122]. Несмотря на самоидентификацию местного населения как «русских», а также именованя своего языка русским, что отражено, например, в творчестве русского книгопечатника Ф. Скорины и в Статуте Княжества 1588 года, язык под агрессивным воздействием польского коллективного символического капитала начинает меняться. Как отмечает, А. И. Журавский (1924-2009 гг.), коренной перелом в развитии языка виден в тексте «Катехизиса» (1562 г.) кальвинистского священника Симона Будного (1530-1593 гг.), где уже заметно огромное количество польской лексики, впоследствии закрепляющейся и в других литературных памятниках [6, с. 197-198]. Это приводит к тому, что ряд исследователей на основании анализа документов Княжества утверждают, что язык полностью меняется и фактически становится польско-русским, с польской лексикой и русской грамматикой. В 1696 году русский язык выводится из официального оборота в Княжестве.

Помимо языка удар пришёлся и на второе цивилизационное основание – религию. В 1596 году было принято решение, вошедшее в историю как Брестская церковная уния, в результате которого на территории Речи Посполитой создавалась новая церковь, которая подчинялась Риму, но службу вела на понятном православным русским людям языке. Это решение встретило ожесточённое сопротивление, но изменений не произошло.

После разделов Польши центральная власть Российской империи не обращала внимание на чаяния русского крестьянства, предпочитая заигрывать со шляхтой. Даже то, что 3 миллиона русских людей сразу же сбежали из униатства в православную церковь, не поменяло подходов, что вылилось в продолжившуюся полонизацию местного населения и польские восстания.

В результате длительного воздействия польского коллективного символического капитала русский язык на части территории Княжества

претерпел серьёзные изменения и переродился в ряд наречий. Одно из них М. О. Коялович называл белорусским языком и говорил, что он «при неоспоримо-русском строе, представляет собой однако поразительную середину между русским и польским языком» [7, с. 25].

Несмотря на то, что определённая территория уже начала называться Беларусией, «белорусского» самоназвания местных жителей не наблюдалось, как и существенно отличавшиеся между собой наречия, на которых они разговаривали белорусским языком они не называли. Изменения пришли вместе с поражением восстания 1863 года, после которого проявился агитационный талант польского шляхтича Франциска Богушевича (1840-1900 гг.), который ввёл в широкий оборот термин «беларуская мова», правда сделал он это польским латинским шрифтом.

С этого момента начался период, обозначаемый в истории как белорусское национально возрождение, хотя белорусской нации вплоть до провозглашения Советской Социалистической Республики Белоруссия (далее – ССРБ) не существовало. Основными действующими лицами этого «возрождения» были польские шляхтичи, которые продвигали идею белорусской идентичности на основе формировавшегося ими белорусского литературного языка и описания периода унии с Польшей как золотой эры Княжества, хотя золотой она была исключительно для шляхты. Ведь, в соответствии с концепцией сарматского происхождения шляхты, только шляхта являлась поляками, а хлопы (закрепощённые крестьяне – М. Ю.) представлялись покорёнными племенами. Фактически на территории Княжества в польские годы существовало два народа – полонизированная шляхта и русское крестьянство.

Несмотря на активность шляхетских агитаторов, народная поддержка у них отсутствовала полностью, о чём свидетельствуют результаты выборов в Думу 1906 года, а также их собственные признания. Представители западнорусского течения, ратовавшие за единый русский народ, отмечали, что основной задачей белорусского проекта, направляемого польской шляхтой, являлось, как утверждал Е.Ф. Карский (1861-1931 гг.), желание уничтожить в самосознании местных жителей «принадлежность к русскому племени» и создать новую белорусскую государственность, чтобы затем «потопить умственно принижённую и нравственно подавленную страну в польском море», то есть присоединить к возрождённой Польше [8, с. 646].

Е.Ф. Карский, анализируя произведение Ф. Богушевича «Дудка белорусская» (1891 г.), с которой начался белорусский проект, отмечал,

что текст имеет агитационный характер, схожий с текстами «Мужицкой правды» Винцента-Константина Калиновского (1838-184 гг.), и направленный на разжигание ненависти ко всему русскому и православному.

Частично реализовать замыслы польской шляхте удалось в результате революционных событий в Империи и Первой мировой войны в рамках провозглашения так называемой Белорусской Народной Республики (далее – БНР). Потерпев в этом начинании мгновенную неудачу актив БНР перешёл в проект ССРБ где заложил в виде Института белорусской культуры (прообраз Академии Наук БССР) институциональные основы под белорусизацию 20-х годов, под которой понимается не только перевод коммуникации на уже сформированный белорусский литературный язык, но и мероприятия, связанные с перестройкой исторической повествовательной линии с русской на белорусскую, а также воздействие на культуру. Тем не менее, несмотря на все усилия, жители БССР не отказались от своего родного русского языка и сохранили его вплоть до союзного коллапса.

После развала СССР языковой вопрос снова был поднят, когда на волне выхода из Союза, вопреки высказанному на референдуме 1991 года желанию жителей БССР его сохранить, белорусский язык был установлен в качестве единственного государственного. Ситуацию выровняли результаты референдума 1995 года – 83,3% проголосовавших высказались за придание русскому языку равного с белорусским статуса.

С того момента языковая ситуация перешла в вяло текущую стадию. Так как в 90-е на Западе начал набирать обороты обозначенный в самом начале цивилизационный подход, то на язык, как основу общности, вероятно, посмотрели через призму боевого инструмента, как на возможность повторить сценарий, конца XIX – начала XX веков.

Если на Украине, также как и Беларуси находящейся на линии цивилизационного разлома, украинский язык моментально стал политическим инструментом и маркером самоидентификации, то в Беларуси белорусский воспринимался больше как маркер маргинализированных оппозиционных групп и части профессорско-преподавательского корпуса, в основном связанного с его использованием в работе.

На оппозиционность белорусского языка часто обращали внимание и органы государственной власти, проводя социологические исследования с вопросом о том, ассоциируется ли у граждан белорусский с оппозицией.

Можно сказать, что представители оппозиционных течений жили

идеей параллельной государственности. В их понимании современная Беларусь – это продолжение проекта БНР и поэтому они, несмотря на отмену на государственном уровне герба «Погоня», бело-красно-белого флага, продолжили их использование наряду с белорусским языком в качестве своих символов, создавая тем самым альтернативную белорусскую нацию. Этому способствовало и отсутствие должной юридической оценки бело-красно-белого флага как знамени коллаборационистов времён Великой Отечественной (её нет и по сей день), а также законный статус «Дня воли» (день так называемого провозглашения БНР), празднование которого неизменно сопровождалось столкновениями с органами охраны правопорядка.

Такая вялотекущая ситуация сохранялась до событий «Русской весны» 2014 года. После возвращения Крыма в состав России в Беларуси начали появляться механизмы популяризации белорусского языка. Это вылилось в открытии частных школ белорусского языка, начале перевода как целенаправленно, так и под давлением маркетинговой коммуникации на белорусский, появлении активистов, ведущих работу по переводу в населённых пунктах аншлагов с адресами не только на белорусский.

В 2020-ом году, после президентской кампании и последовавшей за ней серии массовых столкновений участников несанкционированных митингов с сотрудниками правоохранительных органов, работа по конструированию альтернативной белорусской нации на основе белорусского языка и символов БНР обрела мощный импульс. Эта концепция смогла прижиться во многом благодаря тому, что в результате массового выезда за границу сформировалась большая диаспора, преимущественно в Польше, где для белорусских граждан начали предлагать курсы белорусского языка, белорусские сады и школы, практиковать олимпиады по белорусскому языку для детей, создали ряд YOUTUBE каналов с вещанием на белорусском.

В самой Беларуси происходят такие же процессы. Помимо обозначенных универсальных видео каналов, были созданы многочисленные сообщества в социальных сетях. Они разбиты по целевым группам (регионы, профессии, интересы, курсы языка, новости, пр.) и насчитывают от нескольких сот до десятков тысяч подписчиков. При контент-анализе некоторых из них видна прямая связь с иностранным ведомством. Например, один из проектов, направленных на стимулирование изучения белорусского языка и признанный экстремистским за поддержку противоправных шагов, но не за основную деятельность, существует за счёт средств государственного

департамента США. Отмечается, что многие проекты дублируют своё название на латинке (способ письма на белорусском специальным латинским шрифтом, схожим с польским), а каналы, занимающиеся продвижением белорусского, дают значение слова как кириллическим, так и латинским шрифтом, чтобы адаптировать восприятие и подготовить к будущему отказу от кириллицы.

Как в стране, так и за её пределами появились издательства, начавшие выпуск книг на белорусском языке, в первую очередь для детей, на принципиально новом дизайнерском уровне. За средства «пожертвований» начала действовать студия дубляжа фильмов на белорусский, а иностранные компании открывают онлайн кинотеатры с белорусскоязычными картинками и вкладывают деньги в продвижение белорусскоязычных медийных проектов.

Оппозиционные активисты признались, что после 2020-го белорусский стал не просто маркером маргинальной оппозиционной группы – он стал символом противостояния А. Г. Лукашенко, так как на него массово начали переходить рядовые участники протестов [9].

С учётом того, что обозначено выше, на формирование белорусского как языка существенное влияние оказал польский и сегодня в стране процесс вытеснения русских слов из белорусского с их заменой на польские идёт очень активно (ровар, пампаваць, кироуца, пр.), представляется, что всё более полонизирующийся белорусский язык может передавать носителю и польскую идентичность. Этот эффект подкрепляется многочисленными мероприятиями на польско-шляхетскую тему (различные исторические турниры), расширением использования латинки, чествованием представителей польской шляхты как национальных героев (Радзивилы, Ф. Богусевич, К. В. Калиновский, пр.) и другими инструментами.

Исходя из рассмотренного белорусского примера, мы можем отметить, что язык является важным элементом основы цивилизационной и национальной идентичности. Уже много столетий он используется в качестве инструмента смены самоидентификации индивидуума, что в эпоху столкновения цивилизаций делает его тем звеном, на которое оказывается серьёзное давление. Беларусь, без сомнений, является полигоном, на котором оттачиваются навыки по дроблению русской цивилизационной общности.

Библиографический список

1. Бурдые, П. Структура, габигус, практика / П. Бурдые // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 44-59.
2. Панарин, А. С. Народ без элиты. – М. : Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо,

2006. – 352 с. – (Философский бестселлер).

3. Бурдые Пьер. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 13.10.2024).

4. Гумбольдт, Вильгельм Фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем. яз. : Левина М. И., Гулыга О. А., Михайлова А. В., Старостина С. А., Журиная М. А.; Сост., общ. ред. и вступ. статьи Гулыга А. В., Г. В. Рамишвили Г. В. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.

5. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

6. Жураўскі, А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы Т. I. / А. І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 372 с.

7. Коялович, М. О. О расселении племен Западного края России / М. О. Коялович. – М. : Тип. Бахметева, 1863. – 36 с.

8. Карский, Е.Ф. Белорусы : В 3 т. Т. 3, кн. 2. Очерки словесности белорусского племени / Е.Ф.Карский, коммент: Т. И. Вабищевич, В. М. Казберука, О. П. Кричко. – Минск : БелЭн, 2007. – 704 с.

9. Юспа Михаил. Белорусский язык в стратегии смены власти // Михаил Юспа. URL: <https://t.me/usparus/400> (дата обращения: 13.10.2024).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, КАК ФАКТОРА ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

CRIMINOLOGICAL UNDERSTANDING OF MIGRATION CRIME AS A FACTOR OF DESTABILIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Е.Г. Телегина, М.А. Кармова

Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Новороссийск, Россия

Е.G. Telegina, M.A. Karmova

Branch of the Kuban State University, Novorossiysk, Russia

Аннотация. На основе анализа российского законодательства и материалов официальной статистики раскрываются криминологические аспекты современного состояния миграционной преступности. Актуальность темы обусловлена тем, что миграционная преступность всегда сопровождает миграционные процессы, которые не теряют своей актуальности и по сей день. Представлены результаты состояния динамики и уровня преступности мигрантов в Российской Федерации, а также криминологический портрет преступника-мигранта, включающий социально-демографические характеристики и распределение по видам преступности. Уделено внимание соотношению межэтнических преступных групп и миграционной преступности. Предлагаются меры по предупреждению миграционной преступности.

Abstract. Based on the analysis of Russian legislation and official statistics materials,

the criminological aspects of the current state of migration crime are revealed. The relevance of the topic is due to the fact that migration crime always accompanies migration processes, which do not lose their relevance to this day. The results of the state of the dynamics and crime rate of migrants in the Russian Federation are presented, as well as a criminological portrait of a migrant criminal, including socio-demographic characteristics and distribution by type of crime. Attention is paid to the relationship between interethnic criminal groups and migration crime. Measures are proposed to prevent migration crime.

Ключевые слова: миграция, миграционная преступность, иностранный гражданин, миграционная политика, преступления в сфере незаконной миграции, межэтнические преступные группы.

Keywords: migration, migration crime, foreign citizen, migration policy, crimes in the field of illegal migration, interethnic criminal groups.

Миграция как социальное явление предопределена экономическими, психологическими, политическими факторами и оказывает влияние на различные сферы жизни. Обладая собственными специфическими чертами, она протекает волнообразно в зависимости от геополитических перемен. Так, в 2018 году в России от численности населения своей страны зафиксировано граждан:

Азербайджана – 6,1 %,
Армении – 15,9 %,
Белоруссии – 5,5 %,
Казахстана – 3,5 %,

Киргизстана – 9,6 %,
Молдавии – 15,8 %,
Таджикистана – 12,5 %,
Узбекистана – 7,4 %,
Украины – 5,6 %.

Как видно из данных статистики, наибольший процент от количества жителей своей родной страны составляют граждане Армении, на втором месте по данным показателям зафиксированы граждане Молдавии, на третьем месте граждане Таджикистана. Наименьший процент установлен среди мигрантов, прибывших из Казахстана.

Представленные показатели не отражают реальных масштабов миграционных процессов, так как не решен вопрос с нелегальным перемещением. Так, в конце 2023 года бывший заместитель директора ФМС России В. Поставнин заявил, что в России может находиться от 1,5 млн до 3 млн нелегальных мигрантов.

ГУВМ МВД России фиксируя данные на 01.09.2024 года, пребывающих в Россию иностранных граждан, определяет следующее количество – 6 174 777 лиц, из них: из Таджикистана (31 %), Киргизии (10 %) и Украины (9 %). Обобщенный социальный портрет лица, переехавшего в Россию выглядит следующим образом (табл. 1):

Таблица 1. Социально-демографические характеристики мигрантов, прибывших в РФ

пол	мужчина	55 %
возраст	от 16 до 60 лет	76 %
семейное положение	женатый	51,4 %
образование	среднее	39,4 %

Мигранты, приезжающие в Россию, среди причин называют личные мотивы (47%), 28% приезжают работать (согласно оценке экспертов около 10% рабочей силы приходится на мигрантов, занятых в сфере строительства, торговли и сельского хозяйства), 12% – учиться. Только 1% мигрантов назвал в качестве причины переезда в Россию репатриацию, еще 1% – обострение межнациональных отношений. Не исключаем, что основанием для переезда может быть и деятельность международных террористических организаций. Это данные только официальной статистики, однако, чтобы составить реальную картину миграционных процессов, следует умножить эти цифры на 2, так как негативная тенденция нелегальной миграции, не смотря на применяемые организационно-правовые меры, остается на высоком уровне.

Особую тревогу вызывает криминализируемая нелегальная иммиграция, которая создает реальные угрозы российскому обществу, следовательно, вопрос миграции на сегодняшний день является одним из наиболее важных и актуальных.

В настоящее время индикатором развития любого государства выступают процессы глобализации и их влияние на запрос миграционных потоков, как потребности в трудовых ресурсах и демографии. В контексте развития миграционных процессов в мире, российское государство не может игнорировать принятие различных действий, способствующих реализации превентивных мер, препятствующих дестабилизации безопасности.

В данном ключе, принимая во внимание неизбежность процессов миграции, и как следствие вовлеченность Российской Федерации в развитие миграционных процессов, определяется участие нашего государства в формировании данных процессов.

Увеличение миграционного потока обуславливает увеличение численности незаконно прибывших на территорию Российской Федерации, иностранных граждан, а также апатридов, что порождает рост преступности в сфере миграции. Неоднократно подтверждено, что вследствие незаконной миграции увеличивается рост межнациональных столкновений. В условиях глобальных перемен, преступность в сфере миграции и преступность мигрантов приобретает угрозу безопасности

международного сообщества [3].

Объективно прослеживается причинно-следственная связь между увеличением миграционного потока и уровнем численности миграционной преступности.

В соответствии с данными, содержащимися в официальных статистических обзорах, всего иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено [1, 2]:

2019 г. – 34 917 преступлений, динамика преступности по отношению к предыдущему году увеличилась на 6,3%;

2020 г. – 34 400 преступлений, наблюдается снижение преступности на 1,5%;

2021 г. – 36 400 преступлений, отмечается рост преступности на 5,9 %;

2022 г. – 40 150 преступлений, наблюдается рост показателей преступности на 10,3 %.

2023 г. – 36 600 преступлений, наблюдается снижение преступности на 3 %.

Для наглядности сопоставленные и проанализированные данные приведем в таблице (см. табл. 2).

Таблица 2. Показатели преступлений, совершенных мигрантами

год	Въехало иностранных граждан (количество)	Совершено преступлений (количество)	Динамика преступности (рост и снижение, в %)	Возбуждено уголовных дел по статьям УК за организацию незаконной миграции (количество)
2019	8 295 905	34 917	+ 6,3	566
2020	5 824 787	34 400	-1,5	737
2021	7 285 408	36 400	+5,9	926
2022	9 135 729	40 150	+10,3	1081
2023	12 075 116	36 600	-3	1 259

Следовательно, при изменении количества, прибывших на территорию Российской Федерации, мигрантов, наблюдаются изменения в количественном показателе преступности в государстве, что находит отражение в увеличении / уменьшении уровня преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства. Однако в большинстве случаев отмечается прямая корреляция, то есть при увеличении количества мигрантов, увеличивается количество правонарушений и преступлений в частности. Негативная тенденция наблюдается в

показателях преступлений, в соответствии с которыми применяется уголовное наказание за организацию незаконной миграции. За последние 5 лет происходит только рост, увеличилось количество данных преступных деяний на 55,04 %.

Принимая во внимание относительно небольшой удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в общем числе зарегистрированных преступлений, который составляет: в 2021 году – 3,5 %; в 2022 г. – 3,9 %; в 2023 г. – 2,0 %, данное явление, однако, оказывает значительное влияние на криминогенную обстановку в Российской Федерации, явно дестабилизируя ее.

Считаемым необходимым упомянуть, что данные отражают только количество официально зарегистрированных преступлений, тогда как преступность мигрантов, обладая высоколатентным показателем, показывает фактический уровень намного выше и в разные годы варьируется в соотношении от 1:2 до 1:5, то есть на одно зарегистрированное преступление приходится соответственно от двух до пяти реально совершенных преступных деяний.

О негативной тенденции к маргинализации гастарбайтеров, увеличению числа совершаемых ими преступлений и усилению напряженности на межэтнической и социально-бытовой почве, отмечают и другие исследователи. Так, А.П. Степанов указывает на то, что отношение к мигрантам среди россиян в основном негативное, родители стремятся перевести детей в другие школы, если в их школе, большинство школьников – дети гастарбайтеров. А большинство фестивалей и праздников, которые содержатся в отчетах о работе с иностранцами, как правило, не имеют отношения к мигрантам. В них участвуют российские граждане определенных национальностей. Имеющиеся на территории субъектов РФ диаспоры, не могут отчитаться, что именно делается для адаптации мигрантов [3, с. 278]. В результате чего, кроме нарушения миграционного законодательства фиксируется совершение и общеуголовных преступлений.

Проанализировав структуру, а также характер преступлений, совершенных мигрантами на территории Российской Федерации, выявлено, что наиболее часто совершаемыми преступлениями являются преступления в экономической сфере, связанные с незаконным завладением чужим имуществом, затем следуют преступления, предусмотренные ст. 111 УК РФ, устанавливающей ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, далее преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 105, 107, 109 УК РФ и

покушения на убийства (ст. 30 УК РФ), а также преступления террористической направленности.

Как правило, субъектом преступления является мужчина (87%), женщина – 12% случаев, однако, преступность женщин обладает характерной особенностью в виде рецидива и антисоциальной ориентацией. Возрастная категория варьируется от 25 до 40 лет.

Не углубляясь в интеллектуально-политический дискурс миграции, отметим причинно-следственные факторы совершения иностранными гражданами и лицами без гражданства уголовно-наказуемых деяний:

Во-первых, не смотря на разработанный законодателем правовой инструментарий в сфере миграционной политики, отметим, что нелегальное положение мигрантов, вызванное неразвитостью мигрантской инфраструктуры, приводит к ситуации, когда перемещение таких лиц организуется теневыми посредническими структурами, в результате чего мигранты имеют фальшивые разрешения на работу и медицинские справки и др. Следовательно, уже с момента приезда формируется установка, что законы можно нарушать, в результате чего возникает высокая криминальная активность.

Во-вторых, отсутствие со стороны соответствующих федеральных органов власти и органов местного самоуправления систематического контроля и надзора не только за исполнением миграционного законодательства, но и отсутствие взаимодействия с диаспорами, способными оказать содействие мигрантам в социально-правовой адаптации.

В-третьих, низкий уровень образования и правовой культуры, правового воспитания большей части прибывающих мигрантов, а также незнание российских законов, построении системы права приводит не только к конфликтам, но и совершению противоправных действий.

В-четвертых, не смотря на имеющиеся рычаги противодействия коррупции, возможность уйти от административной и уголовной ответственности посредством осуществления коррупционной деятельности, среди мигрантов достаточно высока.

Уделим особое внимание миграционной преступности, которая совершается в составе организованных межэтнических групп. Не исключая среди участников граждан РФ, все же полагаем, что относительно длительное пребывание иностранных граждан и лиц без гражданства в качестве мигрантов в стране, содержит в себе риск сегрегации. Такое положение может явиться причиной не только порождения различных видов правонарушений и преступлений, но и служит распространением среди мигрантов радикальной идеологии, что

представляет угрозу дестабилизации российского общества.

Как перенастройка системы миграционной политики, Указом Президента РФ в 2023 году были внесены изменения в «Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы», закрепив тезис о противодействии формированию этнических (полиэтнических) анклавов [4].

Основанием для внесения таких законодательных изменений, послужили данные об особенностях миграционных процессов, которые постепенно меняют этнокультурный ландшафт, имея явные риски социально-психологических условий, формирующих готовность к совершению уголовно-наказуемых деяний, совершаемых в составе преступных групп, который заключается в личностных характеристиках субъектов преступлений, их взаимоотношениях, основанных на кланово-родовых отношениях.

Теоретическое обобщение и проанализированные статистические данные позволяют определить, что преступные формирования непосредственно могут оказывать влияние на формирование личности преступника-мигранта, посредством вовлечения его в преступную деятельность, способствовать совершению преступлений. Что служит поводом проведения оперативно-профилактических мероприятий по стабилизации оперативной обстановки на систематической основе. К таким мероприятиям относятся, в первую очередь, меры, направленные на выявление и пресечение не только преступлений, но и административных правонарушений, связанных с нелегальной миграцией, незаконным оборотом алкогольной продукции, наркотических средств и психотропных веществ, оружия.

Так, одно только профилактическое мероприятие, проведенное в Ленинградской области, в 2021 году позволило выявить 2378 правонарушений, запрещенных Кодексом об административных правонарушениях РФ, в том числе по: ст. 18.8 (Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в РФ либо режима пребывания (проживания) в РФ), по ст. 20.1 КоАП (мелкое хулиганство), ст. 18.17 (Несоблюдение установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности), ст. 14.16 (Нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции), ст. 20.20 (Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или

одурманивающих веществ в общественных местах). Возбуждено 59 уголовных дел, за преступления предусмотренные Уголовным кодексом РФ по: ст. 327 (Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков), ст. 228 (Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества), ст. 158 УК РФ (Кража), ст. 322.3 (Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации), ст. 264 (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) ст. 166 (Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения), ст. 151 (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий), ст. 171 (Незаконное предпринимательство), ст. 167 (Умышленное уничтожение или повреждение имущества), ст. 291 (Дача взятки). Из незаконного оборота изъято 19 единиц оружия и 105,95 грамм наркотических средств [3, с. 280].

Отводя большое место профилактическим мерам, применяемы правоохранительными органами, считаем немаловажным организацию специально-криминологических мер предупреждения, направленных на выявление и пресечение деятельности преступных группировок в сфере нелегальной миграции и лиц, проявляющих экстремистские и террористические намерения, с целью дестабилизации российского общества.

Миграционные процессы, являются частью процессов дробления идентичностей и углубление расхождений между ними сопровождается обратным процессом поиска общих оснований для национальной безопасности России. Для реализации данных задач в сфере незаконной миграции необходимо использование со стороны государства комплекса мер:

Во-первых, нельзя исключать привлечение институтов гражданского общества, среди которых немаловажную роль могут играть имеющиеся официальные диаспоры. Следовательно, необходима перенастройка диаспор в национально-культурно-образовательные центры, способные оказать содействие мигрантам в социально-правовой адаптации, формировании правовой культуры, поддерживая культурное и национальное разнообразие российской цивилизации.

Во-вторых, необходимо составить дорожную карту, направленную на развитие мигрантской инфраструктуры, чтобы минимизировать перемещение таких лиц теневыми посредническими структурами с использованием поддельных документов.

В-третьих, систематическое проведение мероприятий, направленных на профилактику нарушений требования миграционного законодательства Российской Федерации федеральными органами власти и органами местного самоуправления.

В-четвертых, важно продолжить и перенастроить международное сотрудничество в сфере противодействия и борьбы с незаконной миграцией и связанной с ней преступностью, взаимодействуя со странами СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ как интеграционными объединениями.

В заключении отметим, что реализация предложенного комплекса мер, позволит существенным образом минимизировать уровень нелегального миграционного потока и уменьшить условия, способствующие совершению на территории Российской Федерации административных правонарушений и преступлений, а, следовательно, в целом улучшить криминогенную обстановку в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Официальный сайт МВД России (статистика и аналитика). URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Миграционная ситуация в Российской Федерации. URL: <https://ecis.info/cooperation/3782/91012/> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Степанов А.П. Миграционная преступность и ее влияние на криминогенную обстановку на территории Санкт-Петербурга / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств участников СНГ. Материалы ежегодной научно-практической конференции. Под общей редакцией А.А. Беженцева. – Санкт-Петербург, 2022.
4. О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 г.г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622: Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 342. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120003> (дата обращения: 11.10.2024).

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КСЕНОФОБИИ И ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

SCIENTIFIC APPROACHES AND PRACTICAL SOLUTIONS IN COUNTERING XENOPHOBIA AND EXTREMISM IN MODERN SOCIETY

А.Ю. Струкова, С.Г. Степаненко

Кубанский государственный технологический университет,

г. Краснодар, Россия

A.Y. Strukova, S.G. Stepanenko

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются научные подходы в противодействии ксенофобии и экстремизму в современном обществе, анализируется их суть. На основе нормативно-правовых актов даётся определение экстремистской деятельности, анализируется понятие ксенофобии. Сделан вывод о том, как в современном обществе улучшить меры по противодействию ксенофобии и экстремизму, а также предлагаются практические решения данной проблемы.

Abstract. The article examines scientific approaches to countering xenophobia and extremism in modern society, analyzes their essence. On the basis of normative legal acts, the definition of extremist activity is given, the concept of xenophobia is analyzed. The conclusion is made about how to improve measures to counter xenophobia and extremism in modern society, and practical solutions to this problem are proposed.

Ключевые слова: ксенофобия, экстремизм, Российская Федерация, национальная безопасность, меры профилактики экстремистской деятельности.

Keywords: xenophobia, extremism, the Russian Federation, national security, measures to prevent extremist activity.

Согласно Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. Россия является многонациональным государством. Все жители нашей страны объединены историческим прошлым, единой властью и экономикой и представляют российский народ. Нации в составе Российской Федерации могут образовывать свои субъекты: республики, автономные области или округа. Это позволяет развивать собственную культуру, язык, проводить национальную политику. Также все граждане, независимо от своей национальности, имеют равные права и обязанности. Однако в современных условиях, на фоне последствий экономического кризиса, политической нестабильности создаются предпосылки для различного рода конфликтов, в том числе на почве межнациональной розни.

На сегодняшний день всё чаще стали проявляться факты

ксенофобии, экстремизма, активизировалось влияние террористических группировок. Следует отметить неуклонный рост преступлений экстремистской направленности: если преступлений данного вида в 2020 году было выявлено 833, то в 2022 году – уже 1 566, в 2023 году – 1 340 преступлений [2]. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство преступлений экстремистской направленности совершается в интернете. В этой связи необходимость научного подхода не только к выявлению, но и к установлению причин и предупреждению совершения данных деяний приобретает особое значение.

Отдельного внимания в совершении действий экстремистской направленности занимает ксенофобия, под которой понимаются различные проявления интолерантности по отношению к группам, которые воспринимаются массовым сознанием как «чужие»; страхи, направленные против определенных этнических общностей или религиозных групп» [3, с. 265]. Ксенофобия может проявляться в любом социуме как естественное явление, представляющее собой своеобразную защитную реакцию общества на возможность негативного воздействия внешних факторов. С другой стороны, она проявляется как деструктивное явление, представляющее собой источник насилия, конфликтов, экстремизма в современном мире.

Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремизмом понимается «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам

ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [6].

Основными нормативно-правовыми актами в сфере регулирования противодействия экстремистской деятельности являются Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года №344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [5]. Данные правовые акты определяют правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливают ответственность за её осуществление.

В настоящее время можно выделить следующие научные подходы к противодействию ксенофобии:

– социобиологический. Согласно этому подходу, ксенофобия представляет собой ошибку генетической программы.

– социально-психологический. В рамках этого подхода ксенофобия рассматривается как естественное социально-психологическое явление, присущее любому обществу. Однако в некоторых случаях она приобретает крайние формы.

– конструктивистский. С позиции этого подхода граница между «своими» и «чужими» организована социально и сопровождается целенаправленным конструированием образа врага (чаще всего с помощью каналов СМИ).

– социально-политический. В рамках этого подхода ксенофобия рассматривается в контексте понятий «коллективной идентичности» и её

центрального механизма – оппозиции «свой-чужие».

– лингвокогнитивный. Этот подход предполагает изучение взаимосвязи между уровнем развития критического мышления и проявлениями толерантности [1, с. 5].

Помимо вышеперечисленных, к научным подходам противодействия ксенофобии относят создание благоприятной поликультурной образовательной среды и развитие педагогической толерантности.

Также следует выделить научные подходы к противодействию экстремизма:

– комплексный подход. Предполагает анализ причин возникновения и распространения экстремизма, выявление субъектов экстремистской деятельности, обеспечение субъектов противодействия информационными ресурсами.

– факторный подход. Направлен на выявление и устранение факторов, способствующих проявлениям экстремизма.

– ориентированный на мотивацию подход. Позволяет раскрыть сущность экстремизма в целом и в отдельных его формах.

– политико-правовой подход. Предполагает исследование сущности политического экстремизма, выявление его признаков и основных факторов, влияющих на возникновение и развитие этого явления.

– ориентированный на конфликт подход. Согласно ему, политический экстремизм порождает конфликты между субъектами экстремизма и общественным окружением [4, с. 36].

Несомненно, ксенофобия и экстремизм порождают негативные последствия как у отдельных людей, так и общества и государства в целом. Производится попытка изменения государственного строя, разрушение государственной целостности, отделение какого-либо народа, нации или группы населения.

В числе средств для минимизации ущерба, а также для противодействия ксенофобии и экстремизму, на наш взгляд, следует предпринимать следующие шаги в современном российском обществе:

1. Необходимо с рождения прививать идеологию интернационализма, воспитывать в ребёнке чувство уважения к другим народам и нациям.

2. Система образования также играет важную роль в жизни человека, она способствует становлению личности. Поэтому воспитание чувства гражданской идентичности, чувства солидарности основанных, на признании себя представителем единого народа России, должно

пронизывать и весь процесс обучения. Для этого важно не только проводить различные мероприятия в этой области, но и, например, проводить различные интерактивные викторины по изучению истории и культуры различных народов.

3. Также методом для профилактики является совершенствование досуга и отдыха молодёжи. Необходимо организовывать бесплатные поездки как для учащихся, так и для сотрудников учебных заведений в различные города, с целью ознакомления с культурой и историей проживающего там народа.

4. Важно улучшать и правовое сознание граждан. Многие не знают, какова ответственность за экстремистскую деятельность и к каким негативным последствиям она может привести. Для разрешения данной проблемы необходимо распространить информацию об этом, например, путём показа соответствующих социальных роликов для учащихся, в том числе и по каналам СМИ.

5. Необходимо предусматривать меры по ресурсной, методической, информационной и экспертной поддержке инициатив и проектов общественных организаций, занимающихся противостоянием ксенофобии и нетерпимости в молодёжной среде.

Библиографический список

1. Астахова А.В. Современные подходы к профилактике ксенофобии в студенческой среде в процессе профессионально-педагогической подготовки // Мир науки. Педагогика и психология: сетевой журн. – 2020. – №1. – С. 1-10.

2. Количество преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных в России с 2010 по 2023 год <https://www.statista.com/statistics/1044921/russia-number-of-extremist-related-crimes/> (дата обращения 02.11.2024).

3. Сагалакова Г.А. Проблема ксенофобии и экстремизма в современном мире// Известия Алтайского государственного университета: сетевой журн. – 2012. – № 3. – С. 265-273.

4. Миц Д.С. Противодействие экстремизму в современной России // Вестник Прикамского социального института: сетевой журн. – 2017. – № 2. – С. 34-40.

5. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года №344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // КонсультантПлюс: справ.-правов. система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/?ysclid=m3afynbqx8821256212 (дата обращения 02.11.2024).

6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 15.05.2024) // Официальный портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221> (дата обращения 02.11.2024).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВОЕННОГО ВУЗА: НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

PEDAGOGICAL DETERMINANTS OF DIALOGICAL INTERACTION OF SUBJECTS OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF A MILITARY UNIVERSITY: SCIENTIFIC DISCOURSE

Д.Е. Матвеев

*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, г. Новосибирск, Россия*

В.А. Беловолов, С.П. Белолова

*Новосибирский юридический институт (филиал) Национального
исследовательского Томского государственного университета,
г. Новосибирск, Россия*

D.E. Matveev

*Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov named after Army General
I.K. Yakovlev troops of the National Guard of the Russian Federation,
Novosibirsk, Russia*

V.A. Belovolov, S.P. Belovolova

*Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State
University, Novosibirsk, Russia*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме, диалогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса как одно из перспективных направлений процесса формирования инкультурационной личности будущего офицера. В статье раскрыты педагогические детерминанты диалогического взаимодействия субъектов образовательного процесса. Диалогическое взаимодействие рассмотрено как процесс диалога культур в поликультурной образовательной среде военного вуза.

Abstract. The article is devoted to the current problem, dialogic interaction of subjects of the educational process as one of the promising directions of the process of formation of the inculturation personality of the future officer. The article reveals the pedagogical determinants of dialogic interaction of subjects of the educational process. Dialogic interaction is considered as a process of dialogue of cultures in the multicultural educational environment of a military university.

Ключевые слова: образование, поликультурное образование, взаимодействие, диалогическое взаимодействие.

Keywords: education, multicultural education, interaction, dialogic interaction.

В современных условиях усиливающиеся процессы интеграции определяют основные векторы развития и подготовки современного общества к жизни, основанной на приоритетах ценностей человеческой

культуры и морали.

Культура становится основной детерминантой общественного развития современной эпохи, объединяющая в себе современное развитие социума, устойчивый и активный рост образованности людей, а также перемещение центра социальной жизни в духовно-культурную, ценностно-смысловую, этнокультурную гражданскую позицию.

Наше современное государство является многонациональным и многокультурным государством, где проживают и взаимодействуют представители различных этносов, которые придерживаются различных культурных ценностей, традиций, образа жизни и верований.

Историко-логический аспект современного российского образования представляет образование как особую форму развития духовно-нравственного обогащения общества и социализации личности; формирования межкультурного социального взаимодействия представителей различных национальностей. Образование как социокультурный институт определяет морально-этическое поведение людей в обществе [7;8].

Педагогическая мысль в современных условиях российского образования изучает развитие культуры и традиций народов государства, развитие и укоренение ценностной сферы общества в культуре, в ценностно-смысловой, этнокультурной и духовно-нравственной направленности.

Современное образование приобретает особую актуальность в подготовке к общению и взаимодействию в поликультурном социуме. Коммуникативный потенциал поликультурной среды связан с возрастающей значимостью культурного многообразия, толерантного отношения как доминанты диалогического взаимодействия в процессе диалога культур [9].

Современные условия развития общества определяют, что офицеру необходимо быть готовым, в процессе эффективного выполнения профессиональных задач, вести межкультурный диалог и проявлять межэтническую толерантность.

Подготовка военных кадров является одной из задач функционирования системы военного образования, это определяет, что перед военными вузами в современных условиях актуализированы вопросы самоактуализации и самореализации будущего офицера в профессиональной деятельности, определены аспекты профессионализма и развития социокультурного потенциала личности на основе ценностно-смысловой составляющей. Это является необходимым условием совершенствования процесса профессиональной

подготовки будущих офицеров, основываясь на ценностно-смысловой, духовно-нравственной, этнокультурной и социокультурной направленности образовательного процесса [8].

Профессиональная подготовка будущего военного специалиста с позиции социокультурной позиции включает в себя одно из перспективных направлений, которое выступает как методологическое обоснование процесса формирования инкультурационной личности будущего офицера на основе диалогического взаимодействия субъектов образовательного процесса, которое является основой отражения объективной реальности развития процесса представителей диалога культур.

Категория «взаимодействие», с позиции философии, прежде всего, является философской категорией и объединяет в себе процесс воздействия объектов, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого [13].

Рассматривая теоретико-методологические подходы учёных Н.В. Бочкиной, А.П. Тряпицыной и др. необходимо сделать вывод, что «взаимодействие» рассматривается с позиции единства отношений деятельности, где обеспечивается реализация внутреннего мира субъекта образовательного процесса к своей этнической культуре [14].

С точки зрения Б.Г. Андреевой, М.В. Борисовой, Н.А. Мелешковой и др. категория «взаимодействие» находит своё отражение в процессе воздействия субъектов друг на друга, раскрывая взаимную обусловленность их действий и социо-культурных ориентаций, где происходит изменение системы потребностей, а также межличностных связей, протекающих в ходе этого процесса [2; 10].

Учитывая выводы, основанные на изучении теоретико-методологического подхода А.А. Бодалева, необходимо отметить, что «взаимодействие» определяется как процесс восприятия и понимания человека человеком, который осуществляется в ходе общения и деятельности в условиях устойчивой и активной позиции участников данного процесса [4; 5].

В контексте рассматриваемого аспекта, диалогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса военного вуза включает в себя чрезвычайно важную идею диалога культур, которой пронизаны работы М.М. Бахтина. Подобной позиции придерживаются С.П. Беловолова, А.И. Джуринский, Л.Л. Супрунова и др., определяющие диалогическое взаимодействие как процесс осознания своей этнической идентичности, формирования типов национальной культуры и противодействия этнокультурной изоляции этнофоров в

процессе диалога культур [8].

Диалогическое взаимодействие выступает основой отражения объективной реальности развития национальных культур, в процессе которых, культурные различия являются источником многообразия исторического процесса сохранения ценностей, традиций этнокультурной и этнодуховной идентификации.

С позиции учёных В.Л. Карпенко, В.А. Конева, С.П. Цаплина и др., диалогическое взаимодействие это взаимообусловленный, двусторонний процесс, который способствует построению системы поликультурных контактов и подчеркивает тяготение самобытных культур к инородным ценностям и образцам [15].

Работы В.В. Сафоновой наиболее полно отражают специфику диалогического взаимодействия как функционально-обусловленное взаимодействие субъектов, где субъекты выступают носителями разных культурных сообществ [12].

Л.А. Белова, Е.Б. Быстрой, Т.В. Штыкова и др. рассматривают диалогическое взаимодействие как практику в области сохранения культурного многообразия представителей различных национальностей; как механизм взаимодействия субъектов по общению, среди представителей различных культур, где происходит взаимообогащение этносоциальной позиции каждого субъекта [3].

Учитывая теоретико-методологическую позицию, обозначенную в трудах учёных Л.В. Блинова, В.Л. Карпенко, В.Л. Недорезовой и др., необходимо выделить, что условия диалогического взаимодействия, которые позволяют сохранять национальную идентичность, обеспечивают механизм конструирования моделей диалогического взаимодействия с этнопедагогическим концептом [6].

В педагогических исследованиях В.Л. Карпенко, В.Л. Недорезовой и др. структура диалогического взаимодействия представлена различными компонентами (когнитивный, аффективный и конативный), которые реализуются в процессе формирования инкультурационной личности будущего офицера [6].

Исследования Л.И. Аббасовой, С.Л. Михеевой и др., позволяют нам утверждать, что диалогическое взаимодействие, с педагогической точки зрения, это процесс организации взаимоотношений субъектов, направленный: на знакомство с культурой своего народа и особенностями национальных культур; на воспитание культуры чувств и их выражения; на приобщение субъектов к национальным обычаям, обрядам, верованиям и традиционной культуре народа [1;11].

Вышеназванные исследования, несмотря на различие подходов,

представляют интерес, прежде всего в плане рассмотрения содержательного аспекта диалогического взаимодействия субъектов образовательного процесса военного вуза, который в себя включает: диалог культур, позволяющий признать культурные различия представителей различных этносов; использование общечеловеческих духовно-нравственных ценностей как фундаментальную основу социума; диалог культур на основе общенациональных ценностей; выявление духовно-нравственного потенциала и компонентов этнических культур; признание каждой этнической культуры самостоятельным уникальным феноменом.

Таким образом, контент-анализ научных источников в контексте современного научного дискурса на основе междисциплинарного подхода позволяет нам констатировать, что диалогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса военного вуза это процесс, в рамках которого диалог между представителями различных этносов в поликультурной образовательной среде военного вуза способствует усвоению знаний о культурах, народах, этносах и ценностно-смысловой сферы субъектов образовательного процесса и направлен на достижение взаимопонимания и восприятия представителя диалога культуры.

Библиографический список

1. Аббасова Л. И. Поликультурное взаимодействие в структуре профессиональной готовности будущих педагогов // Вестник педагогических наук. 2022. № 6. С. 45-48.
2. Андреева Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: «Наука», 1977. – 380 с.
3. Белова Л. А., Заседателева М. Г., Быстрай Е. Б., Штыкова Т. В. Подготовка будущих учителей к межкультурному профессиональному взаимодействию с использованием технологии clil // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. №4. С. 9-18.
4. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд. МГУ, 1982. 200 с
5. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные труды. М.: Педагогика, 1983.
6. Блинов Л. В., Карпенко В. Л. Этнопедагогический концепт межкультурного взаимодействия в самоопределении личности // Педагогическое образование и наука, 2020. № 3. С. 7–11.
7. Матвеев Д. Е., Беловолов В. А., Беловолова С. П., Султанбеков Т. И. Этнопедагогический концепт воспитательной работы в образовательной среде военного вуза как одно из условий формирования инкультурационной личности будущего офицера // Педагогическое образование в России. 2024. № 4. С. 225-235.
8. Матвеев Д. Е., Беловолов В. А., Тимофеев А. И., Султанбеков Т. И. Готовность к деятельности будущего офицера в контексте реализации культуроориентированных подходов // Проблемы современного образования, 2023.

№ 5. С. 134-144.

9. Матвеев Д. Е., Беловолов В. А., Беловолова С. П. Интеркультурное образование как социокультурный феномен // Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества: материалы X международной научно-практической конференции, Казань, 26 мая 2023 года. – Казань: Казанский государственный институт культуры, 2023. С. 644-648.

10. Мелешкова Н. А., Борисова М. В., Мусохранов А. Ю. Психологические аспекты взаимодействия и сотрудничества педагогического работника и обучаемого // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 1 (179). С. 415-419.

11. Михеева С. Л. Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации - Всероссийская научно-практическая конференция // Научный диалог, 2018. № 12. С. 525-529.

12. Сафонова В. В. Изучение международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций // Воронеж: Истоки, 1996. С. 148.

13. Селькова А. В. Межкультурное взаимодействие как категория воспитания студенческой молодежи // Философия образования, 2019. Т. 19, № 2. С. 175–185.

14. Тряпицына А. П. Современное взаимодействие педагогической теории и практики в контексте изучения наследия С. Г. Вершловского // Непрерывное образование. 2022. № 1(39). С. 9-14.

15. Цаплина С. П. Проблемы межкультурного взаимодействия в современном мире // Многонациональная Россия: Вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II научно-практической конференции. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2021. С. 205–210.

РАЗДЕЛ VII. НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹

PESSIMISTIC FUTURE SCENARIOS IN THE FACE OF GLOBAL UNCERTAINTY

Е.В. Давлатова

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

E.V. Davlatova

Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Аннотация. Глобализационные процессы охватили все сферы жизни современного общества, изменив экономические, политические и социальные отношения, привычный уклад жизни людей, культурные нормы, обычаи и нравы. Современная цивилизация находится в ситуации неопределенности и рисков. В контексте бурных и непредсказуемых перемен появилась необходимость в прогнозировании дальнейшего развития всего человечества. Сценарии являются одним из методов, позволяющих представить различные варианты развития будущего и найти возможности преодоления нежелательных последствий. В статье представлены основные наиболее дискуссионные и обсуждаемые пессимистические сценарии будущего.

Abstract. Globalization processes have covered all spheres of life in modern society, changing economic, political and social relations, the usual way of life of people, cultural norms, customs and mores. Modern civilization is in a situation of uncertainty and risks. In the context of rapid and unpredictable changes, there is a need to predict the further development of all humanity. Scenarios are one of the methods that allow you to imagine different options for the future and find ways to overcome undesirable consequences. The article presents the main most controversial and discussed pessimistic scenarios for the future.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, неопределенность, глобальная неопределенность, концепции, сценарии, модели, будущее, прогнозы, общество, цивилизация

Keywords: globalization, integration, uncertainty, global uncertainty, concepts, scenarios, models, future, forecasts, society, civilization

В наши дни интеграция и межнациональное сотрудничество,

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта НИР «Антропологические угрозы глобализирующегося мира и социокультурные средства их минимизации», № ГР20210709, 2021-2025 гг., при финансовой поддержке ГПНИ

охватывающие все большее количество стран, привели к появлению глобализационных процессов нового содержания, обострив уже существующие противоречия в обществе. Одним из существенных признаков глобализации стали неопределенность и формирование новых видов рисков и угроз со значительными последствиями для существования всего человечества. «В связи с этим появилась необходимость новой рефлексии современных социальных процессов в контексте безопасности. Поэтому такие понятия, как «неопределённость» и «риск» стали не только ключевыми в определении основных черт современного общества, но и приобрели статус общенаучных категорий. Сегодня они являются главными составляющими в ряде базовых социально-философских категорий, таких как «общество», «личность», «социальный институт» и т. д. В последнее время теоретические и прикладные исследования неопределенности и риска становятся актуальным ответом исследователей на запросы социальной реальности» [2, 180.]. Все чаще применительно к глобализационным процессам среди исследователей используется термин «глобальная неопределенность».

Понятие «неопределенность» является научным термином, трактовка которого также неоднозначна. В философском словаре неопределенность трактуется как «термин, используемый в логике», и определяющий «недостаточную точность и ясность в выражении мысли, которая, в связи с этим допускает две или даже множество интерпретаций» [5]. Неопределенность как «осознание недостатка знаний о текущих событиях или о будущих возможностях» характеризуется в экономическом словаре [6]. В Большом толковом словаре русского языка этот термин формулируется как «1. неопределенность направления, развития. Неопределенность выводов, суждений, желаний, обещаний; 2. Неопределенное положение, отсутствие определенности» [1]. В словаре «Управленческая экономика. Инструментарий руководителя» неопределенность применяется «к ситуациям, когда не существует метода определения вероятности случайных событий в будущем» [3].

В научных исследованиях «неопределенность» рассматривается как мера информации (М. Альберт, А.И. Архипова, А.К. Большакова, Р.М. Качалова), как возможность вариативного выбора (Е.Е. Куликова, С Роджер), как источник риска (Т. Бартон, Я.Д. Вишняков, Х.Ф. Найт, В.П. Щербина, Л.Н. Тэпман, А.А. Тягунов), как неясность реализации событий, возникших при неясных, либо непредвиденных

обстоятельствах (М.Альберт, М Мексон, О.Н. Первушина), как неверная, несвоевременная или недостаточная информированность участников о происходящих событиях, неполное знание об объекте (В.Д. Миловидов, А. Бенерджи, А. Тверски, Ю.К. Ахапкина) и т.д. Категория «неопределенности» успешно нашла применение в математике, кибернетике, экономике, психологии, социологии и в естественных науках. Понятие «неопределенность» чаще всего употребляется, когда невозможно точно описать процедуру постановки проблемы, охарактеризовать нерегулируемую многовекторность социального развития.

В исследованиях по философии понятие «неопределенности» рассматривается в рамках классической и неклассической философии. Большое внимание уделяется историческому аспекту понятия «неопределенность» (Э. Кассирер, Т. Адорно, Р. Тарнас, Б. Рассел, П.П. Гайдено, В.В. Соколова, Э.Г. Юдин, П.С. Гуревич, А.Л. Никифорова и др.). Подробный анализ онтологических и гносеологических сторон этому термину дан в диссертационном исследовании В.О. Фабера. В рамках субъект-объектных взаимодействия и объекта познания данную тему изучали В.Ф. Асмус, В.В. Лазарева, В.И. Аршинов, Г. Фолмер, М. Уильямс, Л.А. Маркова, Л.А. Микешина, О.Н. Первушина. Неопределенность как часть коммуникативной среды, окружающей субъекта, представляют О.Б. Соловьев, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина, И.А. Герасимова.

В рамках гносеологической неопределенности изучение этой категории можно найти в работах В.Н. Савченко, Е.В. Ковешникова, С.Б. Быстрянцева, А.М. Дорожкина, Н.Г. Баранец. Часто понятие «неопределенности» рассматривается в сравнении с понятием «риска» (Е.М. Матюх, М.А. Орлова, А.А. Тягунов). Проблема неопределенности нашла свое отражение и в синергетике (И. Пригожин, Е.Н. Князева, В.Г. Буданов, Ю.Б. Молчанов), в рамках которой она представлена как одна из основных характеристик точек бифуркации в процессах самоорганизации общества. Принято считать, что точки бифуркации составляют переломный момент развития, когда невозможно предсказать что-либо. Большой вклад в изучение данной темы внесли М. Хайдеггер, Ю.М. Лотман, Э. Тоффлер, У.Бек, Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр. В работах В.С. Степина, В.И. Аршинова, С.П. Курдюмова, Е.Н. Князевой, В.Г. Буданова утверждается, что процесс появления неопределенности в социуме стал неотъемлемой частью общественного развития. Концепция «футуршока» Э. Тоффлера определяет неопределенность как результат нестабильности, изменчивости

социальных и культурных процессов в обществе. Во всех вышеперечисленных работах исследователей разных областей науки понятийное наполнение категории неопределенности чрезвычайно разнообразно, и единого общепризнанного определения в настоящее время нет. Так же как и термин «глобализация» неопределенность рассматривается в рамках различных направлений научного знания, с разных методологических и мировоззренческих позиций исследователей и в зависимости от специфики решаемых задач, привязывается к понятийному аппарату исследуемой предметной области.

Что касается понятия «глобальная неопределенность», то оно в науке и философии разработано в меньшей степени, чем понятия «глобализация» и «неопределенность». Большинство авторов в своих работах применяют термин «глобальная неопределенность» как оценочную характеристику, которая выражает состояние развития современного социума, как некоторое условие для существования и развития какого-либо социального явления, как нечто данное, но как предмет исследования оно не изучается.

Современная цивилизация находится в ситуации неопределенности, когда трудно давать прогнозы даже на ближайшее будущее. В контексте бурных и непредсказуемых перемен прогнозы, существующие ранее, имели слабую научную базу и не отвечали запросам настоящего времени, поэтому стало очевидным в необходимости новых сценариев дальнейшего развития всего человечества. Сценарии являются одним из методов, позволяющих представить различные варианты развития будущего и найти возможности преодоления нежелательных последствий.

В статье будут рассмотрены основные наиболее дискуссионные и обсуждаемые пессимистические сценарии будущего.

Пессимистическими сценариями принято считать такие концепции, в которых представлена реализация соответствующих событий и их последствия, которые могут привести к максимальному ущербу и трагическим результатам развития будущего для общества. Во второй половине XX века создается ряд правительственных и неправительственных организаций при университетах, международных организациях, занимающихся изучением глобальных проблем и моделированием будущего, публикуются научные работы прогностического характера среди известных экономистов, философов, историков, социологов и политологов.

Следует особо отметить деятельность международной неправительственной общественной организации под названием

«Римский клуб», созданной по инициативе итальянского экономиста А. Печчеи в 1968 году с целью исследования развития человечества в эпоху информационного общества и поиска методов решения глобальных проблем. В состав организации вошли известные ученые, общественные деятели, представители политического, финансового и культурного истеблишмента многих стран мира, в том числе из России. С того времени организацией была подготовлена серия коллективных научных докладов-проектов под общим названием «Затруднения человечества». В 1972 был опубликован первый научный доклад «Пределы роста» с анализом и прогнозами на период с 1900 по 2100 гг., в подготовке которого приняли участие Дж. Форрестер, ранее разработавший методику системного анализа под названием «Глобальная модель развития мира – Мир -2» и Д. Х. Медоуз, Д. А. Медоуз. В отчете был представлен прогноз тенденций мирового развития, и доказано, что безудержный промышленный рост и потребление ресурсов неизбежно приведет к катастрофическим последствиям. Было предложено сократить темпы роста населения и промышленного производства. Доклад привлек к себе большое внимание известных учёных разных стран и получил широкий резонанс.

В 1974 году во втором докладе клуба (авторы: профессор системной инженерии из Сербии М. Месарович и немецкий экономист, политик Э. Пестель), под название «Человечество на перепутье», отмечено, что под воздействием глобализационных процессов страны и регионы тесно связаны между собой и взаимозависимы. Авторы подтвердили выводы, сделанные исследователями первого доклада о необходимости дифференцированного подхода к развитию различных стран и регионов и создания программы выживания человечества. Ими была предложена концепция «органического роста», в которой отмечалось, что существующее социальное неравенство между целыми регионами мира, угрозы экономического и техногенного характера и дальнейшее бесконтрольное развитие общества только усугубит кризисные явления в обществе и приведет к региональным катастрофам. В связи с этим, считали авторы доклада, необходимо перейти к динамическому устойчивому глобальному равновесию во всех сферах жизни общества.

В 1977 году в научном докладе венгерского философа Э. Ласло под названием «Цели для человечества» была представлена концепция «глобальной солидарности» для достижения успехов в борьбе с глобальными угрозами. Группа ученых во главе с Э. Ласло, проанализировав деятельность транснациональных корпораций, различных международных и религиозных организаций пришли к

выводу о необходимости выработки коллективного решения глобальных проблем и целей мирового развития.

Всего по заказу Римского клуба известными учёными общественными деятелями разных стран было подготовлено более 30 научных докладов с различными сценариями развития будущего, охватившие в целом все глобальные проблемы современности. Деятельность Римского клуба содействует пониманию глобальных проблем, стоящих перед человечеством, анализирует, изучает и пропагандирует возможности их преодоления, предлагает сценарии решения кризисных ситуаций современного мира.

Среди известных исследователей следует отметить американского философа, социолога, футуролога Э. Тоффлера предложившего концепцию «футурошока» и описавшего глобальные проблемы будущего в своих работах «Шок будущего» (1970), «Третья волна» (1980), «Восприимчивая корпорация» (1985) и др. В них он выдвинул идею развития человечества через социальные конфликты и противоречия, считая их закономерным процессом развития общества. Третья волна развития (постиндустриальное общество), в котором пребывает современная цивилизация, создала общество, где производительной силой стали информация, интеллектуальные технологии и работники интеллектуальной сферы, а информация и знание – источником власти, что привело к фундаментальным изменениям во всех сферах жизни общества, считает автор. Стремительные социально-политические, экономические и культурные перемены в социуме, психологические нагрузки стали большим испытанием и культурным шоком для человечества от столкновения с будущими переменами, что может привести к трагическим последствиям.

Сценарий будущего был представлен американским социологом и политологом С. Хантингтоном в работе «Столкновение цивилизаций», опубликованной в 1993 году в виде системы, где мир будет поделен на сферы влияния вокруг ведущих стран, в основном западных, которые он назвал «стержневыми государствами». [4, с. 238-243].

С. Хантингтон один из первых признал неизбежность возникновения полицентричной мировой системы, основой которой должны стать «стержневые государства». «В этом мире сложится либо порядок цивилизаций, либо вообще никакого. В этом мире стержневые страны цивилизаций являются источником порядка внутри цивилизаций, а также влияют на установление порядка между цивилизациями путем переговоров с другими стержневыми государствами» [4, с. 239].

Ключевой идеей его концепции является прогноз о том, что будущие конфликты будут связаны не с идеологическими и экономическими противоречиями между странами, а с их цивилизационными различиями, прежде всего культурными.

Таким образом, проведенный анализ наиболее известных пессимистических концепций развития будущего позволяет сделать вывод о том, что прогнозы разнообразны, во многом отличаются друг от друга в понимании, решениях и методах преодоления глобальных проблем современного мира. Развитие социума нелинейно и не подчиняется каким-либо однозначным закономерностям, некоторые незначительные на первый взгляд события могут привести к коренным изменениям всей системы. Поэтому прогнозирование всегда связано с неопределённостью и риском неправильной трактовки событий будущего. Однако не следует отказываться от этого метода исследования, так как он помогает анализировать и искать возможности для преодоления проблем общественного развития.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь URL [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BD%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&mode=slvari&l=1&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BD%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&mode=slvari&l=1&dicts[]=42) (дата обращения: 21.11.2023)..

2. Матюх Е.Т. Неопределенность общества как причина возникновения социальных рисков современности // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. №1. С.180-186.

3. Словарь. Управленческая экономика. Инструментарий руководителя [Электронный ресурс]. URL <https://1252.slovaronline.com/86-%D0%BD%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%B%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>. (дата обращения: 21.11. 2023).

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО « Издательство АСТ, 2003. 603 с.

5. Философский словарь онлайн [Электронный ресурс]. URL https://philosophy_dictionary.academic.ru/571/%D0%9D%D0%95%D0%9E%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%94%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC. (дата обращения: 21.11. 2023).

6. Экономический словарь онлайн. – [Электронный ресурс]. URL https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18626. (дата обращения: 23.11. 2023).

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

THE BASIC FEATURES OF THE CONTEMPORARY WORLD ORDER: GEOPOLITICAL FORECAST

Е.В. Рябинин

*Мариупольский государственный университет им. А.И.Куинджи,
г. Мариуполь, Россия*

Ye.V. Ryabinin

Mariupol State university named after A.I.Kuindzhi, Mariupol, Russia

Аннотация: в статье рассматриваются современные процессы трансформации современного мирового порядка. Желание контролировать политические процессы в каждом регионе мира, вмешательство во внутренние дела государств, дорогостоящие военные кампании привели к тому, что США экономически надорвались и были вынуждены покинуть государства, в которых проводили гуманитарную интервенцию либо государственные перевороты. Все это привело к хаосу на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Современные геоэкономические процессы заставили Россию и Китай стимулировать интеграционные процессы на территории коллективного Востока.

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, the United States became the only state that determined the architecture of international relations. The desire to control political processes in every region of the world, interference into the internal affairs of states, expensive military campaigns led to the fact that the United States overstrained itself economically and was forced to leave the states in which it carried out humanitarian intervention or coup d'état, which led to chaos in the Middle East and in the post-Soviet space. The geo-economic processes taking place in the world today have forced Russia and China to stimulate integration processes in the territory of the collective East.

Ключевые слова: Россия, США, Китай, мировой порядок, транзит, конфликт.

Keywords: Russia, USA, China, world order, transit, conflict.

После окончания эпохи биполярной системы международных отношений политические эксперты и среднестатистические обыватели заговорили о возможности «кантовского» вечного мира.

Мировой порядок на тот момент определялся следующими характеристиками:

- позиционирование Соединенных Штатов как основного и единственного полюса влияния;
- навязывание своей модели политического, экономического, социокультурного развития всему миру и признание этой модели единственно правильной;
- использование технологий цветных революций для

осуществления государственного переворота в странах, имеющих важное значение для США больше с геополитической точки зрения, нежели геоэкономической, поскольку подавляющее большинство государств, которые пострадали от государственных переворотов особыми экономическими показателями не отличались;

- ведение мировой ресурсной войны в государствах, которые обладают природными ресурсами под видом борьбы за права человека в этих государствах (Ирак, Ливия, Сирия);

- территориальное переформатирование регионов и стран для создания более лояльных государств;

- размывание сущности суверенитета и постепенное снижение важности его институтов;

- расширение НАТО и максимальное приближение к границам России с целью дальнейшего дробления России на несколько государств, полностью подконтрольных западной политической и экономической элите;

- дальнейшее продвижение идеи глобализации как инструмента более легкого контроля над регионами и государствами.

Данный мировой порядок просуществовал до конца 2000-х годов, наглядно продемонстрировав все отрицательные тенденции однополярного мирового порядка.

Автор данной статьи предпринял попытку анализировать основные черты и тенденции современного транзитного мирового порядка, а также очертить контуры нового мирового порядка.

Первым признаком современного транзитного мирового порядка является *восстановление не только регионального, но и глобального влияния России*. Наблюдая за текущим развитием событий и будучи вовлеченной в планы США относительно снижения своей роли в мировой политике до предельного минимума, Россия не могла согласиться с подобным сценарием. Выступление президента России В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в 2007 году стало первым сигналом позиции России, которую уже в августе 2008 года США проверили на серьезность при помощи эскалации конфликта в Южной Осетии. Так называемая «арабская весна», которая стала катализатором успеха для ИГИЛ (деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации), стала важным моментом в контексте очередного этапа трансформации мирового порядка и возможного перераспределения ресурсов и путей их доставки. По мнению автора статьи «арабская весна» была рассчитана на изменение внутривнутриполитической обстановки, а значит и

внешнеполитического вектора, только в трех странах – в Ливии, Сирии и Иране. Если в первом случае это удалось, превратив государство в failed state, почти удалось и в случае с Сирией, то Иран выдержал очередную попытку расшатать государство. Как известно, еще в 1970-х годах со стороны Катара были предприняты попытки строительства трубопровода через Сирию в Европу, чтобы снизить зависимость Европы от советского газа, такая же попытка была совершена при Б.Асаде. Неуступчивость сирийского лидера обернулась для государства захватом ее территорий террористической группировкой ИГИЛ, (деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации) а также масштабными разрушениями. Западному миру вновь не удалось снизить зависимость от российского газа, а успешная российская операция в Сирии показала эффективность вооруженных сил РФ.

Ряд экспертов по вопросам Ближнего Востока критикуют Россию за ее вмешательство в ситуацию в Сирии, заявляя, что она дестабилизировала обстановку. Нельзя согласиться с подобным утверждением, поскольку оно не имеет под собой никакой доказательной базы. Прежде всего, если представить ситуацию, когда РФ не отреагировала бы позитивно на просьбу руководства Сирии о введении своих войск, события могли развиваться по следующему сценарию. Прежде всего, правительственные войска не выдержали бы военного натиска ИГ (деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации) и в течение года-двух прекратили свое существование. Схожая ситуация могла произойти и в Ираке. Далее, войска ИГ (деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации) двинулись бы на Афганистан и страны Центральной Азии, дестабилизировав ситуацию в этом регионе, который является южным подбрюшьем России. При дальнейшем возможном бездействии России, группировки ИГ (деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации) могли бы начать свои операции на Северном Кавказе, что снова бы дестабилизировало бы ситуацию в России, как это было в 1990-е годы.

Таким образом, укрепились позиции России не только на постсоветском пространстве, но и в ближневосточном регионе, азиатском, в частности с Китаем и Индией. В первой половине 2022 года ряд африканских государств стали рассматривать российский вектор более выгодным для себя, нежели европейский.

СВО является своего рода финальной стадией процесса закрепления России как влиятельного актора международных отношений. Не

вызывает сомнений и будущая операция Китая по возвращению Тайваня. КНР на сегодняшний момент изучает российский опыт ведения СВО (а именно минимальный ущерб гражданскому населению), опыт противодействия санкциям. Можно с уверенностью утверждать, что против Китая не будут введены настолько мощные санкции как против России, по причине того, что доля РФ в мировой экономике составляет 3%, а доля КНР 18% и давление на Китай будет несравнимо ниже, чем нынешнее санкционное давление на Россию.

Усиление позиций России позволит переформатировать мировой порядок и создать реальный двух/многополюсный мир.

Второй отличительной чертой транзитности мирового порядка является *формирование биполярной системы международных отношений, которая находит свое выражение в столкновении таких полюсов как коллективный Запад и коллективный Восток.*

Сегодня уже сформировалось понятие «коллективный Запад», центром которого является США, а Великобритания и Европейский Союз являются основными его сателлитами и выразителями интересов США. Учитывая общность интересов России, Китая, Саудовской Аравии, Кувейта, Ирана, сегодня можно говорить о формировании «коллективного Востока», который пытается отстаивать свои интересы, без оглядки на западные приоритеты. Однако, говорить о единстве коллективного Востока по примеру коллективного Запада еще рано, поскольку текущее единство определяется необходимостью объединения сил перед единым врагом, члены коллективного Востока достаточно разнообразны по своему менталитету, мировоззрению, развитию, а, следовательно, есть вероятность расхождения по некоторым критическим вопросам в будущем. Однако, коллективный Запад также на протяжении последних тридцати лет не характеризовался единством относительно операции в Афганистане и Ираке, Венгрия сегодня больше опосредовано поддерживает Россию в ее конфликте с Украиной.

В связи с вышеизложенным, следует отметить, что в ближайшее время мир снова станет, с одной стороны, многополярным, поскольку на сегодняшний день не существует таких мощных государств как СССР и США, с другой стороны он будет биполярным исходя из задач и интересов блока государств, представляющих Запад и Восток, причем географически страна, находящаяся на Востоке (Япония, Южная Корея) может присоединиться к западному блоку, а страна Запада или Юга (Бразилия, ЮАР) может склоняться к сотрудничеству с коллективным Востоком. Страны Латинской Америки будут напоминать движение неприсоединения, они будут пытаться быть равноудаленными от

противостояния между коллективным Западом и Востоком, хотя, будут в большей степени склоняться к коллективному Востоку, в кооперации с которым у них будет больше автономии в своей внутренней и внешней политике. Вектор движения Латинской Америки будет опосредованно зависеть от Бразилии как одного из самых передовых государств региона. Индия, скорее всего, также продолжит политику неприсоединения, как это было во времена «холодной войны», но больше будет склоняться к коллективному Востоку, найдя компромиссы с КНР и поддерживая политику БРИКС, которая является институциональным выражением коллективного Востока.

Еще одной чертой современного процесса транзитности является *окончательный этап распада разорванных государств в рамках поиска народами совпадения культурных и цивилизационных границ.*

Известный американский политолог С. Хантингтон в своем труде «Кто мы?» отмечает: «... идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимание того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Идентичность важна потому, что она определяет поведение человека» [3, с. 54].

Идентичность, влияющая на поведение человека может привести к конфликтной ситуации, когда группа людей с определенной идентичностью выступает в конфликт с другой группой людей, имеющих другую идентичность и эти две идентичности при определенных обстоятельствах являются взаимоисключающими, что приводит к насилию и перерастает в межэтнический конфликт.

Т. Гарр считает, что народы/люди имеют большой набор признаков для коллективной идентичности: общая история, мифы, религиозные верования, язык, регион проживания, коллективные группы, которые чаще называются этническими группами, меньшинствами. Ключ к идентификации группы – это не только наличие какой-либо черты или комбинации черт, а чаще это общее восприятие, определяющее черты [5, с.57].

Ярким примером проблемы идентичности внутри общества стала Украина. Украина – глубоко расколотое государство, части которого относятся к разным цивилизациям, причем конкурирующим друг с другом в экзистенциальном выражении. Западная Украина принадлежит к западноевропейской цивилизации, население которой всегда тяготело к НАТО и ЕС. Восточная Украина является частью православной цивилизации. Ее политические предпочтения всегда лежали в плоскости сотрудничества с РФ и странами постсоветского

пространства. Представители западной Украины, взяв власть в 2004 и 2014 годах (в обоих случаях абсолютно нелегитимно), стали навязывать свои ценности всему государству, обозначив себя новым Пьемонтом. Эти ценности, а именно, прославление фашистских коллаборационистов из УПА, навязывание украинского языка и всестороннее его использование, создание автокефальной Православной Церкви Украины, разрыв отношений с Россией и объявление евроатлантической интеграции как основных внешнеполитических приоритетов государства, стали основной причиной гражданской войны на Украине, которую украинские власти упорно называли сепаратистским конфликтом или войной между Украиной и Россией уже на этапе 2014 года. Только отделение пророссийских регионов от Украины и полная ее демилитаризация может служить залогом долговременного мира в Европе, а также сформированности нового мирового порядка, который, как мне кажется, будет закреплён в соглашении между РФ, США, ЕС с учетом интересов данных стран, но без учета интересов самой Украины, которая и на данном этапе конфликта утратила все возможные элементы суверенитета.

Другим таким государством может стать Босния и Герцеговина, в которой усиливаются трения между тремя частями, особенно между боснийской и сербской. Процессы ирредентизма в этом государстве выходят на новый уровень и, возможно, в ближайшие несколько лет государство снова будет вовлечено в гражданский конфликт с последующим возможным расколом и присоединением Республики Сербской к Сербии, хорватской части к Хорватии. Есть еще ряд государств, такие как Эфиопия, Камерун, Нигерия, Ангола, Мали, Ливия, Ирак, Пакистан и другие, в которых сепаратистские/ирредентистские процессы идут достаточно давно и активно, могут стать новыми очагами активных боевых действий.

Главным, на взгляд автора, признаком переходного периода, а также основной характеристикой последующего мирового порядка будет *завершение эпохи глобализации и восстановление важности института суверенитета (но только для узкого круга государств)*. Текущая ситуация является явным признаком того, что эпоха глобализации подходит к своему завершению. Ее активная фаза наблюдалась в последние 30 лет и была обоснована распадом Советского Союза, вовлечением ее бывших республик (а также стран социалистического лагеря в некоторых случаях) в процесс интеграции в евроатлантические структуры, а также в мировые экономические и политические процессы. Технологический прорыв ускорил процесс интеграции уже на низовом

уровне, когда простые граждане могли беспрепятственно путешествовать в разные регионы мира и коммуницировать при помощи различных средств связи. Данная эпоха характеризовалась активными интеграционными процессами на межгосударственном уровне, что в некоторых случаях (ЕС, НАТО) означало добровольный отказ от суверенитета. Главным трендом постбиполярной системы международных отношений являлся отказ от суверенитета и снижение важности его институтов, что является достаточно парадоксальным, поскольку именно суверенитет был краеугольным камнем Ялтинско-потсдамского мирового порядка. Следует отметить, что после окончания холодной войны в международных отношениях превалировал неolibеализм. Причем, это проявлялось не только в экономической сфере, но и в сфере гуманитарной. С одной стороны, человеку были даны максимальные права для реализации и ведения гедонистического образа жизни. Это выражалось в потакании выражения своей природы некоторых групп/меньшинств людей, что впоследствии стало нормой и даже навязывалось не только как такое, что имеет право на существование, но и стало внедряться, особенно в Европе, как нечто лучшее по сравнению с нормой. Общеeвропейская гуманитарная политика привела к резкому падению моральных устоев народов Европы, ослаблению их духовных принципов, а в совокупности с миграционной политикой, к обезличиванию населения Европы с национальной точки зрения. Для более легкого управления населением Европы перед политиками стояла задача реализации политики «плавильного котла» или мультикультурализма для лишения народов Европы фактора этнической, национальной, гражданской идентичности и усиления идентичности общетерриториальной, т.е. европейской. Также было взято направление на снижение роли самого государства и выведения регионов государств на передовые позиции в контексте ведения международных отношений. Лозунг Европейского Союза «Европа будущего – это Европа регионов» обозначил стремление Европы минимизировать суверенитет государства путем обеспечения регионов инструментами для ведения международных отношений, и трансграничное сотрудничество стало первым элементом надления регионов элементами автономности [1, с.112].

Предвидя тенденцию ослабления института суверенитета, Великобритания вышла из ЕС, оказывая влияние на европейскую повестку дня. На сегодняшний день только четыре государства, а именно, Россия, КНР, США и Великобритания (не в полной мере) обладают суверенитетом, способны оказывать влияние на политико-

экономические процессы не только в отдельных регионах, но и во всем мире. Настоящим суверенитетом будут обладать не более десяти государств, остальным же будет отведена роль контроля над населением в контексте ограничительных мер в случае повторения пандемии либо контроля над их социально-политической и финансовой активностью.

Следующим фактором является *снижение роли ООН*. Данная организация сегодня становится похожа больше на Лигу Наций, которая была мертворожденной организацией и не оказывала никакого влияния на политические события, происходящие в межвоенное время. Соединенные Штаты создали прецедент в 2003 году, когда в разрез решению Совбеза ООН, провели военную операцию против Ирака. Сегодня же многие события (на Донбассе и на Ближнем Востоке) осуществляются государствами без учета мнения ООН, чья роль в мире сегодня становится номинальной.

Еще одним фактором является *расширение зоны влияния НАТО на азиатский регион*. Стремительно меняющаяся конфигурация политического мира заставляет Японию пересматривать доктрину национальной безопасности второй раз за десять лет. Усиление японского милитаризма началось практически одновременно с «русской весной» на Донбассе, когда стало ясно, что конфликт быстро не закончится и США стали «подтягивать» максимальное количество сторонников в свой лагерь. 19 сентября 2015 года в Японии приняли новый закон, согласно которому разрешилось властям использовать Силы самообороны Японии в военных действиях за пределами страны. Япония мелкими шагами осторожно шла к возможности иметь свои полноценные вооруженные силы.

Активная трансформация современного мирового порядка заставляет США выводить Японию на рельсы милитаризации на фоне потенциального конфликта коллективного Запада с Китаем. 16 декабря 2022 года Япония приняла новую стратегию национальной безопасности, руководствуясь тем, что «сфера международной безопасности приобрела сложную конфигурацию со времен окончания Второй мировой» [6]. Согласно новым положениям, Япония может совершать «контрудары» для предупреждения вражеских ударов. Под эту трактовку можно поднести все, что угодно. Это напоминает философию концепции R2P (Responsibility to protect), когда США могут применить силу где угодно и против кого угодно, если они посчитают, что в какой-то стране нарушаются чьи-то права или уровень развития демократии недостаточно высок.

Кроме того, в документе определены основные соперники, среди

которых Япония рассматривает Китай как «наибольший стратегический вызов», Северную Корею как «еще более серьезную угрозу, чем ранее», а Россию как «вызывающую беспокойство с точки зрения обеспечения безопасности».

В новой доктрине Япония решила удвоить военные расходы на оборону, увеличив их к 2027 году примерно до 2% ВВП страны – это \$320 млрд [2].

В последнее время Япония слишком часто «мелькает» на саммитах НАТО с 2021 года, а также на встречах министров иностранных дел стран-членов НАТО. На юбилейном саммите в Вильнюсе премьер Кисида делал исключительно проукраинские заявления и обещал внести особый вклад в сотрудничество с блоком [7]. Кроме того, Япония стала первым государством не членом НАТО, которое подписало Соглашение о поддержке Украины и сотрудничестве между странами [4]. Это может свидетельствовать о том, что Япония готовится присоединиться к НАТО, но пока только концептуально. Также в регионе особую роль играют такие организации как QUAD и AUKUS, которые могут стать платформой для азиатского НАТО.

По мнению нового премьер-министра Японии Сигеру Исиба, который является сторонником создания азиатского НАТО, азиатский регион не имеет региональной системы обороны, что делает его уязвимым, особенно перед Китаем и в этой организации особую роль должны играть США в контексте предоставления ядерного оружия странам региона.

Если говорить о последующем мировом порядке, следует отметить, что он будет выражаться в противопоставлении двух полюсов, а именно коллективного Запада (США, ЕС и примкнувшие к ним) и коллективного Востока (РФ, КНР, ИРИ, Катар, Индия, Саудовская Аравия, страны Ближнего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии), что ослабит единоличное влияние коллективного Запада и даст возможность государствам мира выбирать вектор сотрудничества, не ограничиваясь только одним безальтернативным прозападным направлением. Однако, даже «полюсная» организация государств не будет такой крепкой, как во времена холодной войны. Текущая ситуация свидетельствует о том, что мир скатывается в довестфальскую эру – мир с мощными державами, но без основных полюсов влияния. Другими словами – мы вступаем в эпоху мирового беспорядка (в котором нет общих правил осуществления мировой политики), в котором каждое государство само за себя.

Библиографический список

1. Кузьмин Э.Л. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете. М.: Международные отношения. 2018. 376 с.
2. МИД увидел в стратегии Японии «беспрецедентное наращивание» военной мощи. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63a444579a79477547eb72ea>
3. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ МОСКВА, 2004. 635 с.
4. Easton Y. Japan warms up to NATO. URL: <https://thediplomat.com/2024/07/japan-warms-up-to-nato/>
5. Gurr Ted R. Minorities at risk. A global view of ethno-political conflicts. United States institute of peace press. 1993. 427 p.
6. Johnstone C. When actions match words: Japan's national security strategy at one year. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0163660X.2024.2326726>
7. Prime minister Kishida attends the NATO Summit. URL: https://www.mofa.go.jp/erp/ep/pageite_000001_00446.html

ФОРМИРОВАНИЕ КУРДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)

FORMATION OF KURDISH NATIONALISM (END OF THE 19TH – FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY)

Э.Г. Вартаньян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

E.G. Vartanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена процессу формирования курдского национализма в условиях существования деспотического режима османского султана Абдул Хамида II в последней трети XIX – начале XX в., возникновения среди народов империи предпосылок для этнополитической консолидации и изменения в этой связи политики Порты в курдском вопросе – от репрессивных мер к заигрыванию со знатью. Рассматривается начало борьбы курдов за самоопределение с просветительской деятельности через органы периодической печати. После победы Младотурецкой революции 1908–1909 гг. возможностей для деятельности курдской интеллигенции стало больше, сформировалась главная политическая цель движения – борьба за единое государство – независимый Курдистан. Автор приходит к выводу о том, что в рассматриваемый период курдские общества представляли собой небольшие кружки с неопределенной программой действий. В деятельности этих обществ отразились типичные слабости курдского движения, порожденные общей отсталостью курдского общества рубежа XIX–XX вв., однако они сыграли важную роль в формировании идей национального самоопределения.

Abstract. The article is devoted to the process of formation of Kurdish nationalism under the despotic regime of the Ottoman Sultan Abdul Hamid II in the last third of the 19th

– early 20th centuries, the emergence of prerequisites for ethno-political consolidation among the peoples of the empire and the change in the Porte's policy on the Kurdish issue in this regard – from repressive measures to flirting with the nobility. The article examines the beginning of the Kurdish struggle for self-determination with educational activities through periodicals. After the victory of the Young Turk Revolution of 1908–1909, opportunities for the Kurdish intelligentsia increased, and the main political goal of the movement was formed – the struggle for a single state – an independent Kurdistan. The author comes to the conclusion that during the period under consideration, Kurdish societies were small circles with an undefined program of action. The activities of these societies reflected the typical weaknesses of the Kurdish movement, caused by the general backwardness of Kurdish society at the turn of the 19th and 20th centuries, but they played an important role in the formation of ideas of national self-determination.

Ключевые слова: курды, национализм, независимость, Османская империя, периодическая печать, младотурки.

Keywords: kurds, nationalism, independence, Ottoman Empire, periodicals, Young Turks.

Курдская проблема имеет более чем вековую историю и является одной из актуальных проблем стран Ближнего Востока, в первую очередь Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Мощным этнообъединительным фактором, сплачивающим курдов, были освободительные движения, создавшие стойкую политическую традицию в обществе и наложившие неизгладимый отпечаток на весь психологический облик народа. На рубеже XIX–XX вв. возникли условия для перерастания курдского движения в буржуазно-националистическое. Младотурецкая революция 1908–1909 гг. создала возможности для деятельности курдской интеллигенции, именно тогда сформировалась главная политическая цель движения – борьба за независимый Курдистан.

В последней трети XIX в. при деспотическом режиме султана Абдул Хамида II в Османской империи сложилась такая обстановка, что деятельность прогрессивно мыслящих людей протекала за пределами исторической родины [1, с. 386]. Абдул Хамид II и его окружение по-своему решили проблемы многонациональной страны, превратив ее в тюрьму народов, обеспечивая своё господство с помощью разжигания религиозной и национальной вражды [5 с. 2, 7]. Известный российский ученый-востоковед П. А. Чихачев писал: «Восстановление Турецкой империи морально невозможно без полного слияния проживающих в ней национальностей, потому что угнетенные народы имеют там наибольшие шансы для развития и лучшего будущего. Турки никогда не пойдут на слияние, равносильное для них смертному приговору из-за бесспорного превосходства христиан и той власти, которую оно бы им обеспечило над турками. Слияние

превратило бы победителя в побежденного» [14, с. 190].

В середине XIX в. среди угнетенных народов империи возникла идея этнополитической консолидации, и это в то время, когда Османская империя находилась на пути распада и превращения в полуколонию. Классический баланс между политическими силами в регионе стал подвергаться коренным изменениям. В этой связи Порта стала менять политику в курдском вопросе – от репрессивных мер к заигрыванию со знатью – и пришла к выводу о возможности использования племенного фактора в своих интересах и для контроля за курдским движением.

После ликвидации курдских княжеств в империи не существовало никаких институтов курдской власти, в то же время сохранялось племя с традиционной идеологией и внутриплеменными связями, т. е. племя было самым старым институтом курдского общества. По указанию Абдул Хамида II в 1885 г. была создана полурегулярная конница «хамидие», в которой курдские воины служили под начальством своих ага, что послужило причиной усиления многих мелких курдских вождей. Именно таким путем Порте удалось распространить свое влияние на значительную часть Западного Курдистана [9, 43–44]. Курдских феодалов стали принимать в государственные административные учреждения, в Стамбуле и Багдаде стали открывать курдские и арабские школы с целью воспитания поколения арабских и курдских детей в духе приверженности султану-халифу. Хотя это продолжалось не долго, однако оставило след в истории курдского народа. Политика султана по отношению к курдам в какой-то степени была успешной. Исследователь В.Ф. Минорский пишет: «Быть может сопротивлением курдов будут руководить религиозные мотивы. Но в гораздо большей степени они будут опасаться лишь утраты при новом порядке своих земель и пастбищ, ведь курды почти всегда воевали в рядах османских войск не ради ислама или “османского отечества”, а <...> за свою собственную свободу и очаги» [13, с. 11].

Нельзя утверждать, что Порте удалось полностью усмирить курдов, но на 20–30 лет их сопротивление было приглушено. Курдские феодалы, обманутые лозунгами панисламизма, получали награды и должности от османского правительства. Бахри-бег, один из представителей известного курдского рода Бадирханов, стал адъютантом султана Абдул Хамида II. Члены династии Бабана получили важные должности в администрации и университетах. Шейх Абдулкадир стал в 1908 г. сенатором, а потом и председателем османского меджлиса [10, с. 46].

Итак, первым этапом «приручения» курдов считается подчинение курдских эмиратов в середине XIX в., второй этап – привлечение

курдских эмиров, их сыновей и потомков в кулуары власти. Османское правительство смогло воспользоваться воинственностью курдов в войнах против России, а также натравить их против угнетенных народов, борющихся за свои права – армян, ассирийцев, арабов и др. [3, с. 64–70].

На рубеже веков в империи стали расти революционные настроения, недовольство режимом стали проявлять не только нетурецкие народы, но и турецкая интеллигенция, стремившаяся восстановить конституцию 1876 г. В условиях предреволюционного брожения активизировалась курдская политическая эмиграция.

Курдская интеллигенция за рубежом начала свою борьбу за самоопределение с просветительской деятельности. Первая в истории курдского народа газета «Курдистан» начала издаваться в 1898 г. в Каире, затем ее деятельность была перенесена в Европу (Женева, Лондон). Издание газеты находилось в руках рода Бадирханов [2, с. 95]. На первых порах газета имела либерально-просветительское направление, но по мере углубления кризиса заняла непримиримую позицию к султанскому режиму. На страницах газеты резко критиковалась политика османских властей в отношении курдов, разоблачались цели султана по созданию отрядов «хамидие». Популярность газеты в курдских кругах возрастала. Газета стала организационным центром курдского национализма.

Первые курдские националисты сблизились в эмиграции с младотурецкими организациями, даже присоединились к младотурецкой организации «Единение и прогресс», сотрудничали в младотурецкой прессе. Однако их деятельность протекала в отрыве от народных масс и почти не влияла на реальную ситуацию в Курдистане. Крушение самодержавия в Османской империи в 1908–1909 гг. создало благоприятные внутривнутриполитические условия для развертывания всенародной борьбы курдов за национальное освобождение. Лидеры курдских националистов начале поддержали младотурецкий режим, надеясь на то, что турки пойдут навстречу национальным меньшинствам.

Осенью 1908 г. представители курдской интеллигенции (Эмин Али Бадирхан, Шериф-паша и др.) основали политико-просветительское общество «Возрождение и прогресс Курдистана». Общество издавало «Газету курдской взаимопомощи и прогресса» на турецком языке, на страницах которой обсуждались проблемы единства курдов, их культуры и языка [10, с. 53]. Газета проникала в самые глухие районы Курдистана.

Группа курдских студентов в Стамбуле в 1908 г. создала нелегальную организацию «Надежда курдов». Руководил этой

организацией член османского меджлиса Халил Хаяли [10, с. 53] Организация имела отделения во многих городах Курдистана и в Европе. В то же время была создана политическая организация «Освобождение Курдистана», которая стремилась привлечь внимание международной общественности к курдскому вопросу. И, наконец, в 1908 г. возникла организация «Джамии Таали ве Тарраки Курдистан» со своим официальным органом на турецком языке – «Таали ве Тарраки Курд» – газетой, ставшей центром дискуссий по широкому спектру курдской проблематики – политике, культуре, образованию [10, с. 65].

В «Таали Курдистан» существовало два течения – умеренное и радикальное. Целью умеренных было получение как минимум автономии в рамках османского государства. Радикальное течение состояло из молодых курдов (младокурды), которые боролись за независимый Курдистан.

Борьба младотурок против курдских националистов облегчалась наличием в курдском обществе традиционных феодальных и племенных пережитков, разногласиями среди курдских лидеров, которые старались скомпрометировать друг друга перед турецким правительством взаимными обвинениями в измене, в сношениях с Россией и в сепаратизме. Воспользовавшись этим, младотурецкое правительство к 1911 г. распустило курдские политические и просветительские общества, арестовало их руководителей, закрыло курдские газеты и школы. Большинство курдских лидеров эмигрировало, а оставшиеся продолжали свою деятельность нелегально [2, с. 100].

Со второй половины 1913 г. вновь оживилась деятельность курдских националистов, многие из которых состояли в организации «Союз Курдистана». «Союз» организовывал доставку оружия племенам, но основная сфера его деятельности – политическая агитация в Турции и за рубежом, издание журнала «Конституция» во Франции. Программа курдских националистов – автономия Курдистана, снижение налогов, создание территориальной курдской армии, национальной администрации, основание школ с преподаванием на курдском языке и т.д. [6, с. 67].

С 1912 г. была легализована деятельность организации «Надежда курдов». В 1913 г. организация начала издавать журнал «Рожа курд» («Курдский день» или «Курдское солнце») [15, с. 58]. Цель журнала состояла в распространении национальных идей, просвещении и воспитании курдского народа, совершенствовании курдского алфавита и т. д. На его страницах обсуждались насущные проблемы жизни курдов, звучали призывы к их национальной консолидации, приобщению к

мировой культуре. Журнал быстро завоевал популярность и распространялся во многих районах Курдистана. Однако общество «Надежда курдов» вскоре распалось и только в 1918 г. возродилось сначала под названием «Курдская национальная партия», а затем – «Организация независимости Курдистана». Именно эта организация направила генерала Шерифа-пашу на Парижскую мирную конференцию 1919–1920 гг. отстаивать интересы курдского народа [15, с. 58].

Курды во время Первой мировой войны начали осознавать необходимость поддержки со стороны великих держав. «Местные курды, – писал В. Ф. Минорский, – пытались разведать о моих взглядах на курдский вопрос. Они говорили, что национальная самобытность весьма интересует теперь курдов, но они сами по себе вряд ли сумеют ее отстоять, если у них не окажется таких могущественных покровителей как, например, у армян» [11, с. 291].

Итак, после долгих лет вооруженной борьбы курдские лидеры перешли на путь политического и дипломатического решения проблемы своего народа. Шариф-паша в 1914 г. пообещал армии Антанты помощь в обмен на свободу Курдистана [12]. Он сыграл большую роль в разоблачении политики «новых хозяев» Османской империи – младотурок. Младотурки дважды заочно приговаривали его к смертной казни [4, с. 26].

После окончания Первой мировой войны курдская интеллигенция создала в Стамбуле политическую организацию «Общество возрождения Курдистана». Выразителями интересов курдского движения в этот период выступали и другие политические организации, такие как «Общество социальной ассоциации возрождения», Курдская народная партия. «Общество возрождения Курдистана», придерживающееся умеренных позиций, заключило с турецкой партией «Свобода и согласие» соглашение о предоставлении Курдистану автономии в пределах Османской империи [7, с. 6–7].

В 1918 г., оккупировав Южный (иракский) Курдистан, англичане санкционировали издание в Багдаде на курдском языке общественно-политической газеты «Правильное понимание». Редактором газеты стал англичанин Э.Б. Сон, в середине 1919 г. назначенный представителем Великобритании в Сулеймании. Хорошо владея курдским языком, будучи знаком с местной жизнью, Э. Б. Сон убедил свое начальство в необходимости издания газеты для привлечения курдов на свою сторону. Для этой цели англичане организовали две типографии: одну в районе Киркука, другую – в Сулеймании. В 1920 г. Э.Б. Сон начинает

выпускать общественно-политическую газету «Прогресс» на курдском языке. Газета стала официальным органом англичан в Южном Курдистане. Со статьями в газете «Прогресс» выступали представители курдской интеллигенции, сотрудничавшие с британской администрацией [2, с. 105].

Курдская патриотическая журналистика в Ираке возникла со времени восстания шейха Махмуда Хефида в Сулеймании: в результате восстания 1918–1919 гг. англичане были вынуждены покинуть Сулейманию, а курды захватили оставленные ими типографии. В этих типографиях издавались две газеты – «Солнце Курдистана» и «Голос Курдистана». Ежедневная газета «Голос Курдистана» издавалась на арабском, турецком и курдском языках. Выпуск газеты «Голос Курдистана» прекратился после поражения восстания шейха Махмуда. Англичане вновь заняли район Сулеймании, а курдские патриоты были вынуждены продолжать борьбу в горах Курдистана [2, с. 106]. В 1923 г. начался выпуск нелегальной газеты «Голос справедливости». Несмотря на тяжелые условия, курдские интеллигенты использовали все возможности для налаживания издательского дела. Город Сулеймания стал центром курдской журналистики. В 1924 г. там издавалась общественно-политическая и литературная газета «Жизнь» [16, с. 39].

После поражения восстания шейха Саида в Турции в 1925–1930-х гг. и восстания араратских курдов в 1930 г., многие курдские патриоты вынуждены были перебраться в Сирию, находившуюся после Первой мировой войны под мандатом Франции. Там они занялись журналистикой, и с апреля 1932 г. стали выпускать в Дамаске газету «Хевар». Материалы выходили на курдском языке, но иногда и на французском. Всего было выпущено 57 номеров [16, с. 39].

Таким образом, можно констатировать, что в конце XIX – первой трети XX вв. идет процесс формирования курдской эмигрантской интеллигенции и органов прессы. В среде курдской патриотической интеллигенции формируется идеология буржуазного национализма, целью которой была подготовка к борьбе за национальное самоопределение через создание курдских политических организаций и органы периодической печати. С возникновением курдского национализма сформировалась главная политическая цель движения – борьба за независимый Курдистан. Организаторами этой борьбы в XX в. стали курдские националисты, выходцы из феодально-клерикальной среды, в значительной мере сохранившие присущий ей менталитет, но проживавшие большей частью в эмиграции, в культурном отношении европеизированные и политически ориентированные на помощь Запада

(главным образом Англии и Франции, а до 1917 г. – России).

Краткий период деятельности первых курдских организаций не прошел бесследно для дальнейшего национального движения курдов. Именно тогда были заложены основы просветительства, идеологии и организованных форм движения, которые в полной мере проявились в XX в.

В рассматриваемый период курдские общества представляли собой небольшие кружки с неопределенной программой действий, но зачастую с наличием органов печати. В деятельности этих обществ отразились типичные слабости движения, порожденные общей отсталостью курдского общества начала XX в. Кроме того, курдские национально-просветительские организации были слабо связаны с массовым народным движением. Однако, при всей слабости курдского национального движения в конце XIX – начале XX в. патриотические организации сыграли роль того базиса, на ниве которого впоследствии стал формироваться курдский буржуазный национализм и более организованные формы и методы движения за национальное самоопределение курдов.

Библиографический список

1. Вартамян Э.Г. Турция в 1860–1910-е гг.: националистические идеологии и положение нетурецких народов // Бюллетень «Антропология, меньшинства, мультикультурализм. Новая версия» (декабрь 2006 г.). Краснодар: Центр понтийско-кавказских исследований, 2007. С. 385–393.
2. Вартамян Э.Г., Арам Али Мустафа. Курдская проблема и позиция России (СССР) в XIX – первой трети XX в. Краснодар: КубГУ, 2007. 257 с.
3. Вартамян Э.Г. Политика Османского правительства в курдском вопросе в конце XIX – начале XX в. и позиция России // Вестник Московского открытого университета. 2010. № 1(38). С. 64–70.
4. Вартамян Э.Г. Формирование курдской патриотической журналистики (конец XIX – начало XX в.) // Мир Востока: прошлое в настоящем: материалы VIII Международной научной конференции востоковедов (28 мая 2011). Краснодар: ИНЭП, 2012. С. 24–28.
5. Вартамян Э.Г. Идеино-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX–XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. Том 7. № 3. 2015. С. 26–30.
6. Вартамян Э.Г. Возникновение курдской периодической печати (конец XIX – начало XX вв.) // Общество: философия, история, культура. Научный журнал. 2016. Выпуск 4. С. 56–59.
7. Гасратян М. А. Курды Турции в новое и новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. 385 с.
8. Геноцид армян в Османской империи / Сборник документов и материалов. Ереван: АН Арм. ССР, 1962. 562 с.

9. Камран Али-Бадрхан. Курдистан // Дружба. Москва, 2003. № 41. С. 43–45.
10. Курдское движение в новое и новейшее время. Москва: Наука, 1987. 303 с.
11. Лазарев М. С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.). Москва: Наука, 1964. 400 с.
12. Магдид Сапан. Печать курдской диаспоры: история и современное состояние: автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб: СПб. гос. ун-т. 1998. 19 с.
13. Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления. Петроград: тип. В.Ф. Киришаума, 1915. 43 с.
14. Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. Москва: Наука, 1970. 224 с.
15. Шарафканди С. Краткая история национальных движений курдов. Стокгольм, 1995.
16. Экрем Е. И слово – дело // Азия и Африка сегодня. 1998. № 2. С. 39.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В ПОВЕСТКЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1991–2024 гг.)

THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT ON THE AGENDA OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS (1991–2024)

А.П. Косов

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь*

A.P. Kosov

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Аннотация: В статье показаны позиции России и США по урегулированию палестино-израильского конфликта в контексте трансформации постбиполярного мироустройства. На протяжении трех десятилетий Вашингтон играл ведущую роль среди международных посредников. Российская дипломатия на палестинском направлении существенно уступала американцам. Тем не менее, у РФ есть собственное видение процесса урегулирования, которое во многом не совпадает с американским подходом.

Abstract: The article shows the positions of Russia and the United States on the settlement of the Palestinian-Israeli conflict in the context of the transformation of the post-bipolar world order. For three decades, Washington played a leading role among international mediators. Russian diplomacy on the Palestinian track was significantly inferior to the Americans. Nevertheless, the Russian Federation has its own vision of the settlement process, which in many ways does not coincide with the American approach.

Ключевые слова: Россия, США, российско-американские отношения, палестино-израильский конфликт, Израиль, Палестина.

Keywords: Russia, USA, Russian-American relations, Palestinian-Israeli conflict, Israel, Palestine.

В годы Холодной войны арабо-израильский конфликт был традиционной сферой вовлеченности России и США. Ее окончание оказало положительное влияние на развитие ситуации.

На закате своего существования, в октябре 1991 г., Советский Союз пошел на восстановление дипломатических отношений с Израилем. В Вашингтоне данный шаг Москвы получил высокую оценку. Американцы приветствовали динамичное сближение России с Тель-Авивом и отход от безоговорочной поддержки Организации освобождения Палестины (ООП). Демократическая Россия унаследовала от распавшегося СССР статус одного из основных коспонсоров процесса ближневосточного урегулирования. Поэтому в 1990-е гг. российское руководство продолжило участие в обсуждении данной проблемы, но уже на иной, деидеологизированной основе.

Любимым инструментом советской дипломатии на Ближнем Востоке был формат международной конференции и в отсутствие более новых идей сохранил свое значение и в российской политике по отношению к арабо-израильскому конфликту [4, с. 137]. Однако, начиная с проведения Мадридской мирной конференции осенью 1991 г., лидирующая роль в процессе ближневосточного урегулирования полностью перешла к США [13, с. 202]. На ней переговоры велись в двустороннем и многостороннем форматах. Многосторонние переговоры осуществлялись с помощью созданного в январе 1992 г. на Московской организационной встрече специального механизма, состоявшего из пяти рабочих групп. Они занимались вопросами обеспечения региональной безопасности, экономической ситуацией в регионе, проблемами палестинских беженцев, распределения водных ресурсов и охраны окружающей среды [2]. Координаторами являлись Россия и США. Для российского МИДа участие в процессе урегулирования стало первым крупным проектом, в который активно включились его сотрудники [4, с. 156–157].

Однако в 1990-е гг. потенциал влияния РФ на противоборствующие стороны оказался существенно снижен. Одной из причин был и личностный фактор. Министр иностранных дел А.В. Козырев стремился кардинально пересмотреть ближневосточную политику страны, в том числе дистанцироваться от арабских государств, находившихся в конфронтации с Израилем и США [4, с. 161]. Конечно, отдельные представители российской элиты делали жесткие выпады в адрес ближневосточной политики США, но в основном они воспринимались американцами как попытки нажать политический капитал, принимая

антиамериканскую позицию [17, p. 179].

Вашингтон, наоборот, усиливал свои позиции на Ближнем Востоке. Если ранее США принимали участие в арабо-израильских переговорах в качестве посредника, то теперь они перешли к более активным действиям, предложив свой план урегулирования конфликта [5, с. 241, 246]. Именно американцы поспособствовали подписанию 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне представителями палестинской и израильской сторон «Декларации о принципах организации временного самоуправления», предусматривавшей образование на территории Западного берега реки Иордан и в секторе Газа палестинской автономии и поэтапное урегулирование конфликта к 1999 г. Хотя подписание дальнейших палестино-израильских соглашений о постепенном выводе израильских войск с оккупированных территорий и передаче этих территорий под контроль Палестинской национальной администрации (ПНА) проходило в присутствии официального представителя России, основная заслуга в сближении позиций палестинцев и израильтян принадлежала Соединенным Штатам [2].

В 1990-е гг. Россия на Ближнем Востоке стала играть по «американским правилам». В январе 1994 г. Москва и Вашингтон подчеркнули свою ответственность за ближневосточный мирный процесс [15, с. 24–25]. Соединенные Штаты обрели уверенность, что Россия, где в геометрической прогрессии нарастали внутренние трудности, всегда будет «подстраиваться» под американскую позицию в процессе урегулирования на Ближнем Востоке [13, с. 203].

Во второй половине 1990-х гг. ближневосточный процесс замедлился. В Израиле начало преобладать разочарование переговорами и уступками палестинцам. Однако Вашингтон все время держал руку на пульсе текущей ситуации в регионе. После прихода на пост министра иностранных дел Е.М. Примакова, посреднические усилия РФ на Ближнем Востоке активизировались. В марте 1996 г. Б.Н. Ельцин на саммите по проблемам ближневосточного урегулирования и борьбы с терроризмом в Шарм-эль-Шейхе предложил провести новый раунд Мадридской конференции [2].

Во время своих ближневосточных турне Е.М. Примаков предлагал пути выхода из тупика, предусматривавшие прекращение насилия, возобновление мирных переговоров на основе принципа «мир в обмен на землю» и создание региональной системы безопасности с участием всех ближневосточных государств. Глава МИД РФ подчеркивал, что Москва намерена играть более весомую роль в процессе урегулирования, но не в целях вытеснения Вашингтона, а чтобы в полной мере соответствовать

своему статусу коспонсора. В конце апреля 1996 г. Е.М. Примаков был послан президентом Б.Н. Ельциным в Бейрут для участия со своими коллегами из США, Франции и Италии в работе по урегулированию боевых действий на юге Ливана, где в это время Израиль проводил операцию «Гроздь гнева» против Хезболлы. В ходе своей миссии он, используя личные связи, способствовал достижению перемирия между противоборствующими сторонами, хотя все миротворческие лавры приписал тогда себе госсекретарь США У. Кристофер [1].

Израиль, признавая роль России в многосторонних переговорах, выступал против ее участия в двусторонних палестино-израильских контактах, где главным посредником были американцы [2]. Израильцы дали понять Е.М. Примакову, что «нам нужен только один посредник, и им должны быть Соединенные Штаты» [11, с. 307].

В мае 1996 г. к власти в Израиле пришел правый блок «Ликуд» во главе с Б. Нетаньяху, который выступал за прекращение переговоров с ООП и против образования палестинского государства. Стагнация мирного процесса привела к радикализации ситуации, усилению исламистов из Хамаса и Исламского джихада.

В сложившейся ситуации помощь ООП оказала администрация Клинтона, подтолкнувшая израильское руководство к продолжению переговоров и заключению дальнейших соглашений о выводе войск с оккупированных территорий [2]. Что касается российской позиции, то Е.М. Примаков на встречах с Б. Нетаньяху и в 1996, и в 1997 г. дал понять, что Москва твердо придерживается мнения о необходимости создания палестинского государства на основе мадридской формулы «территории в обмен на мир» [11, с. 307]. Тем самым, он выступал против любых намерений израильского руководства отойти от уже достигнутых предварительных договоренностей [10, с. 378]. Одновременно Е.М. Примаков пытался донести до Вашингтона как сопредседателя международной конференции свое видение арабо-израильского урегулирования путем вовлечения в процесс Сирии. Но, американцы к подобному варианту не стремились. Правда, и Б.Н. Ельцин не считал данную проблему для себя приоритетом [4, с. 167–168].

В мае 1999 г. новым премьер-министром Израиля стал Э. Барак, при котором переговорный процесс между израильцами и палестинцами активизировался. Однако Москва летом 1999 г. упустила благоприятный момент для своего «возвращения» на Ближний Восток. Россияне не использовали заинтересованность Сирии и Израиля в организации встречи руководителей данных стран на высшем уровне при российском

посредничестве. В России на редкость индифферентно отнеслись к подобной возможности [13, с. 203].

В 2000-е годы произошла эскалация палестино-израильского конфликта. В сентябре 2000 г. началась вторая интифада палестинцев, которая вместе с ответными действиями Израиля поставили под угрозу региональную и даже международную безопасность. Россия стремилась действовать совместно с другими участниками, в том числе США, по урегулированию палестино-израильской конфронтации и возобновлению мирного процесса на основе Мадридских принципов, резолюций 242, 338 и 1397 СБ ООН.

Основные положения политики Москвы и Вашингтона по ближневосточному урегулированию были сформулированы 13 ноября 2001 г. в совместном заявлении В.В. Путина и Дж. Буша-мл., в котором они призывали Израиль и ПНА соблюдать рекомендации комитета Митчелла и план Тенета: «прекратить насилие, наладить устойчивое взаимодействие в сфере безопасности, осуществить меры доверия и возобновить субстантивный переговорный процесс» [14, с. 297].

В апреле 2002 г. РФ наряду с США, ООН и ЕС приняла участие в работе инициированного Дж. Бушем-мл. в 2002 г. «Квартета по ближневосточному урегулированию». Его участники предложили дорожную карту, которая подразумевала создание в трехлетний срок государства Палестина и налаживание палестино-израильских отношений [7]. Однако главная проблема урегулирования заключалась в том, что США, являясь ближайшим союзником Израиля и имея мощнейшее произраильское лобби, не могли быть беспристрастными посредниками в разрешении палестинской проблемы [16, р. 132].

В январе 2006 г. Соединенные Штаты инициировали проведение выборов в Палестине, которые принесли победу движению Хамас, считавшееся в Вашингтоне террористическим объединением. Администрация Буша-мл. четко продемонстрировала свою поддержку Фатху, что не способствовало процессу урегулирования [3]. Москва, наоборот, признала Хамас легитимным участником внутривосточной жизни Палестины и призвала к диалогу с движением. Дипломатические связи, оформившиеся у РФ и с Израилем, и с Палестиной, причем как с Фатх, так и с Хамас, усиливали российскую роль в процессе урегулирования. Однако расчеты руководства России не оправдались в результате противодействия со стороны Вашингтона, и общей неэффективности работы «квартета».

В конце ноября 2007 г. в Аннаполисе по инициативе американского руководства состоялась Международная конференция по

урегулированию ближневосточного кризиса, в которой приняли участие представители 49 государств. Россия поддержала принятые на ней решения [3]. Москва продолжала выступать за обоюдные уступки израильтян и палестинцев в целях завершения конфликта. Однако принципиальные позиции конфликтующих сторон не позволили в 2000-е гг. прийти к компромиссу.

На протяжении 2010-х гг. Россия и США продолжали попытки сдвинуть процесс ближневосточного урегулирования с мертвой точки. Москва призывала Израиль и Палестину к активному диалогу и отказу от односторонних действий, способных негативно отразиться на переговорном процессе. Администрация Обамы до июля 2013 г. не выдвигала внятных инициатив ближневосточного урегулирования, приемлемых для всех сторон [8, с. 100]. «Челночная дипломатия» Дж. Митчелла, занимавшего в 2009–2011 гг. пост спецпосланника президента США на Ближнем Востоке, не увенчалась серьезными результатами [8, с. 101]. В 2013 г. администрация Обамы активизировала усилия на палестинском треке. Однако в переговорном процессе при посредничестве госсекретаря Дж. Керри был допущен сдвиг в сторону интересов Израиля, что не содействовало стабилизации обстановки в регионе [8, с. 108]. Более того, в 2014 г. израильское руководство начало операцию «Нерушимая скала» для ликвидации инфраструктуры Хамаса. РФ осудила действия обеих сторон и предприняла попытки реанимировать формат «квартета».

В годы президентства Трампа произраильский сдвиг политики США существенно усилился. С января 2017 г. его администрация работала над мирным планом урегулирования палестино-израильского конфликта («сделкой века»), обнародование которого состоялось 28 января 2020 г. Однако в Палестине его изначально не приняли [6, с. 59].

У палестинцев были все основания к неприятию плана Трампа. Президент США заявил о намерении признать все существующие еврейские поселения израильской территорией и назвал Иерусалим «неделимой столицей». В декабре 2017 г. Вашингтон признал Иерусалим столицей Израиля и в мае 2018 г. американцы перенесли туда свое посольство. В ответ глава ПНА М. Аббас полностью прекратил официальные контакты с администрацией Трампа и отказался от ее посредничества на переговорах с Израилем [6, с. 58].

Москва публично выступила против реализации «сделки века». Она поддержала палестинцев в противодействии американской инициативе и планам Израиля аннексировать Западный берег р. Иордан. В феврале 2019 г., С.В. Лавров раскритиковал позицию США по проблеме

палестино-израильского урегулирования. Он отметил, что «делка века» Трампа – это путь в никуда, «без реализации двугосударственного решения палестинской проблемы достижение справедливого, устойчивого и всеобъемлющего мира в регионе невозможно» [6, с. 60]. При этом, критикуя произраильскую политику США, Москва не предлагала каких-либо принципиально новых решений палестино-израильского конфликта, придерживаясь имевшейся международно-правовой базы [6, с. 60].

После прихода к власти администрации Байдена Вашингтон серьезно не занимался палестино-израильским конфликтом. По словам М.В. Захаровой, «Вашингтон предпочел пойти по пути продвижения “авраамического процесса” нормализации арабо-израильских отношений при полном игнорировании палестинского вопроса» [9]. Подобная политика грозила обернуться дестабилизацией региона, что и произошло осенью 2023 г.

Утром 7 октября 2023 г. Израиль подвергся массированному ракетному обстрелу со стороны сектора Газа, а боевики Хамаса вторглись в приграничные районы на юге страны и захватили заложников [12].

В ответ армия обороны Израиля начала операцию «Железные мечи». За несколько дней израильтяне блокировали сектор Газа и стали наносить ракетно-бомбовые удары по объектам, в том числе гражданским, спровоцировав гуманитарную катастрофу.

10 октября 2023 г. В.В. Путин назвал палестино-израильский кризис ярким примером провала ближневосточной политики США, которые пытались монополизировать урегулирование, оказывая давление на обе конфликтующие стороны [12].

В отличие от Вашингтона Москва не только продвигает свои интересы на Ближнем Востоке, но и демонстрирует четкое понимание необходимости урегулирования палестино-арабского конфликта путем переговоров на основе резолюций ООН и достигнутых ранее договоренностей [6, с. 64]. Результатом должно стать создание независимого Палестинского государства в границах 1967 г. [12]. Бесспорно, что без справедливого решения палестино-израильского конфликта достижение прочного мира на Ближнем Востоке невозможно [9]. Однако события последнего года показали, что ситуация далека от разрешения.

Таким образом, после окончания Холодной войны Россия и США остались коспонсорами процесса урегулирования палестино-израильского конфликта. Однако в 1990-е гг. Москва нередко

подстраивалась к позиции Вашингтона, который стремился монополизировать посредническую деятельность. Начиная со второй половины 1990-х гг. российская ближневосточная политика несколько активизировалась. Тем не менее, для руководства РФ Ближний Восток не входил в число внешнеполитических приоритетов страны.

В 2000-е гг. США продолжили ограничивать в регионе влияние других игроков, в том числе РФ, что делало процесс палестино-израильского урегулирования невозможным. Россия участвовала в работе «Квартета по ближневосточному урегулированию». Однако в силу ряда обстоятельств его эффективность была крайне низкой.

В 2010-е гг. российская дипломатия на палестинском треке продолжала ориентироваться на резолюции ООН и заключенные ранее договоренности. Москва не поддерживала инициативы Вашингтона относительно палестино-израильского урегулирования, включая план Д. Трампа, считая их односторонними. Тем не менее, США продолжали играть ведущую роль в посредничестве между израильтянами и палестинцами.

В результате сегодня процесс урегулирования находится в тупике. С октября 2023 г. наблюдается эскалация напряженности. Своими действиями стороны отодвигают мир в регионе. В сложившейся ситуации США поддерживают Израиль, а Россия сохраняет роль стороннего наблюдателя и выступает за соблюдение резолюций ООН.

Библиографический список

1. Бордюгов Г., Рыбаков А., Андреев Д. Прорывы к невозможному: Евгений Примаков // Гефтер. 20.06.2016. URL: <http://gefeter.ru/archive/19015> (дата обращения: 22.01.2019).
2. Демченко А.В. Роль России в урегулировании палестино-израильского конфликта // Перспективы. Фонд исторической перспективы. 02.09.2011. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=99358> (дата обращения: 09.07.2023).
3. Долгов Б. Ближневосточный конфликт и внутripалестинское противостояние // Перспективы. Фонд исторической перспективы. 18.12.2007. URL: http://www.perspektivy.info/оyкumena/politika/blizhnevostochnyj_konflikt_i_vnutripalestinnskoje_protivostojanije_2007-12-18.htm (дата обращения: 18.10.2024).
4. Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 208 с.
5. Киреев А.А. Политика США на Ближнем Востоке в 1990-е гг. (стратегия администрации Б. Клинтона). М.: Прометей, 2007. 336 с.
6. Корочкина В.А. Палестинская проблема и ее место во внешнеполитической повестке дня России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 1. С. 52–68.
7. Крылов А.А. «Квартет» посредников ближневосточного урегулирования. Десять лет спустя // МГИМО. URL:

http://www.old.mgimo.ru/files2/2012_09/up78/file_75e776a61d0e9078fd18e8462f302134.pdf (дата обращения: 12.02.2014).

8. Крылов А.В., Морозов В.М. Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4(55). С. 99–112.

9. МИД РФ назвал слова Байдена о создании палестинского государства «подменой понятий» // ТАСС. 2023. 16 ноября. URL: <https://tass.ru/politika/19297867> (дата обращения: 03.10.2024).

10. Примаков Е. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. 448 с.

11. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.

12. Путин назвал кризис на Ближнем Востоке ярким примером провала политики США // Известия. 2023. 10 окт. URL: https://iz.ru/1587108/2023-10-10/putin-nazval-krizis-na-blizhnem-vostoke-iarkim-primerom-provala-politiki-ssha?from=read_more (дата обращения: 10.10.2023).

13. Пырлин Е.Д. Проблема ближневосточного урегулирования в контексте российско-американских отношений // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности: сб. ст. / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; отв. ред. Л.Н. Клепацкий. М., 2000. С. 194–206.

14. Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М.: РОССПЭН, 2002. 325 с.

15. Российско-американское заявление по Ближнему Востоку. 14 января 1994 г. // Внешняя политика России: сб. документов. 1994: в 2 кн. / МИД РФ; редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.]. М.: Междунар. отношения, 2000. Кн. 2: Январь – май. С. 24–25.

16. Khalidi R. Resurrecting Empire: Western Footprints and America's Perilous Path in the Middle East. Boston: Beacon Press, 2004. 240 p.

17. The New Chapter in United States – Russian Relations: Opportunities and Challenges / G. Gleason [et. al.]; Sh. Cross, M.A. Oborotova (eds.). London: Praeger, 1994. XIV, 227 p.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

REGIONALIZATION IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBALIZATION

А.А. Тыкин, Э.Н. Тужба

*Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия*

А.А. Tykin, E.N. Tuzhba

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Регион охарактеризован как некое целостное образование с собственными социальными, культурными, экономическими, политическими, демографическими явлениями и процессами. Выявлено, что регионализация неотъемлемый атрибут внутренних процессов всех современных стран, вне зависимости от их масштабов, культурной и политической специфики, уровня развития. Представлены особенности и свойства региона, позволяющие отличать его от других соседних территорий. Рассмотрены количественные и качественные критерии развития региона такие как: стабильность/нестабильность социально-экономического развития, уровень производственного роста, особенности хозяйственной структуры, культурные особенности, демографические показатели, плотность населения, характер и специализации экономики (промышленность, туризм, сельское хозяйство).

Abstract. The region is characterized as a certain integral formation with its own social, cultural, economic, political, demographic phenomena and processes. It is revealed that regionalization is an integral attribute of internal processes of all modern countries, regardless of their scale, cultural and political specifics, level of development. The features and properties of the region are presented, allowing to distinguish it from other neighboring territories. Quantitative and qualitative criteria of regional development are considered, such as: stability/instability of socio-economic development; level of production growth; features of the economic structure; cultural features; demographic indicators, population density; nature and specialization of the economy (industry, tourism, agriculture).

Ключевые слова: регион, глобализация, регионализация, субнациональный регион, децентрализация, глокализация.

Keywords: region, globalization, regionalization, subnational region, decentralization, glocalization.

Рассмотрение региона в качестве объекта социологического исследования предполагает определение самого понятия, которое может толковаться произвольно, в разных научных направлениях.

Экономисты характеризуют регион, как социально-экономическое целое, с собственными экономическими, социальными, демографическими, культурными и политическими процессами и явлениями. Это некая среда с точки зрения социально-экономической географии, в которой индивид тесно связан с материальным производством. Демографы рассматривают регион как среду с определенными условиями для человеческой жизни. Экологов регион интересует в качестве природной территории с условиями жизни населения.

Мы рассматриваем регион как территориальное объединение, имеющее свои административные, организационные и культурные институты, основанные на общих признаках.

Российский регион это целостная социальная система, которой присущи основные характеристики социума, единая структура, включающая следующие элементы: совокупность природных условий –

физико-географическая среда; детерминированная природно-географической спецификой экономическая среда, являющаяся частью «единого народнохозяйственного комплекса»; политико-административная составляющая, представленная официальным делением региона, для создания условия социально-экономического функционирования; этническая среда, особенно проявившаяся с распадом Советского союза; социокультурная составляющая, сформировавшаяся с силу совместного проживания этносов (существующие установки, жизненный уклад, мировоззренческие стандарты); политическая составляющая – целостная, упорядоченная совокупность соответствующих институтов, ролей, отношений, процессов; региональная законодательная власть или правовая среда, не всегда являющаяся органическим продолжением центральной власти [2].

Определяют формы региона по административно-территориальному, территориально-географическому, территориально-этническому признакам, масштабу и объему. В данном случае отмечается наличие областных, краевых, республиканских регионов; межобластных, межреспубликанских региональных образований; районных региональных образований; страны как определенного региона; цивилизационных регионов, включающих группу стран, связанных идеологически; континентальных регионов [3].

Нас интересуют внутренний регион, где регионализация представляет процесс структурирования пространства в границах национального государства, и, включения внутренних регионов в международные связи с другими государствами. Любому современному сообществу присуща в разных размерах регионализация, вне зависимости от культурных, политических особенностей и уровня развития.

Регион обычно имеет специфические свойства, отличающие его от соседних территорий - критерий целостности региона; определения его границ; в качестве критериев регионального развития выступают уровень социально-экономического развития; тип хозяйственной структуры; темпы производственного роста; стабильность/нестабильность развития; плотность и темпы роста населения; специализации экономики (сельское хозяйство, туризм, промышленность, рекреация) и др. [5].

В рамках общенациональной системы отдельный регион выступает важным субъектом, наделенным собственными социально-экономическими, территориально-географическими, демографическими, а также национально-культурными особенностями. Регионы имеют

определенный спектр возможностей распоряжаться ресурсами, для определения целей и выполнения стоящих задач. Органическое взаимодействие регионов и федеральных структур осуществляется обычно на следующих условиях: регионы принимают участие в разработке принципов федеральной политики; на основе общих правовых и социальных принципов, а также с учетом научных разработок в отношении конкретной местной проблематики каждый регион руководствуется своей социальной концепцией возрождения и развития территории; ветви управленческой политики - федеральная и региональная – предполагают наличие механизма согласования и взаимодействия [6].

Как говорилось ранее, регионализм оказывается внутренне присущим фактически любому современному социальному типу, независимо от территориальных, социально-экономических, политических и культурных особенностей. Это обстоятельство оказывается связанным с современными процессами глобализации, где четко просматривается сочетание тенденций децентрализации и централизации. В первом случае, это многоплановая самоидентификация региональных сообществ, во втором, обычно понимают формирование глобального рынка, международной политико-правовой системы.

Следствием процессов регионализации оказывается расширение международных контактов, возрастание значимости тех областей, в которых «субнациональные регионы обладают ощутимым влиянием и характеризуются непосредственной вовлеченностью в глобальные процессы. Глобализация через регионы государств является дополнением к глобализации через государства» [7]. Под влиянием, происходящей под воздействием глобальных факторов регионализации, унитарные государства часто преобразовываются в федеративные, а политический статус субъекта федерации значительно расширяет возможности региона.

В европейских странах уже с 70-х годов XX века усилились процессы регионализации главным образом на культурной почве. В их основе обычно лежит обращение к своим культурным традициям, связанным с историческим происхождением.

Регионализм, представляет собой западноевропейскую реакцию на нивелирующие стремления глобализации, говорит У. Альтерматта. «Чем чаще люди исходят из одних и тех же цивилизационных предпосылок, - пишет ученый, - тем больше они пекутся о своей специфической идентичности и обращаются к этническим, языковым или религиозным традициям». Причем, как ни парадоксально, но региональные движения

вовсе не враждебны европейской интеграции, но представляют собой тесно взаимосвязанные явления. Если старый (классический) национализм действительно весьма был насторожен к идее объединенной Европы, то дружественный к ней современный регионализм видит в ней союзника в противодействии централизации со стороны собственного национального государства. «Политические интеграционные процессы, такие, как Европейский Союз, вызывают политические процессы дифференциации на нижнем уровне. Единые культуры в смысле национализма XIX в., кажется, не имеют будущего в конце двадцатого века» [1].

Глобальное информационное общество, стимулировало всеобщее распространение и влияния средств массовой информационной коммуникации, актуализировало проблему более эффективного функционального распределения на федеральном, региональном и местном управленческих уровнях. Социальные коммуникации, ускоряющаяся общественная динамика в ходе глобализации, перегружают центральные структуры, которые оказываются не в силах обеспечить эффективное согласование всех социальных контактов. Решение проблемы управленческой децентрализации, позволило бы разгрузить центр управления, по мере возможности передавая полномочия и ресурсы регионам и местным сообществам.

В контексте глобализационных процессов растут возможности узкой специализации включения в мировую экономику, что создает потенциальные возможности развития отдельных регионов. Закономерно, что в подобных условиях актуализируется характер ресурсной специфики региона, получающего шанс стать полноправным субъектом мировых международных процессов и участником глобальной конкуренции.

Определенные регионы, обладающие соответствующими ресурсами, смогли замкнуть на себе важные экономические потоки, другие за счет своего пограничного положения и развитой инфраструктуры, стали точками межгосударственного соприкосновения. «Выгодно используя географическое положение, они превращаются в центры притяжения иностранных партнеров, экспортно-импортных товарных потоков с их последующим проникновением вглубь территории государства» [7].

Следует отметить тенденцию движения регионов к самодостаточности, проявляющуюся в культурных, экономических иногда и в политических смыслах, хотя основной стороной являются хозяйственные ресурсы региона.

Кильчуков З.Х. полагает, что конкурентоспособность региона развивается в следующих стадиях: конкуренции на базе инвестиций; конкуренции на основе факторов производства; конкуренции нововведений; конкуренции на основе накопленного богатства. Конкурентный выигрыш обеспечивается для региона на первой стадии за счет факторов производства: экологических ресурсов, соответствующих условий для товарного производства, квалифицированной рабочей силе. На второй стадии выступает на первый план агрессивное инвестирование в образование, технологии, лицензии. На третьей стадии посредством создания новых видов продукции, производственных процессов, организационных решений и других инноваций. На четвертой стадии – за счет уже созданного богатства [4].

В общем плане конкурентоспособность региона определяется эффективностью использования региональных ресурсов, а в первую очередь – рабочей силы и капитала.

Характеризует социально-экономический потенциал региона как категорию самоорганизующейся системы Сорокина Н.Ю., выделяя ряд особенностей: адаптация к внешним условиям без потери целостности системы; наличие стратегических целей, к которым система стремится и вокруг которых «самоорганизуется»; необходимость управления как обеспечение целенаправленности процесса самоорганизации; самоорганизация реализуется в форме циклических процедур; эволюция системы вызывает развитие ее элементов и, наоборот, развитие элементов приводит систему к новому качеству. Исходя из задач, решающее значение приобретает трудовой потенциал – возможность привлечь и использовать в рамках региона трудовых ресурсов, соответствующего качества, подчиненного выбранной модели регионального развития [8].

Исходя из тесной взаимосвязи трудового потенциала с другими локальными потенциалами, а именно природно-ресурсным, инфраструктурным, инвестиционным, инновационным, внешнеэкономическим и финансовым, автор говорит, что развитие определенного потенциала создает условия для наращивания всех других потенциалов, тем не менее, утверждается, что в эпоху постиндустриальной экономики, основывающейся на интеллектуальных ресурсах и информационных технологиях, основным источником социально-экономического роста региона выступает именно трудовой потенциал [8].

С учетом отечественной специфики подобная трактовка ставится

под сомнение. Некоторые российские исследователи, полагают, что если в процессах западных обществ решающее значение имеют экономические факторы, то в России – скорее политические.

Если основываться на методологии человеческого капитала, следует обязательно принимать в расчет культурные аспекты современной регионализации. Социокультурные характеристики региона однозначно выступают фактором его социально-экономической состоятельности. Кроме того, в некоторых случаях могут выходить на первый план политические и даже цивилизационные черты.

Для исследования региона в социокультурном ключе требуется: исследование воздействия как устойчивых, так и экстремальных факторов на особенности формирования регионального социокультурного потенциала; выявление территориальных особенностей сферы духовной жизни, их обусловленность природно-климатическими условиями, а также и полиэтническими характеристиками населения именно этой территории; постоянное соотношение истории и современности региона; определение роли городского административного центра в региональных процессах; рассмотрение существенных характеристик региональной самоидентификации, начиная от исторического археологического уровня и до современности; исследование региональной специфики, соотношение «центр – периферия» и установление связи истории региона и истории страны; нахождение и обоснование существующих в регионе базовых общечеловеческих ценностей, которые способны стать базой для взаимодействия различных народностей, как на территории данного региона, так и всей страны, а также в масштабах мирового сообщества [9].

Вывод – регион представляет собой многоплановое образование, где находят отражение экономические, исторические, культурные и в определенной степени политические аспекты. Современные региональные процессы протекают под воздействием внутренних и внешних (глобальных) факторов. Глобализация отражается главным образом на экономической стороне регионализации, тогда как исторические и культурные аспекты больше подчинены внутренним обстоятельствам.

Вопрос об оптимальной стратегии социального развития региона, предполагает учитывать контекст многозначности современных общественных процессов. Необходим комплексный подход, учитывающий, хозяйственные, культурно-исторические и цивилизационные аспекты конкретного региона.

Библиографический список

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М. 2000. С. 218.
2. Барбаков О.М. Регион как объект управления // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 99.
3. Волков Ю.Г. Идеология региона и современная идеологическая ситуация в России. Ростов на Дону. 2005. С.14..
4. Кильчуков З.Х. Развитие социально-экономической системы региона как основа конкурентоспособности // Вопросы экономики и права. 2010. № 12. С. 363.
5. Киленене А., Мачеринскене И., Навицкас В. Симанавичене Социально-экологическое развитие регионов ЕС // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 49.
6. Основы социального управления. Под ред. В.Н. Иванова. М. 2001. С. 204.
7. Плотникова О.В., Дубровина О.Ю. Глобализация и регионализация, их влияние на международное сотрудничество регионов государств // Власть. 2013. № 2. С. 136.
8. Сорокина Н.Ю. Роль трудового потенциала в развитии социально-экономического потенциала региона – Экономика и управление, №3 (64). 2010 . С. 168-169.
9. Хлыщева Е.В. Регион как социокультурный феномен современного мира: Методология исследования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. №3. 2009. С. 234.

«СОЮЗ САРЫ ВАГЕНКНЕХТ»: ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА?»

«SARAH WAGENKNECHT UNION’: A NEW KIND OF PARTY?»

В.Ю. Щербаков

Южный федеральный университет, г. Ростов на Дону, Россия

V.Yu. Shcherbakov

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье рассматриваются особенности деятельности партии «Союз Сары Вагенкнехт», которая вышла на передовые позиции в немецкой партийно-политической системе, существенно потеснив «традиционные» партии. Отмечается, что в ответ силы правящей «светофорной коалиции», а также блок ХДС/ХСС и контролируемые ими СМИ развернули ожесточённую кампанию с целью дискредитации ССВ. Основными направлениями критики являются близость некоторых программных положений партии ССВ и АдГ и в значительной степени пророссийская, или точнее направленная против военной поддержки Украины политика Сары Вагенкнехт. Кроме этого, критике подвергается форма и методы структуры управления новой партии. Важный, по мнению автора, является возможность молодой партии проявить себя до осени 2025 г., чтобы иметь возможность полноценного участия в общегерманских выборах.

Abstract. The article examines the peculiarities of the activities of the party ‘Sarah Wagenknecht's Union’, which came to the forefront of the German party-political system, significantly displacing the ‘traditional’ parties. It is noted that in response, the forces of the

ruling 'traffic light coalition', as well as the CDU/CSU bloc and the media controlled by them, launched a fierce campaign to discredit the SSV. The main areas of criticism are the proximity of some of the SSV party's programme provisions to those of the AdH and the largely pro-Russian, or rather anti-Military support for Ukraine, policy of Sarah Wagenknecht. In addition, the form and methods of the new party's governing structure are criticised. What is important, in the author's opinion, is the possibility for the young party to prove itself before the autumn of 2025 in order to be able to participate fully in the German elections.

Ключевые слова: «Светофорная коалиция», миграционная политика, поддержка Украины, «традиционные партии», «партия одного человека», «Альтернатива для Германии», «Левая», партийно-политическая система.

Keywords: 'Traffic light coalition', migration policy, support for Ukraine, "traditional parties", "one-man party", Alternative for Germany, Left, party-political system.

«Партиями нового типа» называли себя многие политические организации от большевиков до «зелёных», претендуя при этом на свой особенный путь, отличный от традиционных. Практически любая из этих организаций «взрывала» старую политическую систему, серьёзно разрушая десятилетиями складывавшийся баланс сил. Партия «Союз Сары Вагенкнехт» может стать рычагом глобальных перемен, опираясь на электорат, который не может найти себя в традиционной системе и не желающий делать выбор между общепризнанными правыми и левыми позициями.

После выборов в Европейский парламент в июне 2024 г., и особенно после триумфальных для «Союза Сары Вагенкнехт» выборов в ландтаги Саксонии, Бранденбурга и Тюрингии в сентябре 2024 г., имя Сары (или Захры, как она себя иногда называет) и название её партии постоянно находятся в центре внимания германских СМИ. Первая причина заключается в формировании новых правительств в упомянутых восточных землях, где придётся расстаться как с «зелёными», так, по всей вероятности, и с традиционно влиятельной для территории бывшей ГДР партией «Левых». Следующей причиной является использование в предвыборных программах ССВ, меньше двух лет назад вышедшей из недр партии «Левых», положений, до сих пор относившихся к сфере праворадикальных. Имеется в виду прежде всего, требования «Остановить неконтролируемую миграцию», или положение программы о том, что «Радикальному исламу, который проповедует законы шариата, жаждет создания халифата в нашей стране или разжигает ненависть к нашей культуре и ценностям, нет места в Германии и Бранденбурге» [1]. Подобные призывы несомненно привлекли к ССВ тех избирателей, которые не согласны с официальной миграционной

политикой правящей «светофорной коалиции», и которые, в тоже время, не хотят ассоциировать себя со считающейся праворадикальной партией «Альтернатива для Германии». В Федеративной республике «традиционные» правящие партии, их сторонники и большинство СМИ обвиняют своих политических противников, прежде всего, в двух вещах: правом экстремизме и пророссийских настроениях. Так, немецкий историк Илько-Саша Ковальчук, утверждает, что политическая ориентация Сары Вагенкнехт вызвана тем, что её привлекает авторитарная, по его мнению, модель современного российского государства. «И для меня вывод заключается в том, что она стремится к таким условиям и, очевидно, очень хотела бы быть Владимирой Путиновой». Одновременно с этим, Ковальчук проводит параллели между ССВ и АдГ, находя сходство в стремлении к сильному, авторитарному государству. По мнению историка, это особенно привлекательно на востоке страны, где многие люди сохранили патерналистское понимание государства после воссоединения [5]. Если до 2024 г. основным объектом подобных нападок была АдГ, то с 2024 г. жёсткой критике стала подвергаться ССВ. В определённой степени партия Сары Вагенкнехт солидаризируется и с позицией АдГ, направленной против военной поддержки Украины. В программе ССВ отмечается: «Каждый голос в пользу ХДС на выборах в земле Тюрингия [3] – это еще и попутный ветер для Фридриха Мерца, стремящегося еще глубже втянуть нас в войну на Украине, поставляя ракеты «Таурус». Те, кто голосует за ХДС, также голосуют за таких политиков, как Родерих Кизеветтер, который мечтает «перенести войну в Россию» и хочет позволить Украине разнести в щепки государственные объекты в Москве с помощью немецкого оружия. Это безумие нельзя поддерживать, его нужно остановить» [2]. В ответ в интервью программе «Тагесшау» немецкого канала «Дер Ерсте» в июне 2024 г. лидер ХДС Фридрих Мерц заявил, что блок ХДС/ХСС не сотрудничает ни с правыми, ни с левыми экстремистами, отметив при этом, что «фрау Вагенкнехт по одним вопросам крайне левая, а по другим, наоборот - крайне правая» [4]. И ещё одной причиной пристального отношения немецких СМИ является способ формирования партии и её название. Важным является и то, что лидер и создатель партии – женщина. Такое бывало в современной истории Германии, достаточно вспомнить Гертруду Унру и её «Седых пантер». Однако, ни одна «женская», или «партия одного человека» не имела успеха, подобного ССВ. Вскоре после создания, а особенно после выборов на востоке Германии и начала процесса формирования земельных правительств в немецкой прессе партию Сары Вагенкнехт

стали называть, например, «Партией одной женщины». Определённая логика в этом есть, потому что назвать ещё одного политического деятеля, оказывающего весомое влияние на формирование политики ССВ достаточно сложно. Исключение, пожалуй, Оскар Лафонтен, который является мужем Сары Вагенкнехт. Сила и слабость новой организации в отсутствии конкурентов в руководстве. С одной стороны, основные решения принимаются практически единолично. Однако, в случае различных вариантов серьёзной компрометации лидера, которому придётся уйти, партия перестанет существовать. К концу 2024 г. ни партия, ни её лидер не сумели себя скомпрометировать, как и разочаровать своих избирателей. Кроме того, она пока является по сути, региональной партией. Очевидно, что амбиции Сары Вагенкнехт распространяются на всю Германию и основная деятельность ССВ начнётся перед выборами в Бундестаг 2025 г.

Библиографический список

1. Brandenburg – vernünftig und gerecht. Wahlprogramm zur Landtagswahl 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://bb.bsw-vg.de/wp-content/uploads/2024/07/BSW_Wahlprogramm_Brandenburg.pdf (дата обращения: 24.10.2024).
2. CDU-Chef Merz Das Nein zur BSW-Kooperation gilt nur für den Bund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/cdu-bsw-merz-102.html> (дата обращения: 24.10.2024).
3. Neustart für Thüringen. Damit sich was ändert. [Электронный ресурс]. URL: https://th.bsw-vg.de/wp-content/uploads/2024/07/BSW_Thuringen_Wahlprogramm.pdf (дата обращения: 24.10.2024).
4. Sachsens Zukunft: friedlich, vernünftig, gerecht. [Электронный ресурс]. URL: <https://bsw-vg-sachsen.de/wp-content/uploads/2024/05/landtagswahlprogramm2024.pdf> (дата обращения: 24.10.2024).
5. «Wladimira Putinowa»: Wagenknecht-Vergleich mit Putin sorgt für Aufsehen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruhr24.de/politik/experte-bsw-putin-russland-afd-sahra-wagenknecht-vergleich-kowalczuk-wladimira-putinowa-kurios-93259743.html> (дата обращения: 24.10.2024).

**АНАЛИЗ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
НА СУБРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ И
НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ¹.**

**ANALYSIS OF THE ETHNO-POLITICAL SITUATION AT THE SUB-
REGIONAL LEVEL IN THE CONTEXT OF MODERN
TRANSFORMATION OF THE WORLD SYSTEM AND NEW
POLITICAL CHALLENGES**

И.В. Юрченко

*Южный научный центр Российской Академии Наук, г. Ростов-на-Дону;
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия*

В.М. Юрченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

I.V. Yurchenko

*Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don;
Kuban State University, Krasnodar, Russia*

V.M. Yurchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье представлены результаты исследования этнополитической ситуации на субрегиональном уровне в контексте современных геополитических трансформаций, вызовов и угроз региональной безопасности и стабильности на Юге России. Уделяется внимание роли саммита БРИКС в Казани, проходившего с 22 по 24 октября 2024 г. подтвердившего отсутствие изоляции России в мировом сообществе и наличие политико-экономических вызовов коллективному Западу, стремящемуся любыми средствами ослабить Россию не только с помощью политики по изоляции, но и в результате провоцирования внутренних распрей и этноконфессиональных конфликтов. Подчеркивается необходимость обеспечения этнополитической безопасности, формирования общероссийской идентичности, особенно в условиях расширения политического пространства России, и важность межнационального сотрудничества.

Abstract: The article presents the results of a study of the ethnopolitical situation at the subregional level in the context of modern geopolitical transformations, challenges and threats to regional security and stability in the South of Russia. Attention is paid to the role of the BRICS summit in Kazan, which took place from October 22 to 24, 2024, which confirmed the absence of isolation of Russia in the world community and the presence of political and economic challenges to the collective West, which seeks by any means to weaken Russia not only through isolation policies, but also as a result provoking internal

---

¹ Исследование выполнено в рамках ГЗ: г.р. № 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

strife and ethno-confessional conflicts. The need to ensure ethno-political security, the formation of an all-Russian identity, especially in the context of the expansion of Russia's political space, and the importance of interethnic cooperation are emphasized.

Ключевые слова: этнополитическая ситуация, субрегионы Юга России, общероссийская идентичность, расширение политического пространства, этнополитическая безопасность, саммит БРИКС, трансформация мировой системы.

Keywords: ethno-political situation, subregions of the South of Russia, all-Russian identity, expansion of political space, ethno-political security, BRICS summit, transformation of the world system.

Юг России, как пространство международного соперничества и противоборства, можно подробно рассматривать в ретроспективном контексте с точки зрения субрегиональной специфики. Но в данном случае нас интересует сложившаяся ситуация в этом регионе, под влиянием совокупности современных факторов, специфика межэтнических, межконфессиональных, социокультурных, политико-экономических взаимодействий и поведенческих моделей в условиях антироссийских западных санкций. Исследуемые социальные общности Юга России являются непосредственным объектом воздействия со стороны тех стран, осознающих себя как мировые или региональные «центры силы», которые постоянно определяют южно-российские территории как сферу своих жизненно-важных интересов. А поэтому, учитывая полиэтничность этого региона, они фокусируют внимание на том, чтобы формировать сепаратистские настроения, разжигать внутренние этнополитические конфликты и особенно провоцировать различными способами при помощи новых социальных медиа недовольство в молодежной среде. А для всего этого используются имеющиеся, хотя временно и притаившиеся, оппозиционные ресурсы.

Как известно, особую роль в южно-российском регионе занимает Кубань, которая является крупнейшим логистическим, агропромышленным, рекреационным центром. В настоящий момент с геополитической точки зрения особое значение приобретает Кубанское Приазовье и Причерноморье, находящиеся в непосредственной близости к зоне СВО. Также очень важным фактором в условиях антироссийских санкций являются современные тенденции развития социально-экономической ситуации в крае, показывающие значение экономики Кубани как важнейшего полюса роста России. По данным портала исполнительных органов государственной власти Краснодарского края (Индекс конкурентоспособности регионов AV RCI. Полюсы роста России. Южный полюс роста и позиция Краснодарского края), Кубань входит в Группу 1 (регионы-лидеры), которая включает в себя 9

регионов. Эти регионы образуют центры полюсов роста, являются ключевыми драйверами развития экономики страны [5, с. 4-5]. В число регионов-лидеров входят: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Краснодарский край, Свердловская область, Ханты-Мансийский АО, Красноярский край, Ростовская область. На долю регионов-лидеров приходится 48% ВРП, 41% инвестиций, 33% экономически активного населения. Структурирование и дальнейшая диагностика полюсов роста отражает территориальное и экономическое взаимодействие регионов [5, с.5].

Прибрежный Азово-Черноморский регион России, в частности, Краснодарский край представляет собой территорию страны, где сосредоточены важнейшие направления обеспечения общероссийских национальных геостратегических интересов. Однако самостоятельно Краснодарский край, являясь одним из ключевых субъектов федерации в России, недостаточно конкурентоспособен на мировом уровне, значительно отставая как по ключевым ресурсам (например, по человеческому капиталу), так и по объему экономики (ВРП). Но при рассмотрении края как «локомотива» Южного полюса роста, можно ставить задачи конкуренции на уровне мировых полюсов роста развитых стран и стран БРИКС [4], - отмечается в официальных документах на Портале исполнительных органов государственной власти Краснодарского края. Важно рассмотреть связь этнополитической, социально-экономической ситуации в регионе и отношение населения Краснодарского края и Республики Адыгея к деятельности органов государственной власти. Данные опроса населения Краснодарского края, проведенного в 2023 году, показали, что 60,3% населения удовлетворены деятельностью главы городского округа (муниципального района), 20,1% — не удовлетворены, 19,6% — затрудняются ответить. Также 58,6% населения удовлетворены деятельностью председателя представительного органа (совета депутатов) городского округа (муниципального района), 19,9% — не удовлетворены, 21,5% — затрудняются ответить [2]. В 2024 году опрос продолжается.

Серия социологических опросов, проведенных с августа 2020 по ноябрь 2021 года научным коллективом Адыгейского государственного университета, выявил, что большая часть респондентов полагает, что региональная власть не учитывает общественное мнение (определенно нет — так ответили 16,1%, скорее нет — 31%). Только около 8% опрошенных ответили, что органы власти региона в полной мере учитывают мнение людей [1, с.79-92]. Экспертный опрос, проведенный осенью 2021 г. показал, что исполнительным и законодательным органам

власти доверяют в различной степени чуть меньше 50% респондентов, муниципальным органам — 45,8% [1, с.79-92]. Данные опросов по отношению населения Краснодарского края и Республики Адыгея к деятельности органов государственной власти демонстрируют ряд тревожных тенденций, указывающих на потенциальные риски возникновения межэтнических конфликтов. Негативное восприятие деятельности органов власти, особенно в сфере миграции и распределения ресурсов, со стороны части населения может стать питательной средой для роста напряженности и недоверия между этническими группами. Кроме того, наличие информационного поля, способствующего распространению ксенофобских настроений и стереотипов, также увеличивает вероятность возникновения конфликтов. Важно отметить, что в условиях политической нестабильности и экономической неопределенности, риск манипулирования общественным мнением и использования этнических противоречий для достижения политических целей возрастает.

На внешнем контуре наиболее сложная ситуация сложилась в связи со стремлением коллективного Запада изолировать Россию. Но ключевым моментом стал 16 саммит БРИКС в Казани 22-24 октября 2024 г., который показал, что практически большинство стран «глобального юга» поддержали стремление Владимира Путина бросить вызов политике американского унилатерализма и выразить недовольство Западу в попытках повсеместно установить «мировой порядок, основанный на правилах». Россия доказала, что на саммит в Казань прибыли руководители стран восточного мира с мощной экономикой и что изолировать Россию невозможно. И даже некоторым представителям евробюрократии пришлось признать, что руководители таких стран, как Египет и Объединенные Арабские Эмираты, присутствуя на Саммите БРИКС в Казани, подают конкретный сигнал и всем остальным странам мира, в каком направлении происходят современные геополитические трансформации. Все это оказывает непосредственное воздействие на население различных, особенно поликонфессиональных и полиэтнических регионов. Необходимо сосредоточиться на экономической и социокультурной интеграции южно-российского региона. Краснодарскому краю следует не только ускорить экономический рост, но и стать постоянным драйвером развития всего региона, превратившись в южный полюс роста [3]. Краснодарский край имеет значительный потенциал развития конкурентных позиций в мировой экономике, однако это требует совместных усилий всех регионов, входящих в Южный полюс роста.

Этнополитическая ситуация в Краснодарском крае характеризуется сложными процессами, связанными с увеличением миграционных потоков и изменением демографической структуры региона. Сложности в отношениях между различными этническими группами могут возникать на фоне экономической конкуренции, вопросов земельной собственности и доступа к ресурсам, а также исторических противоречий в трактовках политики памяти. На фоне этих факторов, возможны как краткосрочные, так и долгосрочные угрозы этнополитической стабильности региона. Основной проблемой в контексте миграционных процессов и реализации политики формирования общероссийской идентичности является несоответствие между профилем прибывающих мигрантов и потребностями рынка труда в рабочих профессиях, где край испытывает острый дефицит кадров. Что касается политики памяти, то приоритетное значение имеет решение задачи, стоящей перед государством – это четкое определение единой версии истории, чтобы ее понимание и адекватное восприятие исторического прошлого всеми этническими и конфессиональными группами скрепляло граждан в единую социально-цивилизационную общность на основе общероссийской идентичности. В решении этой стратегической задачи весомая роль принадлежит научному сообществу.

Библиографический список

1. Ильинова Н.А., Куква Е.С., Киреева И.В. Экспертная оценка уровня доверия к власти в Республике Адыгея и Краснодарском крае, и технологии его укрепления // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2022. Вып. 1 (294). С. 79-92. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-1-294-79-92.
2. Итоги опроса населения, проведенного в 2023 году с использованием ИТ-технологий // Администрация Краснодарского края: официальный сайт. URL: https://krd.ru/eto-vazhno/itogi-oprosa-it-2023/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 19.10.2024).
3. Новые вызовы и возможности обсудили на ежегодном бизнес-форуме в Краснодаре // Эксперт Юг. 20.09.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://expertsouth.ru/> (дата обращения 17.10.2024).
4. Пояснительная записка к прогнозу социально-экономического развития Краснодарского края на 2024 год и плановый период 2025-2026 годов // Портал исполнительных органов государственной власти Краснодарского края. [Электронный ресурс] URL: https://economy.krasnodar.ru/upload/iblock/a00/rhzbvwwk8ba2jmrpcg48f8lus8synj76/Poya_snitelnaya-zapiska_prognoz-2026.pdf (дата обращения 18.10.2024).
5. Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. – // Портал исполнительных органов государственной власти Краснодарского края. [Электронный ресурс] URL: https://economy.krasnodar.ru/upload/iblock/581/i2f914v1yplwv61681jfwqh02e05f6ap/Strategiya-2030-_s-izmeneniyami-ot-23.12.2022-goda_.pdf (дата обращения 18.10.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Ваэ Гагикович, к. истор. наук, преподаватель, Институт востоковедения Российско-Армянский (Славянский) Университет, г. Ереван, Республика Армения

Араловец Наталья Аркадьевна, д. истор. наук; ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Баранов Андрей Владимирович, д. полит. наук, д. истор. наук, профессор каф. политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Барсегян Анаит Армановна, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Басте Диана Гиссовна, аспирант кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Беловолов Валерий Александрович, д. пед. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск, Россия

Беловолова Светлана Павловна, д. пед. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск, Россия

Вартаньян Эгнара Гайковна, д. истор. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гвашева Бэлла Заурбиевна, аспирант кафедры философии и социологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Гуиндо Абдулайе, доктор антропологии, профессор, Университет литературы и гуманитарных наук, г. Бамако, Республика Мали

Дабакон Владислав Вячеславович, соискатель, Институт социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия

Давлатова Елена Валентиновна, к. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурных исследований Института философии Национальной Академии Наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Донюшкин Константин Дмитриевич, магистрант, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

Евстифеев Роман Владимирович, д. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Владимирский филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы (ВФ РАНХиГС), г. Владимир, Россия

Евстратов Антон Геннадьевич, к. истор. наук, доцент, доцент Института Востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета, г. Ереван, Армения

Жаде Зуриет Анзауровна, д. полит. наук, проф., зав. каф. теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Россия

Жиромская Валентина Борисовна, д. истор. н., академик РАЕН, Лауреат премии РАН им. В.О.Ключевского, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения истории территории и населения России РАН (ИРИ РАН); профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Ивашева Светлана Андреевна, студент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

Казак Олег Геннадьевич, к. истор. наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь

Камара Ишака, д. социол. наук, профессор, Институт университетской педагоги, г. Бамако, Республика Мали

Карева Алла Викторовна, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

Кармова Милана Анудиновна, студент, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Новороссийске, г. Новороссийск, Россия

Коледа Инна Владимировна, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Беларусь

Косов Александр Петрович, к. истор. наук, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь

Котова Алина Витальевна, студентка ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

Красовицкая Тамара Юсуфовна, д. истор. наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

Крючек Петр Степанович, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

Кумпан Вадим Александрович, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ, г. Краснодар, Россия

Мажаренко Светлана Викторовна, к. пед. наук, доцент кафедры дополнительного образования, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, Россия

Марней Людмила Петровна, к. истор. наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт славяноведения РАН, г. Москва, Россия

Матвеев Денис Евгеньевич, к. пед. наук, заместитель начальника кафедры военной педагогики и психологии, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Матвеев Олег Владимирович, д. истор. наук, профессор кафедры Истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Медведев Максим Максимович, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Мятникова Ирина Владимировна, заведующий сектором аналитического обеспечения социологических исследований, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Найденова Людмила Петровна, к. истор. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

Намуева Людмила Васильевна, к. социол. наук, доцент, Калмыцкий государственный университете им. Б.Б. Городовикова, обозреватель АУ «РИА «Калмыкия», г. Элиста, Россия

Николаев Юрий Борисович, директор НОЦ Центр этнополитической реабилитации Донецкого государственного университета, г. Донецк, ДНР, Россия

Николаева Людмила Викторовна, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Беларусь

Носов Борис Владимирович, д. истор. наук, зав. отделом, ФГБУН Институт славяноведения РАН, г. Москва, Россия

Очирова Нина Гаряевна, к. полит. наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр. Южный научный центр РАН» (ЮНЦ РАН) г. Ростов-на-Дону, Россия

Павлова Наталия Александровна, младший научный сотрудник отдела региональной социологии, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Панчухина Ариана Сергеевна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Перенижко Оксана Алексеевна, к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Переславцева Лилия Ильинична, к. педаг. наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Белгородский государственный институт искусств и культуры,

Петров Владимир Николаевич, д. социол. наук, профессор, почетный профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Петросян Дмитрий Ильич, к. филос. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы (ВФ РАНХиГС), г. Владимир, Россия

Послыхалин Михаил Владимирович, студент, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Пушкин Игорь Александрович, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, г. Могилев, Беларусь

Ракачев Вадим Николаевич, д. истор. наук, профессор кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Ракачев Дмитрий Николаевич к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Ракачева Ярослава Владимировна, к. истор. наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Рябинин Евгений Вадимович, к. полит. наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, г. Мариуполь, Россия

Савва Елена Владимировна, к. филос. наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Самаркина Ирина Владимировна, д. полит. наук, доцент, декан факультета управления и психологии, заведующая кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Сафин Ильдар Рахимуллаевич, аспирант, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Селимова Александра Николаевна, студент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Селицкий Александр Игоревич, к. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Семенова Ольга Валерьевна, к. философ. наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону, Россия

Семенчик Николай Ефимович, д. истор. наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

Сергеев Андрей Алексеевич, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Сергеев Всеволод Николаевич, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой, Государственное учреждение образования «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», г. Минск, Беларусь.

Скорик Александр Павлович, д. истор. наук, д. философ. наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

Соколова Марина Владимировна, к. истор. наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы (ВФ РАНХиГС),

Степаненко Сергей Григорьевич, к. истор. наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом. Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия

Степанов Максим Альбертович, магистрант, лаборатория истории диаспор и миграций исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Струкова Анастасия Юрьевна, студент, Кубанский государственный технологический университет (КубГТУ), г. Краснодар, Россия

Супряга Светлана Васильевна, к. филол. наук, доцент, доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

Тарасова Марина Васильевна, к. социол. наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Россия

Телегина Елена Геннадьевна, к. юрид. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Новороссийске, эксперт Кубанского научного фонда, член Новороссийского МО Ассоциации юристов России г. Новороссийск, Россия

Тер Даниэл (Варган Григорьевич) Кукуян, священник армянской церкви Свв. Саака и Месропа Армянской Апостольской Церкви, к. истор. наук, доцент, г. Краснодар, Россия

Ткачева Татьяна Олеговна, к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Тужба Эмир Нодаревич, д. социол. наук, профессор, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Тыкин Анатолий Алексеевич, аспирант, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Федина Ирина Михайловна, д. истор. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет

Филина Юлия Сергеевна, к. истор. наук, научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Хуако Мариет Асфаровна, преподаватель, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Чепелева Лада Металловна, к. психол. н., доцент, заведующий кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет, Краснодар

Шакер Язан, аспирант кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, Россия

Шевченко Милана Евгеньевна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Щербаков Вячеслав Юрьевич, к. истор. наук, доцент, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Юрченко Виктор Михайлович, д. философ. наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Юрченко Инна Вадимовна, д. полит. наук, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, главный научный сотрудник ФИЦ ЮНЦ РАН, г. Краснодар, Россия

Юспа Михаил Михайлович, руководитель Международной общественной организации «Братство белорусов и россиян», г. Минск, Беларусь

Яковлева Ирина Павловна, к. истор. наук, доцент кафедры социологии, правопедения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Якуш Надежда Михайловна, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Беларусь

Научное издание

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:

Материалы X Международной
научно-практической конференции

Публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 22.11.2024. Выход в свет 28.11.2024
Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 48,30. Тираж 500 экз. Заказ № 1124.

Отпечатано в типографии ООО «Тендер»,
394036, г. Воронеж, ул. Трудовая, д. 50, кв. 10.